

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slow 605.10

VII

260.

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

—
1895.

P Slav 605.10
~~Slav 50.11~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ХЛѢБЪ. (Романъ). <i>Продолженіе</i> .—Д. Н. Мамина-Сибиряка	1
II. МАРЧЕЛЛА. Романъ <i>мистрисъ Уордъ</i> . Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	52
III. СЧАСТЛИВЫЙ. (Разсказъ).—И. Н. Потапенна	83
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Д. Бальмонта	144
V. БАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времени Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	145
VI. ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО, КАКЪ УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ. — И. Д — ова	1
VII. АНГЛІЙСКАЯ НУТАЧЕВЩИНА. <i>Продолженіе</i> . — М. М. Ковалевскаго	24
VIII. КОРОЛЬ ЛИРЪ. Гесрга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С.	56
IX. НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Проф. А. И. Незеленовъ: «Исторія русской словесности». 4-е изданіе. Спб., 1895 г.).—Вл. В. Калаша	64
X. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БІОЛОГІИ. VI. Разрѣшеніе морфологической задачи.—Н. А. Тимирязева	72
СОВѢСТЬ И ЗНАНІЕ.—М. О. Меньшикова	90
РОССІЯ И ДАНІЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ I. (По документамъ датскаго архива). <i>Продолженіе</i> .—А. Г. Брикнера	104
КЪ ВОПРОСУ О МЕЛКОМЪ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ РЕДИГѢ.—М. Я. Герценштейна	119

	Стр.
XIV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ.— В. А. Гольцева	136
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванонова . .	145
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	166
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новый уставъ крестьянскаго зем- ельнаго банка. — Коммиссія по вопросу объ отхожихъ про- мыслахъ на сельско-хозяйственныя работы. — Задолженность частнаго землевладѣнія въ Россіи. — Новый уставъ государ- ственныхъ сберегательныхъ кассъ.—† М. П. Драгомановъ.— † С. Н. Терпигоревъ.—† Д. А. Ровинскій.—† Д. Я. Наумовъ .	175
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія и біографія.—Географія, этнографія и путешествія.—Полити- ческая экономія и финансы.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Рус- скій Вѣстникъ», апрѣль — іюнь. — «Сѣверный Вѣстникъ», іюнь. — «Русское Богатство», май. — «Дѣтское Чтеніе», кн. I— V.—«Игрушечка», кн. I—V. III. Списокъ книгъ, поступи- вшихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1895 г.	315
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	375

Х Л Ъ Б Ъ).

(Романъ).

IV.

Докторъ Кочетовъ переживалъ ужасное время. Онъ дошелъ до того состоянія, когда люди стараются не думать о себѣ. Въ немъ точно жили нѣсколько человѣкъ: одинъ, который существовалъ для другихъ, когда докторъ выходилъ изъ дому, другой, когда онъ бывалъ въ редакціи *Запольскаго Курьера*, третій, когда онъ возвращался домой, четвертый, когда онъ оставался одинъ, пятый, когда наступала ночь, —этотъ пятый просто мучилъ его. Мысль о сумасшествіи появлялась у доктора уже раньше, онъ начиналъ слѣдить за каждою своею мыслью, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ, но потомъ все проходило. Эти припадки мнительности начали повторяться все чаще и принимали все болѣе мучительную форму. Успокоеніе давала только мадера. Въ бубновскомъ домѣ царилъ какой-то духъ мадеры. Докторъ пилъ потихоньку, какъ это дѣлалъ покойный Бубновъ и какъ сейчасъ это дѣлала Прасковья Ивановна.

Окончательнымъ поворотнымъ пунктомъ въ психологіи доктора послужило открытіе, что Прасковья Ивановна устроилась по-новому. Сначала докторъ получилъ анонимное письмо, раскрывавшее ему глаза на отношенія жены къ Мышникову, получилъ и не поверилъ, приписавъ его проявленію тайной злобы. Потомъ получено было второе письмо, третье, четвертое, —тайный врагъ не дремалъ и заботился о немъ, какъ самый лучший другъ. Невольно докторъ началъ слѣдить за женой и убѣдился въ томъ, что тайный корреспондентъ былъ правъ. Онъ зналъ, когда жена уходила на свиданіе,

зналъ, когда она ждала Мышниковъ, зналъ, когда она рассчитывала, что онъ уйдетъ изъ дому, — зналъ и скрывался. Теперь роли перемѣнились: раньше Прасковья Ивановна ухаживала за Мышниковымъ, а сейчасъ наоборотъ. Дѣло дошло до того, что всемогущій Мышниковъ даже ухаживалъ за нимъ. Доктору дѣлалось стыдно за любовниковъ, за себя, за тотъ позоръ, который густымъ облакомъ покрывалъ всѣхъ. Вѣдь, и самъ онъ не лучше другихъ.

Больше всего пугало доктора то, что его ничто не интересовало. Не все ли равно? Сегодня жена обманываетъ его, завтра будетъ онъ ее обманывать, — только небольшая перемѣна ролей. Онъ давно пересталъ бывать у Стабровскихъ, раззнакомился почти со всѣми и никого не желалъ видѣть. Для чего? Оставалась, правда, газета, но и тутъ дѣло сводилось на простую инерцію и на отдѣлъ привычныхъ движеній. Сначала докторъ стѣснялся приходить въ редакцію въ ненормальномъ видѣ, а потомъ и это чувство простого физическаго приличія исчезло. Не все ли равно? Онъ приходилъ теперь въ редакцію съ красными глазами, опухшимъ лицомъ и запойнымъ туманомъ въ головѣ. Что же, пусть всѣ видятъ, удивляются, презираютъ, жалѣютъ. Въ глубинѣ души докторъ, все-таки, не считалъ себя безнадежнымъ алкоголикомъ, а пилъ такъ, пока, чтобы на время забыться. Иногда у него являлась спасительная мысль бѣжать изъ проклятаго Заполя куда глаза глядятъ, но, вѣдь, это послѣднее средство было всегда въ его распоряженіи. Его, все-таки, что-то удерживало, какое-то смутное чувство собственнаго угла, какого-то неисполненнаго дѣла. Что-то такое еще оставалось впереди, неопредѣленное и смутное.

Одной ночи докторъ не могъ вспомнить безъ ужаса. Онъ выпилъ вечеромъ цѣлыхъ двѣ бутылки мадеры. Долго ходилъ онъ по кабинету, думалъ вслухъ, ложился на диванъ и снова вставалъ, чтобы шагать по кабинету. Онъ зналъ, что не уснетъ до самаго утра. Вдругъ, лежа на диванѣ, онъ почувствовалъ, какъ въ немъ стынетъ вся кровь и сердце перестаетъ биться. Его охватила ужасная мысль, вѣрнѣе — ощущеніе, точно онъ раздвигался и переставалъ уже быть самимъ собой. Да, онъ это чувствовалъ всѣмъ своимъ тѣломъ, опухшими отъ пьяной водянки ногами, раздутою печенью. Онъ больше не былъ онъ, докторъ Кочетовъ, а тотъ, другой, Бубновъ, который вотъ такъ же лежалъ на диванѣ, опухшій отъ пьянства и боявшійся каждаго шороха. Докторъ боялся пошевелиться, открыть глаза, точно его что придавило. Да, онъ превратился въ Бубнова.

Галлюцинаціи продолжались до самаго утра, пока въ кабинетъ

не вошла горничная. Цѣлый день потомъ докторъ просидѣлъ у себя и все время трепеталъ: вотъ-вотъ войдетъ Прасковья Ивановна. Теперь ему начинало казаться, что въ немъ уже два Бубнова: одинъ мертвый, а другой умирающій, пьяный, гнилой до корня волосъ. Онъ забылся, только принявъ усиленную дозу хлораль-гидрата. Проснувшись ночью, онъ услышалъ, какъ кто-то хриплымъ шепотомъ спросилъ его:

— Ты здѣсь?

Это былъ бубновскій голосъ, и докторъ въ ужасѣ спряталъ голову подъ подушку, которая казалась ему Бубновымъ, мягкимъ, холоднымъ, безформеннымъ. Вся комната была наполнена этимъ Бубновымъ и онъ даже принужденъ былъ имъ дышать.

Цѣлыхъ три дня продолжались эти галлюцинаціи, и докторъ освобождался отъ нихъ, только уходя изъ дому. Но роковая мысль и тутъ не оставляла его. Сидя въ редакціи *Запольскаго Курьера*, докторъ чувствовалъ, что *онъ* стоитъ сейчасъ за дверью и что маленькія частицы *его* постепенно насыщаютъ воздухъ. Конечно, другіе этого не замѣчали, потому что были лишены внутренняго зрѣнія и потому что не были Бубновыми. Холодный ужасъ охватывалъ доктора, онъ весь трясся, блѣднѣлъ и дѣлался страшнымъ.

— Вамъ дурно, докторъ? — спрашивала Устинька, сидѣвшая за своимъ столикомъ съ корректурами. — Я принесу воду.

— Ради Бога, не двигайтесь, — умолялъ докторъ шепотомъ.

Ему казалось, что стоило Устинькѣ подняться, какъ всѣ міриады частицъ Бубнова бросятся на него и онъ растворится въ нихъ, какъ крупинка соли, брошенная въ стаканъ воды. Эта сцена закончилась глубокимъ обморокомъ. Очнувшись, докторъ ничего не помнилъ. И это мучило его еще больше. Онъ теръ себѣ лобъ, умоляюще смотрѣлъ на ухаживавшую за нимъ Устиньку и мучился, какъ приговоренный къ смерти.

Память вернулась только ночью, когда докторъ лежалъ у себя въ кабинетѣ и мучился безсонницей.

Такъ продолжалось изо дня въ день и докторъ никому не могъ открыть своей тайны, потому что это равнялось смерти. Муки достигли высшей степени, когда онъ слышалъ приближавшіеся шаги Прасковьи Ивановны. О, онъ такъ же притворялся спящимъ, какъ и дѣлалъ Бубновъ, такъ же затаивалъ отъ страха дыханіе и не могъ успокоиваться только тогда, когда шаги удалялись и онъ подбѣгивалъ къ заветному шкафику съ мадерой и глоталъ новую порцию отравы съ жадностью отчаяннаго пьяницы!

Когда пришелъ навѣстить его старикъ Кацманъ, произошла совсѣмъ дикая сцена.

— Ну, что, collega, какъ вы себя чувствуете? — спрашивалъ Кацманъ, нюхая пропитанный мадерой воздухъ.

— Ничего, отлично.

— А дайте-ка вашъ пульсъ.

Эта фраза привела Кочетова въ бѣшенство. Кто смѣетъ трогать его за руку? Онъ страшно кричалъ, топалъ ногами и грозилъ убить проклятаго жида. Старикъ докторъ покачалъ только головой и молча вышелъ изъ комнаты.

Однажды ночью, когда Кочетовъ шагаль по своему кабинету, приближала какая-то запыхавшаяся женщина и Христомъ Богомъ молила его ѣхать къ больной.

— Охъ, у смерти конецъ, родненькій! — причитала она. — Заплась наша-то барыня... Лежить, глазки закатила... Охъ, смертынька!

— Да какая барыня, говори толкомъ?

— А Серафима Харитоновна.

— Какая Серафима Харитоновна?

— Ахъ, ты, Господи!... Ну, которая за Болобовымъ, за Галактіономъ Михеичемъ. Еще пароходы у него.

Докторъ давно не практиковалъ, но тутъ по какой-то инерціи согласился и поѣхалъ.

Въ маленькомъ домикѣ Болобова, гдѣ жила Серафима съ дѣтьми, шелъ страшный переполохъ. Доктора встрѣтила въ передней Харитина, блѣдная, но спокойная.

— Простите, что мы потревожили васъ, Анатолій Петровичъ. Съ сестрой плохо, а Кацманъ самъ болѣнь.

Проходя мимо двери въ столовую, Кочетовъ увидѣлъ Галактіона, который сидѣлъ у стола, схватившись за голову.

Больная лежала въ спальнѣ на своей кровати со стиснутыми зубами и закатившимися глазами. Около нея стояла дѣвочка-подростокъ и съ умоляющимъ отчаяніемъ посматрѣла на доктора.

— Мама умерла... — прошептала она, точно боялась кого разбудить.

Докторъ приложилъ ухо къ груди больной. Сердце еще билось, но очень слабо, точно его сжимала какая-то рука. Это была полная картина алкоголизма. Жертва запольской мадеры умирала.

Пущены были въ ходъ холодные компрессы, ледъ, нашатырный спиртъ и обтиранья, нока больная не вздохнула и не открыла глазъ.

— Принесите сюда мадеры, — шепнул доктор Харитинъ.

Черезъ минуту въ спальню вошелъ съ только что откупоренною бутылкой вина Галактіонъ, налилъ рюмку и подалъ больной. Она взглянула на него, отрицательно покачала головой и проговорила слабымъ голосомъ:

— Вы, кажется, считаете меня за пьяницу, а я совсѣмъ не пью...

Какъ докторъ ни уговаривалъ ее, больная осталась при своемъ. Галактіонъ понялъ, что она стѣсняется его, и вышелъ. Харитина приподняла больную на подушки, но у нея голова свалилась на сторону.

— Посылайте скорѣе за священникомъ, — шепнул докторъ.

— Да, вѣдь, мы старовѣры... Никого изъ нашихъ стариковъ сейчасъ нѣтъ въ городѣ, — съ ужасомъ отвѣтила Харитина, глядя на доктора широко раскрытыми глазами. — Ужели она умретъ?... Спасите ее, докторъ... ради всего святого... докторъ...

— Отъ паралича сердца спасенія нѣтъ.

— Докторъ... докторъ!...

Но докторъ уже шелъ въ столовую съ бутылкой въ одной рукѣ и съ рюмкой въ другой. Галактіонъ сидѣлъ у стола.

— Идите, проститесь съ женой, — сказалъ докторъ, усаживаясь къ столу и ставя передъ собой бутылку. — Все кончено.

Галактіонъ взглянулъ на него, раскрылъ ротъ, чтобы сказать что-то, и выбѣжалъ изъ столовой. Докторъ проводилъ его глазами, улыбнулся и спокойно налилъ себѣ рюмку мадеры.

Больная полулежала въ подушкахъ и смотрѣла на всѣхъ осмысленнымъ взглядомъ. Очевидно, она пришла въ себя и успокоилась. Галактіонъ подошелъ къ ней, заглянулъ въ лицо и понялъ, что все кончено. У него задрожали колѣни, а передъ глазами пошли круги.

— Серафима, благослови дѣтей! — проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Больная наморщила лобъ и тревожно посмотрѣла кругомъ, кого-то отыскивая. Галактіонъ понялъ этотъ взглядъ и подвелъ дочь Милочку.

— Серези нѣтъ... онъ уѣхалъ въ гимназію... Благослови Милочку.

Дѣвушка зарыдала, опустилась на колѣни и припала головой къ слабо искавшей ее материнской рукѣ. Губы больной что-то шептали и она снова закрыла глаза отъ сдѣланнаго усилія. Въ это время Харитина привела только что поднятую съ постели двѣнадцатилѣтнюю Катю. Дѣвочка была въ одной ночной кофточкѣ и ни-

чего не понимала, что дѣлается. Увидѣвъ плакавшую сестру, она тоже зарыдала.

Больная благословила дѣвочку и сдѣлала глазами Харитинѣ знакъ, чтобъ увели дѣтей. Когда Харитина вернулась, она посмотрѣла на нее, потомъ на Галактіона и проговорила съ удивительною твердостью:

— Пожалуйте дѣтей... я... я не буду никому больше мѣшать.

Харитина всхлипывала и, припавъ головой къ изголовью умиравшей, шептала:

— Сима, прости... Сима... Сима...

Галактіонъ стоялъ и не чувствовалъ, какъ у него катились по лицу слезы. Харитина подвела его къ постели и заставила встать на колѣни.

— Сима... я... меня... — бормоталъ Галактіонъ, точно каждое слово приросло къ горлу и онъ долженъ былъ его отдирать. — Нѣтъ намъ прощенья, Сима... я... меня...

Умирающая уже закрыла глаза. Грудь тяжело поднималась. Послышались мертвые хрипы. Въ горлѣ что-то клокотало и переливалось.

— Матушка ты наша... касатухка, — причитала около кровати точно изъ-подъ земли выросшая Аграфена. — Голубушка барышня...

Въ дверяхъ стоялъ Харитонъ Артемьичъ. Онъ прибѣжалъ изъ дому въ одномъ халатѣ. Сѣдые волосы были всклоочены и старикъ имѣлъ страшный видъ. Онъ подошелъ къ кровати и молча началъ крестить «отходившую». Хрипы дѣлались меньше, клокотанье остановилось. Въ дверяхъ показались перепуганныя дѣтскія лица. Аграфена продолжала причитать, обхвативъ холодѣвшія ноги покойницы.

— Матушка ты наша барышня... на кого ты насъ, сиротокъ, оставляешь?

Докторъ продолжалъ сидѣть въ столовой, пилъ мадеру рюмку за рюмкой и совсѣмъ забылъ, что ему здѣсь больше нечего дѣлать и что пора уходить домой. Его удивляло, что столовая дѣлалась то меньше, то больше, что буфетъ дѣлалъ напрасныя попытки твердо стоять на мѣстѣ, что потолокъ то уходилъ вверхъ, то спускался къ самой его головѣ. Онъ очнулся только когда къ нему на плечо легла чья-то тяжелая рука и сердитый женскій голосъ проговорилъ:

— Ты это што за моду придумалъ лакать винище въ этакой-то часъ, безстыжіе твои глаза? Ступай домой, горькій...

Это была Аграфена. Она въ слѣдующій моментъ взяла доктора

подъ руку и повела изъ столовой. Онъ попробовалъ сопротивляться, но, посмотрѣвъ на бутылку, увидѣлъ, что она пуста, и только махнулъ рукой.

— *Finita la comedia...* Да, горькій... именно... Галактіонъ обманывалъ свою жену, а она умерла... и Прасковью Ивановну тоже обманывалъ, а она жива... Не правда ли, какъ это странно?

V.

Смерть жены для Галактіона являлась только продолженіемъ разныхъ другихъ неудачъ. Ему, вообще, не везло въ послѣднее время. На Иртышѣ затонула баржа съ незастрахованнымъ чужимъ товаромъ, пароходъ *Первинка* напоролся на подводный камень и цѣлое лѣто простоялъ безъ работы, было нѣсколько запоздавшихъ грузовъ, за которые пришлось платить неустойку, — однимъ словомъ, одна неудача за другой. Въ банкѣ положеніе Галактіона тоже пошатнулось. Забравшій силу Мышниковъ пробовалъ на немъ свое вліяніе. Даже старикъ Стабровский, покровительствовавшій Галактіону до сихъ поръ, замѣтно охладѣлъ къ нему безъ всякой видимой причины. Послѣднее особенно беспокоило Галактіона, хотя онъ брѣпился и никому ничего не высказывалъ. Все складывалось противъ него какъ разъ съ того момента, когда онъ сошелся съ Харитиной. Въ этомъ было что-то роковое... Впрочемъ, сама Харитина давно это замѣтила и тоже мучилась.

— Это я тебѣ принесла несчастье, — повторяла она, глядя на Галактіона виноватыми глазами.

Послѣднее его бѣсило каждый разъ. Да и прежней Харитины, веселой, сумасбродной, красивой русалочьей красотою, уже не было, — можетъ быть, она измѣнилась, можетъ быть, постарѣла, а, можетъ быть, просто онъ привыкъ къ ней. О ея красотѣ онъ могъ теперь судить только по тому впечатлѣнію, какое она производила на другихъ. Но его злило и это, когда эти другіе любовались Харитиной, точно и въ этомъ былъ какой-то скрытый обманъ. Особенно не шло къ Харитинѣ, когда она дѣлалась печальной, начинала жаловаться и вообще хныкала. Галактіонъ возмущался, говорилъ ей дерзости, доводилъ до слезъ, а потомъ начиналъ жалѣть, что, не имѣя силъ проявить свою жалость активно.

Теперь все служило поводомъ къ домашнимъ сценамъ, недоразумѣніямъ и настоящимъ ссорамъ. Обыкновенно начиналъ Галактіонъ, котораго одинаково возмущало, если Харитина раздражалась и оставалась хладнокровной. Онъ успокоивался только тогда,

когда Харитина выходила изъ себя и начинала рвать и метать. Нѣсколько разъ она бросалась на него прямо съ ножомъ. Галактіонъ не сомнѣвался, что она въ такомъ состояніи можетъ зарѣзать кого угодно. Но именно такое бѣшенство его удовлетворяло, снимая съ души какую-то тяжесть. Какъ ни былъ несправедливъ Галактіонъ къ Харитинѣ, но одного достоинства онъ не могъ не признать за ней: ни одинъ посторонній глазъ не видалъ ея слезъ, никто не слышалъ ея жалобъ. Она для другихъ была только въ хорошемъ или дурномъ настроеніи, что еще не давало повода дѣлать какія-нибудь предположенія объ ея интимной жизни.

Въ сущности, Харитина была глубоко несчастна, потому что продолжала любить Галактіона, и любила его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ охлаждѣвалъ къ ней. Есть такія натуры, чувства которыхъ требуютъ препятствій, особенно такое чувство, какъ любовь. Если бы Галактіонъ любилъ ее попрежнему, Харитина, навѣрное, не отвѣчала бы ему тою же монетой, а теперь она боялась даже проявить свою любовь въ полной мѣрѣ и точно прятала ее, какъ прятуютъ отъ солнца нѣжное растеніе. Въ то же время, она отлично понимала, что такое Галактіонъ и что любить его не стоитъ. Вѣдь, онъ всю жизнь думалъ только о себѣ и своихъ планахъ, а женщины для него являлись только печальною необходимостью. Въ сущности, онъ никого и не въ состояніи любить, какъ всѣ эгоисты. И, все-таки, зная все это, Харитина радостно вся вздрагивала, когда онъ входилъ въ комнату. О, она такъ ждала его каждый разъ, точно онъ приходилъ къ ней прощаться навсегда! Да, ждала и ненавидѣла себя именно за это, какъ ненавидитъ каторжникъ свои цѣпи.

Послѣднюю каплей въ этой чашѣ испытаній для Харитины было появленіе въ Запольѣ мужа. Галактіонъ пріѣхалъ изъ города въ Городище и заявилъ съ злорадствомъ:

— Твой Илья Ойрсычъ пріѣхалъ, т.-е. пришелъ пѣшкомъ... Въ полной формѣ: и котомка, и палочка. Только недостаетъ кошелька...

— Какой же онъ мой?—тихо отвѣтила Харитина, боясь обидѣться.

— А чей же? Конечно, твой... Вотъ онъ придетъ къ намъ въ гости и попроситъ хлѣбца, какъ бродяжка.

Харитина молчала. Ее возмущалъ до глубины самый тонъ, какимъ говорилъ съ ней Галактіонъ. Точно это она желала, чтобы Полуяновъ вернулся изъ ссылки.

— Да, твой, твой, твой! — уже кричалъ Галактіонъ, впадая въ

бѣшенство.—Вѣдь, ты сама его выбрала въ мужа, никто тебя не неволилъ, и выходитъ, что твой... Ты его цѣловала, ты... ты... ты...

Онъ задыхался отъ ярости, сжималъ кулаки и, кажется, готовъ былъ броситься на Харитину и убить ее однимъ ударомъ. О, какъ онъ ревновалъ ее къ ея прошлому, какъ ненавидѣлъ ее и съ радостью растопталъ бы ее, какъ топчуть змѣю!

— Зачѣмъ же онъ придетъ къ намъ?—замѣтила Харитина.

— Зачѣмъ? Придетъ за своею законною женой. Онъ въ своемъ полномъ правѣ. Ты забыла, чья ты жена.

Харитина молчала, что уже окончательно взбѣсило Галактіона. Онъ схватилъ ее за руку и крикнулъ задыхавшимся голосомъ:

— Вѣдь, ты... ты любила его... да! Ты его цѣловала и онъ...

Закончилась эта дикая сцена тѣмъ, что Галактіонъ избилъ Харитину, звѣрски избилъ, какъ бьютъ своихъ женъ только пьяные мужики, а потомъ взялъ и заперъ въ комнатѣ, точно боялся, что она убѣжитъ и будетъ жаловаться на него. Это былъ ужасный моментъ. Харитина цѣлый день просидѣла въ темномъ углу, какъ затравленный звѣрь, и вся дрожала, когда слышались чьи-нибудь шаги. Ей казалось, что Галактіонъ вернется и убьетъ ее. О, какъ она была рада умереть, заснуть, найти вѣчный покой, когда ничто не будетъ тревожить, волновать и мучить! Это была смертная жажда побоя. Харитина не плакала, а сидѣла молча, уничтоженная, жалкая, несчастная.

— За что?—повторяла она про себя, закрывая глаза.—Господи, за что?

Изъ всѣхъ чувствъ оставалось только физическое чувство страха, то чувство, которое заставляетъ собаку лизать только что наказавшую ее руку.

Галактіонъ билъ ее уже не въ первый разъ, но тогда было другое. Опомнившись, Харитина пришла къ тому заключенію, что ей даже некуда дѣваться. Ни близкихъ знакомыхъ, ни друзей, ни родныхъ — никого. Съ сестрами она совсѣмъ не видѣлась, да и не любила никого. Значитъ, оставалось опять жить съ Галактіономъ и терпѣть новые побои,—она сознавала, что нынѣшній день только начало еще худшихъ дней. Что же дѣлать? Броситься въ воду? А онъ будетъ радоваться, что избавился отъ обузы... да. Потомъ женится... Въ сердцѣ Харитины закипѣла дикая ненависть именно къ этой другой, а въ воображеніи пронеслась страшная картина убитаго Галактіона, любя убитаго, впередъ оплаканнаго и не бодѣе дорогого. Одна земля будетъ разлучницей. Харитина праралась не думать объ этомъ, даже принималась со страха мо-

литься, а въ головѣ стояла одна мысль, эта же мысль наполняла всю комнату и, какъ ночная птица, билась съ трепетомъ въ окно.

Теперь изъ-за Полуянова начали повторяться постоянныя исторіи. Галактіонъ не только не чувствовалъ угрызеній совѣсти, но выискивалъ всевозможные случаи, чтобы придрататься къ Харитинѣ. Смерть жены на время прекратила это ожесточенное настроеніе, и Галактіонъ точно отмякъ. На первый планъ выступили теперь сироты-дѣти. Нужно было ихъ куда-нибудь пристраивать. Со смертью матери-пьяницы рушился послѣдній призракъ своего дома. Харитина боялась предложить взять ихъ къ себѣ въ Городище. Она потихоньку отъ Галактіона написала Агніи, умоляя ее всѣми святыми не оставлять сиротъ. Агнія очень ловко повела дѣла и уговорила Галактіона. У нея было уже двое своихъ дѣтей.

— Мнѣ, вѣдь, все равно съ ребятами-то сидѣть,—убѣждала она.—Заодно ужъ хлопотать... Да и твои большіе совѣмъ.

Галактіонъ долго не соглашался, хотя и не зналъ, что ему дѣлать съ дѣтьми. Агнія убѣдила его тѣмъ, что дѣти будутъ жить у дѣдушки, а не въ чужомъ домѣ. Это доказательство хоть на что-нибудь походило, и онъ согласился. Съ Харченкомъ онъ держалъ себя какъ посторонній человѣкъ и дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ объ его обличительныхъ корреспонденціяхъ.

Все-таки, когда Галактіонъ перевезъ дѣтей къ дѣдушкѣ, его охватило мучительное чувство пустоты. Что-то такое порвалось, чего уже нельзя было соединить никакими силами. И обидно, и грустно. Сколько разъ Галактіонъ раньше думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы Серафима умерла. И сама не мучилась бы, и ему развязала бы руки. Вотъ теперь ея нѣтъ, и нѣтъ свободы. Мысль о дѣтяхъ стала являться все чаще и чаще, заставляя провѣрять себя. Конечно, Галактіонъ давалъ на ихъ содержаніе много денегъ, но это было еще не все. Именно дѣти вставляли теперь передъ его глазами живымъ упрекомъ, напоминая всѣ несправедливости прошлаго. Подъ давленіемъ этой мысли онъ даже къ Харитинѣ сдѣлался добрѣе, т.-е. не притѣснялъ ее, и держалъ себя такъ, точно ея совѣмъ не было и на свѣтѣ.

Въ грустный день помѣщенія дѣтей у дѣда Галактіонъ остался въ Запольѣ и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Бѣхать въ Городище тоже не хотѣлось. Именно въ этотъ критическій моментъ онъ вспомнилъ про старика Луковникова. Строгій былъ человѣкъ, правильной жизни. Галактіону мучительно захотѣлось, чтобы кто-нибудь его бранилъ, попрекалъ, говорилъ строгія слова. Онъ вечеромъ отправился къ Луковникову именно подъ этимъ

настроеніемъ. Старикъ встрѣтилъ его довольно непривѣтливо и смотрѣлъ такими глазами, что зачѣмъ де пожаловалъ незваный гость.

— Давненько не видались, Галактіонъ Михеичъ.

— Да, давненько, Тарасъ Семенычъ. Все собирался какъ-нибудь завернуть.

— Ужь и собирался? Перестань пустыя-то слова говорить... На что вамъ меня, старика?

— Самы не молодые, Тарасъ Семенычъ.

Сначала старикъ подумалъ, что не пріѣхалъ ли Галактіонъ занимать у него денегъ, вѣдь, слава богатаго человѣка еще оставалась за нимъ, а потомъ догадался по выраженію лица Галактіона и по тону разговора, что дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Въ послѣднее время онъ сильно не долюбивалъ Галактіона и теперь не могъ побороть въ себѣ этого чувства. Такъ бы вотъ, кажется, все и отпечаталя... На, слушай. Галактіонъ пробовалъ что-то говорить, но разговоръ не вязался. И гость, и хозяинъ молчали. Луковниковъ поднялся, прошелся по комнатѣ, разгладилъ сѣдую бороду и проговорилъ какъ-то въ упоръ:

— Что, Галактіонъ Михеичъ, худо?... То-то вотъ и есть... И сказалъ себѣ человѣкъ: напольшу житницы, накоплю сокровища. Пей, душа, воселись!... Такъ я говорю? Эхъ, Галактіонъ Михеичъ! Вѣдь, вотъ умные люди, до всего, кажется, дошли, а этого не понимаютъ.

— А развѣ виноватъ человѣкъ, если онъ не понимаетъ, Тарасъ Семенычъ?

— Кругомъ виноватъ... На то ему данъ разумъ,—не умъ, а разумъ. Богатство, это—ножъ... Имъ можно много хорошаго сдѣлать, а дѣлаютъ больше зла... да.

— Опять-таки, Тарасъ Семенычъ, и злой человѣкъ себѣ худа не желаетъ... Все лучше думаетъ сдѣлать.

— Да, для себя... По пословицѣ, и воръ Богу молится, только какая это молитва? Будемъ говорить пряменько, Галактіонъ Михеичъ: нехорошо. Вѣдь, я знаю, зачѣмъ ты ко мнѣ-то пріѣхалъ... Сначала я, грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ, что за деньгами, потомъ и вижу, что совсѣмъ другое.

— Да, другое,—отелигнулся Галактіонъ, точно эхо.—Сегодня чѣмъ дѣтей къ теткѣ Агніи свезъ.

— И будешь возить по чужимъ дворамъ, когда дома угарно. Чѣмъ, стыдно передъ дѣтьми свое звѣрство показывать... Вотъ что, Галактіонъ Михеичъ. А, вѣдь, они, дѣти-то, и совсѣмъ

большія выростуть... Вырости - то выростуть, а къ отцу путь-дорога заказана. Ахъ, нехорошо!... Жену не жалѣлъ, такъ хоть дѣтей бы пожалѣлъ. Я тебѣ по-стариковски говорю... И обидно мнѣ на тебя, и жаль. А какъ жалѣть, когда самъ человѣкъ себя не жалѣетъ?

— А какъ вы думаете, Тарасъ Семенычъ, бываютъ на свѣтѣ проклятые люди? Такъ, отъ рожденія...

Луковниковъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ этотъ моментъ вошла Устинька сказать, что чай готовъ. Она очень удивилась, когда увидала Галактіона, и раскланялась съ нимъ издали.

— Чай готовъ, папа.

— Что же, дѣло хорошее. Пойдемъ, Галактіонъ Михеичъ.

Галактіонъ тоже смутился. Онъ давно не видалъ Устиньки. Теперь это была совсѣмъ взрослая дѣвушка, цвѣтущая и съ такимъ смѣлымъ лицомъ. Въ столовой нѣсколько времени тянулась самая неловкая пауза.

— Галактіонъ Михеичъ, я сегодня видѣла вашихъ дѣтей,—заговорила первой Устинька.—Дѣвочка такая милая и мальчишъ...

— Да?—спросилъ Галактіонъ, не понимая.—Ахъ, да, дѣти!...

Наступила опять пауза. Устинька упорно отмалчивалась и старалась не смотрѣть на гостя, а потомъ торопливо выпила свою чашку и вышла.

— Ты вотъ что, Галактіонъ Михеичъ,—заговорилъ Луковниковъ совсѣмъ другимъ тономъ, точно старался сгладить молодую суровость дочери.—Я знаю, что дѣла у тебя не совсѣмъ... Да и у кого они сейчасъ хороши? Всѣ на волоскѣ висимъ... Знаю, что Мышниковъ тебя давитъ. А ты вотъ какъ сдѣлай... да... Ступай къ нему прямо на домъ, объясни все на чистоту и... однимъ словомъ, онъ же тебѣ все и устроитъ.

— Мышниковъ?

— Да, Мышниковъ. Ужъ я-то его вотъ какъ хорошо знаю.

VI.

Когда Галактіонъ ушелъ, Устинька напала на отца съ необыкновеннымъ азартомъ.

— Папа, я рѣшительно не понимаю, какъ ты можешь принимать такихъ ужасныхъ людей, какъ этотъ Колобовъ. Онъ заколотилъ въ гробъ жену, бросилъ собственныхъ дѣтей, потомъ эта Харитина, которую онъ бьетъ... Ужасный, ужасный челевѣкъ!... У Стабровскихъ его теперь не принимаютъ... Это какой-то дикарь.

— И я его тоже не хвалю... да. А мнѣ его жаль. Вѣдь, умница и характеръ—железо. Только какъ-то вся жизнь у него вверхъ дномъ. Однимъ словомъ, несчастный человѣкъ.

— Онъ? Несчастный?

— Совсѣмъ несчастный! Чуть-чуть бы по другому судьба сложилась, и онъ бы другой былъ. Такіе люди не умѣютъ гнаться, а прямо ломаются. Тогда много грѣха на душу взялъ старикъ Михай Зотычъ, когда насильно женилъ его на Сарафимѣ. Прежде-то всегда такъ дѣлали, а по нынѣшнимъ временамъ говорятъ, что свои глаза есть. Михай-то Зотычъ думалъ лучше сдѣлать, чтобы Галактіонъ не сдѣлалъ такъ, какъ братъ Емельянъ, а оно вонъ что вышло.

— И Михай Зотычъ тоже дрянной. Вѣдь, это онъ мельницы свои сжегъ?

— Ну, это еще неизвѣстно, Устинька. Могли и сами сгорѣть. Мало ли что зря болтаютъ.

— Ты, папа, всегда и всѣхъ защищаешь, а такъ нельзя.

— Поживешь съ мое, такъ и сама будешь то же говорить. Мудрено, вѣдь, живого человѣка судить... Взять хоть твоего Стабровскаго: онъ ли не умень, онъ ли не хорошъ у себя дома—такого человѣка и не сыщешь,—а вышелъ на улицу—разбойникъ... Безъ ножа зарѣжетъ. Вотъ тутъ и суди.

Для такой философіи у Луковникова было достаточно матеріала. Особенно въ послѣднее время пошатнулся народъ, и совсѣмъ не разберешь, гдѣ кончается хорошій человѣкъ и гдѣ начинается дурной. Да и, вообще, кругомъ дѣлалось Богъ знаетъ что. Не замѣтишь, какъ и самъ попадешь въ негодию. Раздумывая о самомъ себѣ, Луковниковъ приходилъ именно къ такому заключенію. Его дѣла съ вальцевой мельницей затягивались въ какой-то проклятый узелъ. Всѣ операціи давно вышли изъ всякихъ предварительныхъ смѣтъ и намѣченныхъ бюджетовъ. Сама по себѣ мельница стоила около трехсотъ тысячъ, затѣмъ около семисотъ тысячъ требовалось ежегодно на покупку зерна, а самое скверное было то, что готовый товаръ приходилось реализовать въ разсрочку, что составляло еще около полумилліона рублей. Около дѣла, такимъ образомъ, сосредоточивался въ общей сложности капиталъ въ полмилліона рублей. Такихъ денегъ налицо у Луковникова не то и добрую половину приходилось добывать въ кредитъ. Обы этихъ трехъ капиталовъ, которые представляла собой мельница, зерно и готовый товаръ, шли съ неравномѣрною скоростью рудно было подводить общій торговый балансъ. Иногда какихъ-нибудь двѣ недѣли стоили десятковъ тысячъ, потому что все хлѣб-

ное дѣло постепенно перешло въ какую-то азартную игру. Рвалъ куши тотъ, кто умѣлъ поймать моментъ. Кромѣ того, въ верховьяхъ Ключевой выстроены были двѣ новыхъ вальцевыхъ мельницы, представлявшихъ очень опасную конкуренцію какъ при закупкѣ зерна, такъ и при сбытѣ крупчатки. На рынокъ выдвигались страшные капиталы, которые безпощадно давили хлѣбную мелюзгу, какъ крупные хищники давятъ хлѣбныхъ мышей. Сплетались тысячи условій, которыя трудно было предугадать, и выдвигались съ каждымъ годомъ все новыя.

Особенно характеренъ былъ для хлѣбнаго дѣла прошлый годъ, когда въ полосѣ Зауралья, прилегавшей къ горамъ, случился недородъ, благодаря дождливому лѣту. Произошла крупная игра на хлѣбъ степной полосы. Скупались миллионныя партіи, и мелко-травчатые мельники, какъ старикъ Колобовъ, остались совсѣмъ безъ зерна. Нечего было молоть. Шла именно игра, спекуляція, съ миллионнымъ рискомъ, а не обыкновенное промышленное дѣло. Тутъ выяснился въ первый разъ роковой вопросъ, что золотое дно, какимъ до сихъ поръ считалось Зауралье, не можетъ обеспечивать равномерно хлѣбомъ работу всѣхъ мельницъ. До сихъ поръ рынокъ пополнялся изъ старыхъ крестьянскихъ запасовъ, а сейчасъ ихъ уже не было и приходилось жить однимъ годомъ. Производитель зерна жилъ отъ одной осени до другой и весь находился въ полной зависимости отъ одного урожая. Этого раньше не было.

Окончательно достучала зауральскаго мужика только что открытая уральская желѣзная дорога. Это открытіе совпало съ неурожаемъ въ Поволжьѣ, и зауральскій хлѣбъ полился широкою волной въ далекую Россію. Отъ этой операціи нажились, главнымъ образомъ, верховые мельники, стоявшіе въ самомъ горлѣ, т.-е. у желѣзной дороги. Они сбыли миллионныя партіи и нажили цѣлыя состоянія. Мельница Луковникова тоже работала отлично, хотя и въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, проигрывая на лѣтней перевозкѣ гужомъ, — верховые мельники подвезли зерно по дешевой зимней дорогѣ. Особенно одинъ случай остался въ памяти Луковникова, какъ зловѣщій признакъ. Онъ еще съ осени законтрактовалъ партію въ тридцать тысячъ мѣшковъ дешеваго сибирскаго хлѣба, которую Галактіонъ обязался доставить на своихъ пароходахъ въ Тюмень. Весна вышла неопредѣленная и по официальнымъ бюллетенямъ объ урожай трудно было судить, что еще будетъ. Въ общемъ ожидался средній урожай и цѣны на муку не поднимались. Луковниковъ задержалъ партію на всякій случай, выжидая цѣну. Насту-

пять іюнь, а цѣны не поднимались. Тогда Луковниковъ послалъ въ Рыбинскъ своего довѣреннаго и запродавъ всю паргію чуть не за свою цѣну. Но не прошло двухъ недѣль, какъ цѣна сразу поднялась на два рубля съ мѣшка, — другими словами, подожди онъ двѣ недѣли, и это дало бы шестьдесятъ тысячъ чистаго барыша. Однимъ словомъ, шла самая отчаянная игра, и крупные мельники рѣзались не на животъ, а на смерть. Двѣ-три неудачныхъ операціи разоряли въ лоскъ и миллионныя состоянія лопались, какъ мыльные пузыри. А тутъ еще помогалъ банкъ, закрывая кредитъ пошатнувшимся фирмамъ и увеличивая ссуды тѣмъ, которые и безъ этой помощи шли въ гору.

Естественнымъ результатомъ такого обострившагося порядка вещей было то, что по Блючевой началось сплошное разореніе средней величины мельниковъ, какъ старикъ Колобовъ. Это были жертвы даже не конкуренціи, а биржевой игры на хлѣбъ. У нихъ былъ отнять и зерновой рынокъ, и кредитъ, и запертъ семью печатями оптовый сбытъ. Кое-кто еще держался, торгуя по мелочамъ, но въ общемъ дѣло было конченное. Вопросъ теперь заключался въ томъ, что будетъ съ полсотней крупчаточныхъ мельницъ, построенныхъ на Блючевой. Первую мельницу крупчатку поставилъ старикъ Колобовъ и онъ же показалъ выходъ, когда застраховалъ двѣ новыхъ мельницы и сжегъ ихъ. Это точно послужило сигналомъ. Мельничные пожары начали изъ года въ годъ повторяться съ математическою точностью, такъ что знатоки дѣла впередъ предсказывали, чьи теперь мельницы должны были горѣть. И обреченныя мельницы въ указанный срокъ загорались.

Разъѣзжая по своимъ дѣламъ на Блючевой, Луковниковъ по пути завернулъ въ Прорывъ къ Михею Зотычу. Но старика не было, а на мельницѣ оставались только сыновья, Емельянъ и Симонъ. По первому взгляду на мельницу Луковниковъ опредѣлилъ, что дѣла идутъ плохо, и мельница быстро принимала тотъ захудалый видъ, который говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ о внутреннемъ разрушеніи.

— Ну, какъ вы тутъ поживаете, Емельянъ Зотычъ? — спрашиваетъ гость.

— А ничего... Помаленьку.

— Чего тутъ помаленьку! — вступился неутерпѣвшій Сидъ. — Совсѣмъ конецъ приходитъ, Тарасъ Семенычъ... Тятенька забралъ всѣ деньги за сгорѣвшія мельницы и ушелъ съ ними киты, а мы вотъ тутъ и выворачивайся, какъ знаешь.

Слышалъ, слышалъ, — уклончиво отвѣтилъ Луковни-

ковъ. — Что же, надо терпѣть, пока молоды. Подъ старость будетъ за то легче.

— А я уйду, какъ сдѣлалъ Галактіонъ... Вотъ и весь разговоръ. Наймусь куда-нибудь въ прикащики, Тарасъ Семенычъ, а то буду арендовать самую простую раструсочную мельницу, какъ у нашего Ермилыча. У него всегда работа... Свое зерно мужички привезутъ, смелютъ, а ты только получаешь денежки. Барыши не велики, а за то и убытковъ нѣтъ. Самое вѣрное дѣло...

— Правильно, Симонъ Зотычъ. Это точно... да. Вотъ и нашимъ вальцевымъ мельницамъ туго приходится... А Ермилыча я знаю. Ничего, оборотистый мужичонко и не любить, гдѣ плохо лезить. Только, все равно, онъ добромъ не кончить.

— Всѣ мы плохо кончимъ... На людяхъ и смерть красна.

Луковникову нравился этотъ молодой задоръ Симона. Вотъ такъ же Устинька любить спорить... Да, малому трудненько было жить на разоренной мельницѣ ни у чего. И жаль, и помочь нечѣмъ.

— И Галактіону не сладко приходится, — сказалъ Луковниковъ, чтобъ утѣшить чѣмъ-нибудь Симона. — Даже и совсѣмъ не сладко.

— Все-таки, Галактіонъ у своего дѣла, Тарасъ Семенычъ. Самъ большой, самъ маленький... А мы съ Емельяномъ, какъ говорится, ни къ шубѣ рукавъ.

— А тятеньку-то забылъ? Онъ теперь за всѣхъ въ скитахъ своихъ вотъ какъ молится... Не ропщи, молодецъ.

Проѣзжая мимо Суслона, Луковниковъ завернулъ къ старому благодѣтелю, попу Макару. Уже въ большихъ годахъ былъ попъ Макарь, а все оставался такой же. Такой же худенькій и хоть бы одинъ сѣдой волосъ. Только съ каждымъ годомъ старикъ дѣлался все ниже, точно его гнула рука времени. Попъ Макарь ужасно обрадовался дорогому городскому гостю и подъ руку повелъ его въ горницы.

— Вотъ ужъ угодилъ, можно сказать... — бормоталъ онъ. — Рѣдкій гость, во-первыхъ, а во-вторыхъ...

Поповскій языкъ точно замерзъ. Попъ Макарь придержалъ гостя и шепотомъ сообщилъ:

— А, вѣдь, тамъ у меня того... значитъ, въ горницѣ-то, не честивый Ахавъ сидитъ.

— Какой Ахавъ?

— А Полуяновъ? Выѣстъ съ мельникомъ Ермилычемъ пріѣхалъ, потребовалъ сейчасъ водки и хвалится, что засудитъ меня т.-е. за мое показаніе тогда на судѣ. Мнѣ, говорить, нечего те

рать... Понадѣя со страховъ убѣжала въ сусѣди, а я вотъ сижу съ ними, да слушаю. Конечно, во-первыхъ, я нисколько его не боюсь, нечестиваго Ахава, а, во-вторыхъ, все-таки, страшно...

«Нечестивый Ахавъ», дѣйствительно, сидѣлъ въ поповской горницѣ, весь красный отъ выпитой воды. Дорожная котомка и палка лежали рядомъ на стулѣ. Полуяновъ не разставался съ своимъ ссыльнымъ рубищемъ, щеголяя своимъ убожествомъ. Ермилычъ тоже пилъ водку и тоже краснѣлъ. Неожиданное появленіе Луковникова немного всполошило гостей, а Ермилычъ сдѣлалъ движеніе спрятать бутылку съ водкой.

— Не тронь... — остановилъ Полуяновъ. — Сіе посохъ странническій.

По Зауралью Луковниковъ слылъ за миллионера, а затѣмъ онъ былъ уже четвертое трехлѣтіе городскимъ головой. Вообще, именитый человѣкъ, и Ермилычъ трепеталъ.

— Здравствуйте, господа, — просто поздоровался Луковниковъ. — Какъ это ты сюда попалъ, Илья Фирсычъ?

— Я-то? А даже очень просто... Пѣшкомъ пришелъ сказать вотъ попу Макару и Ермилычу, что скручу ихъ въ бараній рогъ... да. Я не люблю изподтишка, а прямо дѣйствую.

— Не прежнія времена, Илья Фирсычъ, чтобы рога-то показывать, — отвѣтилъ попъ Макарь, на всякій случай отступая къ стѣнѣ. — Во-первыхъ...

— Что-о? — зарычалъ Полуяновъ. — Да я... я... я вотъ сейчасъ выпью рюмку водки... а. Всѣхъ предупреждаю... Я среди васъ какъ убогій Лазарь, хуже, — у того хоть свое собственное гноище было, а у меня и этого нѣтъ.

— Богатство тоже къ рукамъ, Илья Фирсычъ, — замѣтилъ Луковниковъ, подсаживаясь къ столу. — И голова къ мѣсту, и деньги къ рукамъ... Да и считать въ чужихъ карманахъ легче, чѣмъ въ своемъ.

— Х-ха! — замялся Полуяновъ. — А вотъ я въ свое время отлично зналъ, какія у кого и въ какихъ карманахъ деньги были. Зналъ-съ... И всѣ меня трепетали. Страхъ, трепеть и землетрясе...

— Да будетъ тебѣ... — останавливалъ его Ермилычъ.

— Что-о?

— Въ самомъ дѣлѣ, довольно, — заговорилъ Луковниковъ. — В самомъ дѣлѣ, никому не страшно. Да какъ-то оно и нехорошо: и борода сѣдая, а говоришь разныя пустыя слова. Прошлаго противишь.

— Нѣтъ, постойте... Вотъ ты, попь Макарь, предалъ меня, и ты, Ермилычъ, и ты, Тарасъ Семенычъ, тоже... да. И я свою чашу испилъ до самаго дна и понялъ, что есть такое суета суеть, а вы этого не понимаете. Взгляните на мое рубище и поймете: оно молча вопіеть... И у васъ будетъ своя чаша... да. Можетъ быть, похуже моей... Я-то ужъ смирился, перегорѣлъ душой, а вы еще преисполнены гордыни... И перваго я попа Макара низведу въ полное ничтожество. Слышишь, попь?

— Охъ, слышу!... Пилъ бы ужъ ты лучше свою водку, Илья Ёирсычъ, да прилегъ отдохнуть.

— Не поправилось? Х-ха!... Не любите? Х-ха!... Не согласны? Х-ха!...

Запасъ энергіи Полуянова вдругъ исчезъ, онъ уже машинально выпилъ залпомъ двѣ рюмки и заснулъ тутъ же на диванѣ.

УП.

Изъ своей «поѣздки по уѣзду» Полуяновъ вернулся въ Заполье самымъ эффектнымъ образомъ. Онъ подкатилъ къ малыгинскому дому въ щегольскомъ дорожномъ экипажѣ Ечкина, на самой лихой почтовой тройкѣ. Ечкинъ отнесся къ бывшему исправнику рѣшительно лучше всѣхъ и держалъ себя такъ, точно везъ прежняго Полуянова.

— Вотъ не ожидалъ... да...— откровенно удивлялся Полуяновъ. — Прежніе-то дружки смотрѣть не хотятъ, два пальца подають, а то и прямо отвертываются... да. Только въ несчастія узнаешь людей.

— И всѣ по-своему правы, Илья Ёирсычъ, — объяснялъ Ечкинъ. — Вѣдь, всѣ люди, если разобрать, одинаковы, потому что всѣ — мерзавцы.

— Именно!

— Поэтому истинный философъ никогда не огорчается... Вотъ посмотрите на меня: чего я ни перенесъ? Бакіхъ гадостей про меня ни говорили? А я все терплю и переносу.

— Именно!... И я тоже много испыталъ, Борисъ Яковличъ... Царствовалъ, можно сказать, а сейчасъ яко Іовъ многострадальный... Претерпѣлъ, можно сказать, до конца. И не ропщу... Только вотъ проклятаго попа извести и конецъ всему дѣлу.

Харитонъ Артемьичъ, ждавшій возвращенія Полуянова съ дѣлскимъ нетерпѣніемъ, такъ и ахнулъ, когда увидѣлъ, какъ онъ прѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Ечкинымъ. Что же это такое? Обѣщалъ засудить Ечкина, а самъ съ нимъ по уѣзду катается...

— Ты это что, Илья Ойрсычъ, никакъ совсѣмъ сбѣился? — накинулся старикъ на Полуянова. — Обѣщаль судиться съ Ечкинымъ, а самъ...

— Погоди, старче, гусей по осени считаютъ.

— Да ты мнѣ не заговаривай зубовъ! Мнѣ, вѣдь, на свои глаза свидѣтелей не надо... Ежели ты въ другихъ зятѣвѣ пойдешь, такъ, вѣдь, я и на тебя управу найду. Я, братъ, теперь все равно какъ медвѣдь, котораго изъ берлоги подняли.

— А ты не сказывай никому... Сказанное слово серебряное, а несказанное — золотое. Такъ я говорю? А потомъ, какъ ты полагаешь, ежели, напримѣръ, этотъ самый Ечкинъ мнѣ мѣсто предлагаетъ? Да-съ.

— Мѣсто? О-хо-хо!... На подсудимую скамью вмѣсто себя, али въ острогъ? О немъ давно острогъ-то плачетъ.

— Да ты слушай: настоящее мѣсто. Онъ будетъ въ Запольѣ желѣзную дорогу строить, а я смотрителемъ.

— Другъ на дружку будете смотрѣть да любоваться? Охъ, прокураты!

— Ну, ладно... Смѣется послѣдній, какъ говорятъ французы. Понимаешь, вѣдь, это настоящій постъ: смотритель запольской желѣзной дороги. Чуть-чуть поменьше министра... Ты вотъ пойдешь по желѣзной дорогѣ, а я тебя за шиворотъ: стой! куда?

— Охъ, уморилъ!... Охъ, смертынька!... Вамъ надо съ Ечкинымъ тѣатръ открывать, да представленіе представлять. Охъ, жivotики надорвали!

Полуяновъ даже обидѣлся. Ечкинъ, дѣйствительно, предложилъ ему мѣсто на будущей желѣзной дорогѣ и онъ съ удовольствіемъ согласился послужить. Что же, онъ еще въ силахъ и можетъ быть полезнымъ, особенно, гдѣ требуется порядокъ. Его, братъ, не проведутъ... Х-ха! Полуянова провести, — нѣтъ, еще такой шельмы не родилось на бѣлый свѣтъ. Съ другой стороны, Полуяновъ и не нуждался даже въ этомъ мѣстѣ, а принималъ его просто по дружбѣ. У него и другихъ мѣстъ достаточно. Сдѣлайте милость, дѣлайте сколько угодно. Во-первыхъ, Замараевъ предлагаетъ въ ней кассѣ мѣсто бухгалтера, потомъ Харченко предлагаетъ въ етъ работать.

Харченко, дѣйствительно, имѣлъ виды на Полуянова, — онъ тебѣ на всѣхъ людей смотрѣлъ съ точки зрѣнія завзятаго газетчика. Міръ дѣлился на двѣ половины: людей, нужныхъ для газеты — людей бесполезныхъ.

— Голубчикъ, вѣдь, вы для насъ настоящій владъ, — увѣрялъ онъ Полуянова. — Вѣдь, никто не знаетъ такъ края, какъ вы.

— Да, немножко знаю... Съ завязанными глазами пройду пять уѣздовъ.

— И по исторіи у васъ много есть интересныхъ фактовъ.

— Чего лучше: самъ исторія съ географіей.

Выборъ между этими предложеніями было сдѣлать довольно трудно, а тутъ еще тяжба Харитона Артемьича да свои собственныя дѣла съ попомъ Макаромъ и женой. Полуяновъ досталъ у Замираева «законы» и теперь усердно зубрилъ разныя статьи. Харитонъ Артемьичъ ходилъ за нимъ по пятамъ и съ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Старика охватила сутяжническая горячка, и онъ на-яву бредилъ будущими подвигами.

— Мнѣ бы только начать, — мечталъ онъ, — а тамъ ужъ и я самъ какъ-нибудь изловчился бы.

— Ну, это, братъ, дудки! — огорошивалъ Полуяновъ. — Какіе тебѣ законы, когда ты фамилію свою съ грѣхомъ подписываешь?

— А я словесно.

— Нѣтъ, твоей словесности не требуется, а надо все по формѣ.

— Охъ, ужъ эта мнѣ форма!... Зарѣзъ. Всѣ по формѣ меня надували, а зятя лучше всѣхъ... Гдѣ же правда-то? Вѣдь, есть же она, матушка? Меня грабятъ по формѣ, а я долженъ молчать... Нѣтъ, шалишь!

Полуяновъ могъ только улыбаться, слушая этотъ бредъ, подвѣшиваемый имъ подъ рубрику «покушеній съ негодными средствами». Онъ, вообще, усвоилъ себѣ постепенно покровительственный тонъ, разговаривая съ Харитономъ Артемьичемъ, какъ говорятъ съ капризничавшими дѣтьми. Чтобъ утѣшить старика, Полуяновъ при самой торжественной обстановкѣ составлялъ проекты будущихъ прошеній, жалобъ и разныхъ докладныхъ записокъ.

— Ты у меня какъ волчій зубъ, — лѣстилъ Харитонъ Артемьичъ, благоговѣя передъ искусствомъ зятя, — да... Охъ, ежели бы да меня учить, — сколько во мнѣ этой самой злости!... Прямо, бери и сяди на цѣпь.

— Тутъ злостью ничего не возьмешь. Пусти тебя въ судъ, ты первымъ бы дѣломъ всѣхъ обругалъ.

— Охъ, обругалъ бы!... А тамъ хоть располи на части... Только бы сердце сорвать.

— Вотъ то-то и есть. Какой же ты адвокатъ? Тебѣ оглоблю надо дать въ руки, а не законъ.

Никогда еще у Полуянова не было столько работы, какъ те-

перъ. Даже въ самое горячее время исправничества онъ не былъ такъ занятъ. И, главное, вездѣ нуженъ. Хоть на части разрываясь. Это сознаніе собственной нужности приводило Полуянова въ горделивое настроеніе и онъ въ откровенную минуту говорилъ Харитону Артемьичу:

— Безъ меня, братъ, какъ безъ поганого ведра, тоже не обойдешься... И тутъ нуженъ, и тамъ нуженъ, и здѣсь нуженъ. Вотъ тебѣ и лишенный особенныхъ правъ и преимуществъ... Х-ха!... Вотъ только не знаю, куда окончательно пристроиться.

— А ты не разбѣгайся,—совѣтовалъ Харитонъ Артемьичъ.— Ломи въ одну точку, и шабашъ. Значить, накаливай по одному мѣсту.

— Не безпокойся, охулки на руку не положимъ.

— То-то... Первое дѣло, будемъ добывать проклятаго писаря, а тамъ закорчимъ и другихъ.

Полуяновъ долго не рѣшался сдѣлать окончательный выборъ дѣятельности, пока дѣло не рѣшилось само собой. Разъ онъ дѣлалъ моціонъ передъ обѣдомъ,—онъ пріобрѣталъ благородныя привычки,—и увидѣлъ новую вывѣску на новомъ домѣ: «Главное управленіе Запольской желѣзной дороги». Полуяновъ остановился, протеръ глаза, еще разъ перечиталъ вывѣску и сказалъ всего одно слово:

— Эге!

На другой день онъ, одѣтый съ иголки во все новое, уже сидѣлъ въ особой комнатѣ новаго управленія за громаднымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ grossбухами. Ему нравилась и солидность обстановки, и какая-то особенная дѣловая таинственность, а больше всего самъ Ечкинъ, всегда веселый, вѣчно занятый, энергичный и неутомимый. Одна квартира чего стоила, министерская обстановка, служащіе, и все явилось, какъ въ сказкѣ, по щучьему велѣнію. Въ первый моментъ Полуяновъ даже смутился, отозвалъ Ечкина въ сторону и проговорилъ:

— А я думаю, Борисъ Яковличъ, очки себѣ купить... дымчатыя, въ золотой оправѣ... да.

— Развѣ у васъ глаза слабы?

— Нѣтъ... Но въ очкахъ какъ-то солиднѣе. Стабровскій носитъ очки, Мышниковъ,—однимъ словомъ, всѣ серьезные люди.

— Отчего, можно и очки,—милостиво согласился Ечкинъ, авшій совѣтъ о другомъ.— Да, конечно, очки...

— Бушцы, и тѣ нынче въ очкахъ ходятъ. Вонъ Евграфъ Огичъ... да.

На слѣдующій день Полуяновъ явился въ золотыхъ очкахъ и даже подстригъ бороду à la графъ Шамборъ. Нельзя, дѣло было слишкомъ серьезное и каждая мелочь имѣла свое значеніе.

Всѣ, знавшіе Ечкина, смѣялись въ глаза и за глаза надъ его новою затѣей, и для всѣхъ оставалось загадкой, откуда онъ могъ брать денегъ на свою контору. Кромѣ долговъ, у него ничего не было, а изъ векселей можно было составить приличную библіотеку. Вообще, Ечкинъ представлялъ собой какой-то непостижимый фокусъ. Его новая контора служила нѣсколько дней темой для самыхъ веселыхъ разговоровъ въ правленіи запольскаго банка, гдѣ собирались Стабровскій, Мышниковъ, Штоффъ и Драке.

— Это какое-то безуміе, — говорилъ Мышниковъ. — Я на мѣстѣ Ечкина давно бы повѣсился, а онъ желѣзную дорогу строить придумалъ.

— Будетъ стеариновыя свѣчи возить съ закрытаго завода, — вышучивалъ Штоффъ. — Даже можно такъ и назвать: стеариновая дорога...

— Что-нибудь тутъ кроется, господа, — увѣрялъ Стабровскій. — Я давно знаю Бориса Яковлича. Это то, что называютъ гениемъ безъ портфеля. Ему недостаетъ только денегъ, чтобы быть вполне порядочнымъ человѣкомъ. Я часто завидую его уму... Вѣдь, это удивительная голова, въ которой фейерверкомъ сыплются самыя удивительныя комбинаціи. Вѣдь, нужно было придумать дорогу...

— Да, геній... — соглашался Мышниковъ. — Совсѣмъ новаго типа геній: вексельный. Ему все равно терять нечего... Недостаетъ только, чтобъ онъ объявилъ какую-нибудь войну.

— Какую войну? — не понималъ, по обыкновенію, Драке.

— Мало ли какую... Была же кабая-то война за испанское наслѣдство. Вотъ бы Ечкину примазаться въ самый разъ.

Вообще, банковскіе воротилы имѣли достаточно времени для подобныхъ разговоровъ. Дѣла банка шли отлично и банковскія акціи уже поднялись въ цѣнѣ въ два съ половиной раза.

Пока банковскіе заправила шутили, Ечкинъ неутомимо хлопоталъ. Онъ то пропадалъ изъ Заполя, то снова появлялся, точно метеоръ. И только одинъ Полуяновъ, сохранившій чутье стараго сыщика, понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. Ечкинъ, потихоньку отъ всѣхъ, «разрабатывалъ» неприступнаго милліонера Нагибина. Какими путями онъ пробрался къ нему, чѣмъ заслужилъ довѣріе этого никому не вѣрившаго скряги, — оставалось неизвѣстно. Но Полуяновъ отлично зналъ, что по вечерамъ, когда стемнѣетъ, Еч-

кинъ ѣзди́лъ къ Нагибину, жившему на краю города, и проводилъ тамъ по нѣскольку часовъ. Конечно, даромъ Ечкинъ не сталъ бы терять свое золотое время. Онъ, впрочемъ, не одинъ разъ возвращался въ изнеможенномъ отчаяніи, бралъ Полуянова за пуговицу его сюртука и говорилъ:

— Вѣдь, я—святѣйшій человѣкъ, Илья Ойрсычъ, святѣйшій по терпѣннѣйшій... Господи, чего только я ни терплю? Нѣтъ, кажется, такой глупости, которую не приходилось бы продѣлывать. И, ей-Богу, не для себя хлопочу, а для другихъ...

— Глупый народъ, Борисъ Яковличъ... Ничего не понимаютъ. Я тоже натерпѣлся вполне достаточно...

— Да, да... Напримѣръ, деньги—что такое деньги, когда онѣ лежатъ безъ всякой пользы? Это все равно, если хорошенькую женщину завязать въ мѣшокъ... да. Хуже: это—развратъ.

— Совершенный развратъ, Борисъ Яковличъ.

— Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы не понимать такой простой вещи. Деньги—то же, что солнечный свѣтъ, воздухъ, вода, первые поцѣлуи влюбленныхъ,—въ нихъ скрыта животворящая сила и никто не имѣетъ права скрывать эту силу. Деньги должны работать, какъ всякая сила, и давать жизнь, проливать эту жизнь, испускать ее лучами.

— Я то же самое всегда думалъ, Борисъ Яковличъ.

Таинственные визиты Ечкина къ Нагибину закончились совершенно неожиданно. Даже выдавшій всякіе виды на своемъ вѣку Полуяновъ ахнулъ, когда Ечкинъ однажды утромъ заявилъ ему:

— Илья Ойрсычъ, вы мнѣ сегодня нужны. Вѣдь, вы умѣете быть шаферомъ?

— Случалось. Только я-то сейчасъ не гошусь. Шаферомъ бываютъ молодые, неженатые люди, а я... гм...

— Э, пустяки!... Тамъ гдѣ-то нужно что-то такое расписаться,—однимъ словомъ, глупая формальность.

— Свидѣтелемъ могу быть.

— Дѣло въ слѣдующемъ... да. Вѣдь, вы знаете, что у этого миллионера Нагибина есть дѣвица дочь. Ей уже за тридцать... да.

вѣдь, женщина тоже капиталъ, который необходимо реализовать. Хорошо. Вы помните, что есть молодой человѣкъ Колобовъ, монъ? Онъ сидитъ на отцовской мельницѣ совсѣмъ безъ дѣла и вить мухъ. Я и поѣхалъ къ нему на мельницу и все объяснилъ. ли онъ женится на Нагибиной, у него будетъ все. Понимаете?... , конечно, молодой человѣкъ и сначала ничего не понималъ... и въ же пришлось ему объяснять, что равняя молодость и женская

красота въ семейной жизни еще не составляютъ счастья, а нужно искать душу... Понимаете?... Ломался-ломался, а я, все-таки, его привезъ и прямо къ Нагибинымъ. Пришлось быть сватомъ. Безъ меня у нихъ ничего бы не вышло. Такъ вотъ, будетъ свадьба, такая—безъ шуму и вы будете свидѣтелемъ.

Полуяновъ смотрѣлъ на Ечкина съ раскрытымъ ртомъ, потомъ схватилъ его за руку и восторженно проговорилъ:

— Борисъ Яковличъ... Вѣдь, это что же такое, а?... Это... это... Вамъ бы по настоящему сибирскимъ исправникомъ быть!

УШ.

Мы уже сказали выше, что за время отсутствія Полуянова въ Запольѣ было открыто земство. Въ сосѣднихъ губерніяхъ земскія учрежденія дѣйствовали уже давно и успѣли пережить первую горячую пору увлеченій, такъ что запольскіе земцы уже не увлекались ничѣмъ. Да и контингентъ гласныхъ былъ почти тотъ же, что и въ думѣ, съ прибавкой нѣсколькихъ мужиковъ, писарей и деревенскихъ поповъ, какъ о. Макаръ изъ Суслона. Въ Запольскомъ уѣздѣ не было ни одного помѣщика, поэтому земство получило отчасти купеческій характеръ. Изъ новыхъ людей выдались сразу Замараевъ, двоюродный братъ Прасковьи Ивановны Голяшкинъ, повторявшій, какъ эхо, чужія слова, Евграфъ Огибенинъ и уже извѣстные дѣльцы, какъ Мышниковъ, Штоффъ и компанія. Въ числу новыхъ людей можно было отнести Стабровскаго. Его даже выбаллотировали въ предсѣдатели земской управы, но онъ великодушно отказался въ пользу кандидата, которымъ былъ Огибенинъ. И здѣсь, какъ въ думѣ, подавлялъ всѣхъ Мышниковъ, но его вліяніе въ земскихъ дѣлахъ уже не имѣло той силы, какъ въ купеческой думѣ. Въ земствѣ составилъ совершенно самостоятельный кружокъ гласныхъ, не зависѣвшихъ отъ запольскаго банка, и Мышниковъ получалъ отпоръ при каждой попыткѣ проявить свой деспотизмъ. Онъ свои неудачи теперь вымѣщалъ на Огибенинѣ, котораго преслѣдовалъ по пятамъ. Въ земскихъ дѣлахъ особенную силу получила гласность. Харченко попалъ въ число гласныхъ и работалъ по земскимъ вопросамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Его прочили уже въ члены управы. Недостатокъ людей чувствовался въ земствѣ еще больше, чѣмъ въ думѣ, и работала небольшая кучка. Вообще, дѣятельность земства проявила себя съ очень хорошей стороны, а, главное, дѣло шло совершенно независимо отъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Дѣятельность этого новаго земства, главнымъ образомъ, выразилась въ развитіи народнаго образованія. Въ уѣздѣ школы открывались десятками, а въ большихъ селахъ, какъ Суслонъ, были открыты по двѣ школы. Пропагандировалъ школьное дѣло Харченко и ему даже предлагали быть инспекторомъ этихъ школъ, но онъ отказался. Газета, типографія и бібліотека отнимали почти все время, а новыхъ помощниковъ было мало, да и тѣ были преимущественно женщины, какъ Устинька.

— Было бы дѣло, а люди будутъ,— увѣренно повторялъ Харченко.

По земскимъ дѣламъ Харченко особенно близко сошелся со старикомъ Стабровскимъ. Этому сближенію много способствовала Устинька. Она знала, что Стабровскийъ увлекается земствомъ и въ качествѣ вліятельнаго человѣка можетъ быть очень полезенъ. Вышла довольно комичная сцена перваго знакомства.

— Мы съ вами враги по части банковскихъ и винокуренныхъ дѣлъ,— откровенно объяснилъ Стабровскийъ,— но думаю, что будемъ друзьями въ земствѣ.

— Это будетъ видно.

— Я почти увѣренъ... Здѣсь наши интересы вполне совпадаютъ.

Стабровскийъ никогда и ничего не дѣлалъ даромъ, и Устинька понимала, что, сближаясь съ Харченкой, онъ, съ одной стороны, проявлялъ свою полную независимость по отношенію къ Мышникову, съ другой—удовлетворялъ собственному тяготѣнію къ общественной дѣятельности и съ третьей—организовалъ для своей Диди общество содержательныхъ людей. Въ логикѣ Стабровскаго все, въ концѣ-концовъ, сводилось къ этой Дидѣ, которая была уже взрослою барышней.

— Сморчокъ какой-то,—резюмировала Дидя свое впечатлѣніе, познакоившись съ Харченкой. — Я удивляюсь пристрастію папы къ разнымъ монстрамъ.

Устинька бывала у Стабровскихъ довольно часто, хотя и съ перерывами. Но стоило ей не быть съ недѣлю, какъ старикъ встрѣчалъ ее ворчаньемъ и выговорами. Онъ вообще замѣтно старился, казался требовательнѣе и брюзжалъ, какъ настоящій старикъ. Устиньку забавляло, какъ онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и требовалъ такого подробнаго отчета въ поведеніи, точно отецъ. Съ другой стороны, это упорное вниманіе трогало и подкупало ее. Она такъ любила Стабровскаго, когда онъ былъ у себя дома. Въ немъ было только какой-то неудовлетворенной жажды дѣятельности, особен-

ной теплоты и еще болѣе особенной польской культурности. Никто такъ не умѣлъ взвѣсить и оцѣнить во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ всякое новое явленіе, какъ Стабровскій. Въ земской дѣятельности онъ хотѣлъ точно искупить самого себя и отдавался ей съ жаромъ молодого человѣка.

— Ахъ, какъ я завидую вамъ, молодымъ людямъ! — повторялъ онъ съ какою-то тоской. — Вѣдь, передъ вами цѣлая жизнь впереди. Жаль подумать, въ какое время намъ пришлось прожить свою молодость. Я тебѣ какъ-нибудь расскажу, Устинька. Да, тяжелое было время. Когда говорятъ о недостаткахъ и недочетахъ настоящаго, я всегда вспоминаю это далекое прошлое, безправное, несправедливое и темное. Вѣдь, теперь каждая земская школа является уже свѣтлымъ лучомъ, знаменіемъ времени, залогомъ будущаго... Впереди — грамотная Россія, свободный трудъ, нарастающая культура!

Насколько самъ Стабровскій всѣмъ интересовался и всѣмъ увлекался, настолько Дидя оставалась безучастной и равнодушной ко всему. Отецъ утѣшалъ себя тѣмъ, что все это результатъ ея болѣзненнаго состоянія, и не хотѣлъ и не могъ видѣть дѣйствительности. Дидя была представителемъ вырождавшейся семьи и не понимала отца. Она могла по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не дѣлать и ея интересы не выходили за черту собственного дома.

Когда приходила Устинька, Стабровскій непременно заводилъ рѣчь о земствѣ, о школахъ и разныхъ общественныхъ дѣлахъ, и Устинька понимала, что онъ старается втянуть Дидю въ кругъ этихъ интересовъ. Дидя слушала изъ вѣжливости нѣкоторое время, а потомъ старалась улизнуть изъ комнаты подъ первымъ предлогомъ. Старикъ провожалъ ее печальными глазами и грустно качалъ головой.

Разъ среди самаго серьезнаго разговора Устинька неожиданно спросила старика:

— Скажите, Болеславъ Брониславичъ, вы очень не любите Галактіона Михенча?

— Да, не люблю.

— Не будетъ съ моей стороны нескромнымъ вопросомъ, если спрошу: за что?

— Причинъ достаточно, а главная — та, что изъ него вышло совсѣмъ не то, что я предполагалъ. Впрочемъ, это часто случается, что мы въ людяхъ не любимъ именно собственные ошибки. А почему тебя это интересуетъ?

— Да такъ... Онъ нынче бываетъ у отца и я возмущалась, что отецъ его принимаетъ.

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло! Мы, старики, въ силу вещей, относимся къ людямъ снисходительнѣе, хотя и ворчимъ. Молодость нетерпима, а за старостью стоитъ громадный опытъ, который говорить, что на землѣ совершенства нѣтъ и что все относительно. У стариковъ, если хочешь, своя логика.

Устинька не безъ ловкости перевела разговоръ на другую тему, потому что Стабровскому, видимо, было непріятно говорить о Галактіонѣ. Ему показалось въ свою очередь, что дѣвушка чего-то не договариваетъ. Это еще былъ первый случай недомолвки. Стабровский продумалъ всю сцену и пришелъ къ заключенію, что Устинька пришла специально для этого вопроса. Что же, это ея дѣло. Когда дѣвушка уходила, Стабровский съ особенною нѣжностью простился съ ней и два раза поцѣловалъ ее въ голову.

— Умница ты моя...—повторялъ онъ взволнованно.

Разъ, когда Устинька была одна, неожиданно появился Галактіонъ. Она встрѣтила его довольно сурово, но онъ, кажется, совсѣмъ былъ нерасположенъ что-нибудь замѣчать.

— Папы нѣтъ дома.

— Нѣтъ? А я его подожду.

— Какъ хотите.

Онъ говорилъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ прислугой. Устинька обидѣлась и вышла изъ комнаты. Пусть сидитъ одинъ, невѣжа! Галактіонъ, дѣйствительно, сидѣлъ у стола и ничего не хотѣлъ замѣчать. Устинька два раза посмотрѣла на него въ щель двери и совсѣмъ разсердилась. Въ самомъ дѣлѣ, это нахальство—явиться въ домъ, сѣсть и не обращать ни на кого вниманія. Устинька волновалась. Ея раздраженіе достигло высшей степени, когда она услышала, что Галактіонъ сидитъ и смѣется. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Она вышла къ Галактіону и увидѣла, что онъ сидитъ съ послѣднимъ номеромъ *Запольскаго Курьера* и хохочетъ.

— Можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно передать папѣ?

— Ахъ, это вы, барышня!—удивился Галактіонъ, продолжая смѣяться.

— Чему вы смѣетесь?

— Да очень ужъ смѣшно въ газетѣ пишутъ.

— Ничего смѣшного нѣтъ.

— Да вы не читали... Вотъ посмотрите, цѣлая статья: *Наши тѣи*. Начинается такъ: «Въ нашемъ Запольѣ городское общество дѣлится на двѣ партіи: старонавозная и новонавозная». Вѣдь, смѣшно? Пишетъ докторъ Кочетовъ, потому что дума не согла-

силась съ его довлѣдомъ о необходимыхъ санитарныхъ мѣрахъ. Очень смѣшныя слова докторъ придумалъ.

— А по-моему такъ это просто неприличныя слова... Вѣроят-но, и докторъ придумалъ ихъ въ ненормальномъ состояніи.

— Ничего вы не понимаете, барышня,—довольно рѣзко отвѣ-тилъ Галактіонъ уже серьезнымъ тономъ. — Да, не понимаете... Писалъ-то докторъ, дѣйствительно, пьяный и барышнѣ такія слова, можетъ быть, совсѣмъ не подходятъ, а только все это правда. Ужъ вы меня извините, а дѣйствительно мы такъ и живемъ... по-на-возному. Зарылись въ своей грязи и знать ничего не хотимъ... да. И еще намъ же смѣшно, вотъ какъ мнѣ сейчасъ.

— Кто же вамъ велитъ такъ же жить?

— Кто велитъ?... Вотъ видите, барышня, какъ я съ вами бу-ду разговаривать... Если вамъ сказать все прямо, такъ вы, пожа-луй, и обидитесь.

— Можно все говорить, если серьезно.

— Да? Такъ... Хорошо. Прежде всего, всѣ мы звѣри. Вы ска-жете: «ахъ, это мужчины звѣри, а женщины бѣдныя» и прочее. Такъ? Хорошо. Отчего же теперь постоянно такая вещь выходитъ: вотъ я вдовецъ, у меня дѣти, я женюсь на хорошей дѣвушкѣ, а эта хорошая дѣвушка и начинаетъ изживать со свѣту моихъ дѣ-тей?... Однимъ словомъ, мачиха. Вѣдь, такихъ случаевъ сколько угодно-съ... да. Значить, у мужчины одно звѣрство, а у женщины другое, а вмѣстѣ намъ одно названіе: звѣри. Конечно, есть такіе особенные хорошіе люди, да лиха бѣда, что ихъ очень ужъ мало... Вотъ переберите-ка свои поступки и обдумайте... да. Такъ то вотъ я часто про себя думаю... Думаешь-думаешь и даже страшно сдѣ-ляется. Да развѣ это я? да развѣ я такой?... Если бы про другого рассказали это, такъ не повѣрилъ бы... да.

— И я не вѣрю.

— Кому?

— Вамъ... Да, не вѣрю. Вы—нехорошій человѣкъ... Вамъ этого никто не смѣетъ сказать, а я скажу, чтобы вы и сами зна-ли. Вѣдь, каждый человѣкъ умѣетъ очень хорошо оправдывать только самого себя.

Дѣвушка раскраснѣлась и откровенно высказала все, что сам знала про Галактіона, кончая несчастнымъ положеніемъ Харити-ны. Это былъ цѣлый обвинительный актъ, и Галактіонъ совсѣмъ смутился. Что другіе говорили про него—это онъ зналъ давно, ; тутъ говорить дѣвушка, которую онъ зналъ ребенкомъ и которая не должна была даже понимать многого.

— Да, да, да... — азартно повторяла Устинька, точно Галактіонъ съ ней спорилъ. — И я удивляюсь, какъ вы рѣшаетесь приходить къ намъ въ домъ. Папа такой добрый, такой довѣрчивый... да. Я ему говорила то же самое, что сейчасъ говорю вамъ въ глаза.

Галактіонъ поднялся блѣдный, страшный, что-то хотѣлъ отвѣтить, но только махнулъ рукой и, не простившись, пошелъ къ двери. Устинька стояла посреди комнаты. Она задыхалась отъ волненія и боялась расплакаться. Въ этотъ моментъ въ гостиную вошелъ Тарасъ Семенычъ. Онъ посмотрѣлъ на сконфуженнаго гостя и на дочь и не зналъ, что подумать.

— Галактіонъ Михенчъ, куда же ты бѣжишь?

Галактіонъ обернулся и, показывая на Устиньку, проговорилъ всего одно слово:

— Она права.

У Луковникова произошло довольно непріятное объясненіе съ дочерью.

— Устинька, такъ нельзя. Наконецъ, какое ты имѣла право оскорблять человѣка въ своемъ домѣ?

— А если я не могу, папа?... Вѣдь, вы всѣ молчите, а я взяла и сказала. Я ему все сказала.

— И онъ тоже все сказалъ... Вѣдь, хорошій бы человѣкъ изъ него могъ быть, если бы такая голова къ мѣсту пришлась.

По своему характеру Луковниковъ не могъ никого обидѣть и поведеніе Устиньки его серьезно огорчило. Въ кого она такая уродилась? Права-то она права, да только, все-таки, не слѣдовало свою правоту показывать такимъ манеромъ. И, притомъ, дѣвушка, — она и понимать-то не должна Харитининыхъ дѣлъ. Старикъ почти не спалъ всю ночь и за утреннимъ чаемъ еще разъ замѣтилъ:

— А я, все-таки, не согласенъ съ тобой, Устинька. И правдѣ бываетъ не мѣсто. Какіе мы съ тобой судьи? Ты думаешь, онъ самъ хуже нашего понимаетъ, гдѣ хорошо и гдѣ не хорошо?

Устинька выслушала все и ничего не отвѣтила. Тарасъ Семенычъ только пожалъ плечами и по пути въ свою думу заѣхалъ къ Стабровскому. Онъ очень волновался, рассказывая всѣ подробно дѣла.

— Ахъ, милая, милая! — восхищался Стабровскій. — Господи, чѣмъ у меня была такая дочь? Вѣдь, это молодое, чистое золото Тарасъ Семенычъ... Да я сейчасъ же поѣду къ ней и разцѣлую Бѣдняжку, навѣрное, теперь волнуется.

— Нѣтъ, этого вы, пожалуйста, не дѣлайте, Болеславъ Бровицъ. Пусть ужъ лучше она одна про себя раздумается.

IX.

Галактіонъ приходилъ къ Луковникову съ специальною цѣлью поблагодарить старика за хорошій совѣтъ относительно Мышниковъ. Все устроилось въ какой-нибудь одинъ часъ наилучшимъ образомъ и многолѣтняя затаенная вражда закончилась дружбой. Галактіонъ шелъ къ Мышникову съ тяжелымъ сердцемъ и не ожидалъ отъ этого похода ничего хорошаго, а вышло все наоборотъ. Сначала Мышниковъ отнесся къ нему недовѣрчиво и съ обычною грубоватостью, а потомъ, когда Галактіонъ откровенно объяснилъ свое критическое положеніе, какъ-то сразу отмякъ.

— Что же вы мнѣ раньше ничего не сказали? — замѣтилъ Мышниковъ съ укоромъ дѣлового человѣка. — Безъ Стабровскаго можно обойтись, и даже очень.

— Да, вѣдь, вы, Павелъ Степанычъ, знали положеніе дѣла. Что тутъ было говорить? Потомъ мнѣ казалось, что вы относились ко мнѣ...

— Вздоръ!... Никакъ я не относился... У меня ужъ такой характеръ, что всѣмъ кажется, что я отношусь какъ-то нехорошо. Ваше дѣло хорошее, вѣрное, и я даже съ удовольствіемъ могу вамъ помочь.

Собственно дѣловой разговоръ занялъ очень немного времени.

— Вы понимаете, что если я даю свои средства, то имѣю въ виду воспользоваться извѣстными правами, — предупреждалъ Мышниковъ. — Просто подъ проценты я денегъ не даю и не желаю быть ростовщикомъ. Другое дѣло, если вы мнѣ выдѣлите извѣстный пай въ предпріятіи. Повторяю: я вѣрю въ это дѣло, хотя оно сейчасъ и даетъ только одни убытки.

Это былъ самый лучший исходъ, и деньги Мышникова не ложились на пароходство займомъ, а входили живымъ капиталомъ. Главное, не было никакихъ нравственныхъ обязательствъ и отвѣтственности. Подсчитавъ активъ и пассивъ, Мышниковъ рѣшилъ такъ:

— Скажу вамъ откровенно, Галактіонъ Михеичъ, что всѣхъ своихъ денегъ я не могу вложить въ пароходство, а то, что могъ вложить, все-таки, мало. Вѣдь, все дѣло въ расширеніи дѣла только тогда оно сдѣлается выгоднымъ. Такъ? Отчего вы не обратились къ Штоффу, тѣмъ болѣе, что онъ не чужой вамъ человѣкъ?

— Вотъ именно послѣднее и служить препятствіемъ, Павелъ Семенычъ. Съ постороннимъ человѣкомъ всегда какъ-то легче вести дѣло и даже получить отказъ не обидно.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ нимъ переговорить. Я думаю, что наша компанія всего лучше устроится на такихъ основаніяхъ: у васъ два пая, а у меня со Штоффомъ по одному.

Галактіону приходилось только соглашаться. Да и какъ было не согласиться, когда все дѣло висѣло на волоскѣ? Конечно, было жалъ выпускать изъ своихъ рукъ цѣлую половину предпріятія, но за то можно было расширить дѣло. А главное заключалось въ томъ, что компаніоны - парходчики составляли большинство въ банковскомъ правленіи и могли, въ случаѣ нужды, черпать изъ банка, сколько желали.

Однимъ словомъ, все дѣло устроилось наилучшимъ образомъ, и Галактіонъ не смѣлъ даже мечтать о такомъ успѣхѣ. Оставалось только оформить договоръ и приступить къ дѣлу уже «сильною рукой», какъ говорилъ Павелъ Степанычъ. Именно подъ этимъ впечатлѣніемъ Галактіонъ и отправился къ Луковникову, чтобы подѣлиться со старикомъ своею радостью, а вмѣсто этого получился такой разгромъ, какого онъ еще не испытывалъ. Кто угодно выскажи ему то же самое, что говорила Устинька, не было бы такъ обидно, а тутъ ударъ былъ нанесенъ такою чистою и хорошею рукой.

Выйдя отъ Луковникова, Галактіонъ рѣшительно не зналъ, куда ему идти. Раньше онъ предполагалъ завернуть къ тестю, чтобы поглядѣть дѣтей, но сейчасъ онъ не могъ этого сдѣлать. Въ немъ все точно повернулось. Наконецъ, ему просто было совѣстно. Идти на квартиру ему тоже не хотѣлось. Онъ безъ цѣли шелъ изъ улицы въ улицу, пока не остановился передъ ссудною кассой Замараева. Начинало уже темнѣть, и кое-гдѣ въ окнахъ мелькали огни. Галактіонъ позвонилъ, но ему отворили не сразу. За дверью слышалось какое-то предупреждающее шумуканье.

— Дома Флегонтъ Васильичъ? — спросилъ Галактіонъ горничную.

Горничная посмотрѣла на него какими-то оторопѣлыми глазами и потомъ убѣжала. Галактіонъ снялъ пальто и вошелъ въ гостиную. Гдѣ-то захлопали двери и послышался сердитый шепотъ.

«Они, кажется, здѣсь съ ума сошли?» — невольно подумалъ Галактіонъ.

Въ этотъ моментъ открылась дверь хозяйскаго кабинета и въ рыхъ показался Голяшкинъ, одѣтый во фракъ, бѣлый галстукъ бѣлыя перчатки. Онъ поманилъ гостя пальцемъ къ себѣ.

— Ну, Галактіонъ Михеичъ, ты намъ всю обѣдню испортилъ, — потомъ заявилъ Голяшкинъ, запирая за собой дверь. — Ни раньше послѣ тебя принесло. Горничной - то прямо было наказано

никого не принимать, а она увпдала тебя и сбѣжала. Извѣстно, дура.

— Куда это ты выпрился-то пѣтухомъ галландскимъ?

— Я-то? А мы на свадьбу.

Голяшкинъ зажалъ себѣ ротъ и изобразилъ ужасъ.

— Охъ, продалъ проклятый языкъ! — виновато забормоталъ онъ, озираясь на запертую дверь. — Вѣдь, сегодня твоего брата Симона женимъ... да.

— Симона?

— Его самого... Въ томъ родѣ выходить, что не невѣста убѣгомъ выходить замужъ, а женихъ. Совсѣмъ особенное дѣльце.

— Ничего не понимаю.

— И я тоже... Спроси Ечкина: онъ все оборудовалъ.

Теперь Галактіонъ уже рѣшительно ничего не понималъ. Его выручилъ появившійся Замараевъ. Онъ еще въ первый разъ въ жизни надѣлъ фракъ и чувствовалъ себя, какъ молодая лошадь въ хомутѣ.

— Накрывъ ты насъ, Галактіонъ Михеичъ, — заговорилъ онъ, стараясь придать голосу шутливый тонъ. — Именно, какъ снѣгъ на голову. Мы-то таимся, а ты тутъ, какъ тутъ.

Послѣ нѣкотораго ломанья Замараевъ рассказалъ всѣ подробности предстоявшей свадьбы. Галактіонъ выслушалъ и спросилъ только одно:

— А отецъ ничего не знаетъ?

— Никто и ничего не знаетъ. Ечкинъ обернулъ дѣло ужъ очень скоро. Симонъ-то на отчаянность пошелъ. Всего и свидѣтелей трое: мы съ Голяшкинымъ да Полуяновъ. Въ томъ родѣ, какъ бываютъ свадьбы-самокрутки.

— Отчего же Симонъ мнѣ ничего не сказалъ? Вѣдь, не чужіе.

— А ужъ объ этомъ ты его спроси самъ.

— Хорошо, я спрошу. Вмѣстѣ съ вами поѣду на свадьбу. Впередъ не обманывайте добрыхъ людей.

— Чего же тутъ обманывать? Слава Богу, Симонъ-то Михеичъ не двухъ лѣтъ по третьему. Въ своемъ умѣ паренѣкъ.

— Оно и похоже, что въ своемъ.

— Да, вѣдь, и ты, Галактіонъ Михеичъ, женился не по своей волѣ. Не все ли одно, ежели разобрать? А я такъ полагаю, что отъ своей судьбы человѣкъ не уйдетъ. Значить, ужъ Симону Михеичу выпала такая часть, а суженой конемъ не объѣдешь.

На этотъ разговоръ вышла Анна Харитоновна и начала уговаривать Колобова не ѣздить на свадьбу. Но эта политика суслон-

свой писарихи имѣла какъ разъ обратное дѣйствіе. Галактіонъ заявилъ рѣшительно, что поѣдетъ.

— Ну, какъ знаете, Галактіонъ Михеичъ, — обидѣлась Анна. — Я, значить, вамъ же добра желаю. Прежде-то сосѣдями жили, такъ оно тово...

Замараевъ едва успѣлъ придумать предупредительную мѣру, — онъ потихоньку послалъ Голяшкина впередъ, а самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Галактіономъ.

— Я васъ на своей лошади подвезу, Галактіонъ Михеичъ.

— А Голяшкина загонщикомъ послалъ? Не бойся, будутъ рады.

— Мнѣ - то что же? Не къ чужому человѣку ѣдете, а я только такъ... вообще...

Предупрежденный Симонъ встрѣтилъ брата спокойно, хотя и съ затаенною готовностью дать отпоръ. Свадьба устраивалась въ нагибинскомъ домѣ, и всѣ переполошились, когда узнали, что ѣдетъ Галактіонъ, особенно сама невѣста, уже одѣвавшаяся къ вѣнцу. Это была типичная старая дѣвица съ землистымъ цвѣтомъ лица и кислымъ выраженіемъ рта.

— Гдѣ Ечкинъ? — спрашивала она, бросая свои наряды.

Какъ на грѣхъ, Ечкинъ, вертѣвшійся все время на глазахъ, куда-то пропалъ. Старикъ Нагибинъ совершенно растерялся и спрятался со страха.

— Позовите сюда Галактіона Михеича, — рѣшила невѣста. — Я сама съ нимъ поговорю. А, главное, чтобъ онъ не оставался съ глазу на глазъ съ Симономъ.

Посредникомъ явился все тотъ же Голяшкинъ, точно онъ готовъ былъ вылѣзть изъ собственной кожи.

— Галактіонъ Михеичъ, васъ невѣста зоветъ. Пожалуйте къ нимъ въ комнату. Онѣ вамъ хотятъ словечко сказать... очень просили.

Такъ братья и не успѣли переговорить. Впрочемъ, взглянувъ на Симона, Галактіонъ понялъ, что тутъ всякіе разговоры излишни. Онъ опоздалъ. По дорогѣ въ комнату невѣсты онъ встрѣтилъ того же старца Анеима, — время проходило, минуя этого человѣка, который оставался такимъ же чернымъ, какъ въ то время, когда вѣнчалъ Галактіона. За нимъ въ скитъ былъ посланъ нарочный гонецъ, тарецъ только что пріѣхалъ.

Когда Галактіонъ вошелъ въ комнату, его встрѣтила невѣста и дала первую сухую и костлявую руку.

— Милости просимъ, Галактіонъ Михеичъ, — заговорила она,

подавляя невольное волненіе.—Вы это очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали къ намъ на свадьбу. Я даже не знала, что вы въ городѣ.

— И я тоже случайно узналъ про вашу свадьбу. Извините, я даже не знаю, какъ васъ зовутъ.

— Натальей, а отца Осипомъ—значить вышла Наталья Осиповна.

Невѣста говорила уже теперь совсѣмъ смѣло, овладѣвъ собой. Она сдѣлала Голяшкину знакъ глазами, чтобъ онъ убирался.

— Садитесь,—предложила она.—У насъ все такъ скоро случилось, что даже не успѣли оповѣстить родныхъ. Ужъ вы извините. Вѣдь, и ваша свадьба тоже скороспѣлкой вышла. Это прежде тянули по полугоду, да и Симонъ Михеичъ очень ужъ торопился.

— Что же, я ничего не говорю. Вамъ жить съ Симономъ, вамъ и знать, какъ и что.

— О насъ не беспокойтесь,—съ улыбкой отвѣтила невѣста.—Проживемъ не хуже другихъ. Счастье не отъ людей, а отъ Бога. Можетъ быть, вы противъ меня, такъ скажите впередъ. Время еще не ушло.

— Я? Нѣтъ, я ничего не могу сказать. Конечно, оно какъ-то неловко, что Симонъ женится тайкомъ, а, впрочемъ, все равно.

— Онъ стыдится, что беретъ жену старше себя, — объяснила невѣста безъ заминки.

Невѣста понравилась Галактіону своимъ рѣшительнымъ характеромъ. Именно такую жену и нужно безхарактерному и податливому Симону. Эта будетъ держать его въ рукахъ.

Когда женихъ, а потомъ невѣста уѣхали въ моленную, явился Ечкинъ, весь сіявшій румянцемъ и брилліантами. Увидѣвъ шагавшаго по пустой гостиной Галактіона, онъ радостно крикнулъ:

— Кого я вижу! Вотъ удружилъ, что самъ догадался пріѣхать! А я нарочно разыскивалъ тебя по всему городу.

— Не ври ты, пожалуйста, — оборвалъ его Галактіонъ. — Ты это все устроилъ потихоньку. Не беспокойся, понимаю, что тебѣ нужно. Обращаешься этого стараго дурня?

— Тсс... Ради Бога, тише!... Просто, не могу видѣть мертвый капиталъ, а каждая дѣвушка и молодой человѣкъ именно мертвы² капиталъ.

— Перестань морочить. Одно скажу: ловко. Да, очень ловко.

Пока происходило длинное раскольничье вѣнчаніе, старикъ Нагибинъ заперся въ своей собственной моленной и все время молился, откладывая земные поклоны. Онъ даже прослезился и все шепталъ: «Слава Тебѣ, Господи!»

Изъ свидѣтелей запоздалъ къ обряду одинъ Полуяковъ, но за то онъ вернулся изъ моленной первымъ. Его встрѣтилъ на крыльцѣ Нагибинъ, расцѣловалъ и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи!

— Что же, дѣло правильное, Осипъ Григорьичъ. И въ Писаніи сказано: не хорошо жити единому.

Противъ общаго ожиданія, скороспѣлый свадебный столъ прошелъ очень оживленно. Невѣсту провожали совершенно неизвѣстныя Галактіону раскольниковы дѣвушки, вырядившіяся въ старинныя парчевыя сарафаны, а одна даже была въ кокошникѣ. Старецъ Анѳимъ за столомъ попалъ между Полуяновымъ и Ечкинымъ и подъ столомъ нѣсколько разъ перекрестилъ «жида». Молодая держала себя очень свободно, просто и смотрѣла на мужа уже съ чувствомъ собственности. Приѣхавшая къ свадебному столу Анна Харитоновна не могла надивиться: давно ли вотъ эта самая Наташа была такая тихая да застѣнчивая, а тутъ откуда прыть взялась. Мужчины скоро подвыпили, и поднялось свадебное галдѣнье. Выпилъ и самъ старикъ Нагибинъ. Пошатываясь, онъ обходилъ всѣхъ гостей, всѣхъ цѣловалъ и всѣмъ повторялъ одно и то же:

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Ечкинъ сидѣлъ рядомъ съ Галактіономъ и нѣсколько разъ толкалъ его локтемъ.

— Посмотри на Замараева и Голяшкина: эти два плута далеко пойдутъ, — шепталъ онъ.

— Не дальше тебя, Борисъ Яковличъ.

Галактіонъ все время молчалъ, находясь подъ впечатлѣніемъ давешней сцены съ Устинькой. Еслибъ она увидала этотъ пиръ благочестивыхъ разбойниковъ, — вѣдь, всѣ разбойники, какъ одна масть, и невѣста разбойница.

Х.

Свадьба Симона, какъ и свадьба Галактіона, закончилась крупнымъ скандаломъ, хотя и въ другомъ родѣ. Еще за свадебнымъ столомъ Замараевъ нѣсколько разъ подталкивалъ Симона и шепталъ:

— Ты смотри, не дай маху. Сейчасъ же требуй денегъ съ тестя.

— Да неловко какъ-то, Флегонтъ Васильичъ. Какъ-нибудь томъ.

— А ты не будь дуракомъ. Эхъ, голова—малина! У добрыхъ ей такъ дѣлается: какъ ѣхать къ вѣнцу — пожалуйте, милень-тенька, денешки изъ руки въ руку, а то не поѣду. Вотъ какъ частоящему-то. Сколько по уговору слѣдуетъ получить?

— Никакого уговора не было. Вѣдь, одна дочь.

Замараевъ вскипѣлъ и обругалъ молодого.

— Убилъ ты бобра, Симонъ... да. Ну, не дуракъ ли ты послѣ этого, а? Да, вѣдь, тебя какъ бить надо, а?

Симонъ обидѣлся и обругалъ Замараева.

— Да, вѣдь, я тебѣ добра желаю, пенъ ты березовый! Вотъ ужъ помянешь меня добрымъ словомъ.

Молодые должны были ѣхать на мельницу въ Прорывъ черезъ два дня. Замараева мучило глупое поведеніе Симона, и онъ забѣгалъ къ нему нѣсколько разъ за справками. Эти пристаиванья начали тревожить Симона. Онъ потихоньку выпилъ для храбрости коньяку и рѣшилъ объясниться со старикомъ на чистоту.

— Тятенька, какъ, значить, я съ женой уѣзжаю завтра на мельницу, такъ намъ надо, значить... Вообще, на счетъ капиталовъ.

У Нагибина сейчасъ же сдѣлалось испуганное лицо и онъ, по обыкновенію, прикинулся непонимающимъ и даже глухимъ.

— Какихъ капиталовъ?—переспросилъ онъ.

— Вѣдь, у васъ, тятенька, одна дочь и, значить, должны вы ее наградить.

— За что это награждать-то, милый зять?

— Да ужъ такъ ведется.

— А, ты вотъ про что! Ну, это ты даже совсѣмъ напрасно. Приданое за дочерью я далъ въ полной формѣ, а что касася капиталовъ, такъ у меня ихъ и у самого-то нѣтъ.

Симонъ опѣшилъ и не зналъ, что ему говорить.

— Нѣтъ у меня ничего,—увѣрялъ старикъ.—Вотъ хоть сейчасъ образъ со стѣны сниму. Зря про меня болтаютъ. Я-то женился самъ на босоножкеѣ, только что на себѣ было, а ты вонъ капиталовъ требуешь.

Этимъ всѣ разговоры и кончились. Симонъ отправился къ Замараеву и передалъ свой разговоръ съ тестемъ.

— Вреть, все вреть!—клялся Замараевъ всѣми святыми.—А ты прямо на горло ему наступи. Эхъ, горе ты лыковое! Ты его, стараго чорта, припугни хорошенько. Да нѣтъ, у тебя ничего не выйдетъ. Тоже свадьба называется! Вотъ что, вѣдь, вы ѣдете въ Суслонъ и старикъ туда же притащится? Ну, и я поѣду. У насъ съ Голяшкинымъ зубъ разыгрался. Мы ужъ на мельницѣ выправим настоящую - то свадьбу. И старика прижмемъ. Скажи прямо: такъ и такъ, богоданный тятенька, очень я задолжалъ Замараеву и грозить онъ меня въ острогъ засадить. Вотъ погляди, какъ жена-то за тебя уцѣпится.

Симонъ чуть не плакалъ. Онъ надѣялся черезъ женитьбу вырваться съ мельницы, а тутъ выходило такъ, что нужно было возвращаться туда же со старою «молодой». Получался одинъ срамъ. Оставалась послѣдняя надежда на Замараева.

Принялъ участіе въ дѣлѣ и Голяшкинъ, считавшій себя до известной степени прикосновеннымъ къ дѣлу лицомъ, какъ участникъ. Даже былъ вызванъ Полуяновъ для необходимаго совѣщанія.

— Это, вѣдь, мы подвели парня, — говорилъ Голяшкинъ. — Надо его выручать.

— Трудненько выручать-то, — соображалъ Полуяновъ. — Вотъ ежели бы была устроена рядная запись или ежели бы я былъ исправникомъ. Тогда бы я ему пок-казалъ! Я бы его выворотилъ на лѣвую сторону!

На этотъ конгрессъ попалъ даже Харитонъ Артемьичъ, разыскивавшій Полуянова по всему городу. Старикъ одолевалъ своего повѣреннаго и успѣлъ ему надѣсть.

— А, свидѣтели! — сообразилъ Харитонъ Артемьичъ. — Чужое наслѣдство дѣлите? Ловко васъ обзатылили Осипъ - то Григорьичъ. Эхъ, вы, горькіе!

— Вотъ видите? — огорчился Голяшкинъ. — Теперь надъ нами всё будутъ смѣяться.

— Летать любите, а садиться не умѣете, — не унимался старикъ. — То-то. А знаете пословицу: свату первая палка. Наступите на жиды: его рукъ дѣло.

— И то, братцы! — спохватился Замараевъ. — Что же это мы дураковъ валяемъ?

Полуяновъ скромно отмахивался, какъ лицо заинтересованное. Выходило настоящее похмѣлье въ чужомъ пиру. Да и такъ онъ не посовѣтовалъ бы посылать Ечкина для переговоровъ. Какъ разъ онъ получить деньги, да себѣ въ карманъ и положить, какъ было съ стеариновою фабрикой. Хорошій человѣкъ, а деньги показывать нельзя.

— Давайте я схожу къ старику, — предлагалъ Харитонъ Артемьичъ.

— Нѣтъ, тятенька, вамъ никакъ невозможно, — протестовалъ Замараевъ. — Известно, какой у васъ неукротимый характеръ. Еще угаете, а то и въ рукопашную пойдете.

Пока шли эти конференціи, дѣло разрѣшилось само собой. Монахиня узнала объ этихъ недоразумѣніяхъ слишкомъ поздно и пришла стыдить мужа.

— Ты это что придумалъ-то? Вѣдь, я одна дочь у отца и все

мнѣ достанется. Зачѣмъ грѣшить прежде времени? Папаша ужъ старичокъ и, того гляди, помретъ. Однимъ словомъ, пустяги.

Она скрыла отъ мужа свой разговоръ съ отцомъ. Дѣло было довольно крупное.

— Вы, папаша, въ самомъ дѣлѣ, дайте денегъ, — заявила она отцу. — Не мужу, а мнѣ. Вѣдь, я у васъ одна дочь.

— Не дамъ ни гроша... Помру, тогда все твое. Да и нѣтъ у меня денегъ.

— Да, вѣдь, я-то знаю, сколько у васъ ихъ вездѣ напрятано. Пожалуйста, не запирайтесь.

— Ну, хорошо. Поѣзжайте теперь на мельницу съ Богомъ, а потомъ я самъ привезу. Въ банкѣ у меня деньги.

— А не обманете?

— Наташка, прокляну!

— Вы лучше деньги-то дайте, а проклясть всегда успѣете.

— Ей-Богу, привезу, только поѣзжайте.

Молодой и самой хотѣлось до смерти поскорѣе вырваться изъ Заполя, и она согласилась. Провожая молодыхъ, Нагибинъ прослезилился и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Когда экипажъ скрылся изъ виду, старикъ хихикнулъ и даже закрылъ ротъ горстью, точно самыя стѣны могли подслушать его родительскую радость.

Вечеромъ въ каморѣ Нагибина, — старикъ занималъ самую северную комнату во всемъ домѣ, — сидѣлъ Ечкинъ. Милліонеръ, чтобъ отблагодарить благодѣтеля, вытащилъ полбутылки мадеры, оставшейся отъ свадьбы.

— Вѣдь, я не пью, Осипъ Григорьичъ.

— Охъ, отлично дѣлаешь! — стоналъ Нагибинъ. — Вѣдь, за мадерцу деньги плачены. И что только мнѣ стоила эта самая Наташка!... Теперь возьми, — вѣдь, одѣть ее надо? Потомъ одинъ-то я и старыхъ штецъ похлебаю или рѣдечкой закушу, а ей подавай котлетку... такъ? Да тутъ еще свадьбу справляй... Одно разореніе. А теперь пусть кормить и одѣваетъ мужъ... Такъ я говорю?

— Конечно, Осипъ Григорьичъ.

— Слава Тебѣ, Господи!... А ужъ тебя не знаю, чѣмъ и благодарить. По гробъ жизни не забуду... И въ поминанъе даже запишу, хоть ты и некрещеный.

— Мнѣ ничего не нужно, Осипъ Григорьичъ.

— Вотъ, вотъ... Еще перваго такого-то человѣка вижу... да.

А я теперь вольный козакъ. По рукамъ и по ногамъ вязала дочь. Ну, много ли мнѣ одному нужно? Слава Тебѣ, Господи!

По городу ходила молва, что Ечкинъ обрабатываетъ выживавшаго изъ ума миллионера, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ вся эта исторія разыграется. Увѣряли, что Ечкинъ уже втянулъ Нагибина въ свою концессию и черпаетъ деньги, какъ изъ своего кармана. Другіе клялись, что брѣпокъ Нагибинъ и ничего изъ этого не выйдетъ. Всѣ соглашались только въ одномъ, что очень ужъ ловко Ечкинъ поддѣлъ старика, высватавъ дочери молодого жениха. Ужъ лучше этой штуки и не придумаешь. А приданое, конечно, Ечкинъ получить за свои труды. Въ этомъ тоже никто не сомнѣвался. Изъ-за чего же онъ хлопоталъ да беспокоилъ себя?

Избавившись отъ дочери, Нагибинъ повелъ жизнь совершенно отшельническую. Изъ дому онъ выходилъ только раннимъ утромъ, чтобы сходить за провизіей. Его скупость росла, кажется, по часамъ. Дѣло дошло до того, что онъ пересталъ покупать провизію въ лавкахъ, а заходилъ въ обжорный рядъ и тамъ на нѣсколько копѣекъ выторговывалъ себѣ печенки, вареную баранью голову или самую дешевую соленую рыбу. Даже торговки изъ обжорнаго ряда удивлялись отчаянной скупости Нагибина и прозвали его Кашею.

Бъ себѣ Нагибинъ не принималъ и жилъ въ обществѣ какой-то глухой старухи-кухарки. Сосѣди видѣли, какъ къ нему прѣзжалъ нѣсколько разъ Ечкинъ, потомъ приходилъ Полуяновъ и, наконецъ, видѣли разъ, какъ рано утромъ отъ Нагибина выходилъ Лѣодоръ. Дальнѣйшія извѣстія о Нагибинѣ прекратились окончательно. Онъ пересталъ показываться даже на улицѣ.

Прошло послѣ свадьбы не больше мѣсяца, какъ по городу разнеслась страшная вѣсть. Нагибинъ скоростижно умеръ. Было это вскорѣ послѣ обѣда. Онъ поѣлъ какой-то ухи изъ соленой рыбы и умеръ. Богда кухарка вошла въ комнату, онъ лежалъ на полу уже похолодѣвшій. Догадкамъ и предположеніямъ не было конца. Всего удивительнѣе было то, что послѣ миллионера не нашли никакихъ денегъ. Имущество было въ полной сохранности, мнѣ всѣ цѣлы, а кухарка показывала только одно, что хозяинъ ѣлъ за часъ до смерти уху.

Судебное слѣдствіе ничего не могло выяснить. Осмотръ трупа его не далъ, насильственныхъ знаковъ на тѣлѣ не оказалось. рича врачи рѣшили, что старикъ отравился рыбнымъ ядомъ. Но было опровергнуто докторомъ Бочетовымъ, который въ *За-вѣскомъ Курьерѣ* напечаталъ цѣлую статью о томъ, что рыбный

ядь заключаютъ въ себѣ только голопокрывныя рыбы, а Нагибинъ тѣлъ уху изъ соленой головы максуна, то-есть рыбы чешуйчатой. Пришлось сдѣлать вскрытіе тѣла и анализъ внутренностей показалъ присутствіе стрихнина. Этого было достаточно, чтобы сейчасъ же были арестованы по подозрѣнію Ечкинъ и Полуяновъ, а потомъ Ліодоръ.

Городъ ужасно волновался. Ходили упорные слухи, что отравилъ старика никто другой, какъ Ечкинъ. Весь вопросъ заключался только въ томъ, черезъ кого онъ отравилъ, — видѣли Полуянова и видѣли Ліодора. Во всякомъ случаѣ, всѣ трое были одинаково подозрительны, особенно Ечкинъ. Вѣдь, онъ нарочно устроилъ эту свадьбу, чтобы удалить изъ дому дочь, потомъ, что значили его таинственные визиты къ Нагибину, наконецъ, какую роль игралъ ссыльный Полуяновъ? Дѣло запутывалось. Общественное мнѣніе было противъ Ечкина, отнесагося къ своему аресту совершенно спокойно, какъ человѣкъ, уже подготовившійся ко всякимъ случайностямъ.

Еще больше смуты внесла пріѣхавшая «молодая». Она рвала и метала, обвиняя настойчиво во всемъ Ечкина.

— Какъ же вы можете говорить такъ увѣренно? — удивлялся слѣдователь. — Во всякомъ случаѣ, дѣло совершенно темное.

— Некому больше, — съ женскою логикой отвѣчала свидѣтельница. — Онъ и меня просваталъ, чтобы лучше было отравить папашу... Это вамъ всякій скажетъ.

Слѣдователя сбивало многое. Во-первыхъ, Ечкинъ держалъ себя слишкомъ ужъ спокойно и слишкомъ съ достоинствомъ, какъ состоящій крупный преступникъ. Ясно было, что все было устроено черезъ Ліодора, который путался въ показаніяхъ и завирался на глазахъ. Но опять странно, что такой умный и дальновидный человѣкъ, какъ Ечкинъ, довѣритъ исполненіе безпутному и спившемуся Ліодору.

— Я дѣйствительно заходилъ къ Нагибину, — показывалъ Ліодоръ. — Надо было опохмѣлиться... Ну, а онъ меня прогналъ.

Это было слишкомъ наивно. Загадку представлялъ собой и Полуяновъ, какъ слишкомъ опытный человѣкъ, въ свое время самъ производившій тысячи дознаній и прошедшій большую школу. Но онъ былъ тоже спокоенъ, какъ Ечкинъ, и слѣдователь приходилъ въ отчаяніе. Получалась какая-то сплошная нелѣпость. Въ качествѣ свидѣтелей были вызваны даже Замараевъ и Голяшкінъ, которые испугались больше подсудимыхъ и несли невозможную околесную, такъ что слѣдователь махнулъ на нихъ рукой.

— Это мой зятекъ Замараевъ стравилъ Нагибина!—кричалъ Харитонъ Артемьичъ прямо на улицѣ.—Прямо въ острогъ его, подлеца!... Да и другихъ зятьевъ тоже! Весь альбомъ въ острогъ.

XI.

Мышниковъ бывалъ въ бубновскомъ домѣ почти каждый день, что его тяготило, возмущало и заставляло молча негодовать. Мышниковъ, всесильный и заставлявшій всѣхъ чувствовать свою тяжелую руку, ничего здѣсь не могъ подѣлать. Такъ хотѣла Прасковья Ивановна. Стоило ей прислать безграмотно нацарапанную записку, и онъ безпрекословно исполнялъ каждую букву, кажется, даже неистовыя грамматическія ошибки. Прасковья Ивановна писала: «сводни», «намедни», «дѣлашь», «куфня», «леменація» и т. д. Мышниковъ дошелъ до того, что былъ въ восторгѣ отъ такого правописанія. Вѣдь, это писала Прасковья Ивановна, а все, что она дѣлала, конечно, хорошо. Однимъ словомъ, получалась картина полного рабства. Прасковья Ивановна черезъ Мышникова имѣла большое вліяніе въ самомъ банкѣ и открывала и закрывала кредитъ по своему усмотрѣнію. Мышникова поражало, что она могла предвидѣть событія. Последнимъ случаемъ въ этомъ отношеніи было обращеніе Галактіона за помощью къ своему врагу, какимъ былъ Мышниковъ. У нея было что-то вродѣ спорта ставить людей въ неловкія положенія, приче́мъ Мышникову доставалось больше всѣхъ. Такъ было и тутъ.

— Галактіонъ придетъ къ тебѣ, вотъ посмотри, —увѣряла она.

— Нѣтъ, не придетъ... Не такой человекъ.

— А я тебѣ говорю: придетъ. Ты его ревнуешь ко мнѣ?

— Я?... Нисколько.

— Вѣдь, Галактіонъ умица, и ему можно довѣрить какой угодно капиталъ. Ты ему дашь денегъ?

— Не знаю... гм... какъ тебѣ сказать.

— Вотъ и вышло, что ревнуешь... да. Развѣ я не знаю, какъ ты его все время жмешь?... Однимъ словомъ, онъ придетъ и ты дашь ему денегъ.

Галактіонъ пришелъ. Только когда все было кончено, Мышникову пришла проклятая мысль, что не подослала ли его сама же Прасковья Ивановна. Отъ нея всего можно было ожидать.

Однимъ только не могъ Мышниковъ помириться: это—съ визитомъ въ бубновскій домъ. Каждый разъ, когда онъ ѣхалъ туда, его разбирала самая тупая злость. Вѣдь, все пальцами указыва-

ютъ: вонъ Мышниковъ покатишь къ своей сударушкѣ. Затѣмъ, его коробила мысль о соперничествѣ съ пьяницей докторомъ. Это было что-то уже окончательно невозможное. Мышниковъ каждый разъ испытывалъ такое чувство, точно онъ что-то воруетъ, и, притомъ, дрянно воруетъ. Есть крупные воры и мелкіе воришки, — онъ причислялъ себя къ послѣдней категоріи. Сколько разъ Мышниковъ предлагалъ Прасковѣ Ивановнѣ разойтись съ мужемъ и жить съ нимъ по-настоящему.

— Да ты никакъ съ ума сошелъ? — удивлялась Прасковья Ивановна. — Теперь-то я мужняя жена, а тогда пришей хвостъ кобылѣ... Пригасики засмѣются.

— Все равно, и теперь всѣ знаютъ про наши отношенія.

— Болтать болтають, а знать никто ничего не знаетъ... Вѣдь, не про насъ однихъ судачать, а про всѣхъ. Сегодня вотъ ты пріѣхалъ ко мнѣ, а завтра я могу тебя и не принять... Съ мужнею-то женой трудно разговаривать, не то, что съ своею полюбовницей. Такъ-то, Павелъ Степанычъ... Хоть и плохой, а, все-таки, мужъ.

Послѣднюю штукой Прасковьи Ивановны было то, что она задумала ѣхать гостить къ Харитинѣ, которая жила въ Городищѣ и въ Запольѣ не показывала глазъ.

— Что-то я стосковалась по ней, — коротко объяснила она Мышникову. — И ты поѣдешь... Ну, будто пристань посмотрѣть, — теперь свое дѣло на половину. Вотъ тебѣ и задѣлье, а не зря поѣдешь.

Злѣйшій врагъ не придумалъ бы для Мышникова болѣе непріятнаго положенія. Съ одной стороны, онъ давно старался не встрѣчаться съ Харитиной, на которую сердился за свое неудачное ухаживанье, затѣмъ онъ подозрѣвалъ Галактіона въ нѣкоторыхъ успѣхахъ у Прасковьи Ивановны, — однимъ словомъ, какъ ни поверни, а выходило неудобно и такъ, и этакъ. И, все-таки, Мышниковъ поѣхалъ, презирая собственное подчиненіе Прасковѣ Ивановнѣ. Онъ придумалъ только одно — предупредить Штоффа о поѣздкѣ. Хитрый нѣмецъ долженъ былъ служить въ качествѣ какаго-то изолирующаго элемента.

Когда Мышниковъ съ Прасковьей Ивановной пріѣхали въ Городище, Штоффъ былъ уже тамъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что пріѣхалъ случайно. Хозяева встрѣтили гостей очень радушно, а особенно былъ веселъ Галактіонъ. Такимъ ужъ давно его не видали. Харитина была блѣдна и молчалива, но Прасковья Ивановна, несмотря на самое точное изслѣдованіе, не нашла и слѣдовъ тѣхъ синяковъ, о которыхъ рассказывали въ Запольѣ. Это даже огорчило гостей,

которой хотѣлось видѣть Харитину именно въ синякахъ. Очень бы ужъ это было хорошо. Прасковья Ивановна не могла забыть, какъ Харитина отбила у нея Галактіона. Кто знаетъ, можетъ быть, овдовѣвшій Галактіонъ и женился бы на ней, на Прасковьѣ Ивановнѣ?

Харитина въ свою очередь отнеслась къ гостѣ съ большимъ подозрѣніемъ. Не проста эта мудреная птица прилетѣла. Но она сдѣлала видъ, что ничего не подозрѣваетъ, и нѣсколько разъ принималась обнимать и цѣловать гостю, а разъ подвела гостю къ зеркалу и проговорила:

— Посмотри, Паша, какія мы съ тобой старыя, да некрасивыя стали... Вотъ у тебя морщины около глазъ и волосы скоро сѣдѣть будутъ. Совсѣмъ состарились.

— Ты можешь стариться, а я не согласна, — обидѣлась гостя.

Мужчины были заняты осмотромъ пристани, складовъ, баржей и новаго парохода *Компанія*. Галактіонъ увлекся и не замѣчалъ, что компаньоны уже порядочно утомились и нѣсколько разъ посматривали на часы. Наконецъ, Штоффъ не вытерпѣлъ:

— Вотъ что, Галактіонъ... И пристань, и пароходъ, и амбары, — все это отлично, а хорошо и рюмочку водки выпить.

— И загусить кусочкомъ хлѣба съ масломъ, — прибавилъ Мышниковъ, пародируя любимое выраженіе Штоффа.

— Да вотъ что, мы будемъ обѣдать прямо на пароходѣ, — предлагалъ Галактіонъ. — Черезъ часъ пары будутъ готовы.

Все общество отнеслось къ этому предложенію съ большимъ сочувствіемъ. День былъ прелестный. Можно проѣхать вверхъ по Блужевой верстѣ на сорокъ, почти до самаго Заполя.

Дамы приняли эту затѣю хотя и безъ особеннаго восторга, но съ удовольствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо прокатиться по рѣкѣ. *Компанія* была выстроена по-новому — на половину буксирный и на половину пассажирскій, такъ что была общая каюта, рубка и кухня.

— Хоть одинъ разъ пообѣдаемъ за свои денежки, — шепнулъ Штоффъ на ухо Мышникову. — Бываютъ такіе обѣды.

— Не каркай, нѣмецкая душа! — тоже шепотомъ отвѣтилъ Мышниковъ.

Харитина какъ-то сразу оживилась и бойко принялась со-
... все необходимое. Она когда-то умѣла такъ мило хлопотать,
... была и молода, и красива, и счастлива. Прасковья Ивановна
... дила за ней улыбающимися глазами и думала: вотъ отчаянная
Харитина, какъ увидѣла постороннихъ мужчинъ, такъ и за-
... тала брынской козой.

Мышниковъ тоже наблюдалъ хозяйку и про себя жалѣлъ ее. И похудѣла она, и подурнѣла, и какая-то запуганная, и глаза смотрятъ какъ у наказанной только что собаки. Порядочная скотина этотъ Галактіонъ, если разобрать. Давешнее безпокойство Мышникова относительно неловкости этого визита совершенно улеглось, благодаря ловкости Штоффа, умѣвшаго занять какое угодно общество. Сдѣлалось даже совсѣмъ весело, когда въ ожиданіи парохода мужчины выпили и закусили. Прасковья Ивановна пила вмѣстѣ съ другими рюмка за рюмкой, а Харитина наотрѣзъ отказалась.

— Галактіона боишься?—травила ее гостья.

— Никого я не боюсь, а такъ, не хочется.

— Прежде-то вмѣстѣ пивали? — не отставала Прасковья Ивановна.

— Мало ли что было прежде.

Харитина даже покраснѣла и опустила глаза. Она начинала ненавидѣть торжествовавшую за ея счетъ Прасковью Ивановну. Въ довершеніе всего, выпившій Галактіонъ, — онъ пилъ рѣдко и поэтому хмѣлѣлъ быстро, — началъ ухаживать за гостьей довольно откровенно.

— А вы все еще молодцомъ, Прасковья Ивановна, — говорилъ онъ немного прилипавшимъ языкомъ. — А моя Харитина на ободранную кошку скоро будетъ походить.

— Значить, вы плохо ее бережете, Галактіонъ Михеичъ.

— Ну, ужъ это пусть она сама себя бережетъ.

— Женщина—деликатное существо и требуетъ самаго нѣжнаго ухода.

— Что-то какъ будто не видалъ такихъ.

— Ужъ будто и не видали?

Прасковья Ивановна загадочно улыбнулась.

Штоффъ въ свою очередь наблюдалъ всѣхъ остальныхъ, улыбался и думалъ: «Нечего сказать, хорошенькія двѣ семейки!» Его больше всего смѣшило то, какъ Мышниковъ ревнуетъ свою Прасковью Ивановну. Тоже нашелъ занятіе... Да, видно, правда, что каждый дуракъ по-своему съ ума сходить.

— Ты это чему смѣешься?—привязался къ нему Мышниковъ

— Я? А я думаю, что намъ недостаетъ только Ечкина и Полуанова.

— Ты глупъ, нѣмецъ.

— Я? Я челоѡкъ вѣжливый и давно уступилъ совершенствъ другимъ. По-моему, даже обидно быть совершеннымъ въ обществѣ.

людей съ недостатками... А, впрочемъ, каждый глупъ какъ разъ настолько, насколько это нужно.

— Прилично глупъ?

— Нужно соблюдать приличія и въ умѣ.

Интересная бесѣда была прервана появившимся штурманомъ, который пришелъ сказать, что пароходъ готовъ. Всѣ обрадовались, потому что начинало уже накапливаться какое-то скрытое недовольство.

— Ахъ, какъ я люблю воду!—повторяла Прасковья Ивановна, съ восторгомъ хлопая ладонями.—Плыть, плыть безъ конца!

— А еще коняку желаете выкушать? Я замѣтилъ, что вы вообще равнодушны къ жидкостямъ,—приставалъ Штоффъ.

— Отстаньте, невѣжа!

Прасковья Ивановна находилась въ кокетливомъ настроеніи и съ намѣреніемъ старалась побѣсить Мышникова, начинавшаго ревновать ее даже къ Штоффу. Да, этихъ мужчинъ всегда слѣдуетъ немного выдерживать, а то они привыкаютъ къ женщинамъ, какъ ребенокъ къ своей куклѣ, которую можно колотить головой о полъ и по цѣлымъ днямъ забывать гдѣ-нибудь подъ диваномъ. Живой примѣръ—Харитина.

Поѣздка на пароходѣ удалась на рѣдкость. Особенно развеселился Галактіонъ. Онъ рѣдко пилъ, а тутъ разрѣшилъ. Обѣдали на открытой палубѣ и перебирали текущія новости, среди которыхъ первое мѣсто занимала таинственная смерть Нагибина, связанная самымъ глупымъ образомъ съ глупою женитьбой Симона.

— Нѣтъ, скажите мнѣ, куда дѣвались деньги?—приставалъ ко всѣмъ подвыпившій Штоффъ.—Вѣдь, онѣ были... да. И всѣмъ это извѣстно... И какая публика подобралась: Ечкинъ, Полуяновъ, Ліодоръ... Ха-ха!... Ліодоръ всѣхъ путаетъ.

— Я увѣренъ, что Ечкинъ тутъ рѣшительно не причемъ,—увѣрялъ Мышниковъ.—А Полуяновъ трусъ... Ліодоръ глупъ. Помоему, все это устроилъ кто-нибудь четвертый.

— Ясно одно, что все дѣло сдѣлано своимъ человекомъ, который зналъ все, а, главное, зналъ, куда старикъ пряталъ деньги. Да, и это сказать, дѣльце интересное!

Когда всѣ подвыпили, Штоффъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ тому, но его останавливалъ Мышниковъ.

— Перестань, Барла... Все равно, никто тебѣ не повѣритъ.

— Ахъ, да!—соглашался Штоффъ.

— Вѣдь, все свои и смѣшно будетъ самому слушать свои собственные глупости.

Штоффъ соглашался, а потомъ забывалъ и дѣлалъ новую попытку разразиться спичемъ. Это смѣшило всѣхъ. Время, вообще, летѣло незамѣтно и всѣ удивились, когда штурманъ пришелъ сказать, что дальше подниматься вверхъ по Блючевой опасно. До Заполяя оставалось всего верстъ пятнадцать.

— Э, пустяки!—заявлялъ Галактіонъ.—Я самъ поведу пароходъ.

Его едва уговорили не братья за руль, а предоставить дѣло штурману, какъ болѣе знающему и опытному. Этимъ моментомъ и воспользовался Штоффъ.

— Господа, всего два слова на отвлеченную тему... Я хочу сказать о томъ, что такое герой... да. Вы не смѣйтесь.

— Герой, это—пьяный нѣмецъ,—вышучивалъ Мышниковъ.

— Нельзя ли безъ остроумія, отъ котораго столько же вреда, сколько отъ жеваной бумаги? И такъ, mesdames и messieurs, что такое герой? Герой не тотъ завоеватель, который съ вооруженнымъ полчищемъ разоряетъ беззащитную страну, не тотъ, кто, по выраженію Шекспира, за парами славы готовъ залѣзть въ жерло орудія, не хитрый дипломатъ, не модный поэтъ, не артистъ, не ученый съ своимъ послѣднимъ словомъ науки, не благодѣтель чело-вѣчества на бумагѣ,—нѣтъ, герои этого разбора покончили свое существованіе. Другое время, другія птицы и другія пѣсни... Нынѣшній, настоящій герой не имѣетъ даже имени, исторія не занесетъ его въ свои скрижали, благодарное потомство не будетъ чтить его памяти... Самъ по себѣ онъ даже не интересенъ и даже лучше его совѣмъ не знать, ибо онъ весь растворяется въ своемъ дѣлѣ онъ ферментъ, бродильное начало, та закваска, о которой говорится въ Писаніи... да. Однимъ словомъ, я говорю о Галактіонѣ.

— Вотъ такъ фунтъ!—ахнулъ Мышниковъ.—Карла, если бы ты меня возвелъ въ такіе герои, я на тебя подалъ бы жалобу мировому... Галактіонъ, хочешь я вчиню искъ объ оскорбленіи? Свидѣтели налицо... Все дѣло поведу на свой рискъ. Ха-ха!... Герой оптомъ... Раньше герои имѣли значеніе въ розницу, а теперь оптовый герой, безпаспортный.

— Говорите, говорите!—поощряла Прасковья Ивановна.—Это интересно!

— Позвольте мнѣ кончить, господа... Дѣло не въ названіи, а въ сущности дѣла. Такъ я говорю? Поднимаю бокалъ за того, а онъ открываетъ новые пути, кто срываетъ завѣсу съ народныхъ богатствъ, кто ведетъ насъ впередъ... Я сравнилъ бы нашъ бапъ съ громадною паровою машиною, причемъ роль пара замѣняетъ

питаль, а вотъ этотъ пароходъ, на которомъ мы сейчасъ плывемъ— это только одинъ изъ приводовъ, который подчиняется главному двигателю... Геній заключается только въ томъ, чтобы воспользо- ваться уже готовою силой, а поэтому я предлагаю тостъ за...

Штоффу сегодня было суждено не кончить. Съ самый интерес- ный моментъ, когда уже ставаны были подняты, съ капитанскаго мостика раздался голосъ штурмана:

— Галактіонъ Михеичъ, пожаръ!

Всѣ поднялись разомъ. Гдѣ пожаръ? Что случилось? Всѣхъ больше перепугался Штоффъ,—перепугался до того, что готовъ былъ броситься въ воду. Скоро дѣло разъяснилось: пожаръ былъ впереди, въ той сторонѣ, гдѣ чуть брезжило Заполье.

— Заполье горитъ!—вырвалось у всѣхъ.

Галактіонъ самъ сталъ у штурвала, чтобы проѣхать какъ мож- но дальше. Ненагруженный пароходъ сидѣлъ всего на четырехъ четвертяхъ, а воды въ Блючевой, благодаря ненастью въ горахъ, было достаточно. Но не прошло и четверти часа, какъ на одномъ поворотѣ *Кампанія* врѣзалась въ мель.

— Ну, теперь кончено!—ахнулъ Штоффъ.—Господи, всего- то оставалось верстъ двѣнадцать... Батюшки, что же мы будемъ дѣлать?... Посмотрите, господа, вѣдь, это наша Московская улица горитъ!

По прямой линіи до Заполья было всего верстъ шесть. Съ ка- питанской рубки картина пожараща развертывалась съ каждою минутой все шире. Громадные клубы дыма поднимались уже въ четырехъ мѣстахъ, заволакивая даль грозною багровою пеленой.

— Если бы лошадь... Боже мой, дайте мнѣ лошадь!—оралъ Штоффъ, въ безсильной ярости бѣгая по палубѣ.—Вѣдь, у меня все тамъ осталось.

— Господа, идемте пѣшкомъ,—предлагалъ Галактіонъ.—Это будетъ вдвое скорѣе, если мы станемъ подниматься на лодкѣ вверхъ по теченію.

— И я съ вами,—заявляла Прасковья Ивановна.

— Нѣтъ, ужъ, извините, мадамъ,—рѣзко отвѣтилъ Штоффъ.— Какъ вы съ своими юбками? Васъ же придется нести на рукахъ.

Галактіонъ и Мышниковъ были того же мнѣнія.

— Свиньи!—обругала всѣхъ Прасковья Ивановна.

Когда мужчины переѣхали на спасательной лодкѣ на берегъ и кой побѣжали прямо полями, она еще разъ обругала ихъ.

пожаръ разливался съ каждою минутой все сильнѣе и черезъ нѣкоторую-нибудь часъ Заполье представляло изъ себя одинъ сплошной пожаръ.

XII.

Пожаръ начался въ городскомъ предмѣстьѣ Теребиловкѣ, гдѣ застѣла мѣщанская голь перекатная. Загорѣлась какая-то несчастная баня. Съ бани огонь перекинулся на сосѣднюю стройку, а потомъ уже охватилъ разомъ цѣлый порядокъ. Пожарная команда оказалась въ неисправности, какъ и слѣдуетъ быть пожарной командѣ,—прогрессъ еще не дошелъ до нея. Бочки разохлись, рукава полопались, помпы не желали выкидывать воды,—однимъ словомъ, все какъ и должно быть. Стоявшая засуха дѣлала изъ деревянныхъ мѣщанскихъ построекъ какую-то подтопку, и огонь захватывалъ одну улицу за другой. Самое главное неудобство заключалось въ томъ, что нельзя было проѣхать за водой къ Блючевой. Рѣка была на виду, а добраться до нея нельзя. Сдѣлавшія отчаянную попытку бочки пожарнаго обоза застряли въ трясинѣ, да еще на бѣду сломался ветхій мостикъ черезъ болото. Получалась картина полной безпомощности.

Когда изъ Теребиловки перекинуло на главную Московскую улицу, всѣхъ охватила настоящая паника. Спасенья не было. Не прошло часа, какъ городъ уже былъ охваченъ пламенемъ. Теперь сразу горѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ видѣ отчаянной мѣры, были выпущены даже арестанты изъ острога. А пожаръ все разливался. Носились тучи искръ, огонь перебрасывало черезъ нѣсколько кварталовъ, а тутъ еще поднялся настоящій вихрь, точно ополчилось на беззащитный городъ само небо. Горѣлъ хлѣбный рынокъ, горѣлъ Гостиный домъ, новые магазины, земская управа, женская гимназія, зданіе запольскаго банка. Картина получалась страшная. Большинство домовъ были деревянные и, притомъ, по амбарамъ вездѣ хранилась ненька, ленъ, льняное сѣмя и т. д. Вездѣ по улицамъ грудями валялось вытащенное изъ домовъ добро и не было свободного проѣзда. Одурѣвшая скотина лѣзла въ огонь. У воротъ стояли старики и старухи съ образами на рукахъ.

Отдѣльные сцены производили потрясающее впечатлѣніе. Горѣло десятками лѣтъ нажитое доброе, горѣло благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ семей. И тутъ же рядомъ происходили тѣ комедіи, когда люди теряютъ отъ паники голову. Такъ, Харитонъ Атемичъ бѣгалъ около своего горѣвшаго дома съ кипой газетъ и бумаги въ рукахъ—единственное, что онъ успѣлъ захватить.

— Вѣдь, говорилъ Михайло Зотычъ!—кричалъ онъ, накидываясь на встрѣчныхъ.—Онъ все говорилъ!... Чего наша дума смѣтрѣла? Гдѣ пожарные? Гдѣ подъѣздъ къ рѣкѣ?... Бить надо... всѣмъ надо бить!

Домъ, въ которомъ жилъ Стабровскій, тоже занялся. У подъезда стояла коляска, потомъ вышли Стабровскій съ женой и Дидей, но отъездъ не состоялся, благодаря миссъ Дудль. Англичанка схватила горшокъ съ олеандромъ и опрометью бросилась вдоль по улицѣ. Ее остановилъ какой-то оборванецъ, выдернулъ олеандръ и принялся имъ хлестать несчастную англичанку.

— Разѣ такое теперь время, чтобы цвѣты таскать?!

Стабровскій не хотѣлъ уѣзжать безъ миссъ Дудль, и это все разстроило. Около экипажа уже образовалась цѣлая толпа и слышались угрожающіе голоса:

— Поляки подожгли городъ!.. Видишь, какъ ловко нагладись уѣзжать! Ребята, не пущай!

Произошло замѣшательство.

— Папа, стрѣлай! — крикнула обезумѣвшая отъ страха Дидя.

Трудно было предвидѣть, чѣмъ бы закончилась эта дикая сцена. Въ такіе моменты не разсуждаютъ и самые выдержанные люди теряютъ голову. Стабровскій по опыту зналъ, что такое возбужденная толпа. Его чуть не разорвали въ клочья, когда онъ занимался подрядами въ Сибири. А тутъ еще Дидя съ своею сумасшедшею фразой... Всѣхъ спасла миссъ Дудль, которую привели подъ руки. Она такъ смѣшно сопротивлялась, кричала и вообще произвела впечатлѣніе. Толпа разступилась, и Стабровскій воспользовался этимъ моментомъ. Онъ увелъ всѣхъ во дворъ, велѣлъ затворить сейчасъ же ворота и огородами вывелъ всѣхъ уже на другую улицу.

— Въ огонь ихъ надо было бросить! — жалѣли въ оставшейся у воротъ толпѣ. — Видишь, подожгли городъ, а сами бѣжать!

Магнату пришлось выбраться изъ города пѣшкомъ. Извозниковъ не было и за лошадь съ экипажемъ сейчасъ не взяли бы горы золота. Важно было уже выбраться изъ линіи огня, а куда — все равно. Когда Стабровскіе уже были за чертой города, произошла встрѣча съ бѣжавшими въ городъ Галактіономъ, Мышниковымъ и Штоффомъ. Произошелъ горячій обмѣнъ новостей. Пани Стабровская, истощившая послѣдній запасъ силъ, заявила, что не можетъ идти.

— Спасайтесь вы на пароходъ, а я умру здѣсь, — спокойно сказала она. — Мнѣ все равно не дойти.

Я сейчасъ достану лошадь, — вызвался Галактіонъ. — Подождите меня.

Мышниковъ и Штоффъ задыхались отъ усталости.

Тебѣ я не совѣтую идти въ городъ, — говорилъ Стабровскій

едва бѣжавшему Штофффу.—Народъ потерялъ голову... Какъ разъ и въ огонь бросать.

Галактіонъ сдержалъ слово и черезъ полчаса вернулся въ простой крестьянской телѣгѣ. Это было уже величайшее счастье. Пани Стабровскую, Дидю и миссъ Дудль усадили кое-какъ, а Стабровский помѣстился на облучкѣ кучеромъ. Галактіонъ указалъ, по какому направленію имъ ѣхать къ пароходу. Черезъ часъ телѣга подъѣзжала уже къ Ключевой и съ парохода подавали лодку.

— Хорошо то, что хорошо кончается,—замѣтилъ Стабровский, соображая всѣ обстоятельства дѣла.

Пароходныя дамы встрѣтили гостей съ распростертыми объятіями: онѣ сгорали отъ нетерпѣнія узнать послѣднія новости.

Когда банковскіе дѣльцы вошли въ городъ, все уже было кончено. О какомъ-нибудь спасеніи не могло быть и рѣчи. Въ центральныхъ улицахъ сосредоточивалось теперь главное пекло. Горѣли каменные дома.

— Вотъ это такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ!—ворчалъ Мышниковъ, задыхаясь отъ далекой ходьбы.—Положимъ, у меня все имущество застраховано.

— И у меня тоже,—отозвался Штоффф.—Интересно, выдержатъ ли наши патентованные нескораемые шкафы въ банкѣ... Меня это всего больше занимаетъ. Вѣдь, все равно, когда-нибудь мы должны были сгорѣть.

Это хладнокровіе возмутило даже Мышникова. Кстати, патентованные нескораемые шкафы не выдержали опыта и въ нихъ все сгорѣло. За то Вахрушка спасъ свои капиталы и какую-то дрянъ, спрятавъ все въ печкѣ. Это, кажется, былъ единственный поучительный результатъ всего запольскаго пожара и находчивость банковскаго швейцара долго служила темой для разговоровъ.

Единственный человѣкъ, который не тревожился, ничего не спасалъ и ничего не боялся, это былъ докторъ Кочетовъ. Когда къ нему въ кабинетъ вбѣжала горничная съ извѣстіемъ о пожарѣ, онъ даже не шевельнулся на своемъ диванѣ, а только махнулъ рукой. Пожаръ? Что такое пожаръ? Онъ, Кочетовъ, уже давно сгаль самого себя на медленномъ огнѣ... За послѣдніе дни галлцинаціи приняли обостренную форму, и онъ все время страдалъ, переживая свои превращенія въ Бубнова. Боже, какъ это было и тяжело, и страшно, и безвыходно!... Пожаръ? Что таи пожаръ? У него уже давно разливался этотъ пожаръ въ крови и мозгу: это, дѣйствительно, страшно, потому что отъ такого

жара никуда не убѣжишь. И потомъ, какъ могъ убѣжать Кочетовъ, когда на дорогѣ могъ превратиться въ Бубнова?

— Докторъ, уходите! — умоляли его прибѣжавшіе изъ магазина прикащики.

— Хорошо, хорошо. Не беспокойтесь.

И горячая, и прикащики не замѣтили, что съ ними говорилъ не докторъ Кочетовъ, а пьяница Бубновъ. Докторъ Кочетовъ могъ только смѣяться надъ этою мистификаціей. Впрочемъ, о немъ скоро забыли. Онъ стоялъ у открытаго окна и любовался пожаромъ. Вѣдь, это очень красиво, когда такая масса огня... Огонь — очищающее начало. Вонъ уже загораются сосѣдніе дома... Тоже очень недурно. Становилось жарко. Въ окна врывалась струя ѣдкаго дыма, а докторъ все стоялъ, любовался и дико хохоталъ, когда пламя охватило его собственный домъ. Онъ хохоталъ потому, что теперь для него сдѣлалось все совершенно ясно. Да, именно ясно, ясно, какъ день... Стоя у окна, онъ нѣсколько разъ превращался въ Бубнова и этотъ Бубновъ ужасно трусилъ, трусилъ до смѣшного, — Бубнову со страху хотѣлось бѣжать, выпрыгнуть въ окно, молить о помощи.

— Ага, наконецъ-то ты мнѣ попался, голубчикъ! — злорадовался докторъ, потирая руки. — Я тебя живого сожгу... Ха-ха!

Бубновъ трусилъ еще больше. Чтобы онъ не убѣжалъ, докторъ заперъ всѣ двери въ комнатѣ и опять всталъ у окна, — изъ окна-то онъ его уже не выпустить. А тамъ, на улицѣ, сбѣжались какіе-то странные люди и кричали ему, чтобъ онъ уходилъ, т.-е. Бубновъ. Это уже было совсѣмъ смѣшно. Глупцы они, только теперь увидѣли его! Докторъ стоялъ у окна и раскланивался съ публикой, прижимая руку къ сердцу, какъ оперный пѣвецъ.

— Извините, господа, а я не могу *его* выпустить.

Потомъ ему пришла уже совсѣмъ смѣшная мысль. Онъ расхохотался до слезъ. Эти люди, которые бѣгаютъ подъ окномъ по улицѣ и стучатъ во всѣ двери, чтобы выпустить Бубнова, не знаютъ, что стоило имъ крикнуть всего одну фразу: «Прасковья Ивановна ~~требуетъ!~~» — и Бубновъ бы вылетѣлъ. О, онъ все можетъ... да!

— Ага, голубчикъ, попался! — хохоталъ докторъ, продолжая кланяться съ публикой. — Я очень радъ съ тобой покончить... вѣдь, мнѣ, говоря правду, порядочно надоѣлъ.

Зумасшедшій сгорѣлъ живымъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАРЧЕЛЛА*).

Романъ мистрисъ Уордъ.

У.

Осенній день уже склонялся къ вечеру, когда Альдъ Рэборнъ возвращался съ охоты.

Хотя онъ былъ поглощенъ своими чувствами, но не могъ противустоять обаянію природы. Торжественная тишина вечера, переливы тоновъ заката, обширный видъ вокругъ невольно привлекли его вниманіе. Онъ поднялся на небольшую возвышенность и оттуда обозрѣвалъ окрестности.

Вся эта обширная страна современемъ будетъ принадлежать ему, въ сущности, и теперь уже онъ въ ней полный хозяинъ, такъ какъ старикъ-дѣдъ безгранично ему преданъ и во всемъ безусловно ему довѣряетъ. Небольшія церкви, разбросанныя тамъ и здѣсь, селенія, сгруппировавшіяся вокругъ нихъ, рабочіе, живущіе въ этихъ селеніяхъ и обрабатывающіе эти безконечныя поля, фермы, тонуція въ зелени, отдѣльныя хижины, тамъ и сямъ выглядывающія изъ-за лѣса, — все это, весь строй жизни и бытъ сельскаго населенія, не преувеличивая можно сказать, принимая во вниманіе экономическія условія современной Англіи, будетъ зависѣть отъ него одного, будетъ держаться его умомъ и совѣстью.

Во дни юности эта мысль наполняла сердце его и гордостью, и счастьемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ Кембридж и въ послѣднее время будущая судьба его стала представляться ему въ видѣ тяжелой и отвѣтственной задачи, а никакъ не наслажденія. Впечатлительный, добросовѣстный, съ анализирующимъ умомъ, онъ постоянно мучился всякими сомнѣніями и угрызеніямъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

совѣсти, которыя его предкамъ не приходили и въ голову. Во время пребыванія въ колледжѣ, благодаря одному ближайшему другу, онъ былъ вовлеченъ въ размышленія объ общественныхъ вопросахъ. Радикальныя теоріи объ устраненіи имущественнаго и политическаго неравенства, либеральныя идеи о широкихъ правахъ самоуправленія столкнулись въ его головѣ съ наслѣдственными торійскими традиціями объ отеческомъ управленіи избраннаго меньшинства; онъ долженъ былъ пережить борьбу между вліяніями семьи и ранняго воспитанія и внушеніями друга, передъ которымъ благоговѣлъ.

Въ одинъ годъ съ Рэборномъ въ Trinity-college вступилъ одинъ молодой человѣкъ, который быстро сталъ вожакомъ лучшихъ и самыхъ способныхъ своихъ товарищей. Онъ былъ бѣденъ и плохо подготовленъ. Скоро стало очевидно, что здоровье его не выдержитъ обычной школьной рутины и что, несмотря на блестящія дарованія, онъ не можетъ конкурировать съ другими. Послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, онъ отказался отъ честолюбивыхъ плановъ и выбралъ себѣ болѣе скромную карьеру. Его слабый организмъ могъ выдержать только два часа серьезной умственной работы въ день. Онъ проводилъ это время въ занятіяхъ исторіей и соціологіей; всѣ его размышленія и разговоры съ товарищами вращались тоже въ кругу историческихъ или общественныхъ вопросовъ; онъ имѣлъ въ виду приготовить къ чтенію публичныхъ лекцій, которыя организовали въ послѣднее время оба старѣйшіе англійскіе университета въ промышленныхъ и провинціальныхъ городахъ. По своему происхожденію и семейнымъ вліяніямъ, онъ какъ нельзя болѣе подходилъ для такой просвѣтительной дѣятельности. Отецъ его былъ очень извѣстный фабричный инспекторъ, прославившійся проведеніемъ многихъ гуманныхъ реформъ въ фабричномъ законодательствѣ; сынъ наслѣдовалъ отъ отца гуманныя стремленія, при этомъ онъ былъ такъ обаятеленъ, такъ умѣлъ покорять сердца, что вскорѣ сталъ крупною силою не только между товарищами, но и вообще во всемъ университетѣ. Онъ обладалъ замѣчательною способностью во всякое время, среди самой пестрой компаніи, переводить разговоръ отъ пустыхъ обыденныхъ предметовъ къ вопросамъ первостепенной важности и злобы дня, превращать мелкія пререканія въ пылыя, полныя интереса споры и вообще напрягать умственные нравственные силы собесѣдниковъ, задѣвая ихъ за живое, но рѣмъ не личными нападками, а исключительно теоретическими замечаніями. При этомъ у Эдуарда Голлена—такъ звали его—не было ни позировки, ни одной фальшивой нотки,—онъ всего дости-

галь единственно силой искренняго юношескаго увлеченія. У многихъ, бывшихъ въ колледжѣ въ то время, неизгладимыми чертами вѣззалась въ память его тонкая фигура, прекрасная голова, энергичныя, слегка раскрытыя губы, блестящія, вдохновенныя глаза и быстрыя, порывистыя движенія.

На Альда Рэборна Голленъ произвелъ сразу сильное впечатлѣніе. Соціальныя вопросы, которымъ былъ преданъ Голленъ, и его намѣреніе основательно изучить быть англійскаго пролетарія, въ одно и то же время, и раздражали, и заманивали Рэборна.

Въ сущности, оба они были совершенно различными людьми. Рэборнъ былъ вѣрнымъ сыномъ своихъ отцовъ, впитавшимъ въ себя утонченныя инстинкты аристократической расы, включая глубокое презрѣніе къ здравому смыслу толпы и ко всѣмъ пошлостямъ ходячей народной реторики; онъ раздѣлялъ мельчайшіе предразсудки своего сословія и былъ полонъ хотя скрытой, но глубокой гордости своимъ родомъ. Быстрыя и рѣшительныя сужденія и заключенія Голлена приводили его въ смущеніе и вызывали недовѣріе. Кембриджская школьная дисциплина еще болѣе развила въ немъ природныя наклонности къ размышленію и выработала изъ него добросовѣстнаго и тонкаго мыслителя; его умъ работалъ медленно, но съ необыкновенною точностью. Наконецъ, холодныя, сдержанныя манеры представляли рѣзкій контрастъ съ подвижною и экспансивною натурой Голлена.

Голленъ вышелъ изъ Кембриджа, получивши право на чтеніе лекцій, и собирался читать лекціи по экономическимъ и промышленнымъ вопросамъ въ сѣверныхъ городахъ Англіи. Рэборнъ оставался еще годъ, сталъ классикомъ, получилъ премію за греческое стихотвореніе и, отказавшись отъ профессуры, возвратился къ дѣду помогать ему по управленію имѣніемъ; родня его рассчитывала, что черезъ нѣсколько лѣтъ практическихъ занятій сельскимъ хозяйствомъ онъ вступитъ въ парламентъ и начнетъ политическую карьеру. Съ тѣхъ поръ уже прошло пять или шесть лѣтъ, онъ изучилъ всѣ статьи обширнаго хозяйства, исполнялъ обязанности судьи, наблюдалъ за исполненіемъ законовъ о бѣдныхъ, былъ членомъ всевозможныхъ обществъ — благотворительныхъ, народнообразовательныхъ и т. п. Онъ не гнушался и спортомъ, охотился за купатками, какъ принято у людей его бруга. Сосѣди чувствовали в немъ опредѣленную личность, но находили его черезъ-чуръ сдержаннымъ и не простымъ; его уважали, но не любили, также как и его дѣда; интересовались тѣмъ, на комъ онъ женится и каку составить себѣ карьеру, но вообще занимались имъ мало.

Между тѣмъ, для Альда Рэборна жизнь въ замкѣ его дѣда прошла далеко не бесплодно. Пріѣзды Голлена, ихъ совмѣстные путешествія за границу почти каждый годъ, живая и серьезная переписка, частыя просьбы его друга или пожертвовать денегъ, или употребить свое вліяніе для какихъ-нибудь общественныхъ цѣлей, — всѣ эти вліянія, на ряду съ непосредственными впечатлѣніями окружающей обстановки, ставили передъ нимъ самые настоятельные жизненные вопросы. По своимъ вкусамъ, привычкамъ, симпатіямъ онъ принадлежалъ старому порядку; но старинное міровоззрѣніе уже было поколеблено въ немъ во многихъ пунктахъ. Онъ совершенно не могъ себѣ представить, какъ онъ будетъ дѣйствовать въ качествѣ землевладѣльца и политика; одно только было ему ясно, что философствовать теперь, когда есть неотложныя практическія дѣла, по меньшей мѣрѣ безсмысленно.

Такъ, минуты размышленія всегда были отравлены у него всякаго рода терзаніями. Ему часто казалось, что еслибъ онъ не былъ Альдомъ Рэборномъ, не имѣлъ опредѣленныхъ связей и отношеній, не занималъ извѣстнаго положенія, ему гораздо легче было бы разрѣшить свою жизненную задачу.

Но сегодня всѣ эти безпокойные вопросы и сомнѣнія совсѣмъ его не тревожили. Онъ совершенно преобразился, чувствовалъ себя бодрымъ, молодымъ, съ восторгомъ привѣтствовалъ зарожденіе новаго сильнаго чувства, котораго онъ давно жаждалъ.

Полтора мѣсяца тому назадъ онъ въ первый разъ увидалъ ее, высокую, стройную Марчеллу Бойсъ. Онъ закрылъ глаза, чтобы возстановить въ воображеніи ея фигуру въ бѣломъ легкомъ платьѣ, съ глазами, блестящими изъ-подъ широкой шляпки, съ улыбкой, выказывавшей рядъ мелкихъ бѣлыхъ зубовъ, и съ живыми, быстрыми движеніями. Какая интересная, очаровательная дѣвушка! Какъ смѣло и свободно она себя держитъ, и, между тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшей рѣзкости, — напротивъ, сколько мягкости, женственности, глубокаго чувства! Какъ прямо предложила она ему свои рискованные вопросы!

Теперь Рэборнъ даже готовъ былъ радоваться, что онъ занимаетъ вліятельное положеніе въ мѣстномъ обществѣ: съ помощью изей онъ можетъ повернуть общественное мнѣніе въ пользу Бойсъ. Онъ былъ увѣренъ, что отецъ Марчеллы не запятналъ себя чѣмъ-нибудь безусловно низкимъ, и хотя не можетъ быть рѣчи о новомъ возстановленіи отношеній, во всякомъ случаѣ, Марчелла и мать должны быть всюду приняты съ честью, разъ Марчелла это желаетъ. Прежде всего, онъ постарается склонить своего

дѣда, къ мнѣніямъ котораго прислушивается весь околотокъ; затѣмъ онъ близокъ съ двумя или тремя свѣтскими дамами, которыя пользуются вліяніемъ и ради него сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависить. А такія дѣла лучше всего устраивать съ помощью женщинъ.

Онъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ. Все въ ней казалось ему необыкновенно привлекательнымъ — ея порывистость, отзывчивость, великодушіе. Пусть только она довѣрится ему, — онъ дастъ ей возможность осуществлять ея утопіи и будетъ ей помогать. Человѣкъ, запутавшійся въ логическихъ тонкостяхъ мысли, съ наслажденіемъ вспоминалъ ея наивное стремленіе преобразовать общество по указаніямъ ея гуманнхъ чувствъ. Онъ окружалъ ее ореоломъ поэзіи и идеализма.

Звонъ колокола, раздавшійся въ долину, оборвалъ его мечты; онъ спрыгнулъ съ кучки камней, на которой сидѣлъ въ темнотѣ, и быстро направился къ дому.

VI.

По мѣрѣ того, какъ Рэборнъ приближался къ замку, повышенное настроеніе его все болѣе и болѣе падало, и все яснѣе выступала передъ нимъ трудность его положенія. Онъ не могъ настраивать дѣда въ пользу Бойсовъ, не раскрывши ему своихъ чувствъ и плановъ. Кромѣ того, Рэборны были очень сдержанны съ посторонними, но по отношенію другъ къ другу они держались старыхъ родовыхъ традицій — безусловнаго довѣрія и откровенности, такъ что Альдъ Рэборнъ считалъ себя обязаннымъ рассказать все дѣду.

Но онъ отлично понималъ, что, по крайней мѣрѣ, съ перваго раза дѣдъ отнесется къ этому несочувственно. Съ другой стороны, совмѣстная жизнь долгіе годы послѣ страшныхъ потерь настолько сблизила ихъ, что Альдъ Рэборнъ ни одной минуты не боялся какихъ-нибудь рѣзкихъ выходовъ и рѣшительнаго сопротивленія со стороны дѣда.

Было уже почти совсѣмъ темно, когда Альдъ Рэборнъ вошелъ въ замокъ.

Освѣдомившись, гдѣ находится лордъ Максвелль, и узнавши, что онъ въ библіотекѣ, Альдъ Рэборнъ направился туда. Онъ проходилъ по длинному корридору, уставленному греко-римскими статуями и саркофагами. Въ открытыя двери видны были большія, высокія, ярко освѣщенныя комнаты, украшенныя картинами и уставленныя книгами.

Альдъ Рэборнъ чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойно, подходя къ дверямъ библіотеки.

— Какъ ты загулялся, Альдъ! — сказалъ лордъ Максвелъ, быстро обернувшись на скрипъ дверей. — Что тебя задержало такъ долго?

Старикъ сидѣлъ у ярко пылавшаго камина, съ раскрытою книжкой *Edinburgh Review* на колѣняхъ. При свѣтѣ лампы и камина выдѣлялась его изящная голова, съ большою шапкой волнистыхъ сѣдыхъ волосъ, зачесанныхъ назадъ, длинное лицо съ тонкими правильными чертами, крѣпкая и сильная фигура.

— Дичи было мало и мы долго бродили, — сказалъ Альдъ, подходя къ камину. — Рикманъ также задержалъ меня на фермѣ безконечными разглагольствованіями о томъ, что ему нужно сдѣлать.

— Ахъ, этотъ несносный Рикманъ! — сказалъ лордъ Максвелъ, улыбаясь. — Онъ платитъ ренту съ тѣмъ, чтобы потомъ получить ее обратно. Право, скоро землевладѣніе станетъ одною изъ самыхъ безкорыстныхъ формъ благотворительности. Однако, для тебя тутъ есть новости. Вотъ письмо отъ Бартонъ, — это была фамилія его стариннаго друга, бывшаго въ то время министромъ. — Прочти. Онъ пишетъ, что министерство едва ли продержится дольше января. Въ ихъ партіи очень много необузданныхъ элементовъ, и билль С... несомнѣнно подорветъ ихъ. Парламентъ соберется въ январѣ, и онъ думаетъ, что поправка къ адресу окончательно ихъ потопитъ. Само собою разумѣется, что онъ сообщаетъ все это конфиденціально. И такъ, милый мой, тебѣ предстоитъ много работать нынѣшнею зимой. Два или три вечера въ недѣлю — меньшимъ тебѣ не отдѣлаться. Бартонъ сообщаетъ также, что онъ слышалъ, будто молодой Уартонъ выступить кандидатомъ отъ Дорнфольскаго округа. Онъ надѣлаетъ много непріятностей намъ и Ливенамъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Еще слава Богу, что мать его умерла недавно, а то мы бы узнали, чего можно натерпѣться отъ свирѣпой женщины!

Старикъ взглянулъ на внука съ веселою улыбкой. Альдъ стоялъ передъ каминомъ и смотрѣлъ разсѣяннo.

— Да ну же, Альдъ, — сказалъ лордъ Максвелъ съ отѣнкомъ нетерпѣнія, — будетъ тебѣ строить философа! Хотя я и становлюсь сѣдымъ, но будущее правительство не можетъ не принять меня въ ряды. Мы съ тобой, я думаю, съумѣемъ провести въ будущей зимѣ двѣ или три вещицы, для насъ важныя. Я убѣжденъ, что будущіе выборы доставятъ нашей партіи такое выгодное положеніе, какого она не имѣла въ послѣднія 30—40 лѣтъ. Видишь, мы съ тобой можемъ ликовать!

Альдъ вдругъ улынулся такою улыбкой, которая привела его дѣда въ изумленіе. Онъ думалъ, что имѣеть дѣло съ зрѣлымъ человекомъ, передъ которымъ открывается возможность составить себѣ блестящую карьеру, а, между тѣмъ, эта блаженная улыбка показываетъ, что передъ нимъ легкомысленный юноша.

— Все это прекрасно, — сказалъ Альдъ, слегка повысивъ голосъ, — но дѣло въ томъ, что мои мысли теперь очень далеко отъ политики, и ты долженъ мнѣ дать время настроить себя на этотъ ладъ. Я вернулся не прямо домой, — я долженъ былъ испытать себя и удостовѣриться, прежде чѣмъ говорить съ тобой. Не такъ давно...

— Ну, продолжай, продолжай! — крикнулъ лордъ Максвелъ.

Но Альдъ затруднился. Ему вдругъ показалось нелѣпымъ повѣрять то, что еще не совсѣмъ опредѣлилось, и онъ запнулся. Но, съ другой стороны, онъ уже сказалъ слишкомъ много, чтобъ отступать назадъ. Лордъ Максвелъ вскочилъ и схватилъ его за руку.

— Ты влюбленъ, другъ мой? Договаривай же скорѣе!

— Я встрѣтилъ женщину, единственную, на которой бы хотѣлъ жениться, — сказалъ Альдъ, краснѣя. — Согласится ли она, я не знаю. Но для меня это было бы большимъ счастьемъ. А такъ какъ ты можешь кое-что для насъ сдѣлать, — для нея и для меня, — то я и не считалъ себя вправѣ скрывать отъ тебя свои чувства. Да, наконецъ, я просто не привыкъ... — его голосъ слегка дрогнулъ. — Ты всегда обходился со мной, какъ съ сыномъ...

Лордъ Максвелъ горячо сжалъ ему руку.

— Мой дорогой мальчикъ! Да не томи же меня такъ долго: скажи мнѣ скорѣе, кто она?

И въ умѣ лорда Максвелъ промелькнули двѣ или три вѣроятныя фамиліи.

Альдъ произнесъ твердо и медленно:

— Марчелла Бойсъ. Дочь Ричарда Бойса. Я познакомился съ ней полтора мѣсяца назадъ.

— Господи Боже мой! — воскликнулъ лордъ Максвелъ, отступая назадъ и съ изумленіемъ смотря на Альда. — Развѣ ты не знаешь его исторіи, Альдъ?

— Нѣтъ, въ подробностяхъ не знаю. Было бы хорошо, если бы ты мнѣ рассказалъ все, что знаешь. Само собой разумѣется, я вижу, что ты и сосѣди чуждаешься его, и для миссъ Бойсъ и я хотѣлъ бы найти выходъ изъ этого положенія.

— Боже мой! — говорилъ лордъ Максвелъ, шагая по комнатѣ, заложивши назадъ руки и опустивши голову. — Боже, какая ужасная, непріятная исторія!

Онъ остановился передъ Альдомъ.

— Гдѣ ты встрѣтился съ ней, съ этою барышней?

— У Гарденовъ, потомъ иногда въ деревнѣ Меллоръ. Она часто ходитъ по крестьянскимъ хижинамъ.

— Ты ей еще не дѣлалъ предложенія?

— Я еще самъ въ себѣ не былъ увѣренъ до нынѣшняго дня. Да потомъ это было бы слишкомъ самонадѣянно съ моей стороны: она никогда ничего мнѣ не показывала, кромѣ дружескаго расположенія.

— Неужели ты думаешь, что она тебѣ откажетъ? — воскликнулъ лордъ Максвелъ и не могъ скрыть саркастической интонаціи въ голосѣ.

Альдъ взглянулъ на дѣда грустными глазами.

— Вѣдь, ты не знаешь ея!

Лордъ Максвелъ началъ опять шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь подавить волненіе. Несомнѣнно, Альда завлекли; дѣвица играла на его состраданіи, рыцарскихъ чувствахъ, — понятно, съ какими намѣреніями. Альдъ пытался успокоить его, объяснить, но лордъ Максвелъ ничего не слушалъ. Въ концѣ-концовъ, онъ бросился на кресло съ глубокимъ вздохомъ.

— Подожди немного, Альдъ, подожди. Мысль, что ты женишься на дочери этого человѣка, просто ошеломила меня.

Наступило молчаніе. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Остается еще полчаса до обѣда. Сядемъ и обсудимъ дѣло.

Разговоръ, начатый такимъ образомъ, продолжался долго, прерывался на время обѣда и затѣмъ возобновился опять въ библіотекѣ. Это былъ по большей части монологъ со стороны лорда Максвелла, прерываемый время отъ времени замѣчаніями его внука. Лордъ Максвелъ старался изобразить передъ нимъ во всѣхъ подробностяхъ тѣ основанія, по которымъ дочь Ричарда Бойса ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подходящею женой для Рэборна.

Впрочемъ, Альдъ и раньше зналъ воззрѣнія дѣда на этотъ предметъ. Максвелли не должны держать себя высокомерно и относиться снисхожденіемъ къ другимъ, кто бы они ни были, крестьяне, купцы или дворяне. Но если дѣло коснется брака, то тутъ уже они строго слѣдуютъ за тѣмъ, чтобы «фамилія» не потерпѣла какого-нибудь урона и пониженія.

Что же касается самой исторіи, то она заключалась въ слѣдующемъ. Ричардъ Бойсъ былъ младшимъ и любимымъ сыномъ у отца. Онъ былъ способный и благовоспитанный мальчикъ, въ про-

тивуположность своему чудаковатому старшему брату. На его образование не жалѣли денегъ; онъ былъ юристомъ. Когда онъ выступилъ кандидатомъ въ парламентъ, расходы по его избранію были щедро оплачены отцомъ, и впослѣдствіи отецъ постоянно присылалъ ему денегъ, сколько могъ собрать съ имѣнія, что вызывало большой ропотъ со стороны старшаго сына, Роберта. Между тѣмъ, Ричардъ, повидимому, дѣлалъ большіе успѣхи, по крайней мѣрѣ, на политическомъ поприщѣ. Онъ говорилъ легко и свободно, и первые два года въ Вестминстерѣ онъ старался пристроиться къ разнымъ комиссіямъ, исполнялъ въ нихъ черновую работу и этимъ снискалъ расположеніе вождей торійской партіи. Онъ прекрасно зналъ языки и въ рѣчахъ касался, главнымъ образомъ, вопросовъ иностранной политики, такъ что когда была образована очень важная восточная комиссія, по поводу смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, онъ попалъ въ нее, отчасти по собственнымъ заслугамъ, отчасти вслѣдствіе хлопотъ отца.

Во главѣ комиссіи стоялъ замѣчательный человѣкъ, ей поручено было важное дѣло, и за ея дѣятельностью слѣдила вся Европа. По окончаніи работъ члены комиссіи были осыпаны почестями, ихъ чествовали всюду въ Лондонѣ. Въ то время старикъ - отецъ пріѣзжалъ изъ Меллора полюбоваться на успѣхи Ричарда.

И любовь, какъ обыкновенно бываетъ, присоединилась къ торжеству успѣха. Одна молоденькая, свѣженькая дѣвушка, Эвелина Мерришъ, которая уже блистала своею красотой на балахъ этого сезона, познакомилась съ Ричардомъ Бойсомъ какъ разъ въ то время, когда онъ былъ на виду и передъ нимъ открывались широкія перспективы. Она была очень юна и такъ же непорочна, какъ нарциссы ея сомерсетширской родины; ни другіе, ни она сама не знали еще въ то время, какой у нея сложный характеръ и какъ много она таитъ въ себѣ стоицизма. Ричардъ Бойсъ былъ окутанъ для нея поэтическимъ туманомъ; идеализируя его, она доходила до полного самоуничтоженія и была въ безумномъ восторгѣ, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Послѣ женитьбы прошло еще пять лѣтъ парламентской дѣятельности и затѣмъ наступилъ крахъ. Это довольно обычная грязная исторія, которая стала трагической только благодаря личности жены и отчаянію отца. Прежде всего, желаніе поддержать свое положеніе, играть роль въ обществѣ съ помощью своей красавицы жены, а на биржѣ—при помощи своей высоко цѣнившейся репутации; затѣмъ покровительство разнымъ подозрительнымъ предприятиямъ ради взятокъ, наконецъ, открытое мошенничество, которое по частямъ вскрывалось тамъ и здѣсь и производило ошеломляющіе

дѣйствіе. Но это еще не все. Когда Ричардъ Бойсъ со всѣхъ сторонъ получалъ предостереженія, что ему грозитъ разореніе, онъ вздумалъ поправить свои дѣла карточною игрою въ клубѣхъ. Когда и тутъ ему не повезло, а беспокойство жены и измѣнившееся обращеніе знакомыхъ показало ему, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, на сцену явилась маленькая хористка и еще болѣе запутала и затруднила его положеніе. Пошлая, низкая исторія!

— Какъ живо вспоминаю я этого бѣднаго старика Джона Бойсъ! — сказалъ лордъ Максвелъ, покачивая своею величавою сѣдою головою. — Я видѣлъ его въ тотъ день, когда онъ возвратился послѣ неудачной попытки затушить дѣло. Я встрѣтилъ его на дорогѣ и не могъ удержаться, чтобы не остановить и не спросить его. Мнѣ такъ было больно за него, мы съ нимъ были старинными друзьями. «Ради Бога, не трогайте и не спрашивайте меня!» — закричалъ онъ, когда увидалъ меня. Онъ стегнулъ лошадь и ускакалъ. Я удивился, — этотъ здоровый, румяный человѣкъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Больше я уже не видалъ его въ живыхъ. Началось слѣдствіе, и Ричардъ Бойсъ отсидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ; другихъ, замѣшанныхъ съ нимъ виѣстѣ, постигла гораздо болѣе суровая кара, такъ какъ адвокаты, чтобъ облегчить его участь, воспользовались несоблюденіемъ мелкихъ формальностей и сдѣлали все, что было можно; но всѣ мы, и публика тоже, были увѣрены, что Ричардъ Бойсъ въ нравственномъ отношеніи нисколько не выше тѣхъ. Затѣмъ газеты подхватили извѣстіе о его карточныхъ долгахъ и о той женщинѣ. Она явилась къ нему въ клубъ въ то время, когда онъ былъ на порукахъ, и произвела тамъ скандалъ, и все, такимъ образомъ, выплыло наружу. Однимъ словомъ, это одинъ изъ самыхъ крупныхъ скандаловъ, случившихся на моей памяти.

Старикъ замолчалъ; его лицо было мрачно и сурово. Альдъ тоже молчалъ. Несомнѣнно, исторія была плоха, — гораздо хуже, чѣмъ онъ думалъ.

— А жена и дочь? — вдругъ спросилъ онъ.

— О, эти несчастныя созданія!... Онѣ исчезли вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ отбылъ срокъ своего заключенія. Конечно, избиратели его собирали митинги, выражали негодованіе. Онъ сложилъ свои полномочія, отецъ опредѣлилъ ему небольшое ежегодное содержаніе. Кроме того, у жены были свои небольшія средства, на которыя они и держались, вѣроятно, пока былъ живъ братъ Робертъ. Некоторые изъ родственниковъ жены уговаривали ее бросить его, такъ какъ по отношенію къ ней его поведеніе было особенно возмутительно. Но она не хотѣла. Точно также она не хотѣла выслу-

шивать ни сочувствія, никакихъ разговоровъ. Мнѣ не пришлось ее видѣть ни разу потомъ, со времени перваго года ихъ женитьбы, когда она была блестящею, красивою дамой. Но по тому, какъ она вела себя въ то время, можно думать, что она замѣчательная женщина. Одинъ изъ родственниковъ говорилъ мнѣ, что она порвала со всею родней. Она прекратила отношенія со всѣми, кто былъ противъ ея мужа. Также она ни отъ кого не хотѣла брать денегъ, хотя они страшно нуждались, и самъ Ричардъ Бойсъ былъ не особенно щепетилень. Она покорилась своей участи безропотно, стала жить съ нимъ въ маленькихъ квартиркахъ въ деревнѣ или за границей. А между тѣмъ было ясно, что жизнь ея разбита. Дѣйствительно, она обнаружила страшное напряженіе во всей этой исторіи, но за то потомъ у нея ничего не осталось, — не осталось даже интереса къ маленькой дочкѣ.

Альдъ сдѣлалъ движеніе.

— Мнѣ кажется, намъ пора поговорить о ней, — сказалъ онъ.

Лордъ Максвелъ остановился, собрался съ мыслями и черезъ нѣкоторое время сказалъ:

— Да, можетъ быть, я отклонился въ сторону. Ну, поговоримъ теперь о миссъ Бойсъ. Сколько разъ ты съ ней видѣлся? Насколько серьезно твое чувство?... Не удивляйся, другъ мой, что я такъ растерялся. Еще бы! Ввести въ нашу семью этого человѣка, — его, этого подлеца!... Представь себѣ, мы не могли уговорить его пріѣхать проститься съ умирающимъ отцомъ. Джонъ все забылъ, простилъ ему — и умиралъ изъ-за него, изъ-за этого Ричарда, котораго онъ обожалъ. Съ большимъ трудомъ я разузналъ его адресъ и употребилъ всѣ усилія, чтобъ его вызвать. Напрасно! Онъ пріѣхалъ, когда отецъ уже не узналъ его, за часъ до смерти. Вѣроятно, ему было тяжело, однако, не настолько, чтобъ онъ не могъ присутствовать при чтеніи духовнаго завѣщанія. Я не могу и не хочу простить ему этой жестокости по отношенію къ старику-отцу!

И лордъ Максвелъ опять началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобъ овладѣть своими нервами.

Альдъ смотрѣлъ уныло; онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своихъ чувствахъ: дѣдъ слишкомъ долго занимался Ричардомъ Бойсомъ и забылъ о томъ, что волнуетъ его внука.

— Я вижу теперь, что у тебя есть серьезные основанія, что ты презираешь ея отца, — сказалъ онъ вдругъ, вставая. — Я подумаю, въ какой степени все это касается меня. А завтра ты позволь мнѣ поговорить съ тобой о миссъ Бойсъ. Во всякомъ случаѣ, она совсѣмъ неповинна во всѣхъ этихъ продѣлкахъ. Теперь же я

хочу тебя задерживать дольше. Ты помнишь, какъ горячо Бларкъ предостерегалъ тебя въ прошлый разъ, чтобы ты не утомлялъ себя передъ сномъ.

Лордъ Максвелъ быстро обернулся.

— Что съ тобой, Альдъ, дорогой мой?... Я тебя обидѣлъ? Ахъ, я, старый дуракъ!

И, подойдя къ внуку, онъ ласково положилъ ему руку на плечо и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Передъ тобой великая задача, Альдъ, вопросъ цѣлой жизни. Немудрено, что это такъ взволновало меня,—завтра я буду спокойнѣе. О какой-нибудь ссорѣ между нами не можетъ быть и рѣчи. Ты не юноша, а я не самодуръ. Что касается денегъ, ты знаешь, я на это не обращаю вниманія. Но все мое существо перевертывается, когда я подумаю, что *твоя* жена внесетъ съ собою къ намъ въ домъ эту гнусную исторію!

— Я понимаю,—сказалъ Альдъ, хмурясь.—Но ты долженъ съ ней познакомиться. Еще разъ повторяю: не думай, что она желаетъ меня женить на себѣ. Она необыкновенно чиста, пряма, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

— Да, но у тебя слишкомъ много преимуществъ. Я думаю, что ни одна женщина не можетъ просмотрѣть этого, развѣ только она глупа или совершенный ребенокъ. Ей около двадцати лѣтъ?

— Да.

Лордъ Максвелъ подождалъ нѣсколько минутъ, затѣмъ поднялъ плечи съ видомъ притворнаго отчаянія.

— Послушай, Альдъ, несомнѣнно, ты охладѣлъ ко мнѣ. Какъ же я до сихъ поръ не знаю, блондинка она или брюнетка?

Разговоръ не клеился. Альдъ сдѣлалъ надъ собой усиліе.

— Она очень темная брюнетка, нѣсколько похожа на свою мать. Мнѣ она представляется самою красивою женщиной, какую я когда-либо видѣлъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она очень умна и ясно понимаетъ вещи, въ другихъ—совершенный ребенокъ. Гарденъ говоритъ, что она помогаетъ, чѣмъ можетъ, несчастнымъ крестьянамъ Меллора.

— И такъ, ты говоришь, она красива, умна и добра? Вѣдь, она поселится здѣсь, она должна занять мѣсто твоей матери и бабушки.

Тѣмъ разъ или два пытался что-то сказать, но не рѣшался.

— Еслибъ я не былъ увѣренъ, что она достойна любви и уваженія,—сказалъ онъ, наконецъ, принужденнымъ тономъ,—я бы не вѣлъ ее въ нашъ домъ.

Опять наступило молчаніе. Но Альдъ инстинктивно чувствовалъ, что настроеніе дѣда смягчилось, и онъ воспользовался моментомъ.

— Изъ всего этого разговора мнѣ ясно одно,—сказалъ онъ, слегка улыбаясь,—что ты, если захочешь, можешь оказать мнѣ и миссъ Бойсъ великую услугу.

Лордъ Максвелъ быстро повернулся и внимательно прислушивался; его живые, пронизательные глаза рѣзко выдѣлялись на поблекшемъ морщинистомъ лицѣ.

— Ты можешь, если захочешь, значительно облегчить положеніе матери и дочери,—сказалъ Альдъ, опасаясь, какъ бы не раздражить дѣда.—Ты бы могъ, еслибъ захотѣлъ, не вступая въ личные отношенія съ самимъ Бойсомъ, устроить такъ, чтобы мнѣ было удобно пригласить ее сюда.

Лицо старика омрачилось.

— Какъ, ты хочешь, чтобъ я взялъ назадъ свое письмо? Я никогда съ такимъ удовольствіемъ ничего не писалъ въ своей жизни!

— Да, въ этомъ родѣ,—сказалъ Альдъ спокойно.—Вѣдь, Ричардъ Бойсъ удовлетворится очень немногимъ.

— И, кромѣ того, ты думаешь,—сказалъ лордъ Максвелъ, прерывая его,—что твоя тетя должна поѣхать къ нимъ пригласить ее?

— Я думаю, что иначе невозможно позвать сюда миссъ Бойсъ.

— Можетъ быть, ты также рассчитываешь, что я замолвлю за нихъ словечко передъ Винтерборнами и Ливенами?

— Непремѣнно,—сказалъ Альдъ.

Лордъ Максвелъ задумался, затѣмъ всталъ.

— Теперь я намѣренъ успокоить тѣнь Бларка и пойду спать (Бларкъ былъ постояннымъ докторомъ у лорда Максвеля).

— Надѣюсь, что я не слишкомъ утомилъ тебя,—сказалъ Альдъ и тронулся, чтобы погасить лампу.

Вдругъ дѣдъ позвалъ его.

Альдъ обернулся и увидалъ величественную фигуру дѣда во весь ростъ; взволнованный видъ его встревожилъ Альда.

— Ты понимаешь, Альдъ, что за эти двадцать лѣтъ, съ тѣ поръ, какъ умеръ твой отецъ, ты былъ радостью и счастьемъ моей жизни. Пожалуйста, не говори ничего, мой милый: я не въ состояніи вынести столько волненій. Я говорилъ съ тобой жестко, но совѣтъ не такъ чувствую. Мнѣ не хотѣлось уйти отъ тебя непонятымъ,—пожалуйста, не думай, что на свѣтѣ есть что-нибудь для меня дороже твоего счастья и твоей будущей судьбы.

Благородный старикъ крѣпко сжалъ руку Альда, которую онъ держалъ въ своей, затѣмъ быстро направился къ двери и затворилъ ее за собою.

Черезъ часъ Альдъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ нижнемъ этажѣ и писалъ.

Комната вся была уставлена книгами, философскими и политико-экономическими. На столахъ лежали послѣднія книжки экономическихъ журналовъ, англійскихъ и иностранныхъ, и нѣсколько томиковъ новѣйшихъ критиковъ, поэтовъ и романистовъ.

Надъ каминомъ висѣлъ портретъ его матери, молодой женщины въ открытомъ платьѣ и легкомъ муслиновомъ шарфѣ; въ художественномъ отношеніи это простое обыкновенное лицо не представляло ничего особеннаго, но для Альда оно было связано съ самыми дорогими воспоминаніями, которыя онъ хранилъ въ душѣ, какъ святыню. Она умерла отъ родовъ, когда ему было девять лѣтъ, черезъ два года за ней послѣдовалъ и отецъ. Дѣтство Альда протекло подъ впечатлѣніемъ этихъ грустныхъ событій, которыя преждевременно состарили его дѣда, а на немъ сосредоточили всѣ заботы и любовь окружающихъ. Благодаря этому, въ его нервномъ и чувствительномъ темпераментѣ были подавлены всѣ естественные задатки веселости и живости, и онъ сталъ серьезенъ не по лѣтамъ.

Теперь онъ сидѣлъ и писалъ письмо Эдуарду Голлену; волненія и впечатлѣнія нынѣшняго дня мало-по-малу улеглись въ немъ. Онъ придвинулъ къ себѣ миниатюрный портретъ матери, когда она была дѣвочкой, и фотографію Голлена, и писалъ.

Онъ уже сообщалъ Голлену о Марчеллѣ, обрисовавши ее симпатичными чертами, какъ интересную и прелестную дѣвушку, возбуждающую сочувствіе по своему ненормальному положенію въ обществѣ. Сегодня онъ долженъ былъ обсуждать планъ внутренней колонизаціи, составленный Голленомъ, а вмѣсто того писалъ исключительно о Марчеллѣ.

«Мнѣ интересно, покажется ли она тебѣ красивой. Она, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми красавицами, которыми тетка моя заставляла меня любоваться въ Лондонѣ. Она напоминаетъ итальянку, только не современную. Если ты помнишь, съ фресокъ времени Возрожденія встрѣчаются прекрасныя, блестящія и выразительныя лица, съ черными волнистыми волосами, просто и гладко зачесанными, съ тонкими и мягкими чертами. У нея такое же лицо, необыкновенно красивое, по-моему,—и по краскамъ, и по выраженію, и такое же неправильное, какъ должна

быть красота, составляющая переходную ступень отъ античной строгости къ современному типу. Выраженіе лица то глубоко встревоженное, грустное, то безконечно счастливое, восторженное. Однимъ словомъ, это въ высшей степени художественная красота, представляющая сочетаніе гармоніи и диссонанса, что такъ высоко цѣнится утонченнымъ искусствомъ.

«Ей, по всей вѣроятности, 20 лѣтъ или немножко болѣе. Способности у нея очень богатые и разнообразныя; она часто приходитъ къ вѣрнымъ заключеніямъ, съ помощью особаго высшаго чутья, перескакивая черезъ всю цѣпь логическихъ выводовъ. Зачѣмъ такому существу книжная мудрость? При такой прозорливости достаточно одного житейскаго опыта. А, между тѣмъ, она, несомнѣнно, много читала, главнымъ образомъ, поэтовъ, затѣмъ кое-какія политико-экономическія сочиненія, также Матію Арнольда, Рускина, Карлейля. Она воспринимаетъ все необыкновенно живо, горячо, тотчасъ сближаетъ съ жизнью и повѣряетъ житейскими впечатлѣніями. Она возмущается многими явленіями современной жизни и жаждетъ широкой гуманной дѣятельности. Теперь она помогаетъ разореннымъ крестьянамъ ихъ имѣнія. То, что она говорить, часто представляется мнѣ наивнымъ и даже сумасброднымъ, но внутренній смыслъ ея словъ, настроеніе, которое въ нихъ заключается, покоряетъ меня.

«Удивляйся всему этому, если хочешь, но только пиши мнѣ и пріѣзжай сюда какъ можно скорѣе. Я не могу и не хочу ничего скрывать отъ тебя, и поѣтому ты мнѣ повѣришь, если я скажу тебѣ, что между нами ничего не рѣшено, и хотя я надѣюсь, но, въ то же время, и боюсь неудачи. Но какъ бы тамъ ни было, я сталъ совершенно другимъ человекомъ, и все мнѣ представляется свѣтлымъ и радостнымъ».

Альдъ Рэборнъ всталъ со стула и въ раздумьи подошелъ къ окну.

Образъ Марчеллы носился передъ нимъ, ея голосъ звучалъ въ его ушахъ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ столу, взялъ письмо, прочиталъ его, потомъ разорвалъ и бросилъ въ каминъ.

— Нѣтъ, милый, старый другъ, даже тебѣ не довѣрю я! — сказалъ онъ при этомъ.

VI.

Прошло три дня. На четвертый, возвращаясь передъ вечеромъ домой, Марчелла увидала въ передней на столѣ что-то бѣлое. С

подошла и схватила кучку визитныхъ карточекъ. «Виконтъ Максвелъ», «Мистеръ Раборнъ», «миссъ Раборнъ», «леди Винтербурнъ» и «барышни Винтербурнъ», на двухъ карточкахъ «лордъ Винтербурнъ», — прочитала она въ радостномъ возбужденіи.

— Это, несомнѣнно, его дѣло. Я просила — и онъ устроилъ. — Карточки выпали у нея изъ рукъ на столъ; она стояла и смотрѣла на нихъ, испытывая пріятное чувство удовлетворенной гордости; къ этому примѣшивалось еще болѣе пріятное сознаніе своей силы надъ человѣкомъ, который, какъ ей казалось, не легко поддавался чужому вліянію, особенно женскому.

— Марчелла, это ты? — послышался голосъ ея матери.

Марчелла обернулась, и мистрисъ Бойсъ увидала ея раскраснѣвшееся и оживленное лицо.

— Есть какія-нибудь письма? — спросила она.

— Нѣтъ, но вотъ нѣсколько карточекъ. Ахъ, вотъ и письмо, я не замѣтила! Это тебѣ, мама, изъ замка.

Мистрисъ Бойсъ взяла письмо и карточки и медленно перебирала ихъ одну за другой, не говоря ни слова.

Марчелла, между тѣмъ, сгорала отъ нетерпѣнія.

— Ахъ, мама, да читай же скорѣе письмо!

Мистрисъ Бойсъ сдѣлала гримасу, какъ будто дочь оглушила ее, и распечатала письмо; прочитавши, она передала его Марчеллѣ.

— Я должна заварить чай, — сказала она небрежнымъ, холоднымъ тономъ и прошла въ гостиную, гдѣ былъ поданъ чай.

Марчелла послѣдовала за нею, читая письмо; оно было отъ миссъ Раборнъ и заключало въ себѣ приглашеніе для мистрисъ Бойсъ и ея дочери въ замокъ къ завтраку въ слѣдующую пятницу. Письмо было очень вѣжливо и любезно написано.

«Какъ мама отнесется къ этому? — со страхомъ думала Марчелла. — Въ письмѣ нѣтъ ни слова о папѣ!»

Когда Марчелла вошла въ гостиную, она увидала свою мать въ раздумьи стоящей у стола. Она разсѣянно держала въ рукахъ маленькую серебряную чайницу и смотрѣла въ окно; Марчелла уловила страдальческій взглядъ изъ-подъ ея нахмуренныхъ бровей; но такъ только она слышала шаги Марчеллы, она моментально опрала глаза и занялась чаемъ со своею обычною аккуратностью.

Тебѣ придется подождать, — сказала она, — потому что вода еще кипитъ.

Марчелла подошла къ камину, стала на колѣни и начала по-
продра.

— Мама, ты поѣдешь въ замокъ? — вдругъ спросила она, будучи не въ состояніи дольше удерживаться.

Мистрисъ Бойсъ помолчала нѣсколько времени, затѣмъ проговорила сухимъ тономъ:

— Маневры миссъ Рэборнъ довольно неожиданны. Мы здѣсь живемъ уже четыре мѣсяца, всего въ разстояніи двухъ миль отъ нихъ, и ей ни разу не пришло въ голову пригласить насъ. А теперь она насъ приглашаетъ прямо къ завтраку. Странно, что она такъ мало обращала на насъ вниманія прежде и такъ необыкновенно внимательна теперь, — какъ ты думаешь?

Марчелла колебалась. Признаться или нѣтъ? Вдругъ ей представилось, что она черезъ-чуръ далеко и небрежно держитъ себя по отношенію къ матери.

— Мама!

— Что?

— Я спросила въ прошлый разъ мистера Рэборна, всё ли здѣсь такъ враждебно относятся къ намъ?... Папа сказалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ лорда Макевеля очень нелюбезное письмо, и...

— Какъ, ты спросила мистера Рэборна? — быстро заговорила мистрисъ Бойсъ.

Марчелла обернулась и встрѣтила сверкающій взглядъ матери.

— Я больше не могла этого выносить, — заговорила она то-ропливо, низкими нотами. — Мнѣ казалось такъ ужаснымъ, что всё отъ насъ сторонится; мы вмѣстѣ съ нимъ гуляли, онъ былъ очень добръ и любезенъ, я и попросила его объяснить...

— Понимаю, — сказала мистрисъ Бойсъ. — Онъ сказалъ своей тетускѣ, та отправилась къ Винтербурнамъ, насъ пожалѣли, и вотъ въ результатѣ эти карточки. Благодарю тебя за твои заботы о насъ, Марчелла!

Марчелла вдругъ почувствовала страхъ передъ пронизывающимъ холодною проніей взглядомъ матери, ее смутило гордое, властное выраженіе лица матери. Но черезъ нѣсколько минутъ у Марчеллы вырвался крикъ наболѣвшей души.

— Ты къ этому привыкла, мама! Но я чувствую себя здѣсь какъ бы приговоренною къ смерти, всёми отталиваемою, безъ друзей, безъ общества. И прежде было плохо, — неужели и здѣсь такъ трудно терпѣть?

Мистрисъ Бойсъ поблѣднѣла.

— Я предвидѣла, конечно, что ты захочешь рано или поздно узнать, — заговорила она густымъ рѣшительнымъ голосомъ. —

роятно, мистеръ Рэборнъ сказалъ тебѣ, хотя, конечно, ты должна была догадываться и раньше, что общество относится къ намъ враждебно и имѣетъ на то свои причины. Я не отрицаю, что причины эти основательны. Я никого не обвиняю и ни на кого не сержусь. Но вопросъ вотъ въ чемъ: приму ли я сожалѣніе? Я всегда отвергала его. Хотя ты очень непохожа на меня, но я думаю, что и для тебя лучше всего поступать такъ же.

— Я жажду имѣть друзей, — сказала тихо Марчелла. — Мнѣ такъ многое хотѣлось бы сдѣлать здѣсь, но что я могу сдѣлать одна, когда всѣ противъ меня? Если мы съ тобой сблизимся съ здѣшнимъ обществомъ, то черезъ насъ и папа. Нѣкоторые къ намъ очень расположены, я это навѣрное знаю, — прибавила она, вспоминая о Рэборнѣ. — Неужели мы гордо оттолкнемъ руку, которую намъ протягиваютъ, и отвѣтимъ отказомъ на такое милое и любезное письмо?

— Ты поѣдешь, — сказала мистрисъ Бойсъ, — ты хочешь, и поѣзжай, не взирая ни на что. Я напишу миссъ Рэборнъ записку и отправлю тебя въ каретѣ. Я могу отговориться нездоровьемъ, — относительно меня это очень правдоподобно. Я постараюсь не стѣснять тебя, Марчелла. Если ты хочешь вести свою линію и искать здѣсь друзей, хорошо, я не буду мѣшать тебѣ до тѣхъ поръ, пока ты не потребуешь, чтобъ я измѣнила свою жизнь, а для этого, моя милая, я слишкомъ нервна и стара.

Марчелла вдругъ прониклась глубокимъ сочувствіемъ и состраданіемъ къ матери, котораго она никогда не испытывала раньше.

— Мама, развѣ ты никуда со мной не будешь ѣздить?

Въ голосѣ ея послышались нѣжные, почти дѣтскіе звуки; она какъ бы напрашивалась на установленіе нормальныхъ отношеній между нею и матерью. Но на мистрисъ Бойсъ это не произвело впечатлѣнія; она привыкла считать Марчеллу самостоятельной, не нуждающейся въ посторонней помощи.

— Во всякомъ случаѣ, я не поѣду съ тобой въ замокъ, и въ твоихъ, и въ моихъ интересахъ. Ты одна произведешь гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе, такъ какъ я совсѣмъ одичала. Я, конечно, отдамъ эти карточки назадъ... А на твоемъ мѣстѣ, Марчелла, я бы не проговивала семейныхъ вопросовъ ни съ кѣмъ постороннимъ, ни съ отцомъ Рэборномъ, ни съ кѣмъ другимъ.

Его острый и холодный взглядъ ея смутилъ Марчеллу.

Вѣдь, ты не позволяешь мнѣ, мама, говорить съ тобой о семейныхъ дѣлахъ, — сказала она послѣ минутнаго молчанія.

— Я не могу, — быстро проговорила мистрисъ Бойсъ. Черезъ

нѣсколько времени она продолжала: — Въ скоромъ времени, Марчелла, ты проложишь себѣ собственную дорогу и увидишь, что на твоёмъ пути нѣтъ никакихъ препятствій. Я только хочу дать тебѣ одинъ совѣтъ. Пожалуйста, держи себя гордо съ ними, съ миссъ Рэборнъ и другими. Ты, повидимому, очень цѣнишь то, что принадлежишь къ фамиліи Бойсовъ. Такъ помни, что въ тебѣ есть и другая кровь, и что никогда Мерриты не выносили ничего покровительства и сожалѣнія.

Марчелла была удивлена: никогда прежде въ разговорахъ съ ней мать не упоминала о своей роднѣ. Она знала, что между ними и Мерритами давно произошелъ разрывъ. Иногда изъ газетъ она узнавала кое-что о Мерритахъ, такъ какъ это были все важные и богатые люди, но ни одинъ изъ нихъ съ давняго времени не переступалъ порога ихъ дома.

Впервые мистрисъ Бойсъ позволила Марчеллѣ заглянуть въ свою душу, и теперь Марчелла стала присматриваться къ ней съ тревожнымъ любопытствомъ. Она привыкла считать мать узкою, сухою женщиной, не выходящею изъ тѣснаго круга семейныхъ интересовъ, вообще довольно безличною. Но въ послѣднее время, при болѣе близкомъ соприкосновеніи, мать значительно выросла въ ея глазахъ, но осталась непонятной, загадочной.

Между тѣмъ, слышались шаги, и мистеръ Бойсъ вошелъ усталый, забрызганный грязью и, повидимому, въ дурномъ настроеніи.

— Что ты намѣрена дѣлать съ этими карточками? — рѣзко прервалъ онъ жену, когда та предлагала ему чаю. Онъ чувствовалъ себя плохо и былъ слишкомъ измученъ, чтобы стѣснять себя присутствіемъ Марчеллы.

— Я отошла ихъ назадъ, — сказала мистрисъ Бойсъ спокойно.

— Я вовсе не нуждаюсь въ ихъ драгоценномъ обществѣ, — раздраженно заговорилъ онъ. — Имъ бы слѣдовало раньше объ этомъ подумать. Какая это честь? Это — оскорбленіе!

Марчелла переводила глаза то на мать, то на отца. Въ ней боролась злоба за прошлое съ все возрастающею нѣжностью къ родителямъ.

— Папа, ты весь промокъ, — сказала она, — не лучше ли тебѣ переодѣться?

— Нѣтъ, у меня все въ порядкѣ. Охотиться здѣсь — это значитъ тратить время и трепать обувь. Больше никогда не пойду. Все мѣсто начисто опустошено этими скотами, твоими деревенскими друзьями, Марчелла. Кстати, Эвелина, я сейчасъ встрѣтилъ Уартона.

— Какого? Я не помню.

— Да либеральнаго кандидата изъ округа, — съ неудовольствіемъ сказалъ онъ. — Тебѣ не мѣшало бы быть болѣе освѣдомленной въ этихъ вещахъ. Онъ говорилъ мнѣ, что цѣлый день гоняеть, какъ лошадь. Додгсонъ, кандидатъ Рэборновъ, опередилъ его; но этотъ молодой человѣкъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы обогнать его. Мнѣ онъ нравится. Я бы не сталъ за него вотировать, но меня интересуетъ эта борьба. Я пригласилъ его къ намъ въ субботу къ чаю. Съ нимъ нужно обойтись полюбезнѣе.

Мистеръ Бойсъ всталъ и гордо выпрямился.

Онъ не легко переносилъ обрушившуюся на него общественную кару. Первое время по пріѣздѣ въ Меллоръ онъ жилъ въ трепетномъ ожиданіи, что старые друзья его отца вновь признаютъ его и простятъ ему его заблужденія. Разнаго рода примирительные планы мелькали въ его головѣ. Онъ покажетъ всѣмъ окружающимъ, что онъ хорошій сосѣдъ, вовсе не похожъ на своего полоумнаго брата Роберта. Прошлое такъ далеко назади; теперь онъ вполне почтенный и порядочный человѣкъ. Онъ былъ очень впечатлителенъ и чувствителенъ, и теперь иногда слезы выступали у него на глазахъ, когда онъ воображалъ себя вновь среди общества реабилитированнымъ, отчасти благодаря собственнымъ усиліямъ, отчасти благодаря прелестямъ и любезности жены и дочери. Вѣдь, послѣ такой катастрофы большинство людей свихнулось бы окончательно. А онъ, напротивъ того, исправился, не пилъ, не кутилъ и не попидалъ своей семьи. По правдѣ сказать, это воздержаніе происходило не отъ самообузданія, а отъ физической слабости и вялости, которыя съ годами все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. Онъ замѣчалъ и нѣкоторые признаки того, что его расчеты не безосновательны. Такъ, его женщины дѣлають свое дѣло. Въ то время, когда онъ получилъ оскорбительное письмо отъ лорда Максвеля, онъ узналъ, что Марчелла въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ его внукомъ и наслѣдникомъ. А сегодня утромъ онъ встрѣтилъ лорда Винтербурна и лорда Максвеля; они узнали его, остановились и пожали ему руку. И, наконецъ, они прислали свои карточки.

Треки мнѣнію Рэборна, мистеръ Бойсъ не согласенъ былъ уговориться немногимъ. Польщенный вначалѣ поклономъ лорда Максвеля и Винтербурна, онъ потомъ раздумался о холодности и фальшности ихъ тона. «Чортъ бы ихъ побралъ со всѣмъ ихъ фальшествомъ!» Онъ досадовалъ на то, что они застали его врасплохъ, а то онъ не подаль бы имъ руки; въ будущемъ онъ покажетъ имъ, что онъ не согласенъ подбирать крохи, падающія съ ихъ стола.

Въ такомъ настроеніи для него было большимъ удовольствіемъ встрѣтить Уартона, опаснаго соперника кандидата Рэборновъ. Обыкновенно это мѣсто всегда занималось избранникомъ Максвеллей. Но теперь молодой Уартонъ приобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Мистеръ Бойсъ радовался этому; хотя онъ былъ тори, но желалъ всяческихъ успѣховъ этому пріятному и почтительному молодому человѣку.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Марчелла вышла изъ комнаты. Когда дверь затворилась за ней, мистрисъ Бойсъ взяла записку миссъ Рэборнъ и передала мужу.

— Они приглашаютъ Марчеллу и меня къ завтраку, — сказала она. — Я не поѣду, но пошлю ее.

Онъ прочиталъ записку, и она произвела на него совсѣмъ иное впечатлѣніе.

— Почему же ты не поѣдешь? — строго спросилъ онъ.

— Потому, что я совсѣмъ отвыкла выѣзжать, — сказала она спокойно, — и слишкомъ стара для того, чтобы опять привыкать.

— Какъ, ты хочешь сказать, что не намѣрена исполнять обязанностей, которыя на тебя налагаетъ твое положеніе? — спросилъ онъ раздраженнымъ, повышеннымъ голосомъ.

— У меня только и есть обязанности по дому и по имѣнію; другихъ я не знаю. Къ чему мы будемъ мѣнять нашъ образъ жизни? Мы такъ хорошо устроились въ послѣднее время, и у меня нѣтъ никакой охоты рисковать тѣмъ, что приобрѣтено съ такими успѣхами.

Онъ взглянулъ на нее быстрыми, мигающими глазами. Ея блѣдное, изящное лицо съ годами оказывало на него все болѣе сильное дѣйствіе: раздраженіе улеглось и смѣнилось унылымъ настроеніемъ.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ты отпускаешь Марчеллу? Съ какой стати она будетъ ѣздить одна? Ее сочтутъ дурно воспитанной и будутъ относиться къ ней съ пренебреженіемъ.

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ повести дѣло. Я думаю, я съ умѣю это устроить. Женщинѣ всегда легко сослаться на нездоровье. Это будетъ понято такъ, что я не выѣзжаю, но кто-нибудь изъ нихъ — миссъ Рэборнъ или леди Винтербурнъ — все-таки могутъ видѣть меня и Марчеллу здѣсь.

— Если бы дѣло шло о моемъ здоровьѣ, то это было бы гораздо болѣе правдоподобно, — сказалъ онъ со странною непослѣдовательностью. И, поднявъ свои отяжелѣвшія вѣки, онъ посмотрѣлъ на нее широко-раскрытыми глазами.

Она подошла къ нему.

— Тебѣ опять плохо сегодня? Почему ты не переодѣлся? Не послать ли за докторомъ Кларкомъ?

Она стояла сзади него и почти касалась его своими изящными руками, которыя онъ въ былыя времена любилъ украшать кольцами. Онъ почувствовалъ къ ней приливъ страсти. Онъ зналъ, что она приласкаетъ и поцѣлуетъ его, если онъ захочетъ; но онъ этого не хотѣлъ: онъ чувствовалъ, что прежняго страстнаго чувства она уже не можетъ ему дать.

Такъ нравственная неудовлетворенность перешла у него въ физическое недомоганіе.

— Нѣтъ, Кларкъ мнѣ не поможетъ. Пойду и попробую справиться самъ, — и онъ всталъ и вышелъ.

Оставшись одна, мистрисъ Бойсъ положила руки на выступъ камина, наклонила на нихъ голову и въ такомъ положеніи оставалась довольно долгое время. Была полная тишина, ни откуда не доносилось ни звука. Здѣсь въ безмолвіи ночи ея гордая, надломленная душа искала умиротворенія и набиралась новыхъ силъ для перенесенія своей тяжелой доли.

«Я непременно поѣду къ нимъ, ради насъ всѣхъ, — думала Марчелла поздно вечеромъ, сидя у своего полуразвалившагося туалетнаго столика и расчесывая волосы. — Странно было бы намъ гордиться».

Она почувствовала приливъ тоски и горькой жалости къ отцу, матери и къ самой себѣ. Со времени осторожныхъ разоблаченій Рэборна, она часто подпадала этому настроенію, но сегодня послѣ разговора съ матерью это чувство жгучей тоски и стыда еще усилилось.

Но скоро сознаніе своей независимости и полной неприкосновенности ко всему, сдѣланному отцомъ, овладѣло ею; ей стало досадно на свою слабость и распущенность, и она рѣшительно стряхнула съ себя свое настроеніе.

«Конечно, мы не имѣемъ права держать себя гордо... Значить, все, что говорилъ Рэборнъ, вѣрно, а, можетъ быть, было и еще многое другое. Бѣдная, бѣдная мама! Но, тѣмъ не менѣе, изъ-за этого не слѣдуетъ жить въ отчужденіи отъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что случилось такъ давно».

Она стояла и разсѣянно смотрѣла на свое отраженіе въ зеркало. Ея думы перенеслись на Рэборна. Онъ очень поторопился услышать ей; не можетъ быть сомнѣнія, что онъ интересуется ею. Изъ всѣхъ признаковъ можно заключить, что чувство его серьезно: если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе?

При этой мысли легкая дрожь пробѣжала по ней. Больше всего ее радовала при этомъ возможность осуществить свои честолюбивыя мечты — имѣть въ своемъ распоряженіи судьбу людей и устроить ихъ счастье, приобрести довѣріе друзей, стать выдающеюся женщиной и достигнуть всего этого самымъ естественнымъ романтическимъ способомъ; всѣ другіе пути казались ей непривлекательными, трудными и ходульными, пришлось бы работать вмѣстѣ или даже быть въ зависимости отъ людей, которые не способны понять ваши идеи.

Безъ сомнѣнія, если она выйдетъ замужъ за Рэборна, будутъ говорить, что она его на себѣ женила, ради его денегъ и общественнаго положенія. Пусть говорятъ. Низкіе люди, конечно, все будутъ объяснять въ дурную сторону; на нихъ не слѣдуетъ обращать вниманія. Тѣ, которые будутъ ея друзьями, хорошо поймутъ, для какихъ цѣлей ей нужно богатство, власть и поддержка такого человѣка и, вообще, это замужество. Ея реалистически-настроенное воображеніе не находило въ этомъ ничего шокирующаго, только бы огунуться поглубже въ жизнь, воспользоваться рѣдкою и блестящею возможностью дѣйствовать.

Она заложила руки за голову въ счастливомъ возбужденіи.

«Я возстановлю здѣсь забытое ремесло — плетеніе изъ соломы; я ихъ научу лучшимъ способамъ и дамъ имъ лучшіе образцы. Крестьянскія хижины должны быть перестроены. Папа охотно передастъ мнѣ на попеченіе деревню, если у меня будутъ деньги. Мы откроемъ приходское попечительство о бѣдныхъ, и Гарденъ примкнутъ къ намъ съ удовольствіемъ. Старикамъ мы будемъ выдавать пенсіи и такимъ образомъ они не будутъ считаться тяжелымъ бременемъ, не будутъ находиться въ унижительной зависимости. Мы попробуемъ ввести коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ. И не въ одномъ только Меллорѣ: можно перестроить и преобразовать полграфства».

Затѣмъ въ ея памяти промелькнулъ цѣлый рядъ деревенскихъ типовъ и картинъ, которые она наблюдала сегодня во время своего обычнаго обхода вмѣстѣ съ Мэри Гарденъ. И среди этихъ воспоминаній она заснула, убаюкиваемая грѣзами, въ которыхъ Рэборнъ занималъ далеко не первое мѣсто.

УШ.

На другой день Марчелла прочитала въ мѣстной газетѣ, что въ сосѣднемъ мѣстечкѣ требуются работники, и она отправилась въ деревню къ Джиму Гордъ сообщить объ этомъ. Отворивш

дверь въ хижину, она застала въ тѣсной комнатѣ цѣлое общество за чайнымъ столомъ. Хозяйка, мистрисъ Гордъ, нѣсколько смутилась, увидавши Марчеллу, но тотчасъ пригласила ее войти и назвала своихъ гостей.

— Вотъ мистрисъ Брунтъ, она пришла помочь мнѣ выстирать бѣлье, а я тороплюсь окончить свое плетенье, чтобы завтра торговка могла отвезти его въ городъ. А это старикъ Паттонъ съ женой, — вы знаете ихъ, барышня? Они живутъ въ приходскомъ домѣ призрѣнія. А это мистрисъ Джеллисонъ, вы навѣрное о ней слышали: она извѣстная чудака.

Мистрисъ Джеллисонъ, очень немолодая уже женщина, славилась въ деревнѣ своимъ остроуміемъ и теперь занимала всю компанію шутливыми разговорами.

Разговоръ шелъ о домашнихъ дѣлахъ и семейномъ положеніи присутствующихъ. Марчелла узнала, что мистрисъ Брунтъ недавно похоронила свою болѣзненную дочь, что зять мистрисъ Джеллисонъ, Уэсталь, былъ лѣсничимъ у лорда Максвеля, что онъ крутой, безсердечный человѣкъ и безпощадно преслѣдуетъ охоту въ заповѣдныхъ рощахъ.

— А развѣ многіе изъ этой деревни охотятся на недозволенныхъ мѣстахъ? — спросила Марчелла.

Водворилось мертвое молчаніе. Всѣ смотрѣли на Марчеллу недоувѣрчиво и не произносили ни слова.

Марчелла вспыхнула.

— Ахъ, пожалуйста, не думайте, что я хочу что-нибудь вывѣдать и что я кому-нибудь передамъ, что услышу здѣсь! Я знаю, что изъ-за охоты происходитъ много неудовольствій и ссоръ, и мнѣ просто хотѣлось бы знать, какъ народъ смотритъ на это дѣло.

Такъ какъ всѣ продолжали молчать, Марчелла обратилась къ старику Паттону:

— Скажите, пожалуйста, если вы не знаете, какъ происходитъ теперь, то какъ было раньше, при моемъ дѣдѣ? Такъ же ли строго преслѣдовалась недозволенная охота? Часто ли бывали столкновенія и драки съ лѣсниками, и, вообще, какъ вы думаете, вѣдятся ли здѣшніе брестыяне изъ нужды или ради спорта?

Отвѣтъ Паттона выражалъ, что отчасти молодые брестыяне охотятся изъ-за спорта, другіе, семейные, отъ нужды, наконецъ, нѣкоторые изъ-за того, чтобы получить долю участія въ благахъ, которыми пользуются богатые. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ въ старѣе сказаніи радикалъ былыхъ временъ.

Марчелла горячо подтвердила справедливость послѣдняго требо-

ванія и сказала негодующую рѣчь противъ ненормальностей современнаго общественнаго строя.

Вопреки непосредственному впечатлѣнію, Паттонъ смотрѣлъ на Марчеллу съ недоувѣріемъ. Извѣстно, что отецъ ея скупъ и безчеловѣченъ; съ тѣхъ поръ, какъ онъ владѣетъ Меллоромъ, онъ не сдѣлалъ никакого улучшенія въ положеніи крестьянъ; три раза съ него брали штрафъ за дурное содержаніе крестьянскихъ жилищъ, и онъ ни гроша не истратилъ на деревню, исключая тѣхъ крохъ пищи, которыя молодая барышня приносить и раздаетъ въ деревнѣ. Къ чему она теперь допрашиваетъ ихъ о запрещенной охотѣ? Не можетъ быть, чтобъ она не знала, что деревня Меллоръ такъ разорена, что изъ нея выходятъ охотники и въ сосѣднія имѣнія, и лѣсники лорда Максвелла и лорда Винтербурна хорошо знаютъ, что похитителей дичи нужно искать въ Меллорѣ. Очевидно, она выпытываетъ у нихъ. И онъ замолчалъ, какъ ни старалась мистрисъ Джеллисонъ вызвать его на разговоръ.

А, между тѣмъ, Марчелла была возбуждена мыслью, что всѣ эти старые, увѣчные люди прожили свою жизнь при тяжелыхъ условіяхъ и не увидятъ лучшихъ временъ, которыя, конечно, скоро должны наступить. Но удивительно: несмотря на скудный заработокъ, на постоянную тяжелую работу, лишенія, болѣзни, потерю дѣтей, эти люди могутъ отъ души шутить, болтать и смѣяться даже надъ собственными несчастіями, собравшись вмѣстѣ за чашкой чая у сосѣда.

Огонь едва мерцалъ; его красноватый свѣтъ дрожалъ на темныхъ фигурахъ стариковъ.

Кто-то постучалъ въ дверь. Мистрисъ Гордъ встала отпереть.

— Мама, я пришла проводить тебя, если ты собираешься домой, — послышался рѣзкій голосъ.

Это была мистрисъ Уэсталь, дочь мистрисъ Джеллисонъ. Марчеллу поразило то, что она вошла и никому не поклонилась, а мистрисъ Гордъ, какъ только увидала ее, тотчасъ повернулась къ ней спиной и отошла въ противоположный уголъ комнаты.

Мистрисъ Джеллисонъ съ дочерью вышли, вскорѣ за ними ушли и остальные гости. Марчелла осталась наединѣ съ хозяйкой.

— Благодарю васъ, милая барышня, благодарю васъ, — сказал мистрисъ Гордъ, отирая фартукомъ выступившія слезы, когда Марчелла показала ей объявленіе въ газетѣ. — Конечно, мужъ пойдет навѣдаться. Только я не думаю, чтобъ изъ этого что-нибудь вышло.

И вдругъ эта терпѣливая, покорная женщина не выдержала: разразилась рыданіями.

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы умереть! Да чтобъ и дѣти умерли со мной!

Марчелла наклонилась къ ней, охваченная состраданіемъ, и старалась утѣшить и ободрить ее. Мистрисъ Гордъ нѣсколько оправилась и сказала, что мужъ ея сегодня еще до разсвѣта отправился на одну ферму, гдѣ, какъ онъ слышалъ, есть работа.

— Но онъ не получитъ работы, навѣрное, не получить,—сказала она, сжимая руки съ видомъ отчаянія. — Мы ужъ такіе неудачники.

Въ это время слышались шаги, мистрисъ Гордъ отворила дверь, и на порогъ показалась коротенькая фигурка калѣки съ большою головою и рыжими волосами; онъ былъ весь забрызганъ грязью и, очевидно, утомленъ отъ долгой ходьбы.

Онъ остановился и вглядывался въ темноту.

— Это миссъ Бойсъ, Джимъ,—сказала его жена.—Ты нашелъ что-нибудь?

— Ничего,—коротко отрѣзалъ онъ и опустился на стулъ.

Онъ слегка кивнулъ головою Марчеллѣ, которая, очевидно, ожидала поклона. Съ самаго своего пріѣзда Марчелла принимала постоянное участіе въ его семьѣ. Она часто заходила къ нимъ, старалась войти въ ихъ жизнь, находя ее чуждой и, вѣсть, любопытной. Она скоро открыла или вообразила, что Гордъ гораздо образованнѣе своихъ односельчанъ. Во всякомъ случаѣ, онъ охотно слушалъ ея разсужденія о политическихъ и общественныхъ вопросахъ, сидя около нея и покуривая трубку, и хотя онъ большею частью молчалъ, Марчелла была увѣрена, что онъ всегда радъ ея приходу и читаетъ тѣ газеты и брошюры, которыя она приноситъ.

Но сегодня его хмурое, усталое лицо, блуждающіе глаза, плотно сжатые губы и раздутыя ноздри показывали, что онъ недоволенъ ея присутствіемъ.

Марчелла, задавшаяся цѣлью устроить ихъ жизнь, была оскорблена такимъ отношеніемъ къ ней и, вопреки его нѣмому протесту, не уходила, а продолжала спрашивать и давать совѣты. Что касается газеты съ объявленіемъ, онъ отложилъ ее въ сторону, не посмотрѣвши. «Тамъ до него уже успѣетъ побывать сто овѣкъ»,—все, что онъ сказалъ на это. Затѣмъ Марчелла спросила, справлялся ли онъ у управляющаго экономіей лорда Максвелла о работѣ. Онъ не отвѣчалъ, а мистрисъ Гордъ замѣтила, что хотя тамъ зимой будетъ новый наборъ работъ, но всѣ мѣста, конечно, будутъ заняты своими.

— Но, вѣдь, теперь началась охота на фазановъ; имъ, несо-

миѣнно, понадобятся лишніе люди для этого. Я пойду и спрошу Уэстала, —я съ нимъ немножко знакома.

Мистрисъ Гордъ сдѣлала испуганное движеніе, а мужъ ея моментально вскочилъ съ мѣста.

— Благодарю васъ, барышня, не извольте беспокоиться. Я не желаю имѣть никакого дѣла съ Уэсталемъ.

Марчелла съ удивленіемъ смотрѣла то на того, то на другого.

— Я расскажу, Джимъ, — заговорила, наконецъ, мистрисъ Гордъ. — Я знаю, что миссъ Бойсъ пойметъ, какъ слѣдуетъ...

Джимъ Гордъ быстро обернулся и пристально посмотрѣлъ на жену. Но она настаивала на своемъ.

— Видите ли, барышня, Джимъ и Джорджъ Уэсталь въ ссорѣ между собой. Когда Джимъ былъ мальчикомъ, онъ работалъ вмѣстѣ съ Джорджемъ въ Меллорѣ, подъ руководствомъ отца Джорджа. Джорджъ всегда наушничалъ, доносилъ и возстановлялъ своего отца противъ тѣхъ, которые ему не уступали. И вотъ онъ однажды поступилъ безсовѣстно съ Джимомъ... Джимъ, я расскажу! Почему ты не хочешь?

Въ это время Джимъ всталъ, строго посмотрѣлъ на жену, затѣмъ сердито повернулся и вышелъ изъ хижинны въ садъ.

Мистрисъ Гордъ въ волненіи помолчала нѣсколько времени, затѣмъ сказала:

— Онъ не можетъ выносить разговора объ Уэсталь. Это его раздражаетъ до безумія.

— Но, вѣдь, это случилось очень давно? — спросила Марчелла.

— Да, давно, но такія вещи не забываются, барышня. И, кромѣ того, Уэсталь и до сихъ поръ остался такимъ же, какимъ былъ. О, чего-чего только ни позволялъ себѣ Уэсталь по отношенію къ Джиму! Онъ бранилъ, толкалъ его, иногда принимался бить и колотилъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не приходилъ и не отнималъ его. Потомъ онъ ябедничалъ своему отцу на него, и вотъ однажды старикъ Уэсталь избилъ Джима ремнемъ до полусмерти изъ-за клеветы Джорджа. Бѣдняга пролежалъ цѣлый день въ канавѣ, потому что онъ не могъ ходить, а ночью онъ приползъ домой на четверенькахъ. И послѣ того онъ больше не ходилъ на работу

— И онъ никому не жаловался? — спросила Марчелла съ недоуваніемъ.

— Какой же былъ бы толкъ изъ этого? — сказала мистрисъ Гордъ. — Ему никто бы не повѣрилъ. Онъ пришелъ и рассказалъ все мнѣ. Я въ это время жила въ горничныхъ у леди Ливенъ, онъ и его отецъ были дружны съ нашею семьей. По воскресенья

Джорж Уэсталь любил гулять со мной, былъ чрезвычайно любезенъ, приносилъ моей матери кроликовъ и исполнялъ все, чего я ни попрошу. Я и сказала ему, что это — звѣрство такъ поступать съ больнымъ товарищемъ, который не можетъ ему отплатить. Это ему было очень непріятно, а когда Джимъ сталъ проводить со мной воскресенья, то это его бѣсило все больше и больше. А потомъ Джимъ присватался ко мнѣ, и я согласилась. Вы понимаете теперь, барышня, почему Джимъ не желаетъ имѣть никакого дѣла съ Уэстальемъ?

Марчелла отвѣтила утвердительно.

— Я могу поговорить съ однимъ человѣкомъ, — сказала она, собираясь уходить и набрасывая на себя накидку. — И я непремѣнно это сдѣлаю. — Противъ воли она слегка покраснѣла. — А теперь вы не отчаивайтесь. Повѣрьте мнѣ, я что-нибудь сдѣлаю.

И она пожала руку мистрисъ Гордъ съ ласковою улыбкой.

Когда Марчелла вышла, мистрисъ Гордъ подошла къ огню и поправила его, постоянно вздыхая; лицо у нея было заплаканное и грустное.

Дверь открылась и вошелъ Джимъ съ нѣсколькими картофелинами въ запачканныхъ землею рукахъ.

— Ты хочешь разогрѣть кусочекъ зайца? Отлично, поскорѣе, потому что я страшно голоденъ. Чего она такъ долго торчала здѣсь? Ну, скорѣе! Я раздую огонь, — чортъ бы побралъ этотъ хворостъ, весь мокрый, словно вытасненъ изъ воды!

Тѣмъ не менѣе, черезъ минуту она замѣтила, что онъ успокоился и пришелъ въ лучшее настроеніе.

— Что ты рассказала ей? — рѣзко спросилъ онъ.

— Чтò, ты думаешь, я ей рассказала? Я старалась устроить, какъ лучше. Я всегда думаю о тебѣ, — сказала она со слезами въ голосъ. — Намъ, пожалуй, скоро будетъ еще хуже, — хуже, чѣмъ теперь.

Онъ держалъ въ рукахъ старые мѣхи и задумчиво смотрѣлъ въ огонь. Уродливый, запачканный грязью, съ голубыми глазами, смуглою морщинистою кожей и съ каймой рыжихъ волосъ, онъ казался видъ страннаго гнома.

— Ей-Богу, я не понимаю, о чемъ ты хлопочешь, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго промежутка. — Мнѣ вовсе не плохо живется, если бы ты только не гоняла меня понапрасну каждый день. Не волнуйся, пожалуйста, я съумѣю и безъ твоихъ хлопотъ заработать достаточно для тебя и дѣтей. А сама не волнуйся и придивай свой языкъ.

— Что же я буду дѣлать съ дѣтьми, Джимъ, когда тебя посадятъ въ тюрьму?—съ жаромъ проговорила она.

— Меня не возьмутъ въ тюрьму, успокойся. Тѣмъ не менѣе, сегодня утромъ Уэсталь поймалъ меня.

За этимъ послѣдовалъ крикъ ужаса и дикій взглядъ, устремленный на него; всего этого онъ ожидалъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ потупился. Грубость его была притворная: онъ употреблялъ ее какъ маску, чтобы жена не приставала къ нему и не мѣшала ему идти своею дорогой.

— Ну, не трусь: я вовсе не такъ простъ, чтобы попасться Уэсталу. Я скорѣе застрѣлю его или себя. Онъ засталъ меня, когда я осматривалъ силокъ,—былъ туманъ, и я не замѣтилъ, какъ онъ подошелъ ко мнѣ. Это было у самой тропинки, и силокъ былъ не мой. «Джимъ, другъ мой, — сказалъ онъ насмѣшливо, — мнѣ очень грустно, но я долженъ тебя обыскать, ужь не взыщи». Я ничего не сказалъ, стоялъ смирно, и онъ съ злорадствомъ запустилъ свои безобразныя лапы ко мнѣ въ карманы. И что, ты думаешь, онъ тамъ нашелъ?

— Что?—сказала она, едва переводя духъ.

— Ничего!—и онъ разсмѣялся.—Я спряталъ двухъ кроликовъ, которыхъ убилъ прошлою ночью, и всѣ свои снасти въ канаву далеко отъ тѣхъ мѣстъ, которыя онъ обхаживаетъ. Тогда я посмѣялся ему въ глаза и сказалъ: «Я подамъ на тебя въ судъ за напрасное нападеніе и драку, проклятое животное!»—и ушелъ. Не бойся, я не попадусь ему въ руки!

Но мистрисъ Гордъ не успокоилась, она продолжала ныть и жаловаться. Онъ не обращалъ на нее вниманія, сидѣлъ у огня и думалъ. Третьяго дня въ кабакъ ему предложили вступить въ извѣстную шайку браконьеровъ, которая намѣтила себѣ заказное мѣсто для охоты на фазановъ, находившееся какъ разъ въ участкѣ Уэстали,—предложили ему быть тамъ сторожемъ. Хотя это было очень опасное дѣло, но послѣ того, какъ онъ проработалъ въ полѣ весну и лѣто, его тянуло къ его любому занятію охотой.

Всхлипыванія жены заставили его съ сердцемъ обернуться къ ней.

— Ну, скажи, что бы ты съ дѣтьми дѣлала, еслибъ я охотился? Вѣдь, вы бы всѣ подошли съ голоду! Развѣ не правда!

— Я боюсь только одного, что Уэсталь или Дженкинсъ (мѣстный полицейскій) засадятъ тебя въ тюрьму; отъ этой мысли у меня кровь стынетъ въ жилахъ. Никто изъ нашего рода никогда не

дѣлъ въ тюрьмѣ, и если это случится съ тобой, я просто умру отъ стыда.

— Ты бы лучше взяла и почитала газеты, которыя она принесла, — и онъ указаль пальцемъ по направленію къ Меллору, — ты тамъ нашла бы кое-что о томъ, что стыдно имѣть такіе законы объ охотѣ, а вовсе не нарушать ихъ. Однако, мнѣ все это надобло. Гдѣ дѣти?

И онъ отворилъ дверь и сталъ смотрѣть на улицу. А мистрисъ Гордъ старалась овладѣть собой, утерла слезы и пыталась заставить себя быть веселой. Но ей было очень тяжело. Она происходила изъ хорошей семьи и была лучшаго воспитанія, чѣмъ ея мужъ. Многіе годы послѣ свадьбы онъ во всемъ подчинялся ей. Онъ былъ необыкновенно кротокъ, трудолюбивъ, былъ иѣжнымъ отцомъ и мужемъ. Ссора съ Уэсталею, повидимому, вышла у него изъ головы, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не вспоминалъ о ней. Скудный заработокъ, частыя дѣти, дурныя санитарныя условія ихъ жилья, — все это превращало ихъ жизнь въ постоянную, трудную борьбу. Но онъ сносилъ свою участь терпѣливо, и оба они были счастливы.

Все такъ шло до послѣдней зимы, когда фермеры окончательно разорились, и наиболѣе сильные и здоровые люди отправились на заработки въ Лондонъ, а Гордъ пошелъ однажды и поймалъ зайца на землѣ Меллора. Онъ никогда не забудетъ той животной радости, которую испытали они всѣ, голодные, поѣдая зайца, а потомъ слѣдующей ночи, когда онъ принесъ три шиллинга, продавши мѣстному скупщику зайца и двухъ кроликовъ.

Но послѣ первыхъ восторговъ на жену нашелъ страхъ, такъ какъ въ Гордѣ проснулась его старинная страсть къ охотѣ. Онъ сдѣлался какимъ-то возбужденнымъ, несговорчивымъ. Скоро Меллоръ уже пересталъ удовлетворять его, ибо тамъ, послѣ смерти Гарольда, сторожа были распущены и дичь вся перебита. Ему захотѣлось попробовать охоты на землѣ лорда Максвеля. Здѣсь — то онъ и столкнулся со своимъ старымъ врагомъ Уэсталею, который былъ на службѣ у лорда Максвеля, и онъ искусно организовалъ охоту отъ браконьеровъ. Ему скоро стало извѣстно, что Гордъ воруетъ у него дичь.

Гордъ умѣлъ такъ хитро плутовать, что Уэсталь тщетно его преслѣдовалъ. Между тѣмъ, старая вражда вновь возгорѣлась. Эту зиму Гордъ началъ сильно пить; это было необходимо, чтобы поддерживать добрыя отношенія со скупщиками дичи, и Горду казалось, что Уэсталь слѣдитъ за нимъ даже въ притонахъ и кабакахъ.

Этотъ большой, толстый, самодовольный человѣкъ обращался къ нему грубо-покровительственнымъ тономъ, и ненависть къ нему Горда все росла и приняла чудовищные размѣры. Браконьерство стало для него не только средствомъ пропитанія, но также и местию этому тирану его дѣтскихъ лѣтъ.

Теперь онъ стоялъ у открытой двери и звалъ дѣтей:

— Вилли! Дэзи! Нелли!

Двѣ маленькія фигурки пробѣжали по улицѣ, а третья, запыхавшись, тоже торопилась за ними.

Дѣвочки, смѣясь и болтая, подбѣжали къ матери, а мальчика отецъ взялъ на руки.

— Гдѣ ты былъ, Вилли? Зачѣмъ ты гуляешь по такой сырости? Я принесъ тебѣ цѣлый карманъ орѣховъ и еще кое-чего вкуснаго.

Онъ поднесъ его къ пню и посадилъ къ себѣ на колѣни. Маленькій, худенькій мальчикъ съ наслажденіемъ щелкалъ орѣхи или жевалъ ломтики груши. Вся семья собралась и съ нетерпѣніемъ ждала, когда будетъ готовъ ужинъ: запахъ лука и жаренаго зайца возбуждалъ аппетитъ. Семейныя чувства и удовольствіе самыхъ простыхъ физическихъ потребностей—въ этомъ состоитъ счастье бѣдняка, и Горды въ эту минуту чувствовали себя счастливыми.

А, между тѣмъ, Марчелла, проходя уединенною тропинкой домой, встрѣтила высокаго, широкоплечаго человѣка съ ружьемъ за плечами и съ собакой, карманы оттопырились у него съ обѣихъ сторонъ, онъ имѣлъ побѣдоносный видъ и слегка приподнялъ шляпу, когда проходилъ мимо нея.

Марчелла кивнула головой.

«Тиранъ и забіака!—подумала она, вспоминая рассказъ мистрисъ Гордъ.—Несомнѣнно, онъ очень нужный человѣкъ для лорда Максвелля, и тому не хотѣлось бы лишиться его. Наши порядки создаютъ такихъ людей и только держатся ими».

Топотъ лошадей прервалъ ея мысли. Маленькая, не молодая уже барышня въ широкополой шляпѣ проскакала мимо нея въ сумракѣ и поклонилась. Для Марчеллы это было такъ неожиданно, что она едва отвѣтила на поклонъ. Посмотрѣвши вслѣдъ экипажу, она узнала миссъ Реборнъ.

— До завтра!

А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С Ч А С Т Л И В Ы Й.

(Разсказъ).

I.

Стоялъ нестерпимо жаркій лѣтній день. Даже отъ моря вѣяло не прохладой, а тепломъ, какъ отъ огромнаго котла съ нагрѣтою водой. На небѣ ни облачка. Воздухъ разрѣженъ и Богъ знаетъ какъ далеко видны плывущія по гладкой, невозмутимой поверхности моря суда, съ высоко поднятыми бѣлѣющими парусами. Въ двухъ верстахъ отъ дачнаго мѣста, носившаго названіе «Золотые Пески», отъ земли поднимался широкій туманный столбъ, въ нѣдрахъ котораго открывались неясно очерченныя зданія большого города, съ церковными колокольнями, съ пожарными каланчами, съ ровными, хорошо вымощенными улицами, усаженными цвѣтущими акаціями, а по краямъ этого столба, гдѣ облако было не такъ густо, видѣлись безпорядочно разсыпанные маленькіе, хилые домики предмѣстій, окружавшихъ городъ съ трехъ сторонъ съ суши. И слышался оттуда, изъ этого туманнаго царства, непрерывный, неумолкающій смѣшанный гулъ человѣческихъ голосовъ, стукъ экипажныхъ колесъ, катящихся по гранитной мостовой, шумъ дѣятельной, суетливой жизни большого города.

А здѣсь было тихо, какъ будто поселокъ былъ давно оставленъ людьми и омертвѣлъ. Ни малѣйшаго звука, ни движенія. Въ красивыхъ, пестрыхъ, вычурныхъ дачахъ ставни были наглухо притворены. Мирные дачники попрятались отъ жары и слишкомъ яркаго солнечнаго свѣта. Только мальчишки безъ рубашенокъ бѣгали по светло-желтому песку морского берега, отыскивая въ немъ красивые раковины, то погружаясь въ воду, то ложась въ горячій песокъ наслаждаясь тепломъ. Было около двухъ часовъ дня.

этотъ часъ дня по широкому, гладкому шоссе, направляясь

отъ города, быстрою походкой шелъ небольшой человѣкъ. Издали онъ походилъ на какую-то ярко-желтую птицу. Онъ былъ весь въ парусинѣ, не исключая и фуражки и даже мелкихъ полуботинокъ, выше которыхъ подъ короткими брюками открывались пестрые чулки. На ходу онъ суетливо размахивалъ руками; съ лица его катился потъ. Узкая сѣденькая борода торчала впередъ; въ маленькихъ глазкахъ игралъ безпокойный, но не тревожный блескъ. Довольно крупный носъ, почти безъ переносицы, съ легкою горбинкой, выражалъ энергію. Съ шоссе онъ повернулъ въ небольшой переулочекъ къ морю и остановился у красивыхъ, массивныхъ желѣзныхъ воротъ, на которыхъ стояла отчетливая надпись золотыми буквами: «Дача дѣйствительнаго статскаго совѣтника Виктора Сергѣевича Гайдукѣва». Обширный садъ былъ обнесенъ высокою чугунною рѣшеткой. Собственно дача не была отсюда видна, она скрывалась за густыми деревьями сада, изъ-за которыхъ выглядывали только двѣ башенки со шпицами. По тщательно утрамбованнѣмъ, хорошо окопаннымъ широкимъ аллеямъ, какъ тѣни, бродили люди, то въ бѣлыхъ длинныхъ фартукахъ, то въ пиджакахъ, то въ коротенькихъ курткахъ, то просто въ жилеткахъ, повидимому, слуги, страдавшіе и отъ жары, и оттого, что имъ нечего было дѣлать. Красивый рыжій сетеръ перебѣгалъ отъ одного къ другому, онъ тоже страдалъ отъ жары и разыскивалъ наиболѣе тѣнистое, прохладное мѣсто. Маленькій человѣкъ не безъ труда отворилъ тяжелую калитку и вошелъ въ садъ. Люди, которымъ нечего было дѣлать, тотчасъ же всѣ заинтересовались этимъ явленіемъ и повернулись къ нему. А онъ подошелъ къ первой попавшейся скамейкѣ, сѣлъ, вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать вспотѣвшее лицо.

— А что, — какъ бы между прочимъ, скороговоркой спросилъ онъ подошедшаго къ нему бритаго лакея, въ коротенькой курткѣ, — его превосходительство дома?

— Да они въ этотъ часъ не принимаютъ, — отвѣтилъ лакей.

— Ихъ примутъ, — замѣтилъ издали старый лысый слуга въ бѣломъ фартукѣ, и произнесъ онъ это такимъ тономъ, въ которомъ слышалось какъ бы удивленіе, что ихъ превосходительство, да въ такіе часы, все-таки, примутъ этого маленькаго человѣка, котораго и ботинки не блещутъ глянцемъ и искривлены какъ-то внутрь, и брючки коротки, и обшивка по краямъ парусиннаго пиджака потрепана. Все это изумляло его и, тѣмъ не менѣе, онъ былъ убѣжденъ, что ихъ превосходительство непремѣнно примутъ этого страннаго, неказистаго гостя.

Люди, которымъ нечего было дѣлать, въ сущности, даже были рады появленію гостя. Все-жь-таки имъ пришлось произвести нѣкоторыя обязательныя движенія, — надо бы подойти къ дачѣ, сообщить швейцару, который скажетъ камердинеру, а кромѣ того представился случай поговорить о странномъ, непонятномъ капризѣ его превосходительства, который въ эти часы не принялъ бы самого губернатора и охотно принималъ невзрачнаго маленькаго человѣка.

Викторъ Сергѣевичъ Гайдуковъ уже около получаса ходилъ по обширнымъ высокимъ комнатамъ своей дачи въ верхнемъ этажѣ. Вернувшись изъ благотворительнаго учрежденія, гдѣ онъ часа два проскучалъ надъ чтеніемъ входящихъ бумагъ, которыя его не интересовали, а также выслушиваньемъ и подписываньемъ бумагъ исходящихъ, которыя интересовали его нисколько не болѣе, онъ переодѣлся въ свой необыкновенный пестрый домашній костюмъ и скучалъ дома, выжидая, пока пройдетъ самая жаркая пора дня. Это было нужно ему не для того, чтобы заниматься какимъ-нибудь неотложнымъ дѣломъ, а единственно для того, чтобы легче было дышать. Пять большихъ, высокихъ комнатъ, идущихъ в рядъ, были совершенно достаточны для этой цѣли. Внизу разстилалось море съ низкимъ золотистымъ берегомъ; онъ часто останавливался у окна и глядѣлъ вдаль. Когда ему это надоѣдало, онъ садился въ кресло и смотрѣлъ въ потолокъ, тихонько барабани пальцами по рѣзной ручкѣ. Но и это скоро надоѣдало ему, тогда вдругъ ему начинало казаться, что въ головѣ его родилась важная мысль, онъ протягивалъ руку къ пуговкѣ звонка и надавливалъ ее. Почти въ тотъ же мигъ появлялся слуга.

— Приказалъ ли ты, Сидоръ, садовнику завтра утромъ нарѣзать букетъ для губернаторши? — спрашивалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто рѣчь шла о необыкновенно важномъ дѣлѣ.

— Тотъ же часъ приказалъ, ваше превосходительство, какъ изволили сказать, — отвѣчалъ слуга почтительно и серьезно.

— Гм... Хорошо... Ступай!

И ему, прежде чѣмъ ушелъ слуга, становилось уже ясно, что изъ этого не стоило его звать. А время шло медленно, какъ бы всегда, когда человѣкъ не знаетъ, куда дѣвать его. Солнце тихо, никуда не торопясь, плыло по небу и внизу въ каждомъ листѣ, въ каждой травкѣ въ саду, въ каждой песчинкѣ на берегу была видна истома отъ палящаго зноя. Гайдуковъ опять подошелъ и опять ходилъ по комнатамъ и глядѣлъ въ окно, и вновь садился въ кресло, и вновь надавливалъ пуговку и справлялся у

лакая о чемъ-нибудь совершенно ненужномъ и, получивъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, тоскливо зѣвалъ.

Часовъ около двухъ въ комнатѣ, гдѣ Гайдукъ стоялъ у окна и глядѣлъ на море, появилось новое лицо, но это былъ не гость, а, очевидно, свой человѣкъ, потому что одѣтъ онъ былъ по-домашнему и на ногахъ его были, расшитыя шелкомъ, пестрые туфли. Гайдукъ даже не слышалъ, когда именно онъ вошелъ, и съ удивленіемъ поднялъ глаза, увидѣвъ передъ собой высокую, стройную фигуру племянника.

— А, ты, наконецъ, проснулся! — воскликнулъ онъ и на губахъ его заиграла ироническая усмѣшка. — Нельзя сказать, чтобы рано.

— За то я легъ рано, милый дядя, — сказалъ племянникъ.

— Это какъ?

— Ровно въ восемь часовъ. У вашего подъѣзда стояла коляска, вы собирались выѣхать въ городъ.

Онъ сѣлъ въ кресло, потянулся и пригладилъ свои рѣдкіе волосы, съ необыкновенно глубокими зализками надъ высокимъ бѣлымъ лбомъ. У него было красивое, блѣдное, истомленное лицо, съ морщинами вокругъ глазъ, на лбу и надъ углами рта, съ тщательно выбритыми щеками и подбородкомъ, съ густыми темными усами. Въ голосѣ его было что-то мужественное, твердое, во взглядѣ большихъ, красивыхъ глазъ много самоуверенности.

— Что за невѣроятный образъ жизни! Ты разъ на всегда превратилъ день въ ночь и ночь въ день!

— Да, вѣдь, это очень скучно, дядя, когда ночь идетъ за ночью, а день за днемъ, вотъ какъ у васъ, напримѣръ. Вѣдь, вы смертельно скучаете. Ахъ, — протянулъ онъ, откинувшись на спинку развалистаго кресла, вытянувъ передъ собой ноги и мечтательно закрывъ глаза, — еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, если бы ваши три милліона были моими!

— О, они давно перестали бы быть твоими, а принадлежали бы содержателямъ ресторановъ, кафешантаннымъ пѣвицамъ и кокеткамъ! — съ лѣнивымъ, какимъ-то безжизненнымъ, усталымъ смѣхомъ замѣтилъ Гайдукъ.

Молодой человѣкъ морывисто выпрямился въ креслѣ и хлопнулъ себя ладонью по колѣну.

— Пусть такъ! Что же изъ этого? По крайней мѣрѣ, у меня было бы пріятное впечатлѣніе, я зналъ бы, что моя жизнь горѣтъ на настоящемъ горячемъ огнѣ. Я, быть можетъ, оставшись съ нимъ рублемъ въ карманѣ, ощущалъ бы эти три милліона въ пѣ

шломъ, въ каждомъ моемъ вздохѣ, въ каждомъ біеніи моего сердца. А то, вѣдь, это что? Вы обладатель трехъ милліоновъ и чѣмъ же ваша жизнь отличается отъ жизни перваго встрѣчнаго чиновника, доктора, профессора, мелкаго буржуа, который живетъ на грошевые доходы или заработки? Право, не стоитъ быть милліонеромъ, чтобы вести такую жизнь. И вамъ скучно, дядя, право же вамъ очень скучно!

— Ну, хорошо, ты кончаешь свою ночь въ восемь часовъ утра и начинаешь свой день въ три часа... Но, вѣдь, все равно, тебѣ точно также скучно. Разница только въ томъ, что я начинаю скучать въ восемь часовъ утра, а ты въ три часа дня.

— Совсѣмъ нѣтъ, разница совсѣмъ въ другомъ: вы проводите скучный день и у васъ рѣшительно ничего нѣтъ впереди, кромѣ такого же скучнаго дня, а я, проведя веселую ночь, мечтаю о слѣдующей, такой же веселой ночи.

— И на повѣрку выходить, мой другъ, — съ усмѣшкой промолвилъ Гайдуковъ, — что если моя жизнь скучна, то твоя пуста. Право, не знаю, что лучше.

— Можетъ быть, и пуста, но меня она достаточно занимаетъ. А занимаетъ ли это другихъ, мнѣ это рѣшительно все равно, потому что, вѣдь, и другимъ до меня тоже рѣшительно все равно.

Племянникъ зѣвнулъ, а дядя поднялся съ кресла и опять заходилъ по комнатамъ. Они провели вмѣстѣ не болѣе пяти минутъ и уже надоѣли другъ другу. Имъ больше не о чемъ было говорить.

Вошелъ лакей и доложилъ:

— Ваше превосходительство, тамъ господинъ Рябченко пришелъ.

— Ага, Рябченко! — съ какою-то веселою живостью произнесъ Гайдуковъ и сталъ даже потирать руки, видимо съ удовольствіемъ. — Ну, давай его сюда!

Въ глазахъ у лакея промелькнуло изумленіе, онъ какъ бы хотѣлъ сказать, но не смѣлъ: «И что въ немъ, въ этомъ маленькомъ человѣчкѣ, для васъ любопытнаго, ваше превосходительство?» Но, вмѣсто того, онъ сказалъ: «Слушаю-съ!» — и удалился.

— Вотъ тоже черта, — заговорилъ молодой человѣкъ, покачиваясь въ креслѣ. — Повидимому, вы такъ охотно принимаете этого вѣбка потому, что онъ много говоритъ и, такимъ образомъ, наедаетъ ваше время ни на что ненужными словами. Вы даже ожигаетесь, вы, ваше превосходительство, первый богачъ въ городѣ, а въ которомъ всѣ снимаютъ шапку и считаютъ за честь пожать

вашу руку, вы рады, что какой-то господинъ Рябченко сдѣлалъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ.

— Ты не ошибся, — я всегда радъ этому человѣку.

— Но почему?

— Потому что вижу въ немъ широту мысли, дѣятельность и искренность. Это такъ рѣдко встрѣчается.

— Очень вамъ это нужно!

— Да, очень нужно, — коротко сказалъ Гайдуковъ и пошелъ на встрѣчу вошедшему Рябченкѣ. — А, Рябченко, Рябченко, очень радъ васъ видѣть! — съ замѣтною живостью восклицалъ онъ, протягивая ему, однакожь, не правую, а лѣвую руку. — Ну-те, ну-те, расскажите что-нибудь новенькое! У васъ, вѣдь, вѣчно голова полна новыми идеями. Садитесь!

— Къ сожалѣнію, ваше превосходительство, изъ этихъ моихъ идей ничего не выходитъ, — сказалъ Рябченко, скромно садясь на предложенный стулъ и мелькомъ поклонившись молодому человѣку.

— Вы развѣ не знакомы? — спросилъ Гайдуковъ. — Вотъ господинъ Рябченко, мой другъ и собесѣдникъ, а это мой племянникъ Сергѣй Николаевичъ Любоцинскій, сынъ моей покойной сестры.

— Я имѣлъ честь однажды... — скромно кланяясь, промолвилъ Рябченко, а Сергѣй Николаевичъ иронически перебилъ его и, кланяясь ему какъ-то свысока, повернувъ въ его сторону только голову, сказалъ:

— Да, я тоже имѣлъ честь однажды...

— Какъ же вы говорите, что ничего не выходитъ, — поспѣшно заговорилъ Гайдуковъ, видимо стараясь сгладить грубость своего племянника, — а вашъ садъ, развѣ это не осуществленная идея?

— Ваше превосходительство, мой садъ дѣйствительно великая идея, — съ горячимъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Рябченко, — но, чтобъ устроить его какъ слѣдуетъ, нужны люди, а чтобы достать людей, ваше превосходительство, нужны деньги.

— А, ха, ха, ха! Вонъ то-то и оно! — саркастически воскликнулъ Любоцинскій.

— Да-съ, то-то и оно, — повторилъ Рябченко. — Это вы совершенно правильно. Для всякаго дѣла нужны двѣ силы: идея и средства, чтобъ ее осуществить. Идей-то у меня много...

— А денегъ нѣтъ? — прежнимъ тономъ подхватилъ Любоцинскій. — Я могу сказать о себѣ то же самое. Дайте мнѣ денегъ у меня заведутся такія идеи, какихъ господину Рябченку во всю жизнь не выдумать.

Рябченко усмѣхнулся.

— Нѣтъ-съ, у васъ никакихъ идей не заведется. Отъ денегъ идеи не заводятся, Сергѣй Николаевичъ. Тому есть не мало при-
меровъ.

— Вы полагаете?—грубовато спросилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Да-съ, я глубоко убѣжденъ въ этомъ.

— Но какъ же вашъ садъ?—спросилъ Гайдуковъ.—Мнѣ каза-
лось, что у васъ дѣло пошло отлично.

— Пошло отлично, ваше превосходительство, но я одинъ, одно-
го меня не хватаетъ. Если посчитать, то въ городѣ найдется до де-
сяти тысячъ такихъ дѣтей, которымъ негдѣ и не съ кѣмъ поиграть
здоровыми, толковыми играми. А я же не могу собрать всѣхъ во-
кругъ себя, у меня и то теперь ихъ до тысячи, и если бы вы видѣ-
ли, какъ они рады, какъ они хорошо ведутъ себя, какимъ счастье-
емъ сияютъ ихъ глазки!... Да, ваше превосходительство, это вели-
кая идея, но у меня есть другая, только ужъ объ этой и заикаться
не стоитъ.

— А что?

— Да, ужъ если тутъ нужны деньги, то тамъ, ваше превосхо-
дительство, цѣлый капиталъ.

— Ну, сколько же, на примѣръ?

— Меньше милліона, ваше превосходительство, не обойдется.

— Ха, ха, ха, ха!—звонко засмѣялся Любощинскій и всталъ.—
Да, въ самомъ дѣлѣ, это, должно быть, великая идея! Милліонъ—
деньги хорошія... Вы сегодня обѣдаете дома, дядя? У васъ обычные
гости? Меня не зовете?

— Напротивъ, очень буду радъ.

— Такъ пока до свиданія.

Онъ слегка поклонился Рябченку и скрылся въ пятой комнатѣ.

— Ну-съ, въ чемъ же ваша новая идея, Рябченко?—спросилъ
Гайдуковъ, дружески похлопывая его по плечу.

— А вотъ, ваше превосходительство, если бы вы захотѣли,
чтобы жизнь ваша оставила глубокой слѣдъ и никогда бы не забы-
лась, такъ совершите это дѣло... Вотъ у меня и расчетъ состав-
ленъ... Не самъ составлялъ, а опытный архитекторъ... Вотъ-съ!—
и Рябченко вынулъ изъ кармана и развернулъ довольно толстый
свежій бумаги, исписанный мелкимъ почеркомъ.—Вотъ-съ, ваше
превосходительство, я уже пять недѣль ношу въ головѣ эту штуку
и мучаюсь, мучаюсь... Знаете, трудно одному все продумать, а по-
совѣтоваться не съ кѣмъ, никто не понимаетъ. Они не могутъ себѣ
объяснить, какъ это такъ: какой-нибудь Рябченко, бѣднякъ, не-
знаточный человѣкъ, репортеришка, какъ они называютъ,—по-

чему, ваше превосходительство, купецъ — такъ купецъ, чиновникъ — такъ чиновникъ, а репортеръ — такъ непременно репортер-ришка? Да, и чтобъ у такого человѣка въ головѣ явилось что-нибудь широкое и дѣльное... Какъ ты можешь разговаривать о миллионномъ дѣлѣ, когда у тебя въ карманѣ всего рубль? И имъ смѣшно... Да-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: называется это «домъ труда». Исходная точка: трудъ есть потребность человѣческаго организма — это, вѣдь, такъ, ваше превосходительство, и тѣ, которые шляются по улицамъ безъ дѣла и просятъ милостыню, будучи здоровыми, бродятъ по кабакамъ и притонамъ, они бы непременно трудились, но такъ сложилась жизнь, что они не нашли себѣ труда по вкусу. Трудъ долженъ быть по вкусу, тогда только онъ не противенъ. А у насъ всегда вотъ какъ: онъ по природѣ музыкантъ, а его случайно кузнецомъ сдѣлали. А другой по природѣ, скажемъ, слѣсарь, а смотришь, родители его отдали въ обученіе къ башмачнику. И живетъ въ человѣкѣ какая-то неудовлетворенность, ищетъ онъ чего-то и самъ не знаетъ чего, а дѣло изъ рукъ валится, вотъ его и выбрасываютъ на улицу, и пополняетъ онъ собою ряды бездѣльниковъ. Я и говорю: этотъ «домъ труда», это — мастерская всѣхъ ремеселъ и разныхъ простыхъ искусствъ. Приходи и дѣлай то дѣло, которое тебѣ по душѣ, и тебѣ обезпеченъ заработокъ, потому что «дому» обезпеченъ сбытъ, а если тебѣ никакое дѣло по свободному выбору не нравится, то, значить, ты больной человѣкъ, тебя надо лечить. Это основная мысль, ваше превосходительство. Я позволю себѣ оставить вамъ это. Вы заинтересуетесь, вы сейчасъ же заинтересуетесь.

— Хорошо, хорошо, благодарю васъ, Рябченко, я непременно прочитаю, — съ доброю улыбкой промолвилъ Гайдуковъ. — Но скажите, мой другъ, вѣдь, это взяло у васъ порядочно времени! Вѣдь, вы — человѣкъ работающій, у васъ семья. Какъ васъ на это хватаетъ?

— Но что такое время, ваше превосходительство? Время — деньги только для того, у кого онѣ есть... И я, вѣдь, не могу иначе. Когда идея у меня родилась, я ужъ не могу ни спать, ни ѣсть спокойно, она меня мучаетъ, мучаетъ, пока я ее не обработаю, не придамъ ей ясный видъ... Ну, вотъ... Такъ вы, ваше превосходительство, прочитайте. Я вамъ говорю, что это дѣло достойное васъ. Вы увидите. А теперь я пойду, — у меня тоже и свои дѣла есть.

— Не забывайте же меня, Рябченко, заходите, я всегда охотнѣе радъ васъ видѣть, — сказалъ Гайдуковъ, прощаясь съ нимъ.

Когда Рябченко ушелъ, Гайдуковъ долго ходилъ по комна-

испытывая пріятное волненіе. Этотъ маленькій человѣкъ всегда производилъ на него какое-то странное дѣйствіе: онъ просвѣтлялъ его голову, какъ струя свѣжаго воздуха.

Въ пять часовъ слуга напомнилъ ему, что пора купаться, онъ сошелъ внизъ, отправился на берегъ, гдѣ стояла хорошенькая, миниатюрная купальня, въ которую никто, кромѣ него, не входилъ, и съ наслажденіемъ взялъ морскую ванну.

II.

Рябченко возвращался въ городъ прежнимъ путемъ. Но дневной жаръ ослабѣлъ и ему теперь было легче идти. Въ головѣ его роились пріятныя мысли. Наивный и вѣрующій, неисправимо вѣрующій, несмотря на то, что жизнь его была полна невзгодъ и разочарованій, онъ радовался тому, что проектъ его теперь находится въ рукахъ человѣка, которому ничего не стоить изъ трехъ милліоновъ употребить одинъ на великое дѣло. Ему казалось это такимъ простымъ и естественнымъ шагомъ. Къ чему человѣку держать у себя такую огромную сумму, такому человѣку, какъ Гайдуковъ, который не занимается торговыми дѣлами, у котораго нѣтъ семьи? О себѣ самомъ онъ думалъ такъ: «Еслибъ у меня было три милліона, то я себѣ оставилъ бы только пятьдесятъ тысячъ. Пятьдесятъ тысячъ для одной семьи, вѣдь, это страшныя деньги, и зачѣмъ бы мнѣ было больше? Я просто не понимаю, куда бы я ихъ дѣвалъ! И въ чемъ тутъ наслажденіе, что деньги, которые лежатъ гдѣ-нибудь въ банкѣ, считаются твоими?» Но такъ онъ думалъ о себѣ самомъ, а Гайдукову онъ дѣлалъ снисхожденіе. Гайдуковъ съ самыхъ пеленокъ былъ милліонеромъ, онъ привыкъ быть милліонеромъ, и потому Рябченко оставлялъ ему два милліона, а на свое дѣло требовалъ только одинъ. Былъ ли такой случай, чтобы, на глазахъ у него, Гайдуковъ или какой-нибудь другой богачъ отвалилъ такую крупную сумму на хорошее дѣло? Нѣтъ, не было. Но что-жъ изъ этого? Вѣдь, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, а неисправимому идеалисту такъ пріятно вѣрить въ добро. И Рябченко вѣрилъ.

Рябченко пошелъ не домой. Онъ сегодня ничего еще не заработалъ. Въ страховомъ обществѣ ему обѣщали любопытныя свѣдѣнія о движеніи страхового дѣла за послѣднія десять лѣтъ. Онъ сходилъ туда и получилъ свѣдѣнія. Потомъ зашелъ въ редакцію и написалъ замѣтку. Тутъ же онъ прикинулъ, что она дастъ ему. Въ три рубля на полтора, и онъ былъ совершенно доволенъ. Такія замѣтки не часты. Редакторы норовятъ всегда сократить на поло-

вину, а изъ этой ничего нельзя выбросить,—все цифры да цифры. Это—гарантія.

Отсюда онъ пошелъ за городъ, гдѣ былъ его «садъ». Большая площадь была засажена рѣдкими, чахлыми деревьями. Ихъ поливали не часто, такъ какъ поливка стоила дорого и жители предмѣстья этого не заслужили. Часть площади была обнесена канатомъ, укрѣпленнымъ на невысокихъ кольяхъ, наскоро вбитыхъ въ землю. Какой-то мужикъ ходилъ по этому небольшому пространству и неторопливо дѣйствовалъ метлой. Въ сторонкѣ, на толстыхъ столбахъ, стоялъ навѣсъ, куда можно было спрятаться отъ дождя. Никакихъ другихъ приспособленій здѣсь не было. Все это было до послѣдней степени просто и незатѣйливо. Но Рябченко обвелъ взоромъ свой «садъ» и въ глазахъ его свѣтилось такое торжество, какъ будто здѣсь были тысячи волшебныхъ приспособленій для тонкихъ занимательныхъ игръ. Вѣдь, это было его созданіе, оно стоило ему много трудовъ, хлопотъ и сердечной боли. Онъ обратился къ мужику, который остановился и приподнял шапку:

— Мети, мети, Іона (такъ звали мужика). Завтра за это тебѣ будутъ благодарны тысяча дѣтишекъ!

— Неужто тысяча, Григорій Михайловичъ?

— Къ этому подбирается, Іона.

Да, онъ мечталъ о тысячѣ, а, можетъ быть, и больше. Вѣдь, сами придутъ, никто ихъ не собираетъ, никакими афишами онъ не сзываетъ ихъ. Съ годъ тому назадъ, когда дѣло еще только начиналось, ему приходилось посѣщать дома и дворы въ предмѣстьяхъ и всякаго рода уголки и соблазнять. Чѣмъ онъ могъ соблазнить? Какія прелести онъ могъ посулить ободраннѣйшимъ дѣтямъ? Свѣжій воздухъ, дѣтское общество, пѣсни, игры! Сколько на это онъ потратилъ труда! Никто не вѣрилъ. Никто не хотѣлъ допустить, что онъ безкорыстно, безъ всякой личной цѣли, горячо занялся чужимъ дѣломъ, никто не хотѣлъ понять, да и не могъ. Городъ весь былъ проникнутъ торговлей, здѣсь всякій что-нибудь покупалъ или продавалъ; каждый старался урвать у другого грошъ, тѣмъ и жилъ; и у всѣхъ было глубокое убѣжденіе, что иначе и нельзя. А ему это казалось такимъ простымъ дѣломъ. Ему пришла въ голову идея, хорошая идея, добрая, человѣчная, и ужъ онъ сдѣлался ея рабом. Вотъ и все.

Репортеру приходится всюду шататься. Въ городѣ былъ са- ,
большой, густой, хорошо разросшійся садъ. Его называли «каз- .
нымъ». Базна здѣсь была не при чемъ и садъ никогда не прин- .
лежалъ ей. Но обыватель все, что лично ему не принадлежитъ, и

зываетъ назеннымъ. Садъ содержало городское управленіе. Тутъ было отдѣленіе, приспособленное для дѣтскихъ игръ, устроили дорожки, возвели горку для катанья, помость для танцевъ. По праздникамъ сюда собиралась масса дѣтей. Наставники приводили дѣтей изъ гимназій, бонны и гувернеры—изъ семейныхъ домовъ. Являлся учитель пѣнія, другой руководилъ танцами. Съ утра до вечера раздавалась музыка и не смолкалъ веселый шумъ отъ дѣтскаго крика, пѣнія, бѣготни, занятій гимнастикой и всякаго рода игръ. Дѣти были въ восторгѣ и это сдѣлалось ихъ любимымъ мѣстомъ. Такъ какъ для дѣла требовались кое-какія средства, то была установлена ничтожная плата: брали по двѣ копейки.

Однажды Рябченко сидѣлъ въ саду на скамейкѣ и глядѣлъ на дѣтей, входившихъ на игры. Эти радостно спѣшашія, оживленные лица доставляли ему удовольствіе и въ головѣ его, любившей дѣлать сопоставленія, роились мысли о гимнастическихъ упражненіяхъ въ древней Греціи, мысли очень скудныя, потому что онъ мало зналъ древнюю Грецію. Мысли эти превратились въ мечты, какъ всегда, очень широкія и свободныя, о томъ, чтобы завести въ городѣ что-нибудь вродѣ олимпійскихъ игръ. Вдругъ онъ обратилъ вниманіе на странную сцену. Къ воротамъ дѣтскаго сада подошелъ мальчикъ лѣтъ девяти. На немъ была страшно затасканная, слишкомъ длинная сѣрая блуза, очевидно, съ плеча другого мальчика побольше ростомъ, короткіе штанишки, изъ-подъ которыхъ выглядывали голыя ноги безъ чулокъ и большіе, порядкомъ стоптанные женскіе башмаки. У мальчика было блѣдное, испитое лицо, но его темные глаза горѣли такимъ же страстнымъ нетерпѣніемъ, какъ и у другихъ дѣтей. Онъ подошелъ къ кассѣ и протянулъ руку съ деньгами. Кассиръ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и сказалъ:

— Тебѣ, молодецъ, нельзя.

— Отчего нельзя? — спросилъ мальчикъ. — Вотъ двѣ копейки.

— Нѣтъ, нельзя, — повторилъ кассиръ, — ты грязно одѣтъ; у насъ этого нельзя по правиламъ.

— Мнѣ хочется, — сказалъ мальчикъ.

Но такъ какъ въ это время къ кассѣ подошли другія дѣти и кассиру надо было заняться ими, то мальчика взялъ подъ свое покровительство стоявшій тутъ для порядка городской. Онъ довольно быстро охватилъ его за талію и отвелъ въ сторону.

— Уходи, братъ, уходи, — покровительственно сказалъ онъ

— Боли нельзя, такъ нельзя. Видишь, тутъ все чистый народъ

Самъ понимаешь—невозможно.

Мальчика въ сторону, городской пошелъ на прежнее

мѣсто исполнять свои обязанности. Мальчикъ стоялъ съ опущенною головою, растерянный, убитый, оскорбленный и вытиралъ рукавомъ выступившія на глазахъ слезы.

Рябченко вскочилъ съ своего мѣста и, полный негодованія, съ сверкающими глазами, побѣжалъ туда.

— Это возмутительно, это возмутительно! — кричалъ онъ, стуча кулаками по маленькому столику, за которымъ сидѣлъ кассиръ. — Вы оскорбили ребенка!... За что вы его оскорбили?

— Позвольте, — вступился за себя кассиръ, — у насъ правила... Мы не имѣемъ права.

— Чортъ бы васъ побралъ съ вашими правилами!... Нѣтъ такого правила, чтобъ оскорблять невиннаго ребенка!...

— Господинъ, здѣсь шумѣть нельзя, — замѣтилъ городской, — здѣсь публика.

— Да, да, здѣсь публика и вы не стѣсняетесь при публикѣ дѣлать безобразія... А возмущаться нельзя!... Послушайте, — снова обратился онъ къ кассиру, — вы должны впустить мальчика, вы должны дать ему удовлетвореніе.

— Но не могу же я противъ правилъ... Сами посудите, — объяснялъ кассиръ, который зналъ въ лицо Рябченка и, дорожа своимъ мѣстомъ, боялся раздражать репортера, — сами посудите: здѣсь бывають дѣти изъ гимназій, приличныя, чистыя дѣти... Вѣдь, они не станутъ ходить, ихъ не пустятъ, если среди нихъ появится грязный уличный мальчишка.

— Такъ вы напишите, напишите большими буквами на вашихъ этихъ афишахъ, чтобы всякій видѣлъ, тогда онъ и не придетъ, этотъ мальчикъ, и не будетъ надобности оскорблять его. А то, вѣдь, у васъ написано «для дѣтей», у васъ не сказано — для чистыхъ дѣтей или тамъ какихъ-нибудь расфуфыренныхъ...

— Право же, господинъ Рябченко, — просительно промолвилъ кассиръ, — я здѣсь не при чемъ, это отъ меня не зависитъ. Вѣдь, это отъ управы. Членъ управы приказалъ. Ужь вы сдѣлайте милость, не чините скандала, а то, вѣдь, достанется мнѣ.

Рябченко махнулъ рукой и оставилъ въ покоѣ кассира, горькой же самъ ушелъ отъ грѣха, такъ какъ въ глубинѣ души разливалъ мнѣніе Рябченка.

Мальчикъ стоялъ невдалекѣ и глядѣлъ на спорившихъ, какъ бы еще не теряя надежды, что его дѣло выгоритъ и онъ попадетъ въ садъ. Рябченко подошелъ къ нему.

— Ну ихъ къ чорту! — сказалъ онъ. — Не стѣдить, братъ, 1

бать! Пойдемъ! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, они подневольные, что съ нихъ возьмешь?

Онъ взялъ мальчика за руку и повелъ его вонъ изъ сада.

— Ты чей же? — спросилъ онъ мальчика.

— Кнопкинъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Ага, Кнопкинъ, это, значить, твоя фамилія, фамилія твоего отца. А кто онъ такой, твой отецъ?

— Столяръ.

— А мать что дѣлаетъ?

— Бѣлье стираетъ. Она — прачка.

— А гдѣ живешь?

— Тутъ, недалеко, подъ городомъ, на Пескахъ.

— Кто же тебѣ сказалъ про этотъ садъ?

— Самъ прочиталъ.

— А, значить, ты грамотный?

— У насъ школа есть, — отвѣтилъ мальчикъ, — я три мѣсяца ходилъ.

— Три мѣсяца? Отчего же ты пересталъ ходить?

— Отецъ взялъ. Съ него три рубля платы потребовали, такъ онъ сказалъ — наплевать, и взялъ.

— Что-жь ты теперь дѣлаешь?

— А ничего. Дома сижу. Отецъ весь день на работѣ, мать тоже гдѣ-нибудь стираетъ, а я дома сижу.

— И все одинъ?

— Дома-то одинъ, а когда надоѣстъ, на улицу выбѣгу, тамъ другіе мальчишки бываютъ, такъ съ ними.

— Что-жь вы дѣлаете?

— Разное. Больше за собаками гоняемся. Собакъ-то на улицѣ много, вотъ мы и дразнимъ ихъ. А то въ карты играемъ.

— Какъ въ карты? Въ какія карты? Развѣ у тебя есть карты?

— Нѣтъ, у меня нѣту, гдѣ мнѣ взять? А у Васьки всегда въ карманѣ есть карты.

— Кто же это Васька?

— Прачкинъ, Аюткинъ сынъ. Онъ большой, съ васъ ростомъ, и побольше. И другой съ нимъ, Федька, онъ у обойщика Идова въ мальчишкахъ... Ну, и тоже убѣгаетъ. Такъ у нихъ карты есть.

— Гдѣ же вы играете?

— Гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ, а то въ развалинахъ, — у насъ есть развалины. Карты-то старыя, засаленныя, ничего и не выйдетъ на нихъ.

— Въ какую же вы игру играете?

— Какъ въ какую? Въ три листика или въ носки.

— Такъ, — сказалъ Рябченко. — Такъ ты, я вижу, опытный человѣкъ. А сколько тебѣ лѣтъ?

— Девять десятый.

— Мужчина! А водку пьешь?

— Нѣтъ, я не пью, — рѣшительно возразилъ мальчикъ. — Васъ-ка пьетъ, а Федька, такъ тотъ такъ хлещетъ, что ой, ой, ой!

— Гдѣ же они берутъ?

— Воруютъ. Они мастера на это.

— А у тебя много денегъ?

— Четыре копейки.

— Гдѣ же ты укралъ ихъ?

— Я не укралъ. Я у мамки выглянчилъ: двѣ копейки на садъ, а двѣ на бублики.

— А очень тебѣ обидно, что въ садъ не пустили?

— Очень обидно.

Въ это время они вошли въ узенькій переулочъ и остановились у грязнаго двухъэтажнаго дома. Рябченко опять взялъ мальчика за руку и ввелъ его во дворъ.

— Ты вотъ зайди ко мнѣ, — сказалъ онъ, — да покормись; у меня тоже ребятишки есть, поиграй съ ними.

Мальчуганъ, нисколько не смущаясь, принялъ предложеніе, пообедалъ съ большимъ аппетитомъ, но играть съ дѣтьми Рябченко отказался. Онъ торопился домой.

Заряженный негодованіемъ, Рябченко тотчасъ же написалъ громовую статью, въ которой разнесъ «сытое общество, погрязшее въ эгоизмѣ, заботящееся только о своихъ прихотяхъ и презрительно отталкивающее отъ себя менѣе счастливыхъ, забывая, что подъ этими рубищами скрывается такая же человѣческая душа». Статья была написана необыкновенно горячимъ тономъ, но въ ней не было еще ничего, кромѣ негодованія. Только на другой день, когда Рябченко прочиталъ свою статью въ газетѣ, въ головѣ его вдругъ зародилась идея. «Ага, — говорилъ онъ самъ себѣ, — они себѣ устроили садъ, — ну, и пусть ихъ, а оборванцы должны устроить св-^н садъ, вотъ и великолѣпно! Дѣти всѣ одинаковы, — грязныя и об-^нванные такъ же хотятъ весело и беззаботно играть, какъ и лично одѣтыя».

Идея зародилась и Рябченко сталъ мучиться ею. Онъ всю носилъ ее съ собой, она проникала во всю его жизнь, сквозила его разговорахъ, придавала особую окраску его газетнымъ замѣ-

камъ. Для него это было нѣчто вродѣ вопроса чести или самолюбія, только не его собственнаго, а тѣхъ оборванныхъ мальчишекъ, которые, въ лицѣ блѣднаго столярова сына, были оскорблены «сытымъ обществомъ». Онъ говорилъ: «Какое страшное отношеніе къ дѣлу! Сколько тутъ безсердечія! Ребенку подчеркивается, что онъ бѣденъ и плохо одѣтъ и потому недостойнъ тѣхъ благъ, которыми пользуются дѣти хорошо одѣтыя! А, вѣдь, онъ никогда и не думаетъ объ одеждѣ и даже, можетъ быть, не знаетъ, хорошо онъ одѣтъ или плохо. Они первые заставляютъ его обратить на это вниманіе, стыдиться своей одежды и завидовать тѣмъ, у кого есть получше. Да, это проклятое, роковое раздѣленіе людей на козлицъ и овецъ начинается уже здѣсь, на зарѣ жизни, и начинается официально, при помощи городского!»

Наконецъ, идея была уже достаточно выношена въ его душѣ и онъ составилъ проектъ. Денегъ у него не было, да и немного ихъ было надо. Что нужно этимъ мальчишкамъ? Дѣтское общество, воздухъ и просторъ, вотъ и все.

Онъ пошелъ прямо къ Гайдукову и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ обладалъ способностью передавать другимъ свое негодование и ему удалось сразу завоевать Гайдукова. Это было сдѣлать тѣмъ легче, что денегъ требовалось немного. Гайдуковъ горячо пожалъ ему руку и сказалъ:

— Одобряю, одобряю, Рябенко! Слѣдуетъ, слѣдуетъ! Денегъ я вамъ дамъ.

— Ваше превосходительство, деньги, конечно, важны и за нихъ вамъ спасибо, но еще важнѣе выхлопотать разрѣшеніе у властей. Дѣло, знаете, новое, оригинальное.

— Н-да, вы правы.

И Гайдуковъ задумался. Онъ больше всего на свѣтѣ боялся возбуждать какія-либо сомнѣнія у властей. Деньги онъ давалъ Рябенку, но своего имени не давалъ. Здѣсь же онъ явно подчеркивалъ свое покровительство. А кто ихъ знаетъ, какъ они посмотрятъ на это дѣло? Можетъ быть, они признаютъ его вреднымъ? И, обсудивъ положеніе, Гайдуковъ наотрѣзъ отказался. Онъ соглашался дать денегъ вдвое больше, чѣмъ нужно, выхлопотать у города часть одной площади, но только просилъ избавить его отъ сношеній съ начальствомъ.

Ужъ вы какъ-нибудь сами, Рябенко, а то, знаете... это не годно.

Такимъ образомъ дѣло затянулось. Рябенко, разумѣется, не осмѣлился и пошелъ къ начальству. Пошли запросы въ управу,

въ министерство, начались справки о его личной благонадежности, все это отняло мѣсяца полтора и, наконецъ, Рябченко одержалъ побѣду: ему разрѣшили. Тогда онъ торжественно обнесъ отведенное ему мѣсто канатомъ, укрѣпивъ его на высокихъ кольяхъ, выстроилъ навѣсъ для защиты отъ дождя, расчистилъ и выровнялъ землю при помощи Юны и затѣмъ самолично отправился по домамъ предмѣстій собирать оборвышей.

III.

Рябченко зналъ, что къ нему не пойдутъ по первому слову. Съ какой стати? Чтò онъ такое? Какія у него на это права? Явился какой-то неизвѣстный, невзрачный господинъ, не особенно внушительнаго вида, невѣдомо откуда, и дѣлаетъ предложеніе. И какое странное предложеніе: приглашаетъ чужихъ ему дѣтей играть съ нимъ! Почему вдругъ этому странному человѣку понадобилось, чтобы дѣти съ нимъ играли? И почему онъ такъ горячо убѣждаетъ въ этомъ? Никогда никто еще не заботился объ этихъ оборванныхъ дѣтяхъ. Всегда они были предоставлены случайности и некому было о нихъ подумать. Вѣчно сидѣли они въ тѣсныхъ квартирахъ, нерѣдко въ подвалахъ, съ затхлымъ и спертымъ воздухомъ. Когда родители были дома, то они не слышали отъ нихъ ничего, кромѣ грубыхъ ругательствъ и ничѣмъ не прикрытыхъ разсказовъ о тѣхъ пошлыхъ сторонахъ жизни, которыя неизбежны въ этой жалкой обстановкѣ. Для дѣтей въ этомъ не было ничего поучительнаго. Они только слишкомъ рано становились взрослыми, потому что узнавали преждевременно ожидающую ихъ жизнь. Когда родители уходили на работу, — а это случалось каждый день съ утра до вечера, — дѣти оставались дома и были всецѣло предоставлены самимъ себѣ. Чтò они тамъ дѣлали? Чтò они могли дѣлать при тѣхъ грубыхъ вкусахъ, какіе они усваивали у родителей? Чѣмъ занимались? Чѣмъ наполняли свои досуги? Богъ знаетъ. Но что-то темное, мрачное наполняло эти затхлые углы и среди этихъ непривѣтливыхъ стѣнъ легко развивались дурныя привычки, переходившія въ пороки.

И вотъ, вдругъ, откуда ни возмись, является неизвѣстный человекъ и говорить объ играхъ, пѣсняхъ, о какихъ-то тѣлесныхъ упражненіяхъ, и говорить такъ горячо, какъ будто отъ этого для него будетъ большая выгода. Люди, не привыкшіе, чтобы имъ кнѣ-нибудь дѣлалъ добро безъ выгоды для себя, естественно, должны были смотрѣть на него подозрительно и думать: «Нѣтъ, тутъ ч

то не такъ, тутъ что-нибудь скрывается!» И ему давали неопредѣленные отвѣты, изъ которыхъ онъ заключалъ, что ему не довѣряютъ.

Но Рябченко не терялъ вѣры въ свое дѣло. Онъ настаивалъ, а кого могъ, тащилъ почти насильно, и ему удалось собрать вокругъ себя съ полсотни мальчугановъ.

Онъ никогда не былъ педагогомъ и никогда не случилось ему играть съ дѣтьми, кромѣ своихъ собственныхъ. Казалось бы, ему предстояла сложная задача, но онъ совсѣмъ не задумывался. Что тутъ собственно надо? Развѣ необходимо придумывать какія-нибудь тонкія, вычурныя игры? Зачѣмъ имъ это? Побѣгать съ ними, продѣлать какія-нибудь здоровыя движенія, научить какой-нибудь пѣснѣ, составить простую общую игру. Главное тутъ было: хорошій воздухъ, просторъ и дѣтское общество. Если каждый изъ этихъ мальчугановъ былъ достаточно испорченъ, то въ обществѣ онъ уже становился лучше.

Рябченко очень скоро освоился съ своею ролью и какъ-то совсѣмъ слился съ своими новыми друзьями. Несмотря на пробивающуюся въ бородѣ сѣдину, онъ бѣгалъ взапуски съ ребятишками и съ увлеченіемъ пѣлъ имъ пѣсни, заставляя повторять мотивъ и въ тактъ размахивая руками. Глядѣвшіе на это со стороны находили его смѣшнымъ, но онъ, осуществлявшій свою идею, не придавалъ этому значенія и даже не замѣчалъ этого.

Богъ знаетъ, какъ это случилось, но дѣти, сперва смотрѣвшія на него искоса, съ мрачнымъ недовѣріемъ, а инныя съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ непременно сдѣлаетъ имъ какое-нибудь зло, вдругъ всѣ почувствовали въ немъ друга и подъ конецъ дня довѣрчиво обращались къ нему и принимали къ свѣдѣнію его замѣчанія.

Въ слѣдующій разъ число мальчиковъ учетверилось и дѣло сразу наладилось. Оборванцы оказались живыми и воспріимчивыми дѣтьми. Рябченку нечего было изобрѣтать. Они сами, съ удивительною находчивостью, изобрѣтали для себя игры, а ему только приходилось руководить выборомъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы игры не были опасны и вредны, чтобы дѣти не бранились тѣми словами, которыми бранились ихъ родители, чтобы неизбежная драка не доходила до синяковъ и разбитыхъ носовъ.

Это было совершенно новое явленіе въ городѣ и потому обѣихъ странныхъ, шумныхъ и веселыхъ сборищахъ оборванцевъ, подъ предводительствомъ маленькаго; невзрачнаго человѣка, въ этой парусинѣ, много говорили и писали въ газетахъ. Обыча-

тели приходили смотрѣть, какъ на зрѣлище, въ особенности же заинтересовались этимъ жители предмѣстій, большею частью отцы и матери оборванцевъ.

Его одобряли, но рѣшительно никто не могъ понять, по какимъ побужденіямъ онъ это дѣлаетъ?

— Да, это хорошо, это благородно,— говорили ему пріятель,— но зачѣмъ вамъ это, Григорій Михайловичъ?

— Зачѣмъ, зачѣмъ? — возвращалъ онъ имъ этотъ вопросъ. — Да я, право, не понимаю даже вопроса. Если, какъ вы говорите, это хорошо и благородно, то въ этомъ заключается и отвѣтъ.

— Добрая душа у Рябенка,— говорили теперь про него. — Надо быть добрякомъ, чтобы такъ отдаваться чужому дѣлу.

Эти восклицанія доходили и до Григорія Михайловича и возмущали его.

— Причемъ тутъ доброта, скажите, пожалуйста? — говорилъ онъ. — И совсѣмъ я не добрый и очень даже радъ, что не добрый. Это добры вонъ тѣ... много ихъ на свѣтѣ,— ну, вотъ, хоть эти дамы. Онѣ плачутъ въ театрѣ, когда видятъ что-нибудь трогательное, когда актеръ обижаетъ актрису, и онѣ знаютъ навѣрное, что это именно актеръ актрису обижаетъ, а въ дѣйствительности этого ничего нѣтъ... тогда онѣ плачутъ. Онѣ рыдаютъ,— отъ доброты, конечно,— когда видятъ на улицѣ въ мукахъ издыхающую отравленную собаку, а потомъ приходятъ домой и спокойно вычитаютъ изъ жалованья кухарки рубль за разбитую рюмку или, изъ-за грошевой шпильки, дѣлаютъ сцену мужу и отравляютъ ему жизнь. Вотъ онѣ добры, а я не добръ, я нисколько не добръ!

Вѣдь, и самое его предпріятіе, этотъ «садъ оборванцевъ», какъ онъ самъ его называлъ, возникло далеко не отъ доброты, а скорѣе изъ злобы противъ жестокой несправедливости. Развѣ въ ту минуту, когда онъ заступился за мальчика, котораго не впустили въ садъ, онъ не ненавидѣлъ этихъ людей, создавшихъ такіа несправедливыя правила? Развѣ имъ руководило не одно только негодованіе, когда онъ писалъ статью объ этомъ? Нѣтъ, онъ не добръ, у него есть идея, только идея, и въ этомъ вся суть. Вотъ почему у нихъ, добрыхъ, ничего не получается, кромѣ ненужныхъ слезъ, а у него, не добраго, вышло хорошее, разумное и полезное дѣло.

Рябенко, въ самомъ дѣлѣ, не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые называются добряками. Напротивъ, въ отношеніяхъ съ людьми онъ скорѣе былъ черствъ. Онъ не умѣлъ съ ними сдѣлаться. Его всѣ считали человѣкомъ неуживчивымъ. Быть можетъ

поэтому, въ жизни его было такъ много неудачъ, и эти неудачи преслѣдовали его съ самаго дѣтства.

У него были всѣ шансы устроить себѣ блестящую жизнь, но онъ какъ-то не сумѣлъ воспользоваться ими. Отецъ его былъ полковникъ и хотѣлъ, во что бы то ни стало, сдѣлать и его военнымъ, но уже девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ питалъ какое-то нерасположеніе къ военной службѣ. Онъ протестовалъ пассивно, какъ ребенокъ, мнѣнія котораго не спрашиваютъ. Протестъ его заключался въ томъ, что въ военной школѣ, куда его отдали, онъ отвратительно учился. Тѣмъ не менѣе, онъ благополучно дошелъ до пятаго класса, ему было тогда пятнадцать лѣтъ и тутъ вдругъ имъ овладѣло упорство и онъ наотрѣзъ отказался продолжать ученье въ военной школѣ.

— Ты просто сумасшедшій мальчикъ, — говорили ему отецъ и вся родня, — ты лишаешь себя карьеры, ты уже такъ недалеко къ цѣли... развѣ ты можешь найти что-нибудь лучшее?

А онъ отвѣчалъ твердо, съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Я не хочу учиться убивать.

— Откуда ты набрался такихъ мыслей?

— Да, я наблюдалъ и я видѣлъ, что вся жизнь солдата заключается въ изученіи искусства, одного только искусства, въ случаѣ крайней нужды, убивать наиболѣе вѣрнымъ способомъ.

Послѣ этого съ нимъ нечего было и разговаривать. Это ужъ слишкомъ противорѣчило взглядамъ, принятымъ въ томъ кругу, гдѣ онъ выросъ. Отецъ его былъ суровъ и настойчивъ, и такъ какъ послѣднее качество въ сильной степени обнаруживалъ и сынъ, то полковникъ вышелъ изъ себя и отказалъ ему въ поддержкѣ, и вотъ, съ пятнадцати лѣтъ уже, Рябченко былъ принужденъ самъ о себѣ промышлять. Онъ пробовалъ поступить въ гимназію, но оказалось, что плохое ученье въ военной школѣ оставило въ его головѣ слишкомъ мало знаній, и это ему не удалось. Нужда, наступившая слишкомъ быстро послѣ обезпеченной жизни въ семьѣ, заставляла его бросаться изъ стороны въ сторону. Ему приходилось плохо и, можетъ быть, жизнь совсѣмъ затерла бы его, еслибъ ему не помогла глубоко сидѣвшая въ немъ и присущая его натурѣ вѣра въ лучшее. Онъ перебивался нѣсколько лѣтъ, потомъ поступилъ куда-то писаремъ, но скоро, возмущенный какою-то несправедливостью, до него касавшеюся, оставилъ это мѣсто. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ пробовалъ множество профессій. Случалось ему быть и прикащикомъ, и надсмотрщикомъ надъ постройками, и страховымъ агентомъ, и даже почтальономъ, и отовсюду его изгоняла мысль, что это

не такъ дѣлается, что дѣло могло бы быть поставлено лучше, справедливѣе; онъ старался убѣдить въ этомъ другихъ и, конечно, никто съ нимъ не соглашался.

Въ этой постоянной борьбѣ, онъ не замѣтилъ, какъ ему перевалило за сорокъ и въ бородѣ его появилась сѣдина. Тутъ онъ случайно попалъ на занятіе, которое наиболѣе подошло къ его характеру. Онъ сдѣлался репортеромъ. Писалъ онъ очень плохо, но зато не пропускалъ ни одного случая къ какому-нибудь сообщенію о самомъ ничтожномъ фактѣ пристегнуть свои задушевные взгляды. Ему было пріятно сознавать, что онъ не одинъ, что у него есть аудиторія, что волей-неволей его мысли будутъ прочитаны и, можетъ быть, одному изъ тысячи западутъ въ душу.

Его называли наивнымъ человѣкомъ и онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ наивенъ. Его мораль была очень несложна. Онъ проповѣдывалъ самыя простыя истины, добиваясь всюду только справедливости. Когда онъ видѣлъ, что съ кѣмъ-нибудь поступаютъ несправедливо, хотя бы это было въ самой мелкой, будничной средѣ, онъ подымалъ крикъ и говорилъ возвышенныя слова, какъ будто бы дѣло шло о чемъ-нибудь великомъ.

Когда онъ загорался негодованіемъ или проповѣдывалъ какое-нибудь, по его мнѣнію, полезное, важное и справедливое дѣло, онъ волновался и чувствовалъ повышенное настроеніе. Оттого и слова, которыя онъ употреблялъ въ этихъ случаяхъ, были нѣсколько громки и крикливы, но онъ иначе не могъ. «Справедливость» была основнымъ мотивомъ всей его жизни, и всѣ удивлялись, что онъ всегда и на каждомъ шагу громко повторялъ это слово. Между тѣмъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго. Рябченко не обладалъ широкимъ умомъ, кругъ его понятій былъ узокъ и бѣденъ. Онъ всю жизнь во всемъ добивался справедливости и никогда не могъ добиться ея. Его мозгъ непрестанно работалъ въ этомъ направленіи и всѣ его планы вертѣлись около справедливости. Для него не было ничего внѣ ея. Она была ему такъ необходима, какъ здоровая пища, тепло и воздухъ, поэтому всякое чужое дѣло, въ которомъ онъ увидѣлъ бы хоть тѣнь стремленія къ справедливости, тотчасъ становилось для него своимъ. И вотъ на этой-то справедливости и были основаны его отношенія къ Гайдукову, — странныя отношенія и миліонеру, пріятно оживлявшемуся всякій разъ, когда ему докладывали о приходѣ бѣдняка репортера, перебивавшагося грошевою и строчною платой.

Дѣятельность Рябченка была незамѣтная. Онъ, въ сущности, ничего опредѣленнаго и не дѣлалъ. Дѣтскій садъ былъ его первымъ

осуществленнымъ планомъ. Раньше же, въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ только негодовалъ, натапливаясь на какую-нибудь несправедливость, и тотчасъ же начиналъ строить планы объ устраненіи ея. Къ сожалѣнію, его планы были слишкомъ широки, и потому неосуществимы. Такъ какъ у него денегъ не было, то онъ въ своихъ проектахъ свободно распоряжался милліонами. Это было необходимо потому, что онъ хотѣлъ уничтожить зло въ корнѣ. Всѣ его замѣтки носили энергическія заглавія, соответствовавшія его направленію. У него постоянно повторялись такія слова: «возмутительная несправедливость», «безчеловѣчная жестокость», «оскорбленіе чело-вѣческаго достоинства»... и онъ какъ бы сдѣлалъ своею спеціальностью разыскиваніе случаевъ, гдѣ проявлялись бы эти—возмутительная несправедливость, безчеловѣчная жестокость и оскорбленіе чело-вѣческаго достоинства. Въ городѣ всего этого было, разумѣется, вдоволь, и у Рябченка было много работы. Мальчишка-ремесленникъ, избитый своимъ патрономъ-сапожникомъ до полусмерти; жена, угнетаемая пьяницей мужемъ; калѣка нищій, прогнанный блюстителемъ порядка съ церковной паперти,—все это служило содержаніемъ его репортерскихъ замѣтокъ, и такъ какъ редакторъ не питалъ особаго расположенія къ этимъ скучнымъ предметамъ, то замѣтки его безжалостно сокращались или не попадали въ газету вовсе. Рябченко воевалъ изъ-за нихъ и иногда ему удавалось выручать какую-нибудь небольшую замѣтку въ десять строчекъ.

Одно изъ такихъ открытій сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ чело-вѣкомъ въ городѣ, хотя, въ то же время, доставило ему много хлопотъ.

Однажды въ зимній холодный вечеръ онъ встрѣтилъ на улицѣ, прижавшагося къ стѣнѣ, дрожащаго отъ холода и боязливо оглядывавшагося по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ по близости городского, мальчугана, одѣтаго въ невѣроятныя рубища. Несмотря на изрядный морозъ, ноги его были обнажены, изъ-подъ лохмотьевъ выглядывали острые колѣни, а внизу изъ какихъ-то рваныхъ калошъ торчали голые пальцы. Рябченко видалъ на своемъ вѣку много нищеты, но никогда еще не встрѣчалъ такого жалкаго явленія. Онъ заинтересовался и остановился.

— Подайте копѣечку сироткѣ... два дня ницево не кусалъ,—ко и жалобно пропущалъ мальчикъ, протягивая къ нему руку. Рябченко подошелъ къ нему ближе и спросилъ:

— Ты давно здѣсь стоишь?

— Съ самаго со вчерасняго вечера, — прежнимъ тономъ отвѣ- мальчикъ и боязливо посмотрѣлъ на него.

— А ты не врешь?—сказалъ Рябченко. —Вѣдь, это невозможно—со вчерашняго вечера, вѣдь, ты бы тутъ замерзъ!

— Ей-Богу, со вчерасняго, добрый господниъ.

— Ну, ну, ладно, —сказалъ Рябченко и ласково потрепалъ его по плечу, —а коли со вчерашняго вечера ты не ѣлъ, такъ тебя надо накормить, —пойдемъ ко мнѣ.

— Я боюсь, —отвѣтилъ мальчикъ.

— Чего же ты боишься?

— Я не отъ себя стою.

— А отъ кого же?

— А отъ хозяина, онъ злощій и можетъ меня крѣпко наказать.

Мальчикъ, очевидно, почувствовалъ уже нѣкоторое довѣріе къ собесѣднику, потому что пересталъ шепелявить.

— Ну, голубчикъ, наплюй ты на своего хозяина. Коли хочется ѣсть, такъ хозяина нечего вспоминать. Вѣдь, хозяинъ, небойсь, тоже ѣсть, когда ему хочется. А у меня ты обогрѣешься.

По лицу мальчика было видно, что предложеніе это казалось ему заманчивымъ. Онъ только безпомощно посмотрѣлъ на свой костюмъ, какъ бы объясняя этимъ взглядомъ, что въ такомъ видѣ онъ не можетъ нигдѣ появиться.

— Ты вотъ что, —сказалъ Рябченко, — ты здѣсь постой еще минутки двѣ, а я добуду тебѣ кое-какую одежонку.

Мальчикъ кивнулъ головой. Къ счастью, квартира Рябченка была въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ зашелъ домой и скоро принесъ оттуда свое старое пальто, которое закрыло мальчика до самыхъ пятъ, и повелъ его къ себѣ. Здѣсь онъ обогрѣлъ его, накормилъ, и когда мальчикъ, повидимому, освоился съ новою для него обстановкой, началъ изучать его.

— Такъ ты, значить, отъ хозяина?—спросилъ онъ.

— Извѣстно, отъ хозяина, —отвѣтилъ мальчикъ.

— Гдѣ-жь онъ тебя нашелъ?

— На улицѣ.

— Что же, развѣ у тебя не было отца?

— Нѣтъ, не было. Мамка была, да ее колесами придушило.

— Какими колесами?

— На улицѣ... Она шла пьяная... она постоянно пьяная была... Она таскалась съ солдатами... Шла это пьяная, да подъ лом вого и свалилась... А ломовой тоже былъ пьяный... Вотъ онъ ее переѣхалъ... Въ больницу взяли, тамъ она и померла.

— А ты видѣлъ ее, когда помирала?

— Нѣтъ, не видалъ... Я голодный сидѣлъ... Пошелъ это на улицу и сталъ просить подаянія... А тутъ хозяинъ меня подозвалъ и повелъ къ себѣ... Да такъ, съ тѣхъ поръ, у него и живу.

— Кто же онъ такой, этотъ хозяинъ?

— Хозяинъ! Такъ и есть хозяинъ, больше ничего.

— А какъ же его зовутъ?

— Да такъ хозяиномъ и зовутъ. Мы его всѣ такъ и называемъ.

— Развѣ ты не одинъ?

— Одинъ? Какже это одинъ? Насъ больше десяти.

— Вотъ какъ! Значить, вы всѣ у хозяина живете? Такъ. Гдѣ же онъ васъ держитъ?

— А на чердакѣ. У него свой домъ. Такъ онъ внизу жисеть, а мы на чердакѣ.

— Всѣ вмѣстѣ?

— Всѣ вмѣстѣ. Такъ покотомъ и спимъ.

— Что же тамъ холодно, на чердакѣ-то?

— А извѣстно, холодно. Зимой прямо снѣгъ падаетъ, а вѣтеръ такъ и свиститъ.

— Ну, значить, онъ васъ кормитъ и одѣваетъ?

— Кормитъ, — какъ-то иронически произнесъ мальчикъ, — такъ кормитъ, что и собака не захотѣла бы ѣсть. А одѣвать... вотъ она наша одежда и есть. Спимъ на соломѣ. На всѣхъ насъ шесть штукъ вотъ такихъ лохмотьевъ. Вотъ мы по очереди и надѣваемъ ихъ. Кому надо на улицу идти, тотъ и надѣваетъ.

— Зачѣмъ же на улицу?

— А милостыню просить. Для того и держитъ насъ. Съ утра весь день дома сидимъ, потому очень видно. А какъ смеркаться станетъ, такъ и выходимъ, сперва одна партія, потомъ другая. И каждый долженъ ему вечеромъ по сорока копѣекъ отдать. А ежели не соберешь, то такъ отдуеть, что въ другой разъ и украсть согласенъ, только бы принести ему.

— Почему же вы не уходите отъ него?

— Какъ же можно уйти? Куда же въ такомъ видѣ можно сунуться? Да и хозяинъ говоритъ, что ежели котораго полиція споймать, такъ до смерти засѣкутъ. Онъ говоритъ, что мы безпашечные.

— А сколько времени ты у него живешь?

— Да ужъ года два будетъ.

— Знаешь, — замѣтила жена Рябченка, — это невѣроятно. Я думаю, не сочиняетъ ли онъ. Вѣдь, они испорчены и часто врутъ... знаетъ что.

— А ей-Богу не вру! — воскликнул мальчигъ. — Да вы сами посмотрите. Въ намъ никто никогда и не заходитъ. А вы вотъ зайдите, такъ и увидите. Только вы съ утра, потому хозяина цѣлый день дома не бываетъ, а вечеромъ онъ за выручкой приходитъ.

— Въ какомъ же это мѣстѣ?

— Да въ Глухой улицѣ.

Глухая улица славилась своими притонами. Въ грязныхъ, неблагоустроенныхъ домахъ ея ютилась нищета и всякій сбродъ. Въ ночное время тамъ часто бывали кровавыя приключенія. Мальчигъ болѣе точно указалъ домъ, въ которомъ онъ жилъ: «Какъ войдете во дворъ, сейчасъ узенькая деревянная лѣсенка. По ней и попадете къ намъ».

Было уже довольно поздно; въ окна глядѣла зимняя ночь. Мальчигъ тревожно подошелъ къ окну и взглянулъ во дворъ.

— А что, — спросилъ Рябенко, — тебѣ, небойсь, пора уходить?

— Пора бы, — отвѣтилъ мальчигъ.

— Господи, — воскликнула хозяйка, въ сотый разъ оглядывая его жалкія рубища, изъ-подъ которыхъ выглядывало голое тѣло, — неужто онъ такъ и пойдетъ по улицѣ? Вѣдь, холодъ!

— Я привыченъ, — сказалъ мальчигъ.

— Привыченъ, — съ горечью повторила г-жа Рябенко, — но теперь послѣ того, какъ онъ посидѣлъ въ теплой комнатѣ, холодъ покажется ему невыносимымъ.

— А мы дадимъ ему пальто, — замѣтилъ Григорій Михайловичъ.

— Нѣтъ, не давайте, — почти съ испугомъ возразилъ мальчигъ, — отниметь.

— Кто отниметь?

— Хозяинъ. Иной разъ которому-нибудь на улицѣ платокъ подадутъ, либо изъ одежды, такъ онъ сейчасъ набросится, какъ собака, и себѣ возьметъ... нѣтъ, ужъ я такъ пойду.

Г-жа Рябенко всплеснула руками.

— Это совершенно какъ въ какой-нибудь страшной сказкѣ, — воскликнула она, — какіе ужасы дѣлаются на свѣтѣ! Когда узнаешь это, то кажется, что ты дѣлаешь преступленіе, живя въ трехъ теплыхъ маленькихъ комнатахъ и тепло одѣваясь.

Мальчуганъ, между тѣмъ, выражалъ нетерпѣніе и все заглядывалъ въ окно. Ему пора было идти.

— Ну, такъ ты отправляйся, — сказалъ ему Рябенко, — завтра утромъ я приду посмотрѣть на вашъ дворецъ. Только смтри, никому не разболтай. Мы твоего хозяина подлеца прихлопнемъ

— А мы куда дѣнемся?—спросилъ мальчикъ.

— Ну, и вамъ найдется мѣсто немного получше. Жаль мнѣ тебя, что ты опять пойдешь въ такомъ видѣ на морозъ, да что дѣлать, коли нельзя, ужъ пострадай сегодня въ послѣдній разъ. Ну, отправляйся.

Но мальчикъ не двигался съ мѣста. Повидимому, онъ что-то хотѣлъ сказать, но не рѣшался.

— Ты что же? Тебѣ что-нибудь надо?

— У меня не хватаетъ,—тихо промолвилъ мальчикъ.

— Чего не хватаетъ?

— Выручки.

— А гдѣ же твоя выручка?

— А вотъ.

Онъ порылся въ складкахъ своей одежды и отыскалъ гдѣ-то дыру, которая служила ему карманомъ, вынулъ оттуда и положилъ на столъ небольшую кучку мѣди. Рябченко принялся считать и насчиталъ двадцать семь копѣекъ.

— Что же, это мало?—спросилъ онъ.

— Мало. Ежели не принесешь сорокъ, такъ прибить.

— Ну, такъ и быть, дополнимъ.

Рябченко додалъ ему тринадцать копѣекъ. Мальчикъ забралъ мелочь и ушелъ.

На другой день Григорій Михайловичъ захватилъ изъ дому на всякій случай узелокъ со съѣстнымъ, зашелъ къ двумъ пріятелямъ и, пригласивъ ихъ съ собою, отправился въ притонъ. Улица была ему хорошо знакома. Днемъ здѣсь жизнь какъ бы замирала. Дѣла, которыя дѣлались на этой улицѣ, были такого рода, что не выносили дневного свѣта. За то она оживлялась съ того момента, когда спускалась ночь. Въ маленькихъ невзрачныхъ домикахъ зажигались яркіе огни, въ кабакахъ раздавались пьяныя пѣсни, въ другихъ мѣстахъ, еще менѣе приличныхъ, звуки разбитаго фортепіано, топотъ танцевъ и дикіе крики.

Рябченко съ пріятелями очень скоро нашли домъ, указанный мальчикомъ, вошли во дворъ, отыскали лѣсенку и поднялись наверхъ съ опасностью для жизни, такъ какъ ступеньки были покрыты какою-то полужидкою гадостью. Дойдя до самой верхней ступеньки, они уперлись въ низенькую деревянную дверь и распахнули ее. Глазамъ ихъ представилось необычайное зрѣлище. Это была не комната, а чердакъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Стѣны его съуживались вверху, а небольшое количество свѣта попадало въ него черезъ полукруглую дыру, закрытую грязнымъ

стекломъ. На полу валялась грязная солома, а на соломѣ лежали, сидѣли и ходили совершенно обнаженные, грязныя существа. Ихъ было пятнадцать душъ и все это были дѣти. Худыя, изможденные, неуслужившіе, костлявыя, они были худосочны и блѣдны и взоры ихъ были безмысленны и дики. Въ ту минуту, когда посѣтителѣ вступили въ это жилище, раздался громкій, свирѣпый лай и на первый планъ выступили двѣ огромныхъ мохнатыхъ собаки. Это было неожиданно, — мальчикъ не предупредилъ Рябенко о собакахъ. Тутъ-то и пригодился, захваченный дома, узелокъ со съѣстными. Григорій Михайловичъ вынулъ изъ него нѣсколько кусковъ хлѣба, бросилъ ихъ собакамъ и подкупилъ ихъ такъ же точно, какъ нѣсколько минутъ послѣ онъ мясомъ подкупилъ мальчугановъ. И тѣ, и другія были одинаково голодны, и тѣ, и другія были одинаково дики. Когда собаки были усмирены, вошедшіе могли, наконецъ, оріентироваться и разглядѣть обитателей чердака. Всѣ они прижались въ разныхъ углахъ, очевидно, подозрѣвая со стороны гостей какую-нибудь угрозу. Нѣкоторые сидѣли на землѣ, двое трогательно обнялись съ собаками. Рябенко принялся было расспрашивать ихъ по очереди, какъ зовутъ, сколько лѣтъ, но ничего не могъ добиться. Только вчерашній мальчуганъ кое-что отвѣчалъ ему, но и то неохотно и нерѣшительно, — очевидно, со вчерашняго дня и имъ уже овладѣли сомнѣнія и надъ всѣми его мыслями взяло верхъ старое, выработанное житейскимъ опытомъ убѣжденіе, что нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, который принесъ бы имъ съ собою что-нибудь, кромѣ зла. У нихъ не было рѣшительно никакой надежды, за исключеніемъ тѣхъ рубищъ, которыя они надѣвали для выхода на улицу. Спали они въ повалку, прижимаясь другъ къ другу и согрѣвая другъ друга своимъ тѣломъ. Тутъ же вмѣстѣ съ ними спали и собаки, которыя, очевидно, были ихъ единственными друзьями. Все это казалось невѣроятнымъ и, тѣмъ не менѣе, не подлежало сомнѣнію.

— Никто не повѣритъ, — сказалъ Рябенко, обращаясь къ своимъ пріятелямъ, — вотъ подите расскажите это кому-нибудь и всѣ скажутъ: выдумалъ, злостнымъ фанатизмомъ назовутъ. Нѣтъ, это надобно какъ-нибудь увѣковѣчить. Богъ знаетъ, какъ это могло нѣсколько лѣтъ существовать и никто, кому слѣдуетъ, не зналъ объ этомъ. Но разъ мы открыли, узнаютъ и тогда все исчезнетъ. Вотъ что, — прибавилъ онъ, — вы тутъ оставайтесь минутъ десять, а сбѣгаю, у меня тутъ по близости знакомый фотографъ есть, Аспратовъ, — у репортера, вѣдь, всюду знакомые есть. Онъ ихъ удовольствіемъ сниметъ и еще потомъ заработаетъ.

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, минутъ черезъ десять притащилъ

тографа вмѣстѣ съ его аппаратомъ. Мальчиковъ, которые уже нѣсколько освоились и примирились съ посѣтителеми, усадили въ два ряда, присоединивъ къ нимъ и собакъ, и сняли. Освѣщеніе было тусклое и крайне невыгодное, но лучшаго достать было неоткуда.

— Ну, теперь мы уйдемъ, — сказалъ Рябенко, обращаясь къ мальчикамъ, — а вы смотрите, никому не говорите про насъ, а особенно хозяину. Завтра уже вамъ будетъ лучше, за это я ручаюсь.

Дикіе мальчуганы уже почувствовали, что Рябенко и его приятели неспособны сдѣлать имъ зла. Въ немъ было что-то такое, что внушало довѣріе. Они обѣщали молчать.

— Знаете, — говорилъ Рябенко по дорогѣ домой своимъ приятелямъ, — я просто не знаю, какими словами все это описать. Нѣтъ такихъ словъ, — ну, что я скажу про этихъ мальчиковъ? Что они несчастныя дѣти? Но, вѣдь, это слабо, слабо, это не выражаетъ ихъ положенія. Это что-то сверхъестественно-безчеловѣчное.

Придя домой, онъ засѣлъ за бурную статью. Онъ долго ходилъ по комнатѣ и ломалъ голову надъ заглавіемъ и, наконецъ, напечаталъ: «Чудовищно-вопіющая человѣческая подлость», и затѣмъ, въ тѣхъ невѣроятно-сильныхъ выраженіяхъ, какія онъ употреблялъ даже въ простыхъ случаяхъ, онъ описалъ все, что видѣлъ. Въ заключеніе статьи онъ восклицалъ: «Человѣческое общество! Если ты, погруженное тѣломъ и душой въ свои мелкіе, эгоистическіе интересы, могло до сихъ поръ объяснять свою постыдную апатію невѣдѣніемъ, то теперь, когда тебѣ указываютъ на это проявленіе безчеловѣчнаго звѣрства, на этотъ жесточайшій опытъ надъ юными человѣческими существами, ты не можешь болѣе молчать и не двинуть пальцемъ, ты должно заклеймить презрѣніемъ своего недостойнаго собрата, ты должно извлечь изъ его грязныхъ рукъ этихъ жалкихъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей и наказать преступника, потому что нѣтъ большаго преступленія, какъ жестокое издѣвательство надъ единымъ изъ малыхъ сихъ! Проснись же, общество, проснись и устыдись собственного дѣла, потому что ты одно виновато въ этомъ! Въ чистой водѣ никогда не заводятся свѣрныя гады, они рождаются и живутъ только въ болотахъ, грязныхъ испаренія которыхъ составляютъ для нихъ воздухъ».

Замѣтка въ тотъ же еще день произвела сенсацію въ редакціи, Рябенку отказывались вѣрить, но онъ обѣщалъ завтра показать имъ свое открытіе. Онъ говорилъ: надо, чтобъ общество само было, застало ихъ врасплохъ.

Замѣтку помѣстили и на другой день въ городѣ, въ самомъ дѣдѣ поднялась горячка. Многіе изъ тѣхъ, кто успѣлъ прочитать ра-

но, ходили по указанному адресу и не вѣрили своимъ глазамъ, точно также какъ раньше не вѣрили замѣткамъ: Въ редакцію посыпались запросы и пожертвованія. Сильныя слова, которыхъ Рябченко не пожалѣлъ въ своей статьѣ, мѣтко попали въ цѣль и произвели должное дѣйствіе. Общество вострепнулось, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. Фотографъ Аспиратовъ едва успѣвалъ печатать карточки и нажилъ на нихъ не одну сотню, которая, по внушительному совѣту Рябченко, торжественно пожертвовалъ въ пользу мальчишекъ.

Судьба этихъ несчастныхъ, такимъ образомъ, была облегчена, но для самого Рябченка послѣдствія были менѣе пріятны. Уже тѣ изъ читателей его замѣтки, которые собрались посмотреть на чудо около десяти часовъ утра, ничего тамъ не нашли. Полиція, прочитавшая замѣтку позже всѣхъ, такъ какъ у нея было много другихъ болѣе важныхъ дѣлъ, устремилась туда и моментально забрала и мальчишекъ, и хозяина. Полиція обидѣлась, что не она сама, а какой-то репортеръ сдѣлалъ столь важное открытіе. Еслибъ это сдѣлала она, то общество ничего не узнало бы объ этомъ. Наконецъ, высказывалось сомнѣніе и въ томъ, что она могла этого не знать, высказывались подозрѣнія въ попустительствѣ и въ кое-чемъ похуже. Когда обыватели начали громко высказывать эти подозрѣнія, полиція окончательно разсердилась, налетѣла на Рябченка, забрала и его и, второпяхъ, какъ бы не разобравъ, въ чемъ дѣло, выслала его изъ города, какъ вреднаго и безпокойнаго человѣка. Только заступничество Гайдукова, которому Рябченко написалъ изъ изгнанія, черезъ нѣсколько дней вернуло его въ городъ.

IV.

Послѣ морской ванны Гайдукъ почувствовалъ здоровый аппетитъ и съ какимъ-то радостнымъ ощущеніемъ прошелся по аллеѣ сада. Косые лучи вечерняго солнца посылали на землю мягкое тепло. Аллея, по которой онъ прогуливался, была обсажена каштанами, которые тщательно культивировались его опытнымъ ученымъ садовникомъ-нѣмцемъ, хорошо акклиматизировались и держивали довольно суровую зиму. Аллея была совершенно прямою и на обонхъ концахъ ея, а также въ нѣсколькихъ пунктахъ на пути, скрытые въ вѣтвяхъ кустарниковъ, недвижно стояли и चुл прислушивались къ каждому шагу хозяина лакеи. Если бы Гайдукъ пришла въ эти минуты какая-нибудь мысль, то ему стоило только щелкнуть пальцами, и передъ нимъ тотчасъ же выросла

фигура, готовая исполнять его приказанія. Этого, разумеется, никогда не случалось, Гайдуковъ въ эти пріятные часы не думалъ ни о приказаніяхъ, ни о лакейскихъ услугахъ и, кажется, даже не зналъ о присутствіи здѣсь этихъ людей. Но надо же было этому большому количеству ненужныхъ слугъ чѣмъ-нибудь оправдать свое существованіе въ этомъ домѣ.

Голова его была въ томъ чрезвычайно пріятномъ состояніи, когда у человѣка съ одной стороны нѣтъ рѣшительно никакихъ заботъ, о которыхъ необходимо было бы думать, а съ другой стороны нѣтъ и привычки предаваться какимъ бы то ни было безпокойнымъ размышленіемъ. Если бы такая мысль случайно и попала въ его голову, то, повертѣвшись въ ней недолго и убѣдившись, что ей тамъ нечего дѣлать, она сама поспѣшила бы испариться. И онъ собственно ни о чемъ и не думалъ. Онъ только ощущалъ удовольствіе отъ только что принятой прохладной морской ванны, отъ ощущенія ослабѣвшей дневной жары, отъ окружавшей его тишины и отъ предстоявшаго ему легкаго, вкуснаго обѣда. Послѣдній онъ представлялъ себѣ вполне реально, такъ, какъ будто бы кушанья проносились передъ нимъ на блюдахъ, съ поднимающимся отъ нихъ паромъ.

Несмотря на то, что у него въ домѣ было множество слугъ, которые умирали отъ бездѣлья, онъ никому не уступалъ пріятной обязанности каждый день заказывать обѣдъ. Эта обязанность, благодаря удовольствію, которое она ему доставляла, была для него правомъ. Завтраку онъ не придавалъ значенія. Онъ почти никогда не завтракалъ дома, такъ какъ эти часы проводилъ въ благотворительномъ учрежденіи и ему туда приносили что-нибудь легкое изъ ресторана. Но обѣдъ составлялъ для него одинъ изъ самыхъ пріятныхъ моментовъ жизни.

Вставалъ онъ очень рано и при этомъ требовалъ, чтобы слуги не обращали на это вниманія и не поднимались ради него, тѣмъ болѣе, что въ это время дня, какъ и во всякое остальное, они были бы для него совершенно бесполезны. Въ шесть часовъ онъ уже былъ на ногахъ, бралъ непродолжительную ванну, окунаясь въ воду не болѣе двухъ разъ, гулялъ минутъ двадцать въ своей аллеѣ, а въ семь часовъ ему подавали кофе и онъ требовалъ къ себѣ повара.

Поваръ былъ у него совсѣмъ особенный и пользовался особымъ почетомъ въ домѣ. «Питаніе, — любилъ шутя говорить Гайдуковъ, — самое важное дѣло въ жизни, а потому и тотъ, кто питаетъ, — важный человѣкъ». Повара всѣ называли не иначе, какъ Родіономъ

Ивановичемъ, и въ его распоряженіи въ городскомъ домѣ и на дачѣ была квартира нисколько не хуже и не меньше, чѣмъ у управляющаго домами Гайдукова. Самъ Гайдуковъ если и не подавалъ ему руки, то лишь потому, что Родіонъ Ивановичъ ни за что не взялъ бы ее. Ему было лѣтъ семьдесятъ слишкомъ, но онъ сохранилъ полную бодрость. Искусство свое онъ зналъ уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ и постоянно развивалъ и совершенствовалъ его. Въ нѣкоторыхъ кушаньяхъ онъ дѣйствительно достигалъ поразительнаго эффекта. Онъ умѣлъ самымъ простымъ вещамъ, приготвленнымъ съ виду незатѣйливо, придавать необыкновенный вкусъ. Отличительною чертой его кухни было умѣнье такъ искусно маскировать составныя части соусовъ, что всякій, находя ихъ чрезвычайно вкусными, никогда не могъ опредѣлить, изъ чего они сдѣланы. Благодаря Родіону Ивановичу, столъ Гайдукова пользовался въ городѣ репутаціей единственнаго, несравненнаго. Онъ стоялъ внѣ всякой конкуренціи. Поэтому Гайдуковъ чрезвычайно дорожилъ своимъ поваромъ, дѣлавшимъ ему славу, а поваръ въ свою очередь дорожилъ хозяиномъ.

И въ этотъ день Гайдуковъ въ семь часовъ утра велѣлъ пригласить къ себѣ Родіона Ивановича. Онъ сидѣлъ одинъ на широкой террасѣ, выходившей къ морю, за маленькимъ тяжелымъ столикомъ, на которомъ стоялъ кофейный приборъ. Внизу тихо плескалось море, на востокъ поднялось солнце и спокойно плыло по безоблачному небу. Онъ чувствовалъ свѣжесть тѣла и бодрость духа.

Родіонъ Ивановичъ явился изъ сада, взобравшись на террасу по узенькой лѣсенкѣ.

— Добраго утра, ваше превосходительство, — сказалъ онъ, почти вовсе не кланяясь, потому что станъ его уже былъ нѣсколько согбенъ и голова его была въ такомъ положеніи, какъ будто онъ застылъ въ поклонѣ.

— Добраго утра, мой почтенный Родіонъ Ивановичъ, — открытымъ, веселымъ голосомъ отвѣтилъ Гайдуковъ. — Такъ ли вы хорошо сегодня чувствуете себя, какъ вчера?

— Покорно васъ благодарю, ваше превосходительство. Я емъ полсотни лѣтъ проживу, чтобы служить и угождать вамъ.

— О? Жаль, что я-то не проживу такъ долго.

— Дай Богъ и больше прожить вашему превосходительству.

— Нѣтъ, Родіонъ Ивановичъ, что-то на то не похоже; во-ночью спина болѣла, да и нога правая что-то непріятные разворы заводитъ.

— А вы бы, ваше превосходительство, приказали бальзамомъ ее растереть.

— Какимъ бальзамомъ?

— А есть такой бальзамъ, только вотъ забылъ какъ называется.

— Ну, вотъ и отлично, вы вспомните, Родіонъ Ивановичъ, и скажете мнѣ, тогда я стану этимъ бальзамомъ мазаться и, можетъ быть, тоже еще пятьдесятъ лѣтъ проживу.

Это было, такъ сказать, вступленіе, а главный разговоръ оставался еще впереди. Такъ какъ дѣло вступало въ серьезный фазисъ, то Гайдуковъ предложилъ повару:

— Садитесь-ка, Родіонъ Ивановичъ, мнѣ жалко вашихъ ногъ, онѣ вамъ нужны.

Родіонъ Ивановичъ считаетъ это предложеніе за великую честь, но не отказывается, ибо, съ одной стороны, онъ знаетъ, что разговоръ на столь важную и серьезную тему будетъ долгій, а съ другой—честь только тогда и лестна, когда мы ею воспользовались.

Онъ садится на стулъ, который собственно для него здѣсь поставленъ.

— Ну-съ,—говоритъ Гайдуковъ,—позвольте вамъ доложить, Родіонъ Ивановичъ, что сегодня у насъ обѣдаютъ: Роничъ, Алабаковъ, Степанъ Ильичъ и Ришаръ—французскій консулъ, да Сергѣй Николаевичъ мой племянникъ.

— Слѣдовательно, пять персонъ, ваше превосходительство?

— Совершенно вѣрно. Что же вы можете предложить на сегодняшній день?

— На закуску, ваше превосходительство... теперь имѣются превосходнѣйшіе раки и ежели ихъ бордолезомъ облить...

— Вы думаете бордолезъ, Родіонъ Ивановичъ? А не пахиде ли вы, что лучше бы татарскій соусъ?

— Ваше превосходительство, въ прошлую субботу у насъ обѣдалъ господинъ консулъ Ришаръ и у насъ былъ тартаръ... Такъ неудобно будетъ.

— А въ самомъ дѣлѣ... Экая у васъ память, Родіонъ Ивановичъ!

— У меня, ваше превосходительство, на всѣ событія слабая память. Спросите меня, какъ зовутъ по порядку всѣхъ моихъ внуковъ,—ихъ у меня одиннадцать, ваше превосходительство,—а я не могу вамъ, забылъ, а что касается блюдъ, то-есть кто когда что ѣлъ, все помню... А къ ракамъ, ваше превосходительство, приба-

вимъ редисъ съ масломъ. У насъ вотъ какой редисъ выросъ... И потому рыжій грибокъ. Грибы собственно для господина Роница, они любятъ.

— Прекрасно! Дальше! — поощрительно говорилъ Гайдуковъ.

— А супъ мы дадимъ, если прикажете, ваше превосходительство, алёзель... У насъ также превосходнѣйшій щавель есть... Алёзель съ пашотомъ и къ нему маленькія ватрушечки, совсѣмъ маленькія, какъ бы для одного только виду. А послѣ того...

— Ахъ, да, недурно бы телятины! Я давно мечтаю о телятинѣ.

— Телятина, ваше превосходительство, не хороша... Это еще съ мѣсяцъ обождать надо. Филей у насъ вчерашняго дня былъ.

И Родіонъ Ивановичъ задумался, очевидно, поставленный въ нѣкоторое затрудненіе. Но скоро глаза его прояснѣли, — онъ придумалъ.

— Я думаю, ваше превосходительство, возьмемъ грудинку бульи, обставимъ ее брюквой и морковкой, и сельдереемъ, и хрѣнцу къ ней подадимъ.

— Что-жь, это хорошо, это очень хорошо, — съ искреннимъ одобреніемъ промолвилъ Гайдуковъ.

— Рыба, ваше сіятельство... ужъ не иначе, какъ скумбрія, потому теперь ее время... Я такую скумбрію видѣлъ, что даже сомнѣніе меня взяло, настоящая ли? Вотъ какая, ваше превосходительство!

И онъ показалъ руками дѣйствительно очень почтенный размѣръ скумбріи.

— И мы ее сдѣлаемъ просто фри, съ лимономъ, ваше превосходительство... Хотя господинъ Алабѣковъ и кушали у насъ скумбрію въ воскресенье, но та была обыкновенная, а такой, какъ я достану, они никогда и не видали... И тогда она была подъ бернуаромъ, ваше превосходительство. Что касается птицы, то птицу въ теперешнее время хорошую достать трудно, кромѣ цыплятъ. Дичины еще недѣли двѣ не будетъ, а цыплята теперь въ самомъ, что ни на есть, соку, ваше превосходительство.

— Ничего не имѣю противъ цыплятъ, — заявилъ Гайдуковъ живо представивъ себѣ нѣжнаго молодого цыпленка, зажареннаго въ сухарикахъ.

— А для сладкаго, ваше превосходительство, что-нибудь сладкое, — продолжалъ Родіонъ Ивановичъ.

— Сдѣлайте пуншъ.

— Пуншъ-гласе, ваше превосходительство?

— Именно.

Родионъ Ивановичъ высказалъ еще нѣсколько общихъ взглядовъ по поводу фруктовъ. Онъ находилъ, что персики, присылаемые моремъ изъ Константинополя, слишкомъ тяжелы и, къ тому же во время путешествія теряютъ аромат, поэтому онъ предложилъ исключить ихъ изъ десерта и дожидаться мѣстныхъ персиковъ, которые еще не успѣли, а пока замѣнить ихъ черешнями.

Гайдуковъ вполне раздѣлялъ этотъ взглядъ и вообще въ это утро ихъ мнѣнія во всемъ совпадали. Родионъ Ивановичъ ушелъ, чтобы приступить къ исполненію своихъ важныхъ обязанностей, а Гайдуковъ приготовился начать свой дѣловой день.

Съ такимъ удовольствіемъ заказанный обѣдъ продолжалъ быть для него главнымъ пріятнымъ мотивомъ всего дня. Въ восемь часовъ была подана коляска и онъ уѣхалъ въ городъ, въ благотворительное учрежденіе, гдѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ.

Это благотворительное учрежденіе, какъ всѣ на свѣтѣ благотворительныя учрежденія, занималось тѣмъ, что помогало бѣднымъ. Оно существовало давно и дѣятельность его вполне опредѣлилась. Средства его составлялись изъ пожертвованій и среди жертвователей всегда находился одинъ, который давалъ больше всѣхъ. Онъ и былъ обыкновенно предсѣдателемъ. Гайдуковъ съ давнихъ поръ поставилъ себѣ за правило жертвовать въ это общество по нѣсколько тысячъ въ годъ. Это давало ему право на предсѣдательство, и, кромѣ того, на многочисленныя, мелкія, назойливыя просьбы, которыми его забрасывали бѣдняки, онъ съ полнымъ правомъ могъ отвѣчать: идите въ благотворительное общество!

Въ хорошо организованномъ обществѣ были распорядители по разнымъ частямъ, секретарь, казначей, экономъ, и дѣло, давно налаженное, шло гладко и исправно.

Когда Гайдуковъ кончалъ свой утренній кофе, у него являлась мысль, что ему совершенно необходимо ѣхать въ благотворительное учрежденіе. Онъ думалъ такъ вполне искренно, но, въ сущности, эта мысль была необходима только ему одному. Она гнала его вонъ изъ дому. Если бы ее не было, онъ, пожалуй, остался бы дома и умиралъ бы отъ незнанія, куда дѣвать себя и свое время. Мысль есть, она приходитъ каждый день и слава Богу, что приходитъ: она спасаетъ его отъ невыносимой скуки. Онъ началъ увѣрять себя, что ему никакъ нельзя опоздать, и потому торопится. Это немного волнуетъ его, а онъ благодаритъ судьбу за волненіе.

Гайдуковъ пріѣзжаетъ въ благотворительное учрежденіе и тутъ же,

прежде всего, убѣждается въ томъ, въ чемъ могъ убѣдиться вчера и третьяго дня, и раньше каждый день, въ теченіе всей его десяти-лѣтней дѣятельности въ обществѣ: что ему здѣсь нечего дѣлать, что, въ сущности, безъ него здѣсь дѣла шли бы также, какъ и съ нимъ.

Дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, онъ пріѣзжаетъ слишкомъ рано. Дѣятели благотворительнаго общества не привыкли такъ рано начинать дѣловой день, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Даже сторожъ, только издали завидѣвъ его коляску, едва успѣваетъ напаялить присвоенную его званію ливрею. Гайдуковъ, въ ожиданіи «дѣлъ», ходитъ изъ угла въ уголъ по двумъ комнатамъ правленія, устланнымъ мягкимъ ковромъ. Иногда ему это надоѣдаетъ и онъ начинаетъ говорить съ сторожемъ, разспрашивая его о томъ, сколько ему лѣтъ, давно ли онъ служитъ въ обществѣ, какое получаетъ жалованье, женатъ ли онъ и сколько у него дѣтей, хотя давнымъ-давно все это знаетъ, такъ какъ тысячу разъ сторожъ развлекалъ его отвѣтами на эти вопросы. Но вотъ является секретарь и приноситъ ему почту, т.-е. кучу пакетовъ, адресованныхъ въ благотворительное учрежденіе.

— Ого,—говоритъ Гайдуковъ, съ удовольствіемъ потирая руки,—какая ихъ пропасть!

— Да, ваше превосходительство, порядочно вамъ будетъ работы,—отвѣчаетъ хитрый секретарь, тщательно скрывая подъ усамі проническую усмѣшку, и почтительно оставляетъ его.

Гайдуковъ садится за столъ и не торопясь раскрываетъ пакеты. Вотъ здѣсь, въ этой бумагѣ, просятъ о пріемѣ мальчика въ пріютъ. Гайдуковъ подымаетъ голову и старается припомнить, кто именно завѣдуетъ этою частью, и, припомнивъ, пишетъ на поляхъ: «Передать завѣдывающему воспитательною частью, для соображеній», затѣмъ онъ кладетъ штемпель, съ обозначеніемъ числа и мѣсяца, и бумагу откладываетъ въ сторону. Изъ слѣдующаго пакета появляется на свѣтъ бумага, въ которой просятъ принять пожертвованіе въ сто рублей. Просьба эта, безъ сомнѣнія, легко исполнима, но Гайдуковъ старается все дѣлать по формѣ, а потому и тутъ припоминаетъ, кто вѣдаетъ этого рода дѣлами, и, припомнивъ, пишетъ: «Принять пожертвованіе, передать казначею и благодѣлю жертвователя». Тутъ онъ, какъ и въ первой бумагѣ, во-первыхъ, ставитъ полностью свою подпись: «предсѣдатель Гайдуковъ», затѣмъ ставитъ штемпель и откладываетъ бумагу уже на другое мѣсто, об-ра-чая такимъ образомъ и безъ того не трудную работу секретаря. Десятки бумагъ еще проходятъ черезъ его руки и испытываютъ ту же судьбу.

Все это, конечно, съ гораздо большимъ успѣхомъ и знаніемъ дѣла могъ бы сдѣлать секретарь. Но если бы это дѣлалъ секретарь, то Гайдуковъ каждый день въ теченіе, по крайней мѣрѣ, пяти часовъ былъ бы несчастнымъ человѣкомъ. Ему рѣшительно нечего было бы дѣлать въ эти часы.

Есть счастливые люди, которые могутъ спать до полудня. Еслибъ онъ принадлежалъ къ такимъ, то этимъ была бы разрѣшена половина трудныхъ житейскихъ вопросовъ. Но онъ не могъ и не имѣлъ права. Доктора предписали ему гигиеническій образъ жизни. Онъ сложенъ нѣсколько плотнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, у него короткая шея... а жизнью, вѣдь, онъ дорожитъ и ему надо рано ложиться и рано вставать и дѣлать побольше движеній. И вотъ за эти-то пять часовъ въ сутки, которые такъ хорошо помогаетъ ему провести благотворительное учрежденіе, Гайдуковъ и платитъ нѣсколько тысячъ въ годъ.

Разсмотрѣніе бумагъ продолжается часа полтора. Когда штемпель положенъ на послѣднюю бумагу, онъ звонитъ, приглашаетъ секретаря, который уносить прочь бумаги. Опять столъ пустъ, Гайдуковъ одинъ и безъ опредѣленнаго дѣла, и онъ переживаетъ минуту затрудненія. Нѣсколько туровъ изъ угла въ уголъ, изъ одной комнаты въ другую не выручаютъ его, но за то на выручку является новое лицо. Въ передней происходитъ движеніе, кто-то снимаетъ пальто и разговариваетъ со сторожемъ. У Гайдукова является въ сердцѣ надежда. И въ самомъ дѣлѣ входитъ завѣдующій воспитательною частью. Это человѣкъ очень почтеннаго вида, хлѣбный торговецъ, никогда не скучающій и очень хорошо знающій, куда дѣвать свое время. Но ему извѣстно также, что Гайдуковъ этого не знаетъ и какъ разъ въ это время испытываетъ муки, и такъ какъ онъ очень уважаетъ Гайдукова, какъ крупнаго жертвователя, предсѣдателя общества и, — и это главнымъ образомъ, — миллионера, то заходитъ въ этотъ часъ нарочно, чтобы развлечь его.

— А, Федоръ Прокофьевичъ! — радостно встрѣчаетъ его Гайдуковъ. — Очень радъ васъ видѣть! Ну, что хорошаго? Сбыли вашъ грузъ, а?

Федоръ Прокофьевичъ очень польщенъ тѣмъ, что Гайдуковъ интересуется его дѣлами. Въ послѣдніе дни онъ дѣйствительно озабоченъ судьбой своего паруснаго судна, которое ушло съ большимъ грузомъ въ Марсель. Онъ что-то долго не получалъ о немъ извѣстій.

Благодарю васъ, я получилъ извѣстіе... Маленькая аварія, общемъ все благополучно.

— Ну, вот и слава Богу! — говоритъ Гайдуковъ и уже начинаетъ думать, о чемъ бы такому еще спросить этого господина. — Ну, вот и отлично, отлично, — повторяетъ онъ, — я очень радъ, что все такъ хорошо кончилось! Ну, и что же, выгодно продали вашъ грузъ?

— О, да, теперь пшеница въ цѣнѣ! Я всегда знаю благоприятный моментъ. Я никогда не тороплюсь.

— Гм... да, да... Это хорошо... Никогда не слѣдуетъ торопиться... А скажите, Ѳеодоръ Прокофьевичъ... Вотъ что-то такое я хотѣлъ у васъ спросить?... Экая у меня память!... Да... ваша супруга пріѣхала изъ Москвы?

— Да она не уѣзжала въ Москву.

— Какъ? Не уѣзжала? Такъ это я спуталъ.

— Ну, да, это жена Антонова уѣзжала въ Москву и она, кажется, вернулась.

— Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ. Да, это Антонова!

Такимъ образомъ Гайдуковъ напрягалъ свою изобрѣтательность въ теченіе получаса и, все-таки, былъ доволенъ, потому что такъ или иначе, а время уходило болѣе или менѣе благополучно, но у Ѳеодора Прокофьевича были неотложныя дѣла, онъ скоро простился и ушелъ.

Гайдуковъ опять начинаетъ ходить по комнатамъ и всякій разъ, когда проходитъ мимо оконъ, останавливается и внимательно глядитъ на улицу, самъ не замѣчая, что страстно ждетъ, не забредетъ ли кто-нибудь изъ членовъ общества или хотя бы изъ постороннихъ лицъ, будь то даже самый жалкій проситель.

А, вотъ принесли бумагу! Гайдуковъ слышитъ въ передней движеніе и видитъ въ полураскрытую дверь какого-то казеннаго разсыльнаго, и сердце его начинаетъ биться сильнѣе, какъ будто ему предстоитъ пріятное свиданіе. Вотъ сторожъ, расписавшись въ книгѣ, отпустилъ разсыльнаго, принесъ пакетъ и положилъ его на столъ.

— Бумага, ваше превосходительство, — говоритъ сторожъ, принимающій серьезное участіе въ его радости, такъ какъ ему очень хорошо извѣстно, что Гайдуковъ скучаетъ.

— А, бумага! Великолѣпно! Вотъ мы ее сейчасъ посмотримъ, — съ растяжкой говоритъ Гайдуковъ, но не беретъ пакетъ тотчасъ и не распечатываетъ его, стоя у стола, а обходитъ столъ, садится въ кресло, кладетъ пакетъ передъ собой, придвигаетъ къ себѣ штемпель и только тогда добываетъ изъ пакета бумагу. Первая часть второй части второго участка сообщаетъ, что у стѣны

юта, содержимаго благотворительнымъ обществомъ, съ улицы, лежить сорная куча и онъ покорнѣйше просить правленіе общества, чтобъ эту кучу немедленно убрали, такъ какъ она заражаетъ воздухъ и портитъ общій видъ.

«Въ чѣмъ же это вѣдѣніи?»—думаетъ Гайдуковъ и по достаточномъ размышленіи приходитъ къ заключенію, что это находится въ вѣдѣніи эконома. Тогда онъ дѣлаетъ обычную надпись съ своею подписью и откладываетъ бумагу впредь до прихода секретаря.

Сорная куча волнуетъ его минутъ десять, но затѣмъ мысль о ней исчезаетъ изъ его головы, и въ головѣ этой опять образуется пустота. Но ему сегодня везетъ. Явился экономъ. Онъ тоже былъ человѣкъ почтеннаго вида, но въ лицѣ его было что-то хитрое и нездоровое. Экономъ былъ человѣкъ бѣдный и много работающій. На лбу его красовались глубокія складки,— слѣды мучительныхъ думъ о добываніи хлѣба, а хитрость, которая свозила въ его глазахъ, была несомнѣнно для него важнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе.

— А, Петръ Ивановичъ, я очень радъ васъ видѣть!—говоритъ и ему Гайдуковъ, и это правда, потому что онъ теперь радъ всякому.—Ну, что, какъ? Что хорошаго? Какъ ваша супруга, Петръ Ивановичъ? Родила? Кажется, она собиралась...

— Родила, ваше превосходительство, восьмого.

— Неужели восьмого?—съ ужасомъ воскликнулъ Гайдуковъ.

— Восьмого, ваше превосходительство.

— Но, вѣдь, это вамъ трудно.

— Да, не легко. Вообще трудно жить на свѣтѣ, ваше превосходительство, бѣдному человѣку.

— Гм... Да, конечно,—говоритъ Гайдуковъ, нѣсколько тронутый этимъ заявленіемъ.—А вы какое получаете жалованье?

— Шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, ваше превосходительство.

— Это не много. Да, я думаю, что на эти деньги трудно содержать восемь душъ дѣтей.

— Не трудно, ваше превосходительство, а невозможно. Въ долги вхожу, а чѣмъ платить буду—не знаю.

— А, это нехорошо! Вамъ надо просить прибавки.

Экономъ махнулъ рукой.

Все равно не дадутъ, ваше превосходительство. Члены правленія не очень-то щедры для служащихъ. Да и то сказать, если бы они могли входить въ положеніе каждаго?

Гайдуковъ уже явственно ощущаетъ въ своей груди что-то теплое. Вдругъ на него находитъ порывъ великодушія и онъ,

можетъ быть, зная, какъ такого рода порывы быстро у него проходятъ, торопится высказаться.

— Ну, а скажите, Петръ Ивановичъ, — говоритъ онъ съ замѣтною теплотой въ голосѣ, — только такъ, по совѣсти, какъ истинно расположенному къ вамъ человѣку... Вы говорите, что у васъ есть долги?

— Есть, ваше превосходительство, какъ имъ не быть?

— Ну, сколько же, сколько? — торопитъ его Гайдуковъ.

Экономъ дѣлаетъ видъ, что мысленно сосчитываетъ свои долги, но въ дѣйствительности онъ занятъ совсѣмъ другою душевною работою. Онъ колеблется, какъ понимать этотъ вопросъ. Зная уже много лѣтъ Гайдукова, онъ догадывается, что тутъ пахнетъ добромъ. Не часто это бываетъ, но случается, что Гайдукову вдругъ придетъ фантазія выбросить какую-нибудь сумму. Долги его, какъ онъ очень хорошо зналъ, равнялись, примѣрно, пяти сотнямъ. Но надо же воспользоваться случаемъ, чтобъ и себѣ заработать, по крайней мѣрѣ, столько же. Это составитъ тысячу. Да надо еще что-нибудь запросить, потому что Гайдуковъ какъ бы ни былъ великодушно настроенъ, никогда не дастъ столько, сколько просятъ, и какъ будто торгуется. Самъ Гайдуковъ объяснялъ эту свою манеру такимъ образомъ: «Вѣдь, это единственный способъ, посредствомъ котораго я дѣлаю экономію. Вѣдь, я могъ бы дать все, что у меня просятъ, но я даю меньше, и вотъ разница между тѣмъ, что просятъ, и тѣмъ, что я даю, и составляетъ мой барышъ».

— Ну, сколько же, сколько, Петръ Ивановичъ? — повторилъ Гайдуковъ, какъ бы боясь, что тотъ опоздаетъ съ отвѣтомъ. — Какъ же это вы, такой аккуратный, и не можете сразу опредѣлить вашихъ долговъ.

— Тысячу пятьсотъ рублей, ваше превосходительство.

— О-о! Цифра порядочная! — говоритъ Гайдуковъ, для котораго эта цифра, въ сущности, такъ мала, что представляетъ чисто-теоретическій интересъ.

— Что-жъ дѣлать, ваше превосходительство! Трудно жить, восьмой ребенокъ! Трехъ уже воспитываю... Вѣдь, это обязанности, ваше превосходительство, священные обязанности! Ихъ не исполнять.

— Знаете, мнѣ очень хочется услужить вамъ, Петръ Ивановичъ, но такая сумма мнѣ не по средствамъ, — съ усмѣшкой прибавляетъ онъ. — Я дамъ вамъ взаймы тысячу рублей.

— Ваше превосходительство, я такъ вамъ благодаренъ, такъ благодаренъ, — дрожащимъ голосомъ говоритъ экономъ.

— Ну, полно-те, пустое... Садитесь-ка, да пишите росписку.

Экономъ готовъ написать сотню росписокъ. Было бы смѣшно, еслибъ онъ вздумалъ платить Гайдукову. Еслибъ онъ это сдѣлалъ, то Гайдуковъ первый посмѣялся бы надъ нимъ.

Между тѣмъ, Гайдукову крайне необходима росписка. Надо, чтобъ это имѣло видъ, что онъ не разбрасываетъ деньги какъ-нибудь глупо. Онъ столько разбрасывалъ ихъ на своемъ вѣку, что это ему, наконецъ, надоѣло.

Экономъ сѣлъ за столъ и съ видомъ покорности обозначилъ на бумагѣ, что онъ готовъ во всякое время по требованію Гайдукова уплатить ему тысячу рублей, которую взялъ у него взаймы. Гайдуковъ взялъ у него росписку, сложилъ и положилъ въ карманъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана чековую книжку, написалъ чекъ на тысячу рублей и передалъ его торжествующему эконому, и такъ какъ рыцарское настроеніе у него еще продолжалось, онъ захотѣлъ перемѣнить разговоръ, чтобы не оставлять эконома въ щекотливомъ положеніи человѣка, только что получившаго деньги.

— Что я такое хотѣлъ вамъ сказать?... Позвольте, позвольте! Ахъ, да! Вотъ бумага насчетъ какой-то сорной кучи, вѣдь, это по вашей части... Надо убрать,—знаете, неловко...

Экономъ началъ извиняться по поводу сорной кучи и приводить какія-то оправданія. Въ это время Гайдукову принесли изъ ресторана завтракъ, но онъ едва прикоснулся къ нему. Онъ берегъ свой аппетитъ для обѣда. Пріятное ожиданіе его не покидало Гайдукова цѣлый день.

У.

Около половины перваго кучеръ, хорошо знающій свои обязанности, подалъ коляску. Гайдуковъ увидѣлъ это въ окно и воображеніе нарисовало ему обычную программу его дальнѣйшаго дня: пріѣздъ домой, двухчасовое избѣганіе жары въ мягкихъ и широкихъ одеждахъ, отказъ отъ пріема кого бы то ни было, потомъ морская ванна, моціонъ, обѣдъ... Вдругъ на него отъ этой программы пошло яло скукой и ему захотѣлось сдѣлать хоть маленькое уклоненіе. Его неизобрѣтательный умъ былъ неприспособленъ и довольствоваться пустяками: хоть что-нибудь не такъ, какъ вчера.

Онъ позвонилъ; вошелъ сторожъ.

Скажи моему Семену, чтобы ѣхалъ домой.

Безъ васъ, ваше превосходительство? — съ удивленіемъ спросилъ сторожъ.

— Ну, да, пусть сейчас ѣдетъ.

Сторожъ выѣстъ съ приказаніемъ передалъ кучеру и свое изумленіе. Кучеръ пожалъ плечами, но повиновался. Коляска укатила.

Гайдукъ еще нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, затѣмъ надѣлъ пальто, взялъ свою палку и вышелъ. Онъ пошелъ пѣшкомъ, толкаясь среди уличныхъ пѣшеходовъ; это его развлекало и доставляло ему удовольствіе. Онъ останавливался у оконъ магазиновъ и съ любопытствомъ разсматривалъ самыя ничтожныя, грошовыя вещи. Ему ужасно хотѣлось что-нибудь купить, то-есть испытать этотъ процессъ, когда входишь въ магазинъ, спрашиваешь вещь, торгуешься и чувствуешь себя покупателемъ. Но ему рѣшительно ничего не нужно, у него есть все. Онъ напрягаетъ мозгъ, стараясь изобрѣсти что-нибудь. Сперва онъ убѣждаетъ себя, что ему необходимы перчатки, галстукъ, запонки, но затѣмъ это кажется ему слишкомъ ужъ нелѣпымъ, такъ какъ всего этого у него въ изобиліи. Но вотъ онъ останавливается у витрины антикварія и смотритъ внутрь магазина сквозь большое цѣльное стекло. Среди множества оригинальныхъ вещицъ на него какъ-то упорно и настойчиво смотритъ стоящая отдѣльно и на почетномъ мѣстѣ старинная севрская ваза. Въ этихъ дѣлахъ онъ кое-что понимаетъ и ясно видитъ, что ваза интересна и достойна его кармана. Тутъ у него является мысль, что именно этой самой севрской вазы ему не доставало. Онъ даже опредѣляетъ ей мѣсто въ своей городской квартирѣ. Ну, да, ему давно казалось, что въ гостиной на каминѣ чего-то не хватаетъ, и не хватаетъ-то именно этой самой севрской вазы. Даже больше, онъ совершенно увѣренъ, что уже нѣсколько лѣтъ мечтаетъ объ этой севрской вазѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдить въ какой угодно фантазіи ничѣмъ не занятую голову. И онъ направляется въ магазинъ.

Антикварій прекрасно знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Гайдукъ внимательно разсматриваетъ вазу и убѣждается въ ея достоинствахъ.

— Жаль только, что она мнѣ не нужна, — говоритъ онъ, желая, по своему обыкновенію, и на этой тратѣ «сдѣлать экономію», — да, очень жаль... Чудная вещица, но я просто не зналъ бы, куда ее дѣвать.

Антикварій начинаетъ убѣждать его, что для такой вещи всегда можно найти мѣсто, что она можетъ служить лучшимъ украшеніемъ въ любой комнатѣ, но Гайдукъ слушаетъ его равнодушно и въ глубинѣ души убѣжденъ, что очень искусно разыгрываетъ роль хладнокровнаго покупателя.

— Ну, а цѣна какая?— какъ бы мимоходомъ спрашиваетъ онъ.

— Цѣна небольшая, три съ половиной тысячи. Мало охотниковъ нынче на такія вещи. Въ прежнее время за нее можно было бы десять тысячъ взять.

— Да, еслибъ она была мнѣ нужна, то я далъ бы за нее тысячи двѣ,—возражаетъ Гайдуковъ, а антикварій уже видитъ, что ваза задѣла его за живое, и опредѣляетъ, что три тысячи онъ во всякомъ случаѣ получить. Гайдуковъ торгуется и поражаетъ антикварія своею скупостью. Тотъ уже отступилъ отъ трехъ тысячъ и дошелъ до такой цифры, ниже которой идти уже не можетъ. Гайдуковъ видитъ, что ниже этой цифры тотъ никогда не спустится, но ни за что не хочетъ прибавить лишнихъ пятьдесятъ рублей и уходитъ изъ магазина, не купивъ вазы. Но антикварій знаетъ, что, въ концѣ-концовъ, онъ ее купитъ. Гайдуковъ тоже это знаетъ. Онъ просто оставляетъ себѣ маленькую зацѣпку для пріятнаго волненія. Двѣ недѣли онъ будетъ мечтать о вазѣ, иногда заглядывать въ магазинъ, торговаться и затѣмъ, наконецъ, ваза-таки будетъ стоять у него на каминѣ.

Послѣ этого Гайдуковъ доставляетъ себѣ высочайшее наслажденіе: онъ ѣдетъ за городъ на конѣ. Вся ѣдущая съ нимъ публика знаетъ его и не можетъ надивиться, почему Гайдуковъ, у котораго свои чудныя лошади, предпочитаетъ сидѣть на скамейкѣ рядомъ съ какимъ-то оборванцемъ въ открытой конѣ, предоставляя себя солнечной жарѣ и пыли. А онъ это видитъ или, скорѣе, чувствуетъ, и ему пріятно, что онъ ведетъ себя такъ, какъ всѣ простые люди. Кондукторъ испытываетъ даже нѣкоторое затрудненіе. Какъ съ миллионера взять десять копѣекъ? Онъ совершенно правильно рассуждаетъ, что для человѣка, привыкшаго всю жизнь платить за удовольствія тысячи, десятки и сотни тысячъ, заплатить десять копѣекъ такъ же трудно, какъ большому кораблю проплыть по узкой, мелкой рѣчонкѣ.

Иногда Гайдуковъ доставляетъ себѣ еще большее удовольствіе, отправляясь изъ города домой на самомъ северномъ извозникѣ, на пролеткѣ, металлическія части которой поютъ на разные голоса, издавая какой-то дивный оркестръ. Въ прежнее время случалось, что онъ это путешествіе совершалъ пѣшкомъ, но послѣ того, какъ онъ перевалило за пятьдесятъ, его ужъ на это не хватаетъ.

И вотъ, наконецъ, онъ достигъ своей дачи, онъ дома, приключенія кончились и время, оставшееся до обѣда, онъ проводитъ обыкновеннымъ образомъ.

Во время обѣда съѣзжаются гости. У него каждый день обѣдаютъ

знакомые. Еслибъ ему пришлось хоть разъ въ жизни пообѣдать одному, то онъ почувствовалъ бы желаніе повѣситься. Во всякомъ случаѣ, у него не было бы аппетита, какія вкусныя вещи ему ни предлагалъ бы Родіонъ Ивановичъ.

Первымъ является Степанъ Ильичъ. Онъ живетъ въ городѣ и всегда прѣзжаетъ на конкѣ, такъ какъ у него нѣтъ своихъ лошадей. У этого человѣка, конечно, есть фамилія, но ее никто никогда не произноситъ. И это не потому, чтобы она была неблагозвучна или непочтенна, но просто въ ней нѣтъ надобности. Всѣ называютъ его Степаномъ Ильичемъ и подъ этимъ именемъ знаетъ его весь городъ. Онъ обѣдаетъ у Гайдукова каждый день. Безъ него столъ былъ бы неполонъ и гости чувствовали бы себя неловко. Они съ Гайдуковымъ давніе пріятели, они друзья дѣтства, юности и всѣхъ остальныхъ періодовъ жизни. У Степана Ильича когда-то было состояніе. Ему было лѣтъ двадцать пять, когда оно перешло въ его руки, а Гайдуковъ въ это время былъ уже полновластнымъ распорядителемъ отцовскихъ милліоновъ. Года четыре молодые люди кутили вмѣстѣ, не отдыхая ни одной минуты. Когда они вздумали остановиться и перевести духъ, то оказалось слѣдующее: у Гайдукова были милліоны и потому онъ устоялъ, а у Степана Ильича были только сотни тысячъ и онъ всѣ испарилъ. Съ тѣхъ поръ Гайдуковъ сдѣлалъ Степана Ильича своимъ вѣчнымъ пансіонеромъ. Онъ давалъ ему на всѣ нужды, чтобы можно было поддерживать вполне приличное существованіе, а въ возмездіе за это взялъ съ него слово, что тотъ будетъ обѣдать съ нимъ каждый день, такъ какъ Гайдуковъ не могъ бы провести безъ пріятеля ни одного дня. Когда Гайдуковъ ѣздитъ за границу на воды или къ морю, Степанъ Ильичъ отправляется съ нимъ. У нихъ были одинаковые вкусы и даже одинаковыя болѣзни. Они пили однѣ и тѣ же воды и купались въ однихъ и тѣхъ же моряхъ.

Другія «персоны» за обѣденнымъ столомъ мѣнялись каждый день, а Степанъ Ильичъ былъ неизмѣненъ и, какъ мы видѣли, онъ настолько былъ уважаемъ въ этомъ домѣ, что даже Родіонъ Ивановичъ принималъ въ расчетъ его вкусы.

За обѣдомъ Гайдуковъ видимо оживлялся. Его нѣсколько одуловатыя щеки, сѣровато-блѣднаго, нездороваго цвѣта, покрывалъ румянцемъ, глаза, обыкновенно слишкомъ спокойныя, съ взгломъ человѣка, какъ бы разъ навсегда убѣдившагося, что въ міѣ нѣтъ ничего интереснаго и что все произойдетъ именно такъ, какъ должно произойти, и никакихъ уклоненій отъ этой нормы не будетъ, — загорались блескомъ и онъ начиналъ усиленно обра-

вниманіе своихъ гостей на закуски, на соусъ, поданный къ ракамъ, на миниатюрныя ватрушки, которыя Родіонъ Ивановичъ сдѣлалъ только «какъ бы для виду», на необыкновенную скумбрію, открытую тѣмъ же Родіономъ Ивановичемъ и зажаренную такъ, что она таяла во рту... И въ продолженіе всего обѣда имя Родіона Ивановича непрерывно упоминалось и прославлялось.

Онъ также обращалъ вниманіе гостей на прекрасныя вина, на удивительный коньякъ, поданный къ кофе, на необыкновенную мадеру и на рѣдкія сигары, появившіяся послѣ обѣда. И при этомъ его искреннее увлеченіе было почти безкорыстно. Самъ онъ выпивалъ только одинъ маленькій стаканчикъ бургонскаго. Все остальное было разъ навсегда отвергнуто его желудкомъ. Но онъ любилъ смотрѣть, какъ гости пьютъ и наслаждаются дѣйствительно превосходными напитками. Въ особенности онъ любилъ наблюдать въ это время Степана Ильича, который былъ художникомъ по части всего, что относилось къ питью. Онъ какъ-то особенно наливалъ вино въ стаканъ и подносилъ его къ губамъ и пробовалъ и при этомъ дѣлалъ такую соблазнительную мину, что всѣмъ тотчасъ хотѣлось пить. Онъ былъ истинный знатокъ и цѣнитель.

Послѣ обѣда всѣ выходятъ на террасу и тамъ завязывается общій разговоръ. Гайдуковъ сидитъ въ креслѣ, куритъ сигару и молча слушаетъ. Тутъ ему рѣшительно все равно, о чемъ бы ни говорили гости. Онъ теперь наслаждается какъ бы сознаніемъ съѣденнаго тонкаго обѣда и ароматомъ сигары. Онъ выкуриваетъ только одну сигару въ день. Когда послѣ сильнаго припадка его болѣзни, которою онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ, доктора нашли вредной для него и эту одну сигару и хотѣли запретить ее, Гайдуковъ возразилъ имъ съ глубокимъ чувствомъ и несомнѣнно отъ самаго сердца:

— Господа, вы хотите отнять у меня единственное истинное наслажденіе, какое я получаю отъ жизни... Нѣтъ, пусть это будетъ мнѣ вредно, пусть это уменьшитъ мою жизнь на нѣсколько лѣтъ, но я буду курить мою одну сигару послѣ обѣда.

И ему разрѣшили.

Когда сигара подходитъ къ концу, Гайдуковъ незамѣтно переставъ въ забвеніе и, въ то время, какъ гости продолжаютъ бесѣду о разныхъ городскихъ, большею частью торговыхъ дѣлахъ, онъ, въ креслѣ, дремлетъ минутъ десять и видитъ при этомъ во что-нибудь успокоительно-пріятное: прохладную ванну въ жаркій лѣтній день или свѣжій мирный швейцарскій пейзажъ. И въ концѣ и затѣмъ на яву, когда онъ просыпается, онъ чувствуетъ себя глубоко удовлетвореннымъ.

— А что же, дядя,—говорить племянникъ его Любоцинскій,—вы познакомились съ проектомъ этого господина?

— Съ какимъ проектомъ и какого господина?—спросилъ Гайдуковъ, которому не легко было сразу перенестись отъ своего послѣбѣденнаго очарованія въ міръ обычныхъ интересовъ.

— Да вотъ этого вашего рыцаря печальнаго образа?

— А, Рябченка? Нѣтъ, я еще не прочиталъ. Но это меня очень интересуетъ.

— Представьте себѣ,—обратился Любоцинскій къ гостямъ,—этотъ господинъ... вы, можетъ быть, его знаете?

— Это тотъ, который открылъ голыхъ мальчиковъ?—спросилъ Роничъ.

— Я не знаю, что онъ открылъ, и не интересуюсь этимъ. Любопытно только то, что онъ распоряжается чужими милліонами, какъ своими.

— Онъ распоряжается ими не для себя, а для другихъ,—заступился Гайдуковъ за своего пріятеля.

— Ну, да вы, дядя, пристрастны къ нему. У васъ къ этому господину какое-то болѣзненное влеченіе. Можно подумать, что онъ васъ заигинологизировалъ. А, впрочемъ, *les extrémités se touchent*.

— Почему же *les extrémités*?

— Да очень просто: дядя богатъ, а Рябченко бѣденъ.

— Такихъ противоположностей можно найти много, но онѣ далеко не всѣ сходятся,—возразилъ Гайдуковъ.

— Во всякомъ случаѣ,—саркастически продолжалъ Любоцинскій,—въ тотъ моментъ, когда богатый отсчитываетъ и даетъ бѣдному нѣкоторую сумму, а бѣдный протягиваетъ руку, чтобы взять ее, они такъ или иначе сойдутся.

— Я охотно далъ бы Рябченку порядочную сумму, чтобы облегчить его существованіе, но онъ ни за что не возьметъ,—съ убѣжденіемъ сказалъ Гайдуковъ.

— А вы пробовали, дядя?

— Нѣтъ, и не попробую. Онъ не возьметъ. Я это совершенно явственно чувствую.

— Дядя наивенъ. Неужели вы серьезно думаете, что всѣ проекты о милліонныхъ благотворительныхъ дѣлахъ, которые того и составляютъ въ милліонномъ масштабѣ, чтобы никто серьезно не могъ къ нимъ отнестись, неужели вы думаете, что они для того только и пишутся, чтобы выманить у васъ нѣкоторую сумму денегъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ? Онъ, этотъ господинъ, конечно, не такъ наивенъ, чтобы рассчитывать на

люны. Милліонъ тутъ поставленъ такъ себѣ, для внушительности,—не все ли равно ему, у котораго и три рубля-то не всегда бывають въ карманѣ, не все ли равно ему тысяча, сто тысячъ, милліонъ, сто милліоновъ? Онъ обращается съ этими милыми цифрами такъ же легко и свободно, какъ ребенокъ съ оловянными солдатами, заставляя ихъ воевать, побѣждать и обращаться въ бѣгство и зная очень хорошо, что это никому не грозитъ опасностью. Но повѣрьте, что онъ не только не откажется, а даже поблагодарить, если вы дадите ему всего только пять сотенныхъ и скажете: вотъ это вашей женѣ на булавки или вашимъ дѣтямъ на пеленки.

— Никогда, никогда!—съ необычною горячностью воскликнулъ Гайдуковъ.—Ты просто клеветашь на этого человѣка. Я не люблю, когда даже съ нѣкоторымъ основаніемъ говорятъ о комъ-нибудь дурно, а ты дѣлаешь это безъ всякихъ основаній. Мнѣ это непріятно.

— Я не понимаю, дядя, почему это васъ такъ трогаетъ. Я вовсе не хотѣлъ огорчать васъ.

— Да, это меня трогаетъ, потому что Рябченко—честный человѣкъ.

— Но позвольте, дядя, вотъ вы говорите, что я безъ основаній, но какія же у васъ основанія утверждать, что онъ честный человѣкъ?

— Это чувствуется во всемъ.

— О! Чувствуется! Ну, это слишкомъ шаткое основаніе! Вамъ чувствуется такъ, а мнѣ какъ разъ наоборотъ.

— Наконецъ, его поступки: онъ исключительно по благороднымъ побужденіямъ устроилъ игры для бѣдныхъ дѣтей и отдаетъ имъ свой трудъ и свое время.

— Это реклама, просто человѣку надо чѣмъ-нибудь выдвигаться. Ни способностей, ни талантовъ Богъ не далъ, вотъ онъ и играетъ на сердечныхъ струнахъ.

— А эти голые нищѣ, для которыхъ онъ такъ много сдѣлалъ?

— Реклама, все реклама! Не даромъ же онъ репортеръ!

— Можно подумать, что ты задался цѣлью во что бы то ни стало сегодня противорѣчить мнѣ.

Но, дядя, право же, такой цѣли у меня не можетъ быть. Это мое глубокое убѣжденіе. И если хотите, я вамъ это докажу.

Какимъ образомъ?

Очень просто. Я предлагаю вамъ пари: въ слѣдующій разъ, когда вы къ намъ придеть, вы, безъ всякихъ предисловія, просто

предложите ему, лично ему для его нужд... ну, тамъ какую-нибудь тысячу рублей,—васъ это не разорить, и вы увидите, какъ глаза его умаслятся и онъ весь превратится въ благодарность и послѣ этого онъ долго-долго не будетъ надоѣдать вамъ своими проектами. Помните, вы очень интересовались однимъ рѣдкимъ экземпляромъ драцены, который видѣли, кажется, въ Кіевѣ. Это будетъ моя ставка. Если я проиграю, я вамъ во что бы то ни стало достану его и онъ украситъ вашу террасу.

— А моя ставка?

— *Ad libitum*.

— *Ad libitum* съ моей стороны?

— Нѣтъ, съ моей дядя.

— Ого!

— Но вы не беспокойтесь. Я не поставлю васъ въ затрудненіе. Я буду очень скроменъ.

Гайдуковъ понялъ это, какъ косвенную просьбу нѣкоторой изрядной суммы денегъ, которая понадобилась племяннику и которую онъ далъ бы ему и безъ этого пари. Онъ согласился.

VI.

Гайдуковъ и самъ не ожидалъ, что разговоръ съ племянникомъ заставитъ его испытывать такое волненіе. Это пари было для него не только предметомъ обсужденія, но и мученія.

Онъ давно привыкъ смотрѣть на себя по отношенію къ людямъ, какъ на мѣшокъ съ золотомъ, около котораго всѣ ходятъ и всякій норовитъ запустить въ него руку и хоть что-нибудь вытащить для себя. Поэтому-то людское общество давно уже не доставляло ему никакого удовольствія. Какъ умнѣйшій членъ какого-нибудь общества или кружка каждымъ произнесеннымъ имъ словомъ непременно даетъ что-нибудь остальнымъ, такъ и онъ на каждомъ шагу чувствуетъ, что всякій, кто такъ или иначе сталкивается съ нимъ, непременно зависитъ отъ него или могъ бы зависѣть, еслибъ онъ захотѣлъ.

На каждомъ шагу, гдѣ только было возможно, его останавливали люди съ трагическими лицами, рассказывали ужасныя и рѣи про свою жизнь и просили помощи. Съ двадцатилѣтняго возраста онъ былъ вѣчно заваленъ просительными письмами с вдовъ и сиротъ и всякаго рода бѣдныхъ и обиженныхъ. И ужь давно привыкъ смотрѣть на все это, какъ на камушки, неизбѣжно попадающіеся по дорогѣ на мостовой. Они мѣшаютъ ходить, портятъ обувь и дѣлаютъ больно ногамъ, но ихъ слишкомъ мн

и нельзя ради каждаго нагибаться и поднимать его, чтобъ откинуть въ сторону. Въ послѣдніе годы у него даже явилась какая-то подозрительность къ людямъ. Какъ-то роковымъ образомъ случалось, что почти каждый изъ его знакомыхъ, старыхъ и новыхъ, по истеченіи извѣстнаго времени, непременно просилъ у него денегъ и услугъ. Все шло хорошо, но, въ концѣ-концовъ, неизбежно случались какія-нибудь роковыя обстоятельства. И когда онъ смотрѣлъ на человѣка, хотя бы и незнакомаго ему, то онъ думалъ: вотъ и этотъ когда-нибудь попроситъ у меня денегъ. Это отравляло его жизнь, это лишало искренности его отношенія къ людямъ. У него не было друзей, кромѣ Степана Ильича, съ которымъ его связывало прошлое, да, вѣдь, и въ этой дружбѣ были у нихъ отношенія дающаго и берущаго деньги.

И вотъ этотъ Рябченко, этотъ странный человѣкъ, добровольно посвятившій свою жизнь на разработку проектовъ усовершенствованія жизни другихъ, произвелъ на него впечатлѣніе человѣка, который для себя лично никогда не заглядывалъ въ его карманъ, — человѣка, равнодушно проходящаго мимо золотого мѣшка. Да, онъ готовъ былъ бы взять весь мѣшокъ цѣликомъ, это правда, но только съ тою цѣлью, чтобъ употребить его на исполненіе своихъ широкихъ плановъ для другихъ, но лично себѣ онъ не взялъ бы ни одной капли золота.

Почему же это ему такъ казалось? Можетъ быть, потому, что Рябченко никогда не говорилъ съ нимъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, никогда не жаловался на обстоятельства, на то, что у него дѣти и мало средствъ. Онъ всегда говорилъ съ нимъ только о какомъ-нибудь фантастическомъ предпріятіи, которое должно было разомъ осчастливить всѣхъ бѣдняковъ. Его голосъ всегда дрожалъ, когда онъ говорилъ объ этихъ планахъ, и глаза вдохновенно горѣли.

Сколько разъ самому Гайдукову приходилось заговаривать съ нимъ объ его обстоятельствахъ и удивляться, что онъ, человѣкъ нуждающійся и работающій, отдаетъ такъ много времени этимъ чужимъ дѣламъ. Сколько, значить, у Рябченка было поводовъ сказать, какъ сказалъ бы ему въ такихъ случаяхъ всякій другой:

— Да, ваше превосходительство, мнѣ приходится трудно и то, что вы одни можете облегчить мою участь.

Но онъ проходилъ мимо этого съ такою легкостью, какъ будто для него реальны были его планы, а его домашнія дѣла, жена и дѣти — были лишь плодами его фантазіи. И Гайдуковъ окончательно пересталъ смотрѣть на Рябченка, какъ на человѣка, который никогда для себя не попроситъ у него денегъ.

Гайдуковъ не даромъ подержалъ пари и не даромъ это волновало его, какъ какое-нибудь важное событіе его собственной жизни. Человѣкъ, который за пятьдесятъ восемь лѣтъ жизни встрѣтилъ, наконецъ, другого человѣка, который, пользуясь его благосклонностью, ни разу не заикнулся о своихъ личныхъ нуждахъ и не попросилъ у него денегъ, долженъ былъ сильно встревожиться мыслью, что, быть можетъ, это было заблужденіе, до поры до времени ловко разыгрываемая комедія, только для того, чтобы спросить побольше. И тогда оказалось бы, что такого человѣка, о которомъ онъ мечталъ, нѣтъ въ природѣ.

Часовъ въ девять вечера гости разошлись. Въ одиннадцать часовъ Гайдукову надо было лежать въ постели; отъ этого правила онъ не отступалъ никогда, съ тѣхъ поръ, какъ почувствовалъ, что организмъ его сталъ изнашиваться, старѣть и въ немъ появились болѣзни, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ понятія.

Тотчасъ по уходѣ гостей Гайдуковъ потребовалъ своего секретаря и попросилъ его прочесть вслухъ проектъ Рябченка.

Это былъ молодой человѣкъ съ лицомъ смуглымъ, обросшимъ и глуповатымъ. Его навязала Гайдукову губернаторша, такъ какъ онъ былъ неудачникъ въ школьныхъ наукахъ и, кромѣ того, приходился родственникомъ ея пріятельницы. Онъ причислялъ себя къ обществу и старался держаться такъ, чтобы и другіе раздѣляли этотъ взглядъ. Идеалъ его былъ Любоцинскій, которому онъ рабски подражалъ во всѣхъ внѣшнихъ пріемахъ и манерахъ. Когда онъ усѣлся за столъ и началъ читать проектъ Рябченка, то съ его губъ все время не сходила ироническая усмѣшка. Онъ слышалъ отзывы Любоцинскаго объ этомъ проектѣ и вполне усвоилъ его взглядъ.

За то его поражало отношеніе къ тому же дѣлу Гайдукова. Онъ никакъ не могъ понять, почему Гайдуковъ, обыкновенно равнодушный ко всему на свѣтѣ, съ такимъ глубокимъ вниманіемъ вслушивается въ каждое слово и постоянно дѣлаетъ короткія замѣчанія.

— Ага, это дѣльно! Это очень важно! Подчеркните карандашомъ. Объ этомъ надо будетъ поговорить.

Проектъ, однако же, былъ слишкомъ великъ, чтобы его можно было прочесть въ одинъ вечеръ, но уже и прочитаннаго было достаточно, чтобы судить о главной задачѣ Рябченка: облагодѣтельствовать человѣчество.

Утромъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать въ благотворительное учрежденіе, Гайдуковъ послалъ въ городъ къ Рябченку записку, въ

торой просилъ его зайти часа въ два поболтать. И ужъ онъ затѣмъ все утро испытывалъ волненіе совершенно особаго рода. Помимо любопытства, у него было еще какое-то тревожное чувство, какъ будто онъ собирался совершить какое-то недоброе дѣло. Стоило только на минуту допустить, что Любощинскій неправъ, какъ становилось яснымъ, что онъ просто-на-просто собирается оскорбить Рябченка и, что всего хуже, съ этою цѣлью приглашаетъ его къ себѣ въ гости любезною запиской. Это походило на предательство.

Около двухъ часовъ дня Рябченко совершенно такъ, какъ вчера, быстрою походкой двигался по ровному шоссе, напоминая большую желтую птицу. Получивъ записку Гайдукова, онъ, разумѣется, тотчасъ же вообразилъ Богъ знаетъ что. Ему представилось, что проектъ его произвелъ потрясающее впечатлѣніе и что милліонъ уже готовъ для его предпріятія. Поэтому онъ былъ болѣе аккуратень, чѣмъ когда бы то ни было, и ровно въ два часа отворилъ калитку сада.

На этотъ разъ ему не пришлось заявлять о желаніи повидаться съ Гайдуковымъ. Его просто пригласили въ домъ и безъ доклада ввели въ ту комнату, гдѣ принималъ его Гайдуковъ вчера.

— Я васъ побезпокоилъ, — встрѣтилъ его Гайдуковъ, здороваясь и приглашая садиться, — но надѣюсь, что вы не очень разсердитесь на меня.

— Это по поводу проекта, ваше превосходительство?

— Да, я прочелъ его вчера вечеромъ. Онъ очень, очень интересенъ.

— Я это говорилъ вамъ, — съ сіяющимъ лицомъ замѣтилъ Рябченко.

— Да, да, Рябченко, онъ очень интересенъ. Я, признаюсь, не окончилъ его, но тамъ уже есть надъ чѣмъ подумать... Я отмѣтилъ карандашомъ... Видите ли... Это очень широко... Но надъ нимъ надо еще поработать... Очень много... А основная мысль совершенно вѣрна. Я прямо скажу вамъ, что ради такого дѣла, если бы его поставить практически, стоило бы пожертвовать не милліонъ, а больше. Мы съ вами еще потолкуемъ по этому поводу.

Онъ слѣдилъ за Рябченко и видѣлъ, какъ у него загорались глаза. Рябченко, въ самомъ дѣлѣ, испытывалъ высокое блаженство. Конечно, онъ не безъ надежды принесъ свой проектъ Гайдукову. Тамъ нуженъ былъ милліонъ, онъ и принесъ его туда, гдѣ были милліоны. Но въ глубинѣ души не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезно быть увѣреннымъ, что тотъ такъ вотъ возьметъ и выкаситъ милліонъ. Разстаться съ милліономъ! О, это должно

быть очень трудное дѣло для человѣка, вся жизнь котораго держится на обладаніи этимъ милліономъ! Онъ сживается съ своимъ обладателемъ, срастается съ его плотью и кровью и его пришлось бы отрывать съ болью отъ самаго сердца.

И вдругъ его мечта какъ бы близка уже къ осуществленію. Если Гайдуковъ настолько заинтересовался, что позвалъ его къ себѣ, то, значитъ, это задѣло его за живое. Однимъ словомъ, въ головѣ его пронесся цѣлый рядъ мыслей, которыя способны мечтателя сдѣлать счастливымъ. Онъ былъ взволнованъ, ходилъ по комнатѣ, произносилъ восторженные восклицанія, а Гайдуковъ сидѣлъ и слѣдилъ за нимъ.

— Да,—сказалъ Гайдуковъ,—мы еще объ этомъ поговоримъ, Рябченко, мы поговоримъ объ этомъ основательно, а теперь о другомъ...

И голосъ у Гайдукова слегка дрожалъ, потому что въ эту минуту онъ чувствовалъ себя предателемъ:

— Вотъ видите ли, вчера я упомянулъ объ этомъ... помните, я высказалъ удивленіе, какъ вы, человѣкъ занятой и совершенно не обезпеченный, можете тратить такъ много времени и вниманія на чужое дѣло.

— Да, я помню это.

— Да, такъ это я не безъ цѣли... Миѣ давно уже хочется... Ну, какъ вамъ сказать?... Вы не подумаете ничего дурного... Вѣдь, вы же знаете, какъ я расположенъ къ вамъ... Да, такъ миѣ хотѣлось бы оказать вамъ дружескую услугу, Рябченко... Конечно, я не рѣшился бы предложить вамъ что-нибудь такъ... Но я хотѣлъ бы какъ-нибудь вознаградить вашъ трудъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, но если вы его одобряете, если вы даете миѣ надежду, что мой планъ можетъ быть осуществленъ, то какое же найдется для меня высшее вознагражденіе? Право, я былъ бы болѣе чѣмъ счастливъ, еслибъ увидѣлъ это дѣло осуществленнымъ.

— Нѣтъ, я говорю о вашемъ времени и трудѣ,—съ чуть замѣтнымъ смущеніемъ возразилъ Гайдуковъ,—я хотѣлъ бы вознаградить васъ лично.

— Меня? Развѣ я работалъ для васъ? Развѣ вы миѣ заказали эту работу?

— Конечно, нѣтъ, но (смущеніе Гайдукова увеличивалось хотѣлъ бы по-пріятельски и въ формѣ для васъ необходимой... могъ бы дать вамъ взаймы, напримѣръ, нѣкоторую сумму... сяди двѣ.

Рябченко какъ-то холодно усмѣхнулся.

— Смѣшно было бы, ваше превосходительство, еслибъ я взялъ у васъ такую сумму займа. Еслибъ я прожилъ еще сто лѣтъ, и то не былъ бы въ состояніи уплатить ее.

— Но этого и не надо, — поспѣшно возразилъ Гайдуковъ. — Вы же понимаете, что я не нуждался бы...

— Простите меня, ваше превосходительство, — какъ-то вдумчиво промолвилъ Рябченко, — но у меня есть на это свой особенный взглядъ.

— Пожалуйста, скажите его.

— Я, конечно, далеко стою отъ того круга, въ которомъ вы вращаетесь, но все же немного знаю его. Я знаю, что вамъ всѣ должны, можетъ быть, за самыми рѣдкими исключеніями. Ну, можетъ быть, губернаторъ не долженъ или какое-нибудь другое высокое должностное лицо, и то потому, что ему неловко. И я полагаю, что вамъ это тяжело, — потому тяжело, что вы не можете уважать людей и относиться къ нимъ просто и довѣрчиво. Еслибъ это было со мной, я страдалъ бы, потому думаю, что и вы страдаете. Можетъ быть, это смѣло, но мнѣ кажется, что меня вы уважаете. Иначе, почему бы вы меня, такого незначительнаго человѣка, стоящаго такъ далеко отъ вашего круга, принимали бы и выслушивали? Ну, такъ вотъ я очень благодаренъ вамъ за желаніе оказать мнѣ услугу, но предпочитаю ваше уваженіе. Притомъ же, мнѣ и не надо. Я зарабатываю немного, но на мои скромныя нужды мнѣ хватаетъ.

Гайдуковъ, въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, вскочилъ, бросился къ нему, протянулъ ему обѣ руки и обнялъ его, чѣмъ окончательно поразилъ Рябченка.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ за сегодняшний день! — воскликнулъ онъ, совершенно растроганный. — Да, вы правы, я потерялъ бы многое, если бы вы согласились на мое предложеніе. Спасибо вамъ. А о вашемъ проектѣ мы еще подумаемъ и поговоримъ. Въ немъ дѣйствительно есть что-то широкое, но много и наивнаго. Надо показать его специалистамъ.

Гайдуковъ недѣли двѣ былъ чрезвычайно холоденъ съ своимъ привычнымъ. Тотъ, съ своей стороны, былъ недоволенъ результатами пари. Ему пришлось взять у дяди денегъ, чтобы достать ружье драцену.

VІІ.

Лѣто близилось къ концу и уже появились первые признаки ранней осени. Листья акацій какъ бы торопились пожелтѣть, свернуть и упасть на землю; море зашевелилось и со стороны его по ночамъ доносился глухой шумъ; откуда-то издалека гнало высокія волны съ бѣлѣющими на вершинахъ пѣнистыми гребнями; вечера сдѣлались прохладны; дачники перебрались въ городъ на свои старыя насиженные мѣста.

Гайдуковъ остался на дачѣ; онъ имѣлъ обыкновеніе жить тамъ до тѣхъ поръ, пока не ударитъ крѣпкій морозъ, что случалось не раньше декабря. Садъ, окружавшій дачу, несмотря на то, что и въ немъ листва на деревьяхъ рѣдѣла съ каждымъ новымъ днемъ, былъ еще красивъ и представлялъ достаточно прелести, чтобъ въ немъ было пріятно гулять по его широкимъ аллеямъ. Здѣсь было не мало диковинныхъ кустарниковъ, сохранявшихъ зелень до самой зимы; поздніе цвѣты еще красовались на грядкахъ и клумбахъ; нѣмецъ-садовникъ искусно поддерживалъ свѣжую зелень травы. Домъ, построенный въ этомъ саду, былъ проченъ, массивенъ и теплъ, какъ городской. Только море было для Гайдукова такимъ же, какимъ оно было для другихъ. Оно уже не манило окунуться въ его воды, а своимъ шумомъ какъ бы предостерегало отъ опасности. Даже купальня была разобрана и составлявшія ее части были снесены въ сарай.

Гайдуковъ боялся осени. Это было время, когда, при малѣйшей неосторожности съ его стороны, обострялась его скверная болѣзнь, которую врачи называли нефритомъ. Тогда онъ ложился въ постель и его нѣсколько недѣль не выпускали изъ спальни. Это было для него мучительное состояніе. Ему все время казалось, что тамъ, въ домѣ, въ благотворительномъ учрежденіи, даже на улицѣ, его присутствіе необходимо, что безъ него всѣ дѣла какъ-то вдругъ приостановились. Въ здоровомъ состояніи онъ нерѣдко сознавалъ, что у него, въ сущности, никакихъ дѣлъ нѣтъ и что жизнь на всѣхъ поприщахъ безъ него идетъ такъ же, какъ и съ нимъ. Но въ дни болѣзни желаніе поскорѣе освободиться изъ этой, устроенной для него, въ его собственномъ домѣ, тюрьмы заставляло его думать иначе.

Между тѣмъ, жизнь въ городѣ уже не могла быть такою цивилизованою, какъ на дачѣ. Здѣсь онъ могъ отказаться отъ какихъ-либо ни было пріемовъ, лечь спать рано и рано вставать. Такого этого нельзя было сдѣлать. Кромѣ того, надо было ѣздить въ банкъ и въ театръ. Последнее было для него всего опаснѣе.

Въ городѣ каждую зиму пѣли итальянцы, а Гайдуковъ былъ ихъ неизмѣннымъ поклонникомъ. Онъ не признавалъ драмы, считая этотъ родъ искусства скучнымъ; онъ также не признавалъ иной музыки, кромѣ музыки итальянскихъ арій, на которыхъ онъ изощрилъ свой вкусъ, такъ какъ въ свое время въ столицахъ и въ самой Италиі слышалъ всѣхъ оперныхъ свѣтилъ, которыя въ прежнее время блистали, а теперь почему-то перестали нарождаться. Все это были поводы схватить простуду и такимъ образомъ обострить болѣзнь. Но главное, что заставляло его подольше оставаться на дачѣ, это—воздухъ, дѣйствительно, чудный свѣжій морской воздухъ, который нельзя было сравнивать съ городскимъ. Народу на его дачѣ толпилось множество; кромѣ того, каждый день онъ приглашалъ къ себѣ изъ города обычныхъ «пять персонъ» къ обѣду и эти персоны непременно являлись. Такимъ образомъ, онъ не былъ одинокъ. Но, несмотря на все это, осень была для него крайне несчастна и онъ уже въ сентябрѣ почувствовалъ легкое безпокойство. Болѣзнь никогда не укладывала его сразу, а подходила къ нему издали и изподтишка. Прекрасное расположеніе духа, которое не покидало его все лѣто, начало портиться, но онъ крѣпился и не звалъ докторовъ. Даже своему домашнему врачу онъ ничего не говорилъ о своей тревогѣ и въ глубинѣ души надѣялся, что это пройдетъ такъ, само собой и ни во что не разыграется. Но надежда его не оправдалась: какія-нибудь двѣ недѣли доказали ему, что тревожиться слѣдуетъ даже больше, чѣмъ обыкновенно.

Явились врачи и тотчасъ уложили его въ постель. Покой, тишина, воздержаніе отъ какихъ бы то ни было движеній, скучная, однообразная пища,—все это было Гайдукову не по душѣ.

— Ну, что же, господа? Долго ли вы меня продержите въ постели?—спрашивалъ онъ докторовъ.

Они овѣчали:

— О, скоро, очень скоро мы васъ выпустимъ!

Но въ третьей комнатѣ они совѣщались тихо и тревожно, и довольно было взглянуть на нихъ издали, чтобы не ждать ничего хорошаго.

Скоро болѣзнь приняла опасные размѣры, и вотъ однажды Рябченко прочиталъ въ газетѣ замѣтку, въ которой сообщалось, что «извѣстный благотворитель Гайдуковъ опасно заболѣлъ» и что врачи очень мало надѣются на благопріятный исходъ.

Прочитавъ эту замѣтку, Рябченко вскочилъ, наскоро одѣлся и пошелъ на дачу къ Гайдукову.

Почему ты такъ спѣшишь?—спросила его жена.

— Но, вѣдь, у него мой проект... Онъ обѣщалъ подумать надъ нимъ и дать мнѣ окончательный отвѣтъ.

— Неужели ты думаешь, что онъ можетъ дать такую сумму?

— А почему же нѣтъ? При жизни ему трудно было разстаться съ своими милліонами. Вѣдь, онъ съ ними родился, все равно, какъ я, напримѣръ, родился съ двумя руками. Но передъ смертью человѣкъ начинаетъ видѣть яснѣе и дальше. Можетъ быть, въ эти-то минуты онъ и пойметъ.

— И ты думаешь, что онъ дастъ милліонъ для твоего «дома труда»?

— Да, вѣдь, не возьметъ же онъ ихъ съ собой?

— Конечно, нѣтъ; но у него есть наслѣдники.

— Да, этотъ Любоцинскій, который въ одинъ мѣсяць пропустилъ все его состояніе. Ну, я думаю, не очень онъ его обидитъ, если урветъ одинъ милліонъ на такое великое дѣло.

— Но примутъ ли тебя? Я думаю, теперь къ нему никого не пускаютъ.

— О, меня впустить, меня къ нему всегда пускаютъ!... Дай-ка мой посохъ и фуражку! Я пойду! Полагаю, что двухверстная прогулка пѣшкомъ будетъ мнѣ полезна.

Ему дали палку и шапку и онъ отправился пѣшкомъ на дачу Гайдукова.

Гайдуковъ, между тѣмъ, чувствовалъ себя дурно. У него явились какія-то осложненія, и совѣщанія докторовъ стали еще таинственнѣе и еще мрачнѣе. Доктора были въ полной увѣренности, что больной не подозреваетъ опасности, но Гайдуковъ видѣлъ и чувствовалъ все необыкновенно ясно, какъ можетъ чувствовать это только умирающій. Всѣ поняли это, когда онъ попросилъ позвать къ себѣ Степана Ильича и Роница, который тоже былъ довольно близокъ съ нимъ. Имъ онъ объявилъ, что вечеромъ хочетъ составить завѣщаніе и проситъ ихъ присутствовать и подписаться.

Тогда дача Гайдукова приобрѣла мрачный видъ. Люди ходили по саду, какъ тѣни, останавливаясь гдѣ-нибудь вдвоемъ и обсуждая положеніе. Всѣ задавались вопросомъ, что съ ними теперь будетъ. При Гайдуковѣ имъ нечего было дѣлать, но за то у кажда была увѣренность, что мѣсто ему обезпечено до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не разрушитъ довѣрія, а теперь кто будетъ ихъ держать?

— Кто будетъ держать такую свору дармоѣдовъ?— спрашивали они другъ у друга. — Племянникъ, ежели наслѣдуетъ, сейча всѣхъ разгонитъ. На что ему? Онъ и то по цѣлымъ днямъ и ноща дома не бываетъ.

Таъ грустили люди, которымъ нечего было дѣлать; грустилъ и самъ Гайдуковъ. Уже для него не было никакого сомнѣнія въ томъ, что пришла смерть. Это было видно изъ того, какъ всѣ ходили, какъ вели отрывочные разговоры, какъ глядѣли. Да, наконецъ, у него въ душѣ было чрезвычайно ясное сознаніе, что онъ уже болѣе не встанетъ съ постели.

Цѣлые дни онъ проводилъ одинъ въ своей спальнѣ. Въ сосѣдней комнатѣ, разумѣется, прислушивались къ каждому шороху, но къ себѣ онъ никого изъ слугъ не допускалъ, а пріятели, за исключеніемъ Степана Ильича и Роница, ни разу во время болѣзни не заглянули къ нему.

И много въ головѣ его за эти дни одиночества перебивало думъ. У него вдругъ явилась потребность оглянуться назадъ и легкими штрихами, едва касаясь ихъ, пройти по всѣмъ главнымъ, наиболѣе обозначеннымъ трактамъ своей жизни.

И вотъ воспоминанія роємъ налетѣли на него.

Онъ родился въ купеческой семьѣ. Отецъ его и мать были люди простые. Отецъ былъ грамотенъ лишь настолько, чтобы не дать прикащикамъ въ его обширномъ торговомъ дѣлѣ обсчитать его. Мать умѣла читать только по складамъ. У нихъ были сынъ и дочь, которые, навѣрное, остались бы на той же ступени образованія, еслибъ въ дѣло не замѣшалось тщеславіе. Старикъ Гайдуковъ отлично велъ свои сложные дѣла, несмотря на весьма малую ученость. Поэтому ему неоткуда было усвоить сознанія, что ученость почему-либо необходима. И онъ не говорилъ, что даетъ дѣтямъ образованіе потому, что оно очень важно для человѣка, онъ не объяснялъ это даже требованіемъ времени, когда всякій отставной унтеръ-офицеръ знаетъ больше, чѣмъ онъ, хозяинъ огромнаго дѣла. Онъ говорилъ просто: «Развѣ я не могу дать образованіе своимъ дѣтямъ? Развѣ я могу допустить, чтобы они были хуже другихъ?» И на этомъ основаніи онъ предоставилъ дѣтямъ всѣ средства къ тому, чтобы они были не только не хуже, но и лучше другихъ. Въ домѣ толкались цѣлыя тучи всякаго рода лицъ, на обязанности которыхъ лежало образовывать молодыхъ Гайдуковыхъ, дать имъ лоскъ и вообще дѣлать ихъ не хуже, а лучше другихъ. Тому изъ этого выходило немного, потому что не было ни программы, ни сколько-нибудь опредѣленныхъ требованій. Всякій училъ, чему хотѣлъ, и единственное, что безусловно привилось къ молодымъ людямъ, это—иностранные языки, которыми они научились владѣть въ совершенствѣ.

Тогда молодому наслѣднику милліоновъ стало четырнадцать

лѣтъ, явилась мысль о томъ, чтобъ отдать его въ учебное заведеніе. Тутъ оказалось, что онъ не годится ни въ какой классъ. Никто не утверждалъ, что онъ ничего не знаетъ,—напротивъ, нѣкоторыми знаніями его даже поражались, но онъ зналъ все какъ-то такъ, что это не подходило къ программѣ. И пришлось посвятить цѣлый годъ на то, чтобы привести къ программѣ его знанія.

Особенныхъ способностей онъ не обнаружилъ, но не оказалъ и тупости. Вѣрнѣе будетъ сказать, что у него не было умѣнья быть внимательнымъ и всѣ свѣдѣнія, какія ему сообщали, скользили по его мозгу, оставляя незначительный слѣдъ.

И ему, несмотря на дѣятельную помощь всякаго рода учителей, пришлось раза два задержаться въ классѣ по два года. Тѣмъ не менѣе, онъ кончилъ гимназію и затѣмъ благополучно прошелъ университетскій курсъ. Эти четыре года вольной жизни среди вѣчно-волнующейся, одушевленной неопредѣленными благородными мечтаніями молодежи какъ-то не оказали ни малѣйшаго вліянія на его душу. Онъ ни съ кѣмъ не сошелся, ничѣмъ не заинтересовался, не испыталъ никакого увлеченія. И это не потому, чтобъ онъ обладалъ глухимъ, неотзывчивымъ сердцемъ или неподвижнымъ умомъ, а единственно потому, что его положеніе слишкомъ не походило на положеніе остальныхъ товарищей. Онъ походилъ на путешественника, къ услугамъ котораго на каждомъ шагу удобный экипажъ, быстрые кони и усердные слуги. Едва онъ достигъ одного пункта, какъ ужъ его посадили въ другой экипажъ и мчатъ дальше, и такъ безъ конца. И все, что попадаетъ ему на пути, мелькаетъ передъ его глазами, не оставляя опредѣленнаго впечатлѣнія; величественные замки и лачуги, таинственные рощи и дорожные столбы сливаются въ нѣчто однообразное и смутное. А тѣ идутъ пѣшкомъ и успѣваютъ разглядѣть все ясно. Великое и благородное наполняетъ ихъ сердца восторгомъ, а низкое и подлое вызываетъ въ нихъ негодованіе. Можно смѣло сказать, что Гайдуковъ за всю свою жизнь не испыталъ ни истиннаго восторга, ни настоящаго негодованія.

Степанъ Ильичъ подходилъ къ нему тѣмъ, что для него намѣчалась такая же легкая жизнь, какъ и для Гайдукова. И они вольствовались другъ другомъ.

Послѣ университета они ѣздили за границу, но видѣли тамъ только отели, рестораны, театры и женщинъ, которыхъ можно было купить.

Они были еще связаны и пользовались всѣмъ этимъ скромно. Но скоро они почувствовали себя на полной волѣ и дѣлали то, что

самое, только въ большемъ масштабѣ. Это былъ непрерывный рядъ безумствъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ и вытекавшихъ не изъ темперамента, который искалъ бы выхода, а единственно изъ того обстоятельства, что у нихъ было много денегъ. Напоятъ до пьяна шампанскимъ случайно подобравшуюся компанію, состоящую на девять десятыхъ изъ неизвѣстныхъ имъ людей, купить за баснословныя деньги наѣздницу, актрису, казавшуюся недоступной, поднять на ноги всю полицію какимъ-нибудь невѣроятнымъ безумствомъ, чтобы потомъ откупиться отъ нея золотомъ, — вотъ въ чемъ заключалось ихъ тщеславіе.

Оглянувшись назадъ и остановиться ихъ заставило обстоятельство, близко касавшееся Степана Ильича: у него ничего не осталось, все ушло на глупости, которыя, кажется, ему даже удовольствія не доставили. А остановившись, они вдругъ столь же просто сдѣлались солидными гражданами, какъ раньше — безумцами. Въ дѣйствительности въ ихъ натурахъ не было достаточныхъ данныхъ ни для того, ни для другого. Они — или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Гайдуковъ — просто были добрые малые, не надѣленные ни способностями, ни характеромъ, ни сколько-нибудь выдающимся умомъ. Еслибъ у Гайдукова не было исключительныхъ средствъ и ему пришлось бы бороться за кусокъ хлѣба, то въ этой борьбѣ его затерли бы, отодвинули бы на задній планъ и ему пришлось бы удовольствоваться какою-нибудь жалкою ролью. Но средства помогли ему удержаться на высотѣ.

На другой день послѣ того, какъ рѣшено было «остепениться», въ Гайдуковѣ уже не было ни вчерашняго легкомыслія, ни той кажущейся оригинальности, которую придаетъ человѣку широкій размахъ, способность дѣлать хотя бы пошлыя глупости въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ дѣлаютъ всѣ. Онъ сразу вспомнилъ, что ничего еще не сдѣлалъ для своего положенія въ обществѣ, поступилъ на службу и сталъ достигать чина. Служилъ онъ, разумѣется, безъ особеннаго усердія, но этого никто отъ него не требовалъ. Родіонъ Ивановичъ уже тогда существовалъ у него и обѣды Гайдукова уже славились. Онъ, разумѣется, не хотѣлъ подкупать, но бы то ни было своими обѣдами, но ничто такъ не располагало людей въ пользу другъ друга, какъ хорошій обѣдъ, съѣденный вмѣстѣ, — таково уже свойство человеческой природы.

Жизнь Гайдукова теперь шла спокойно и мягко, доставляя ему утонченныя удовольствія. Всѣ его эстетическія потребности какъ-то сосредоточились въ одной любви къ итальянской оперѣ и онъ въ каждый годъ давалъ прогоравшему антрепренеру деньги на покры-

тіе убытковъ и составленіе новой труппы. Это была почти единственная страсть, оставшаяся въ немъ отъ прежняго времени. Всѣ остальные, какъ ни казались безумными и сильными, какъ-то сразу отлетѣли отъ него. Это и понятно, такъ какъ въ натурѣ его не было ни одной истинной сильной страсти, а все было умѣренно и обыкновенно. Его не тянуло никуда и ни къ чему. Самъ онъ не занимался торговлей, которой былъ поглощенъ весь городъ; онъ обратилъ все свое имущество въ дома и деньги и спокойно получалъ доходы. Въ городъ не было рѣшительно ничего, что могло бы привлекать человѣка, не связаннаго торговыми интересами. Человѣкъ, мало-маленьки освободившійся отъ нихъ, тотчасъ стремился куда-нибудь вонъ—въ Москву, въ Петербургъ, за границу, гдѣ не все пропитано однѣми цифрами, гдѣ есть какая-нибудь духовная жизнь. А Гайдуковъ нашелъ въ себѣ силы наслаждаться покоемъ въ этомъ городѣ и у него не было никакихъ желаній лучшаго.

Такъ прошла жизнь. Бѣ пятидесяти годамъ онъ получилъ чинъ, который далъ ему право называться «превосходительствомъ», и это доставляло ему истинное удовольствіе. Въ этотъ же періодъ ему какъ будто первый разъ въ жизни пришелъ въ голову вопросъ: почему онъ не женился? Это произошло вовсе не оттого, что одиночество сдѣлалось для него тягостно,—нисколько. Онъ несъ его легко и считалъ благомъ. А просто—онъ видѣлъ, что всѣ непремѣнно почему-то женятся и размножаются. Но когда онъ вообразилъ себѣ, что это могло и съ нимъ случиться, то пріятности семейной жизни потускнѣли передъ преимуществами личной свободы, которую онъ могъ потерять, и онъ не пожалѣлъ о томъ, что остался одинокъ. Ему незачѣмъ было заботиться о наслѣдникахъ. Сестра его давно вышла замужъ и мужъ успѣлъ порядочно уменьшить ея состояніе. Племянники съ полнымъ успѣхомъ сыграютъ роль его наслѣдниковъ и замѣнятъ дѣтей.

И вотъ теперь, когда онъ почувствовалъ, что конецъ, быть можетъ, близко, на него нашло не то раздумье, не то сожалѣніе. Передъ нимъ неотвязно стояла мысль: «Что я сдѣлалъ? Гдѣ то дѣло, на которомъ могло бы остановиться и отдохнуть мое вниманіе, утомленное однообразными мелочами жизни? Для кого я былъ истинно полезенъ? Для моихъ знакомыхъ, которые каждый день меня обѣдали? Для тѣхъ, кому я давалъ подачки, когда мнѣ приходила такая фантазія? Для сиротъ, въ пользу которыхъ я жертвовалъ по нѣсколько тысячъ въ годъ? Но это все не то. Все это сошло въ мелочахъ, тутъ ничего нѣтъ такого, про что я могъ сказать: вотъ это мое дѣло... Мое, кровное!»

И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда голову его давили эти размышленія, тихо, на цыпочкахъ вошелъ лакей и доложилъ:

— Ваше превосходительство, тамъ господинъ Рябенко желаютъ васъ видѣть. Мы не посмѣли отказать имъ, такъ какъ ваше превосходительство приказали, чтобъ для нихъ всегда былъ приємъ.

Гайдуковъ сдѣлалъ усиліе и приподнялся на локтѣ. Лицо его, изнуренное тяжелою болѣзною, просіяло, въ глазахъ заблесталъ тихій, но, въ то же время, радостный огонекъ.

— Рябенко!... Рябенко!—слабымъ голосомъ повторилъ онъ.— Проси его скорѣй!... Онъ... онъ мнѣ необходимъ.

Лакей поторопился выйти и, не скрывая своего удивленія, сообщил Рябенку, что его превосходительство давно ждетъ его и очень желаетъ видѣть. Рябенко вошелъ.

Гайдуковъ протянулъ ему исхудалую руку.

— Садитесь, дорогой мой Рябенко... Вы пришли вмѣстѣ съ моими мыслями.

— Ваше превосходительство, что это съ вами?—съ участіемъ спросилъ Рябенко.

— Умирать собираюсь, голубчикъ.

— Полноте! Васъ спасутъ!

— Нѣтъ, ужъ врядъ ли... Я, голубчикъ мой, знаю, что мой организмъ испорченъ. Въ молодости я не жалѣлъ его... И главное, что и удовольствія-то настоящаго себѣ не доставилъ.

— Вамъ вредно такъ много говорить, ваше превосходительство.

— Нѣтъ, мнѣ легче, когда я говорю съ вами, Рябенко. Скажите: вотъ вы—человѣкъ бѣдный, всю жизнь боролись съ нуждой; жизнь должна была измучить васъ, обозлить. У васъ никакихъ средствъ, и вотъ вы создали такое святое дѣло, какъ этотъ вашъ садъ для бѣдныхъ уличныхъ дѣтей... А сколько я за свою жизнь потратилъ денегъ, Рябенко! Еслибъ сосчитать! А что послѣ меня останется?

— Ваше превосходительство, вы можете еще это исправить!...

— Ахъ, нѣтъ!... Гдѣ ужъ? Теперь некогда! Но я не объ этомъ... Я говорю: почему это такъ случилось? Почему? Человѣкъ безъ всякихъ средствъ сдѣлалъ большое дѣло, а человѣкъ съ милліонами ничего не сдѣлалъ.

— Можетъ быть, это оттого и произошло, что у меня не было средствъ. Я боролся, ваше превосходительство, я страдалъ за себя, и отъ этого научился понимать чужую душу... А вы, вы для себя не

боролись, вамъ ничего не надо было завоевывать, и потому вздохи людского горя звучали для васъ глухо, они не могли подвинуть васъ ни на какое рѣшительное дѣло... И еще, ваше превосходительство...

— Ну-те?

— Еще то, что у васъ, въ вашей жизни, не было никакой идеи. Я скажу вамъ прямо: я всегда думалъ, что всякій и во всемъ долженъ добиваться справедливости, и я добивался. Это привело меня и къ дѣтскому саду, это заставило меня открыть полтора десятка жалкихъ голяковъ, которымъ вы же, ваше превосходительство, помогли устроить судьбу... Я добиваюсь ея и теперь и оттого въ моей головѣ постоянно роятся мысли и планы. Это только кажется, ваше превосходительство, что я фантазёръ, а я не фантазёръ; я всегда и во всемъ стою у своего мѣста: я ищу справедливости... Вотъ я и маленькій человекъ, и незамѣтный, а изъ подъ моихъ рукъ кое-что плодотворное само собой выходитъ. Надо копать землю, ваше превосходительство, иначе никогда не откроете тѣхъ сокровищъ, которыя лежатъ въ землѣ. Дѣлать ихъ не надо, они сдѣланы природой, надо только копать—и они выйдутъ на свѣтъ. А оттого, ваше превосходительство, что мы будемъ прогуливаться по землѣ, сокровища никогда не будутъ открыты.

— Да, да, да, я именно прогуливался... Какъ вы правы, Рябченко! Какой вы счастливый, что у васъ есть идея, какъ вы говорите!

— Да, я этимъ счастливъ. Я никогда не чувствую и не почувствую пустоты въ жизни. Она для меня всегда наполнена. Но, ваше превосходительство, вы слишкомъ волнуетесь. Вамъ нуженъ покой. Я прочиталъ въ газетахъ о вашей болѣзни и захотѣлъ навѣстить васъ. Вотъ только и всего. Теперь уйду. А у васъ есть еще мой проектецъ. Конечно, вамъ теперь не до этого...

— Напротивъ... Оставьте его у меня... Оставьте совсѣмъ...

— Ваше превосходительство, одно ваше слово можетъ превратить его въ живое, великое дѣло, которое послѣ васъ останется!

— Оставьте его у меня, Рябченко... Спасибо вамъ, что зашли,—и онъ, утомленный разговоромъ, слабо пожалъ его руку.

Рябченко, уходя, узналъ, что положеніе Гайдукова почти бездежно, и въ головѣ его зародились такія мечты о судьбѣ его проекта, которыя никогда еще не появлялись въ ней. Онъ видѣлъ передъ собой человека, кающагося въ пустотѣ и бесплодности своей жизни. За плечами у него стоитъ смерть, и хорошо, что онъ созналъ это во-время. Если жизнь его была бесплодной, то, можетъ

быть, плодотворной окажется смерть. И думалось ему, что Гайдуковъ не ограничится однимъ милліономъ, а дастъ, по крайней мѣрѣ, два. Всѣмъ извѣстно, что состояніе его равняется тремъ милліонамъ. Но развѣ недостаточно этимъ Любошинскимъ и другимъ родственникамъ, которые, вѣроятно, тотчасъ найдутся, одного милліона? Вѣдь, все равно, они просадятъ его на какія-нибудь ничтожныя удовольствія, а тутъ—великое дѣло, которое съ такимъ фондомъ, какъ два милліона, разовьется широко и будетъ вѣчнымъ...

И когда онъ возвращался домой по широкому шоссе, походка у него была нервная. Онъ точно подпрыгивалъ, то прибавляя шагу, то ускоряя. Это были самыя счастливыя минуты въ его жизни.

Гайдуковъ умеръ черезъ недѣлю послѣ свиданія съ Рябенко. Въ послѣдніе дни домъ его наполнился родственниками. Кромѣ семейства сестры, которая пріѣхала со всѣми дѣтьми, явились и такіе, которыхъ Гайдуковъ никогда и не видалъ. Каждый день съ утра до вечера его окружали внуки. Онъ испыталъ такую заботливость, какой никогда еще не испытывалъ.

Послѣ похоронъ всѣхъ интересовало духовное завѣщаніе, которое было составлено за два дня до смерти. Рябенко ходилъ въ эти дни какъ помѣшанный, не будучи въ состояніи написать самую простую замѣтку для газеты. Онъ ни о чемъ не могъ думать, какъ только о своемъ проектѣ, который при помощи двухъ милліоновъ Гайдукова долженъ былъ облагодѣтельствовать человечество.

Наконецъ, послѣ совершенія всѣхъ формальностей, духовное завѣщаніе вскрыли. Послѣ длиннаго списка родственниковъ, которымъ покойный назначилъ разныя суммы, въ концѣ завѣщанія былъ слѣдующій пунктъ: «Григорію Михайловичу Рябенко на его полезныя благотворительныя предпріятія назначаю двѣ тысячи рублей серебромъ»...

И. Потапенко.

Золотныя лиліі.

Поблѣднѣвшіе, нѣжно-стыдливые,
Распустились въ болотной глуши
Бѣлыхъ лилій цвѣты молчаливые,
И вокругъ нихъ шелестятъ камыши.

Бѣлыхъ лилій цвѣты серебристые
Вырастаютъ съ глубокаго дна,
Гдѣ не свѣтятъ лучи золотистые,
Гдѣ вода холодна и темна.

И не манятъ ихъ страсти преступныя,
Ихъ волненія къ себѣ не зовутъ:
Для нескромныхъ очей недоступныя,
Для себя онѣ только живутъ.

Проникаясь рѣшимостью твердою—
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются съ пышностью гордою
Бѣлыхъ лилій нѣмые цвѣты.

Разцвѣтутъ—и поблѣкнуть, безстрастныя,
Далеко отъ владѣній людскихъ,
И распустятся снова прекрасныя,
И никто не узнаетъ о нихъ.

К. Бальмонтъ.

КАМО ГРЯДЕШИ?)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

XVI.

Хилонъ не показывался такъ долго, что Виницій въ концѣ не зналъ, что думать объ этомъ. Напрасно онъ повторялъ себѣ, что поиски, если должны довести дѣло до желаннаго конца, не могутъ производиться особенно быстро. И его кровь, и его порывистая натура возмущались противъ голоса разсудка. Но дѣлать нечего, ждать, сидѣть, сложа руки,—все это было такъ несогласно съ его обыкновеніями, что онъ никоимъ образомъ не могъ примириться съ этимъ переодѣваніемъ; бѣготня по отдѣльнымъ переулкамъ города,—именно потому, что не приводила ни къ какимъ послѣдствіямъ,—показалась ему только самообманомъ и не могла удовлетворить его. Отпущенники его, люди ловкіе, которымъ онъ приказалъ производить поиски отдѣльно отъ Хилона, оказывались во сто разъ менѣе опытными, чѣмъ грекъ. А тѣмъ временемъ, на ряду съ любовью, которую онъ питалъ къ Лигіи, въ немъ еще нарождалась страсть игрока, который хочетъ выиграть. Виницій всегда былъ такимъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ осуществлялъ все, что хотѣлъ, съ горячностью человѣка, который не понимаетъ, какъ ему можетъ что-нибудь не удался, что нужно иногда отказываться отъ чего-нибудь. Правда, военная дисциплина на время заставляла въ извѣстные предѣлы его своеволие, но, выйдя съ тѣмъ, въ него убожденіе, что всякій приказъ, который онъ дастъ своимъ подчиненнымъ, долженъ быть исполненъ непремѣнно, а

долгое пребываніе на Востоѣ, среди людей гибкихъ и привыкшихъ къ рабскому повиновенію, только утвердило его въ увѣренности, что его «хочу» нѣтъ границъ. Теперь его самолюбіе получило жестокий ударъ. Въ этихъ противорѣчіяхъ, въ этомъ сопротивленіи, въ самомъ бѣгствѣ Лигіи для него крылось что-то непонятное, какая-то загадка, надъ разрѣшеніемъ которой онъ мучительно ломалъ голову. Онъ чувствовалъ, что Актея говорила правду и что Лигія не была къ нему равнодушна. Но если это такъ, то почему же она предпочла скитальчество и нищету его любви, его ласкамъ, пребыванію въ его роскошномъ домѣ? На этотъ вопросъ онъ не умѣлъ найти отвѣта и доходилъ только до неяснаго сознанія, что между нимъ и Лигіей, между ихъ понятіями, между міромъ его и Петроніи, между міромъ Лигіи и Помпоніи Гредины существуетъ какое-то различіе, какое-то недоразумѣніе, глубокое, какъ пропасть, которую ничто не въ состояніи наполнить. Тогда ему представлялось, что онъ долженъ утратить Лигію, и при этой мысли онъ терялъ остатки равновѣсія, которое желалъ водворить въ немъ Петроній. Были минуты, когда онъ не зналъ, любить ли Лигію, или ненавидѣть, и понималъ только то, что долженъ найти ее, и предпочелъ бы провалиться сквозь землю, чѣмъ отказаться отъ надежды видѣть ее и обладать ею. Сила воображенія иногда такъ ясно рисовала ее его глазамъ, что какъ будто она стояла передъ нимъ; онъ припоминалъ каждое слово, сказанное имъ, и каждое слово, услышанное имъ отъ Лигіи. Онъ чувствовалъ ея близость, чувствовалъ ее у себя на груди, въ своихъ объятіяхъ, и тогда страсть охватывала его какъ пламя. А когда онъ вспоминалъ, что и она любила его и могла добровольно исполнить все, что онъ требовалъ отъ нея, то имъ овладѣвало тяжелое, непреодолимое горе и какая-то великая жалость, словно гигантская волна, заливала его сердце. Но бывали минуты, когда онъ блѣднѣлъ отъ бѣшенства и наслаждался мыслью объ униженіи и мукахъ, какимъ онъ подвергнетъ Лигію, когда найдетъ ее. Онъ хотѣлъ не только обладать ею, но и обладать ею, какъ униженною невольницей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что еслибъ ему предоставили выборъ—или быть ея рабомъ, или не видать ее ни разу въ жизни—онъ предпочелъ бы быть ея рабомъ. Бывали дни, когда онъ думалъ о знакахъ, какіе оставила бы плетъ на ея розовомъ тѣлѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ бы цѣловать эти слѣды. Ему приходило въ голову, что онъ былъ бы счастливъ, еслибъ могъ убить ее.

Въ этомъ внутреннемъ разладѣ, въ этихъ страданіяхъ, неуверенности онъ терялъ здоровье и даже свою красоту. Теперь

сдѣлался недоступнымъ и жестокимъ господиномъ. Невольники, даже и отпущенники съ трепетомъ приближались къ нему, а когда наказанія сваливались на нихъ безъ всякой вины, наказанія столь же жестокия, кзгъ и незаслуженныя, начинали въ глубинѣ души ненавидѣть его. Виницій понималъ это и, чувствуя свое одиночество, мстилъ еще страшнѣе. Теперь онъ сдерживался только съ однимъ Хилономъ, изъ опасенія, чтобы тотъ не прекратилъ своихъ поисковъ, и Хилонъ, сообразивъ это, началъ овладѣвать имъ и становился все болѣе и болѣе требовательнымъ.

Сначала каждый разъ онъ увѣрялъ Виниція, что дѣло пойдетъ легко и быстро, а теперь самъ изобрѣталъ затрудненія и, не переставая ручаться за несомнѣнный исходъ поисковъ, не скрывалъ, однако, что они не могутъ окончиться скоро.

Наконецъ, онъ пришелъ съ такимъ унылымъ лицомъ, что молодой человѣкъ поблѣднѣлъ при видѣ его и, подскочивъ къ нему, едва нашель силы спросить:

— Ея нѣтъ среди христіанъ?

— Напротивъ, господинъ, — отвѣтилъ Хилонъ, — но между ними я нашель и Главка.

— О чемъ ты говоришь, и кто онъ такой?

— Ты забылъ, господинъ, — о старцѣ, съ которымъ я путешествовалъ отъ Неаполя въ Римъ и защищая котораго потерялъ два пальца, вслѣдствіе чего не могу писать. Разбойники, которые похитили его жену и дѣтей, ранили его ножомъ. Я оставилъ его умирающимъ въ харчевнѣ подъ Минтурнами и долго оплакивалъ его. Увы, я убѣдился, что онъ живъ до сихъ поръ и принадлежить къ христіанской общинѣ Рима.

Виницій, который не могъ догадаться, въ чемъ дѣло, понялъ только то, что этотъ Главкъ представлялъ какое-то препятствіе въ его поискахъ, и, подавивъ свой гнѣвъ, сказалъ:

— Если ты защищалъ его, то онъ долженъ быть признательнымъ и помогать тебѣ.

— Ахъ, достойный трибунъ, даже боги не всегда бываютъ признательны, — что ужъ говорить о людяхъ! Да, онъ долженъ быть признателенъ мнѣ. Къ несчастію, это старикъ съ умомъ слабымъ, омученнымъ отъ лѣтъ и огорченій, и вотъ поэтому-то онъ не только не благодаритъ меня, но, какъ я узналъ отъ его единовѣрцевъ, обвиняетъ меня въ томъ, что я сговорился съ разбойниками, что я и есть главная причина его злоключеній. Вотъ мнѣ на память за мои два пальца!

Я увѣренъ, негодяй, что такъ и было, какъ онъ говорить.

— Тогда ты знаешь больше него, господинъ, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Хилонъ, — онъ только допускаетъ, что такъ было; это, впрочемъ, не помѣшало бы ему призвать христіанъ и жестоко отомстить мнѣ. Онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы такъ, а другіе такъ же несомнѣнно помогли бы ему, — къ счастью, онъ не знаетъ моего имени, а въ молитвенномъ домѣ, гдѣ мы встрѣтились, онъ не узналъ меня. Я-то узналъ его сразу и въ первую минуту хотѣлъ броситься ему на шею, но меня удержала разсудительность и привычка обдумывать каждый шагъ, который я намѣреваюсь сдѣлать. И вотъ, послѣ выхода изъ молитвеннаго дома я началъ разспрашивать о немъ и тѣх, которые его знаютъ, сказали мнѣ, что это челевѣкъ, которому измѣнилъ его товарищъ по путешествію изъ Неаполя въ Римъ. Иначе я даже не зналъ бы, что онъ такъ рассказываетъ.

— Какое мнѣ дѣло до этого? Говори, что ты видѣлъ въ молитвенномъ домѣ?

— Тебѣ, господинъ, дѣла нѣтъ, но мнѣ это дѣло настолько важно, насколько важна собственная шкура. А такъ какъ я хочу, чтобы мое ученіе пережило меня, то предпочитаю скорѣе отказаться отъ награды, которую ты обѣщалъ мнѣ, чѣмъ жертвовать жизнью для мамоны, безъ которой я, какъ истинный философъ, сѣмью жить и отыскивать божественную правду.

Виницій съ зловѣщимъ лицомъ приблизился къ греку и заговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— А кто сказалъ тебѣ, что отъ руки Главка тебя скорѣе встрѣтитъ смерть, чѣмъ отъ моей? Почему ты знаешь, собака, не сейчасъ ли тебя закопаютъ въ моемъ саду?

Хилонъ былъ трусъ и теперь, при одномъ взглядѣ на Виниція, сразу понялъ, что еще одно неосторожное слово — и онъ пропалъ безповоротно.

— Я буду искать, господинъ, и найду ее! — поспѣшно воскликнулъ онъ.

Наступило молчаніе, во время котораго слышно было только ускоренное дыханіе Виниція, да отдаленная пѣсня невольниковъ, которые работали въ саду.

И лишь спустя немного грекъ, замѣтивъ, что молодой паицій нѣсколько успокоился, заговорилъ:

— Смерть прошла около меня, а я смотрѣлъ на нее съ такимъ же спокойствіемъ, какъ и Сократъ. Нѣтъ, господинъ, я не сказалъ, что отказываюсь отъ поисковъ дѣвушки, я хотѣлъ только сказать тебѣ, что эти поиски теперь сопряжены съ великою о-

ностью для меня. Одно время ты сомнѣвался, существуетъ ли на свѣтѣ Эврицій, и хотя собственными глазами удостовѣрился, что сынъ моего отца говорилъ тебѣ правду, ты теперь подозрѣваешь меня, что я выдумалъ Главка. Увы, еслибъ онъ былъ только вымысломъ, еслибъ я могъ съ полною безопасностью ходить среди христіанъ, какъ ходилъ раньше, то я отдалъ бы ту жалкую, старую невольницу, которую купилъ три дня тому назадъ, для того, чтобъ она пеклась о моихъ преклонныхъ годахъ и моемъ недужествѣ. Но Главкъ живъ, господинъ, и еслибъ разъ онъ увидалъ меня, ты больше никогда уже не видѣлъ бы меня, а въ такомъ случаѣ кто отыскалъ бы дѣвушку?

Онъ снова замолкъ, отеръ слезы и, немного погодя, заговорилъ вновь:

— Но пока Главкъ живъ, какъ же мнѣ искать ее, когда я могу каждую минуту встрѣтить врага, а если встрѣчу его, то погибну, и вмѣстѣ съ тѣмъ пропадутъ мои поиски?

— На что ты намекаешь, какой исходъ изъ этого, и что ты намѣреваешься предпринять?—спросилъ Виницій.

— Господинъ, Аристотель учить насъ, что меньшимъ должно жертвовать для большаго, а царь Пріамъ говорилъ часто, что старость—тяжелое бремя. И вотъ бремя старости и несчастій угнетаетъ Главка такъ давно, что смерть была бы для него благодѣяніемъ. А что такое, по мнѣнію Сенеки, смерть, какъ не освобожденіе?...

— Дурачесья съ Петроніемъ, а не со мной и говори прямо, чего ты хочешь?

— Если добродѣтель—дурачество, то да даруютъ мнѣ боги на весь вѣкъ остаться дуракомъ. Я, господинъ, хочу отстранить Главка, потому что, пока онъ живъ,—и моя жизнь, и мои поиски подвергаются постоянной опасности.

— Коли такъ, то найми людей, которые заколотятъ его палками,—я заплачѣ.

— Они сдерутъ дорого, господинъ, а потомъ будутъ угрожать открытіемъ тайны. Мерзавцевъ въ Римѣ столько, сколько песчинокъ на аренѣ, но ты не повѣришь, какъ они дорожатся, когда по какому человѣку понадобятся ихъ услуги. Нѣтъ, достойный трибуна. А ну, какъ вигилы схватятъ убійцъ при убійствѣ? Тѣ не признаются, кто ихъ нанялъ, и ты не оберешься непріятелей. На меня они не укажутъ, потому что имъ я имени своего не продалъ. Плохо ты дѣлаешь, что не вѣришь мнѣ, ибо, не говоря уже о моей добросовѣстности, помни, что здѣсь дѣло идетъ о

двухъ вещахъ—о моей собственной шкурѣ и о наградѣ, которую ты мнѣ обѣщала.

— Сколько тебѣ нужно?

— Мнѣ нужно тысячу сестерцій¹⁾. Обрати вниманіе, что я долженъ найти добросовѣстныхъ мерзавцевъ, такихъ, которые, взявъ задатокъ, не исчезли бы вмѣстѣ съ нимъ безъ вѣсти. За хорошую работу—хорошая плата! И мнѣ осталось бы что-нибудь для утѣшенія моихъ слезъ, которыя я пролью отъ горя по Главкѣ. Беру въ свидѣтели боговъ, какъ я его любилъ. Если я сегодня получу тысячу сестерцій, черезъ два дня душа его будетъ въ Гадесѣ, и только тамъ, — если души сохраняютъ память и даръ мысли, — онъ узнаетъ, какъ я его любилъ. Людей я найду сегодня и объявлю имъ, что съ завтрашняго вечера за каждый день жизни Главка я буду уменьшать ихъ вознагражденіе на сто сестерцій. У меня теперь зарождается планъ, который мнѣ кажется безошибочнымъ.

Виницій еще разъ обѣщала ему потребную сумму, но запретилъ больше говорить о Главкѣ, за то сталъ разспрашивать, какія другія новости приносить онъ, гдѣ былъ въ это время, что видѣлъ и что открылъ. Но Хилонъ немного новаго могъ сказать. Онъ былъ еще въ двухъ молитвенныхъ домахъ, внимательно разсматривалъ всѣхъ, а въ особенности женщинъ, но не встрѣтилъ ни одной, которая была бы похожа на Лигію. Христіане, однако, считаютъ его своимъ, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ денегъ на выкупъ сына Эвриція, его считаютъ человѣкомъ, который идетъ по слѣдамъ «Христоса». Хилонъ узналъ отъ христіанъ, что одинъ изъ ихъ великихъ законодателей, нѣкто Павелъ Тарсійскій, находится въ Римѣ, заключенъ въ темницѣ, вслѣдствіе жалобы, поданной евреями, и рѣшилъ познакомиться съ нимъ. Но еще больше его обрадовало другое извѣстіе, что верховный жрецъ всей секты, который былъ ученикомъ Христа и которому Онъ поручилъ управлять христіанами всего свѣта, также съ часу на часъ долженъ прибыть въ Римъ. Очевидно, всѣ христіане захотятъ его видѣть и слушать его поученіе. Предполагаются какія-то великія собранія, на которыхъ и онъ, Хилонъ, будетъ присутствовать, а такъ какъ въ толпѣ скрыться легко, то онъ поведетъ съ собою Виниція. Тогда-то они уже непременно найдутъ Лигію. Разъ Главкѣ устранился, то не будетъ даже сопряжено съ большою опасностью. Конечно, мстители отомстили бы и христіане, но вообще это люди спокойные.

Тутъ Хилонъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ началъ рассказы

¹⁾ Около 50 рублей.

что не замѣчалъ никогда, чтобы христіане предавались разврату, отравляли колодцы и фонтаны, чтобы они были врагами рода человеческого, поклонялись ослу или питались мясомъ дѣтей. Нѣтъ, онъ не видалъ этого. Навѣрное, между ними онъ найдетъ и такихъ, которые за деньги упрячутъ Главка, но ученіе ихъ, насколько ему извѣстно, ни къ какимъ преступленіямъ не поощряетъ,—напротивъ, повелѣваетъ прощать обиды.

Виницій вспомнилъ, что ему у Актеи сказала Помпонія Грецина, и вообще съ радостью слушалъ Хилона и, хотя его чувство къ Лигіи по временамъ принимало видъ ненависти, онъ испытывалъ облегченіе, слыша, что ученіе, которому она и Помпонія слѣдуютъ, не заключало въ себѣ ни злодѣйства, ни разврата. Въ немъ зарождалось какое-то неясное представленіе, что именно оно, это неизвѣстное ему и таинственное преклоненіе передъ Христомъ, и вырыло пропасть между нимъ и Лигіей, и начиналъ, въ одно и то же время, и бояться этого ученія, и ненавидѣть его.

ХVІІ.

Хилону дѣйствительно нужно было устранить Главка, человека хотя и пожилого, но вовсе не немощного старца. Въ томъ, что Хилонъ рассказывалъ Виницію, была значительная доля правды. Когда-то онъ зналъ Главка, измѣнилъ ему, продалъ его разбойникамъ, лишилъ семьи, имущества и предалъ на смерть. Воспоминанія объ этихъ обстоятельствахъ онъ выносилъ легко, потому что покинулъ его, умирающаго, не въ заѣзжемъ домѣ, а въ полѣ подъ Минтурнами, и не предвидѣлъ только одной вещи, что Главкъ излечится отъ ранъ и прибудетъ въ Римъ. И вотъ, когда онъ увидалъ его въ молитвенномъ домѣ, то дѣйствительно ужаснулся и въ первую минуту хотѣлъ не на шутку отказаться отъ искушенія отыскивать Лигію. Но, съ другой стороны, Виницій устранилъ его еще больше. Хилонъ понялъ, что долженъ выбирать между боязнью передъ Главкомъ и преслѣдованіемъ и местию могущественнаго патриція, на помощь которому непременно явится другой, еще болѣе сильный, Петроній. Сообразивъ все это, Хилонъ пересталъ бороться. Онъ подумалъ, что врагами лучше имѣть малыхъ, чѣмъ большихъ, и хотя его трусливая натура содрогалась при мысли о оравыхъ мѣрахъ, онъ призналъ неизбѣжнымъ убить Главка при помощи чужихъ рукъ. Теперь его занималъ только выборъ людей, къ этому-то собственно относился тотъ планъ, о которомъ онъ упоминалъ Виницію. Проводя ночи по большей части въ винныхъ пещерахъ, среди людей безъ пристанища, безъ чести и безъ рели-

гін, онъ легко могъ бы найти такихъ, которые взяли бы за всякую работу, но еще легче наткнулся бы на такихъ, которые, пронохавъ деньги, работу начали бы съ него, Хилонъ, или, взявъ задатокъ, вынудили бы у него всѣ деньги, подъ угрозой отдать его въ руки вигиловъ.

Наконецъ, въ послѣднее время Хилонъ чувствовалъ отвращеніе къ голытьбѣ, къ омерзительнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ страшнымъ фигурамъ, которыя гнѣздились въ подозрительныхъ домахъ Субурры или Затибрской части города. Мѣряя все собственною мѣркой, недостаточно познакомившись ни съ христіанами, ни съ ихъ ученіемъ, онъ думалъ, что между ними онъ найдетъ послушное орудіе, а такъ какъ они казались ему добросовѣстнѣе другихъ, то и рѣшилъ отправиться къ нимъ и въ такомъ видѣ представить дѣло, чтобъ они взяли за него не только изъ-за денегъ, но и изъ усердія.

Съ этою цѣлью вечеромъ онъ отправился къ Эврицію, о которомъ зналъ, что старикъ преданъ ему всею душой и сдѣлаетъ все, чтобы помочь ему. Но, осторожный по натурѣ, Хилонъ и не думалъ открывать ему своихъ истинныхъ намѣреній, которыя, наконецъ, стояли бы въ явномъ противорѣчій съ увѣренностью старика въ его добродѣтели и богобоязненности. Онъ хотѣлъ имѣть готовыхъ на все людей и только съ ними уговориться о дѣлѣ такъ, чтобъ они ради самихъ себя сохранили его въ вѣчной тайнѣ.

Эврицій, выкупивъ сына, нанялъ одну изъ тѣхъ маленькихъ лавочекъ, которыя во множествѣ тѣснились около Circus Maximus, чтобы продавать оливки, бобы и подслащенную медомъ воду зрителямъ, являющимся на ристалище. Хилонъ засталъ его за устройствомъ лавочки и, привѣтствовавъ его во имя Христа, началъ говорить о дѣлѣ, которое его привело сюда. Оказавъ услугу, онъ рассчитывалъ, что и ему отплатятъ благодарностью. Ему нужно двухъ или трехъ человѣкъ, сильныхъ и смѣлыхъ, для предотвращения опасности, угрожающей не только ему, но и всѣмъ христіанамъ. Правда, онъ бѣденъ, потому что почти все, что у него было, онъ отдалъ Эврицію, но и этимъ людямъ заплатилъ бы за ихъ услуги, подъ условіемъ, чтобъ они вѣрили ему и точно исполняли то, что онъ прикажетъ имъ.

Эврицій и сынъ его Квартъ чуть не на колѣнахъ слушали с его благодѣтеля. Они оба заявили, что сами готовы исполнить все, чего онъ отъ нихъ потребуетъ, вѣря, что такой святой мужъ можетъ требовать дѣяній, которыя не были бы согласны съ ученіемъ Христа.

Хилонъ увѣрилъ ихъ, что это такъ и есть, и, поднявъ очи горѣ, казалось, началъ молиться, а въ дѣйствительности раздумывалъ, не принять ли ему ихъ жертву, которая могла бы сохранить ему тысячу сестерцій, но, послѣ минутнаго размышленія, отвергъ это. Эврицій былъ старикъ, можетъ быть, не столько угнетенный годами, сколько истощенный горестями и болѣзнями. Квартъ насчитывалъ всего 16 лѣтъ, а Хилону нужно было людей ловкихъ и, прежде всего, сильныхъ. Что касается тысячи сестерцій, то онъ рассчитывалъ, что, благодаря своему плану, онъ, во всякомъ случаѣ, сумѣетъ сохранить значительную часть этихъ денегъ. Нѣкоторое время они настаивали, но когда Хилонъ отказалъ рѣшительно, перестали просить. Квартъ сказалъ тогда:

— Я знаю пекаря Демаса, у котораго за жерновами работаютъ невольники и наемные люди. Одинъ изъ этихъ наемниковъ такъ силенъ, что его хватило бы не за двоихъ, а за четверыхъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ поднималъ камни, которые четверо чело-вѣкъ не могли сдвинуть съ мѣста.

— Если этотъ чело-вѣкъ богобоязненный и способный пожертвовать собою за братьевъ, познакомъ меня съ нимъ, — сказалъ Хилонъ.

— Онъ христіанинъ, — отвѣтилъ Квартъ, — потому что у Демаса работаютъ по большей части христіане. Тамъ есть работники ночные и дневные; тотъ, о которомъ я говорю тебѣ, принадлежитъ къ ночнымъ. Ты могъ бы свободно переговорить съ нимъ, если бы мы пошли сейчасъ, — мы какъ разъ попали бы къ ужину. Демасъ живетъ около Эмпорія.

Хилонъ охотно согласился. Эмпорій лежалъ у подножія Авентинскаго холма, — значить, не особенно далеко отъ Большого цирка. Можно было, не обходя холма, отправиться вдоль рѣки, черезъ Porticus Aemilia, что еще болѣе сокращало дорогу.

— Я старъ, — сказалъ Хилонъ, когда они вошли въ колоннаду, — по временамъ на меня находить затменіе памяти. Да! Нашего Христа предалъ одинъ изъ его учениковъ, но имени предателя я никакъ не могу припомнить въ настоящую минуту...

— Иуда, онъ потомъ удавился, — отвѣтилъ Квартъ, немного удивляясь въ душѣ, какъ можно не помнить этого имени.

Ахъ, да! Иуда! Благодарю тебя, — отвѣтилъ Хилонъ.

Идя до Эмпорія, который былъ уже запертъ, они миновали, обойдя амбары, изъ которыхъ выдавали народу хлѣбъ, сверну- чалъ въ, къ домамъ, которые тянулись вдоль Via Ostiensis вплоть

до холма Тестацейскаго и *Forum Pistorium*¹⁾). Остановились они передъ деревянною постройкой, извнутри которой доходилъ стукъ жернововъ. Квартъ вошелъ въ дверь, а Хилонъ, который не любилъ показываться большому количеству людей и который находился постоянно въ опасеніи, что судьба можетъ столкнуть его съ Главкомъ, остался на улицѣ.

«Занимаетъ меня этотъ Геркулесъ, который служитъ за мельника, — говорилъ онъ себѣ, поглядывая на яркій мѣсяцъ. — Если это негодяй и человѣкъ умный, онъ будетъ стоять мнѣ чего нибудь, а если добродѣтельный христіанинъ и дуракъ, онъ сдѣлаетъ мнѣ задаромъ все, чего я отъ него ни пожелаю».

Дальнѣйшія его размышленія перервало появленіе Кварта, который вышелъ изъ постройки съ другимъ человѣкомъ, одѣтымъ только въ тунику, называемую эксомисъ и скроенную такъ, что правая рука и правая сторона груди оставались обнаженными. Такую одежду, ничѣмъ не стѣсняющую свободу движеній, преимущественно носили рабочіе. Хилонъ вздохнулъ изъ глубины груди, — во всю жизнь онъ не видалъ такой руки и такого плеча.

— Вотъ братъ, котораго ты хотѣлъ видѣть, — сказалъ Квартъ.

— Да будетъ съ тобою миръ Христовъ, — отозвался Хилонъ. — Квартъ, скажи этому брату, заслуживаю ли я довѣрія, а потомъ съ Богомъ отправляйся домой, ибо не годится оставлять почтеннаго отца такъ долго въ одиночествѣ.

— Это святой человѣкъ, который отдалъ все достояніе, чтобы выкупить изъ неволи меня, незнакомаго ему человѣка, — сказалъ Квартъ. — Да уготоваетъ ему Господь нашъ Избавитель за это награду на небесахъ.

Гигантъ-работникъ, услыхавъ это, поклонился и поцѣловалъ руку Хилона.

— Какъ твое имя, братъ? — спросилъ грекъ.

— При святомъ крещеніи, отецъ, мнѣ дали имя Урбана.

— Урбанъ, братъ мой, есть ли у тебя время, чтобы свободно говорить со мною?

— Работа наша начинается въ полночь, а теперь намъ только готовить ужинъ.

— Значить, времени достаточно, пойдемъ къ рѣкѣ, тамъ ты выслушаешь мои слова.

На каменной набережной было тихо, только издали доходилъ шумъ жернововъ, да внизу плескались волны рѣки. Хилонъ до

¹⁾ Булочный рынокъ.

всматривался въ лицо работника, которое, несмотря на грозное и печальное выраженіе, какимъ обыкновенно отличались лица варваровъ, живущихъ въ Римѣ, показалось ему добрымъ и искреннимъ.

«Такъ и есть, — сказалъ онъ про себя, — это человѣкъ добрый и глупый и задаромъ убьетъ Главка».

Потомъ онъ спросилъ:

— Урбанъ, любишь ли ты Христа?

— Люблю всею душой и сердцемъ, — отвѣчалъ работникъ.

— А братьевъ своихъ, а сестеръ, а тѣхъ, которые научили тебя правдѣ и вѣрѣ Христовой?

— И ихъ также люблю, отецъ.

— Тогда да будетъ миръ съ тобой.

— И съ тобой, отецъ.

Снова наступило молчаніе, только въ отдаленіи гремѣли жернова, а внизу журчала рѣка.

Хилонъ вперилъ глаза въ мѣсяцъ и медленнымъ, тихимъ голосомъ началъ говорить о смерти Христа.

Говорилъ онъ не Урбану, а какъ будто самъ для себя вспоминалъ эту смерть или какъ будто ея тайну повѣрялъ уснувшему городу. Въ этомъ было что-то трогательное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное. Работникъ плакалъ, а когда Хилонъ началъ стонать и скорбѣть о томъ, что въ минуту смерти Избавителя не было никого, кто защищалъ бы Его если не отъ распятія, то, по крайней мѣрѣ, отъ издѣвательствъ солдатъ и евреевъ, гигантская грудь варвара начала сжиматься отъ горя и подавленного бѣшенства. Смерть Христа только растрогивала его, но при мысли о толпѣ, издѣвающейся надъ пригвожденнымъ къ кресту Агнцемъ, вся его простая душа волновалась и имъ овладѣвала дикая жажда мести.

Вдругъ Хилонъ спросилъ:

— Урбанъ, ты знаешь, кто былъ Іуда?

— Знаю, знаю, но онъ удавился! — воскликнулъ работникъ.

И въ голосѣ его слышалось сожалѣніе, что предатель самъ придуналъ себѣ кару и не можетъ попасть въ его руки. А Хилонъ долженъ былъ:

— Однако, еслибъ онъ не удавился и если бы кто-нибудь христіанъ встрѣтилъ его на сушѣ или на морѣ, не долженъ ли онъ былъ отмстить за мѹку, кровь и смерть Избавителя?

— Кто бы не отомстилъ, отецъ!

— Миръ съ тобою, вѣрный слуга Агнца. Можно прощать соблазны обиды, но кто имѣетъ право прощать оскорбленія, наве-

сенныя Богу? Но какъ змѣй плодитъ змѣя, какъ злоба плодитъ злобу и измѣна—измѣну, такъ изъ яда Іуды возродился другой предатель, и какъ тотъ предалъ евреямъ и римскимъ воинамъ Избавителя, такъ этотъ, который живетъ между нами, хочетъ предать волкамъ Его паству, и если никто не предупредитъ измѣны, если никто заблаговременно не сотретъ главы змія, всѣхъ насъ ждетъ гибель, а съ нами вмѣстѣ погибнетъ и слава Агнца.

Работникъ смотрѣлъ на него съ сильнѣйшею тревогой, какъ будто бы не отдавая себѣ отчета въ томъ, что слышалъ. Грекъ покрылъ голову угломъ плаща и началъ повторять голосомъ, какъ будто бы выходящимъ изъ-подъ земли:

— Горе вамъ, слуги истиннаго Бога, горе вамъ, христіане и христіанки!

И снова наступило молчаніе. Снова былъ слышенъ только стукъ жернововъ, глухое пѣніе работниковъ на мельницѣ и шумъ рѣки.

— Отецъ,—спросилъ, наконецъ, работникъ,—что это за измѣнникъ?

Хилонъ поникъ головой.

— Что это за измѣнникъ? Сынъ Іуды, сынъ его яда, который притворяется христіаниномъ и ходить въ молитвенные дома только для того, чтобы обвинять братьевъ передъ цезаремъ, будто они не хотятъ признавать его богомъ, будто они отравляютъ фонтаны, убиваютъ дѣтей и хотятъ разрушить этотъ городъ такъ, чтобы не оставалось камня на камнѣ. И вотъ черезъ нѣсколько дней преторіанцамъ будетъ выданъ приказъ, чтобы они сковали старцевъ, женщинъ и дѣтей, и повели ихъ на казнь, такъ, какъ были посланы на смерть невольники Педанія Секунда. И все это сдѣлалъ тотъ, второй Іуда. Но если перваго никто не наказалъ, если никто не отомстилъ ему, если никто не защитилъ Христа въ часъ его мученій,—кто-жъ захочетъ покарать этого, кто сотретъ змія, прежде чѣмъ цезарь выслушаетъ его, кто его уничтожитъ, кто отвратитъ гибель братьевъ и вѣры Христовой?

Урбанъ, который до сихъ сидѣлъ, вдругъ вскочилъ съ мѣста и сказалъ:

— Я сдѣлаю это, отецъ.

Хилонъ всталъ также, съ минуту смотрѣлъ на лицо работника освѣщенное блескомъ луны, потомъ протянулъ руку и медлен опустилъ ладонь на его голову.

— Иди къ христіанамъ,—торжественно сказалъ онъ,—иди : молитвенные дома и освѣдомься у братьевъ о Главѣ, а когда о тебѣ покажутъ его, тогда, во имя Христа, убей!...

— Главкѣ? — повторилъ работникъ, какъ бы желая запечатлѣть въ памяти это имя.

— Ты знаешь его?

— Нѣтъ, не знаю. Христіанъ цѣлыя тысячи въ Римѣ и не всѣ знаютъ другъ друга. Но завтра въ Остраніи ночью соберутся братья и сестры до одного человѣка, потому что прибылъ великій апостолъ Христовъ, который будетъ поучать тамъ, и тамъ братья укажутъ мнѣ Главка.

— Въ Остраніи?—спросилъ Хилонъ,—значить, за городскими воротами? Братья и всѣ сестры? ночью? за воротами, въ Остраніи?

— Да, отецъ. Это наше кладбище между *via Salaria* и *Nomen-tana*²⁾. Развѣ тебѣ не извѣстно, что тамъ будетъ поучать великій апостолъ?

— Я не былъ два дня дома, поэтому не получилъ его письма и, кромѣ того, не зналъ, гдѣ находится Остраній, потому что недавно прибылъ сюда изъ Коринеа, гдѣ я учреждаю христіанскую общину... И такъ, если Христосъ вдохновилъ тебя, ты, мой сынъ, пойдешь ночью въ Остраній, тамъ между братьями отыщешь Главка и убьешь его на обратномъ пути къ городу, за что тебѣ будутъ отпущены всѣ грѣхи. А теперь да будетъ миръ съ тобою.

— Я слушаю тебя, слуга Агнца.

На лицѣ работника отразилось смущеніе. Онъ недавно убилъ человѣка, можетъ быть, и двухъ, а ученіе Христа запрещаетъ убивать. Убилъ онъ ихъ не при своей защитѣ, но и этого нельзя. Епископъ далъ ему братьевъ для помощи, но убивать не приказалъ, а онъ убилъ нечаянно, потому что Богъ наказалъ его черезъ - чуръ большою силой, и теперь онъ тяжело кается. Другіе поютъ за своими жерновами, а онъ, несчастный, думаетъ о своемъ грѣхѣ и объ обидѣ Агнца. Какъ онъ молился, какъ плакалъ, какъ просилъ Агнца! И, все-таки, чувствуетъ до сихъ поръ, что покаяніе его недостаточно. А теперь онъ снова обѣщалъ убить предателя—и хорошо! Только собственные обиды можно прощать; онъ убьетъ его, хотя бы на глазахъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, которые завтра будутъ въ Остраніи. Но пусть сначала Главкѣ будетъ осужденъ старшими братьями, епископомъ или апостоломъ. Убить не велика вещь, а убить предателя даже и пріятно, какъ волка или медвѣдя, а ну, какъ Главкѣ покажется невинно? Какъ братъ на совѣсть новое убійство, новый грѣхъ и новую обиду Агнца?

— Для суда нѣтъ времени, мой сынъ, — отвѣтилъ Хилонъ, —

Объ эти дороги начинаются у Коллинскихъ воротъ въ сѣверо-восточной части Рима. Первая дорога идетъ почти прямо на сѣверъ, вторая—на сѣверо-востокъ.

потому что измѣнникъ прямо изъ Остраніа отправится къ цезарю въ Антію или скроется въ домѣ нѣкогого патриція, у котораго находится въ услуженіи. Но я тебѣ дамъ удостовѣреніе; когда послѣ убійства Главка ты покажешь его, и епископъ, и великій апостолъ благословятъ твой поступокъ.

Онъ досталъ изъ-за пояса ножъ, вынулъ сестерцію, начертилъ на ней знакъ креста и подаль ее работнику.

— Вотъ приговоръ Главка и твое удостовѣреніе. Когда, послѣ убійства, ты покажешь его епископу, онъ отпуститъ тебѣ и прежнее убійство, которое ты совершилъ нечаянно.

Работникъ невольно протянулъ руку за монетой, но въ немъ еще черезъ-чуръ была жива память о первомъ убійствѣ и онъ почувствовалъ что-то вродѣ страха.

— Отецъ, — сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ, — ты берешь на свою совѣсть это дѣло, ты самъ слышалъ, какъ Главкъ продаетъ братьевъ?

Хилонъ нашелъ, что нужно представить какія-нибудь доказательства, назвать какія-нибудь имена, ибо иначе въ сердце гиганта можетъ вкрасѣться подозрѣніе.

— Слушай, Урбанъ, — сказалъ онъ, — я живу въ Коринѣ, но происхожу изъ Коса и здѣсь, въ Римѣ, просвѣщаю ученіемъ Христовымъ одну дѣвушку изъ моей страны, по имени Эвнику. Она служитъ, какъ «vestiplica», въ домѣ друга цезаря, нѣкогого Петронія. И вотъ въ этомъ домѣ я слышалъ, какъ Главкъ брался выдать всѣхъ христіанъ, а, кромѣ того, обѣщалъ другому наперснику цезаря, Виницію, что найдетъ среди христіанъ дѣвушку...

Онъ оборвался и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на работника, у котораго глаза засвѣтились вдругъ, какъ глаза звѣря, а лицо приняло выраженіе дикаго гнѣва и угрозы.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ почти со страхомъ.

— Ничего, отецъ, — завтра я убью Главка.

Грекъ умолялъ, но черезъ минуту, взявъ работника за плечи, повернулъ его такъ, чтобы лунный свѣтъ падалъ прямо на его лицо, и началъ внимательно всматриваться въ него. Было видно, что онъ колебался въ душѣ, спрашивать ли его дальше и вести все наружу, или не ограничиться ли пока тѣмъ, что онъ знаетъ.

Въ концѣ врожденная осторожность Хилона взяла верхъ, и глубоко вздохнулъ, потомъ, положивъ руку на голову работника, спросилъ торжественнымъ, медленнымъ голосомъ:

- Такъ при святомъ брещеніи тебѣ дали имя Урбана?
- Да, отецъ.
- Тогда, да будетъ съ тобою миръ, Урбанъ.

ХУІІІ.

Петроній Виницію:

«Плохо тебѣ, *carissimè!* Очевидно, Венера помутила твой умъ, отняла рассудокъ, память и способность мыслить о чемъ-нибудь, кромѣ любви. Перечитай когда-нибудь то, что ты отвѣтилъ мнѣ, и ты увидишь, какъ твой умъ сталъ равнодушенъ ко всему, за исключеніемъ Лигіи, какъ ты занимаешься только ею, къ ней возвращаешься постоянно и кружишь надъ нею, какъ ястребъ надъ высмотрѣнною добычей. Блянусь Поллуксомъ! найди же ты ее поскорѣй, иначе, если пламя твоей страсти не сожжетъ тебя въ пепелъ, ты обратишься въ египетскаго сфинкса, который, какъ говорятъ, влюбившись въ блѣдную Изиду, сталъ ко всему глухъ, равнодушенъ и ждетъ только ночи, чтобы смотрѣть на возлюбленную своими каменными глазами.

«Обѣгай по вечерамъ городъ въ чужой одеждѣ, посѣщай даже, со своимъ философомъ, молитвенные дома христіанъ (все, что убиваетъ время и возбуждаетъ надежду—желательно), но, ради дружбы ко мнѣ, сдѣлай одно: Урсъ, невольникъ Лигіи, кажется, обладаетъ необыкновенною силой, такъ ты найми себѣ Бротона и принимай экспедиціи втроемъ. Такъ будетъ безопаснѣе и разумнѣе. Христіане, коль скоро къ числу ихъ принадлежатъ Помпонія Грецина и Лигія, вѣроятно, не такіе негодяи, какими ихъ считаютъ повсюду, но, однако, при похищеніи Лигіи они доказали, что съ ними шутки плохи, если дѣло касается какой-нибудь овцы изъ ихъ стада. Когда ты увидишь Лигію, то, я знаю, не съумѣешь сдержаться и захочешь увести ее съ собою тотчасъ же,—какъ же ты это сдѣлаешь съ однимъ Хилонидомъ? А Бротонъ постоитъ за себя, хотя бы ее защищали десятокъ такихъ лигійцевъ, какъ Урсъ. Хилону не позволяй выманивать много, но на Бротона денегъ не жалѣй. Изъ всѣхъ совѣтовъ, которые я могу послать тебѣ, этотъ самый лучший.

дѣсь уже перестали говорить о маленькой Августѣ и о томъ, что она умерла отъ колдовства. Вспоминаетъ объ этомъ иногда Помпея, но умъ цезаря занятъ совсѣмъ другимъ, тѣмъ болѣе,—не знаю, правда ли это,—что *diva Augusta* снова находится въ извѣстномъ положеніи. Мы вотъ уже нѣсколько дней въ Неаполѣ, или,

вѣришь, въ Байяхъ. Еслибъ ты былъ способенъ думать о чемъ-нибудь, то отголосокъ нашего пребыванія здѣсь долженъ былъ бы дойти до твоихъ ушей, потому что цѣлый Римъ, по всей вѣроятности, ни о чемъ другомъ и не говоритъ. Мы пріѣхали прямо въ Байи, гдѣ, прежде всего, нами овладѣли воспоминанія о матери и упреки совѣсти. Но знаешь ли ты, до чего дошелъ Агенобарбъ? До того, что даже матереубійство служить ему только темою для стиховъ и поводомъ для разыгрыванія шутовски-трагическихъ сценъ. Неподдѣльные угрызения совѣсти прежде онъ испытывалъ постольку, поскольку онъ трусъ, а теперь, когда убѣдился, что весь міръ, — какъ это было и раньше, — лежитъ у его ногъ, и никакое божество не отомстило ему, то онъ притворяется, для того только, чтобы растрогивать людей своею судьбой. Иногда ночью онъ вскакиваетъ и утверждаетъ, что его преслѣдуютъ фурии, будить насъ, тщательно наблюдаетъ за собою, принимаетъ видъ комедіанта, играющаго роль Ореста, — да еще плохого комедіанта, — декламируетъ греческіе стихи и смотреть, удивляемся ли мы. Мы, конечно, удивляемся, и, вмѣсто того, чтобы сказать ему: иди спать, шутъ! — также настраиваемся на трагическій тонъ и защищаемъ великаго артиста отъ фурій. Клянусь Касторомъ! дошло до тебя, по крайней мѣрѣ, что мы уже выступали публично въ Неаполѣ? Сигнали всѣхъ греческихъ бездѣльниковъ изъ Неаполя и окрестныхъ городовъ, и эти бездѣльники такъ провоняли всю арену испареніями чеснока, что я благодарилъ боговъ, что, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ первыхъ рядахъ съ августіанами, я былъ съ Агенобарбомъ за сценой. Повѣришь ли ты мнѣ, онъ боялся. Увѣряю тебя, боялся! Онъ бралъ мою руку и прикладывалъ къ своему сердцу, которое билось, дѣйствительно, ускореннымъ біеніемъ. Дыханіе его стало прерывистымъ, и въ ту минуту, когда нужно было выходить, онъ поблѣднѣлъ, какъ пергаментъ, и лобъ его покрылся каплями пота. А, вѣдь, онъ зналъ, что во всѣхъ рядахъ сидятъ преторіанцы, вооруженные палками, которыми обязаны, въ случаѣ надобности, возбудить энтузіазмъ въ слушателяхъ. Но надобности не представилось. Никакое стадо обезьянъ изъ окрестностей Картагины не сѣмѣетъ такъ вѣть, какъ эта голытьба. Я говорю тебѣ, что запахъ чеснока долеталъ даже до сцены. А онъ ронялъ раскланивался, прижималъ руки къ сердцу, посылалъ душевные поцѣлуи и плакалъ. Потомъ онъ, какъ пьяный, ворвался къ намъ за сцену съ крикомъ: «Что значать триумфы цезаря въ сравненіи съ моимъ триумфомъ!» А тамъ голытьба все еще выхлопала въ ладоши, зная, что выхлопаетъ себѣ милости, пода-

пиры, лотерейные билеты и новое зрѣлище съ шутомъ-цезаремъ. Я даже не удивляюсь, что они рукоплескали, — до сихъ поръ этого никто не видалъ. А Неронъ повторялъ каждую минуту: «Вотъ что значить греки! вотъ что значить греки!» И кажется мнѣ, что съ этой минуты его ненависть къ Риму еще болѣе возросла. Несмотря на это, въ Римъ были посланы нарочные гонцы съ извѣстіемъ о триумфѣ и на-дняхъ мы ожидаемъ благодарности отъ сената. Тотчасъ же послѣ перваго выхода Нерона здѣсь случилось странное обстоятельство: театръ обвалился сразу, но тогда, когда люди уже всѣ вышли. Я былъ на мѣстѣ происшествія, но не видалъ, чтобъ изъ-подъ развалинъ извлекли хоть одинъ трупъ. Многие, даже изъ числа грековъ, смотрятъ на это, какъ на гнѣвъ боговъ за униженіе императорской власти, но онъ, наоборотъ, утверждаетъ, что здѣсь проявляется милость боговъ, которые, очевидно, покровительствуютъ и его пѣнію, и тѣмъ, кто слушаетъ его. Поэтому—жертвы во всѣ храмы и великое благодареніе, а для него—новое поощреніе ѣхать въ Ахайю. Однако, нѣсколько дней тому назадъ онъ говорилъ мнѣ, что боится, что скажетъ на это римскій народъ, не взбунтуется ли онъ, какъ изъ-за любви къ нему, такъ и изъ-за опасенія, какъ бы его не обдѣлили хлѣбомъ и не лишили зрѣлищъ во время отсутствія цезаря?

Все-таки, отсюда мы идемъ въ Беневентъ, смотрѣть на башническую роскошь, которою щегольнеть передъ нами Ватиній, а оттуда, подъ покровительствомъ божественныхъ братьевъ Елены¹⁾, въ Грецію. Что касается меня, то я замѣтилъ одну вещь: когда я нахожусь среди сумасшедшихъ, то самъ становлюсь сумасшедшимъ, и даже болѣе—нахожу нѣкоторую прелесть въ безуміи. Греція и путешествіе съ цѣлыми тысячами народу—какое-то триумфальное шествіе Вакха среди нимфъ и вакханокъ, увѣнчанныхъ миртами и виноградными листьями, колесницы, запряженные тиграми, цвѣты, тирсы, вѣйки, крики «евое!», музыка, поэзія и рукоплещущая Эллада,—все это хорошо, но мы питаемъ еще болѣе смѣлый замыселъ. Намъ хочется создать какую-то восточную сказочную имперію,—царство пальмъ, солнца, поэзій, дѣйствительности, обращенной въ сонъ и въ непрерывное наслажденіе, намъ хочется забыть о Римѣ, а мировое тяготѣніе перемѣстить куда-нибудь между Греціей, Азіей и Египтомъ, жить жизнью не людей, а боговъ, не знать ничего обыденнаго, скользить въ золотыхъ галерахъ, подъ сѣнью пурпуровыхъ парусовъ, по Архипелагу, быть

¹⁾ Елена была дочь Юпитера и Леды, сестра Диоскуровъ, Кастора и Поллукса, которыхъ считали покровителями мореплавателей.

Аполлономъ, Озирисомъ и Вааломъ въ одномъ лицѣ, краснѣть вмѣстѣ съ зарею, золотиться съ солнцемъ, серебриться съ луною, царствовать, пѣть, дремать... И повѣришь ли, что я, у котораго еще сохранилось на сестерцію ума, а на ассъ здраваго размышленія, еще позволяю себя увлекать этимъ фантазіямъ и потому именно, что онѣ если и не осуществимы, то, по крайней мѣрѣ, велики и необыкновенны... Однако, такая сказочная имперія была бы чѣмъ-нибудь такимъ, что по простествіи длинныхъ вѣковъ показалось бы людямъ золотымъ сномъ. А если Венера не приметъ обличія какой-нибудь Лигіи или даже невольницы Эвники, если ее не украситъ искусство, то жизнь ничего не стоитъ и часто напоминаетъ лицо обезьяны. Но мѣднобрадый не осуществитъ своихъ мечтаній хотя бы потому, что въ этомъ сказочномъ царствѣ поэзии и Востока не должно быть мѣста для измѣны, подлости и смерти, а въ Неронѣ подъ личиною поэта сидитъ скверный комедіантъ, глуповатый кучеръ и пошлый тиранъ. И вотъ мы душимъ людей, когда они намъ помѣшаютъ какимъ-нибудь образомъ. Бѣдный Торкватъ Силанъ теперь уже тѣнь. Онъ открылъ себѣ жилы нѣсколько дней тому назадъ. Леканій и Лициній со страхомъ берутся за консульство, старикъ Тразеа не избѣгнетъ смерти, потому что осмѣливается быть честнымъ. Тигеллинъ до сихъ поръ не можетъ добиться приказа, чтобъ я открылъ себѣ жилы. Я еще нуженъ не только какъ «*elegantiae arbiter*», но и какъ человѣкъ, безъ совѣта и вкуса котораго путешествіе въ Ахайю могло бы не удался. Все-таки, я иногда думаю, что раньше или позже дѣло тѣмъ и кончится, и знаешь ли, что меня больше всего занимаетъ? — именно то, чтобы мѣднобрадому не достался тотъ мирренскій сосудъ, который ты знаешь и которымъ ты восхищаешься. Если въ минуту моей смерти ты будешь при мнѣ, я отдамъ его тебѣ, а если будешь далеко, то разобью. Но теперь передъ нами башмачническій Бене-вентъ, олимпійская Греція и Фатумъ, который для всякаго пролагаетъ неизвѣстный и непредвидѣнный путь. Будь здоровъ и найми Бротона, иначе у тебя во второй разъ похитятъ Лигію. Хилонидъ, когда онъ не будетъ нуженъ тебѣ, пришли ко мнѣ, гдѣ бы я ни находился. Можетъ быть, я сдѣлаю изъ него другого Ватинія, можетъ быть, консулярные мужи и сенаторы станутъ дрожать передъ нимъ, какъ дрожатъ передъ тѣмъ героемъ драгвы. Стоило бы дожидаться такого зрѣлища. Когда ты найдешь Лигію, дай мнѣ знать, чтобъ я принесъ за васъ жертву изъ двухъ лебедей и двухъ голубей въ здѣшнемъ кругломъ храмѣ Венеры. Недавно я видѣлъ во снѣ, что Лигія сидитъ у тебя на колѣняхъ и ищетъ твоихъ о-

цѣлуевъ. Постарайся, чтобъ этотъ сонъ былъ пророческимъ. Пусть на твоёмъ небѣ не будетъ тучъ, а если и будутъ, то только цвѣта и запаха розы. Будь здоровъ и прощай!»

XIX.

Едва Виницій кончилъ письмо Петронія, какъ въ его библіотеку безъ всякаго оповѣщенія проскользнулъ Хилонъ, потому что прислуга получила приказъ допускать его во всякое время дня и ночи.

— Да будетъ божественная мать твоего великодушнаго предка Энея ¹⁾ такъ же благосклонна къ тебѣ, какъ былъ благосклоненъ ко мнѣ божественный сынъ Майи ²⁾! — сказалъ онъ.

— И это значить? — спросилъ Виницій, вскакивая изъ-за стола, за которымъ онъ сидѣлъ.

Хилонъ поднялъ голову и отвѣтилъ:

— Eureka!

Молодой патрицій взволновался такъ, что долгое время не могъ проговорить ни слова.

— Ты видѣлъ ее? — наконецъ, сказалъ онъ.

— Я видѣлъ Урса, господинъ, и говорилъ съ нимъ.

— И ты знаешь, гдѣ она скрывается?

— Нѣтъ, господинъ. На моемъ мѣстѣ одни изъ самолюбія дали бы Урсу понять, что отгадали, кто онъ, другіе старались бы выпытать, гдѣ онъ живетъ, и получили бы или ударъ кулакомъ, послѣ котораго всѣ земныя дѣла потеряли бы для нихъ значеніе, или возбудили бы недовѣріе гиганта и сдѣлали бы то, что дѣвушку сегодня же переселили бы въ другое убѣжище, а я поступилъ не такъ. Мнѣ достаточно знать, что Урсъ работаетъ у мельника вблизи Эмпорія, что мельника зовутъ Демасомъ, также какъ твоего отпущенника, и мнѣ этого достаточно. Теперь любой твой невольникъ можетъ утромъ пойти по слѣдамъ Урса и открыть его убѣжище. Я только приношу тебѣ увѣренность, что колъ скоро Урсъ находится здѣсь, то и божественная Лигія живетъ въ Римѣ, и, кромѣ того, извѣстіе, что сегодня чуть не навѣрное она будетъ въ Остраніи...

— Въ Остраніи? что это? — перебилъ Виницій, высказывая намереніе сейчасъ же бѣжать на упомянутое мѣсто.

¹⁾ Эней былъ сыномъ Анхиза и Венеры. Послѣ разрушенія Трои онъ переселился въ Италію. Его сынъ Асканій (по римскимъ сказаніямъ Юлій) сдѣлался родоначальникомъ знатѣйшихъ римскихъ фамилій.

²⁾ Меркурій былъ сыномъ Зевса и Майи.

— Это старый *hypozeum* ³⁾ между *via Solaria* и Номентаной. Тотъ верховный жрецъ христіанъ, о которомъ я говорилъ тебѣ и котораго ожидали значительно позже, уже пріѣхалъ и сегодня же ночью будетъ крестить и поучать на этомъ кладбищѣ. Они скрываются со своимъ ученіемъ, и хотя до сихъ поръ не было никакихъ эдиктовъ, которые запрещали бы его, должны быть осторожны, потому что народъ ненавидитъ ихъ. Самъ Урсъ говорилъ мнѣ, что всѣ до одного сегодня соберутся въ Остранію, потому что каждому хочется слышать и видѣть того, кто былъ первымъ ученикомъ Христа и кого они зовутъ Посланныкомъ. А такъ какъ у нихъ женщины наравнѣ съ мужчинами слушаютъ поученія, то изъ женщинъ отсутствовать будетъ развѣ только одна Помпонія, — та не могла бы объяснить Авлу, поклоннику старыхъ боговъ, зачѣмъ она покидаетъ домъ ночью, Лигія же, которая состоитъ подъ покровительствомъ Урса и старшинъ общины, несомнѣнно пойдетъ вмѣстѣ съ другими.

Виницій, который до сихъ поръ жилъ словно въ горячкѣ и подкрѣплялъ себя только надеждой, теперь, когда эта надежда казалась близкою къ осуществленію, вдругъ почувствовалъ такую слабость, какую испытываетъ человѣкъ послѣ непосильнаго пути, хотя онъ и приблизился къ цѣли. Хилонъ видѣлъ все и рѣшилъ воспользоваться этимъ.

— Господинъ, твои люди, дѣйствительно, наблюдаютъ за воротами, а христіане должны знать объ этомъ. Но для нихъ ворота не нужны. Тибръ также не требуетъ воротъ, и хотя по рѣкѣ до Остраніи далеко, для «великаго апостола» можно и продлить свою дорогу. Наконецъ, у нихъ должны быть тысячи способовъ обходить городскія ворота и я знаю, что они обладаютъ этими способами. Въ Остраніи ты, господинъ, найдешь Лигію, а если бы даже, чего, впрочемъ, я не предполагаю, ея не было бы тамъ, — тамъ будетъ Урсъ, потому что онъ обѣщалъ мнѣ убить Главка. Онъ самъ говорилъ, что будетъ и убьетъ его тамъ, — слышишь ли ты, благородный трибунъ? И вотъ ты или пойдешь вслѣдъ за нимъ и узнаешь, гдѣ живетъ Лигія, или прикажешь своимъ людямъ схватить его, какъ убійцу, и, держа его въ рукахъ, извлечешь изъ него признаніе, куда онъ скрылъ Лигію. Я свое сдѣлалъ! Другой сказалъ бы тебѣ, что выпилъ съ Урсомъ десять *кантаровъ* ⁴⁾ самого дорого вина, прежде чѣмъ добился отъ него толку, или что проигралъ ему тысячу сестерцій въ *scriptae duodecim*. Я знаю, ты возвѣ

³⁾ Кладбище.

⁴⁾ Кружка.

тѣль бы это мнѣ вдвойнѣ, но я хоть разъ въ жизни... то-есть, я хотѣлъ сказать, что какъ и всегда въ жизни, буду честнымъ, ибо утѣшаю себя мыслью, что, какъ утверждалъ великодушный Петро-вий, твое великодушіе превзойдетъ всѣ мои издержки и ожиданія.

Виницій, какъ солдатъ, привыкъ не только справляться съ со-бою въ разныхъ положеніяхъ, но и дѣйствовать. Онъ и теперь подавилъ свою временную слабость и сказалъ:

— Ты не разочаруешься въ моемъ великодушіи, но сначала пойдешь со мной въ Остраній.

— Я? Въ Остраній?—переспросилъ Хилонъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго желанія идти туда.—Я, благородный трибунъ, объ-щаль тебѣ показать Лигію, но не брался похищать ее. Подумай, господинъ, что стало бы со мной, еслибъ этотъ лигійскій мед-вѣль, растерзавъ Главка, тотчасъ же убѣдился бы, что онъ растер-залъ его не совсѣмъ справедливо? Не счелъ ли бы онъ меня (хотя совершенно несправедливо) за виновника совершеннаго убійства? Памятуй, господинъ, что чѣмъ больше философскія способности чело-вѣка, тѣмъ ему труднѣе отвѣчать на глупые вопросы невѣждъ; что же я отвѣтилъ бы ему, еслибъ онъ спросилъ у меня, почему я обвинилъ Главка? Если ты думаешь, что я обманываю тебя, тогда я скажу тебѣ: заплати мнѣ лишь тогда, когда я укажу тебѣ домъ, въ которомъ живетъ Лигія, а сегодня излей на меня хоть частицу своей щедрости, ибо если и ты господинъ (да сохранятьъ тебя всѣ боги отъ этого!) подвергнешься какой-нибудь случайности, то я со-всѣмъ останусь безъ награды. Твое сердце никогда не вынесло бы этого.

Виницій подошелъ къ шкатулкѣ, стоящей на мраморномъ под-ножій и называемой «агса», и, вынувъ изъ нея мѣшокъ, бросилъ его Хилону.

— Это «скрупулы»,—сказалъ онъ,—а когда Лигія будетъ въ моемъ домѣ, ты получишь такой же мѣшокъ съ «авреями» ⁵⁾.

— Юпитерь!—воскликнулъ Хилонъ.

Но Виницій нахмурилъ брови.

— Здѣсь тебѣ дадутъ ѣсть, потомъ ты отдохнешь. До вечера не двинешься отсюда, а когда настанетъ ночь, будешь сопро-вѣждать меня въ Остраній.

На лицѣ Хилона съ минутою виднѣлись страхъ и колебаніе, но потомъ онъ, однако, успокоился и сказалъ:

⁵⁾ Scripulum или scrupulum—мелкая золотая монета, равняющаяся третьей ча-сти золотого динарія—aureus.

— Кто может противустоять тебѣ, господинъ? Прими эти слова за доброе пророчество, какъ принялъ ихъ нашъ великій герой въ храмъ Олимпа. Что касается меня, то эти скрупулы перевѣсили мои предубѣжденія, не говоря уже о твоей компаніи, которая для меня составляетъ верхъ счастья и наслажденія.

Виницій нетерпѣливо перебилъ его и началъ спрашивать о подробностяхъ разговора съ Урсомъ. Изъ разспросовъ выяснилось одно, что въ эту ночь будетъ открыто убѣжище Лигіи или ее самой можно будетъ похитить на обратномъ пути изъ Остранія. И при этой мысли Виниціемъ овладѣвала бѣшеная радость. Теперь, когда у него была почти увѣренность, что онъ найдетъ Лигію, и гнѣвъ его, и озлобленіе, которые онъ питалъ къ ней, исчезли. Именно за эту-то самую радость онъ и отпустилъ ей все вины. Онъ думалъ только о ней, какъ о дорогомъ и желанномъ существѣ, и испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто она должна была возвратиться изъ далекаго путешествія. Его брала охота призвать невольниковъ и приказать имъ убрать домъ зелеными гирляндами. Въ эту минуту онъ не сердился даже на Урса, онъ готовъ былъ простить всѣмъ и все. Хилонъ, къ которому до сихъ поръ, несмотря на его услуги, онъ питалъ нѣкоторое отвращеніе, въ первый разъ показался ему человѣкомъ забавнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дюжиннымъ. Благодаря Хилону, въ его домѣ сдѣлалось свѣтло, и глаза Виниція и лицо его просвѣтлѣли. Онъ снова почувствовалъ молодость и радость жизни. Препрежне мрачное страданіе не давало еще ему достаточнаго понятія, какъ сильно онъ любитъ Лигію. Онъ понималъ это теперь, когда ему блеснула надежда обладать ею. Влеченіе къ ней пробуждало его, какъ весною пробуждается земля, пригрѣтая солнцемъ, но страсть его теперь была менѣе слѣпа и дика, болѣе нѣжна и радостна. Онъ ощущалъ въ себѣ безграничную энергію и былъ убѣжденъ, что лишь только увидитъ собственными глазами Лигію, то ее не отнять у него не только христіане всего міра, но даже и самъ цезарь.

Хилонъ, ободренный его радостью, заговорилъ снова и началъ давать ему совѣты. По его мнѣнію, дѣло еще не слѣдовало считать выиграннымъ и необходимо сохранить насколько возможно большую осторожность, безъ которой все можетъ пропасть. Онъ заклиналъ Виниція не похищать Лигію изъ Остранія. Они должны будутъ идти туда съ капюшонами на головахъ, съ закрытыми лицами и ограничиться наблюденіемъ изъ какого-нибудь темнаго угла за всѣми присутствующими. Когда онъ, наконецъ, увидитъ Лигію, самое лучшее будетъ пойти за нею въ нѣкоторомъ отдаленіи, замѣтить, въ ка-

домъ она вопля, а на другой день, на разсвѣтѣ, окружить его невольниками и взять ее уже днемъ. Такъ какъ она заложница и принадлежитъ, собственно, цезарю, то все это можно сдѣлать безъ опасенія нарушенія закона. Въ случаѣ, еслибъ ее не нашли въ Остраніи, пусть пойдутъ вслѣдъ за Урсомъ и послѣдствія получатся точно такія же. На кладбище съ большимъ количествомъ людей отправиться нельзя, они легко могутъ обратить на себя вниманіе, а тогда христіанамъ нужно будетъ только погасить всѣ огни, какъ они сдѣлали это при первомъ похищеніи, и разсыпаться или спрятаться въ тайникахъ, извѣстныхъ только имъ однимъ. Но вооружиться не мѣшаетъ, а еще лучше взять съ собою двухъ вѣрныхъ и сильныхъ людей, чтобы, въ случаѣ необходимости, воспользоваться ихъ помощію.

Виницій призналъ полную справедливость словъ Хилона и, вспомнивъ при этомъ совѣтъ Петронія, отдалъ приказаніе, чтобъ къ нему привели Кротона. Хилонъ,—онъ зналъ всѣхъ въ Римѣ,—значительно успокоился, услыхавъ имя знаменитаго атлета, нечеловѣческой силѣ котораго онъ дивился не разъ, и объявилъ, что пойдеть въ Остраній. Мѣшокъ, набитый авреями, въ особенности при помощи Кротона, показался ему болѣе легкою добычей.

Въ хорошемъ расположеніи духа онъ усѣлся за столъ, къ которому его немного погодя призвалъ начальникъ атрія, и во время обѣда рассказывалъ невольникамъ, какъ онъ доставляетъ ихъ господину чудодѣйственную мазь; достаточно намазать ею копыта самыхъ плохихъ лошадей, чтобъ они оставили позади себя всѣхъ другихъ. Приготовлять эту мазь его научилъ одинъ христіанинъ, потому что христіанскіе старшины больше знакомы съ чарами и чудесами, чѣмъ даже ессалійцы, хотя Фессалія славится своими колдуньями. Христіане питаютъ къ нему необыкновенное довѣріе, а почему именно—легко догадается всякій, кто знаетъ, что такое значить рыба. Говоря такъ, онъ пристально наблюдалъ за лицами невольниковъ, въ надеждѣ открыть между ними христіанина и донести объ этомъ Виницію. Но когда эта надежда обманула его, онъ усердно принялся пить и ѣсть, не щадя похвалъ повару и увѣряя, что постарается купить его у Виниція. Спокойствіе Хилона нарушила только одна мысль, что ночью нужно было идти въ Остраній, онъ ободрялъ себя тѣмъ, что будетъ переодѣтъ, а товарищами будутъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ, по своей силѣ,—кѣство всего Рима, а другой — патрицій и воинъ высокаго звана. «Хотя бы Виниція и открыли,—говорилъ онъ самому себѣ,—

но они не осмѣлятся поднять на него руки, а что касается меня, то хитеръ будетъ тотъ, кто увидитъ хоть конецъ моего носа».

Онъ вспомнилъ свой разговоръ съ работникомъ и это внушило ему еще большую бодрость. У него не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что работникъ этотъ—Урсъ. По рассказамъ Виниція о тѣхъ, которые сопровождали Лигію изъ дворца, Хилонъ зналъ о необыкновенной силѣ лигійца, а такъ какъ онъ спрашивалъ Эвриція только о людяхъ исключительно сильныхъ, то не было ничего мудренаго, что ему указали на Урса. Дальше, замѣшательство и гнѣвъ работника при упоминаніи о Виниціи и Лигіи не позволяли сомнѣваться, что эти лица представляютъ для него особое значеніе. Работникъ упоминалъ о покаяніи за убійство человѣка, а Урсъ убилъ Атачина; наконецъ, примѣты работника совершенно соответствовали тому, что Виницій говорилъ о лигійцѣ. Одно только измѣненное имя могло возбуждать сомнѣніе, но Хилонъ уже зналъ, что христіане при крещеніи часто принимаютъ новыя имена.

«Если Урсъ убьетъ Главка,—говорилъ себѣ Хилонъ,—то будетъ хорошо, а не убьетъ, то это также добрый признакъ, потому что окажется, какъ дорого стоитъ христіанину убійство. Я представилъ этого Главка какъ родного сына Іуды и предателя всѣхъ христіанъ; я былъ такъ краснорѣчивъ, что даже камень растрогался бы и обѣщалъ бы свалиться на голову Главка, но и при всемъ этомъ едва склонилъ этого лигійскаго медвѣдя, чтобъ онъ обѣщалъ мнѣ наложить на него свою лапу... Онъ колебался, не хотѣлъ, рассказывалъ о своихъ угрызеніяхъ и покаяніи. Очевидно, въ ихъ средѣ это не въ обычаѣ... Свои обиды нужно прощать, за чужія мстить не особенно дозволяется,—его, разсуди, Хилонъ, что можетъ угрожать тебѣ? Главку нельзя отомстить тебѣ... Урсъ, если не убьетъ Главка за такое большое преступленіе, какъ измѣна всему христіанству, то тѣмъ болѣе не убьетъ тебя за такое малое, какъ преданіе на смерть одного христіанина. Наконецъ, если я разъ покажу этому похотливому дикому голубю гнѣздо его горлицы, то я умываю руки и возвращаюсь назадъ въ Неаполь. Христіане говорятъ о какомъ-то умываніи рукъ,—очевидно, это способъ, которымъ, если имѣешь дѣло съ ними, можно покончить все. Какіе добрые люди, эти христіане, а какъ дурно говорятъ о нихъ! О, богъ такова-то справедливость на свѣтѣ! Я люблю это ученіе за то, что оно не дозволяетъ убійства. Но если оно не позволяетъ убивать, вѣроятно, не позволяетъ ни красть, ни обманывать, ни свѣдѣтельствовать ложно, а поэтому я не скажу, чтобъ ему легко бы слѣдовать. Очевидно, оно не только учитъ достойно умирать, ка

это дѣлають стонки, но и достойно жить. Если когда-нибудь я разбогатею, буду имѣть такой домъ, какъ этотъ, и столько же невольниковъ, то, можетъ быть, сдѣлаюсь христіаниномъ на столько времени, пока это будетъ мнѣ на руку. Богатый можетъ позволить себѣ все, даже добродѣтель... Да, это — религія богатыхъ, и я не понимаю, какимъ образомъ она насчитываетъ столько бѣдныхъ послѣдователей. Что имъ изъ этого прибудеть и зачѣмъ они дозволяютъ добродѣтели связывать себѣ руки? Я долженъ когда-нибудь подумать объ этомъ. А теперь, слава тебѣ, Гермесь, что ты помогъ мнѣ отыскать этого барсука. Но если ты сдѣлалъ это ради двухъ телицъ, бѣлыхъ однолѣтокъ съ позолоченными рогами, то я не узнаю тебя. Стыдись, аргусубійца ⁶⁾!... Такой мудрый богъ и раньше не предвидѣлъ, что ничего не получить! Я общаю тебѣ за это свою признательность, а если ты моей признательности предпочитаешь двухъ скотовъ, тогда самъ ты — третій, и, въ лучшемъ случаѣ, долженъ быть пастухомъ, а не богомъ. Берегись, однако, чтобъ я, какъ философъ, не довелъ до свѣдѣнія людей, что тебя совсѣмъ не существуетъ, — тогда всѣ перестали бы приносить тебѣ жертвы. Съ философомъ лучше жить въ дружбѣ».

Разговаривая такимъ образомъ съ собою и съ Гермесомъ, Хилонъ вытянулся на скамьѣ, положилъ себѣ подъ голову плащъ и, когда невольники убрали посуду, заснулъ. Проснулся онъ или, вѣрнѣе, разбудили его лишь тогда, когда пришелъ Кротонъ. Тогда Хилонъ пошелъ въ атрій и съ удовольствіемъ началъ любоваться могучею фигурой ланисты, ех-гладіатора, который, казалось, своею громадностью наполнялъ весь атрій. Кротонъ уже условился въ цѣнѣ и въ эту минуту говорилъ Виницію:

— Блганусъ Геркулесомъ! Хорошо, господинъ, что ты сегодня призвалъ меня, — завтра я отправляюсь въ Беневентъ, куда меня пригласилъ благородный Ватиній, чтобъ я въ присутствіи цезаря состязался съ нѣкимъ Сифаксомъ, самымъ сильнымъ негромъ, какого когда-либо породила Африка. Представляешь ли ты себѣ, господинъ, какъ его позвоночный хребетъ хруснетъ въ моихъ рукахъ, но, кромѣ того, я разможу его черную челюсть.

— Я увѣренъ, что ты такъ сдѣлаешь, Кротонъ, — отвѣтилъ Ви-
Виницій.

— И превосходно поступишь, — добавилъ Хилонъ. — Да!... Бр-... того, разможи ему челюсть. Это хорошая мысль и подвигъ, достойный тебя. Только умастись масломъ, мой Геркулесь, и опо-

Меркурій убилъ стоглазого Аргуса, которому Юнона поручила смотрѣть за
Зевса — Ю.

яшся, — знай, что ты можешь имѣть дѣло съ настоящимъ Какусомъ⁷⁾. Человѣкъ, оберегающій дѣвушку, которая требуется достойному Виницію, обладаетъ, дѣйствительно, исключительною силой.

Хилонъ говорилъ такъ для возбужденія амбиціи Кротона, но Виницій присоединился къ нему:

— Да, — сказалъ онъ, — я не видалъ его, но мнѣ говорили, что, схвативъ быка за рога, онъ можетъ повести его, куда хочетъ.

— Ой! — воскликнулъ Хилонъ, который не воображалъ, чтобы Урсъ могъ быть такъ силенъ.

Но Кротонъ презрительно улынулся.

— Я берусь, достойный господинъ, — сказалъ онъ, — схватить вотъ этою рукой кого ты мнѣ прикажешь, а другою защищаться отъ семерыхъ такихъ лигійцевъ и принести къ тебѣ въ домъ дѣвушку, хотя бы всѣ римскіе христіане гнались за мной, какъ калабрійскіе волки. Если я не исполню этого, я позволю побить себя палками вотъ на этомъ имплюви.

— Не позволяй ему этого, господинъ! — воскликнулъ Хилонъ. — Начнутъ насъ угощать камнями, а на что тогда пригодится его сила? Не лучше ли извлечь дѣвушку изъ дома и не обречь ни ее, ни себя на гибель?

— Такъ и должно быть, Кротонъ, — сказалъ Виницій.

— Твои деньги — твоя воля! Только помни, господинъ, что завтра я ѣду въ Беневентъ.

— У меня пятьсотъ невольниковъ въ одномъ Римѣ, — отвѣтилъ Виницій.

Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы всѣ удалились, а самъ отправился въ бібліотеку, сѣлъ за столъ и написалъ Петронію слѣдующее:

«Хилонъ нашелъ Лигію. Сегодня вечеромъ я отправлюсь вмѣстѣ съ нимъ и Кротономъ въ Остраній и похищу ее или оттуда, или завтра изъ дома. Да изольютъ на тебя боги всѣ блага! Будь здоровъ, carissime, — радость не позволяетъ мнѣ писать больше».

И, положивъ тростникъ, онъ зашагалъ по комнатѣ быстрыми шагами. Бромъ радости, которая заливала его душу, его свѣдало нетерпѣніе. Онъ говорилъ себѣ, что завтра Лигія будетъ уже въ этомъ домѣ, и не зналъ, какъ поступить съ нею, хотя и чувствовалъ, что если она захочетъ любить его, то онъ будетъ ея слугою. Онъ вспомнилъ увѣренія Актеи, что Лигія любитъ его, и волновался до глубины души. Значить, дѣло только въ томъ, чтобы побѣ-

7) Какусъ — гигантъ, полу-человѣкъ, полу-сатиръ, сынъ Вулкана.

какой-то дѣвичій стыдъ и устранить требованія, которыя, очевидно, предъявляетъ христіанское ученіе? Но если это такъ, то развѣ Лигія будетъ въ его домѣ и уступить убѣжденію или силѣ, то должна будетъ сказать себѣ: «свершилось!» — и потомъ уже будетъ снисходительнѣе.

Приходъ Хилонъ прервалъ теченіе радостныхъ мыслей Виниція.

— Господинъ, — сказалъ грекъ, — мнѣ вотъ что еще пришло въ голову: а ну, какъ у христіанъ есть какой-нибудь пароль, ка-кій-нибудь «тессеры»³⁾, безъ которыхъ въ Остраніи никого не пропустить? Я знаю, что такъ бываетъ въ молитвенныхъ домахъ, и досталъ такую «тессеру» у Эвриція. Позволь мнѣ пойти къ нему, разспросить поподробнѣе и узнать пароль, если это окажется необходимымъ.

— Хорошо, благородный мудрецъ, — отвѣтилъ весело Виницій, — ты говоришь, какъ человѣкъ разсудительный, и тебѣ за это слѣдуетъ похвала. Ты пойдешь къ Эврицію или куда тебѣ будетъ угодно, но для вѣрности оставишь вонъ на томъ столѣ мѣшокъ, который ты получилъ сегодня.

Хилонъ, который всегда неохотно разставался съ деньгами, пожорчился, но исполнилъ приказаніе Виниція и ушелъ. Отъ Карина до цирка, возлѣ котораго находилась лавочка Эвриція, было не особенно далеко, и поэтому грекъ возвратился еще задолго до вечера.

— Вотъ знаки, господинъ. Безъ нихъ насъ не пропустили бы. Я разспросилъ подробно о дорогѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ Эврицію, что знаки нужны только для моихъ друзей, а самъ я не пойду, — для меня, старика, этотъ путь черезъ-чуръ далекъ, — да, наконецъ, я завтра увижу великаго апостола, который повторитъ мнѣ лучшія мѣста изъ своей проповѣди.

— Какъ не будешь? Ты долженъ идти! — сказалъ Виницій.

— Я знаю, что долженъ, но пойду переодѣтый, и вамъ совѣтую то же, иначе мы можемъ спугнуть птицу.

Дѣйствительно, они вскорѣ начали собираться, потому что на дворѣ уже темнѣло. Взяли они галльскіе плащи съ капюшонами, взяли фонари; Виницій вооружился самъ и вооружилъ товарищей короткими кривыми ножами, а Хилонъ надѣлъ парикъ, который купилъ по дорогѣ отъ Эвриція. Нужно было торопиться, чтобы дойти до отдаленныхъ Номентанскихъ воротъ, прежде чѣмъ ихъ закроютъ.

³⁾ тессера — дощечка, на которой писали пароль, раздаваемый солдатамъ.

XX.

Дорога Виниція лежала черезъ Vicus Patricius, вдоль Винцинала, къ Винцинальскимъ воротамъ мимо площади, на которой впоследствии Діоклетіанъ возвелъ великолѣпныя бани. Виницій и его спутники миновали остатки стѣны Сервія Туллія и почти уже пустыми переулками дошли до Номентанской дороги, а затѣмъ, свернувъ направо къ Саларію, очутились среди холмовъ, усыпанныхъ кладбищами и служившихъ для добыванія песка. Тѣмъ временемъ уже совсѣмъ стемнѣло, а такъ какъ луна еще не взошла, то Виницію довольно трудно бы было отыскивать дорогу, если бы, согласно предсказанію Хилона, ее не указывали сами христіане. Дѣйствительно, и направо, и направо, и впереди виднѣлись темныя фигуры, осторожно приближающіяся къ песчанымъ пригоркамъ. Одни несли фонари, однако, скрывая ихъ, по возможности, подъ плащами, другіе, знающіе лучше дорогу, шли безъ огня. Опытный солдатскій глазъ Виниція отличалъ по движеніямъ молодыхъ мужчинъ отъ стариковъ, плетущихся при помощи палки, и отъ женщинъ, старательно закутанныхъ въ длинныя стѣлы. Рѣдкіе прохожіе и крестьяне, выѣзжающіе изъ города, очевидно, принимали этихъ ночныхъ путниковъ за рабочихъ, направляющихся къ аренаріямъ, или за членовъ погребальныхъ братствъ, которые совершали свои обрядовые аганы¹⁾ ночью. Но по мѣрѣ того, какъ молодой патрицій и его товарищи подвигались впередъ, вокругъ нихъ мелькало все больше огоньковъ и число людей увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ въ полголоса пѣли пѣсни, которыя Виницію представлялись преисполненными скорбью. По временамъ его ухо улавливало отдѣльныя слова или цѣлую фразу, какъ, на примѣръ: «Возстани спящій!» «Возстани изъ мертвыхъ!» Имя Христа повторялось и женщинами, и мужчинами, но Виницій мало обращалъ вниманія на слова; въ голову ему пришла мысль, что, можетъ быть, въ числѣ этихъ темныхъ фигуръ находится Лигія. Иныя, проходя мимо, говорили: «Миръ съ вами» или «Слава Христу», а Виниція охватывало безпокойство и сердце его начинало биться сильнѣе, — ему казалось, что онъ слышитъ голосъ Лигіи. Сколько-нибудь подходящая фигура сбивала его съ толку и, только удостовѣрившись въ своей ошибкѣ, онъ пересталъ довѣрять глазамъ.

Дорога казалась ему длинною. Окрестности онъ зналъ хорошо, но въ темнотѣ не могъ разобраться въ нихъ. Каждую минуту —

¹⁾ Паршества для бѣдныхъ у древнихъ христіанъ.

попадались то какіе-то узкіе проходы, то части стѣнъ, то постройки, и Виницій не помнилъ, чтобы видѣлъ это когда-нибудь возлѣ города. Наконецъ, край луны показался изъ громады тучъ и освѣтилъ все мѣсто лучше слабыхъ фонарей. Вдали что-то засвѣтилось, словно костеръ или походный факелъ. Виницій наклонился къ Хилону и спросилъ, не Остраній ли это?

Хилонъ, на котораго ночь, отдаленіе отъ города и эти фигуры, похожія на видѣнія, очевидно, производили сильное впечатлѣніе, отвѣтилъ немного невѣрнымъ голосомъ:

— Не знаю, господинъ, я никогда не бывалъ въ Остраніи. Но они могли бы славить Христа гдѣ-нибудь поближе къ городу.

И, чувствуя потребность поговорить и поддержать свою отвагу, онъ добавилъ:

— Они сходятся, словно разбойники, а, вѣдь, убивать имъ не дозволяется... Не могъ же этотъ лигіецъ такъ безсовѣстно обмануть меня.

Виниція, несмотря на то, что онъ все время думалъ о Лигіи, также удивила осторожность и таинственность, съ которой собираются христіане для того, чтобы слушать поученія своего верховнаго жреца, и онъ отвѣтилъ:

— Эта религія, какъ и всѣ другія, насчитываетъ между нами много своихъ поклонниковъ, но христіане — еврейская секта. Зачѣмъ они собираются здѣсь, когда въ Затибрской части города есть еврейскіе храмы, гдѣ евреи среди бѣлаго дня совершаютъ свои жертвоприношенія?

— Нѣтъ, господинъ. Евреи — то и есть самые ожесточенные враги христіанъ. Мнѣ говорили, что уже при нынѣшнемъ императорѣ дѣло чуть не дошло до войны между ними. Цезарю Клавдію такъ надоели эти ссоры, что онъ изгналъ всѣхъ евреевъ, но теперь этотъ эдиктъ отмѣненъ. Но христіане, все-таки, скрываются отъ евреевъ и отъ народа, который, какъ тебѣ извѣстно, подозрѣваетъ ихъ въ вѣ преступленіяхъ и ненавидитъ.

Послѣ минутнаго молчанія, Хилонъ, страхъ котораго увеличился по мѣрѣ удаленія отъ городскихъ воротъ, сказалъ еще:

— Возвращаясь отъ Эвриція, я взялъ у одного цирюльника парикъ и засунулъ себѣ въ ноздри два бобовыхъ зерна. Меня не должны узнать, но если и узнаютъ, то не убьютъ. Это люди не злое. Это даже очень добрые люди, которыхъ я люблю и цѣню.

— Не привлекай ихъ къ себѣ преждевременными похвалами, — отвѣтилъ Виницій.

И теперь вошли въ узкій оврагъ, точно заключенный между

двумя окопами, через которые былъ переброшенъ акведукъ. Въ это время луна вышла изъ-за тучъ и Виницій въ концѣ оврага увидалъ стѣну, обильно покрытую плющомъ, осеребреннымъ свѣтомъ мѣсяца. То былъ Остраній.

Сердце молодого патриція забилося чаще.

У воротъ два фоссора ²⁾ отбирали пропускные знаки. Черезъ минуту Виницій и его товарищи очутились на довольно обширномъ пространствѣ, со всѣхъ сторонъ огражденномъ стѣною. Кое-гдѣ видѣлись отдѣльные памятники, а въ серединѣ находился собственно *hurogeum* или крипта, нижнею частью своей лежащая подъ поверхностью почвы. Въ криптѣ собственно и заключались могилы. Передъ входомъ въ нее шумѣлъ фонтанъ. Было видно, что большое число людей не въ состояніи помѣститься въ самомъ гипогейѣ. Виницій легко догадался, что обрядъ будетъ совершаться подъ открытымъ небомъ, на дворѣ, гдѣ вскорѣ собралась многочисленная толпа. Куда ни кинь глазомъ, фонари и фонари, хотя много народу пришло сюда безъ огня. Людей съ открытыми головами было не много, большинство, изъ опасенія измѣны или боясь ночного холода, осталось въ капюшонахъ и Виницій со страхомъ подумалъ, что если такъ будетъ и до конца, то въ этой толпѣ, при слабомъ свѣтѣ, ему невозможно будетъ распознать Лигію.

Но вдругъ возлѣ крипты вспыхнуло нѣсколько смоляныхъ фавеловъ. Стало виднѣе. Толпа заплѣла какой-то странный гимнъ, сначала тихо, потомъ все громче. Виницій никогда въ жизни не слыхалъ такой пѣсни. Та же самая скорбь, которая слышалась въ пѣніи отдѣльныхъ людей, съ которыми онъ сталкивался на дорогѣ къ кладбищу, отозвалась и теперь въ этомъ гимнѣ, только гораздо выразительнѣе и сильнѣе, а въ концѣ стала такою всеобъемлющей и могучей, что какъ будто бы вмѣстѣ съ людьми этою скорбью прониклось и кладбище, и холмы, и овраги. Головы, поднятыя вверхъ, казалось, видѣли кого-то тамъ, высоко - высоко, руки призывали его снизойти на землю. Когда пѣснь смолкла, наступила минута ожиданія, такая трогательная, что Виницій и его товарищи невольно обратили глаза къ звѣздамъ, какъ бы въ ожиданіи, что случится нѣчто необычайное и что кто-нибудь дѣйствительно снизойдетъ на землю. Виницій въ Малой Азіи, въ Египтѣ и въ самомъ Римѣ видѣлъ множество самыхъ разнообразныхъ храмовъ, познакомился со множествомъ разныхъ религій и слышалъ множество пѣсней, то теперь въ первый разъ увидалъ людей, призывающихъ

²⁾ Fossor—землекопъ.

тѣсной божество не для исполненія какого-нибудь установленнаго ритуала, но отъ чистаго сердца, съ такою тоской по этому божеству, какую могутъ питать дѣти по своему отцѣ или матери. Нужно было быть слѣпымъ, чтобъ не замѣтить, что эти люди не только чтили своего Бога, но и любили Его всею душой, а этого Виницій не видалъ до сихъ поръ ни въ какой странѣ, ни при какихъ обрядахъ, ни въ какихъ храмахъ. Въ Римѣ и Греціи тѣ, которые еще воздавали честь своимъ богамъ, дѣлали это изъ боязни или изъ желанія заручиться ихъ помощью, но никому и въ голову не приходило любить ихъ.

Хотя мысль Виниція была занята Литіей и вниманіе устремлялось на то, чтобъ отыскать ее среди толпы, но онъ не могъ, однако, не видѣть странныхъ и необычайныхъ вещей, которыя творились вокругъ него. Тѣмъ временемъ подбросили еще нѣсколько факеловъ въ костеръ, который облилъ краснымъ свѣтомъ кладбище и затмилъ огоньки фонарей. И въ эту же самую минуту изъ гипогея вышелъ старецъ въ плащѣ съ капюшономъ, но съ открытою головою, и вступилъ на камень, лежащій возлѣ костра.

Толпа всколыхнулась. Около Виниція послышались голоса: «Петръ! Петръ!»... Одни упали на колѣни, другіе простирали къ нему руки. Наступила тишина, такая глубокая, что было слышно паденіе всякаго уголька въ костръ, отдаленный стукъ колесъ на Номентанской дорогѣ и шумъ вѣтра въ вѣтвяхъ пиній, растущихъ возлѣ кладбища.

Хилонъ пододвинулся къ Виницію и шепнулъ:

— Это онъ, первый ученикъ Хрестоса—рыбакъ!

Старецъ поднялъ руку вверхъ и знаменіемъ креста осѣнилъ всѣхъ собравшихся, которые на этотъ разъ всѣ опустили на колѣни. Товарищи Виниція и онъ самъ, не желая выдавать себя, послѣдовали общему примѣру. Молодой человѣкъ не могъ справиться со своими впечатлѣніями,—ему казалось, что фигура, которую онъ видитъ передъ собою, въ одно и то же время, и проста, и необыкновенна, и даже болѣе, что эта исключительность и истекаетъ именно отъ ея простоты. У старца не было ни митры, ни дубоваго вѣнка на головѣ, ни пальмы въ рукѣ, ни золотой таблички на груди, ни бѣлой или усѣянной звѣздами одежды,—сымовъ, никакихъ признаковъ, которыми отличались жрецы Востока, Египта, Греціи или римскіе фламины. И снова Виниція поразило то, что почувствовалъ онъ, услышавъ христіанскія пѣсни, ибо и этотъ «рыбакъ» показался ему не главнымъ жрецомъ, искусившимся въ разныхъ церемоніяхъ, но какъ бы про-

стымъ, престарѣлымъ и необычайно добросовѣстнымъ свидѣтелемъ, который пришелъ издалека, чтобы повѣдать какую-то великую правду, которую онъ видѣлъ, къ которой принасался, въ которую увѣровалъ, какъ вѣрять въ очевидность, и которую полюбилъ, собственно, потому, что увѣровалъ въ нее. И въ его лицѣ виднѣлась такая сила убѣжденія, которою обладаетъ только правда. И Виницій, который, какъ скептикъ, не хотѣлъ поддаваться обаянію старца, подчинился, однако, какому-то лихорадочному любопытству, что выльется изъ устъ ученика таинственнаго «Хресто-са», и что это за ученіе, которое признають Лигія и Помпонія Грецина.

Тѣмъ временемъ Петръ началъ говорить и сначала говорилъ какъ отецъ, который наставляетъ дѣтей и учить ихъ, какъ они должны жить. Онъ приказывалъ имъ, чтобъ они отрелись отъ излишествъ и роскоши, любили бы нужду, чистые обычаи, правду, терпѣливо сносили бы несправедливость и преслѣдованія, слушались старшихъ и властей, остерегались измѣны, обмана и осужденія и, въ концѣ-концовъ, давали бы примѣры не только другъ другу, но и язычникамъ. Виниція, для котораго хорошо было только то, что могло возратить ему Лигію, а дурно все, что становилось между ними, какъ преграда, уязвили и разгнѣвали эти совѣты. Ему показалось, что, предписывая чистоту и борьбу со страстями, старецъ этимъ самымъ не только осмѣливается осуждать его любовь, но возстановляетъ Лигію противъ него и утверждаетъ ее въ ея упорствѣ. Онъ понялъ, что если она находится среди собравшихся, внимаетъ этимъ словамъ и принимаетъ ихъ къ сердцу, то въ эту минуту должна думать о немъ, какъ о врагѣ ея религіи и нечестивцѣ. При этой мысли имъ овладѣла злоба. «Что новаго услышалъ я?—говорилъ онъ самому себѣ.—Такъ вотъ она, незнакомая религія! Всякій слышалъ, всякій знаетъ это. Вѣдь, убожество и ограниченіе потребностей предписываютъ и циники; вѣдь, добродѣтель предписывалъ и Сократъ, какъ нѣчто старое, но хорошее; вѣдь, даже первый стоикъ, Сенека, обладающій пятьюстами столами изъ лимоннаго дерева, прославляетъ воздержность, предписываетъ правду, терпѣливость при противорѣчіяхъ, твердость въ несчастіи... Все это—какъ слежавшійся хлѣбъ, который ѣдятъ и ши, а люди не хотятъ ѣсть, потому что онъ сдѣлался затхлымъ отъ старости». И, на ряду съ гнѣвомъ, онъ испытывалъ что-о вродѣ разочарованія; онъ ожидалъ открытія какихъ-то невѣдомыхъ тайнъ, думалъ, что, по крайней мѣрѣ, услышитъ какого-нибудь риторика, приводящаго въ восторгъ своимъ краснорѣчіемъ, а теп-

полетали до его слуха слова удивительно простые, лишенные всяких украшений. Его удивляли только тишина и сосредоточенность толпы. А старец говорилъ заслушавшимся людямъ, что они должны быть добры, тихи, справедливы, убоги и чисты не для того, чтобы пользоваться покоемъ при жизни, а для того, чтобы послѣ смерти вѣчно жить во Христѣ,—въ такомъ весельи, въ такой славѣ, разпѣтѣ и радости, до которыхъ никто на землѣ не доходилъ. И тутъ Виницій, хотя враждебно настроенный, не могъ не замѣтить, что, однако, есть разница между ученіемъ старца и тѣмъ, что говорили циники, стоики или другіе философы: тѣ рекомендовали добро и добродѣтель, какъ вещи единственно разумныя и прекрасныя въ жизни, а этотъ общалъ за нихъ безсмертіе, и не какое-то жалкое безсмертіе подъ землею, въ скукѣ, ничтожествѣ и пустотѣ, а великолѣпное, чуть ли не равное бытію боговъ. Притомъ, онъ говорилъ объ этомъ безсмертіи, какъ о вещи совершенно вѣрной,—и при такой-то вѣрѣ добродѣтель становилась безгранично цѣнной, а жизненные невзгоды чѣмъ-то несказанно ничтожными, ибо пострадать временно для вѣчнаго счастья—дѣло совсѣмъ другое, чѣмъ страдать только потому, что таковъ ужъ порядокъ природы. Петръ говорилъ дальше, что добродѣтель и правду нужно любить ради ихъ самихъ, потому что Богъ, это—наивысшее, предвѣчное добро и предвѣчное благо, и кто любитъ ихъ, тотъ любитъ Бога и, благодаря этому, становится его возлюбленнымъ чадомъ. Виницій не понималъ этого хорошенько, но зналъ изъ словъ, которыя когда-то Помпонія Грецина сказала Петронію, что этотъ Богъ, по мнѣнію христіанъ, Единъ и Всемогущъ. А теперь онъ слышалъ еще, что Онъ—наивысшее добро и правда, и подумалъ, что въ сравненіи съ такимъ Деміургомъ³⁾ Юпитеръ, Сатурнъ, Аполлонъ, Юнона, Веста и Венера представлялись бы ничтожною и буйною шайкой, въ которой они безчинствуютъ всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно на свой счетъ. Но еще большее удивленіе овладѣло молодымъ человекомъ, когда старецъ началъ поучать, что Богъ, это—наивысшая любовь, и кто любитъ людей, тотъ исполняетъ Его главную заповѣдь. Но не достаточно любить людей своего племени, ибо Богочеловѣкъ пролилъ свою кровь за всѣхъ и среди язычниковъ также нашелъ своихъ избранныхъ, какъ сотникъ Корнелій; и не достаточно любить тѣхъ, которые дѣлаютъ намъ добро, ибо Христосъ простилъ и прощамъ, которые предали Его на смерть, и римскими солдатамъ, которые пригвоздили Его ко кресту,—значить, людямъ, которые

оказываютъ намъ несправедливость, не только нужно прощать, но и любить ихъ и платить имъ добромъ за зло; и не достаточно любить добрыхъ, — нужно любить и злыхъ, потому что только любовью можно изгнать изъ нихъ злобу... Хилонъ при этихъ словахъ подумалъ, что его труды пошли прахомъ, что Урсъ ни за что на свѣтѣ не отважится убить Главка ни въ эту ночь, ни въ какую-нибудь другую. За то онъ тотчасъ же утѣшился другимъ выводомъ, извлеченнымъ изъ ученія старца, — именно, что и Главкъ не убьетъ его, хотя бы открылъ и узналъ его. А Виницій уже не думалъ, что въ словахъ старца не заключается ничего новаго, но съ удивленіемъ задавалъ себѣ вопросъ: что это за Богъ? что это за ученіе и что это за народъ? Все, что онъ слышалъ, просто-на-просто не вмѣщалось въ его голову. Для него это представлялось какою-то неслыханною новизной понятій. Онъ чувствовалъ, что еслибъ онъ, напримѣръ, захотѣлъ слѣдовать этому ученію, то долженъ былъ бы сложить на востеръ всѣ свои мысли, привычки, характеръ, всѣ выработанныя до сихъ поръ особенности, сжечь это въ пепель, преисполниться какою-то совершенно отличною жизнью и вмѣстить въ себя совершенно новую душу. Ученіе, которое повелѣвало ему любить парянъ, сирійцевъ, грековъ, египтянъ, галловъ и бриттовъ, прощать врагамъ, платить имъ добромъ за зло и любить ихъ, показалось ему безумнымъ, но одновременно съ этимъ онъ испытывалъ чувство, что въ самомъ этомъ безуміи кроется что-то болѣе могущественное, чѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ философскихъ ученіяхъ. Онъ думалъ, что по милости своего безумія эта религія не осуществима, а по милости своей неосуществимости божественна. Онъ въ душѣ отвергалъ ее, но чувствовалъ, что отъ нея, какъ отъ луга, поросшаго народомъ, разнесится упоительное благоуханіе, и кто вдохнетъ его, тотъ долженъ, какъ это творится въ странѣ лотофаговъ⁴⁾, забыть обо всемъ другомъ и изнывать только о немъ. Ему казалось, что въ этой религіи нѣтъ ничего дѣйствительнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣйствительность въ сопоставленіи съ нею представляется чѣмъ-то такимъ ничтожнымъ, что на ней не стоитъ даже останавливать мысли. Передъ нимъ открылись какіе-то горизонты, о которыхъ онъ и не догадывался раньше, какія-то безграничныя пространства, какія-то необъятныя тучи. То кладбище начинало производить на него впечатлѣніе сборища глумасшедшихъ, но также и мѣста таинственнаго и страшнаго, гдѣ, какъ на какомъ-то мистическомъ ложѣ, родится что-то такое, что

⁴⁾ Lotophagi, — народъ въ Африкѣ, близъ малой Сирты, — Plin.

еще до сихъ поръ не было въ мірѣ. Онъ уяснилъ себѣ все, что старецъ съ первой минуты говорилъ о жизни, правдѣ, любви, о Богѣ, и мысли его были ослѣплены блескомъ, какъ бывають ослѣплены глаза отъ непрестанной молніи. Какъ обыкновенные люди, жизнь которыхъ превратилась въ одну страсть, онъ смотрѣлъ на все сквозь свою любовь къ Лигіи, и при свѣтѣ этихъ молній ясно видѣлъ одно, что если Лигія на кладбищѣ, если она признаетъ это ученіе, если слушаетъ и чувствуетъ слова старца, то никогда не сдѣлается любовницей Виниціи.

И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ нею въ домѣ Авла, Виницій почувствовалъ, что еслибъ и нашелъ ее, то ничего не найдетъ для себя. До сихъ поръ ничего подобнаго не приходило ему въ голову, да и теперь онъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета, — здѣсь было не столько ясное понятіе, сколько смутное предвкусеніе какой-то невознаградимой утраты и какого-то несчастія. Въ немъ проснулось безпокойство, которое тотчасъ же смѣнилось бурей гнѣва противъ христіанъ вообще и противъ старца въ особенности. Рыбакъ, котораго онъ сначала считалъ такимъ простымъ человѣкомъ, теперь внушалъ ему чуть не боязнь и казался какимъ-то таинственнымъ фатумомъ, неумолимо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трагически рѣшающимъ его судьбу.

Фоссоръ незамѣтно снова подбросилъ нѣсколько факеловъ въ огонь, вѣтеръ пересталъ шумѣть въ вѣтвяхъ пиній, огонь поднимался прямо, стройнымъ столбомъ, къ звѣздамъ, искрящимся на прояснившемся небѣ, и старецъ, упомянувъ о смерти Христа, началъ говорить лишь о Немъ. Всѣ затаили дыханіе въ груди и тишина сдѣлалась еще болѣе глубокою, такъ что почти можно было слышать біеніе сердець. Этотъ человѣкъ *видѣлъ* и рассказывалъ, какъ рассказываетъ тотъ, въ памяти котораго такъ запечатлѣлась каждая минута, что достаточно ему закрыть глаза, чтобы видѣть это. Онъ говорилъ, какъ, возвратившись отъ Креста, они съ Іоанномъ просидѣли два дня безъ сна, безъ пищи, въ удрученіи, горѣ и тревогѣ, въ сомнѣніи, обхвативъ голову руками и обмѣниваясь мыслями о томъ, что *Онъ* умеръ! Ой ахъ, какъ было тяжело, какъ тяжело! Уже проснулся третій день и свѣтъ озарилъ стѣны, а они оба съ Іоанномъ все сидѣли безъ помощи и надежды. Какъ только сонъ овладѣвалъ ими (потому что и ночь передъ страданіями они провели безъ сна), они просыпались и снова начинали горевать. Но едва взошло солнце, какъ прибѣжала Марія Магдалина, задыхающаяся, съ распущившимися волосами и съ крикомъ: «Господа взяли!» Они, услышавъ это, вскочили и побѣжали. Іоаннъ, — онъ моложе, — при-

бѣжалъ первый, увидалъ пустую могилу и не смѣлъ войти. Лишь только когда ко входу собрались всѣ трое, онъ, говорящій это, вошелъ, увидалъ на камнѣ пелены, но тѣла не нашелъ.

Тогда на нихъ напалъ страхъ, ибо они думали, что тѣло Христа похитили первосвященники, и оба возвратились домой еще въ большемъ удрученіи. Потомъ подошли другіе ученики и принялись плакать, чтобъ ихъ легче слышалъ Господь силъ, то всѣ вмѣстѣ, то поочереді. Въ нихъ замеръ духъ, они надѣялись, что Учитель искупить Израиля, а былъ уже третій день, какъ Онъ умеръ, и они не знали, зачѣмъ Отецъ оставилъ Сына, и желали бы не видать дня и умереть, — такъ тяжело было это время.

Воспоминаніе объ этихъ страшныхъ минутахъ еще и теперь выжало двѣ слезы изъ очей старца, и при блескѣ огня было хорошо видно, какъ онѣ стекали по сѣдой бородѣ. Старая голова, лишенная волосъ, затряслась и голосъ замеръ въ его груди. Виницій сказалъ самому себѣ: «Этотъ человѣкъ говоритъ правду и плачетъ надъ нею!» — а простосердечная толпа вся была охвачена горемъ. Не разъ они слышали о страданіяхъ Христа, имъ было извѣстно, что потомъ горе смѣнилось радостью, но теперь рассказывалъ апостолъ, который *видѣлъ* это, и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ слушатели старца ломали руки, рыдали или били себя въ грудь. Но мало-по-малу толпа успокоилась, желаніе слушать продолженіе рассказа превозмогало. Старецъ закрылъ глаза, какъ бы для того, чтобъ яснѣе видѣть въ душѣ отдаленныя событія.

«Когда мы были въ такомъ смятеніи, вбѣжала снова Марія изъ Магдалы, крича, что видѣла Господа. Глаза ея были такъ поражены блескомъ, что она думала, что это садовникъ, но Онъ сказалъ: «Марія!» — тогда она крикнула: «Раввуні!» — и упала къ Его ногамъ, а Онъ приказалъ ей идти къ Его ученикамъ, а потомъ сдѣлался невидимымъ. Но они, ученики, не вѣрили ей, а когда она плакала отъ радости, одни осуждали ее, другіе думали, что горе омрачило ея умъ, ибо она говорила также, что въ гробѣ видѣла ангеловъ, а они, ученики, придя во второй разъ, нашли гробъ пустымъ. Потомъ вечеромъ пришелъ Клеопа, который вмѣстѣ съ другими ходилъ въ Эммаусъ, и всѣ возвратились тотчасъ же и сказали: «Воистину воскресъ Господь!» И они собрались въ домъ, двери котораго были заперты изъ опасенія отъ іудеевъ. Тогда Онъ предсталъ посреди нихъ, хотя двери не скрипнули, а когда они испугались, сказали имъ: «Миръ вамъ».

«И я зрѣлъ Его, какъ зрѣли всѣ, а Онъ былъ аки сѣдѣющій».

ани блаженство сердець нашихъ, ибо мы увѣровали, что Онъ воскресъ, и что моря изсохнутъ, горы разсыпятся впрахъ, а Его слава не пройдетъ.

А черезъ восемь дней Тома Дидимъ вкладывалъ пальцы въ Его раны и прикасался къ Его боку, а потомъ палъ къ Его ногамъ и воскликнулъ: «Господь мой и Богъ мой!» Иисусъ отвѣтилъ ему: «Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ меня; блаженны не видавшіе и увѣровавшіе». И эти слова мы слышали, и очи наши смотрѣли на Него, ибо Онъ былъ между нами».

Виницій слушалъ и съ нимъ творилось что-то странное. На время онъ забывалъ, гдѣ онъ, началъ утрачивать представленіе о дѣйствительности, чувство мѣры, способность разсуждать. Онъ стоялъ передъ лицомъ двухъ противоположностей. Онъ не могъ повѣрить въ то, что говорилъ старецъ, и чувствовалъ, что нужно быть слѣпымъ и отказаться отъ собственнаго разума, чтобы допустить, что этотъ человѣкъ, который говорилъ: «я видѣлъ», — лгалъ. Было что-то особенное въ его волненіи, въ его слезахъ, во всей его фигурѣ и подробностяхъ событій, о которыхъ онъ рассказывалъ, и это дѣлало невозможнымъ всякое подозрѣніе. По временамъ Виницію казалось, что онъ спитъ, но кругомъ себя онъ видѣлъ притихшую толпу; копотъ фонарей достигала его обонянія; дальше горѣли факелы, а сбоку, на камнѣ, стоялъ человѣкъ старый, близкій къ гробу, съ трясущею головой, и этотъ старецъ, подтверждая свое свидѣтельство, повторялъ: «я видѣлъ!»

И онъ рассказывалъ все, вплоть до Вознесенія. По временамъ онъ переводилъ духъ, потому что говорилъ очень подробно, но чувствовалось, что каждая, самая мельчайшая подробность отпечатлѣлась въ его памяти, какъ на камнѣ. Тѣхъ, которые слушали его, охватывало упоеніе. Всѣ сбросили съ своихъ головъ капюшоны, чтобы слышать лучше и не проронить ни одного слова, которое было для нихъ превыше всякой цѣны. Имъ казалось, что какая-то нечеловѣческая сила переноситъ ихъ въ Галилею, что они вмѣстѣ съ учениками ходятъ по тамошнимъ лѣсамъ и вдоль рѣкъ, что это кладбище преобразуется въ Тиверіадское озеро, а на берегу, окутанный утреннимъ туманомъ, стоитъ Христосъ, — такъ, какъ стоялъ тогда, когда Іоаннъ, смотря на Него изъ лодки, сказалъ: «Господь!» — а Петръ бросился впасть, чтобы скорѣе припасть къ возлюбленнымъ ногамъ. На лицахъ присутствующихъ отражался восторгъ безъ границъ, и забвеніе жизни, и счастье, и неизмѣримая любовь. Было ясно, что во время рассказа Петра многимъ представлялись видѣнія,

а когда онъ началъ говорить, какъ въ минуту Вознесенія облака начали спускаться подъ ноги Спасителя, облекать Его, скрывать отъ очей апостоловъ, всѣ головы невольно поднялись къ небу и наступила минута ожиданія, какъ будто бы эти люди надѣялись увидеть Его, — надѣялись, что Онъ снова снизойдетъ съ небесныхъ луговъ, чтобы посмотрѣть, какъ старый апостолъ пасетъ порученныхъ ему овецъ, и благословить его и стадо.

И въ эту минуту для этихъ людей не было Рима, не было безумнаго цезаря, не было храмовъ, боговъ, язычниковъ, — былъ только Христосъ, который наполнялъ землю, море, небо, — весь міръ.

Въ отдаленныхъ домахъ, разбросанныхъ вдоль Номентанской дороги, пѣтухи уже прокричали полночь. Въ это время Хилонъ дернулъ Виниція за край плаща и шеннулъ:

— Господинъ, тамъ, недалеко отъ старца, я вижу Урбана, а рядомъ съ нимъ какую-то дѣвушку.

Виницій очнулся, словно отъ сна, и, посмотрѣвъ по направленію, указанному грекомъ, увидалъ Лигію.

XXI.

При видѣ Лигіи, въ молодомъ патриціи задрожала каждая капля крови. Онъ забылъ о толпѣ, о старцѣ, о странныхъ событіяхъ, о которыхъ онъ только что слышалъ, и видѣлъ передъ собою только ее одну. Наконецъ-то, послѣ всѣхъ усилій, послѣ долгихъ дней безпокойства, терзаній и муки, онъ нашелъ ее! Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ, что радость можетъ броситься на грудь, какъ дикій звѣрь, и придавить ее до утраты дыханія. Онъ, который думалъ, что Фортуна обязана исполнять всѣ его желанія, теперь едва вѣрилъ собственнымъ глазамъ и собственному счастью. Если бы не это недовѣріе, его горячая натура могла бы толкнуть его на какой-нибудь безразсудный шагъ, но онъ хотѣлъ сначала убѣдиться, не есть ли это продолженіе тѣхъ чудесъ, которыми была переполнена его голова, не спитъ ли онъ. Но сомнѣнія никакого не было: онъ видѣлъ Лигію и ихъ раздѣляло разстояніе всего въ нѣсколько десятковъ шаговъ. Она стояла въ полномъ освѣщеніи и онъ могъ наслаждаться ея видомъ сколько угодно. Капюшъ сползъ съ ея головы и спуталъ волосы; губы ея были полуоткрыты, глаза устремлены на апостола, лицо полно вниманія и восторга. Въ темномъ суконномъ плащѣ она напоминала дѣвушку изъ народа, но Виницій никогда не видалъ ее болѣе прекрасною и, несмотря на поднявшуюся въ немъ бурю, его поразила контрастъ межъ у

этою почти невольническою одеждой и благородством этой дивной патрицианской головы. Любовь охватила его, какъ пламя, — жгучая, непреоборимая, смѣшанная съ какимъ-то страннымъ чувствомъ тоски, обожанія, почтенія и страсти. Стоя около гиганта-лигійца, она казалась ниже, чѣмъ была прежде, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ замѣтилъ, что она похудѣла. Лицо ея было почти прозрачно; она производила на него впечатлѣніе цвѣтка и души, и тѣмъ болѣе онъ жаждалъ обладать существомъ, столь отличнымъ отъ женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ или которыми обладалъ на Востоцѣ и въ Римѣ. Онъ чувствовалъ, что отдастъ бы за нее всѣхъ тѣхъ женщинъ, а съ ними весь Римъ и весь міръ въ добавокъ.

Онъ засмотрѣлся и забылся бы совершенно, если бы не Хилонъ, который дергалъ его за край плаща, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь такого, что могло бы навлечь на нихъ опасность. Тѣмъ временемъ хрістіане начали молиться и пѣть. Великій апостолъ сталъ крестить водою изъ фонтана тѣхъ, которыхъ пресвитеры подводили къ нему, какъ подготовленныхъ къ принятію крещенія. Виницію казалось, что эта ночь никогда не кончится. Онъ хотѣлъ немедленно идти за Лигіей и похитить ее по дорогѣ или изъ ея жилища.

Наконецъ, молящіеся начали расходиться съ кладбища. Тогда Хилонъ шепнулъ:

— Господинъ, выйдемъ въ ворота, — мы не сняли капюшоновъ и люди смотрять на насъ.

Это было вѣрно. Когда, при первыхъ словахъ апостола, всѣ сбросили капюшоны, чтобы лучше слышать, Виницій и его товарищъ не послѣдовали всеобщему примѣру. Совѣтъ Хилона оказался основательнымъ. Стоя у воротъ, они могли видѣть всѣхъ выходящихъ, а Урса нельзя было не узнать по его росту и фигурѣ.

— Пойдемъ за ними, — сказалъ Хилонъ, — увидимъ, въ какой домъ они войдутъ, а завтра или, вѣрнѣе, сегодня ты, господинъ, окружишь домъ невольниками и возьмешь ее.

— Нѣтъ! — сказалъ Виницій.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Мы войдемъ за нею въ домъ и похитимъ ее тотчасъ же, — взялся за это, Кротонъ?

— Да, — сказалъ ланиста, — я отдаю себя въ неволю къ тебѣ, ни не сломаю спины тому буйволу, который оберегаетъ ее.

Хилонъ началъ предостерегать и заклинять именемъ всѣхъ говъ, чтобъ этого не дѣлали. Вѣдь, Кротонъ былъ взять только и защиты, на случай, еслибъ ихъ узнали, а не для похищенія

дѣвушки. Отваживаясь на это вдвоемъ, они сами обрекаютъ себя на смерть и, кромѣ того, могутъ выпустить Лигію изъ рукъ, а тогда она скроется въ другомъ мѣстѣ или покинетъ Римъ. Да и что сдѣлаютъ они? Отчего не дѣйствовать навѣрняка, зачѣмъ подвергать себя гибели, а все дѣло сводить на невѣрную почву?

Виницій, несмотря на то, что съ величайшимъ усиліемъ воздерживался, чтобы не схватить Лигію въ объятія тутъ же, на гладищѣ, чувствовалъ, однако, что грекъ правъ, и, можетъ, послѣдовалъ бы его совѣту, если бы не Кротонъ, котораго больше всего интересовала его награда.

— Господинъ, прикажи молчать этому старому козлу, — сказалъ онъ, — или позволь мнѣ опустить кулакъ на его голову. Разъ въ Бухсеттѣ, куда меня вызвалъ на игры Суцій Сатурнинъ, на меня напали въ харчевнѣ семь пьяныхъ гладиаторовъ и ни одинъ изъ нихъ не вышелъ съ цѣлыми ребрами. Я не говорю, чтобы дѣвушку можно было похитить сейчасъ изъ толпы, — намъ будутъ бросать подъ ноги каменья, — но когда она будетъ дома, я похищу ее и принесу, куда ты прикажешь.

Виницій при этихъ словахъ обрадовался и отвѣтилъ:

— Такъ и будетъ, клянусь Геркулесомъ! Завтра случайно мы могли бы не застать ее дома, а если бы возбудили тревогу среди христіанъ, то они, навѣрное, спрятали бы ее въ другомъ мѣстѣ.

— Этотъ лигіецъ кажется мнѣ страшно сильнымъ! — простоналъ Хилонъ.

— Не тебѣ прикажутъ держать ему руки, — отвѣтилъ Кротонъ.

Однако, ждать пришлось имъ долго, пѣтухи уже начали пѣть передъ разсвѣтомъ, прежде чѣмъ они увидали выходящаго изъ воротъ Урса, а съ нимъ и Лигію. Ихъ сопровождало нѣсколько человѣкъ. Хилону показалось, что онъ распознаетъ между ними великаго апостола, рядомъ съ которымъ шелъ другой старикъ, гораздо ниже ростомъ, двѣ пожилыхъ женщины и мальчикъ съ фонаремъ въ рукѣ. За ними шла толпа человѣкъ въ двѣсти. Виницій, Хилонъ и Кротонъ примѣшались къ этой толпѣ.

— Да, господинъ, — сказалъ Хилонъ, — твоя Лигія находится подъ могучимъ покровительствомъ. Съ нею онъ, великій апостолъ! Смотри, какъ люди падаютъ на колѣни при его приближеніи.

Дѣйствительно, люди падали на колѣни, но Виницій не смѣлъ на нихъ. Не теряя ни на минуту изъ глазъ Лигію, онъ думалъ только о ея похищеніи, и, освоившись съ разными военными хитростями, составлялъ у себя въ головѣ со всею солдатскою точностью весь планъ похищенія. Онъ чувствовалъ, что шагъ, на

торый онъ отваживается, былъ рискованнымъ, но зналъ хорошо, что рискованное нападеніе обыкновенно кончается успѣхомъ.

Но дорога была длинна и ему оставалось время подумать также и о пропасти, которую вырыла между нимъ и Лигіей та странная религія, которую она исповѣдывала. Онъ понималъ теперь все, что случилось въ прошломъ, — понималъ, почему это случилось. Для этого онъ былъ достаточно проницателенъ. До сихъ поръ онъ не зналъ Лигіи. Онъ видѣлъ въ ней самую прелестную дѣвушку, возбуждался къ ней страстью, а теперь увидалъ, что это ученіе обратило ее въ существо, не похожее на другихъ женщинъ, и надежда, чтобъ и ей вскружила голову страсть, богатство, роскошь, — чистое заблужденіе. Наконецъ, онъ понялъ то, чего они оба съ Петроніемъ до сихъ поръ не понимали, — что эта новая религія вселяла въ душу что-то незнакомое міру, въ которомъ онъ жилъ, что Лигія, если бы даже и любила его, не поступится для него ни одною изъ своихъ христіанскихъ истинъ, что если для нея существуетъ наслажденіе, то совершенно не похожее на то, за которымъ гонялся и онъ, и Петроній, и дворъ цезаря, и весь Римъ. Любая изъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ, могла стать его любовницей, — эта христіанка могла быть только жертвой, и, думая объ этомъ, онъ впадалъ въ гнѣвъ, испытывалъ жгучую боль и чувствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его гнѣвъ безсиленъ. Похитить Лигію ему казалось вещь возможною, въ этомъ онъ былъ увѣренъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ увѣренъ, что передъ лицомъ этого ученія и онъ самъ, и его мужество, и его могущество — ничто и ни на что не можетъ ему пригодиться. Этотъ военный трибунъ, убѣжденный, что сила меча и руки, которая, завладѣвъ міромъ, вѣчно будетъ властвовать надъ нимъ, въ первый разъ въ жизни увидалъ, что и помимо этой силы можетъ быть что-нибудь другое, и съ удивленіемъ задавалъ себѣ вопросъ: такъ что же это такое?

Но ясно онъ не могъ отвѣтить себѣ, въ головѣ у него мельгали только образы кладбища, многочисленная толпа и Лигія, всею душой вслушивающаяся въ слова старца, рассказывающаго о мученіи, смерти и воскресеніи Богочеловѣка, который искупилъ міръ и обѣщалъ ему счастье по той сторонѣ Стикса.

Когда Виницій думалъ объ этомъ, въ головѣ его возникалъ чистый хаосъ.

Изъ этого положенія вывели его жалобы Хилона, который началъ плакаться на свою судьбу: онъ былъ приглашенъ отыскать Лигію, съ опасностью жизни отыскалъ и указалъ ее. Чего же отъ него хотятъ больше? Развѣ онъ брался похищать ее, и кто бы могъ

требовать чего-нибудь подобного от калѣби, лишеннаго двухъ пальцевъ, человѣка стараго, отдавагоса размышленіямъ, наукъ и добродѣтелямъ? Что будетъ, если таковой знатный патрицій, какъ Виницій, понесетъ какой-нибудь ущербъ при похищеніи дѣвушки? Конечно, боги должны бдѣть надъ избранными, но развѣ не бываетъ такихъ случаевъ, какъ будто боги играютъ въ мячъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть, что дѣлается на свѣтѣ? У Фортуны, какъ извѣстно, глаза завязаны, — она и днемъ-то не видитъ, а ночью тѣмъ болѣе. А ну, какъ случится что-нибудь, — ну, какъ этотъ лигійскій медвѣдь бросить въ благороднаго Виниція жерновъ, бочку вина или, что еще хуже, бочку воды, — кто поручится, что на бѣднаго Хилона, вмѣсто награды, не свалится отвѣтственность? Онъ, бѣдный мудрецъ, привязался къ благородному Виницію, какъ Аристотель къ Александру Македонскому, и если бы, по крайней мѣрѣ, благородный Виницій отдалъ ему кошелекъ, который засунулъ за поясъ, когда выходилъ изъ дому, то, въ случаѣ несчастья, было бы на что призвать немедленно помощь или привлечь на свою сторону самихъ христіанъ. О, зачѣмъ не хотять слушать совѣтовъ старца, внушаемыхъ разумомъ и опытностью!

Виницій, услышавъ это, вытащилъ изъ - за пояса кошелекъ и бросилъ его Хилону.

— Возьми и молчи.

Грекъ почувствовалъ, что кошелекъ былъ очень тяжелъ, и набрался отваги.

— Вся моя надежда въ томъ, — сказалъ онъ, — что Геркулесъ или Тезей совершали еще болѣе трудные подвиги, а что такое мой личный близкій другъ Кротонъ, если не Геркулесъ? Тебя же, достойный господинъ, я не назову полубогомъ, потому что ты цѣлый богъ, и впредь не забудешь о своемъ убогомъ, но вѣрномъ слугѣ, о которомъ нужно отъ времени до времени заботиться, ибо разъ онъ углубится въ книги, то забываетъ уже совершенно обо всемъ... Какой-нибудь садикъ и домикъ, какое-нибудь убѣжище отъ лѣтнаго зноя были бы достойны такого дарителя. Тѣмъ временемъ старецъ издали будетъ удивляться вашимъ геройскимъ дѣяніямъ, призывать на ваши головы благословеніе Зевса, а въ случаѣ чего надѣлается такого шума, что полъ-Рима проснется и придетъ на помощь... Какая ужасная, неровная дорога! Масло выгорѣло, моему фонарѣ, и если бы Кротонъ, который такъ же благороденъ, какъ и силенъ, захотѣлъ бы взять меня на руки и донести до горскихъ воротъ, то, во-первыхъ, было бы видно, какъ легко онъ можетъ унести дѣвушку, во-вторыхъ, онъ поступилъ бы, какъ Эней

наконецъ, привлечь бы на свою сторону всѣхъ добрыхъ боговъ до такой степени, что могъ бы быть совершенно спокойнымъ за исходъ предпріятія.

— Я предпочелъ бы тащить овцу, издохшую отъ коросты мѣсяцъ тому назадъ, — отвѣтилъ ланиста, — но если ты отдашь мнѣ кошелекъ, который бросилъ тебѣ достойный трибунъ, то я донесу тебя до воротъ.

— Чтобы ты разбилъ себѣ большой палецъ ноги! — сказалъ грекъ. — Такъ-то ты воспользовался ученіемъ того великаго старца, который представилъ нищету и милосердіе, какъ двѣ главнѣйшихъ добродѣтели?... Развѣ онъ ясно не приказалъ тебѣ любить меня? Вижу, никогда я не сдѣлаю изъ тебя самаго плохого христіанина, и легче солнцу проникнуть сквозь стѣны мамертинской темницы, чѣмъ правдѣ сквозь твой гиппопотамій черепъ.

Кротонъ, который обладалъ силой звѣря, за то не имѣлъ никакихъ человѣческихъ чувствъ, сказалъ:

— Не бойся, христіаниномъ я не буду! Я не хочу потерять послѣдній кусокъ хлѣба!

— Да; но если бы ты былъ знакомъ хоть съ начатками философіи, то зналъ бы, что золото, это — одна тщета!

— Приходи ко мнѣ съ философіей, а я только одинъ разъ ударю тебя головою въ брюхо, — увидимъ, кто выиграетъ.

— То же самое могъ бы сказать вольтъ Аристотелю, — отвѣтилъ Хилонъ.

На дворѣ начинало сѣрѣть. Разсвѣтъ окрасилъ блѣдною краской зубцы стѣнъ. Придорожныя деревья, постройки и разбросанные тамъ и здѣсь надгробные памятники начали выдѣляться изъ мрака; теперь дорога не казалась такою пустою, продавцы зелени, въ сопровожденіи ословъ и муловъ, нагруженныхъ овощами, спѣшили попасть къ открытію воротъ, кое-гдѣ скрипѣли телеги съ дичью и мясомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги клубился легкій туманъ, предвѣщавшій хорошую погоду. Люди, окутанные этимъ туманомъ, казались какими-то духами. Виницій не спускалъ глазъ со стройной фигуры Лигіи, которая по мѣрѣ того, какъ разсвѣтъ разгорался, становилась все болѣе и болѣе серебристой.

— Господинъ, — сказалъ Хилонъ, — я оскорбилъ бы тебя, если предвидѣлъ конецъ твоей щедрости, но теперь, когда ты заплакалъ мнѣ, ты не можешь подозрѣвать, чтобъ я говорилъ только для твоей выгоды. И вотъ я еще разъ совѣтую, чтобы ты, узнавъ, въ томъ домѣ живетъ божественная Лигія, возвратился бы къ себѣ чепельниками и носилками и не слушалъ бы этого слоновьяго

хобота, Бротона, который для того только берется похитить дѣвуху, чтобы выжать твою кису, какъ мѣшокъ съ творогомъ.

Виницій не отвѣчалъ ничего. Они подходили уже къ воротамъ и удивительное зрѣлище представало его глазамъ. Когда апостоль проходилъ мимо, двое солдатъ преклонили передъ нимъ колѣни. Онъ съ минуту подержалъ руку на ихъ желѣзныхъ шишакахъ, а потомъ осѣнилъ ихъ знаменіемъ креста. Молодому патрицію до сихъ поръ не приходило въ голову, что и между солдатами могутъ быть христіане, и онъ съ изумленіемъ подумалъ, что какъ въ горящемъ городѣ пожаръ охватываетъ все новые и новые дома, такъ это учение, очевидно, съ каждымъ днемъ охватываетъ новыя души и распространяется шире, чѣмъ это можетъ быть доступно человѣческому пониманію. Это его поразило и по отношенію къ Лигіи; онъ теперь убѣдился, что еслибъ она хотѣла убѣждать изъ города, то нашлись бы стражники, которые облегчили бы ей выходъ изъ города. И онъ благословилъ боговъ, что этого не случилось.

Миновавъ незастроенныя пространства, находящіяся за стѣной, кучки христіанъ начали разсыпаться въ разные стороны. Теперь пужно было идти за Лигіей осторожнѣе, чтобы не обратить на себя вниманія. Хилонъ началъ жаловаться на раны и ломоту въ ногахъ и отставалъ все болѣе и болѣе, чему Виницій не противился, думая, что трусливый и немощный грекъ теперь уже не будетъ ему потребенъ. Онъ даже позволилъ бы ему идти куда угодно, но почтеннаго и предусмотрительнаго старца двигало впередъ любопытство. Онъ все шелъ за Виниціемъ, иногда даже приближался къ нему, повторяя свои прежніе совѣты и дѣлая предположенія, что старикъ, сопровождающій Лигію, можетъ быть Главѣ.

Шли они долго, въ Затибрскую часть города, и солнце было уже близко къ восходу, когда кучка, гдѣ была Лигія, раздѣлилась. Апостоль, старая женщина и мальчикъ направились вдоль по рѣкѣ, противъ теченія, а другой старикъ, Урсъ и Лигія свернули въ узкую улицу и, пройдя съ сотню шаговъ, вошли въ сѣни дома, въ которомъ находились двѣ лавки, — одна масляная, другая птичная. Хилонъ, который также шелъ шагахъ въ пятидесяти отъ Виниція и Бротона, теперь остановился, какъ вкопанный, и, прижавшись къ стѣнѣ, тихонько окликнулъ ихъ, чтобы они возвратились къ нему. Виницій послушался, — нужно было составить совѣтъ.

— Иди, — сказалъ онъ Хилону, — посмотри, не выходитъ этотъ домъ заднею стороною на другую улицу.

Хилонъ, несмотря на свою боль въ ногахъ, пустился бѣжа

такъ быстро, какъ будто у его лодыжекъ были крылышки Меркурія, и возвратился черезъ минуту.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — выходи одинъ.

И онъ умоляюще сложилъ руки.

— Господинъ, заклинаю тебя Зевсомъ, Аполлономъ, Вестой, Цибелой, Изидой и Озирисомъ, Митрой и всѣми богами Востока и Запада, оставь ты свое намѣреніе... Послушай меня...

Онъ вдругъ оборвался, потому что увидалъ, что лицо Виниція поблѣднѣло отъ волненія, а глаза свѣтились, какъ глаза волка. Довольно было посмотрѣть на него, чтобы понять, что ничто въ свѣтѣ не удержитъ его. Бротонъ началъ набирать воздухъ въ свою геркулесовскую грудь и качать своею недоразвитою головой изъ стороны въ сторону, какъ это дѣлаютъ медвѣди, запертые въ клетку. Но вообще на лицѣ его не было видно ни малѣйшаго безпокойства.

— Я войду первый! — сказалъ онъ.

— Ты пойдешь за мной! — повелительнымъ голосомъ отвѣтилъ Виницій.

И черезъ минуту они оба исчезли въ темныхъ сѣняхъ.

Хилонъ добѣжалъ до ближайшаго переулка и началъ выглядывать изъ-за угла, ожидая, что будетъ дальше.

XXII.

Виницій только въ сѣняхъ понялъ трудность своей задачи. Домъ былъ большой, многоэтажный, одинъ изъ тѣхъ, какіе тысячами строились въ Римѣ для сдачи внаймы, и обыкновенно строились такъ поспѣшно и дурно, что не было года, чтобы какой-нибудь изъ нихъ не обрушивался на голову жильцовъ. То были настоящіе ульи, очень высокіе и очень узкіе, полные каморокъ и чулановъ, въ которыхъ во множествѣ гнѣздилися убогій народъ. Въ городѣ, въ которомъ многія улицы не носили названій и дома не имѣли никакихъ номеровъ, владѣльцы поручали собирать квартирную плату невольникамъ, а тѣ, не обязанные сообщать городскимъ властямъ ни о постояльцахъ, часто сами не знали ихъ. Допытаться о комъ-нибудь въ такомъ домѣ иногда бывало неимоверно трудно, въ особенности, когда у воротъ не было привратника.

Виницій черезъ длинныя, похожія на корридоръ, сѣни добрался до узкаго, съ четырехъ сторонъ застроеннаго дворика, играющаго роль общаго для всего дома атрия, съ фонтаномъ, который стоялъ въ каменную чашу, вдѣланную въ землю. По всѣмъ стѣ-

намъ сбѣгали внѣшнія лѣстницы, частью каменные, частью деревянные; онѣ вели на галерею, откуда уже можно было проникнуть въ квартиру. Внизу также жилища; нѣкоторыя изъ нихъ были снабжены деревянными дверями, другія отдѣлялись отъ двора только шерстяными занавѣсками, по большей части истрепанными и заплатанными.

Время стояло раннее и на дворикѣ не было ни одной живой души. Очевидно, въ домѣ спали всѣ, за исключеніемъ возвратившихся изъ Острани.

— Что мы будемъ дѣлать, господинъ? — спросилъ Бротонъ.

— Подождемъ, можетъ быть, кто-нибудь придетъ, — отвѣтилъ Виницій. — Не нужно, чтобы насъ видѣли на дворѣ.

Онъ теперь увидалъ, что совѣтъ Хилона былъ практиченъ. Еслибъ у него въ распоряженіи находилось нѣсколько невольниковъ, то можно было бы загородить ворота, которыя казались единственнымъ выходомъ изъ дома, и обыскать всѣ квартиры, а теперь нужно было сразу напасть на жилище Лигіи, иначе христiane, — а здѣсь ихъ, вѣроятно, жило не мало, — могли бы предостеречь ее. Съ этой стороны небезопасно было и разспрашивать кого-нибудь. Виницій раздумывалъ, не вернуться ли ему за невольниками, какъ изъ-за одной занавѣски вышелъ человѣкъ съ ситомъ въ рукахъ и приблизился къ фонтану.

Молодой человѣкъ съ перваго взгляда узналъ Урса.

— Это лигіецъ! — шепнулъ онъ.

— Мнѣ сейчасъ же переломать ему кости?

— Подожди.

Урсъ не замѣчалъ ихъ, — они стояли въ темныхъ сѣняхъ, — и началъ спокойно перемывать овощи, которыми было наполнено нито. Было видно, что онъ хочетъ готовить завтракъ. Черезъ минуточку онъ окончилъ свое дѣло, взялъ мокрое сито и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ за занавѣской. Бротонъ и Виницій двинулись за нимъ, рассчитывая, что прямо попадутъ въ жилище Лигіи.

Но каково же было ихъ изумленіе, когда они замѣтили, что занавѣска отдѣляла отъ двора не квартиру, а другой темный коридоръ, въ концѣ котораго былъ видѣнъ садикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ кипарисовъ и миртовыхъ кустовъ, и маленькій домикъ прилѣпившійся къ глухой задней стѣнѣ другого дома. Виницій и Бротонъ сразу поняли, что это обстоятельство благоприятно для нихъ. На дворъ могли сбѣжаться всѣ жильцы дома, а это уединенное положеніе домика значительно облегчало похищеніе. Они съсправятся съ защитниками, — вѣрнѣе, съ однимъ Урсомъ, — пот-

съ Лигіей также скоро выберутся на улицу, а тамъ уже съумѣютъ постоять за себя. Вѣроятно же всего, ихъ никто не станетъ задерживать, а еслибъ и задержали, они скажутъ, что дѣло идетъ о бѣжавшей заложницѣ цезаря, въ крайнемъ же случаѣ Виницій откроется вигиламъ и призоветъ ихъ на помощь.

Урсъ почти уже входилъ въ домикъ, когда шумъ шаговъ привлекъ его вниманіе. Онъ остановился и, увидавъ двоихъ людей, поставилъ сито на балюстраду и повернулся къ нимъ.

— Чего вы ищете здѣсь?—спросилъ онъ.

— Тебя!—отвѣтилъ Виницій.

Потомъ, обратившись къ Кротону, онъ тихо и быстро проговорилъ:

— Убей!

Кротонъ ринулся, какъ тигръ, и въ одну минуту, прежде чѣмъ лигіецъ успѣлъ опомниться или распознать врага, схватилъ его въ свои стальные объятія.

Виницій черезъ-чуръ былъ увѣренъ въ его нечеловѣческой силѣ, чтобы ждать конца битвы, и, обойдя ихъ, подскочилъ къ двери домика, толкнувъ ее ногою и очутился въ темноватой комнатѣ, освѣщенной огнемъ, горящимъ въ печкѣ. Отблескъ огня падалъ прямо на лицо Лигіи. Другой человѣкъ, сидящій у очага, былъ тотъ самый старикъ, который сопровождалъ дѣвушку и Урса по пути изъ Остранія. Виницій ввалился неожиданно, и, прежде чѣмъ Лигія могла узнать его, схватилъ ее поперекъ, поднялъ вверхъ и снова бросился къ дверямъ. Старикъ, правда, успѣлъ загородить ему дорогу, но Виницій, прижавъ дѣвушку къ груди одною рукою, другою оттолкнулъ его. Капюшонъ свалился съ его головы и тогда, при видѣ знакомаго и въ настоящую минуту такого страшнаго лица, Лигія почувствовала, что кровь ея стынетъ отъ ужаса, а голосъ замираетъ въ ея груди. Она хотѣла кричать о помощи и не могла, хотѣла было схватиться за притолку двери, но пальцы ея соскользнули съ полированного камня. Она лишилась бы чувствъ, еслибъ не ужасная картина, которая предстала ея глазамъ, когда Виницій вмѣстѣ съ нею выбѣжалъ въ садъ.

Урсъ держалъ въ объятіяхъ какого-то человѣка, совсѣмъ нечуждагося назадъ, съ запрокинутою головою и съ кровавою пѣй на губахъ. Увидавъ ихъ, онъ еще ударилъ рукою по головѣ его человѣка и, какъ разнузданный звѣрь, бросился къ Виницію.

«Смерть!»—подумалъ молодой патрицій.

Какъ сквозь сонъ онъ слышалъ крикъ Лигіи: «Не убивай!»—потъ почувствовалъ, какъ что-то, словно ударъ грома, расплело его

руки, которыми онъ обхватывалъ дѣвушку, наконецъ, земля закружилась подъ его ногами и дневной свѣтъ угасъ въ его глазахъ.

Хилонъ, скрытый стѣною угольного дома, все ждалъ, что будетъ. Любопытство въ немъ боролось со страхомъ. Онъ думалъ, что если похищеніе Лигіи удастся, то ему выгодно будетъ быть около Виниція. Урбана онъ уже не опасался, потому что былъ также увѣренъ, что Бротонъ убьетъ его. За то онъ рассчитывалъ, что если бы на пустыхъ до сихъ поръ улицахъ начала собираться толпа, если бы христіане или какіе бы то ни было люди вздумали ставить Виницію преграды, то онъ, Хилонъ, заговорить съ ними, какъ представитель власти, и, въ крайнемъ случаѣ, призоветъ вигиловъ на помощь молодому патрицію противъ уличной голытьбы и тѣмъ обезпечить себѣ его новыя милости. Въ глубинѣ души онъ считалъ поступокъ Виниція безразсуднымъ, но, рассчитывая на страшную силу Бротона, допускалъ, что дѣло можетъ удался. Еслибъ имъ пришлось плохо, самъ трибунъ будетъ нести дѣвушку, а Бротонъ очиститъ ему дорогу. Но время казалось ему черезъ-чуръ долгимъ; его беспокоила тишина сѣней, на которыя онъ посматривалъ издалека.

«Если они не нападутъ на ея нору, а только надѣлаютъ шума, то лишь спугнуть ее съ мѣста».

Эта мысль, однако, не была ему непріятна. Онъ понималъ, что въ такомъ случаѣ снова будетъ нуженъ Виницію и снова ссумѣетъ выжать изъ него приличное количество сестерцій.

«Что бы они ни сдѣлали, все для меня сдѣлаютъ, хотя ни одинъ и не догадывается о томъ... Боги, боги, дозвоьте мнѣ только...»

Хилонъ вдругъ оборвался. Ему показалось, что что-то показало изъ сѣней, и, прижавшись къ стѣнѣ, онъ началъ смотрѣть, задерживая дыханіе въ груди. Онъ не ошибался. Изъ сѣней на половину высунулась какая-то голова и начала осматриваться во кругъ.

Черезъ минуту она, однако, исчезла.

«Это Виницій или Бротонъ, — подумалъ Хилонъ. — Но если они похитили дѣвушку, то почему они не кричатъ и зачѣмъ они выглядываютъ на улицу? Съ людьми они и такъ встрѣтятся прежде чѣмъ дойдутъ до Каринъ, на улицахъ проснется движеніе. Что это? Безсмертные боги!...»

И вдругъ остатки волосъ встали дыбомъ на его головѣ.

Въ дверяхъ показался Урсъ съ перевѣсившимся черезъ

плечо тѣломъ Кротона, и, оглядѣвшись еще разъ, пустился бѣжать вдоль пустой улицы къ рѣкѣ. Хилонъ прильнулъ къ стѣнѣ и сдѣлался такимъ же тонкимъ, какъ платье шубатури.

«Пропалъ я, если онъ увидитъ меня!»—подумалъ онъ.

Но Урсъ шибко пробѣжалъ мимо угольного дома и исчезъ за слѣдующимъ, а Хилонъ, не ожидая дальше, пустился бѣжать вдоль переулка, стуча зубами отъ страха, съ быстротой, которая была бы удивительна и для молодого человѣка.

«Если, возвращаясь назадъ, онъ увидитъ меня издалека, то догонитъ и убьетъ. Спаси меня, Зевсъ, спаси, Аполлонъ, спаси, Гермесъ, спаси, христіанскій Богъ! Я оставляю Римъ, возвращусь въ Мезембрію, только вырвите меня отъ рукъ этого демона!»

И лигіецъ, который убилъ Кротона, въ эту минуту дѣйствительно представлялся ему какимъ-то нечеловѣческимъ существомъ. На бѣгу Хилонъ думалъ, что это, можетъ быть, какой-нибудь богъ, который принялъ образъ варвара. Въ эту минуту онъ вѣрилъ въ боговъ всего міра, во всѣ мнѣи, надъ которыми смѣялся въ обыкновенное время. Иногда у него въ головѣ мелькало, что Кротона могъ убить Богъ христіанъ, и волосы снова вставали дыбомъ на его головѣ при мысли, что онъ вступилъ во вражду съ такимъ могуществомъ.

Только пробѣжавъ нѣсколько переулковъ и замѣтивъ какихъ-то рабочихъ, идущихъ ему на встрѣчу, онъ немного успокоился. Ему уже не хватало дыханія, и, усѣвшись на порогѣ дома, онъ началъ отирать плащомъ лобъ, покрытый потомъ.

«Старъ я, мнѣ необходимо спокойствіе»,—сказалъ онъ себѣ.

Рабочіе свернули въ какой-то боковой переулокъ и Хилонъ снова охватила пустота. Городъ еще спалъ. По утрамъ движеніе начиналось раньше собственно въ болѣе богатыхъ кварталахъ, гдѣ невольники знатныхъ домовъ должны были вставать до разсвѣта, тамъ же, гдѣ жило населеніе свободное, живущее на счетъ патриціевъ, значить, тунеядствующее, просыпались поздно, въ особенности зимою. Хилонъ, просидѣвъ немного на порогѣ, почувствовалъ пронзительный холодъ, всталъ и, убѣдившись, что не потерялъ кошелекъ, полученнаго отъ Виниція, уже болѣе медленнымъ шагомъ направился къ рѣкѣ.

«Можетъ быть, я увижу гдѣ-нибудь тѣло Кротона,—говорилъ онъ самому себѣ.—Боги! Этотъ лигіецъ, если онъ человѣкъ, могъ въ теченіе одного года заработать милліоны сестерцій, потому что если онъ удушилъ Кротона, какъ щенка, то кто же можетъ ему противляться? За каждый выходъ на арену ему дали бы столько

золота, сколько онъ самъ вѣситъ. Онъ эту дѣвушку стережетъ лучше, чѣмъ церберъ стережетъ адъ. Но да поглотить его тотъ же самый адъ! Не хочу я имѣть съ нимъ никакого дѣла! Черезъ-чуръ ужъ онъ костистъ. А что же, однако, дѣлать? Случилось нѣчто страшное. Если онъ Кротону поломалъ кости, то, вѣроятно, и душа Виниція стонетъ подъ этимъ проклятымъ домомъ въ ожиданіи погребенія. Блянусь Касторомъ! Вѣдь, это патрицій, другъ цезаря, родственникъ Петронія, знатный человѣкъ, извѣстный всему Риму, и военный трибунъ. Его смерть не пройдетъ имъ задаромъ... А еслибъ я, напримѣръ, отправился въ преторіанскія казармы или къ вигиламъ?»

Хилонъ замолчалъ, подумалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

«Горе мнѣ! Кто ввелъ его въ этотъ домъ, если не я?... Его отпущенники и невольники знаютъ, что я приходилъ къ нему, нѣкоторые знаютъ даже, для какой цѣли. Чтѣ будетъ, если меня заподозрять, что я нарочно указалъ ему домъ, въ которомъ онъ нашелъ смерть? Хотя бы потомъ, въ судѣ, оказалось, что я не желалъ этого, все-таки, скажутъ, что я всему причиной. А, вѣдь, это патрицій, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ это не сойдетъ безнаказанно. Но еслибъ я тайно оставилъ Римъ и переселился бы куда-нибудь далеко, то навлекъ бы на себя еще большее подозрѣніе».

И такъ, и сякъ дурно. Нужно выбирать меньшее зло. Римъ былъ гигантскимъ городомъ, но Хилонъ почувствовалъ, что и въ немъ можетъ быть тѣсно. Всякій другой могъ бы прямо пойти къ префекту вигиловъ, рассказать, чтѣ случилось, и, хотя на него пало бы какое-нибудь подозрѣніе, спокойно ждать слѣдствія. Но все прошлое Хилона было такого рода, что всякое болѣе близкое знакомство съ префектомъ ли города, съ префектомъ ли вигиловъ могло бы навязать ему значительныя хлопоты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать основанія для всѣхъ подозрѣній, какія могли бы придти въ голову чиновниковъ.

Съ другой стороны, убѣжать — это только утвердить Петронія во мнѣніи, что Виницій преданъ и сдѣлался жертвой преднамеченнаго убійства. А Петроній былъ человѣкъ сильный, къ услугамъ котораго была полиція всего государства и который, несомнѣнно, постарался бы отыскать виновныхъ хотя бы на краю свѣта. И вдругъ Хилону пришло въ голову, не отправиться ли къ нему и не сообщить ли, чтѣ случилось? Да, это былъ самый лучший исходъ. Петроній былъ человѣкъ спокойный и Хилонъ могъ быть увѣренъ, хотя бы въ томъ, что его выслушаютъ до конца. Петроній, который зналъ дѣло съ самаго начала, легче повѣрилъ бы невинности Х

лона, чѣмъ префекты. Однако, чтобъ отправиться къ нему, сначала нужно было узнать, навѣрное, что случилось съ Виниціемъ, а Хилонъ не зналъ объ этомъ. Правда, онъ видѣлъ, какъ лигіецъ крадется къ рѣбѣ съ тѣломъ Кротона, но ничего больше. Виницій могъ быть убитъ, но могъ быть раненъ или задержанъ силой. И только теперь Хилонъ сообразилъ, что христіане, навѣрное, не осмѣлились бы убить такого вліятельнаго человѣка, августіана и важнаго военнаго начальника, потому что такой поступокъ могъ бы навлечь на нихъ всеобщее гоненіе. Правдоподобіе всего было то, что его задержали насильно, чтобы дать Лигіи возможность укрыться въ другомъ мѣстѣ. Эта мысль сильно ободрила Хилона.

«Если этотъ лигійскій вампиръ не растерзалъ его въ первую минуту бѣшенства, тогда онъ живъ, а если живъ, тогда самъ дастъ показаніе, что я не измѣнялъ ему, въ такомъ случаѣ мнѣ не только ничего не грозитъ, но (о, Гермесъ, рассчитывай снова на своихъ телищъ!) передо мною открываются новыя поприща... Я могу дать знать одному изъ отпущенниковъ Виниція, гдѣ онъ можетъ найти господина, а пойдетъ ли онъ къ префекту или нѣтъ, — это его дѣло, только бы мнѣ самому не ходить. Я могу точно также отправиться къ Петронію и рассчитывать на награду... Искалъ Лигію, теперь буду искать Виниція, а потомъ опять Лигію... Нужно, однако, теперь знать, живъ ли онъ или убитъ».

Онъ подумалъ было ночью отправиться къ пекарю Демасу спросить объ Урсѣ, но тотчасъ же отвергъ эту мысль. Онъ предпочиталъ вовсе не имѣть дѣла съ Демасомъ. Онъ справедливо предполагалъ, что если Урсъ не убилъ Главка, то, очевидно, ему объяснилъ кто-нибудь изъ старшихъ христіанъ, что дѣло это дурное и что его склонялъ къ этому какой-нибудь измѣнникъ. Наконецъ, при одномъ воспоминаніи объ Урсѣ Хилона пробирала дрожь. Кромѣ того, онъ можетъ вечеромъ послать Эвриція разузнать, что случилось съ Виниціемъ. А теперь Хилонъ чувствовалъ потребность подвѣрнуть силы, выкупаться и отдохнуть. Безсонная ночь, длинная дорога и путешествіе въ Затибрскую часть города дѣйствительно чрезвычайно утомили его.

дно утѣшало его все время, — при немъ было два кошелька: тотъ, который Виницій далъ ему дома, и тотъ, который бросилъ на обратномъ пути съ кладбища. Принимая въ соображеніе эту счастлиую случайность, а также и всѣ испытанныя имъ волненія, Хилонъ рѣшилъ поѣсть хорошенько и выпить лучшаго вина, чѣмъ онъ ни когда обыкновенно.

Когда, наконецъ, наступило время открытія харчевень, онъ

осуществилъ свое намѣреніе въ такой степени, что забылъ о банѣ. Ему, прежде всего, хотѣлось спать и сонливость лишила его силъ до такой степени, что онъ пришелъ невѣрнымъ шагомъ въ свое жилище на Субуррѣ, гдѣ его ждала невольница, купленная на деньги Виниція.

Войдя въ кубикулъ, темный, какъ лисья нора, онъ свалился на постель и заснулъ въ одну минуту.

Пробудился онъ только вечеромъ или, вѣрнѣе, разбудила его невольница. Кто-то ищетъ его и хочетъ видѣться съ нимъ по важному дѣлу. Бдительный Хилонъ очнулся въ одну минуту, наскоро набросилъ на себя плащъ съ капюшономъ и, приказавъ невольницѣ отодвинуться въ сторону, осторожно выглянулъ изъ комнаты.

Взглянулъ и обмеръ. Въ дверяхъ кабукула видѣлась гигантская фигура Урса.

Хилонъ почувствовалъ, что ноги и голова его становятся холодны, какъ ледъ, сердце перестаетъ биться въ груди, по спинѣ ходятъ мурашки. Съ минуту онъ ничего не могъ сказать, затѣмъ, щелкая зубами, проговорилъ или, вѣрнѣе, простоналъ:

— Сира!... Меня нѣтъ дома... я не знаю... этого... добраго человѣка.

— Я сказала ему, что ты дома, господинъ, и что ты спишь, — отвѣтила дѣвушка, — а онъ потребовалъ, чтобы я разбудила тебя.

— О, боги!... Я прикажу тебя...

Но Урсъ, разсерженный замедленіемъ, приблизился къ двери кубикула и, наклонившись, просунулъ голову внутрь комнаты.

— Хилонъ Хилонидъ! — сказалъ онъ.

— Рах тесим¹⁾! рах, рах! — отвѣтилъ Хилонъ. — О наилучшій изъ христіанъ! Да, я — Хилонъ, но это ошибка... Я не знаю тебя!

— Хилонъ Хилонидъ, — повторилъ Урсъ, — твой господинъ, Виницій, приказываетъ тебѣ, чтобы ты отправился къ нему вмѣстѣ со мной.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Миръ съ тобою!

Цезарь Ломброзо, какъ ученый и мыслитель.

I.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ одного изъ наиболѣе крупныхъ и интересныхъ произведеній Ц. Ломброзо *Il delitto politico e le rivoluzioni*, — книги, съ содержаніемъ и характеромъ которой русская публика, насколько намъ извѣстно, незнакома еще и до сихъ поръ и о которой намъ придется, между прочимъ, поговорить въ настоящей статьѣ, — намъ случилось прочитатъ въ одномъ итальянскомъ научномъ журналѣ (*Rivista di filosofia scientifica* 1891 г., май) очень характерную, въ разныхъ смыслахъ, критическую статейку о названномъ сочиненіи. Авторъ этой статейки или, точнѣе, восторженнаго дифирамба въ честь Ломброзо, Филиппо Виражилио, въ первыхъ же строкахъ заявляетъ, что онъ «съ гордостью итальянца» приступаетъ къ ознакомленію читателей съ ученымъ трудомъ своего знаменитаго соотечественника, котораго онъ, не обинуясь, называетъ «геніальнымъ мыслителемъ» (*pensatore di genio*). По его словамъ, трудъ этотъ, «глубоко продуманный и смѣло выполненный, дѣлаетъ величайшую честь итальянской наукѣ». Въ трудѣ этомъ авторъ (Ломброзо) «анализируетъ проблему о политическомъ преступленіи и революціяхъ во всей ея широтѣ и возводитъ новое зданіе, отдѣльныя части котораго могутъ показаться критикамъ-педантамъ безсвязными и негармонизирующими между собою, но общая конструкция котораго поражаетъ удивленіемъ каждаго мыслящаго человѣка, каждаго безпристрастнаго ученаго...» Далѣе, цѣлыми страницами, идутъ выраженія благоговѣйнаго колѣнопреклоненія критика передъ «геніальнымъ мыслителемъ» и восторженные славословія по адресу этого послѣдняго: все, все въ новомъ ломбровозовскомъ созданіи или «сочиненіи» солидно, величаво, глубокомысленно, гармонично, прекрасно, великолепно... Очевидно, критикъ совсѣмъ не принадлежитъ къ числу «педантовъ».

Такъ, Ломброзо — *pensatore di genio*. Кто читалъ болѣе раннія произведенія этого ученаго автора, тотъ, еще до появленія на свѣтъ *Il delitto politico*, имѣлъ полную возможность убѣдиться въ томъ, что все это извѣстный своими смѣлыми и оригинальными взглядами и теоріями

туринскій профессоръ психіатріи и судебной медицины, дѣйствительно, очень «геніаленъ»; послѣ же ознакомленія съ *Delitto politico* убѣжденіе это у каждаго читателя должно было, конечно, только окрѣпнуть. А кто не имѣлъ случая проштудировать ни *Homo delinquente*, ни *Sull' incremento del delitto in Italia*, ни *Genio e folia*, ни *Homo di genio*, ни *Delitto politico*, тому стоитъ только просмотрѣть извѣстную намъ по нѣмецкому изданію небольшую, но очень интересную, въ разныхъ отношеніяхъ, книжку Ломброзо объ антисемитизмѣ *), чтобы тотчасъ же придти къ тому неотразимому заключенію, что написать такую книжку могъ только «геній». Такъ какъ въ нижеслѣдующемъ изложеніи намъ едва ли придется возвращаться къ этому новому продукту ломбровознаго творчества, а, между тѣмъ, едва ли многимъ изъ нашихъ читателей онъ, этотъ продуктъ, попадетъ подъ руку, въ подлинникѣ или переводѣ, то мы теперь же и сдѣлаемъ здѣсь по поводу его нѣсколько замѣчаній, съ цѣлью наглядно показать, въ какой высокой степени профессору Ломброзо присуща характерная для генія способность улавливать и устанавливать отношенія зависимости между такими вещами и явленіями, сближать которыя не придетъ никогда и въ голову простымъ смертнымъ. Ради краткости, мы ограничимся указаніемъ только на слѣдующее обстоятельство. Изъ сообщенія одного румынскаго врача Ломброзо узналъ тотъ ошеломляющій своею неожиданностью «фактъ», что всѣ наиболѣе фанатичные антисемиты въ Румыніи или страдаютъ, или страдали раньше... сифилисомъ, и что стоитъ только даже самымъ кроткимъ, добродушнымъ и доброжелательнымъ людямъ заразиться этою болѣзнью, какъ у нихъ тотчасъ же развивается *furor anticemiticus*, хотя бы они вовсе и не приходили ни въ какое соприкосновеніе съ евреями. Думается намъ, что всякій обыкновенный смертный, выслушавъ такое поразительное сообщеніе, по меньшей мѣрѣ, придетъ въ сильнѣйшее недоумѣніе, растерянно разведетъ руками и кончитъ тѣмъ, что рѣшительно усомнится въ достовѣрности упомянутаго «факта», если только этотъ послѣдній не будетъ доказанъ строго-научнымъ образомъ. И поступить онъ такъ потому, что, въ качествѣ обыкновеннаго смертнаго, онъ не способенъ проникать умственнымъ взоромъ въ глубь вещей и отношеній между вещами. Что касается Ломброзо, то онъ, въ качествѣ «генія», прекрасно понимаетъ, что такой фактъ вполне возможенъ и какъ нельзя болѣе вѣроятенъ, а потому и вѣрить въ него, не требуя никакихъ доказательствъ,—вѣрить тѣмъ болѣе, что ему хорошо извѣстны кое-какіе другіе факты въ томъ же родѣ. Такъ, наприм., онъ, благодаря своимъ изслѣдованіямъ, знаетъ, что крайности политическихъ партій въ Италіи стоятъ въ несомнѣнной зависимости отъ алкоголизма и отъ заболѣваній... маляріею. А разъ это такъ, то почему бы точно такъ же не дѣйствовать и сифилису, который, какъ извѣстно, подобно алкоголю и малярійному яду, сильно разстраиваетъ нервно-мозговую систему и спос б-

*) C. Lombroso: „Der Antisemitismus und die Juden im Lichte der modernen Wissenschaft“ (Leipzig, 1894).

ствуетъ ея заболѣванію? Почему бы ему и не обусловливать того спеціальнаго психическаго разстройства, которое выражается антисемитизмомъ? Какъ бы тамъ ни было, Ломброзо полагаетъ, что интересующее насъ утверждение (*Feststellung*) румынскаго врача является очень цѣннымъ и заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія и тщательнѣйшаго обсужденія (*Antisemitismus*, стр. 17—20). Въ названной книжкѣ есть не мало и другихъ, тоже весьма глубокомысленныхъ, поучительныхъ и наводящихъ на размышленіе обобщеній и положеній, но мы теперь говорить о нихъ не будемъ, полагая, что и сказаннаго выше вполне достаточно для категорическаго признанія за Ломброзо права на званіе «гениальнаго мыслителя». Правда, не Ломброзо первый объяснилъ и освѣтилъ антисемитизмъ съ сифилитической точки зрѣнія,—идею этого объясненія онъ заимствовалъ у другого «философа». Но безъ него она, эта блестящая идея, не обратила бы на себя ничьего вниманія и обречена была бы на неизвѣстность; онъ же, Ломброзо, извлекъ ее на свѣтъ Божій, развилъ, обосновалъ теоретически, подкрѣпилъ авторитетомъ своего громкаго имени и пустилъ въ обращеніе за своею подписью, а потому съ полнымъ основаніемъ и можетъ считаться ея «отцомъ»... А чтобы породить или даже только выѣстить въ себѣ такую большую идею, не только проливающую яркій свѣтъ на сущность антисемитизма, но еще и дающую намъ весьма недвусмысленный намекъ на рациональный методъ борьбы съ этимъ крупнымъ общественнымъ недугомъ (ртутные препараты и іодистый калий), для этого непремѣнно надо быть «гениемъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, думаемъ мы, да, по всей вѣроятности, совершенно такъ же думаютъ и читатели наши.

Ломброзо не только «гениальный» мыслитель, но и крайне отзывчивый ученый, и чрезвычайно плодотворный писатель. Едва ли какой-нибудь другой изъ современныхъ представителей науки съ большимъ, чѣмъ онъ, правомъ можетъ сказать про себя: «ничто человѣческое мнѣ не чуждо». Онъ съ увлеченіемъ отзывается чуть не на каждую «злобу дня», и немного можно указать такихъ вопросовъ, дебатированіе которыхъ въ печати обходилось бы безъ его внимательства. Не ограничиваясь преподаваніемъ въ Туринскомъ университетѣ, не удовлетворяясь редактированіемъ научнаго журнала (*Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*), не довольствуясь выпускомъ, одного за другимъ, цѣлаго ряда большихъ трудовъ (*Преступный человекъ, Гениальный человекъ, Политическое преступленіе, Преступная женщина*) и множества статей въ отвѣтъ противникамъ и въ защиту отстаиваемыхъ имъ криминально-антропологическихъ теорій и взглядовъ, Ломброзо находитъ еще время, силы и охоту писать статьи на самыя разнообразныя темы для итальянскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ. И о чемъ, о чемъ только онъ ни писалъ и ни писалъ. Зайдеть, напримѣръ, въ европейской печати рѣчь о современныхъ литературныхъ вѣяніяхъ,—онъ тотчасъ же хватается за перо и набрасываетъ статью о состояніи литературы. Выйдетъ какой-нибудь трудъ о женской преступности,—онъ спѣшитъ высказать и свое мнѣніе о свойствахъ женской

натуры. Заикнется кто-нибудь гдѣ-нибудь о «любви», о «лживости» и пр., — Ломброзо ужь тутъ, какъ тутъ, и обязательно дѣлится съ читающею публикой плодами своихъ размышленій и изслѣдованій по этимъ вопросамъ. Обращаетъ на себя всеобщее вниманіе гипнотизмъ, — авторъ *Преступнаго челоѣка* сейчасъ же погружается въ изученіе гипнотическихъ явленій и, пока другіе ученые (фізіологи, психологи, медики) думаютъ да гадаютъ, онъ, смотришь, уже рѣшилъ вопросъ о гипнотизмѣ и даже цѣлыя книжки успѣлъ по этому случаю напечатать (*Lombroso: «Studi sull'ipnotismo»; Lombroso e Ottolenghi: «Nuovi studi sull'ipnotismo e la credulità»*). Заставляетъ говорить о себѣ какой-нибудь «чтецъ мыслей», выдвигается по этому поводу вопросъ о прямой, непосредственной передачѣ мысли отъ одного субъекта другому, — «отецъ новой криминально-антропологической школы» (какъ иногда называютъ нашего мыслителя) уже подвергается экспериментальному изслѣдованію какого-нибудь, подвернувшася ему подъ-руку, «чтеца», собираетъ повсюду «факты» и рассказы о психическомъ вліяніи на разстояніи, убѣждается при всемъ этомъ въ истинности этихъ рассказовъ, въ подлинности этихъ «фактовъ», въ реальности явленій «передачи мысли» и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, торопится просвѣтить на этотъ счетъ публику опять-таки цѣлою книжкой (*Inchiesta sulla trasmissione del pensiero*, 1891). Много шума дѣлаетъ проживающая въ Неаполѣ женщина-медіумъ, нѣкая Эизапіа, о которой въ спиритическихъ кругахъ рассказываютъ настоящія чудеса и которой патронировалъ, между прочимъ, и нашъ извѣстный русскій спиритъ Аксаковъ. Ломброзо устремляется въ Неаполь, принимаетъ, вмѣстѣ съ другими учеными изслѣдователями (Тамбурины, Біанки, Ф. Вирджиліо и др.), участіе въ спиритическихъ сеансахъ, на которыхъ священнодѣйствуетъ Эизапіа, констатируетъ на одномъ изъ этихъ сеансовъ (въ темнотѣ), какъ его и другихъ треплетъ за бороду и усы, щиплетъ и поглаживаетъ какая-то маленькая ручка, слышитъ таинственные постукиванія въ столъ и звонъ летающаго по воздуху колокольчика, а въ другой разъ (среди бѣлаго дня) съ изумленіемъ видитъ, какъ на него, Ломброзо, самъ собою идетъ, грузно переваливаясь, «точно большое толстокожее животное», массивный шкафъ», — съ несомнѣнностью» убѣждается, благодаря всему этому, въ реальности спиритическихъ явленій, къ которымъ до этого относился съ безусловнымъ отрицаніемъ и за вѣру въ которыя онъ, по его собственному признанію, «почти оскорблялъ спиритовъ», — спѣшитъ домой, въ Туринъ, дорогою создаетъ полную, всеобъясняющую теорію спиритизма, излагаетъ ее, по приѣздѣ домой, въ статьѣ *Les faits spiritiques et leur explication psychiatrique* и шлетъ въ парижскій журналъ *Revue de l'hyponotisme et de la psychologie physiologique*, а страницахъ котораго (1892, № 10) названная статья и появляется въ многозначительной оговоркой редакціи, что за взгляды автора она на сѣбя ни малѣйшей отвѣтственности не принимаетъ). Даютъ о себѣ знать, свѣдѣно *propagande par le fait*, анархисты, — Ломброзо уже трудится надъ во-сомъ объ анархизмѣ, собираетъ повсюду біографическія и всякія

данныя о дѣятеляхъ анархіи, очень просто объясняютъ анархизмъ и о своихъ взглядахъ по этому предмету оповѣщаетъ публику въ статьѣ *L'Anarchie et ses héros*, написанной специально для французскаго журнала *Revue des Revues* (1894, № 4). Въ печати и обществѣ очень много говорятъ теперь, по разнымъ поводамъ, о социальномъ вопросѣ, о социалистахъ и проч.,—Ломброзо чувствуетъ живую потребность высказываться публично и на эти темы, причемъ считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики, что и самъ онъ «социалистъ».

По всѣмъ, только что приведеннымъ нами, бѣглымъ указаніямъ читатель можетъ судить, до какой степени велика многосторонность интересующаго насъ ученаго мыслителя и какъ обширна сфера его компетенціи,—сфера, которой, по всѣмъ видимостямъ, предстоитъ въ ближайшемъ даже будущемъ еще болѣе расшириться. Въ самомъ дѣлѣ, есть нѣкоторое основаніе надѣяться на то, что родной или пріемный отецъ идеи о сифилитическомъ происхожденіи антисемитизма, съ присущимъ ему увлеченіемъ, вплотную займется криминальною... бактеріологіей и, въ концѣ-концовъ, украситъ бульвары науки еще однимъ величавымъ, монументальнымъ «зданіемъ». Основаніемъ для этой нашей надежды служить слѣдующее обстоятельство. Недавно миланская *Secolo* сообщала міру, что какой-то, къ стыду нашему, невѣдомый намъ пизанскій профессоръ Франческо Магри, въ сотрудничествѣ съ проф. Ривольта, открылъ въ мозгу убійцы «микроба челоукоубійства» и что проф. Ломброзо, узнавъ объ этомъ открытіи, поспѣшилъ послать Магри самое восторженное поздравленіе. Въ виду крайней живости ума Ломброзо, можно смѣло предположить, что этотъ послѣдній не ограничится однимъ только поздравленіемъ, а возьметъ названнаго «микроба» подъ свое покровительство и сдѣлаетъ его предметомъ specialнаго ученаго изслѣдованія, результаты котораго и поспѣшитъ изложить въ особой книжкѣ.

И такъ, Ломброзо обладаетъ не только «геніальнымъ», но и всеобъемлющимъ умомъ. Онъ замѣчательно легко, быстро и—что особенно цѣнно—чрезвычайно оригинально разъясняетъ и разрѣшаетъ самыя разнобразныя, самыя сложныя и запутанныя проблемы. Правда, благодаря постоянно проявляемой имъ слишкомъ большой смѣлости, оригинальности и быстротѣ натиска при рѣшеніи научныхъ вопросовъ и задачъ, въ ученыхъ сферахъ на Западѣ за нимъ довольно прочно установилась репутація изряднотакти легкомысленнаго служителя науки. Но среди большой публики онъ пользуется тамъ большою популярностью и престижемъ: о каждомъ новомъ изъ его много говорятъ, къ мнѣніямъ его прислушиваются, его цитируютъ, на него ссылаются, редакціи общихъ журналовъ и газетъ обращаются къ нему съ просьбами высказаться то по тому, то по другому вопросу, его интервьюируютъ, упоминая о немъ, его называютъ не иначе, какъ «знаменитымъ», «авторитетнымъ» ученымъ. Вообще, это — модный челоукъ науки, заставляющій о себѣ говорить, производящій въ публикѣ впечатленіе, вызывающій эффектъ своими смѣлыми парадоксами. Въ Россіи

учениковъ, послѣдователей и поклонниковъ автору *Преступнаго человека* имѣть очень немного (хотя самъ этотъ авторъ и убѣжденъ въ противномъ), но, тѣмъ не менѣе, имя его довольно популярно и у насъ. За послѣдніе годы въ разныхъ органахъ нашей прессы напечатано было не мало статей и замѣтокъ, знакомившихъ русскую читающую публику съ кое-какими теоріями и взглядами туринскаго мыслителя, причемъ въ этихъ статьяхъ и замѣткахъ рѣчь шла, главнѣйшимъ образомъ, о ломбровскомъ «преступномъ типѣ», а отчасти также и объ его психіатрической теоріи гениальности. Но общей характеристики и оцѣнки идейнаго творчества Ломброзо, насколько мы знаемъ, въ печати нашей не было сдѣлано до сихъ поръ. Въ виду того, что о Ломброзо упоминаютъ, по разнымъ поводамъ, очень часто, въ виду того, что онъ—ученый «знаменитый», мыслитель «гениальный», мы и считаемъ небезполезнымъ заняться такою оцѣнкой, тѣмъ болѣе, что вопросы, затрогиваемые и трактуемые имъ въ его сочиненіяхъ, и сами по себѣ представляютъ очень большой, теоретическій и практический интересъ. Взяться за эту работу насъ побудило, между прочимъ, также и желаніе ознакомить нашихъ читателей съ такими продуктами ломбровскаго творчества, сообщеній о которыхъ въ нашей печати, если не ошибаемся, не появлялось. Между тѣмъ, въ числѣ такихъ продуктовъ есть весьма любопытные.

II.

Съ цѣлью нагляднаго выясненія того, что такое представляетъ собою Ломброзо, какъ ученый, какъ мыслитель, приглашаемъ читателя присмотрѣться вмѣстѣ съ нами къ приемамъ и методу ломбровскаго творчества. Какъ Ломброзо вырабатываетъ свои идеи, какъ строитъ свои смѣлыя теоріи, какъ пишетъ свои увѣсистыя, чрезвычайно «ученыя» и импозантныя, на первый взглядъ, книги?

Прежде чѣмъ приступать къ созданію ученаго или какого бы то ни было другого произведенія, авторъ долженъ, конечно, ясно и отчетливо опредѣлять для себя, о чемъ именно онъ будетъ трактовать въ своемъ трудѣ,—другими словами, долженъ имѣть въ головѣ основную идею этого труда. Каждый разъ, когда Ломброзо берется за перо, онъ тоже имѣетъ извѣстную идею. Спрашивается теперь, какъ же эта идея у него зарождается и что обыкновенно собою представляетъ?

Всѣ наши общія, философскія идеи, всѣ гипотезы, всѣ теоріи зарождаются и складываются у насъ подъ вліяніемъ наблюденій и констатированій фактовъ и явленій въ окружающей насъ средѣ. Вижу я, наприм., и узнаю про него, что вся жизнь его прошла въ крайней нуждѣ и нищенствѣ, что онъ—жалкій бѣднякъ. Констатирую я затѣмъ совпаденіе факта воровства съ фактомъ нищеты другой разъ, третій, десятый, сотый вотъ, въ головѣ у меня, въ результатъ обобщенія единичныхъ фактовъ является идея о причинной, логической связи между нищетою и воровствомъ.

Идея эта играетъ для меня роль болѣе или менѣе вѣроятной гипотезы, которую я имѣю полное право принять за исходную точку ученаго изслѣдованія, съ цѣлью *проѣрки* ея на новыхъ, болѣе многочисленныхъ фактахъ. Но если я обладаю слишкомъ живымъ, впечатлительнымъ, игривымъ и смѣлымъ умомъ, то могу строить гипотезы и даже создавать цѣлыя широкообъемлющія теоріи и по болѣе простому, легкому и быстрому способу. Захожу я, наприм., въ судъ. Судятъ казнокрада. Вглядываюсь я въ обвиняемаго и констатирую у него присутствіе на носу бородавки (да проститъ намъ читатель этотъ пригѣръ à la Ломброзо!). Фактъ казнокрадства—съ одной стороны; фактъ наличности бородавки на носу у казнокрада—съ другой. Для меня этого достаточно, я спѣшу построить гипотезу, даже «теорію»: «у казнокрадовъ растутъ на носу бородавки» или, еще рѣшительнѣе, «у кого на носу бородавки, тотъ казнокрадъ». Въ писаніяхъ Ломброзо можно найти безчисленное множество доказательствъ того, что ученый этотъ, отличающійся необыкновенною скоропалительностью въ сферѣ мысли, какъ разъ именно по этому-то вотъ второму, упрощенному донельзя, способу и фабрикуетъ свои смѣлыя идеи и широкія обобщенія, о которыхъ онъ обыкновенно безотлагательно и спѣшить громогласно повѣдать *urbi et orbi*. Если бы Ломброзо хоть сколько-нибудь толково оперировалъ даже и съ такими преждевременно-рожденными «обобщеніями», еслибъ онъ къ этимъ «обобщеніямъ» приставлялъ знакъ вопроса и затѣмъ тщательно и безпристрастно провѣрялъ ихъ фактами, въ такомъ случаѣ все обстояло бы болѣе или менѣе благополучно, и мы не были бы свидѣтелями его преступныхъ покушеній ни на здравый смыслъ, ни на логику: въ 999 случаяхъ изъ тысячи «обобщенія» эти оказывались бы вздорными, изслѣдователь, возясь съ ними, терялъ бы только бесполезно трудъ и время, и никакихъ «солидныхъ» и «ученыхъ» трактатовъ, за подписью туринскаго антрополога-криминалиста, не появлялось бы на свѣтъ Божій. Къ сожалѣнію, однако же, Ломброзо ведетъ себя иначе: каждую свою внезапно и игриво выпрыгнувшую у него изъ головы идею онъ принимаетъ не за болѣе или менѣе рискованную гипотезу, требующую основательной проѣрки, а за чистую истину, нуждающуюся только въ обоснованіи и подтвержденіи фактами. И онъ, дѣйствительно, только то и дѣло дѣлаетъ, что сначала изобрѣтаетъ смѣлыя идеи, а потомъ ихъ «обосновываетъ» и «подтверждаетъ». Въ результатъ—объемистыя, увѣсистыя книги, фунта по три въ каждой. Въ справедливости всего вышесказаннаго нами читатель, надѣемся, вполне убѣдится изъ нижеслѣдующаго изложенія. Теперь же мы, по крайней мѣрѣ, скажемъ только слова два о томъ, какъ, наприм., зародилась и выросла на свѣтъ Божій послѣдняя ломбровозская книга: *Il delitto politico*. Въ началѣ 80-хъ годовъ всеобщее вниманіе въ Римѣ привлекалъ къ себѣ народный агитаторъ, проповѣдникъ соціального обновленія, Франческо Беккариелли. Заинтересовался этимъ человѣкомъ, между прочимъ, и Ломброзо, который и не замедлилъ усмотрѣть въ немъ «маттонда», субъекта психически поврежденнаго. Вѣрно ли въ данномъ случаѣ поставленъ былъ

нашимъ ученымъ діагнозъ, объ этомъ мы толковать не будемъ, а отмѣтимъ только то, весьма любопытное въ интересующемъ насъ отношеніи обстоятельство, что, исходя изъ данныхъ о личности Коккапіеллери, Ломброзо, съ характерною для него стремительностью и смѣлостью, тотчасъ же успѣлиши обобщить эти данныя, распространить свое обобщеніе на другихъ агитаторовъ, реформаторовъ и пр. и построить «психіатрическую» теорію народныхъ движеній и революцій. Это смѣлое вторженіе психіатра (Ломброзо — специалистъ по всѣмъ наукамъ) въ исторію встрѣчено было въ ученомъ мірѣ не весьма благосклонно; новая теорія, отважно воздвигнутая на частномъ примѣрѣ Франческо Коккапіеллери, которому, впрочемъ, приданъ былъ въ товарищи еще другой, средневѣковый, народный герой того же Рима, знаменитый Кола-де-Риензи, вызвала немало язвительныхъ насмѣшекъ по адресу ея автора. Ломброзо вскипѣлъ и черезъ очень короткое время выстрѣлилъ въ своихъ противниковъ брошюрой *Tre tribuni*, въ которой къ дуумвирату изъ Коккапіеллери и Риензи присоединенъ былъ третій народный трибунъ — «маттоидъ», нѣкій Сбарбаро, и въ которой упомянутая психіатро-историческая теорія оказалась изложенною еще съ большею категоричностью, еще съ болѣе рѣзкими подчеркиваніями, чѣмъ раньше: всѣ, дескать, новаторы, агитаторы, реформаторы, всѣ инициаторы и вожди народныхъ движеній, всѣ вообще политическіе и соціальные нонконформисты — субъекты, психически поврежденные въ большей или меньшей степени. Оставивъ въ полной неприкосновенности основную идею этой брошюры, — къ слову сказать, выпущенной въ свѣтъ въ 1887 году, — значительно раздвинувъ рамки этой послѣдней, обогативъ ее цѣлыми ворохами новыхъ «подтверждающихъ» фактовъ и «доказательствъ» и откинувъ прежній заголовокъ, онъ, въ 1890 году, и преподнесъ ее читающей публикѣ подъ именемъ *Il delitto politico*, которое является, такимъ образомъ, ничѣмъ инымъ, какъ только новымъ, дополненнымъ, увеличеннымъ и сильно распухшимъ изданіемъ трактата *Tre tribuni* *). И такъ, одинъ какой-нибудь фактъ, одно какое-нибудь наблюденіе — и широкая, всеобъемлющая теорія готова, — теорія, выражающая «несомнѣнную истину», сразу же отливающаяся въ совершенно законченную форму и нуждающаяся не въ критической разработкѣ, не въ тщательной провѣркѣ, а исключительно въ «подтвержденіи», въ видахъ котораго авторъ, затѣмъ, усерднѣйшимъ образомъ и работаетъ, неутомимо собирая всевозможные факты, притягивая, подгоняя ихъ къ требованіямъ новооткрытой «истины» и, съ легкимъ сердцемъ, игнорируя все то, что не подтверждаетъ этой «истины», не согласуется съ нею. Таковъ общій характеръ идейнаго творчества Ломброзо въ новой его книгѣ о политическихъ преступленіяхъ, таковъ же онъ и во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ. Всюду онъ — пришелецъ, идѣль и тотчасъ же сказалъ «новое слово», постигъ сокровенную для

*) Это обстоятельство удостовѣряется, между прочимъ, и упомянутымъ выше восторженнымъ панегиристомъ Ломброзо — Вирджиліо.

СТЫХЪ СМЕРТНЫХЪ СУЩНОСТЬ ВЕЩЕЙ, ОБНАЖИЛЪ ИСТИНУ, СДѢЛАТЬ ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТІЕ. Правда, великому гению достаточно бываетъ иногда и одного какого-нибудь факта, чтобы разгадать по немъ ту или иную тайну природы, увидѣть въ немъ частное проявленіе какого-либо основного закона. Такъ, про Ньютона разсказываютъ (побасенку, впрочемъ), что онъ при видѣ яблока, падающаго съ дерева, взялъ да тотчасъ же и создалъ свою мировую теорію тяготѣнія. Гёте, гуляя въ полѣ и натолкнувшись случайно на валявшійся лошадиный черепъ, тотчасъ же, будто бы, отчетливо и сформулировалъ знаменитую «позвоночную» теорію черепа, а въ другой разъ, разсматривая розу, прозрѣлъ ту крупную морфологическую идею, что тычинки цвѣтка есть ничто иное, какъ метаморфозированный лепестокъ. Но... *quod licet Jovi, non licet bovi*: это—съ одной стороны, а съ другой, настоящіе-то Юпитеры мысли и знанія совсѣмъ не такъ, какъ Ломброзо, относились къ создававшимся у нихъ въ головѣ великимъ обобщеніямъ и гипотезамъ. Такъ, наприм., Дарвинъ, обезсмертившій свое имя грандіозною теоріей происхожденія видовъ, не только не поворачивался спиною къ фактамъ, не согласовавшимся съ его идеей, но, напротивъ, самъ усердно разыскивалъ такіе факты и, находя ихъ, самъ же первый и указывалъ на нихъ своимъ собратьямъ по наукѣ; не только не сердился, какъ это всегда дѣлаетъ Ломброзо, когда ему указывали на недостаточность, на пробѣлы его теоріи, а, напротивъ, самъ шелъ на встрѣчу возраженіямъ, самъ первый раскрывалъ слабые пункты своего ученія, облегчалъ трудъ критики для своихъ противниковъ... Ломброзо во всѣхъ этихъ отношеніяхъ не похожъ на Дарвина, такъ, вѣдь, за то же и «открытія» его, выражаясь мягко, не дѣлають эпохи въ наукѣ... Вернемся, однако же, къ психологизму ломбрововскаго творчества.

III.

Однимъ изъ первыхъ крупныхъ произведеній Ломброзо была извѣстная, надѣлавшая въ свое время не мало шума и вызвавшая въ ученомъ мірѣ множество споровъ и пререканій книга *L'uomo delinquente*. Объ этой книгѣ и о разводимой въ ней теоріи о томъ, что преступникъ есть проявленіе атаксизма, дикарь, вынырнувшій изъ глубины вѣковъ на поверхность современнаго цивилизованнаго общества, отрывка прошлаго,—было уже очень много говорено по разнымъ поводамъ и въ русской печати, а потому долго останавливаться на ней мы и не будемъ. Если повнимательнее присмотрѣться къ тому, что и какъ въ этой книгѣ говорится и доказывается, то трудно не придти къ тому заключенію, что происхожденія изъ такого же экспромтнаго, какъ и *Il delitto politico*. Чуть не каждая граница ея совершенно ясно говорить читателю, что сначала Ломброзо зѣнула какимъ-то образомъ «геніальная» идея о томъ, что преступникъ есть атаксистъ, и что только потомъ, увѣровавъ въ нее и всецѣло проникшись ею, авторъ приступилъ къ «изученію» фактовъ, которые систе-

матически и сталъ подгонять насильственнымъ образомъ къ сложившейся у него въ головѣ по «вдохновенію» теоріи. Въ настоящее время изображенный въ этой книгѣ пресловутый «преступный типъ» — это, говоря словами Тредьяковского, «дивнше обло, мослисто», — «дивнше», созданное на скорую руку, съ полнымъ пренебреженіемъ къ требованіямъ и интересамъ истины, изъ всевозможныхъ натяжекъ и искаженій фактовъ, поражающее своимъ арлекиннымъ нарядомъ, стоящее въ вопіющемъ противорѣчій съ дѣйствительностью и не имѣющее рѣшительно ничего общаго со строгою научною мыслью, оказывается убитымъ наповалъ научною критикой, а вмѣстѣ съ нимъ, что бы ни говорили ломброзисты, убита и вся ломбровская теорія преступности. Не въ какомъ-то фантастическомъ атавизмѣ, не въ какихъ бы то ни было уклоненіяхъ отъ антропологическихъ нормъ, не въ особенностяхъ формы носовъ, ушей, зубовъ и пр., не въ асимметрияхъ и атипичныхъ, — въ дѣйствительности, къ тому же, не существующихъ въ видѣ общаго правила, а создаваемыхъ обыкновенно творческою фантазіей увлекающихся изслѣдователей *), — не въ бугоркахъ или ямкахъ на черепѣ, не въ тѣхъ или иныхъ морщинахъ на лицѣ, не въ той или иной окраскѣ волосъ или радужной оболочки и т. д., и т. д. заключается основная, истинная причина человѣческой преступности, а въ окружающей человѣка средѣ, въ крайне дурной обстановкѣ, подъ гнетомъ которой и возникаютъ тѣ «порочныя и недостаточныя» организаціи, о которыхъ Ломброзо и вѣрные его ученики такъ неумѣренно часто и много, такъ монотонно, безцвѣтно, снотворно и, главное, безцѣльно ведутъ разговоры. На этихъ-то условіяхъ и должно быть всецѣло сосредоточено вниманіе каждаго мыслящаго ученаго; на рѣшеніе вопроса объ ихъ устраненіи и должны устремляться всѣ усилія живой мысли. Измѣнись эти условія къ лучшему, и всѣ эти «порочныя и недостаточныя» организаціи исчезнутъ съ лица земли сами собою. А если такъ, то нечего и носиться съ ними, нечего безконечными и тягучими разговорами о нихъ отвлекать вниманіе публики отъ главнаго и существеннаго, тѣмъ болѣе, что въ разговорахъ этихъ давнымъ уже давно не оказывается, въ сущности, рѣшительно ничего новаго и хоть сколько-нибудь интереснаго. Такъ думаетъ теперь огромное большинство представителей серьезнаго знанія, серьезной научной мысли, — представителей, во имя науки и здраваго смысла энергично протестующихъ противъ низведенія огромнаго и важнаго вопроса о преступности на почву антропологическихъ мелочей. А, между тѣмъ, Ломброзо все упрямо продолжаетъ толковать о выдуманномъ имъ «пре-

*) Даже сами ломброзисты, изъ категорій наименѣ ослѣпленныхъ и наиболѣе безпристрастныхъ, приходятъ, путемъ тщательнаго изученія фактовъ, къ тому заключенію, что ломбровскій «преступный типъ» есть чистѣйшая фикція. Такъ, изслѣдованій итальянскаго антрополога-криминалиста Марро видно, что атавистскія и атипическія аномаліи никоимъ образомъ не могутъ служить отличительными признаками преступниковъ и что для этихъ послѣднихъ характерны одніи толико аномаліи болѣзненнаго происхожденія, обусловливаемые дурнымъ питаніемъ центральной нервной системы (см. его *I caratteri dei delinquenti*).

ступномъ типѣ», все продолжаетъ усерднѣйшимъ образомъ заниматься селекціонированіемъ всяческихъ мелочей, выше которыхъ мысль его, очевидно, никакъ не можетъ подняться и въ обращеніи съ которыми онъ проявляетъ, къ тому же, полнѣйшее отсутствіе критическаго смысла (см. его докладъ на криминально-антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 году: *Les dernières recherches d'anthropologie criminelle*). Уши, зубы, носъ, ямки, морщинки и проч., и проч. и до сихъ поръ остаются почти исключительными предметами его вниманія; въ детальномъ, кропотливомъ разсѣиваніи аномалій въ этихъ и имъ подобныхъ предметахъ онъ и до сихъ поръ видитъ главнѣйшую задачу криминальной антропологін, а въ находкахъ этихъ аномалій—весь прогрессъ этой науки. Въ первомъ изданіи этой книги онъ всѣхъ, безъ исключенія, людей, приходящихъ въ столкновеніе съ закономъ, рѣшительно относитъ въ категорію преступниковъ прирожденныхъ, атакъистовъ. Впослѣдствіи, подъ напоромъ обрушившейся на него критики, онъ вынужденъ былъ сдѣлать на этотъ счетъ уступку и признать, что существуетъ еще категорія преступниковъ «случайныхъ», но признать, видимо, крайне неохотно, если хотите, неискренно и довольно двусмысленно, какъ это прекрасно видно изъ того, что онъ и въ «случайныхъ» преступникахъ «констатируетъ» наличность, хотя и въ смирненномъ видѣ, антропологическихъ признаковъ прирожденной преступности. Когда противники прижмутъ Ломброзо, съ его «антропологическими признаками», къ стѣнѣ и когда ему, въ этой неудобной позиціи, и сказать въ свое оправданіе нечего, тогда онъ принимаетъ смиренный видъ и начинаетъ каяться: «да, господа, я увлекался, дѣлалъ ошибки» и пр. Но чуть только его, покаявшагося грѣшника противъ истины, немного поотпустить, какъ онъ тотчасъ же опять начинаетъ твердить: а все-жь таки, весь вопросъ преступности дѣликомъ сводится къ атакъизму, къ антропологическимъ признакамъ... «Мы показали,—читаемъ мы въ четвертомъ изданіи *Преступнаго человека*,—что въ извѣстную эпоху жизни человѣчества преступленіе было универсальнымъ явленіемъ и что затѣмъ оно стало постепенно исчезать». Но полнаго исчезновенія не произошло еще и до сихъ поръ, слѣды бывшей фізіологической наклонности людей къ преступленію остались, въ виду чего намъ и «становится понятнымъ, что если преступленія продолжаютъ еще совершаться даже въ средѣ наиболѣе культурныхъ расъ, то истинная причина ихъ заключается въ атакъизмѣ» (*Si le crime n'a cessé de se produire même dans les races les plus cultivées, la vraie cause en réside dans l'atavisme* *). Какъ читатель видитъ, вѣрность своей разъ высказанной идеѣ или, точнѣе, парадоксу Ломброзо проявляетъ поразительную. Серьезные ученые, сплошь рядомъ несравненно болѣе его компетентные въ криминально-антропологическихъ вопросахъ противники, съ безчисленнымъ множествомъ фак-

L'homme criminel, p. 97—98. Цитируемъ по второму французскому изданію, съ поправкою къ четвертому итальянскому.

товъ въ рукахъ, съ неотразимою убѣдительностью доказываютъ ему, что идея его невѣрна въ самомъ ея основаніи, заваливаютъ его возраженіями, изъ которыхъ одно оказывается убійственнымъ другого; подъ ударами научной критики теорія его трещитъ и расплзается по всѣмъ швамъ, а онъ, Ломброзо, отецъ этой убитой теоріи, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ самоувѣренно восклицать: живъ я и жива теорія моя!... Выходить, пожалуй, немного ужъ и комично.

Свое упорство или, вѣрнѣе, упрямство, изъ-за котораго совершенно отчетливо просвѣчиваетъ ничто иное, какъ мелкое самолюбіе, Ломброзо рѣзко проявляетъ, между прочимъ, и тогда, когда заходитъ рѣчь о «соціальныхъ факторахъ преступности». Если, какъ это мы только что видѣли, «истинная причина преступленій заключается въ атавизмѣ», то само собою разумѣется, что придавать, въ генезисѣ преступности, хоть сколько-нибудь серьезное значеніе какимъ-то тамъ «соціальнымъ факторамъ» было бы даже и не совсѣмъ логично; ужъ что-нибудь одно: или атавизмъ, или соціальныя условія. Ломброзо, дѣйствительно, очень косо поглядываетъ на ученіе о соціальныхъ факторахъ преступности, уже и теперь, увы, сильнѣйшимъ образомъ вытѣсняющее со всѣхъ позицій его собственное, «антропологическое», ученіе. Однако же, когда его начинаютъ очень ужъ притѣснять этими самыми «соціальными факторами» и когда силъ для защиты отъ нападенія у него не хватаетъ, онъ сейчасъ же, съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ это было, наприм., на парижскомъ конгрессѣ, заявляетъ: «Помилуйте, да я признаю, признаю (соціальные-то факторы!)» Его ученики и поклонники тоже въ такихъ случаяхъ подають свой голосъ: «Помилуйте, онъ даже очень признаетъ...» И такъ, признаетъ... Но вотъ проходитъ малое время, и Ломброзо уже опять надѣваетъ на себя всѣ военные доспѣхи и выступаетъ въ походъ противъ «соціальныхъ факторовъ»: съ гнѣвомъ обрушивается за пристрастіе къ этимъ факторамъ на пользующагося почетною извѣстностью въ наукѣ молодого итальянскаго соціолога Наполеона Колайяни, шлетъ упреки по адресу ліонскаго проф. Лакассана за то, что тотъ въ редактируемомъ имъ журналѣ (*Archives de l'anthropologie criminelle*) удѣляетъ, будто бы, слишкомъ много мѣста разсужденіямъ о соціальныхъ причинахъ преступности и тѣмъ самымъ уклоняется, дескать, отъ программы, сбивается съ истиннаго пути... Хорошо «признаніе»!

IV.

Считающіеся немногими единицами русскіе адепты ломбровозской школы довольно смѣло заявляютъ въ печати, что утвержденіе относительно признанія профессоромъ Ломброзо соціальныхъ факторовъ преступности основывается, будто бы, на незнакомствѣ утверждающихъ съ работами Ломброзо. «Всякій, читавшій во второмъ изданіи его *Преступнаго человека* отдѣлъ, озаглавленный—*Терапія преступленія*, и другое его

nenie—*Sull'incremento del delitto in Italia*, въ которомъ такъ много говорится о социальныхъ условіяхъ, понимаетъ, конечно, и не можетъ не понимать, что Ломброзо не отрицалъ и не могъ отрицать рѣшающее значеніе социального фактора» (г. Дриль). Въ *Преступномъ челоѣкѣ* дѣйствительно есть авторская рекомендація—учреждать, въ качествѣ предупредительныхъ мѣръ, сберегательныя кассы, рабочія школы, дешевыя кухни и тому подобныя, къ слову сказать, весьма невинныя вещи, въ виду которыхъ г. Дриль побѣдоносно восклицаетъ: «Это ли еще не признаніе вліянія социального фактора и значенія социальной теоріи?» (*Юридическій Вѣстникъ* 1890 г., декабрь). Но въ томъ же самомъ *Преступномъ челоѣкѣ* (и не только во второмъ, но и въ четвертомъ изданіи его) имѣется, какъ мы только что видѣли, категорическое, совсѣмъ опрокидывающее несчастныя «сберегательныя кассы», «дешевыя кухни» и проч. утвержденіе, что «истинная причина преступности заключается въ атавизмѣ» (и, значитъ, не въ отсутствіи «кассъ», «кухонь» и проч.). Замѣтивъ мимоходомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что когда, въ связи съ вопросомъ о преступности, говорятъ о «социальныхъ факторахъ», то обыкновенно имѣютъ въ виду главнѣйшимъ образомъ тяжелыя социально-экономическія условія существованія людей,—заглядываемъ въ *Sull'incremento del delitto in Italia*,—книжку, о которой, насколько намъ извѣстно, еще ни разу не доводилось до свѣдѣнія русской читающей публики и которая даетъ очень много матеріала для характеристики ломбровозскаго міросозерцанія. Тамъ мы читаемъ, между прочимъ (стр. 25), что «другою причиною преступленія является, какъ говорятъ, бѣдность» (*un'altra causa dei reati si vuole chesia la miseria*), но что *miseria*, говоря вообще, мало вліяетъ на возникновеніе и ростъ преступности и что, во всякомъ случаѣ, «не надо преувеличивать» этого вліянія (*ma non esageriamo*). «Съ фактами въ рукахъ... я могу,—говоритъ цитируемый Ломброзо Лавини,—съ несомнѣнностью доказать, что продукты воровства чаще всего растрачиваются въ пьянствѣ и дебошахъ по кабакамъ и непотребнымъ домамъ» (это значитъ, что если пропиваютъ наворованное, то, очевидно, воруютъ не съ голода, не подъ вліяніемъ бѣдности). И далѣе, въ цитатѣ изъ другого автора: «Можно съ полнымъ правомъ отрицать, что ростъ преступности зависитъ отъ усиленія нищеты... Рѣдки случаи преступниковъ-бѣдняковъ... Настоящая нищета страдаетъ молча», не выступая на путь преступленій (стр. 26). За то въ ростѣ преступности сильнѣйшимъ образомъ повиненъ алкоголизмъ (стр. 27—28). Больше же всего (*sopra tutto*) преступленія происходятъ оттого, что законъ ихъ слишкомъ мягко караетъ и что для преступниковъ есть много шансовъ совсѣмъ избѣгнуть кары (*la esagerata lenitezza e più l'incertezza delle pene*, стр. 28—29). Уничтоженіе смертной казни, этого «радикальнѣйшаго и вѣрнѣйшаго средства социальной защиты», ведетъ только къ усиленію злодѣяній. Отрицательное отношеніе этой «наиболѣе логичной, съ точки зрѣнія криминальной антропологической» теоріи вызвано въ массѣ публики неосмысленными разглагольствова-

ніями болтуновъ-журналистовъ, сантиментальными публичными рѣчами и пр. (стр. 29, 79)... *Апелляціи и кассачіи*—зло: онѣ весьма часто сопро-вождаются отрицательными обвинительными приговорами, обезпечиваютъ, такимъ образомъ, преступникамъ безнаказанность и всегда отдалаютъ моментъ кары отъ момента преступленія, а это весьма вредно (стр. 31—37)... *Амнистіи, помилованія* только плодятъ преступниковъ, такъ какъ питаютъ надежды на безнаказанность (стр. 39—42). Теперешній *тюремный режимъ* слишкомъ мягокъ и неудовлетворителенъ; съ заключенными нужно обращаться какъ можно суровѣе, нужно доводить ихъ содержаніе (пищу, одежду и пр.) до крайняго минимума (*occorre ridurre al minimo possibile il trattamento dei carcerati*), нужно,—«скажу вещь, которая заставитъ вознегодовать сантиментальныхъ людей»,—нужно подвергать ихъ (арестантовъ) *тѣлеснымъ наказаніямъ* и, вообще, поставить пенитенціарное дѣло такъ, чтобы тюрьма, сама по себѣ, была для кандидатовъ въ нее предметомъ отвращенія и ужаса, а не мѣстомъ пріятнаго отдохновенія отъ преступной дѣятельности, какъ теперь (стр. 43 и слѣд., 128 и слѣд.). Далѣе, одною изъ самыхъ существенныхъ и несомнѣннѣйшихъ причинъ усиленія преступности (*causa certissima*) является *судъ присяжныхъ (giuria)*. Состоящій чаще всего изъ невѣжественныхъ и ничего не понимающихъ (въ ломброзовской криминальной антропологіи?) лицъ, онъ обыкновенно бываетъ очень либераленъ по части допущенія «смягчающихъ вину обстоятельствъ», по части оправданія преступниковъ и оставленія преступленій безнаказанными (стр. 49 и слѣд.). Въ томъ, что преступность растетъ въ ужасающей прогрессіи, крѣпко виновата также и *адвокатура*, представители которой,—нерѣдко съ совѣстью *singolarmente elastica*,—только затемяютъ на судоговоренія разбираемые дѣла, искажаютъ истину, стараются «сдѣлать сомнительнымъ и проблематичнымъ то, что само по себѣ просто и ясно» (стр. 72 и слѣд.). Надо, поэтому, сократить адвокатскій персоналъ, надо сократить время, удѣляемое для защитительныхъ (и обвинительныхъ) рѣчей, надо «стараться пресѣкать бесполезную адвокатскую болтовню (*gli inutili sproloqui*), которая служитъ только для того, чтобы давать ораторамъ возможность показать звучность ихъ голоса, и которая часто только затуманиваетъ головы присяжныхъ» (стр. 109). Не менѣе адвокатовъ-практиковъ повинны, въ указанномъ отношеніи (усиленіе преступности), и многіе (*non pochi*) юристы-теоретики, не уразумѣвшіе внутренняго смысла новой криминально-антропологической теоріи (ломброзовской) и, по недоразумѣнію, ссылающіеся на эту теорію въ своихъ вредныхъ разглагольствоваціяхъ о невмѣняемости преступленій и въ своей, столь же вредной, пропагандѣ сантиментальной идеи о необходимости гуманнаго, и легкаго обращенія съ преступниками. «Они (эти теоретики) не поняли того, что новое криминально-антропологическое ученіе приводитъ только къ измѣненію съ преступника позорнаго клейма (*scemare l'infamia*), а вовсе не къ освобожденію отъ кары, которую, напротивъ, оно санкціонируетъ». Они не сообразили того, что «тенденція къ преступленію, будучи врожденною» та-

впистическою (*innata perche atavistica*), можетъ быть уничтожена только отборомъ (читай: смертною казнью) или секвестраціей преступниковъ, можетъ быть сдержана или обуздана только страхомъ репрессіи (стр. 74—75). Публичность судебныхъ разбирательствъ, свобода печати, обстоятельно докладывающей публикѣ о томъ, что происходитъ въ судѣ,—зло: благодаря имъ, въ обществѣ разсеиваются сѣмена преступности. Надо, поэтому, сократить и ту, и другую (стр. 76, 115). Всяческіе союзы, ассоціаціи и пр. сильно способствуютъ росту преступности. «Надо желѣзною рукою уничтожить всѣ ассоціаціи, начиная съ дѣтскихъ и кончая политическими, коль скоро окажется (на чей глазъ?), что онѣ способствуютъ совершенію проступковъ или преступленій» (стр. 115). И пр., и пр., и пр.

Кары и репрессіи, апелляціи и кассаціи, амнистіи, тюрьма, судъ присяжныхъ, эластическая адвокатская совѣсть, судебная гласность, союзы и ассоціаціи и пр.,—все это факторы или условія, дѣйствительно, социальныя. Ломброзо въ своей книжкѣ почти исключительно обо всемъ этомъ только и говоритъ, касаясь «мизеріи» только очень слегка, да, къ тому же, и болѣе чѣмъ двусмысленно. Онъ не только признаетъ, но даже особенно налегаетъ на эти условія. Но, въ виду всего вышесказаннаго, право, можно было бы отъ души пожелать, чтобъ онъ ужъ лучше и совсѣмъ не признавалъ «социальныхъ условій», въ сферѣ которыхъ онъ, какъ мы видѣли, проявляетъ какое-то свирѣпое мракобѣсіе. Намъ кажется, что почитатели Ломброзо, указывая, при защитѣ этого послѣдняго, на его сочиненіе *Sull'incremento del delitto in Italia*, дѣлаютъ это... по недоразумѣнію.

Мы ни мало не хотимъ замалчивать, скрывать отъ нашихъ читателей то, что есть хорошаго и вѣрнаго въ писаніяхъ Ломброзо, а потому и спѣшимъ замѣтить, что въ только что названной книжкѣ имѣется нѣсколько страницъ такихъ, подъ которыми охотно подпишутся, навѣрное, всѣ противники туринскаго криминалиста-антрополога и даже тотъ самый Н. Колайяни, котораго Ломброзо такъ яро ненавидитъ за его *Криминальную социологію*, всецѣло отрицающую ломбровозское криминально-антропологическое ученіе. Говоря все это, мы имѣемъ въ виду тотъ маленькій параграфъ въ *Sull'incremento del delitto*, въ которомъ идетъ рѣчь о *cattivi governi* есс. (дурное правленіе и пр.), какъ объ одномъ изъ факторовъ, обуславливающихъ возникновеніе и ростъ преступности. Въ этомъ параграфѣ Ломброзо проявляетъ себя если и не «геніальнымъ», то, во всякомъ случаѣ, вполне здравомыслящимъ мыслителемъ. Такъ, здѣсь мы у него находимъ то совершенно вѣрное, не подлежащее никакому спору, положеніе, что итальянская каморра была (и, прибавимъ отъ себя, есть и теперь, потому что она не исчезла) ничѣмъ инымъ, какъ «своего рода естественнымъ приспособленіемъ къ несчастнымъ условіямъ существованія со стороны народа, удерживаемаго правительствомъ въ варварскомъ состояніи» (*una specie di adattamento naturale alle condizioni infelici di un popolo reso barbaro dal suo governo*). Что касается разбойничества,

которымъ Италія славилась и славится до сихъ поръ, то, по словамъ нашего автора, оно представляло собою выраженіе «грубаго правосудія по отношенію къ угнетателямъ» (*una specie di selvaggia giustizia contro gli oppressori*). Весьма многочисленныя преступленія всякаго рода въ южной Италіи являются весьма естественнымъ отвѣтомъ на безсовѣстность, жадность, ростовщичество, грабежъ, насилія, всевозможныя злоупотребленія и непомерную эксплуатацію, которымъ подвергается бѣдное сельское населеніе со стороны представителей административной власти и имущаго класса. «Въ Фонди многіе сдѣлались разбойниками, благодаря поборамъ, вымогательствамъ и насиліямъ синдика Аманте». Извѣстные *briganti*, Коппа, Мазини, Тортора, «вступили на путь разбойничества въ виду оставшихся безнаказанными злоупотребленій и насилій (*mal trattamenti impuniti*), которымъ подвергалось мѣстное населеніе». «Изъ 124 коммунъ Базиликата только 44 не дали ни одного разбойника,—это были единственныя коммуны, въ которыхъ административная власть находилась въ рукахъ честныхъ синдиковъ». «Изъ двухъ сосѣднихъ коммунъ, Бомба и Монтанцолли, въ первой, въ которой бѣдняки не подвергались притѣсненіямъ (*erano ben trattati*), не было ни одного разбойника изъ мѣстныхъ жителей, между тѣмъ какъ во второй, гдѣ бѣднякамъ жилось плохо (*erano malmenati*), мѣстныхъ разбойниковъ насчитывалось очень много» (стр. 14 и 15).

Надо отдать справедливость, всѣ эти и еще кое-какія другія указанія и замѣчанія въ томъ же родѣ какъ нельзя болѣе резонны и цѣнны. Но, съ одной стороны, они крайне немногочисленны и положительно тонутъ въ интересующей насъ книжкѣ, въ которой они занимаютъ всего только около 5 страницъ изъ 140, а съ другой—всѣ они стоятъ, на нашъ взглядъ, въ непримиримомъ противорѣчій со всѣми остальными положеніями, утвержденіями и заключеніями, которыя наполняютъ эту книжку и образчики которыхъ нами приведены выше. Въ самомъ дѣлѣ, если преступленія (наприм., совершаемыя хотя бы тѣми же каморристами) представляютъ собою, какъ мы видѣли, результатъ *adattamento naturale* къ невозможнымъ условіямъ существованія, то не нелѣпо ли, на ряду съ этимъ констатированіемъ, утверждать, что первѣйшими, важнѣйшими, существеннѣйшими причинами (*cause certissime, cause precipue*) возникновенія и роста преступности служатъ: спсходимость закона, мягкость каръ, недостаточность репрессій, развращающее вліяніе суда присяжныхъ и проч.? Если все дѣло въ причинахъ этой послѣдней категоріи, то становится совершенно непонятнымъ, почему эти «несомнѣннѣйшія», «важнѣйшія» причины не даютъ о себѣ знать (какъ то видно изъ вышеприведенныхъ цитатъ) тамъ, наприм., гдѣ нѣтъ гнета, насилій, безобразій со стороны власти и богатство имущихъ. Если, наоборотъ, вся суть дѣла (какъ это слѣдуетъ изъ ломбрововскихъ же указаній) заключается въ невыносимой, раздражающей, развращающей и дающей на преступленіе обстановкѣ, то какой, спрашивается, смыслъ въ ссылкахъ на «врожденную, атавистическую преступную тенденцію», на «чуждость которой, якобы, обуславливаются преступленія? Если правда, то

разбойничества, хотя бы въ той же южной Италиі, нѣтъ тамъ, гдѣ мѣстная администрація сносна, и что сильно развито оно тамъ, гдѣ эта мѣстная администрація дурна, то, значитъ, совершенно вздорно извѣстное уже намъ утвержденіе автора *Sull'incremento del delitto in Italia*, что упомянутая тенденція можетъ быть сдержана или обуздана только перспективою суровыхъ каръ, страхомъ безошадной репрессіи... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Вообще, все то немногое, что сказано Ломброзо по поводу *cattivi governi*, до такой степени не вяжется со всѣмъ остальнымъ, до такой степени полно уничтожается всѣмъ предъидущимъ и послѣдующимъ текстомъ книги, что на указанныя нами вѣрныя и безспорныя замѣчанія относительно роли социальныхъ условій въ вопросѣ о преступности приходится смотрѣть, просто-на-просто, какъ на случайную обмолвку автора. Въ виду всего этого, мы себѣ и позволяемъ думать, что поклонникамъ и защитникамъ Ломброзо было бы, пожалуй, благоразумнѣе помалчивать о *Sull'incremento del delitto in Italia* (если только они знакомы съ содержаніемъ этого ломбровознаго произведенія).

У.

Ломброзо и его правовѣрные ученики, оставаясь глухи къ указаніямъ и требованіямъ *криминальной социологіи*, на почвѣ которой единственно только и мыслимо истинное рѣшеніе вопроса о преступности, съ усердіемъ, трудолюбіемъ и настойчивостью, достойными лучшаго дѣла, копаются во всевозможныхъ мелочахъ, чаще всего—совершенно ничтожныхъ, и съ серьезнымъ видомъ, точно путное дѣло дѣлаютъ, фабрикують и устанавливаютъ всяческіе «антропологическіе признаки» преступности. «Признаковъ» этихъ и теперь уже, стараніями изслѣдователей «туринской школы», изготовлено такое великое множество, что для простой регистраціи ихъ понадобился бы, пожалуй, чуть не цѣлый томъ... «Признаки, признаки!»—съ комическимъ сокрушеніемъ восклицалъ на парижскомъ криминально-антропологическомъ конгрессѣ проф. Мануврье. — Скоро не окажется ни одного честнаго чловека, у котораго нельзя было бы найти, по крайней мѣрѣ, полдюжины ихъ». Это правда, «признаковъ» ломбровозистами (и, прежде всего, самимъ Ломброзо) «открыто» уже очень много, слишкомъ даже много. А знаетъ ли читатель, какой изъ этихъ «признаковъ преступности» самый главный, основной, всеобуславливающій? Ломброзо и его ученики объ этомъ драгоценномъ «признакѣ», служащемъ для нихъ путеводною звѣздой, политично пугаются, держатъ его отъ другихъ въ секретѣ, хотя въ «ученой» публикѣ своей въ немъ—то именно и находятъ для себя опору, имъ—то именно главѣйшимъ образомъ и руководствуются. Что же это за «признакъ»? Угадать это и секретъ, но такъ какъ онъ слишкомъ ужъ прозраченъ и такъ какъ всѣми, кому только это было интересно, онъ давно уже разгаданъ, то мы, думаемъ намъ, не совершимъ особенно большой нескромности, если сообщимъ о немъ нашему читателю.

Самый существенный, самый точный, самый надежный и самый необходимый для антропологовъ-криминалистовъ ломбрововской школы «антропологическій» признакъ преступности—это... *жандармъ* и *кутузка*. И да не подумаетъ читатель, что мы шутимъ. Нѣтъ, мы говоримъ это совершенно серьезно. Да, *жандармъ* и *кутузка*... Пока данный субъектъ не пришелъ въ интимное соприкосновеніе съ этими интересными явленіями природы, до тѣхъ поръ Ломброзо и его адепты никакъ не могутъ съ положительностью рѣшить, что такое этотъ субъектъ представляетъ собою съ криминально-антропологической точки зрѣнія,—есть ли онъ атакъ или нѣтъ, обладаетъ онъ «порочною, недостаточною» организациею или не обладаетъ. Аллахъ его, въ самомъ дѣлѣ, вѣдаетъ, кто онъ такой, что онъ такое, по существу-то своему!... Самое лучшее, поэтому, оставить его въ покоѣ, воздержаться отъ какихъ бы то ни было подозрѣній насчетъ свойствъ его организаци и, каковы бы ни были эти свойства, считать его человѣкомъ «честнымъ», ничего общаго съ органическою «порочною» неимѣющимъ. Совѣмъ другое дѣло, если Ломброзо и ломбровисты видятъ этого же самого субъекта трепещущимъ въ рукахъ *жандарма*, влекомымъ въ *кутузку* или уже ввергнутымъ въ эту послѣднюю. О, въ этомъ случаѣ никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній и быть даже не можетъ: онъ — «несомнѣнный преступникъ», «несомнѣнный» представитель «преступнаго типа», «несомнѣнный атакъ», «несомнѣнная преступная, порочная организаци». У него *должны быть* «антропологическіе признаки преступности». Стоить только хорошенько ихъ поискать, и они, навѣрное, найдутся. И дѣйствительно, у такого злополучнаго объекта криминально-антропологическаго изслѣдованія находится обыкновенно рѣшительно все, что только угодно найти ученому изслѣдователю, чему только полагается быть у заправскаго «преступника» по каталогу «антропологическихъ признаковъ». *Жандармъ* и *кутузка* оказываются чрезвычайно чувствительными реактивами на «порочность» организаци. Подъ ихъ воздѣйствіемъ на человѣка, у этого послѣдняго тотчасъ же «рѣзко», ярко, выпукло начинаютъ выступать всевозможные «антропологическіе признаки преступности», подобно тому, какъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ струйки сѣроводороднаго газа изъ воднаго раствора, положимъ, какой-нибудь желѣзной соли моментально же начинаетъ выдѣляться густой черный осадокъ. Реактивы эти, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно тонки и чувствительны. Судите сами. Чуть не у cadaго изъ извѣстныхъ вамъ или встрѣчныхъ «честныхъ» людей при тщательномъ, а сплошь и рядомъ даже и при самомъ поверхностномъ, изслѣдованіи или осмотрѣ непремѣнно оказывается какой-нибудь изъянъ — и даже много изъяновъ: то надбровныя дуги выдаются, какъ будто бы, больше, чѣмъ слѣдуетъ, по сравненію съ «нормою» («любопытно было знать, кто и на какомъ основаніи эту самую «норму» декретировать восклицаютъ скептики), то лобъ, какъ будто бы, покать («а позволю попытаться, начиная съ какого угла лобъ слѣдуетъ считать нормально покатымъ?» — злокозненно спрашиваетъ вѣнскій профессоръ

неднеть), то носъ болѣе или менѣе приплюснуть или смотреть на сторону, то черепъ болѣе или менѣе напоминаетъ форму рѣдки, то зубы разставлены несовсѣмъ правильно, то ушная сережка не рѣзко очерчена, то вихры на головѣ торчатъ, то волосы на бородѣ жидки или даже совсѣмъ отсутствуютъ, и пр., и пр., и пр. (припомните приведенное выше восклицаніе проф. Мануврье на парижскомъ конгрессѣ). И что же? Всѣмъ этимъ и нѣмъ подобнымъ особенностямъ или, если хотите, аномаліямъ не придается обыкновенно никакого спеціальнаго значенія; всѣ, въ томъ числѣ и адепты ломброзовской школы, съ ихъ шефомъ во главѣ, проходятъ мимо нихъ совершенно равнодушно; ни о какой «порочной, недостаточной» организаціи ничьему уму онѣ не говорятъ. Но вотъ, благодаря тому или иному стеченію обстоятельствъ, обдастъ эти, бывшія до сихъ поръ безразличными, особенности упомянутымъ нами выше антропологическимъ «сѣроводородомъ» и—о, чудо! — тотчасъ же онѣ окрашиваются въ зловѣщій черный цвѣтъ и начинаютъ вопіять о наличности «атавистической», «порочной, недостаточной» организаціи, тотчасъ же превращаются въ «несомнѣнные» антропологическіе признаки преступности... Да это еще что! Драгоценный реактивъ открываетъ взору антрополога-криминалиста ломброзовской школы вещи еще болѣе удивительныя, «признаки» преступности, еще болѣе сокровенныя. Вотъ, напримѣръ, молодець, у котораго ни вы, ни другіе профаны въ криминальной антропологіи, ни многіе спеціалисты даже, не усматриваютъ никакихъ аномалій; но ломброзистъ, благодаря реактиву (молодець сидитъ въ тюрьмѣ), открываетъ у него и лицевую асиметрію, и неправильности въ конформаціи черепа, и многія другія, въ такой же мѣрѣ многозначительныя и прискорбныя явленія,—повторяемъ, совершенно невидимыя для неизощреннаго реактивомъ глаза. Вотъ, даѣе, другой молодець, тоже сидящій подъ замкомъ. На лбу у него красуется шрамъ. Ну, шрамъ, такъ шрамъ,—говорите вы. Что-жъ въ немъ такого особеннаго?... Стоить ли на него вниманіе обращать?... Мало ли отъ чего онъ могъ произойти! Можетъ быть, субъекта этого нянька уронила, когда онъ былъ маленькимъ; можетъ быть, онъ случайно упалъ и расшибся; можетъ быть, его кто-нибудь нечаянно поранилъ; можетъ быть, онъ геройски дрался съ врагами отечества и получилъ при этомъ ударъ по лбу саблею, пулею или ружейнымъ прикладомъ; можетъ быть... да мало ли что можетъ быть! Едва ли,—добавляете вы,—можно дѣлать какія бы то ни было злокачественныя заключенія о человѣкѣ на томъ основаніи, что у него имѣется шрамъ. Ломброзистъ, слушая такія ваши профанскія рѣчи, шепчетъ по вашему адресу сострадательно-презрительную улыбку и, снисходя къ вашему невѣжеству, поучаетъ васъ: «этотъ шрамъ несомнѣнно указываетъ на буйный, драчливый нравъ субъекта; рана, находившаяся на мѣстѣ шрама, несомнѣнно получена субъектомъ въ дракѣ; шрамъ этотъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что мы имѣемъ передъ собою плутинника-«насильника». Гм... Такъ вотъ что обозначаетъ этотъ казавшійся вамъ такимъ невиннымъ шрамъ! Удивительно,—восклицаете вы

про себя,—какъ сильно изученіе криминальной антропологіи, по программѣ Ломброзо, изощряетъ умъ! Но, тѣмъ не менѣе, вы, все-таки, остаетесь, какъ будто бы, немного неудовлетворенными. По отношенію къ вопросу о шрамѣ у васъ, все-таки, копошатся въ головѣ нѣкоторыя сомнѣнія, въ виду которыхъ вамъ хотѣлось бы, между прочимъ, спросить, не слѣдовало ли бы, прежде чѣмъ категорически утверждать, какое именно значеніе шрамъ этотъ имѣетъ съ криминально-антропологической точки зрѣнія, навести точныя справки о томъ, какъ въ дѣйствительности онъ произошелъ? Но, съ одной стороны, тонъ, которымъ произнесено ученое рѣшеніе по дѣлу о шрамѣ, настолько подавляетъ васъ своею рѣшительностью и безапелляціонностью, а съ другой—ученый специалистъ продолжаетъ рассказывать такія интересныя вещи, что вы забываете о вашемъ вопросѣ. «Видите,—звонко отчеканиваетъ этотъ специалистъ,—какая бо-ренастая, крѣпкая фигура у нашего субъекта, какія у него широкія плечи, какая развитая, могучая мускулатура?» Вы все это дѣйствительно видите и, въ простотѣ душевной, полагаете, что имѣть такую фигуру, такія плечи, такіе мускулы давай Богъ всякому. «Все это опять-таки несомнѣнно говоритъ намъ о томъ, что передъ нами—преступникъ изъ категоріи «насильниковъ!»—побѣдоносно заключаетъ, окидывая васъ торжествующимъ взглядомъ, специалистъ по туринской криминальной антропологіи... Гм... «Видите, какъ онъ прямо, смѣло смотритъ вамъ въ глаза?... Воры такъ не смотрятъ. Это — несомнѣнный преступникъ-«насильникъ»!... У васъ ужъ совсѣмъ готово сорваться съ языка замѣчаніе, что смотритъ субъектъ прямо и смѣло потому, быть можетъ, что у него, какъ говорится, «совѣсть чиста», но... въ конецъ подавленные сознаниемъ вашего непреходимаго невѣжества и неумѣнья разгадывать смыслъ самыхъ простыхъ вещей, вы смущенно молчите и виновато склоняете голову *).

Какъ читатель видитъ, мы ни мало не погрѣшили противъ истины, когда замѣтили выше, что для адептовъ «новой итальянской криминально-антропологической школы» жандармъ и кутузка оказываются замѣчательно

---

*) Всѣ только что приведенные въ текстѣ примѣры представляютъ собою вовсе не „игру ума“, какъ то, быть можетъ, подумаетъ иной читатель, а вполне точное, сдѣланное нами (въ качествѣ очевидца) *безъ малѣйшаго шаржа* воспроизведеніе дѣяній туринскаго *persatore di genio* на парижскомъ криминально-антропологическомъ конгрессѣ 1889 года, во время посѣщенія конгрессистами *Asile Sainte-Anne*. Субъектъ со шрамомъ на лбу демонстрировался проф. Маньяномъ и затѣмъ осматривался нѣкоторыми конгрессистами, въ томъ числѣ и Ломброзо. Когда этотъ послѣдній, на основаніи указанныхъ нами въ текстѣ „признаковъ“, поставилъ свой діагнозъ („несомнѣнный преступникъ-насильникъ“), молчавшій до того времени проф. Маньянъ, изъ отдѣленія котораго взятъ былъ молодецъ со шрамомъ, съ лукавою улыбкой обратился присутствующимъ, что въ ломбрововскій діагнозъ вкралась небольшая „погрѣшность“: субъектъ, до интернированія его въ азілі, проявлялъ себя *свормомъ*, а не „насильникомъ“, и что шрамъ на лбу произошелъ у него отъ пораненія при *случайномъ паденіи*, уже въ бытность субъекта въ азілі, а совсѣмъ не въ „дракѣ“ въ аудиторіи сенсация. Ломброзо, однако же, ни мало не смутился,—не такой онъ робокъ, чтобы чѣмъ бы то ни было смущаться...

чувствительнымъ антрополого-химическимъ, если можно такъ выразиться, реактивомъ на «атавистическую», «порочную, недостаточную» организацію, а фактъ соприкосновенія человѣка съ этими предметами—главнѣйшимъ, существеннѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ антропологическимъ «признакомъ» преступности этого человѣка. Съ точки зрѣнія этого «признака», при употребленіи въ дѣло этого «реактива», «порочная, недостаточная» организація раскрывается передъ ученымъ изслѣдователемъ съ поразительною ясностью, во всей ея полнотѣ, со всѣми ея мельчайшими и сокровеннѣйшими деталями. Разъ «констатировано», что данный субъектъ схваченъ жандармомъ и посаженъ въ тюрьму, можно съ полною увѣренностью «констатировать» у него, даже закрывши глаза, всѣ антропологическіе «признаки» преступности, такъ обстоятельно разобранные и классифицированные Ломброзо и его учениками. «Признакъ» драгоцѣнный, въ полномъ смыслѣ этого слова, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ дѣйствительности онъ еще драгоцѣннѣе, чѣмъ мы это изобразили выше. Въ предъидущихъ строкахъ у насъ шла рѣчь о томъ, какъ поразительно легко, при помощи его, съ положительностью, съ несомнѣнностью устанавливать всѣ нужные антропологу-криминалисту «антропологическіе признаки преступности». Оказывается, однако же, что разъ вы «научно» установили интересующій насъ теперь кардинальный, руководящій «признакъ», то можете, съ легкимъ сердцемъ, даже и совсѣмъ избавить себя, если угодно, отъ труда установленія какихъ бы то ни было другихъ «признаковъ», такъ какъ уже одного его вполне достаточно для безошибочнаго заключенія о наличности у даннаго субъекта «порочной, недостаточной» организаціи. Послушайте, наприм., что говорить на этотъ счетъ нашъ русскій юристъ г. Дриль. «Совершеніе дѣяній, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ,—читаемъ мы въ одной изъ его статей (*Вопросы уголовной антропологии и парижскій уголовно-антропологическій конгрессъ*), — сопряжено съ такими неблагоприятными общественными послѣдствіями, что рѣшиться на послѣднія или игнорировать ихъ могутъ лишь въ томъ или другомъ отношеніи недостаточныя и порочныя натуры, вслѣдствіе того не имѣющія возможности бороться въ установленныхъ легальныхъ формахъ. Конечно, громадное большинство этихъ натуръ не суть больныя натуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но несомнѣнно (у Ломброзо и его послѣдователей всегда и все, что они говорятъ, оказывается «несомнѣннымъ»), что онѣ недостаточныя и порочныя натуры, продукты недостаточнаго органическаго развитія и органическаго регресса *). Смыслъ

Чтобы крайняя несостоятельность такихъ абсолютныхъ утвержденій выступила передъ нами со всею силой, для этого стоить только утверждать эти прикинутыя явленіямъ живой дѣйствительности. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: „Въ Камышинскомъ уѣздѣ (Сарат. губ.),—читаемъ мы въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (1891 г., № 02),—земскіе начальники и судебные слѣдователи завалены дѣлами о кражахъ хлѣба изъ амбаровъ, кладовыхъ и магазиновъ. По словамъ одного изъ ближайшихъ къ Камышину земскихъ начальниковъ, рѣдкую недѣлю не поступаетъ 30—40 протоколовъ о кражахъ, причемъ виновными въ нихъ являются не отдѣльные лица, а цѣ-

этой характерной и любопытной цитаты совершенно ясно: если человек совершил дѣяніе, воспрещаемое уголовнымъ закономъ, т.-е. если онъ посаженъ въ кутузку, то это обстоятельство съ «несомнѣнностью» говоритъ о томъ, что онъ—порочная, недостаточная натура, продуктъ органическаго регресса. Пойманъ—и «воръ»; пойманъ—и «порочная, недостаточная натура».

Слыша такіе отголоски ломбровской теоріи преступности, невольно вспоминаешь о курьезномъ столкновѣніи гр. Л. Толстого съ городовымъ. Идетъ гр. Толстой по улицѣ и видитъ, что городской тащитъ пьянаго мужика въ участокъ, угощая его при этомъ тумачами. Начинаетъ Л. Н. убѣждать городского не бить мужика и, между прочимъ, укоризненно говоритъ ему: «Ты Евангеліе-то читалъ?»—«А ты полицейскій уставъ-то читалъ?»—выпаливаетъ въ отвѣтъ городской.—«Нѣтъ, не читалъ».—«Ну, такъ и не суйся!»

Роль вотъ этого-то толстовскаго городского Ломброзо и его послѣдователи и играютъ въ криминально-антропологической наукѣ. Кто духомъ полицейскаго устава,—памятованіе о которомъ необходимо для городскихъ, но апеллированіе къ которому при рѣшеніи теоретическихъ научныхъ вопросовъ едва ли уместно,—проникся не вполне, кто не соглашается въ каждомъ субъектѣ, попавшемъ въ тюрьму, видѣть порочную, въ анатомическомъ и психофизиологическомъ смыслахъ, недостаточную натуру, продуктъ органическаго регресса, тому и разговаривать съ ними совершенно бесполезно, такъ какъ онъ рискуетъ услышать отъ нихъ окрикъ: «не суйся!» Кто «пойманъ», того ужъ они неукоснительно, во что бы то ни стало, всѣми правдами и неправдами, «уличаютъ» въ атавизмъ, психофизиологи-

чскую семью. На дняхъ одному изъ земскихъ начальниковъ пришлось разбирать дѣла о кражахъ въ с. Банномъ и изъ нихъ въ трехъ были обвиняемы отецъ, сынъ и дочери. При разборѣ дѣла выяснилось, что эти семьи не бѣли по двое, по трое сутокъ и, томясь голодомъ, рѣшились обокрасть мѣстнаго кулака, забравшись подъ его амбаръ и провернувъ въ немъ отверстіе; въ теченіе трехъ ночей они поочередно высыпали хлѣбъ. Тяжело было смотрѣть на этихъ несчастныхъ воровъ: истощенныя, худыя лица невольно говорили, что только тяжкая нужда и голодъ заставляли ихъ на преступленіе. Всѣ свидѣтели подтвердили, что обвиняемые никогда на подобныя преступленія не могли согласиться, и имъ не вѣрилось, чтобы семья Зюбова (обвиняемые) совершили кражу,—это честнѣйшая въ деревнѣ семья!»

Намъ очень хотѣлось бы знать, рѣшится ли г. Дриль прихвѣнуть свой, приведенный нами въ текстъ, безпощадный тезисъ къ «ворамъ», фигурирующимъ въ цитированномъ сообщеніи, рѣшится ли онъ сказать, что эти «воры», «честнѣйшіе», «отзывамъ ихъ однодеревенцевъ, люди, представляютъ собою „несомнѣнно порочныя, недостаточныя натуры, продукты недостаточнаго органическаго развитія и органическаго регресса“? Мы убѣждены въ томъ, что онъ не рѣшится сдѣлать этого, потому что для всякаго, хоть сколько-нибудь здравомыслящаго человека должно совершенно очевидно, что «воры» эти, просто-на-просто, измученные, доведенные до отчаянія, не утратившіе еще инстинкта самосохраненія, нормальные, а вовсе не органически-порочныя и недостаточныя существа. А если г. Дриль рѣшится, то весь свой тезисъ, отъ котораго вѣтъ на насъ духомъ мертвца, мерзостно, онъ долженъ будетъ зачеркнуть цѣликомъ.

своей недостаточности и пр., — «уличать» и затѣмъ, не принимая во вниманіе никакихъ «смягчающихъ обстоятельствъ», поступать съ ними по всей строгости законовъ туринской криминально-антропологической школы, т.-е. лишать его всѣхъ правъ «нормальнаго», въ антропологическомъ смыслѣ, человека и сошлютъ на вѣчное поселеніе въ области вырожденія. Жестокіе люди!

Прекратимъ, однако же, рѣчь объ этой ломбровозской философій полицейскаго участка, — тѣмъ болѣе, что ниже намъ еще придется встрѣтиться съ этою философіей во всей ея обнаженности, — и обратимся къ характеристикѣ другихъ продуктовъ творчества Ломброзо.

И. Д—овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Англійская пугачевщина *).

Мы передали довольно подробно отношеніе Лангленда къ соціальному укладу его родины не потому, что оно отличается особою оригинальностью,— нѣтъ, оно интересуетъ насъ, наоборотъ, какъ отраженіе общихъ взглядовъ громаднаго большинства современниковъ, принадлежащихъ, за одно съ нимъ, къ тѣмъ слоямъ англійскаго общества, которое стояло всего ближе къ поднявшемуся въ 1381 году крестьянству. Что для высказыванія подобныхъ мыслей не требовалось принадлежности къ явнымъ или скрытымъ послѣдователямъ виклефовскихъ доктринъ, показываетъ примѣръ писателей, одинаково враждебно относившихся и къ лоллардамъ, и къ якобы порожденной ими жакеріи. Мы имѣли уже случай сослаться на мнѣнія монаха Сентъ-Албанской обители, хроника котораго принадлежитъ къ числу драгоценнѣйшихъ свидѣтельствъ, какія мы имѣемъ объ эпохѣ крестьянскихъ движеній. Мы видѣли, что онъ обвиняетъ господъ въ угнетеніи земельных сѣмщиковъ и даже не отступаетъ передъ заявленіемъ, что лорды—тираны своихъ подвластныхъ. Тотъ же писатель въ слѣдующихъ краскахъ изображаетъ намъ нравственный обликъ лицъ средняго состоянія, такъ называемыхъ сошмэнс: среди мира они жили въ вѣчной войнѣ, въ дракахъ, тяжбахъ со своими ближними, озабоченные только обманомъ и подлогомъ. Слѣдуютъ горькія нападки на безнравственность, въ которыхъ не трудно отгадать преувеличенія добраго проповѣдника, некушагося о своей паствѣ. Но замѣчательно, что то же убѣжденіе въ ниспосланіи самимъ небомъ ряда бѣдствій за пороки и неправды, омрачившіе собою Англію середины XIV столѣтія, высказывается не разъ и составителями тѣхъ частью англійскихъ, частью латинскихъ виршей, какими Врайтъ наполнилъ свой «сборникъ старинныхъ англійскихъ пѣсень и стиховъ, имѣющихъ отношеніе къ политикѣ». Въ одномъ изъ такихъ произведеній подъемъ крестьянъ, чума и землетрясеніе искусственно сблизжены съ цѣлью показать, что Богъ разнѣнымъ образомъ обнаруживаетъ людямъ свой гнѣвъ за ихъ пороки и правду и свою жажду мести **).

*) *Русская Мысль*, кн. V.

**) The rysyng of the commynes in londe,
The pestilence and the earthe qwake,

Въ другомъ нѣскольکو позднѣйшемъ стихотвореніи, написанномъ семь лѣтъ спустя послѣ крестьянскаго возстанія, изображена слѣдующая печальная картина внутренняго нестроенія Англіи: богатый радуется, бѣдный плачетъ, народу не втерпѣжъ и страна быстро пустѣетъ *). Король не все знаетъ, такъ какъ нѣтъ людей, готовыхъ сказать ему правду **). Самъ Фруассаръ, этотъ непримиримый противникъ возставшихъ крестьянъ, который пишетъ свой рассказъ «въ назиданіе такимъ же, какъ онъ самъ, дворянамъ», заявляетъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, крестьяне нигдѣ не обременены большими службами, чѣмъ въ Англіи, и нигдѣ эти службы не являются столь отяготительными, какъ въ графствахъ Кентъ, Эссексъ, Суссексъ и Бедфордъ, которыя и были первыми очагами возстанія ***).

Но едва ли кто-либо, за исключеніемъ Лангланда, представилъ болѣе разительную картину тѣхъ неправдъ, отъ которыхъ страдало английское общество второй половины XIV столѣтія, какъ современникъ и очевидецъ крестьянскаго движенія, поэтъ Гауеръ. И его, какъ мы видѣли, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ лоллардизму. Онъ считаетъ проповѣдь Виклефа и его послѣдователей открытою ересью, внушенною антихристомъ, но это не мѣшаетъ ему смотрѣть на духовенство, какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ народныхъ бѣдствій. Имѣя постоянно передъ собою идеалъ апостольской церкви, онъ не можетъ простить современнымъ ему епископамъ, пресвитерамъ и монахамъ ихъ богатства и мірскаго великолѣпія, ихъ нерадѣнія къ духовнымъ интересамъ паствы, ихъ снисходительности къ богатымъ и жестокосердія къ бѣднымъ. Всего ненавистнѣе ему лицемѣры-францисканцы, нищенствующие и, въ то же время, утопающіе въ роскоши и пѣгѣ. Онъ объявляетъ ихъ не только ненужными, но даже вредными для церкви.

И дворянство кажется ему не безгрѣшнымъ въ постигшихъ страну бѣдствіяхъ, не столько угнетеніемъ крестьянства, сколько разрывомъ съ традиціей. «Прежде,—говоритъ онъ,—одна доблесть давала доступъ къ облагороживанію, въ настоящее же время—деньги. Честь ставится ниже золота; рыцарство численно растетъ, но падаетъ въ другихъ отношеніяхъ». И крестьянамъ, пощаженымъ Лангланомъ, Гауеръ не прочь сдѣлать цѣлый рядъ упрековъ. Самъ Богъ приказалъ имъ работать въ потѣ лица и до-

Thease three things j understende
Beoth tokenes the greate vengeance and wrake
That schulde falle for synnessake

(Wright: „Political songs“, т. I, стр. 252).

The ryche make mery,
Sed vulgus collachrimatur;
The pepul ys weri
Quia ferme depopulatur.

†: „Political songs“, т. I, стр.

The kyng knowith no talle
Non sunt qui vera loquuntur (ibid).

Фруассаръ, глава 135.

ставлять средства къ нашему пропитанію. Нынѣ же «колонъ», т.-е. оброчный владѣлецъ, ищетъ не труда, а наслажденія въ порокахъ. Пахари становятся рѣдкими, выходятъ на работу поздно и, въ то же время, крайне стѣснительны (avarî). Они требуютъ большого вознагражденія; за послѣднее время вошло въ обыкновеніе настаивать на жалованьи въ два раза больше противъ прежняго *). Къ чему слуги стремятся, чего они хотятъ достигнуть, это — праздности магнатовъ; при этомъ они вовсе не думаютъ о томъ, чѣмъ же они станутъ питаться при такой лѣни? Богъ, — говоритъ Гауеръ, — и природа возложили на нихъ обязанность трудиться. Господь сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы дать крестьянамъ возможность подавить въ себѣ высокомеріе **).

Отмѣчая, такимъ образомъ, фактъ возвышенія заработной платы и добровольной пріостановки труда, о чемъ въ одно слово говорятъ всѣ лѣтописцы, повѣствующіе о событіяхъ, непосредственно слѣдовавшихъ за чумою 1348 г., Гауеръ сообщаетъ намъ и другую любопытную подробность: рабочіе не желаютъ наниматься на годъ и хотятъ служить помѣсячно, дабы имѣть возможность постоянно мѣнять хозяевъ, «быть сегодня въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ, сегодня у меня, а завтра у тебя». Изъ тысячи человѣкъ едва ли найдется одинъ, готовый заcontractовать свой трудъ на долгое время. Они также весьма взыскательны на пищу и питье. Обыкновенныя харчи ихъ не удовлетворяютъ болѣе. Всякая солонина признается вредной для здоровья. Не дашь имъ жаренаго мяса, и они немедленно начинаютъ роптать. Пиво кажется имъ слишкомъ слабымъ, горохъ безвкуснымъ, и если ты немедленно не удовлетворишь ихъ запроса на лучшую провизію, они на слѣдующее же утро объявятъ тебѣ о намѣреніи покинуть службу. Раздѣляя точку зрѣнія парламентскихъ статутовъ, Гауеръ объявляетъ, что если такому порядку не будетъ положенъ конецъ строгостью, земельные собственники необходимо разорятся въ ближайшемъ будущемъ ***). Достается отъ Гауера и ремесленникамъ, и купцамъ, истряпчимъ, и адвокатамъ. Первые не хотятъ отказаться отъ обмановъ. Для нихъ не существуетъ справедливой цѣны ****); они обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ; чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ обманъ тоньше и сложнѣе. Этимъ путемъ добиваются они двойной платы, нагло утверждая, что товаръ — изъ Парижа и Фландріи, когда онъ сдѣланъ на мѣстѣ *****). Купцы, главнымъ образомъ, виновны въ стяжаніи; оно мѣшаетъ имъ даже соблюдать воскресенье. Гауеру при-

*) Nunc venit hic usus: petit plus rusticus unus
Tempore praeterito quam petiere duo (Liber quintus, cap. 9, стр. 267).

**) Sed servile Deus opus imponebat eisdem
Quo sibi rusticitas corda superba domet (книга 5, cap. 9, стр. 2).

***) His nisi justitia fuerit terrore parata.
Succumbent domini tempore credo brevi.

Ср. съ этимъ заявленія общинъ въ первый, второй и третій годъ правленія Ричарда II (*Parliamentary Rolls*, т. III, стр. 17; § 54, стр. 45; § 60, стр. 69 и 4).

****) Plus capit ex opere quam valet omne tibi (Liber quintus, cap. 14, стр. 5).

*****) Liber quintus, cap. 13.

ходится поставить въ примѣръ даже евреевъ, которые въ субботу не продаютъ и не покупаютъ, пренебрегая въ этотъ день всякою наживой. Всего рѣзче отношеніе Гауера къ лицамъ юридической профессіи, къ этой «*linguosa gens*», какъ онъ ее называетъ. Имъ безразлична справедливость тяжбы; важно для нихъ только одно: способна ли она породить прибыль. Адвокатъ—точно публичная женщина, которая безъ подарка не можетъ любить мужчины *). Не лучше адвокатовъ и присяжные. Первые стригутъ шерсть, вторые снимаютъ шкуру, такъ что безпомощной овцѣ ничего не остается. Но продавать правосудіе не то же ли, что продавать Христа **)? Такимъ образомъ, Гауеръ, призвавши къ отвѣту различные классы англійскаго общества, объявляетъ всѣхъ одинаково виновными въ постигшихъ страну бѣдствіяхъ. Возстаніе общинъ подъ предводительствомъ Уота Тейлора кажется ему столько же небесною карой, сколько естественнымъ послѣдствіемъ водворившейся въ міръ неправды.

Этотъ выводъ долженъ быть принятъ и новѣйшимъ историкомъ, которому остается только выразить свое изумленіе при видѣ той пропавшей пропацательности, съ какой англійскій поэтъ-моралистъ сумѣлъ открыть дѣйствительный и, какъ видно изъ сказаннаго, многообразный источникъ народнаго недовольства и народныхъ волненій.

И такъ, согласное свидѣтельство сторонниковъ и враговъ доллардизма указываетъ на то, что въ экономическомъ положеніи поднявшихся народныхъ массъ и въ отношеніи къ нимъ прочихъ сословій были достаточныя причины для ропота, а отсюда то заключеніе, что пропаганда доллардовъ если и оказала какое-нибудь вліяніе, то только косвенное и второстепенное. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что сама эта пропаганда началась незадолго до возстанія и, слѣдовательно, не успѣла пустить глубокихъ корней въ средѣ крестьянства.

Ближайшій источникъ, изъ котораго вытекли всѣ толки о подъемѣ доллардами народныхъ массъ, является приписываемое Джону Болю сознаніе, что онъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Виклефа и у него заимствовалъ распространенную въ народѣ ересь. Не мѣшаетъ узнать, въ какихъ условіяхъ сдѣланы были эти показанія, прежде чѣмъ приписывать имъ рѣшающее значеніе въ интересующемъ насъ вопросѣ. Заключенный въ тюрьму, Кортнэ, только что сдѣланный архіепископомъ кентерберійскимъ, созываетъ провинціальныя соборы въ Лондонѣ для осужденія проводимыхъ реформаторомъ ученій. Соборъ открылся въ 1382 году; повѣствованіе же Неттера, изъ котораго мы узнаемъ о ссылкѣ Боля на Виклефа, написано годы спустя въ духѣ непримиримой вражды къ появившимся ученіямъ. Изъ самаго разсказа сторонника существующихъ церковныхъ догматовъ мы узнаемъ, что Болъ покался въ своей ереси и призналъ ви-

*) *Vult sibi caudidicus servare modum meretricis*
Quae nisi sit donum nescit amare virum (Liber sextus, cap. quintus).

Liber sextus, cap. VI.

новность Виллефа только передъ казнью и что эта казнь немногими мѣсяцами предшествовала осужденію соборомъ новыхъ доктринъ. При такихъ условіяхъ трудно положиться на одностороннее, ничѣмъ не подтверждаемое свидѣтельство лицъ, непосредственно заинтересованныхъ, и невольно вращивается подозрѣніе, что Болю вложены въ уста заявленія, которыхъ онъ никогда не дѣлалъ. Но, допуская даже ихъ автентичность, мы не можемъ не обратить вниманія на тотъ фактъ, что, согласно собственнымъ его показаніямъ, Болъ сдѣлался послѣдователемъ Виллефа только за послѣдніе два года (*per biennium*) *). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ основаніе того, что можно назвать орденомъ добрыхъ пастырей, изъ которыхъ Виллефъ, какъ замѣчаетъ Будензигъ, хотѣлъ создать орудіе для проведенія своихъ доктринъ въ народѣ, не могло состояться сразу, потребовало многихъ лѣтъ и непрестанныхъ усилій, увѣнчавшихся успѣхомъ лишь постепенно, шагъ за шагомъ, въ однихъ графствахъ раньше, въ другихъ позднѣе. Все это вмѣстѣ взятое клонится, такимъ образомъ, только къ подтвержденію нашего общаго взгляда о самопроизвольности народнаго возстанія. Позднѣйшіе бытописатели и поэты, принадлежа къ числу противниковъ новой секты, поспѣшили воспроизвести слухъ о томъ, что Болъ самъ указалъ на Виллефа, какъ на тайнаго пропагандиста крестьянской революціи, и даже призвалъ его противниковъ къ немедленному отпору вреднымъ злоученіямъ, говоря, что Николай Герфордъ, Іоганъ Аштонъ и Лаврентій Беденамъ (все лица, призванные къ отвѣту соборомъ 1382 года) «такъ глубоко запустили корни въ народѣ, что въ два года имъ не трудно будетъ вызывать гибель всего государства». Въ этомъ именно смыслѣ высказывается авторъ такъ называемыхъ *Fasciculi zizaniorum*, а также сочиненіе латинской поэмы о крестьянскомъ возстаніи, повторяющій въ своихъ виршахъ разсказъ о покаяніи Боля и его заявленіе, что «семья Виллефа», подъ которой разумѣются его послѣдователи, была первопричиною заговора, потрясшаго все королевство **).

Желая обосновать такой взглядъ и независимо отъ свидѣтельства Боля, авторъ пускается въ разсужденіе о томъ, что въ самомъ новомъ ученіи

*) *Fasciculi zizaniorum*, стр. 273.

**)

Hi sunt auctores odii
Cleri, vulgi dissidio
Et regni perturbatio.
Hinc clades homicidii,
Venit et fax incendii
Servilis ac rebellio.
Johannes Balle hoc docuit
Quando morti succubuit
Propter suam nequitiam,
Monstrans Wycleffe familiam
Causam brige primariam
Quae totum regnum terruit etc. (*Wright*: „Political son-
nets“, т. I, стр. 2)

заключался призывъ къ прекращенію барщины, натуральныхъ платежей и акта феодальной покорности. Вѣдь, долларды проповѣдывали, что десятина и первые плоды не должны быть приносимы священникамъ, недостойно себя ведущимъ (*miseri*), т.-е. не находящимся болѣе въ состояніи благодати, а также, что и господамъ не слѣдуетъ служить барщиною, рентой и прине-сеніемъ *homagia*, буде они предадутся пороку *). Анонимный авторъ, очевидно, даетъ расширительное толкованіе ученію Виклефа о послѣдствіяхъ, къ какимъ ведетъ потеря благодати священствомъ, распространяя его и на свѣтскихъ владѣльцевъ. Виклефъ, или одинъ изъ его послѣдователей, специально протестовалъ противъ такого способа истолкованія его основ-ныхъ взглядовъ, говоря, что десятина и первые плоды—не болѣе, какъ даръ прихожанъ, а барщина и рента—долгъ подвластныхъ. Но разбираемый нами авторъ не считается съ этими возраженіями и, ссылаясь на примѣръ Христа, заплатившаго драхму кесарю, громитъ доллардовъ за то, что они преднамѣренно ввели народъ въ заблужденіе. Ту же мысль о ближайшемъ отношеніи доллардовъ къ возстанію повторяетъ и монахъ Сентъ-Албанскаго монастыря, приписывая ее многимъ изъ современниковъ.

Измѣнчивый народъ,—пишетъ онъ,—всегда слѣдуетъ примѣру старшихъ (*maiores*), а такъ какъ нѣкто изъ духовенства не думаетъ серьезно противиться новому лжеученію, то неудивительно, если *maiores provinciarum*, т.-е. знатнѣйшія лица въ графствахъ, а за ними и народъ, усвоили себѣ Виклефову ересь **). Вотъ какъ сложилось сказаніе о непосредственной связи крестьянскаго возстанія съ зарожденіемъ англійской реформаціи,—сказаніе, доселѣ принимаемое на вѣру какъ англійскими, такъ и чужеземными источниками. Намъ кажется, что несостоятельность его вполне доказана и что мы можемъ отнынѣ приписать движеніе 1381 года болѣе глубокимъ и менѣе искусственнымъ причинамъ.

Надо ли доказывать, что оно не было вызвано ни внѣшними врагами, ни борьбою внутреннихъ партій, что его не поддерживала ни Франція, ни враги Джона Гонта, герцога ланкастерскаго? Оба подозрѣнія высказаны современными бытописателями. Въ четвертый годъ правленія Ричарда II посланныя для суда надъ мятежниками коммиссіи, между прочимъ, принуждены считаться съ обвиненіемъ въ распространеніи иноземнаго золота

*) Будензигъ слѣдующимъ образомъ передаетъ ученіе Виклефа о власти и потерѣ ея вмѣстѣ съ благодатью. Источникомъ власти нельзя считать ни папу, ни императора, а только Бога, который, какъ верховный глава міра, распредѣляетъ владычество между тѣми, кто послушенъ Его волѣ. Только пользующійся благодатью имѣетъ по закону власть. Совершившій же смертный грѣхъ тѣмъ самымъ лишается, вмѣстѣ съ благодатью, и власти: „*nullum est civile dominium, nisi in iustitia evangelica sit fundatum, ideo peccans mortaliter non habet dominium*“ (*De dominio divino*, стр. 21 и 22). Будензигъ находитъ источникъ подобной теоріи въ феодальномъ правѣ, которое также не допускало вѣчности владычества и ставило продолженіе его въ зависимость отъ вѣрности сюзерену (*Buddensieg*: „*Johann Wykleff und seine Zeit*“). G. 1885 г., стр. 142).

id. стр. 311.

среди первых ополченцевъ въ Эссексѣ. Король мѣсяцемъ ранѣе обратился къ вице-графамъ и болѣйкамъ королевства съ призывомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не послѣдовало высадки непріятеля со стороны моря.

До нашего слуха,—пишетъ онъ,—дошло, что непріятельскія галеры, съ огромнымъ числомъ воиновъ, ходятъ вдоль берега Эссекса и собираются причалить съ цѣлью поднять войну, разгромить нашъ народъ и законы *). Въ протоколахъ судебного разбирательства встрѣчается даже текстъ самообличенія нѣкоего Роберта Бэнета, который, признавая фактъ, что деньги были обѣщаны со стороны французскихъ агентовъ, но не выплачены, старается навести подозрѣніе на двухъ другихъ участниковъ возстанія, Рикарда Кэмсъ и Іоанна Гарди, которые, по его словамъ, одни получили обѣщанное золото. Въ источникахъ отсутствуютъ дальнѣйшія указанія на то, какой исходъ имѣлъ этотъ доносъ, но самыя условія, въ какихъ онъ былъ сдѣланъ, невольно вызываютъ сомнѣніе въ дѣйствительности изложенныхъ фактовъ и выставляютъ обвинителя въ невыгодномъ свѣтѣ.

Весьма вѣроятно, что это былъ неболѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ агентовъ, которымъ правительство обѣщало прощенье подъ условіемъ выдать главныхъ заговорщиковъ. Самъ Бэнетъ обвиняется въ разгромѣ тюрьмы Ньюгетъ и освобожденіи заключенныхъ. Уже послѣ привлеченія его къ ответственности онъ въ Гильдгольѣ, въ присутствіи коронера и лондонскихъ шерифовъ, доводитъ до свѣдѣнія, что два уроженца Оксфордскаго графства, упомянутые Кэмсъ и Гарди, въ пятницу, слѣдующую за праздникомъ Corpus Christi, во второй годъ правленія Ричарда II, предательски и съ явною измѣной приняли отъ Іоанна Біанъ изъ Франціи сумму во сто фунтовъ золотомъ; деньги получены были ими въ Портсмутѣ, не прямо изъ рукъ французскаго сеньора, а черезъ посредство одного изъ его оруженосцевъ. Сверхъ ста фунтовъ обѣщано было еще столько же черезъ двѣ недѣли, причемъ платежъ долженъ былъ воспослѣдовать въ Рай, въ графствѣ Суссексъ. Кэмсъ и Гарди якобы обязались «ad retractandum se et alios Anglos quantos potuerunt et ad permitendum inimicos Francos... terrare in partes Angliae ad comburendum, interficiendum et destruendum in partibus Angliae predictis» **).

Нѣтъ, разумѣется, ничего невѣроятнаго въ томъ, что враги Англіи охотно воспользовались бы переживаемыми ею усобицами. Король въ своихъ письмахъ къ шерифамъ и мэрамъ говоритъ, что ему завѣдомо извѣст-

*) *Pat. Rolls*, 4. R. II. Pars Prima. Rex universis et singulis vicecomitibus, maioribus, ballivis, ministris et aliis fidelibus ligeis et subditis nostris in comitatu Essex tam infra libertates quam extra... Quia pro certo intelleximus quod gallice et alie naves inimicorum nostrorum cum magna multitudine armatorum super costam Essex jam existunt et super costeram illam applicare proponunt ad populum et nos nostros ibi clam destruendum nisi eorum malicie viribus resistatur. *Apud Westm.* XII, die septembris.

**) *Coram rege R. II. De termino Sancti Hilarii*, c. Oxford.

но о намѣреніи высадиться на берег мятежнаго графства. Но чтобы къ осуществленію этого намѣренія приступлено было въ формѣ раздачи неизвѣстнымъ и чисто-второстепеннымъ лицамъ денегъ, подъ условіемъ поднимать народъ на привительство, въ этомъ позволено сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что ни одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ, ни Вольсингамъ, ни анонимный монахъ Эвесгамскаго монастыря, ни Клайтонъ, каноникъ лейчестерскій, ни Вильгельмъ Торнъ, августинецъ изъ Бентерберри, ни словомъ не упоминаютъ объ иноземныхъ вліяніяхъ, говорить въ пользу той мысли, что подозрѣнія въ тайныхъ козняхъ Франціи и въ подстрекательствѣ ея крестьянъ продержалось не долго въ англійскомъ обществѣ и исчезло, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда въ памяти лѣтописцевъ.

Болѣе упорнымъ былъ другой слухъ, что партія, враждебная Джону Гонту, герцогу ланкастерскому, воспользовалась пребываніемъ его на сѣверной границѣ, гдѣ онъ занятъ былъ переговорами съ шотландцами, чтобы помѣшать принятію какихъ-либо мѣръ противъ мятежниковъ. И Вольсингамъ, и Фруассаръ одинаково повторяютъ это обвиненіе, говоря, что современники изумлялись тому, что дворъ, извѣщенный задолго о подготовленіи возстанія, тѣмъ не менѣе, воздерживался отъ всякой репрессіи *). Вольсингамъ прямо говоритъ, что королевская свита стояла за то, чтобы мятежники допущены были къ личному заявленію своихъ желаній правительству; противъ свиданія Ричарда съ кентскими и эссекскими дружинами протестовали только архіепископъ кентерберійскій, Симонъ де-Судбери, бывшій одновременно и канцлеромъ, да Робертъ Гельсъ, магистръ ордена госпиталіицевъ, исполнявшій обязанности государственнаго казначея, т. е. тѣ самыя лица, которые въ Лондонѣ сдѣлались первыми жертвами народной ярости. Подозрѣніе въ пассивномъ, если не въ сочувственномъ отношеніи къ движенію поддерживалось, разумѣется, прежде всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что сами ополченцы выдавали себя за лицъ, поднявшихся въ защиту правъ Ричарда на престолъ, требовали отъ всѣхъ, кто примыкалъ къ нимъ, клятвы въ вѣрности ему, громко заявляя, что не желаютъ видѣть на престолѣ «короля Джона», подъ которымъ разумѣли герцога ланкастерскаго. То обстоятельство, что послѣдній добивался въ это время признанія своихъ правъ на престолъ Кастиліи, сдѣлалось источникомъ распространенія въ народѣ слуха, что герцогъ хочетъ сдѣлаться королемъ Англіи и замышляетъ противъ Ричарда. Мятежники такъ часто выдавали свои дѣйствія за исполненіе приказовъ монарха, что Ричарду II пришлось въ официальномъ обращеніи къ шерифамъ заявить, что «homicidia et damna», причиненныя возставшими «ex auctoritate seu voluntate nostra mihi me processerunt» и что самъ онъ глубоко огорченъ всѣмъ случившимся *). Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ справедливость народной молвы,

Walsingham: „Froissart Chroniques“, т. I, гл. 135, стр. 455 и 455.

sed exinde vehementius contristati sentimus. См. *Parl. Rolls*, а. 5, R. II,

час Pax Henrici Percy comiti Northumbriae, Rodulpho de Hastings Viccomiti

приписывавшей борьбѣ придворныхъ партій атрофію правительственной дѣятельности и даже тайную поддержку мятежа, нужно, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ томъ, каковы были эти партіи. Предшествовавшіе годы сдѣлались свидѣтелями борьбы герцога ланкастерскаго съ церковниками, главами которыхъ считались архіепископъ кентерберійскій и епископъ лондонскій.

Въ этой борьбѣ Джонъ Гонтъ оказался случайнымъ союзникомъ Виклефа и однажды защитилъ его открыто отъ преслѣдованій *). Виклефъ поставленъ былъ даже въ необходимость личнаго обращенія къ Гонту. Хотя его вышестательство и повело къ запрещенію лоллардамъ дальнѣйшей проповѣди въ Оксфордѣ, но избавило ихъ, въ то же время, отъ передачи на судъ епископовъ. Какъ примирить съ этимъ приписанную лоллардамъ агитацію противъ герцога и устройство съ этою цѣлью крестьянскаго возстанія, мы рѣшить не беремся, такъ какъ вообще отвергаемъ дѣятельную роль лоллардовъ въ пропагандѣ революціонныхъ идей. Возстаніе, во всякомъ случаѣ, доказало, что предъ лицомъ крестьянъ обѣ спорящія партіи, Ланкастера и церковниковъ, были одинаково отвѣтственными въ претерпѣваемыхъ ими бѣдствіяхъ. Сожигая дворецъ герцога на Стрендѣ, такъ называемый Савой, они, въ то же время, грабили помѣстья церковниковъ, убивали епископа кентерберійскаго и магистра ордена госпиталійцевъ. Видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ выполнение задуманной противъ Ланкастера придворной интриги также нелѣпо поѣтому, какъ и обратное предположеніе, что Джонъ Гонтъ, остававшійся все время вдаль отъ событій, былъ ихъ дѣйствительнымъ виновникомъ и думалъ воспользоваться ими противъ своихъ враговъ. Такое подозрѣніе, тѣмъ не менѣе, было пущено въ ходъ, и вотъ по какому поводу: когда въ пятый годъ правленія Ричарда II Томасъ Гардингъ присужденъ былъ къ повѣшенію, какъ главный виновникъ вторичнаго возстанія въ Кентѣ, одинъ изъ доносчиковъ, Джонъ Котъ, заявилъ, что дошедшій до Кента слухъ объ отпущеніи герцогомъ на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ заставилъ

Eborum etc., apud London X die Julii, отпечатано въ седьмомъ томѣ Rymer, Foedera.

*) Обо всемъ этомъ можно найти подробности у Будензига и Лехлера, не говоря уже о современныхъ лѣтописцахъ и авторѣ цитированнаго нами трактата „Fosciculi zizaniorum“. Мальвернъ даетъ объ этихъ отношеніяхъ герцога ланкастерскаго къ духовенству нѣкоторыя любопытныя подробности. Рассказавши предварительно, что Виллефму запрещена была дальнѣйшая проповѣдь, что одно заступничество Джона Гонта помѣшало принятію противъ него болѣе строгихъ мѣръ, Мальвернъ прибавляетъ, что въ тотъ же день лондонцы (communes Londoniae) „propter quoddam verbum minatorium quod, ut dicebatur, dux Lancastriae debuit episcopo Londoniae causa diditi Wiclyf dixisse“, — направились толпою въ нѣсколько тысячъ человекъ на дворецъ герцога ланкастерскаго, именуемый Савой, въ намерѣніи его разрушить и убить самого герцога. Ихъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря вышестательству епископа лондонскаго (Higden, т. VIII, стр. 389) — упоминаемый здѣсь дворецъ Савой — тотъ самый, который въ 1881 году разгнѣ

мятежниковъ стать на его сторону и предложить ему королевскую корону *). Допосу не было дано дальнѣйшаго хода и никакіе свидѣтели не подтвердили его справедливости. Вовлеченные въ обвиненіе единомышленники Гардинга допущены были къ рѣшенію дѣла поединкомъ, и такъ какъ потерпѣли поражение, судъ приговорилъ ихъ къ одной участи съ главнымъ виновникомъ. Если имѣть въ виду, что пущенный противъ Ланкастера навѣтъ сдѣланъ былъ въ то самое время, когда восторжествовавшая церковная партія дѣятельно взялась за преслѣдованіе лоллардовъ и выдвинула противъ Виклефа обвиненіе въ подстрекательствѣ, то легко догадаться, откуда шли попытки замѣшать и Ланкастера въ дѣло, въ которомъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ не болѣе, какъ жертвой.

Такимъ образомъ, противорѣчивость навѣтовъ, взводимыхъ другъ на друга соперниками, и невозможность согласовать дѣйствія мятежниковъ съ интересами враждующихъ сторонъ, лишаетъ всякаго серьезнаго значенія пущенные въ ходъ слухи. Временная инерція правительства и высшихъ классовъ находитъ болѣе вѣроятное объясненіе въ обурывшемъ ихъ страхѣ. Еще памятливы были недавнія событія во Франціи и жестокости, причиненныя Жаками феодальнымъ сенъорамъ. Видя передъ собой двухсоттысячную толпу, хотя и плохо вооруженную, но пользующуюся поддержкой городского демоса, король и придворные могли задуматься о томъ, въ какой мѣрѣ удобно обращеніе къ грубой репрессіи и не слѣдуетъ ли, въ интересахъ скорѣйшаго успокоенія массъ, обѣщать требуемая вольности, съ тайнымъ намѣреніемъ отобрать обѣщанное при первой возможности? Исходъ показалъ, что такая политика въ данныхъ условіяхъ была самая успѣшная. Большинство ополченцевъ разошлось по домамъ, парламентъ отменилъ единоличныя распоряженія короля, какъ неконституціонныя, а высшіицы, избавивъ дворянство отъ главныхъ вожаковъ движенія, позволили распространить на прочихъ участниковъ блага амнистіи подъ условіемъ возвращенія къ прежней барщинѣ и прежнимъ натуральнымъ рентамъ.

II.

Историкъ временъ Елизаветы, Стау, у котораго мы находимъ самый подробный отчетъ о первыхъ дѣйствіяхъ мятежниковъ, говоритъ, что начало возстанію положено было въ трехъ селеніяхъ Эссекскаго графства. Черезъ посредство разосланныхъ комиссаровъ они завербовали себѣ сосѣднихъ крестьянъ, такъ что вскорѣ образовалось ополченіе въ пять тысячъ человекъ. Спрашивается, каковы были тѣ селенія, съ которыхъ начался подъемъ народныхъ массъ, и что дало ближайшій поводъ къ ихъ движенію? По словамъ того же Стау, Фобингъ, Керингамъ и Санфордъ были первыми очагами крестьянскаго мятежа. Поводомъ къ возстанію было недоволь-

*) См. выдержки изъ *Coram Rege Rolls*, отпечатанныя въ IV томѣ *Archeologia* Сауера.

ство поочажнымъ сборомъ, установленнымъ въ 1380 году. Шель слухъ, что цѣль обложенія—доставить средства для войны съ Испаніей и упроченія притязаній Джона Гонта на кастильскій престолъ. Многие шли еще далѣе въ своихъ предположеніяхъ и считали Ланкастера претендентомъ въ Англіи. Отсюда распространенный между мятежниками кликъ: «не хотимъ другого короля, кромѣ Ричарда!» Какъ уже сказано въ предшествовавшей главѣ, поочажный сборъ далеко не носилъ характера исключительнаго обложенія низшихъ классовъ. Тогда какъ въ 1380 г. отъ платежа подати въ четыре динарія или отъ такъ называемой grossa изъяты были «*religiosi, mendicantes* и *pauperes*», въ слѣдующій за тѣмъ не только увеличенъ былъ размѣръ налога, но и самый сборъ его распространенъ на духовныхъ. Женатый обложенъ вмѣстѣ съ супругой двумя солидами, неженатый—двѣнадцатью пенсами, монахи и священники, владѣвшіе землями и церковными бенефиціями, призваны къ поголовному взносу шести солидовъ восьми пенсовъ *).

И все же,—прибавляетъ лейчестерскій лѣтописецъ Кнайтонъ,—налогъ не доставилъ суммы, равной той, какая уплачена была въ предшествующій годъ при обложеніи одними четырьмя пенсами. Это обстоятельство и побудило королевскихъ совѣтниковъ назначить комиссію для разслѣдованія причинъ недостаточнаго поступленія доходовъ въ казну. Во главѣ ея поставленъ былъ Джонъ Леджъ, который сдѣлается, какъ мы увидимъ, одной изъ жертвъ мятежниковъ.

Комиссіа обнаружила неисправность сборщиковъ. Придворные убѣдили короля, что казна получить несравненно больше, если они сами возьмутъ на себя сборъ новой подати **). Ричардъ поддался ихъ увѣщаніямъ. Откупщики начали притѣснять народъ, позволяя себѣ грубое обращеніе съ лицами, не желавшими платить подати въ требуемомъ размѣрѣ. Дѣло дошло до открытаго сопротивленія и многие сборщики были ранены, нѣкоторые убиты. Это заставило короля назначить новыхъ комиссаровъ для слѣдствія и суда. Однимъ изъ нихъ былъ Томасъ Бемптонъ. На Вознесенье 1381 г. Бемптону пришлось засѣдать въ Брентвудѣ. Присутствовавшіе здѣсь поселяне Фобинга единогласно заявили, что не заплатятъ больше ни копейки. Послѣдовали тщетныя угрозы. Жители отвѣтили на нихъ призывомъ на помощь

*) Knyghton, Ms Brit. Mus., Cotton, Claudius, E. III, fol. 266.

**) Джонъ Мальвертъ, который изъ всѣхъ повѣствователей одинъ заслуживаетъ названіе современника, также ставитъ начало движенія въ связи со взиманіемъ поочажнаго сбора (*Highden*, т. 9, стр. 1). То же надо сказать и о монахѣ Эвесгемскаго монастыря. Онъ называетъ поочажный сборъ „*tallagium grave propter quod in Anglia suscitatum est magnae perturbationis naufragium*“. Королевскіе совѣтники—прибавляетъ онъ,—движимые стяжательствомъ, внушили монарху мысль, что податъ не взимается какъ слѣдуетъ сборщиками, и предложили „*certam summam pecunie pro eo, quod vellent colligere ultra id, quod de praefato tallagio fuit prius domini regi solutum*“. Получивши королевскія полномочія, они въ отдѣльных мѣстностяхъ Кента и Эссекса стали взимать податъ, притѣсняя народъ и причиняя ему великія обиды. Это и было поводомъ къ первымъ сборщикамъ недовольныхъ (*Hearty*, стр. 1).

сосѣднихъ поселковъ: Керингама и Санфорда. Въ числѣ ста человекъ мятежники явились къ Бемптону съ заявленіемъ, что не хотятъ впредь имѣть съ нимъ никакого дѣла, а тѣмъ менѣе платить что бы то ни было. Бемптонъ приказалъ задержать ихъ, но они вскорѣ освобождены были сосѣдами и при ихъ содѣйствіи бѣжали въ Лондонъ съ цѣлю представить жалобу королевскому совѣту. Рѣшено было послать особую комиссію для разслѣдованія на мѣстѣ всего случившагося. Во главѣ ея поставленъ былъ председатель суда общихъ тяжбъ, Робертъ Белькнепъ. Мятежники и на этотъ разъ не отступили предъ мыслію о сопротивленіи. Объявивъ Белькнепа измѣнникомъ королю и государству, они принудили его принести присягу въ томъ, что онъ впредь не будетъ засѣдать ни въ одной подобной комиссіи. Уступая ихъ угрозамъ, Белькнепъ долженъ былъ объявить имена присяжныхъ, участвовавшихъ въ разбирательствѣ. Они вскорѣ сдѣлались жертвою народной толпы, которая разгромила ихъ дома и обезглавила попавшихся ей подъ руку. Узнавъ объ этомъ, Робертъ Белькнепъ бѣжалъ, но его секретари заплатились жизнью; головы ихъ, посаженные на пикъ, сдѣлались своего рода трофеємъ для возставшихъ. Чтобы запастись провіантомъ, мятежники вслѣдъ затѣмъ набросались на помѣстье магистра Іерусалимскаго ордена, расположенное невдалекѣ отъ Лондона. Здѣсь запасено было, — говоритъ Стау, — не мало вина, суконъ изъ Арраса и всякаго рода припасовъ. Крестьяне овладѣли усадьбой, «осушили бочки до дна» и опустошили земли магистра. Совершивъ все это, они разослали манифесты въ Кентъ, Суффолькъ и Норфолькъ, приглашая жителей этихъ графствъ примкнуть къ нимъ возможно скорѣе; сами же разбились на нѣсколько бандъ и совершили не мало насилій. Возстаніе вскорѣ распространилось на Кентъ, ближайшимъ поводомъ къ чему было слѣдующее: въ понедѣльникъ, вслѣдъ за Вознесенъемъ, рыцарь королевской свиты, Симонъ Берлэ, явившись въ Гревзендъ на Темзѣ, сталъ требовать выдачи ему бѣглаго крѣпостного; онъ соглашался отпустить его на волю не иначе, какъ подъ условіемъ единовременной уплаты 300 фунтовъ; въ виду неисполненія этого требованія, Берлэ распорядился заточеніемъ крестьянина въ Рочестерскомъ замкѣ. Это вызвало волненіе въ народѣ. Кое-гдѣ начался открытый мятежъ. Король прислалъ судью, уже упомянутаго Джона Лэдждъ. Но когда послѣдній вздумалъ открыть сессію въ Кентербери, крестьяне силою воспротивились этому. Съ каждымъ днемъ росло число недовольныхъ, которые по собственной инициативѣ рѣшили собраться въ Дартфордъ. Здѣсь положено было раздѣлиться на двѣ партіи: одна должна была остаться на мѣстѣ для охраны морского берега, другая пойти на Рочестеръ для встрѣчи и соединенія съ эссекскими ополченцами. Въ ихъ сообществѣ крестьяне Кента осадили замокъ и, взявъ его приступомъ, освободили заточеннаго здѣсь крестьянина изъ Гревзенда. До этого времени ополченцы не имѣли предводителей. Теперь они поставили во главѣ себя Уота или Ваттера Тейлора изъ Медстона, который въ понедѣльникъ, слѣдующій за Тѣмъ же, привелъ ихъ въ Кентербери. Отъ жителей отобрана была присяга

въ вѣрности королю Ричарду и законнымъ общинамъ Англіи; монахамъ приказано было выбрать новаго архіепископа, такъ какъ теперешній измѣнникъ и подлежитъ казни. Три человека въ городѣ заплатились жизнью за попытку сопротивленія. Присоединивши къ себѣ пятьсотъ человекъ изъ Кентербери, мятежники пошли на Лондонъ.

Этимъ заканчивается рассказъ Стау о первыхъ дѣйствіяхъ народныхъ дружинъ Эссекса и Кента; но такъ какъ въ его распоряженіи были факты, плохо укладывавшіеся въ рамки предъидущаго повѣствованія, то, въ дополненіе къ сказанному, онъ приводитъ нѣсколько анекдотовъ, замѣчая, что они заимствованы изъ хроники, принадлежавшей нѣкогда монастырю святого Албана. Одинъ изъ этихъ анекдотовъ касается нѣкогого Джона Тайлора, родомъ изъ Дартфорда въ Кентѣ. Имя его, какъ мы увидимъ ниже, не разъ приводится судебными протоколами. Этотъ Тайлоръ, ничего не имѣющій общаго съ предводителемъ кентскихъ дружинъ, въ рассказѣ Стау убиваетъ сборщика, оскорбившаго его жену, и встрѣчаетъ дружную поддержку въ жителяхъ собственнаго селенія, Дартфорда. За этимъ рассказомъ слѣдуетъ новое отступленіе отъ общей нити повѣствованія. Прежде чѣмъ достигнуть Кентербери, народные банды осаждаютъ въ Медстонѣ тюрьму архіепископа, въ которой заключенъ былъ проповѣдникъ Боль. Они готовы объявить его архіепископомъ кентерберійскимъ, а пока дѣлаютъ своимъ капланомъ и проповѣдникомъ. Дальнѣйшее, что Стау говоритъ о дѣйствіяхъ народныхъ дружинъ до прихода въ Лондонъ, служить къ общей характеристикѣ ихъ поведенія съ различными классами общества. Объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи, а пока сопоставимъ рассказъ Стау съ тѣмъ, что сообщаютъ намъ другіе, болѣе ранніе источники, начиная съ лѣтописей и оканчивая судебными протоколами.

Фруассаръ ни словомъ не упоминаетъ о недовольствѣ поочажнымъ сборомъ и вліяніи, какое это недовольство оказало на подъемъ крестьянъ въ Эссексѣ. Все движеніе, по его мнѣнію, вытекло изъ желанія положить конецъ крѣпостной зависимости. Подстрекателями были Боль и лолларды; на ихъ призывъ откликнулась городская чернь Лондона, завидовавшая тому, что богачи и дворянство захватили въ свои руки все золото и серебро. Фруассаръ настаиваетъ на томъ дружественномъ приѣмѣ, какой жители Кентербери оказали крестьянскимъ бандамъ. Онъ говоритъ о грабительствѣ, произведенномъ ими въ церкви Томаса Бекета, въ покояхъ архіепископа и жилищѣ аббата монастыря св. Винцента. И въ Рочестерѣ встрѣча гражданъ самая дружественная. Пребываніе въ городѣ ознаменовано тѣмъ, что капитанъ крѣпости, бывшій одновременно и старшимъ констеблемъ, подѣ страхомъ смерти принужденъ слѣдовать за народными бандами, торжествуя, прибавляетъ Фруассаръ, въ другихъ графствахъ поступили такъ же образомъ со многими лордами и рыцарями, какъ-то: съ лордомъ Маломъ, съ рыцарями Стифенъ Гельсъ и Томасъ Косингтонъ. Въ повѣствованіи Фруассара возстаніе поднято Кентомъ и изъ главнаго города этого графства распространяется черезъ посредство эмиссаровъ на Эссексъ, с

фолькъ, Бедфордъ, а позднѣе на Кембриджъ, Ворвикъ и Линкольнъ. Объ осадѣ Медстона Фруассаръ ничего не говоритъ, заявляя, что Боля ополченцы встрѣтили въ Кентерберѣ, гдѣ онъ тщетно искалъ архіепископа, временно отлучившагося въ Лондонъ. Народныя дружины изображены идущими непосредственно изъ Кентерберѣ въ Рочестеръ, а изъ Рочестера въ Дартфордъ.

Что касается Вольсингама, то и у него вліяніе налогового гнета на подъемъ народныхъ массъ не оговорено, но первымъ очагомъ движенія указанъ Эссексъ, а не Кентъ. Лѣтописецъ не сообщаетъ подробностей о порядкѣ, въ какомъ послѣдовало соединеніе эссекскихъ и кентскихъ ополченій, и о приѣмѣ, оказанномъ имъ жителями Кентерберѣ и Рочестера. Все это Стау долженъ былъ заимствовать изъ другихъ источниковъ и, по всей вѣроятности, прежде всего, изъ хроники лейчестерскаго канонника Бнайтона, у котораго говорится объ осадѣ Медстона и объ освобожденіи Джона Боля, затѣмъ изъ хроники нѣкоего монаха Сентъ-Албанскаго монастыря, на которую имѣются ссылки въ самомъ текстѣ; но все это вмѣстѣ взятое не даетъ еще полнаго списка матеріаловъ, какими пользовался современникъ Елизаветы при составленіи своего отчета, и мы поставлены, такимъ образомъ, въ недоумѣніе, въ какой мѣрѣ сообщаемое имъ оправдывается свидѣтельствами современниковъ *).

Понятно послѣ этого, какое значеніе можетъ имѣть для исторіи зарожденія крестьянскаго возстанія тотъ перечень событій, какой мы встрѣчаемъ въ протоколахъ судебныхъ комиссій, которымъ поручено было разслѣдовать дѣйствія отдѣльныхъ участниковъ движенія. Онъ позволяетъ намъ высказаться съ увѣренностью и о ближайшемъ поводѣ къ подъему народныхъ массъ, и о первоначальномъ его очагѣ, и о направленіи, въ какомъ мятежники двинулись на Лондонъ, и о тѣхъ дѣйствіяхъ, въ какихъ они выразили свое недовольство существующимъ порядкомъ. Обращаясь къ этому, какъ видно изъ сказаннаго, незамѣнимому источнику, мы узнаемъ изъ него, что движеніе дѣйствительно началось съ Эссекса. Въ такъ называемыхъ *Assize-Rolls* пятаго года правленія Ричарда II къ числу первыхъ зачинщиковъ отнесены крестьяне того самаго селенія Фобингъ, о которомъ

*) Мальверпъ и эвсгамскій монахъ прибавляютъ мало новаго къ тому, что извѣстно намъ изъ другихъ хроникъ. У перваго рассказъ о возстаніи начинается съ перечня событій, послѣдовавшихъ въ Лондонѣ 12 іюня 1381 года; у втораго связь мятежа съ почтеннымъ сборомъ высказана весьма опредѣленно въ слѣдующей сентенціи: упомянувъ объ этомъ, какъ онъ выражается, тяжеломъ налогѣ, *tallagium grave*, лѣтописецъ прибавляетъ: „*propter quod in Anglia suscitatum est magnae perturbationis tagium*“. Авторъ обвиняетъ во всемъ скупость (*avaritiam*) сановниковъ, вызвавшую появленіе откупной системы. Откупщики же причинили народу многія обиды и тягости. „*Quod videntes aliqui ex populo consiliumque secretius iniantes auxilio legato ipsis Regis exactoribus resistiterunt ac contra eos insurrexerunt*“. За этимъ слѣдуетъ рассказъ о походѣ кентскихъ и эссекскихъ ополченій на Лондонъ безъ всякаго упоминанія о томъ, что произведено было ими въ Кентерберѣ Медстоу.

говорится въ повѣствованіи Стау. За одно съ ними обвиняются поселеніе Стенфорда, имя котораго также приводится современнымъ Елизаветѣ историкомъ. Другія селенія, поставившія первыхъ заговорщиковъ: Мокнингъ, Горндонъ, Рамуденъ, Варло, Гервордстокъ, Цингъ, Бокингъ, Рейнгамъ, Вегде. Какъ и у Стау, первыя собранія (*congregaciones*) происходятъ въ Брендвудъ въ четвергъ, слѣдующій за праздникомъ Вознесенія. Они направлены противъ мировыхъ судей (*justiciarii regis ad pacem in commitatu Essex conservandam*). Въ числѣ этихъ послѣднихъ встрѣчается имя Іоанна Бемптона. Нападеніе сдѣлано «лукомъ и стрѣлами» (*cum arcubus et sagittis*). Мятенники намѣреваются убить судей (*interficere*). Въ понедѣльникъ, слѣдующій за Троицей,—опять-таки срокъ, указанный Стау,—народныя банды идутъ на помѣстье пріора госпиталійскаго или, что то же, Іерусалимскаго ордена, Бресингъ. Они взламываютъ усадьбу, грабятъ, поджигаютъ. Въ тотъ же день слѣдуетъ нападеніе на эссекскаго шерифа Іоанна Съюэль. Мятенники уносятъ изъ его жилища 1,400 марокъ казенныхъ денегъ. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, мы встрѣчаемъ не только надѣльныхъ крестьянъ, но и помѣщичьихъ слугъ (*servientes*), и ремесленниковъ: черепичниковъ (*tylers*), ткачей (*webbes*) и т. д., между прочимъ, одного фламандца, занятаго ткацкимъ дѣломъ (*flemung webbe de Benyngton*), наконецъ, лицъ, о которыхъ въ актѣ говорится, что они завѣдомые воры (*communis latrones*). Въ одномъ изъ селеній Эссекса, въ Ганингфилдъ, состоящемъ изъ трехъ поселковъ, восточнаго, западнаго и южнаго и образующемъ изъ себя отдѣльную сотню, возставшими предводительствуетъ мѣстный баллифъ или сотникъ. Онъ ведетъ народъ «вопреки его желанію», какъ значится въ обвинительномъ актѣ присяжныхъ, на помѣстье магистрата Іерусалимскаго ордена; онъ же въ среду, слѣдующую за Рождествомъ Іоанна Крестителя, посылаетъ слугу къ мировымъ судьямъ Эссекса и подъ страхомъ смерти приказываетъ имъ съ восходомъ солнца явиться въ приходскую церковь селенія магна Вадewe (Бадью), гдѣ они встрѣтятъ самого баллифа во главѣ мѣстнаго ополченія. Всѣ выѣстъ пойдутъ затѣмъ войною на графа Бекингамскаго и другихъ, какъ значится, «вѣрныхъ подданныхъ короля». Они должны быть перебиты, а дома ихъ сожжены. Въ положенный день, т.-е. въ четвергъ, баллифъ собираетъ крестьянъ изъ пяти селеній, прилегающихъ къ лѣсу въ Ретингдонъ, и заставляетъ ихъ принести клятвенное обѣщаніе «пойти войною на короля». Такимъ образомъ, въ нѣсколькихъ центрахъ, въ Бренвудъ, въ Ретингдонъ, возникаютъ отдѣльные очаги возстанія. Мѣстныя ополченія соединяются затѣмъ въ одно и производятъ рядъ погромовъ, оканчивающихся общимъ походомъ на Лондонъ. По пути они осаждаютъ замки, грабятъ, жгутъ; голубатни вскры скотъ уведенъ, запасы хлѣбомъ и другою провизіей унесены. Такъ, примѣръ, въ среду, слѣдующую за Троицей, толпа набрасывается на мѣщичью усадьбу въ Ронгамъ и уводитъ оттуда пять быковъ цѣ въ пять марокъ, трехъ бычковъ цѣною въ двадцать солидовъ, шестьдесятъ овецъ цѣною въ шестнадцать ливровъ. Толпа истреби

движимость и уносить сто двадцать пѣтуховъ и куръ цѣною въ сорокъ солидовъ *). На Рождество Іоанна Крестителя слѣдуетъ подобная же расправа въ Брадуэль, причѣмъ мятежники уничтожаютъ голубятню (*osteriam columbarum*) **). Жертвою крестьянской расправы являются, прежде всего, фивансовые чиновники. Въ обвинительныхъ актахъ не разъ значится, что тотъ или другой изъ участниковъ возстанія въ теченіе ряда дней съ Пятидесятницы до праздника Тѣла Христова (*Corpus Christi*) во главѣ ополченія, имѣя самими созданнаго, обходить помѣщичьи усадьбы, «сжигая книги (т.-е. документы) господъ» ***). Іоганъ Ивель, королевскій *escheater*, т.-е. чиновникъ, поставленный надъ конфискованными имуществами и обязанный составлять опись того, что правительство присвоило себѣ изъ состоянія осужденныхъ, становится предметомъ народной ярости; голова его летитъ съ плечъ; все находившееся въ домѣ на сумму во сто ливровъ разнесено или истреблено. Адмиралъ Эдмундъ де-ла-Маръ въ Пельдонѣ ограбленъ одновременно на сумму въ двадцать ливровъ. Вломившіеся въ его жилище унести, между прочимъ, королевскій патентъ, выданный ему на званіе адмирала; они прикрѣпляютъ этотъ документъ къ граблямъ и несутъ въ качествѣ не то трофея, не то знамени, по всему пути отъ Пельдона до Майленда, т.-е. вплоть до Лондона ****).

Только что описанными актами самоуправства возставшіе достигли ближайшей цѣли: они избавили себя отъ платежа ненавистнаго имъ налога, прогнали сборщиковъ и присланныхъ имъ на подмогу судей, истребили всякаго рода акты, удостовѣрившіе размѣръ недоимокъ или поступленіе тѣхъ или другихъ имуществъ въ казну. Помѣщики поставлены были въ необходимость разстаться съ ренталами и кустумаріями, удостовѣрившими величину крестьянскихъ службъ и платежей. Всего этого ополченцы добились, несмотря на плохое вооруженіе, несмотря на то, что изъ ста человѣкъ, по заведенію Вольсингама и Фруассара, едва десять имѣли при себѣ лукъ и стрѣлы или покрытые ржавчиной мечи *****). Въ теченіе ближайшихъ дней, слѣдующихъ за описанными событіями, эссекскія дружины не заняты никакимъ крупнымъ предпріятіемъ; онѣ довольствуются производствомъ одно-

*) *Assize Rolls*, Huadredum de Chelmeford die martis et die mercurii post festam apostolorum Petri et Pauli. 5. Ric. II. Juratores dicunt etc.

**) *Coram Rege Roll*. 6. Ric. II. De termino Sancti Michaelis, c. Essex.

***) *Coram Rege Roll*. V. R. II. De termino Pasche, c. Essex. Присяжные показываютъ, что Родольфъ Этвудъ (т.-е. живущій вблизи гѣса) изъ Брадуэля участвовалъ въ разрушеніи домовъ госпиталійцевъ въ Грессингѣ и унесъ съ собою вооруженія, одѣжды, золота, серебра и другихъ драгоценностей на сумму 20 ливровъ. Продолжая съ *malicia*, онъ въ разныхъ частяхъ графства со своею дружиною (*cum societate*) жегъ книги помѣщичьихъ.

*) *Ibid*.

**) Гауаръ въ своей *Vox clamantis* слѣдующимъ образомъ описываетъ оружіе мятежныхъ крестьянъ: коса, покрытая ржавчиной, лопата, замѣняющая мечъ, палка и лукъ со стрѣлами, у которыхъ часто недостаетъ перьевъ, вилы, замѣняющія пики.

стороннихъ актовъ насилія. Не нашедши еще общаго предводителя, онѣ далеки отъ мысли идти войною на Лондонъ. Легко можетъ статься, что, не вспыхни одновременно возстанія въ Кентѣ и не получи заговорщики поддержки изъ столицы, эссекскій мятежъ не вышелъ бы изъ предѣловъ графства и сдѣлся бы повтореніемъ тѣхъ довольно обычныхъ безпорядковъ, какими раньше и послѣ сопровождались фискальныя вымогательства правительства и откупщиковъ. Но въ то самое время, какъ эссекскіе ополченцы старались освободиться отъ новыхъ податныхъ тягостей и откупной системы, въ Кентѣ народъ подымался на помѣщиковъ, прекращая платежи рентъ и отправленіе барщины, отбирая и сжигая рентали и вустумары, а въ Лондонѣ, по свидѣтельству Фруассара, болѣе тридцати тысячъ человекъ, принадлежащихъ къ числу бѣднѣйшихъ жителей, сочувственно слѣдили за ходомъ событій и посылали эмиссаровъ съ порученіемъ звать мятежниковъ въ столицу *). Еще при взятіи Грессинга въ средѣ эссекскихъ дружинъ можно было отмѣтить присутствіе жителей Лондона.

Томасъ Фарингдонъ, котораго присяжные изображаютъ предводителемъ (ductor) нѣкоего ополченія «cuiusdam comitive», поставившій себѣ цѣлю осадить усадьбу пріора госпиталійцевъ и истребить хранимыя въ ней бумаги, былъ уроженцемъ столицы. Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Фарингдона можно заключить, что къ общимъ причинамъ недовольства присоединялись въ немъ еще личныя; онъ жаловался на то, что Рикардъ Вестонъ «несправедливо отнялъ у него имѣніе», и требовалъ отъ короля возстановленія его въ прежнемъ владѣніи **).

До насъ дошли имена тѣхъ агентовъ, какіе посланы были лондонскими жителями къ возставшимъ въ Эссексѣ крестьянамъ. Это были Адамъ Атевэль и Роджеръ Гаррисъ,—и тотъ, и другой мясники. Атевэль былъ поставщикомъ Джона Гонта, герцога ланкастерскаго. Въ протоколахъ судебного слѣдствія ни разу не говорится о томъ, чтобы всѣ дѣйствовавшіе въ Эссексѣ банды подчинялись одному общему руководителю. Самое имя Уота Тейлора или, какъ пишутъ его источники, Walter Theghelele of Essex, т. е. Вальтеръ, черепичникъ изъ Эссекса, впервые упоминается въ связи съ кентскими событіями, съ разгромомъ 10 іюня королевскаго замка въ Кентербери и задержаніемъ шерифа. Послѣдній отосланъ былъ въ свое помѣстье Милтонъ, повидимому, расположенное въ графствѣ Эссексѣ, и поставленъ подъ надзоръ Уота, который, прибавляютъ источники, принялъ мѣры къ немедленному сожженію найденныхъ при шерифѣ бумагъ ***).

*) Это показаніе подтверждается обвиненіями, представленными въ 6-й дѣ правленія Ричарда II судебной комиссіей подъ предсѣдательствомъ Михаила д'А-Поль (*Coram Rege Rolls*, Hilary Term).

**) См. *Coram Rege Rolls*, 5, R. II. De termino Pasche, c. Essex. Juratore. representant, quod Thomas Faringdon de London die lune proximo post festum Sanctae trinitatis. 4. R. II fuit apud Cressyngtemple ductor cuiusdam comitive et ibidem proavit domos prioris Sancti Johannis de Jerusalem in Anglia et bona et catalla aspor-

***). См. *Archeologia Cantiana*, т. III, стр. 92.

Мы настаиваемъ на томъ фактѣ, что Уотъ Тейлоръ, которому впоследствии пришлось играть такую выдающуюся роль въ переговорахъ съ королемъ, на первыхъ порахъ не выступаетъ съ характеромъ общаго руководителя. На ряду съ нимъ упоминаются и другіе начальники: Аланъ купецъ, Вильгельмъ Гаукъ, Іоганъ Стапуль. Останавливаясь на этихъ подробностяхъ, потому что онѣ подрываютъ въ корнѣ возможность тѣхъ догадокъ, въ какія еще недавно пускались нѣкоторые историки насчетъ того, не было ли имя Тейлора вымышленнымъ и не скрывался ли подъ этимъ прозвищемъ какой-нибудь членъ высшаго или низшаго дворянства. Не допуская мысли, чтобы человекъ простого званія способенъ былъ собрать подъ свои знамена чуть не стотысячную армію и связать свое имя съ однимъ изъ грандіознѣйшихъ и опаснѣйшихъ движеній крестьянскаго демоса, многіе проводили мѣсяцы въ архивахъ въ тщетной надеждѣ найти подтвержденіе тому, что Тейлоръ былъ отщепенцемъ аристократіи и преслѣдовалъ честолюбивые замыслы. Ничто, однако, не доказываетъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно вожакомъ всего движенія, а тѣмъ болѣе, чтобы подъ его именемъ скрывался человекъ знатнаго происхожденія. Лѣтописцы упоминаютъ о рядѣ лицъ, которыя, подобно Тейлору, были предводителями отдѣльных бандъ *). Въ счетахъ королевскихъ «конфискаторовъ» (escheators), какъ и въ *inquisitiones post mortem*, или разслѣдованіяхъ объ оставленныхъ кѣмъ-либо феодальныхъ имѣніяхъ, нѣтъ упоминанія о Тейлорѣ, очевидно, потому, что за нимъ не числилось ни собственности, ни владѣнія. Такимъ образомъ, всѣ предположенія о благородствѣ его крови и о предводительствѣ имъ всего возстанія падаютъ сами собой, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны бы исчезнуть и тѣ дальнѣйшіе выводы, какіе старались сдѣлать изъ факта организаціи движенія выходцемъ изъ рядовъ дворянства. Крестьянское возстаніе 1381 года не было результатомъ придворной интриги; оно создано не желаніемъ одной партіи парализовать дѣятельность другой, а народнымъ недовольствомъ. О немъ нельзя говорить, какъ о направленномъ противъ герцога ланкастерскаго или герцогомъ ланкастерскимъ противъ Бекингама. Всякія параллели съ позднѣйшими движеніями, какъ, напримѣръ, возстаніемъ Кэда въ правленіе Генриха VI, неумѣстны. Вожаки не выдавали себя также за то, чѣмъ они не были; самозванцы явились поздно. Подъ именемъ Уота никто изъ современниковъ не искалъ подобія того Джона Мортимера, близкаго родственника короля, какимъ выдавалъ себя Кэдъ. Правда, въ лѣтописяхъ мы читаемъ, что крестьяне принуждали владѣльцевъ разграбленныхъ ими помѣстій слѣдовать за собою и исполнять ихъ поруче-

*) См. *Chronicon Angliae a monacho S.-Albani ab anno 1325 usque ad 1388* (Thomson, стр. 310). Эвесгамскій монахъ говоритъ о Jak Sherp, Johan Wraw, me Meller, Watte Taylor, Hobbe Carter и Jak Straw, какъ о первыхъ предводителяхъ; онъ не проводитъ между ними никакихъ различій во власти (Hearne, стр. 23).

совмѣстнаго съ ними дѣйствія въ Лондонѣ ополченцы не имѣли не только общаго начальника, но и никого, кто бы уполномоченъ былъ говорить ихъ именемъ и вступать въ соглашеніе съ кѣмъ бы то ни было. Случайно образовавшіяся банды дѣйствовали въ разсыпную и мысль о походѣ на столицу и о представленіи петиціи королю явилась только впоследствии.

Въ Кентѣ первыя проявленія народнаго недовольства и готовности положить силою конецъ барщинѣ и натуральнымъ платежамъ относятся еще къ 5 июня. Въ Дартфордѣ въ среду, предшествующую Троицыну дню, образовывается первая банда. Въ составъ ея входятъ жители сосѣднихъ селъ: Гаргета, Лина и нѣкоторые завербованные ими жители Эссекса. Эти пришельцы поднимаютъ престопаго въ Дартфордѣ и ведутъ его на Медстонъ и Рочестеръ въ Кентербери. Это направленіе выступаетъ при чтеніи судебныхъ протоколовъ, которые рѣшительно расходятся со свидѣтельствомъ хроникъ и въ частности Фруассара, говорящаго объ обратномъ движеніи изъ Кентербери въ Рочестеръ, а оттуда въ Дартфордъ. Судя по именамъ тѣхъ селъ, которыя упомянуты въ обвинительныхъ актахъ присяжныхъ, первымъ очагомъ движенія была сѣверная часть графства. Кентъ раздѣленъ, какъ извѣстно, на три «ласа»; изъ нихъ западный, въ которомъ расположенъ Блекгисъ, примкнулъ къ движенію только послѣ прибытія ополченій сѣверныхъ и восточныхъ селъ, южный же, Сьютонъ, повидимому, совсѣмъ не принялъ участія въ возстаніи *). Первые дни, слѣдовавшіе за сборищемъ въ Дартфордѣ, ознаменованы скорѣе актами частнаго насилія, нежели выполненіемъ напередъ задуманной программы, ставящей себѣ сознательныя цѣли, стремящейся достигнуть прочныхъ результатовъ для будущаго. Въ обвинительномъ актѣ присяжныхъ, заседавшихъ въ Кентербери вмѣстѣ съ Томасомъ Голандъ и другими членами посланной королемъ судебной комиссіи, говорится, что нѣкій Робертъ булочникъ (Bakere) на Троицынъ день собралъ ополченіе изъ лицъ, имена которыхъ остались неизвѣстны, и направилъ его на домъ Николая Гернига въ Рочестеръ. Толпа вломилась въ жилище и разграбила его. Въ тотъ же день произведены акты насилія въ Френдесбери; жертвою ихъ является нѣкій Томасъ Сентъ-Ольбанъ, усадьба котораго временно занята мятежниками и предана

---

*) Присяжные относятъ къ числу первыхъ ополченцевъ уроженцевъ Дартфорда, Рочестера, Медстона, Чатама и Джинингама, Кентербери, Лонгбриджа, Бадекиля, Блекборна, Тентердена, Лингама, Истри-Лоренца, Чилденда, Уайттепеля, Баутона, Фавергама, Престона, Бленгета, Тенгама и острова Танетъ. При помощи *Spelman* (*Village Anglicum*) и *Sandys* (*Consuetudines Cantiae*) легко опредѣлять мѣсто нахождения названныхъ селъ и городовъ. Всѣ они расположены въ сѣверномъ ласѣ. О началѣ движенія мы находимъ слѣдующія подробности въ *Coram Rege Roll* о шестомъ году правленія Ричарда II (*de termino S. Martinis*). Нѣкоторые жители Ригетъ въ сообществѣ крестьянъ Лина (*Lesnes*) нападаютъ на аббатство этого мѣста въ воскресенье, предшествующее Троицыну дню. Аббатъ принужденъ покаяться, бѣжать отъ нихъ *de locum comitiva*. Перешедши Темзу, ополченцы идутъ въ Дартфордъ, разрушивъ нѣсколько домовъ и включивъ въ свои ряды многихъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, идутъ вмѣстѣ съ ними въ Медстонъ.

расхищенію. Та же банда, въ которой, на ряду съ жителями Кента, встрѣчаются и выходцы изъ Эссекса, вооружившись луками, мечами и дрекольями, обходить сосѣднія селенія, принуждая обывателей применить къ ней подъ страхомъ смерти. Возростая, такимъ образомъ, съ часа на часъ, она производитъ по пути всякаго рода безчинства, жжетъ помѣщичьи усадьбы, взламываетъ тюрьмы и, освободивъ заключенныхъ, силою принуждаетъ ихъ слѣдовать за собою. Такъ, въ среду, слѣдующую за Троицей, произведена ею осада королевскаго замка въ Рочестерѣ. Робертъ Белингъ, сидѣвшій здѣсь въ заточеніи, выпущенъ на свободу, но подъ условіемъ слѣдовать за возставшими. Днемъ раньше та же толпа, по дорогѣ изъ Дартфорда въ Рочестеръ, убиваетъ Іоганна Стонгелдъ изъ Медстона и беретъ приступомъ усадьбу Вильгельма Тончайнъ, которая немедленно предапа пламени. Присяжные оцѣниваютъ убытки въ тысячу марокъ. Въ пятницу и субботу той же недѣли слѣдуетъ осада новыхъ помѣщичьихъ усадебъ, которыя затѣмъ расхищаются и становятся жертвой огня. Во власти мятежниковъ вскорѣ оказывается нѣсколько рыцарей и сквайровъ: Томасъ Кобгамъ, Іоганнъ Френнингамъ, Іаковъ Печамъ, которые всѣ заточены, такъ какъ не хотятъ принести присяги въ готовности дѣйствовать за одно съ мятежниками.

Одновременно Бекеръ и предводительствуемая имъ банда осаждаютъ всѣ лежащія на пути королевскія тюрьмы, выпуская на свободу заключенныхъ. Каждый разъ, когда во взятыхъ съ приступа замкѣ или усадьбѣ оказываются какіе-либо письменные акты, королевскіе или частные, толпа распоряжается ихъ сожженіемъ публично на сельской площади. Такъ погибаютъ, между прочимъ, хранившіеся въ Дартфордѣ списки конфискованныхъ правительствомъ земель, такъ называемые *escheatrolls* *).

Вольсингамъ, а за нимъ анонимный монахъ Сентъ-Албанскаго монастыря говорятъ о кентскомъ возстаніи, какъ о порожденномъ эмиссарами изъ Эссекса **). То обстоятельство, что въ числѣ первыхъ мятежниковъ въ Дартфордѣ судебные протоколы называютъ и жителей Эссекса, служитъ подтвержденіемъ этого свидѣтельства. Дартфордъ, съ котораго началось движеніе, расположенъ не далеко отъ границъ Эссекса; ополченцамъ послѣдняго не мудрено было подать руку помощи жителямъ сосѣднихъ съ нимъ селеній. Что эта помощь была принята съ благодарностью и что общины Кента продолжали считать свое дѣло связаннымъ съ исходомъ эссекскаго движенія и подчиняться приказамъ, исходившимъ отъ его вожаковъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ фактъ передачи шерифа въ Кентербери въ руки Уота Тейлора изъ Эссекса.

Направленіе, въ какомъ двинулись образовавшіеся въ Дартфордѣ банды, также объясняется не случайностью, а расчетомъ. Онѣ пошли на

Coram Rege Rolls. V. R. II. De termino Sancte Trinitatis.

Wolsingham, т. I, стр. 454. Chronicon a monacho Sancti Albani, стр. 286.

Смотри III т. *Archeologia Cantiana*, гдѣ въ переводѣ на англійскій языкъ приведены извлеченія изъ *Praesentationes de malefactoribus, qui surrexerunt contra Do-* *minum regem 4 et 5 R. II. Exchequer treasury of the Receipt Miscellaner 21 (13).*

Кентерберн, надѣясь завербовать въ свои ряды многихъ паломниковъ, шедшихъ на поклоненіе мощамъ Томаса Бекета. Вольсингамъ передаетъ любопытныя подробности о томъ, какъ всѣхъ, попадавшихся имъ на пути, предводители крестьянскихъ бандъ задерживали и не раньше отпускали на свободу, какъ послѣ принесенія ими клятвы въ вѣрности Ричарду и общинамъ, а также въ томъ, что они не признаютъ королемъ «никого по имени Джонъ». Это послѣднее обстоятельство, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — вызвано было ихъ нерасположеніемъ къ герцогу ланкастерскому Джону Гонту, который называлъ себя королемъ Кастиліи, такъ какъ былъ женатъ на дочери и наслѣдницѣ Петра Кастильскаго. Задержанные должны были также поклясться въ томъ, что при первомъ призывѣ станутъ подъ знамена ополченцевъ и будутъ сопротивляться силой всякой измѣнѣ, а также, что они склоняются къ тому же и своихъ односельчанъ, наконецъ, что впредь они не согласятся платить другого налога, кромѣ такъ называемой *quinta decima* или пятнадцатой части дохода, слѣдующая въ этомъ примѣру отцовъ и предковъ, не знавшихъ иныхъ формъ обложенія *).

По дорогѣ въ Кентерберн кентскія ополченія останавливаются въ Медстонѣ изъ желанія освободить содержавшагося здѣсь въ тюрьмѣ Джона Боля. Лѣтописи не даютъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей о движеніи кентскихъ общинъ до момента достиженія ими Лондона. Оставленный пробѣлъ восполняется официальными документами **). Они даютъ намъ возможность прослѣдить ходъ возстанія съ момента, когда кентскія ополченія вышли изъ Дартфорда, и до того, когда они расположились на Блекгисѣ у входа въ столицу.

Мы видѣли, что первыя сборища послѣдовали еще пятого іюня, но потребовалась недѣля для того, чтобы дойти до Лондона. Девятого ополченцы попадаютъ въ сотню Чатамъ — въ селеніе Джимингамъ. Слѣдуетъ нападеніе на нѣкоего Томаса Бедемантонъ, общественное положеніе котораго не указано, но легко можетъ быть отгадано по тому обстоятельству, что въ его рукахъ оказываются королевскія грамоты и всякаго рода письмена. Самъ онъ владѣетъ домомъ и кускомъ поля. Это, очевидно, помѣщикъ, чиновникъ или юристъ, т.-е. членъ одного изъ трехъ одинаково ненавистныхъ мятежникамъ классовъ. Прежде чѣмъ обложить его реквизиціей въ двадцать шиллинговъ, вторгшіеся въ жилище отбираютъ клятву въ томъ, что потерпѣвшій не будетъ преслѣдовать ихъ предъ судомъ. Мятежникамъ недостаетъ еще увѣренности въ успѣхѣхъ и они запасаются на всякій случай амнистіей. Причиненный Бедемантону убытокъ оцѣненъ присяжными въ сто фунтовъ. Въ расчетъ не вошли бумаги, которыя ополченцы уносятъ съ собою съ очевиднымъ намѣреніемъ положить конецъ тому вымогательству рентъ, р-щины, налоговыхъ платежей, штрафовъ и т. п., который въ ихъ глазъ къ

*) *Wolsingam: „Historia Anglicana“, т. I, стр. 455.*

**) Кромѣ упомянутыхъ уже судебныхъ протоколовъ см.: *„Prioris et ca. abb. Cantuariensis mandatum de denunciando excommunicatos eos, qui interfecerunt a hieriscoporum Cantuariensem“ (Wilkins: „Concilia“, т. III, стр. 153).*

не имѣлъ другого источника, кромѣ этихъ бумагъ. Десятаго числа главный корпусъ ополченцевъ въ Престонѣ, недалеко отъ Фаверсгама. Ремесленники этого послѣдняго города спѣшать имъ на встрѣчу, въ числѣ ихъ Джонъ Гардинеръ, по званію своему портной. Онъ принимаетъ роль мѣстнаго руководителя и направляетъ собравшуюся вокругъ него банду на дома и усадьбы наиболѣе зажиточныхъ гражданъ. Нападеніе, повидимому, имѣетъ цѣлью вымогательства и грабежъ. Вильямъ Мекнедъ, сдѣлавшійся первымъ его жертвой, подѣ страхомъ смерти обѣщаетъ исполнить все, что приказано будетъ ему Джономъ Гардинеромъ.

Гардинеръ принуждаетъ другого члена той же семьи покинуть принадлежавшій ему участокъ въ Лаймостѣ, въ границахъ того же селенія. Мятежники грозятъ не однимъ помѣщичьимъ усадьбамъ; они позволяютъ себѣ саморасправу и съ простыми мастерами. По характеру имуществъ, найденныхъ при разгромѣ жилищъ Филиппа Бода и Ричарда Бертелота, не трудно заключить, что названные лица принадлежали къ числу протестантовъ. Судебные протоколы говорятъ о мѣшкахъ извести, винной посудѣ и другой домашней утвари, какъ объ исключительномъ составѣ ихъ движимости. Одновременно въ Фаверсгамѣ происходятъ такіе же акты самоуправства и насилія; они направлены противъ помѣщиковъ, которые принуждаются къ выдачѣ ренталей *).

Возстаніе распространяется и на сотню Бленгетъ, гдѣ во главѣ мѣстной банды мы находимъ простого сельскаго работника, Джона Левеспортъ, черепичника, и на сотню Тенганъ, гдѣ осажденные въ усадьбахъ помѣщики обязаны поплатиться движимостью или внести выкупъ, и на сотню Вингашъ, гдѣ предводителемъ является кузнецъ и дѣло не обходится безъ убійства Вильгельма Вертона, собственника въ Чилдендѣ, и на сотни Лонгбриджъ, Бедекель, Блекгарнъ и Тендерденъ, гдѣ также слѣдуетъ расхищеніе имуществъ и уводъ скота на сумму нерѣдко въ нѣсколько десятковъ фунтовъ.

Еще до прихода дартфордскихъ ополченцевъ въ Кентербери начались беспорядки. Судебные протоколы говорятъ намъ, что 10 іюня нѣкоторые ремесленники, какъ - то: Генрихъ Уойтъ — портной, Вильямъ Мундъ — ткачъ, и другіе вломились въ жилище Вильяма Медменгамъ въ Кентербери и унесли оттуда имуществъ цѣною на десять фунтовъ. Та же судьба постигла двухъ другихъ зажиточныхъ гражданъ—Джона Тербъ и Томаса Отингтонъ. Первый поплатился жизнью, второй принужденъ былъ слѣдовать за мятежниками подѣ страхомъ подвергнуться одинаковой участи. Подоспѣвшія скорѣ затѣмъ крестьянскія банды, предводимыя, въ числѣ ихъ, въ показаніяхъ присяжныхъ сотни Фаверсгама, Уотомъ Тейломъ изъ Эссекса и Джономъ Гельсъ изъ Маллинга, направились на королевскій замокъ, въ которомъ жилъ шерифъ графства по имени Вильямъ Стивенсъ. Они силою принудили его слѣдовать за собою, заставили по-

въ этомъ положеніи оказался Томасъ де-Туръ въ Фаверсгамѣ.

клясться въ вѣрности королю Ричарду и общинамъ Англіи и потребовали немедленной выдачи всѣхъ судебныхъ актовъ, бывшихъ у него на храненіи. Такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ оказались протоколы какъ мировой, такъ и королевской юстиціи, счетовъ 50 свитковъ, а также всѣ приказы за государственною печатью или такъ называемые writs. Всѣ эти документы, по распоряженію Уота Тейлора, сожжены на городской площади. Шерифу приказано отбыть въ свое помѣстье Милтонъ, гдѣ, по выраженію тѣхъ же источниковъ, онъ поставленъ былъ подъ надзоръ Уота Тейлора. Взявши королевскій замокъ, мятежники ворвались въ тюрьму и освободили изъ нея четырехъ подсудимыхъ, отбывавшихъ здѣсь наказаніе. Этими лицами оказались Ричардъ Дерби, духовнаго званія, Джонъ Бергъ, Джонъ Гемпкокъ и Агнеса Дженкинъ. Всѣ они сидѣли въ кандалахъ, прикованными къ стѣнѣ. Въ обвиненіяхъ, возведенныхъ на участниковъ этого предпріятія, значитъ, что подсудимые освобождены были противъ ихъ воли, очевидно, изъ расчета увеличить число приверженцевъ. Къ этимъ даннымъ, почерпнутымъ изъ протоколовъ судебного разбирательства, бумаги кентерберійскаго капитула позволяютъ прибавить слѣдующія подробности: ополченцы силою входятъ во дворецъ архіепископа, вскрываютъ бочки въ погребѣхъ, пьютъ вино или разливаютъ его на полу, грабятъ имущество и причиняютъ «всякаго рода вредъ» какъ дворцу архіепископа, такъ и его помѣстьямъ. Мало этого, они ломаютъ загороди, какими обнесены были парки, охотятся на дичь и почти изводятъ ее *).

Ободренные успѣхомъ, крестьяне Эссекса на слѣдующій день идутъ въ Медстонъ, гдѣ, какъ сообщаетъ Кнайтопъ, заключенъ былъ архіепископомъ кентерберійскимъ Джонъ Болъ **).

Въ этой осадѣ приняли участіе жители какъ двухъ сельскихъ сотенъ Смердена и Кангала, такъ и граждане Кентерберіи. Слѣдующіе два дня возстаніе постепенно охватываетъ болѣе отдаленныя части графства, въ томъ числѣ и островъ Танэтъ. Въ этихъ мѣстностяхъ оно является уже выполненіемъ опредѣленнаго плана; дѣйствіями заговорщиковъ руководить изъ Кентерберіи Уотъ Тейлоръ. По его приказу издаются извѣстныя прокламаціи и жители обкладываются сборомъ на предстоящіе издержки. Лѣтописи хранятъ упорное молчаніе насчетъ всего движенія и намъ приходится цѣликомъ заимствовать наши свѣдѣнія изъ судебныхъ протоколовъ. Вотъ возможно близкая передача того, что содержатъ въ себѣ эти источники.

Настоятель церкви св. Іоанна, капланъ по имени Вильямъ, тринадцатаго іюня на праздникъ Corpus Christi вмѣстѣ съ Джономъ Тейлоромъ, са и-

*) Wilkins: „Consilia“, т. III, стр. 153.

**) Sique primo dexterent aciem sue nequitie ad quandam villam Archiepiscopi Cantuariensis vocatam Madstok (sic) in qua erat carcer dicti Archiepiscopi et in dicta carcere erat quidam Iohannes Bolle Capellanus, qui predicator famosissimus habebatur apud laicos. Dicti vero populares carcerem fregunt et eum extraxerunt. Ms Claudius E. III fol. 266.

становъ той же церкви, и Джономъ Бутеромъ, также духовнымъ лицомъ (clericus), исполняя порученіе Іакова Стро *) и Уота Тейлора (Tegheler), приказываютъ жителямъ острова, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, осадить домъ уже упомянутого нами Вильяма Меденгамъ. Источники говорятъ, что непокорные подверглись наказанію (castigati sunt). Собравшимся велѣно срыть домъ до основанія, выбросивши изъ него предварительно всѣ книги и налоговые свитки, которые затѣмъ должны быть преданы сожженію. Приказъ исполненъ въ точности: внѣшнія ворота, а за ними двери, ведущія въ жилище, взломаны. Ворвавшись въ покои, толпа вскрыла ларцы и вынула хранившіяся въ нихъ податныя разверстки.

Такъ какъ эти послѣднія исходили отъ палаты казначейства за зеленою печатью, то онѣ извѣстны были въ народѣ подъ наименованіемъ свитковъ зеленого воска. Всѣ найденные документы сожжены публично, въ расчетѣ, что съ ихъ уничтоженіемъ отнята будетъ возможность дальнѣйшаго вымогательства поочажнаго сбора. Изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ, что при осадѣ присутствовало двѣсти человекъ и что причиненный убытокъ оцѣненъ былъ въ двадцать марокъ золотомъ. Недовольство Меденгамомъ, который, повидимому, былъ агентомъ лицъ, снявшихъ на откупъ королевскую подать, было такъ сильно, что народъ собирався убить его, но Меденгама не оказалось въ самый моментъ осады. Вожаки движенія, въ которыхъ не трудно отгадать единомышленниковъ Джона Боля, такихъ же, какъ и онъ, холлардовъ, издають одновременно манифестъ, въ которомъ отмѣняютъ барщину и натуральные платежи въ пользу сеньоровъ, съ тою, однако, любопытною оговоркой, что эта мѣра не будетъ распространена на лицъ, держащихъ землю на зависимыхъ отношеніяхъ отъ кентерберійскаго пріората, а также отъ самого города.

Чтобы добиться согласія сеньоровъ, предписано осадить ихъ замки и сжечь архивы. Издержки должна была покрыть временная подать со всѣхъ жителей острова.

Въ сотвѣ Уай призывъ къ оружію производится именемъ сквайра Бертрама Вильментонъ. Это первое указаніе объ участіи лицъ высшаго общественнаго положенія. Ничто не доказываетъ, однако, чтобы ближайшіе виновники мятежа уполномочены были дѣйствовать именемъ только что упомянутого лица. Сами они простолюдины; поваръ изъ Баутона, согласно обвиненію присяжныхъ, былъ главнымъ предводителемъ. Нападеніе на жилище происходитъ въ присутствіи мѣстныхъ властей. Констебль не противится осадѣ дома нѣкоего Джона Эть-Вудъ (въ другомъ показаніи названнаго Лэкостръ). Разграбленное имущество оцѣнено въ десять марокъ.

Это отличаетъ событія этихъ послѣднихъ дней отъ предшествующихъ, въ отсутствіе общаго плана и общаго руководительства. Ополченцы огаютъ себя и согражданъ временными взносами, обращаются къ людѣ зажиточнымъ съ требованіемъ денежныхъ реквизицій, систематически

жгутъ помѣстные книги, судебные акты, налоговые свитки и производить все это отъ имени одного лица—Вальтера Тейлора или черепичника изъ Эссекса. Отмѣтимъ при этомъ, что имя этого Вальтера стоитъ рядомъ съ именемъ Джека Стро. Судебные протоколы признають въ нихъ двухъ отличныхъ другъ отъ друга лицъ; поэтому позднѣйшія соображенія лѣтописца Кнайтона о томъ, что Джекъ Стро не болѣе, какъ псевдонимъ Уота Тейлора, не заслуживаютъ довѣрія. Съ Тейлоромъ дѣйствуетъ заодно и Джонъ Гельсъ изъ Маллинга, личность котораго ступевывается внезапно, подобно личности Джека Стро, по всей вѣроятности, въ виду возростаго вліянія Уота Тейлора и захвата имъ въ свои руки единоличнаго предводительства.

Та же организація, то же, частью добровольное, частью вынужденное подчиненіе одному, много двумъ вожакамъ, дѣйствующимъ сообща или согласно, встрѣчаются и въ тѣхъ двухъ графствахъ—Суффолькъ и Норфолькъ, которыя первыя отозвались на посланный имъ изъ Эссекса призывъ и подняли знамя возстанія противъ налогового гнета и помѣщичьей саморасправы. «Нынѣ высокомѣріе въ цѣнѣ, стяжаніе считается мудростью, распутство выступаетъ безстыдно и обжорство не встрѣчаетъ хулы»,—писалъ Джонъ Болъ въ своемъ обращеніи къ единомышленникамъ въ Норфолькъ и Суффолькъ. «Неправда слишкомъ долго правила міромъ, а истина была въ заточеніи»,—объявлялъ въ томъ же духѣ Джекъ Трюманъ, т.-е. Жакъ справедливый,—прозвище, подъ которымъ, разумѣется, не скрывалось никакого опредѣленнаго лица и которое служило обозначеніемъ всѣхъ, кто, подобно ополченцамъ Кента, готовъ былъ постоять за торжество правды на землѣ *). Первыми отозвались на посланное изъ Кента воззваніе Роджеръ Беконъ изъ Норфолька и Іоганнъ Вроу изъ Суффолька. Замѣчательно, что ни тотъ, ни другой не принадлежали къ крестьянской средѣ; одинъ былъ рыцаремъ, другой—церковнымъ капланомъ, т.-е. помощникомъ или замѣстителемъ приходскаго священника. О дѣйствіяхъ обоихъ мы узнаемъ весьма мало изъ лѣтописей и должны пополнить этотъ пробѣлъ выдержками изъ судебныхъ протоколовъ **).

Присяжные, призванные къ составленію обвиненій противъ мятежниковъ, шестнадцатаго іюля 1382 года объявляютъ, что Роджеръ Беконъ, рыцарь (*miles*), былъ предводителемъ (*capitanus*) тѣхъ, кто въ Норфолькъ и Суффолькъ возсталъ противъ королевскаго мира. Собранная имъ банда называется «*magna comitiva*», т.-е. большимъ ополченіемъ. Съ тѣмъ, что приведеннымъ свидѣтельствомъ согласны показанія присяжныхъ Истъ и Вестъ Флегъ въ Суффолькъ. И они говорятъ, что Роджеръ Беконъ былъ «*communis levator et ductor hominum inimicorum domini regis per totam patriam*».

*) См. содержаніе разосланныхъ изъ Кента прокламацій у Кнайтона (*in Twysden*), текстъ котораго свѣренъ нами съ рукописями кнайтонской хроники. *1* *ib.* *Mus. Tiberius*, c. VII, и *Claudius*, c. III.

**) См., однако, *Wolsingham*, т. II, стр. 1 и 2, и хроникку монаха Сентъ Аббанскаго монастыря, которая воспроизводитъ рассказъ Вольсингама, стр. 301—

Ставъ во главѣ недовольныхъ, онъ начинаетъ съ того, что въ поне-
дѣльникъ, въ праздникъ св. Роха, осаждаютъ въ Норвичѣ дома за-
житочнѣйшихъ гражданъ и уносятъ съ собой денегъ и имущества на
сумму гдѣ ста, гдѣ двухъ сотъ ливровъ, а гдѣ и тысячи марокъ; при
этомъ нѣкоторые изъ избранныхъ имъ жертвъ заплатились жизнью, какъ,
напримѣръ, Реджинальдъ Эклъсъ. Изъ Норвича Беконъ, во главѣ собраннаго
ополченія, идетъ въ Ярмутъ. Здѣсь во вторникъ 18 Іюня онъ заставляетъ
выдать себѣ королевскую грамоту, въ которой, какъ значится въ прото-
колахъ, признавались вольности жителей («*carta regis de libertate villae*»).

Получивъ грамоту въ руки, онъ рѣжетъ ее на двѣ части, препровождаетъ
одну повстанцамъ въ Суффолкъ, въ томъ числѣ Джону Броу, и остав-
ляетъ другую въ своихъ рукахъ. Овладевъ королевскою тюрьмой, онъ
казнитъ однихъ преступниковъ и милуетъ другихъ. Ярмутъ считался ко-
ролевскимъ помѣстьемъ и его жители платили обычные ренты или такъ
называемыя *customae*. Размѣръ ихъ указанъ былъ въ особыхъ свиткахъ,
хранившихся у помѣстныхъ чиновниковъ. Роджеръ Беконъ вламывается
въ ихъ дома и разграбляетъ имущество, унося съ собою, между прочимъ,
«*rotulus et obligationes de customis domini regis*». Причиненные имъ убытки
оцѣнены въ одномъ случаѣ въ двѣсти, въ другомъ—въ четыреста ливровъ.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни Роджеръ ведетъ свои ополченія и на сосѣднія
помѣстья. Нигдѣ такъ систематически, какъ въ Ярмутѣ, не производится
погромъ имѣній, истребленіе ренталей и кустумаріевъ. Обвинительный актъ,
составленный присяжными, засѣдавшими въ пятый годъ правленія Ри-
чарда II съ Вильгельмомъ де-Уфордъ, графомъ Суффолькскимъ, председа-
телемъ назначенной королемъ судебной комиссіи, долженъ быть приведенъ
цѣлкомъ, такъ какъ съ необыкновенною полнотою изображаетъ намъ обыч-
ный образъ дѣйствія крестьянъ по отношенію какъ къ свѣтскимъ, такъ и
духовнымъ сеньорамъ. Во вторникъ, слѣдующій за праздникомъ св. Роха,
крестьяне аббатства Карью, предводительствуемые кузнецомъ изъ Броксгама,
осаждаютъ дѣвничій монастырь и, грозя убить настоятельницу, требуютъ
выдачи всѣхъ грамотъ и всѣхъ протоколовъ вотчиннаго суда, которые за-
тѣмъ сожжены въ Норвичѣ. Днемъ раньше, въ самый праздникъ св. Роха,
подобные же беспорядки происходятъ въ Вимондгамѣ, гдѣ жертвою ихъ
является владѣлецъ помѣстья, архіепископъ норфолькскій Іоаннъ Фретонъ.

Его имущества разграблены, скотъ уведенъ, а сосѣдніе рыцари обложены
денежными поборами. Черта, отсутствующая въ показаніяхъ присяжныхъ
другихъ графствъ, это—выдача епископомъ документовъ, удостоверяющихъ,
что давальщій платежъ рентъ сложенъ имъ съ лицъ, снявшихъ землю въ
арендное держаніе (*pro firma terrae*). Жители Вимондгама ставятъ ополче-
ніе во сто человѣкъ, которое, въ соединеніи съ отрядами другихъ селеній
и стентъ, становится подъ начальство Роджера Бекона. Руководимая имъ
банда требуетъ выдачи бенедиктинскимъ монастыремъ въ Гульмъ всѣхъ про-
токоловъ «*curiae et laiae*», т.-е. какъ феодальнаго, такъ и вотчиннаго
суда (*Court leet* и *Court baron*). Эти свитки (*rotuli*) немедленно сожжены.

Съ подобнымъ же требованіемъ обращается въ Суффолькъ Томасъ Беконъ къ настоятелю монастыря въ Бромгольмъ. Крестьяне проводятъ нерѣдко цѣлую ночь въ осадѣ помѣщичьей усадьбы и, овладѣвши ею, немедленно истребляютъ *custumaria, rentalia, rotuli*. Въ Гвинингамъ и Тунстедѣ, въ помѣстьяхъ герцога ланкастерскаго, архивы сожжены, и то же повторяется въ Бери Сентъ-Эдмундъ съ документами, найденными въ сакристии. Мятезники говорятъ, что дѣйствуютъ по волѣ короля («*se habere regalem preceptum in premissis*»). Въ Ярмутѣ ихъ жертвой, кромѣ богатыхъ гражданъ, являются фламандскіе ремесленники. Тронмъ изъ нихъ отсѣчены головы. Та же судьба постигаетъ и одного мирового судью, «*insticiarius domini regis de rase*». Говоря о дѣйствіяхъ мятезниковъ въ одной изъ сотенъ графства, присяжные употребляютъ слѣдующія выраженія: въ пятницу прибыли въ Сетонъ, отобрали свитки и другіе документы, принадлежащіе помѣстью, унесли ихъ съ собою и сожгли, «*et sic iverunt ad manerium de Hekeling et de manerio ad manerium in totum hundredum predictum et omnia custumaria, rentalia, rotulos curiae et monumenta in omnibus maneriis in predicto hundredo spectantia combusserunt*». Въ другихъ сотняхъ повторяется то же; мы слышимъ о нѣкомъ Робертѣ Капаунъ, какъ о посылающемъ «*diversos homines ad comburendum cartas, rotulos curiae, computa et alia monumenta*».

Движеніе направлено не противъ однихъ церковныхъ помѣстій; его жертвой являются и губернаторы графства, и простые рыцари, напримѣръ, тотъ же Уфордъ, шерифъ суффольскій, котораго мы встрѣчаемъ потомъ предсѣдателемъ судебной комиссіи. Всѣ документы, хранившіеся въ его замкѣ, въ Bough, сожжены; уничтожены также «*rotula*» въ имѣніи рыцаря Юганна де-Брюсъ и въ помѣстьи Ирмингандъ, принадлежащемъ герцогу ланкастерскому. Однохарактерныя дѣйствія повторяются въ восьми другихъ сотняхъ, не говоря уже о городахъ Норвичѣ и Ярмутѣ, гдѣ движеніе поддерживается ремесленниками и заговорщики взимаютъ въ свою пользу таможенные сборы съ приходящихъ моремъ товаровъ *). На ряду съ мѣрами, преслѣдующими общіе интересы крестьянства, попадаются и акты частнаго самоуправства, разсчитанные на то, чтобъ обезпечить имущественныя выгоды главнаго вожака. Въ среду, т.-е. за день до отхода кентскихъ и эссекскихъ дружинъ къ Майленду, предмѣстью Лондона, Роджеръ Беконъ въ Винтонѣ заставляетъ помѣщика Джона Куртайсъ уплатить ему десять марокъ золота. Въ тотъ же день Вильямъ Клеръ принужденъ выдать письменный актъ, удостовѣряющій готовность передать въ руки Роджера помѣстье Энтингамъ, полученное имъ въ ленное владѣніе отъ Вильгельма де-Вичингамъ, рыцаря. Эта грамота исторгнута угрозами. Желая спасти жизнь Вильгельма Клера, шерифъ графства, вмѣсто того, чтобъ оказать дѣятел. юе сопротивленіе толпѣ, самъ наставляетъ на уступкѣ требованіямъ Бекона **).

Въ Суффолькъ движеніе направлено, главнымъ образомъ, противъ аб-

*) *Assize Rolls* (divers counties). B. 5, Ric. II.

**) *Coram Rege Rolls*. De termino Sancti Hilarii. V. R. II. Графство Суффол

батства Эдмондсбери, причѣмъ вассалы монастыря и помѣстные чиновники являются скрытыми или явными союзниками заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стоитъ уже названный нами капланъ Іоганнъ Вроу изъ Судбери. По показаніямъ послѣдняго видно, напримѣръ, что сеношалъ изъ Бери, т.-е. лицо, поставленное во главѣ помѣстнаго управленія, и два сквайра, владѣвшіе землями аббатства на правахъ свободныхъ держателей, приняли ближайшее участіе въ осадѣ обители и послѣдовавшемъ затѣмъ убійствѣ ея пріора. Въ обвинительномъ актѣ присяжныхъ значится, что эмиссары Іоганна Вроу принудили жителей Судбери примкнуть къ ополченію, въ которомъ уроженцы Суффолка и Норфолка дѣйствовали заодно съ выходцами изъ Эссекса и Гертфорда. Изъ Судбери предводительствуемая Іоганномъ Вроу банда идетъ на Листонъ и въ среду врывается въ помѣстье лондонскаго уроженца Рикарда Лайенсъ *). Здѣсь она разноситъ двери, окна, крышу и послѣ такой расправы направляется въ Бери, мѣсто нахождения аббатства св. Эдмунда. Посланные напередъ эмиссары требуютъ отъ жителей немедленнаго присоединенія къ возставшимъ, «sub pena decapitationis» (т.-е. подѣ страхомъ отсѣченія головы). Мѣстное населеніе должно выйти на встрѣчу ополченіямъ графства и встрѣтить ихъ у южныхъ дверей бурга. Все это было въ четвергъ, въ праздникъ Corpus Christi, т.-е. въ тотъ самый день, когда эссекскія и кентскія ополченія вступили въ столицу. Два дня спустя мятежники оказываются въ Мильдентамѣ, помѣстьи того же аббатства; ихъ ведутъ монастырскіе слуги и вассалы, сквайръ Томасъ Геллсворсъ и сквайръ Альфредъ Денгамъ, «servientes prioris monasterii sancti Edmundi», какъ значится въ цитируемыхъ нами источникахъ, а также Робертъ Вестбраунъ изъ того же Бери. Іоганнъ Вроу признаетъ ихъ ближайшими виновниками убійства пріора и монаха Іоганна де-Лекингисъ. Движеніе въ Суффолкѣ ознаменовано также осадой помѣстья верховнаго судьи Кавендиша. И на этотъ разъ инициатива принадлежитъ служителямъ (servientes), т.-е. дворнѣ; она участвуетъ въ погромѣ, уноситъ серебряную посуду, а именно: два кубка, канделябръ цѣною въ семь ливровъ и двѣ пары ножей. Все это скрыто въ колокольнѣ приходской церкви вмѣстѣ съ бархатною курткой (Velevet Jakke **). Тѣ же слуги присутствуютъ при крова-

*) Это тотъ самый Лайенсъ, который сдѣлается жертвою народной толпы въ Лондонѣ въ субботу, слѣдующую за праздникомъ Corpus Christi. Хроника говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, присужденномъ къ смерти въ одномъ изъ парламентовъ Эдуарда III, помилованномъ королемъ или, вѣрнѣе, откупившемся за деньги отъ грозящей ему казни и заключенномъ на вѣчныя времена въ тюрьму. Въ правленіе Ричарда II онъ не только былъ помилованъ, но и принялъ участіе въ откупѣ поочажденнаго сбора (см. хронику Мальверна, годъ 1364. „In isto Parlamento multa mala fuerunt publicata de quodam Ricardo Lions, qui domino Latimer erat secretissimus et de quodam Adam Buri mercatore Londoniae: quum primus fuisset mortuus si eum sua pecunia non juvisset, tamen perpetuo carcere erat adjudicatus et omnes possessiones suae ad opus regis seiscitae“).

**) Симонъ Люсъ въ своей *Исторіи французской жакеріи* даетъ слѣдующее толкованіе слову Jasque—короткая рубашка съ шерстяною подкладкой, часто также под-

вой расправѣ, учиненной толпою надъ помѣщикомъ. Вечеръ того же дня (четвергъ, въ праздникъ Corpus Christi) мятежники проводятъ въ пьянствѣ. Въ Мильфортъ-Гринѣ они вламываются въ кабаки и выпиваютъ, какъ значитса, цѣлую бочку краснаго вина, пѣною въ семь марокъ и три солида.

Другая банда, во главѣ которой стоитъ викарный священникъ съ капелланомъ изъ Судбери и мѣстный сквайръ, отправляется въ ближайшую пятницу въ Сетфордъ (въ Норфолькѣ) и облагаетъ мэра и знатнѣйшихъ гражданъ (*maiores et capitales burgenses*) поборомъ въ двадцать марокъ.

«Въ случаѣ неплатежа, городъ преданъ будетъ пламени»,—объявляетъ отъ имени Іоганна Броу предводитель банды, прибавляя, что самъ Броу въ ту же пятницу прибѣдетъ со своимъ ополченіемъ для личной расправы съ мэромъ и городскою старшиною *). Вотъ все, что можно извлечь изъ судебныхъ протоколовъ о ходѣ возстанія въ Суффолькѣ. Хроника Вольсингама прибавляетъ нѣсколько добавочныхъ подробностей. Онѣ не противорѣчатъ тому, что значитса въ официальныхъ документахъ, а только рѣчеотдѣляютъ роль крѣпостного крестьянства или такъ называемыхъ виллановъ. По словамъ Вольсингама, дворянъ и крѣпостные (*proprii servi et nativi*) рѣшаютъ участь какъ пріора св. Эдмунда, такъ и судьи Кавендиша. За одно съ ними дѣйствуютъ граждане свободнаго бурга—*burgenses villae de Bury*. Это обстоятельство вызываетъ изъ устъ повѣствователя возгласъ: «Развѣ ихъ дѣло добиваться свободы для виллановъ?» **). Монастырскіе аналиты стараются связать движеніе въ Суффолькѣ съ лондонскимъ и представляютъ Іоганна Броу простымъ исполнителемъ приказовъ Уота Тейлора. На это нѣтъ никакихъ указаній въ официальныхъ актахъ, какъ нѣтъ въ нихъ и данныхъ для провѣрки свидѣтельства, что толпа, собравшаяся вокругъ мѣстныхъ вожakovъ, достигла цифры 50,000 человекъ. Враждебность мятежниковъ къ лицамъ юридической профессіи и систематическое истребленіе ими всякихъ документовъ, удостоверяющихъ личную и имущественную зависимость крестьянства, наконецъ, вѣра въ силу письменныхъ доказательствъ, хотя бы и исторгнутыхъ угрозами, одинаково выступаетъ и въ показаніяхъ присяжныхъ, и въ лѣтописномъ разсказѣ. Въ послѣднемъ народныя банды не только убиваютъ *legis appraenticios*, не только сносятъ голову верховному судѣ королевства, не только жгутъ на площади всѣ найденные ими документы, но еще требуютъ отъ аббата выдачи грамоты, будто бы дарованной поселянамъ датскимъ королемъ Канутомъ. Такъ какъ ея не оказывается налицо, то мятежники удерживаютъ въ залогъ церковную посуду до момента, когда аббатъ св. Эдмунда согла-

битая бумагой или шелкомъ, она служила взаменъ панцыря и была въ общемъ охоту крестьянъ (*Histoire de la Jacquerie*, стр. 3).

*) *Coram Rege Rolls*. 5. R. II. С. Суффолькъ. Смотри хронику Кнайтона, который, впрочемъ, ограничивается однимъ краткимъ заявленіемъ: „Joh. de Caynesh justiciarium regis trucidavement, Robertum Salle militem decollaverunt“.

**) „Quid ad eos pertinuit libertates exquirere pro villanis, qui villam minime colebant?“ (*Walsingham*, т. II, стр. 4, и *Chronicon a monacho Sancti Albani*, с. 4).

сится скрѣпить свою подписью изготовленную ими самими грамоту о вольностяхъ.

Жестокость по отношенію къ помѣщикамъ и управителямъ сказывается въ присоединеніи къ числу упомянутыхъ жертвъ еще всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ во главѣ помѣстной администраціи, завѣдуя монастырскимъ имуществомъ, и, прежде всего, Іоганна Лекингисъ, котораго хроники объявляютъ *custos bagoniae*. Головы казненныхъ посажены на пикъ и водружены на площади, причемъ, какъ значится въ лѣтописяхъ, не то въ насмѣшку, не то въ знакъ дружбы, соединявшей верховнаго судью съ пріоромъ, не то съ цѣлью показать наущничество одного у другого, головы ихъ сближены точно для поцѣлуя.

Послѣднія событія, т.-е. убійство пріора и верховнаго судьи, а также занятіе Бери Сентъ-Эдмунда, совпадаютъ и отчасти слѣдуютъ за революціей въ Лондонѣ, но начало движенію положено, какъ мы видѣли, одновременно съ первымъ подъемомъ эссекскихъ и кентскихъ ополченцевъ.

И въ другихъ графствахъ возстаніе принимаетъ тотъ же характеръ аграрной революціи, направленной къ упраздненію какъ крѣпостного права, такъ и всѣхъ вообще зависимыхъ формъ земельного держанія; современный англійскій юристъ сказалъ бы: къ замѣнѣ конигольда фригольдомъ.

Но всѣ эти мѣстные бунты вспыхиваютъ не ранѣе подхода крестьянскихъ ополченій къ столицѣ. Это замѣчаніе относится, прежде всего, къ тѣмъ, которыя проявились въ графствѣ Серре и Мидельсексъ. Въ Гертфордширѣ возстаніе монастырскихъ обывателей противъ Сентъ-Албанской обители также стоитъ въ прямой связи съ событіями въ столицѣ и будетъ поэтому описано за одно съ ними. Помимо этихъ болѣе или менѣе серьезныхъ беспорядковъ въ Бекингамѣ, Лейчестерѣ, Линкольнширѣ, Норсгемптонтѣ и Сомерсетширѣ, Кембриджширѣ и Глостерѣ, воспослѣдовали мѣстные бунты, которые, въ виду своей разрозненности и отсутствія общаго руководительства, были подавлены безъ труда или вымерли сами собою. Такъ, напримѣръ, въ Лейчестерѣ, по свидѣтельству каноника этой епархіи, уже не разъ упомянутаго нами Енайтона, мэръ, увѣдомленный о предстоящемъ нашествіи крестьянскихъ ополченій изъ Лондона и о томъ, что они дошли уже до Гарбаро, созываетъ подъ знамена зажиточнѣйшихъ гражданъ съ цѣлью отбить городъ отъ мятежниковъ. Достаточно одного извѣстія о томъ, что 1,200 хорошо вооруженныхъ лицъ готовы къ открытому сопротивленію, чтобы положить конецъ дальнѣйшей попыткѣ поднять народную чернь и направить ее на жилища богатыхъ *).

Въ Бекингамширѣ заговорщики, въ числѣ которыхъ, наравнѣ съ урожайцами графства, дѣйствуютъ выходцы изъ Линкольна и Страфорда, доводятъ до похищенія почнымъ погромомъ церковнаго дома въ Блидло, изъ котораго они похищаютъ серебряную посуду, богослужебныя книги, увозя, въ то же время, лошадей и рабочій скотъ; весь убытокъ оцѣненъ присяжными

въ сто марокъ *). Въ Кембриджширѣ движеніе принимаетъ, какъ мы увидимъ ниже, форму открытой вражды города съ университетомъ. Въ Нортгемптонширѣ уже много спустя послѣ лондонскихъ событій, около праздника Успенія Богородицы, происходятъ не только нападенія на частныя жилища, послѣдствіемъ которыхъ не разъ является бѣгство населяющихъ ихъ семей, но и образуется родъ заговора противъ мэра главнаго города, державшаго, повидимому, сторону зажиточной буржуазіи *). Въ графствѣ Глостерѣ движеніе направлено, главнымъ образомъ, противъ аббатства Питерборо. Монастырскіе обыватели, — жалуются Кнайтонъ, — намѣревались уничтожить его до основанія (*abbatiam exterminare*). Подоспѣвшее въ-время ополченіе епископа норвичскаго спасло обитель отъ разрушенія **).

Въ Сомерсетширѣ мятежъ казался нападеніемъ на домъ госпиталійцевъ въ Бриджвотерѣ. Настоятель задержанъ и выпущенъ на свободу не раньше, какъ по выдачѣ нѣкоего письменнаго обязательства, ранѣе того заключеннаго жителями Бриджвотера съ названнымъ магистромъ. Все имущество, за исключеніемъ наличнаго количества хлѣба и сѣна, захвачено вожакомъ движенія, капланомъ Николаемъ Фролентонъ, который принуждаетъ орденъ уступить въ его пользу или, точнѣе, въ пользу приходской церкви въ Бриджвотерѣ, права и выгоды, *jures et proficua*, взимаемые имъ, какъ настоятелемъ. Эта черта для насъ новая; она указываетъ на недовольство, какое въ приходскомъ священствѣ вызывало распространенное въ Англіи, какъ и во всемъ католическомъ мірѣ, приуроченіе отдѣльныхъ приходовъ къ монастырямъ, послѣ чего весь доходъ отъ паствы шелъ обители, которая только обязывалась поддерживать на свои средства церковный культъ и платить жалованье священнослужителю.

Одновременно въ Сиденгамѣ, расположенномъ въ томъ же графствѣ, нападенію подвергаются жилища помѣщиковъ и налоговыхъ чиновниковъ. Погромъ сопровождается сожженіемъ всѣхъ бумагъ и свитковъ за королевскую печатью. Убытки опредѣляются присяжными гдѣ въ сто солидовъ, а гдѣ и въ двадцать ливровъ. Разгромъ тюрьмы въ Ленгсютонѣ и саморасправа съ преступниками, головы которыхъ сажаются на пики, заканчиваютъ рядъ преступленій, произведенныхъ бандою подъ предводительствомъ

*) *Coram Rege Rolls*. 5. R. II. Michaelmas. Term. C. Buk.

**) *Coram Rege Rolls*. Michaelmas. Term. 5. Ric. II, Northampton. „Juratores diversorum hundredorum comitatus predicti coram domino Rege apud Northampton presentant, quod Johannes Pekke de Siresham et Nicholaus Treusch apud Siresham felonice fregerunt domum Willielmi Turnour et cum gladiis, arcubus et sagittis fugaverunt et prosequerantur, ita quod propter metum mortis sue nunquam postea revertantur ad domum suam revenire. Въ Controlment Rolls отъ шестого года правленія Эдварда II встрѣчается обвиненіе нѣкоего Willielmus Napton изъ Нортгемптона: „in durante toto tempore detestabilis perturbationis nuper facte fuit communis procerum et excitator plurium hominum de communitate ville Northampton verbo, arte et ingenio ad faciendum ipsos insurgere contra majorem ville Northampton qui tunc fuit et alios probos et legales homines dicte ville Northampton“ (de termino Sancti Michaelis).

***) *Twysden*, стр. 2638.

уже упомянутого нами каплана. Ее обвиняют также въ убійствѣ помѣщика Вальтера Баронъ и въ принужденіи нѣкоторыхъ лицъ примкнуть къ возставшимъ («*contra voluntatem suam ire*»).

Въ Линкольнширѣ, какъ слѣдуетъ изъ патентныхъ писемъ короля Ричарда II, также имѣли мѣсто сходки и соглашенія (*congregaciones et conventicula*), съ цѣлью положить конецъ барщинѣ и натуральнымъ рентамъ **), такъ что королю пришлось возложить на мѣстные власти обязанность объявить всенародно, что, какъ свободные владѣльцы, *tenentes liberi*, такъ и вѣрностные, *nativi*, обязаны отправлять, попрежнему, «*opera consuetudinaria et servicia que ipsis dominis suis facere debent et ab antiquo ante turbationem in diversis comitatibus regni exortam facere consueverunt*» ***).

Изъ того обстоятельства, что король съ подобнымъ же воззваніемъ обратился къ одному лишь мѣстному начальству графствъ Кента, Эссекса, Суссекса, Норфолька, Суффолка, Норсгемптона, Сомерсета, Гентингдона, Герфорда, Бекингама и Кембриджа, можно заключить, что этими графствами и ограничилось движеніе. Лежація болѣе на сѣверъ не были задѣты имъ, потому ли, что подавленное въ Лондонѣ крестьянское возстаніе не успѣло распространиться на далекія отъ главнаго очага провинціи, или потому, что помѣщичій гнетъ, какъ думаетъ Фруассаръ и какъ доказываетъ простое сопоставленіе сѣверныхъ ренталей и кустумаріевъ съ южными, далеко не былъ такъ чувствителенъ въ этихъ графствахъ. Исходъ движенію данъ былъ событіями, развернувшимися въ Лондонѣ. Отсюда необходимость болѣе подробнаго ихъ изученія. Задача эта значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтописи, весьма скудными извѣстіями о мѣстныхъ мятежахъ, болѣе говорятъ о томъ, что произошло въ столицѣ и сосѣднихъ къ ней бургахъ въ періодъ времени, открываемый праздникомъ *Corpus Christi* и оканчивающійся субботою той же недѣли. Остановимся на передачѣ этихъ свидѣтельствъ, сопоставляя ихъ съ болѣе сухими, но менѣе обращенными субъективизмомъ данными судебныхъ протоколовъ.

Максимъ Ковалевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Controlment Rolls. De termino Sancti Michaelis, 6 Ric. II, c. Sommerset.

Patent Rolls. 5. Ric. II, prima pars.

** Эти письма посланы изъ Геверинга (Gavering atte boure) 30 іюня. См. *Close Rolls. 5. Ric. II.*

Король Лиръ *).

Что-то вродѣ благоговѣнія охватываетъ васъ на порогѣ этого произведенія,—чувство, подобное тому, какое вы испытываете на порогѣ сикстинской капеллы, съ плафонною живописью Микель Анджело. Цѣлый міръ заключенъ здѣсь, міръ величія и скорби. Разница лишь въ томъ, что въ Лирѣ чувство гораздо острѣе, вопль необузданный, гармоніи красоты гораздо рѣзче нарушаются диссонансами отчаянія.

Отелло, предшествующій трудъ Шекспира, представлялъ еще собою какъ бы благородный обращеніе камерной музыки, простой и ясной, какъ ни глубоко раздиралъ онъ сердце. Это же—симфонія для громаднаго оркестра; всѣ инструменты земной жизни звучатъ въ ней, и каждый инструментъ въ нѣсколькихъ голосахъ.

Лиръ—самая крупная задача, поставленная себѣ Шекспиромъ, и, въ то же время, самая обширная и самая величественная: вся мука и весь ужасъ, какіе могутъ вмѣстить въ себя отношенія между отцомъ и его дѣтьми, и все это замкнуто въ пяти недлинныхъ актахъ.

Ни одному изъ новѣйшихъ умовъ не было дано увидать передъ своими глазами подобный сюжетъ, и ни одинъ и не сѣмѣлъ бы справиться съ нимъ. Шекспиръ овладѣлъ имъ такъ, что у него не чувствуется ни слѣда хотя бы малѣйшаго напряженія, и сдѣлалъ это благодаря подавляющему владычеству надъ человѣческою жизнью въ ея совокупности, какъ темой, котораго онъ достигъ на кульминаціонной точкѣ своей геніальности. Шекспиръ трактуетъ свой сюжетъ съ превосходствомъ, которое дается здоровымъ духомъ, а, между тѣмъ, каждая сцена здѣсь такъ сильно трогаетъ насъ, что намъ чудится, будто мы слышимъ, словно аккомпаниментъ драмы, рыданія несчастнаго человѣчества, подобно тому, какъ у берега моря постоянно слышимъ плескъ его и вздохи.

Съ какими предпосылками избралъ Шекспиръ этотъ сюжетъ? , сама достаточно громко говорить объ этомъ. Онъ стоялъ на вершинѣ чело-веческой жизни: онъ прожилъ 42 года, онъ имѣлъ передъ собою еще сѣть

---

*) Георга Брандеса (переводъ съ датскаго).

лѣтъ, но изъ нихъ едва ли болѣе шести производительныхъ въ духовномъ смыслѣ. Со взоромъ, видѣвшимъ до самаго дна всю пучину ужасовъ, и съ сердцемъ, не испытывавшимъ при этомъ зрѣлищъ ни страха, ни головокруженія, ни слабости, онъ измѣрялъ глубину жизни и смерти, взвѣшивалъ въ своей рукѣ и то, что дѣлаетъ жизнь хуже смерти, и то, что составляетъ животворный воздухъ для нашихъ легкихъ и укрѣпляющее насъ въ нашей мукѣ утѣшеніе, изливающееся отъ душъ, подобныхъ Корделіи, и все это направилъ на встрѣчу крушенію, производящему такое же величественное дѣйствіе, какъ кончина міра.

Въ какомъ настроеніи приступилъ Шекспиръ къ этому труду? Что кнѣло и клокотало въ его душѣ, какіе звуки и жалобы раздавались въ нѣдрахъ его существа, когда онъ натолкнулся на эту тему? Драма достаточно ясно говоритъ объ этомъ. Изъ всѣхъ пытокъ, грубыхъ оскорбленій и подлостей, которыя онъ пережилъ до сей поры, изъ всѣхъ пороковъ и гнусностей, отравляющихъ жизнь лучшихъ людей, одинъ порокъ казался ему въ этотъ моментъ самымъ худшимъ, одинъ стоялъ передъ нимъ, какъ самый отвратительный и возмутительный изъ всѣхъ,—порокъ, жертвою котораго онъ былъ, навѣрное, несчетное число разъ,—неблагодарность. Онъ видѣлъ, что ни одна низость не находитъ себѣ такого извиненія, такого прощенья, такого распространенія.

Кто можетъ сомнѣваться, что онъ со своею безпредѣльно-богатою натурой, сущность которой заключалась въ томъ, чтобы, подобно облаку у Шелли, непрестанно давать, вѣчно благодѣтельствовать, безъ конца изливать свѣжіе потоки дождя на жаждущія растенія,—кто можетъ сомнѣваться, что такой благотворитель въ самомъ крупнѣйшемъ стилѣ снова и снова встрѣчалъ въ отплату самую черную неблагодарность? Жизнь его протекала въ театрѣ. Если мы и не знаемъ этого, то можемъ легко догадаться, что товарищи, которымъ онъ помогалъ и для которыхъ онъ служилъ примѣромъ, театральные писатели, восхищавшіеся имъ и преисполненные зависти къ нему, актеры, которыхъ онъ воспитывалъ и для которыхъ былъ какъ бы отцомъ по духу, старшіе изъ нихъ, которыхъ онъ поддерживалъ, младшіе, которыхъ онъ бралъ подъ свое покровительство, то отступались отъ него, то нападали на него съ тылу. И каждая новая неблагодарность потрясала его душу. Долгіе годы онъ сдерживалъ свое возмущеніе и негодованіе, замыкалъ его въ сердцѣ, старался подавить его. Но онъ ненавидѣлъ и презиралъ неблагодарность болѣе всѣхъ другихъ пороковъ, потому что она дѣлала его, въ одно и то же время, бѣдѣе и мельче въ духовномъ смыслѣ.

Онъ, навѣрное, не былъ изъ числа тѣхъ художественныхъ натуръ, которыя раздають деньги направо и налево, разъ ихъ сами имѣютъ, и благодѣтельствуютъ съ добродушнымъ легкомысліемъ. Онъ былъ искусный, энергическій практикъ и, неуклонно преслѣдуя свою цѣль завоевать бѣ независимость и поднять такъ глубоко павшее значеніе своей семьи, берегъ деньги и копилъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, достаточно очевидно,

что онъ былъ отличнымъ товарищемъ въ практической жизни, какъ былъ благодѣтелемъ въ жизни духовной. И онъ чувствовалъ, что неблагодарность дѣлаетъ его какъ бы бѣднѣе и принимаетъ его, ибо ему становилось трудно снова оказывать помощь, черпая обѣими руками изъ царственныхъ сокровищъ своей природы, такъ какъ онъ слишкомъ часто видѣлъ обманъ и вѣроломство, даже со стороны тѣхъ, для которыхъ больше всего дѣлалъ и въ кого больше всего вѣрилъ. Онъ чувствовалъ, что если существуетъ какая-либо низость, могущая довести до отчаянія,—мало того, до безумія того, на кого она обрушивается, то это черная неблагодарность.

Въ такомъ настроеніи онъ однажды, по обыкновенію, перелистываетъ свою любимую Голлиншедовскую хронику и встрѣчаетъ въ ней исторію короля Лира, великаго расточителя. Въ томъ же настроеніи прочитываетъ онъ старую пьесу о королѣ Лирѣ, вышедшую въ свѣтъ двѣнадцатью годами ранѣе, подъ заглавіемъ: *Достоверная лѣтопись о королѣ Лирѣ и его трехъ дочеряхъ*.

Эта драма поучительна для того, кто пытается измѣрить объемъ генія Шекспира. Это—наивное произведеніе, въ которомъ грубые контуры основного дѣйствія, знакомые намъ по трагедіи Шекспира, растянуты въ драму, лишенную глубины. Но въ этомъ матеріалѣ Шекспиръ нашелъ то, что ему было нужно, на половину сформированную глину, изъ которой онъ могъ создать статуи и группы. Здѣсь была тема, которую онъ какъ разъ теперь могъ извлечь изъ этой поверхностно драматизированной хроники объ ужасающей неблагодарности.

И онъ взлелѣялъ этотъ сюжетъ и обдумывалъ его въ себѣ, пока онъ не получилъ жизни въ его душѣ.

Едва ли въ свѣтлые часы дня, едва ли въ дневную пору зачалъ Шекспиръ своего *Короля Лира*. Нѣтъ, достаточно очевидно, что это было ночью, среди бури и страшной непогоды,—въ одну изъ тѣхъ ночей, когда, сидя въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ, мы думаемъ о бѣднякахъ, блуждающихъ въ безпріютной нищетѣ, среди этого мрака, подъ этимъ ужаснымъ ураганомъ, этимъ насквозь пронизывающимъ дождемъ, и когда въ свистѣ вѣтра надъ кровлями, въ его завываніи сквозь печныя трубы мы слышимъ дикіе вопли, слышимъ стenanія всевозможныхъ бѣдствій.

Ибо въ *Лирѣ*—и только въ *Лирѣ*—мы чувствуемъ, что то, что въ наши дни мы обозначаемъ скучнымъ терминомъ «соціальный вопросъ»,—иными словами, страданіе наиболѣе обездоленныхъ, какъ проблема, уже существовало для Шекспира. Въ такую ночь онъ говорилъ вмѣстѣ со своимъ Лиромъ:

«Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ-бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую,

Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дыравомъ,
Безъ крова надъ бездомной головою!» *).

И онъ заставляетъ своего короля прибавить:

«Какъ мало

Объ ятомъ думалъ я! Учись, богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ!»

Въ такую-то ночь былъ зачатъ *Лиръ*, и, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, Шекспиръ слышалъ, какъ голоса короля, шута, Эдгара и Кента звучали въ перемежку въ степи, контрапунктически, точно въ фугѣ, перекликая другъ друга. И только ради величаваго впечатлѣнія цѣльности написать онъ нѣкоторыя большія части пьесы, которыя сами по себѣ не могли занимать его своимъ исполненіемъ: такъ, напримѣръ, все вступленіе съ его недостаткомъ разумной мотивировки образа дѣйствій короля, которое онъ со своимъ обычнымъ гордымъ равнодушіемъ и безцеремонностью по отношенію къ несущественному взялъ изъ старинной пьесы.

Онъ не удовольствовался сказаніемъ о *Лирѣ*,—онъ пополнилъ дѣйствіе исторіей о Глостерѣ и его сыновьяхъ, взятой имъ изъ появившейся лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ книги англійскаго поэта Филиппа Сиднея—*Аркадія*. Въ исторію о великомъ расточителѣ, которому дочери платятъ не благодарностью, онъ вплелъ исторію о прямодушномъ герцогѣ, повѣрившемъ клеветѣ и изгнавшемъ добраго сына, послѣ чего дурной сынъ повергаетъ его въ то ужасное положеніе, когда у него вырываютъ глаза изъ орбитъ.

У Шекспира каждое позднѣйшее произведеніе всегда связано съ предшествующимъ, подобно тому, какъ звенья цѣпи сомкнуты между собою. Въ исторіи Глостера повторяется и варьируется тема *Отелло*. Глостеръ, столь довѣрчивый сердцемъ, пьетъ душевную отраву Эдмунда, точъ въ точъ, какъ душа Отелло отравляется ложью Яго. Эдмундъ клеветаетъ на своего брата Эдгара, предъявляетъ подложныя письма, писанныя будто бы имъ, самъ себя ранитъ, чтобы заставить отца вообразить, что сынъ его Эдгаръ злоумышляетъ на его жизнь,—короче сказать, онъ поступаетъ съ Глостеромъ такъ, какъ дѣйствуетъ Яго, раздражая Отелло, и пользуется совершенно тѣми же средствами, какія двѣсти лѣтъ спустя примѣняетъ злой братъ Францъ Мооръ въ *Разбойникахъ* Шиллера съ цѣлью очернить своего брата Карла въ мнѣніи старика-отца. *Разбойники* представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ подражаніе этой части *Короля Лира*; слѣпота отца скопирована въ концѣ.

Шекспиръ все это переноситъ въ сѣдую старину, въ мрачную эпоху вѣка язычества, онъ наполняетъ безобидную пѣсню ужасами, кото-
рыя онъ не выводилъ съ *Тита Андроника*, написаннаго въ дни его юной молодости, и не отступаетъ даже передъ выкалываніемъ глазъ на

сценѣ. Онъ хочетъ безъ всякой пощады показать намъ, что такое жизнь. «Такъ все идетъ на свѣтъ»,—говорится въ пьесѣ.

Онъ все сосредоточиваетъ вокругъ главнаго образа—бѣднаго, стараго, безразсуднаго, великаго Лира, короля отъ головы до ногъ и человѣка отъ головы до ногъ. Одну минуту, въ началѣ пьесы, старецъ стоитъ, выпрямившись во весь ростъ. Потомъ онъ начинаетъ гнуться. И чѣмъ слабѣе онъ становится, тѣмъ больше тяжестей взваливаютъ на него. И онъ изнемогаетъ подъ этою непосильною ношей. Онъ уходитъ прочь, ошупью пробираясь впередъ, съ своею тяжкою судьбой за плечами. Затѣмъ свѣточъ духа его гаснетъ,—безуміе овладѣваетъ имъ.

И Шекспиръ беретъ тему безумія и разлагаетъ ее на три голоса, распредѣляя ее между Эдгаромъ, сумасшедшимъ изъ предосторожности, но говорящимъ языкомъ настоящаго помѣшательства, между шутомъ, сумасшедшимъ по профессіи и скрывающимъ подъ формами помѣшательства самую истинную житейскую мудрость, и королемъ, разсудокъ котораго помирается и заражается отъ безумныхъ рѣчей Эдгара,—королемъ, который сдѣлался безумнымъ подъ вліяніемъ несчастія и муки.

Что Шекспиръ заботился единственно о существенномъ, о высокомъ паѳосѣ и глубокой серьезности основнаго настроенія, это, какъ мы уже упоминали, видно изъ равнодушія, съ какимъ онъ заимствуетъ старинный сюжетъ для того, чтобы дать начало и завязку пьесѣ. Вступительныя сцены въ *Лирѣ*, само собою разумѣется, совершенно противорѣчатъ здравому смыслу. Только въ сказочномъ мірѣ можетъ король подѣлить свои владѣнія между своими дочерьми, руководясь тѣмъ правиломъ, что та изъ нихъ должна получить самую крупную часть, которая увѣритъ его, что всѣхъ больше его любитъ; только наивнымъ слушателямъ можетъ показаться убѣдительнымъ, что старикъ Глостеръ, зная чистоту характера своего сына, сразу принимаетъ на вѣру самую неправдоподобную клевету на него. Личность Шекспира не выступаетъ передъ нами на этихъ мѣстахъ. За то мы ясно ее видимъ въ воззрѣніи на жизнь, открывающемся Лирѣ съ той минуты, какъ онъ помѣшался. Обратите вниманіе на слова, съ которыми король обращается къ слѣпому Глостеру:

«Развѣ нельзя и безъ глазъ различать дѣла людскія? Гляди своими ушами! Слышишь, какъ судья-мошенникъ издѣвается надъ убогимъ вормомъ? Слушай, слушай, что я теперь тебѣ скажу на ухо. Переѣхни мѣста: который теперь изъ двухъ воръ, который судья вора? Видалъ ли ты, какъ собака лаетъ на нищаго?»

Глостеръ. Да, государи!

Лиръ. И голякъ бѣжить со всѣхъ ногъ отъ собаки! Собаки онъ, женѣ слушаться: она—власть!» *).

И затѣмъ слѣдуютъ взрывы негодованія, направленные на то, что то, кто караетъ, сплошь и рядомъ хуже того, кто подвергается карѣ: паг

*) Переводъ Дружинина.

сбѣтъ развратницу, но негодный палачъ такъ же похотливъ, какъ она. Здѣсь чувствуется настроеніе, соответствующее настроенію въ *Миръ за мѣру*: палачъ долженъ бы сбѣть самого себя, а не женщину. И за этимъ слѣдуютъ еще другіе взрывы негодованія по поводу того, что богатъ всегда остается безнаказаннымъ.

«Закуй злодѣя въ золото,—стальное
Копье закона сломится безвредно» *).

Наконецъ, всю свою грусть онъ изливаетъ въ слѣдующемъ восклицаніи:

«Родясь на свѣтъ, мы плачемъ: горько намъ
Бъ комедіи дурацкой подступаться!» **).

Во всемъ этомъ звучитъ основная нота изъ *Гамлета*. Но критика Гамлета на ходъ жизни раздѣлена здѣсь между многими лицами, голосъ ея сильнѣе и она вызываетъ эхо за эхомъ.

Шутъ Лира, самый превосходный изъ всѣхъ шекспировскихъ шутовъ, особенно послѣ незначительной роли шута въ *Отелло*, своимъ язвительнымъ сарказмомъ, своимъ мѣткимъ остроуміемъ представляетъ подобное эхо. Онъ—протестъ здраваго человѣческаго смысла противъ безразсуднаго поступка, совершеннаго Лиромъ, но протестъ, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ юмора; онъ никогда не жалуется, всего менѣе на свою собственную участь. Но все его шутовство производитъ трагическое впечатлѣніе. И слова, произносимыя въ пьесѣ однимъ рыцаремъ: «Шутъ совсѣмъ зачахъ съ тѣхъ поръ, какъ принцесса (Корделія) уѣхала во Францію»,—искупаютъ всѣ его рѣзкія замѣчанія по адресу Лира. Ни въ одной шекспировской пьесѣ въ уста шута не вложено столько достойныхъ сдѣлаться пословицами изреченій житейской мудрости. Да и вся вообще трагедія переполнена ими. Таковы слова Лира: «Да и нѣтъ—плохая теологія»; Эдгара: «Быть зрѣлымъ—въ этомъ все»; Кента: «Быть оцѣненнымъ—лишняя награда».

Въ старинной драмѣ о Лирѣ Корделія, при свиданіи съ отцомъ, падаетъ передъ нимъ на колѣни. Но съ восклицаніемъ: «Мнѣ подобаетъ склонить колѣни предъ тобою и молить тебя о прошеніи за грѣхъ, который я совершилъ!»—онъ опускается на колѣни предъ нею. Эта сцена чрезвычайно красиво и наивно прочувствована, но невозможна на подмосткахъ театра, гдѣ преклоненная поза другъ передъ другомъ двухъ дѣйствующихъ лицъ легко можетъ получить комическій отбѣнокъ. И дѣйствительно, эта черта принадлежитъ къ мотивамъ комедій Мольера и Гольберга. Шекспиръ съумѣлъ сохранить ее, воспользовавшись ею, какъ и всѣми другими цѣнными штрихами своего предшественника, такимъ образомъ, что остается только ея жестъ, а грубая внѣшняя сторона исчезаетъ. Когда ихъ уводятъ плѣнными, Лиръ говоритъ Корделіи:

Переводъ Дружинина.

Переводъ Дружинина.

«Скорѣй уйдемъ въ темницу!

Мы станемъ пѣть въ ней, будто птицы въ клеткѣ.

Когда попросишь ты, чтобъ я тебя

Блаюсловила, я сама, склонивъ колѣни,

Прощенья буду у тебя просить.

И такъ мы станемъ жить вдвоемъ и пѣть,

Молиться, сказки сказывать другъ другу» *).

Старинная пьеса о Лирѣ заканчивается, простодушно и невинно, побѣдою добрыхъ. Король Галліи и Корделія вновь водворяютъ Лира на его престолѣ, говорятъ въ лицо злымъ дочерямъ ѣдія истины и затѣмъ обращаютъ ихъ войска въ полнѣйшее бѣгство. Лиръ благодаритъ всѣхъ своихъ приверженцевъ, награждаетъ ихъ и проводитъ остатокъ своихъ дней на сладкомъ отдыхѣ у дочери и зятя.

Шекспиръ не такъ свѣтло смотритъ на жизнь. У него войско Корделіи разбито, стараго короля съ дочерью отводятъ въ тюрьму. Но никакія пережитыя и никакія существующія невзгоды не въ силахъ теперь сломить жизненную отвагу Лира. Вопреки всему, вопреки уtratѣ власти, самоувѣренности и одно время разсудка, вопреки потерѣ рѣшительной битвы, онъ счастливъ, какъ можетъ быть счастливъ старикъ. Онъ вновь обрѣлъ свою утраченную дочь. Отъ людей его уединила уже самая старость. Въ спокойствіи, которое ему дастъ темница, онъ останется едва ли болѣе одинокъ, чѣмъ всегда бываетъ преклонная старость, и будетъ жить, замкнувшись тамъ съ единственнымъ отнынѣ предметомъ своей любви. Шекспиръ одно мгновеніе какъ будто хочетъ сказать: счастливъ тотъ, кто въ преклонной старости, хотя бы даже въ темницѣ, имѣетъ близъ себя завѣтный цвѣтокъ своей жизни.

Поэтому Шекспиръ и не останавливается здѣсь. Эдмундъ отдастъ приказъ повѣсить въ тюрьмѣ Корделію, и убійца исполняетъ данное ему повелѣніе.

Лишь тогда трагедія достигаетъ своей высшей точки, когда Лиръ появляется съ трупомъ Корделіи на рукахъ. Когда, послѣ бурныхъ взрывовъ скорби, онъ спрашиваетъ зеркало, чтобы видѣть, дышетъ она еще или нѣтъ, происходитъ слѣдующій обмѣнъ репликъ:

Кентъ. Не это ли кончина міра?

Эдваръ. Или образъ ея ужасовъ?»

Ему подають перо. Онъ испускаетъ радостный крикъ: оно шевелится, его дочь жива. Потомъ онъ видитъ свою ошибку. Слѣдуютъ проклятія и прелестныя, характеризующія Корделію слова:

«У ней былъ нѣжный, милый, тихій голосъ—
Большая прелесть въ женщинѣ» **).

*) Переводъ Дружинина.

**) Переводъ Дружинина.

Затѣмъ переодѣтый Кентъ открывається ему, и онъ узнаеть, что обѣихъ преступницъ сразила смерть. Но способность его къ воспріятію новыхъ впечатлѣній почти совсѣмъ угасла. Онъ можетъ только восчувствовать смерть Корделии. «Повѣшена моя малютка! Нѣтъ, нѣтъ жизни!» *). Затѣмъ послѣднія силы покидаютъ его и онъ умираеть.

«Кентъ. Не оскорбляй души его. Пускай
Она отходить съ миромъ. Только врагъ
Его вернуть захочеть къ пыткамъ жизни» **).

Что этотъ старецъ теряетъ свою младшую дочь, именно это Шекспиръ выполнилъ такъ величаво, что Кентъ справедливо восклицаетъ: «Не это ли кончина міра? (Is this the promised end?)». Съ этою дочерью онъ теряетъ все, и бездна, разверзающаяся передъ нимъ, столь глубока и обширна, что, кажется, способна поглотить цѣлый міръ.

Потерять Корделию—это значить претерпѣть крушеніе всей жизни. Всѣ люди теряютъ свою Корделию или чувствуютъ, что имъ грозитъ опасность ее потерять. Потерять самое лучшее и самое дорогое, то, что одно даетъ жизни цѣну,—въ этомъ трагедія жизни. Отсюда и вопросъ: не это ли кончина міра? Да, кончина міра. Каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ лишь свой міръ и находится подъ вѣчною угрозой пережить его крушеніе, а Шекспиръ въ 1606 г. былъ въ настроеніи, допускавшемъ его писать лишь такіа драмы, гдѣ изображалась кончина міра.

Это кончина міра, когда намъ кажется, что нравственный міръ погибаетъ, когда тотъ, кто великодушенъ и довѣрчивъ, какъ Лиръ, встрѣчаетъ неблагодарность и ненависть въ отплату, когда тотъ, кто честенъ и доблестенъ, какъ Кентъ, несетъ позорное наказаніе, когда тотъ, кто полонъ милосердія, какъ Глостеръ, и хочетъ дать пристанище поруганному страдальцу, въ награду за это теряетъ глаза, когда тотъ, кто благороденъ и непоколебимо вѣренъ, какъ Эдгаръ, долженъ скитаться въ видѣ сумасшедшаго, съ лохмотьями на чреслахъ, когда, наконецъ, та, которая представляетъ живой символъ величія женской души и дочерней нѣжности къ старому отцу, ставшему какъ бы ея ребенкомъ, можетъ, на его глазахъ, быть повѣшена руками убійцы. Такъ что же пользы въ томъ, что злые послѣ того губятъ и прощаютъ другъ друга? Это, все-таки, громадная трагедія человеческой жизни и изъ нея звучитъ хоръ страстныхъ, хоръ насмѣшливыхъ, полныхъ дикаго вожделѣнія и безнадежно стонущихъ голосовъ.

Сидя въ ночную пору у камина, Шекспиръ въ свистѣ бури, хлещущей оконныя стекла, въ завываніяхъ вѣтра въ трубѣ слышалъ, какъ всѣ эти злые голоса контрапунктически, точно въ фугѣ, перебивали одинъ друга и слышалъ въ нихъ вопль отчаянія, исходящій отъ страждущаго члчства.

В. С.

*) Переводъ Дружинина.

**) Переводъ Дружинина.

Новый трудъ по исторіи русской литературы.

(Исторія русской словесности проф. А. И. Незеленова, 4-е изданіе.
2 части. Спб., 1895 г.).

Почти изящная внѣшность, краткость, не исключаящая, однако, содержательности, мѣстами свѣжость матеріала и удачность цѣлыхъ отдѣловъ, зависѣвшая отъ выбора надежныхъ руководителей, живость, иногда даже увлекательность изложенія,—всѣ эти особенности новаго учебника по исторіи русской литературы невольно бросаются въ глаза при самомъ поверхностномъ съ нимъ ознакомленіи и выгодно отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ наличныхъ учебниковъ. Могло бы показаться, что г. Незеленовъ удовлетворилъ одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей нашей средней школы: не даромъ его книга получила Петровскую премію такъ скоро послѣ своего выхода, не даромъ такъ часто идутъ теперь разговоры о введеніи ея въ гимназіи. Болѣе детальное изученіе новаго учебника приводитъ къ весьма серьезнымъ «но», съ которыми нужно будетъ посчитаться тѣмъ педагогамъ, которые введутъ его въ гимназіи.

До сихъ поръ г. Незеленовъ не занимался исторіей древне-русской литературы, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ этого не заявилъ; мимолетные экскурсы его въ область западныхъ литературъ свидѣтельствовали только о самомъ слабомъ знакомствѣ съ ними; можно, наконецъ, усомниться въ его педагогической опытности,—все это не могло не отразиться на достоинствахъ новаго труда. Автору пришлось сразу сдѣлать большой скачокъ отъ спеціальнаго изученія русской литературы XVIII и XIX вв., дававшего часто весьма сомнительные результаты, къ исторіи всей нашей литературы; онъ поневолѣ часто долженъ былъ попадать не туда, куда слѣдуетъ, и дѣлать не такъ, какъ слѣдуетъ.

Въ предисловіи г. Незеленовъ говоритъ, что учебникъ долженъ заключать въ себѣ «факты и положенія, уже выработанные и установленные наукой», и общается слѣдовать этому правилу, «избѣгая (насколько возможно) спорныхъ вопросовъ, предположеній и догадокъ» (стр. IV). Эт

объясненію нельзя не сочувствовать, только бы нашъ авторъ не принялъ догадокъ за установленные факты, отвергнутыхъ наукой гаданій за вѣ

ботанныя ею положенія; къ сожалѣнію, г. Незеленовъ далеко не свободенъ отъ упрековъ въ этомъ отношеніи.

Опредѣленія нашего автора часто грѣшатъ непослѣдовательностью, неполнотой и сбивчивостью, характернымъ обрачикомъ которыхъ можетъ служить начало введенія: «Исторія русской словесности есть наука о словесныхъ произведеніяхъ русскаго народа. Она располагаетъ эти произведенія въ хронологической, временной послѣдовательности, и такимъ путемъ раскрываетъ ходъ духовнаго развитія народа и его идей». Нѣсколькими строками ниже стоитъ: «Наука словесности занимается лишь тѣми произведеніями слова, которыя удовлетворяютъ высшимъ стремленіямъ человѣка, — стремленіямъ къ истинѣ, благу и красотѣ» (стр. 1). Развѣ то, что «раскрываетъ ходъ духовнаго развитія народа и его идей» всегда «удовлетворяетъ высшимъ стремленіямъ человѣка»? Затѣмъ какого человѣка — современнаго или прежнихъ вѣковъ? Какъ быть съ тѣмъ, что подъ многими «высшими стремленіями» г. Незеленова, наприм., очень и очень многіе не подпишутся? Какъ могъ допустить г. Незеленовъ въ *Исторіи русской словесности Домострой*, который мудрено заподозрить въ «удовлетвореніи высшимъ стремленіямъ человѣка»? Или прочувствованныя восклицанія Домостроя: «Сколько прохлады можетъ быть отъ одного барана!» — указываютъ на «вышія стремленія къ истинѣ, благу и красотѣ»? Эта фраза — не случайность: рядъ положеній, подобныхъ ей, можно найти въ томъ же введеніи. «Авторъ устныхъ, или народныхъ, произведеній — цѣлый народъ» (ib.), — это положеніе слишкомъ грубо и невѣрно представляетъ сложный процессъ созданія и храненія устныхъ произведеній. «Народъ жилъ въ ту эпоху (глубокой древности) полубезсознательною, но полною общею жизнью. Инстинктивно, но органически возникали у него общія вѣрованія, воззрѣнія, чувства» (стр. 1—2), — все это выражено недоступнымъ для ученика языкомъ и заключаетъ въ себѣ крайне сбивчивыя мысли. «Народная поэзія была въ древности преимущественно эпической» (стр. 2), — странное положеніе, если принять во вниманіе первоначальное смѣшеніе видовъ искусствъ, поэтическихъ родовъ, первоначальную близость выдѣлившагося эпоса къ лирикѣ съ переходными формами въ видѣ лирико-эпической кантилены и пр. Такъ же сбивчиво и странно объясненъ «сравнительный методъ изученія народныхъ произведеній» (стр. 4); пужно было или совсѣмъ не упоминать о немъ или объяснить его научнѣе. На первый планъ г. Незеленовъ выдвигаетъ теорію арійскаго родства, міеологическую экзегезу, хотя она теперь не имѣетъ ни у кого кредита. Довѣріе къ отвергнутой всѣми серьезными учеными теоріи свѣдѣется не въ одномъ этомъ мѣстѣ, но, къ сожалѣнію, легло въ основу вступительной главы о народной поэзіи. Заподозрѣнные всѣми (кромя составителей учебниковъ) гаданія какимъ-то чудомъ обратились въ «выработанные и установленныя наукой факты и положенія».

«Сравнительный методъ изученія народныхъ произведеній» (читай: обанкротившаяся міеологическая экзегеза) привелъ къ заключенію, что самый древній видъ народной или устной поэзіи — пѣсни-молитвы языческимъ бо-

гамъ» (стр. 5). «Обычай наряживанья объясняютъ почитаніемъ умершихъ» (стр. 7). «Св. Георгій замѣнилъ прежняго языческаго бога—покровителя стада, Волоса или Велеса» (стр. 9). Пословица: «новая метла чисто мететъ», на ряду съ прочими, выражаетъ «разумное пониманіе жизни и возвышенный нравственный взглядъ на нее» (стр. 13). «Многъ—повѣствованіе о языческомъ божествѣ» (стр. 14). «Героическій эпосъ возникъ изъ эпоса миѣческаго» (стр. 17). «Основа героическихъ пѣсенъ вынесена изъ общей родины» (стр. 18). «Наши богатыри раздѣляются на старшихъ и младшихъ» (стр. 19) и пр., и пр. Однимъ словомъ, на каждой страницѣ встрѣчаются сбивчивыя выраженія, воспроизводятся всѣ ошибки славянофильской и миеологической школы, всѣ ихъ ненаучныя объясненія аллегорій и символовъ, якобы заключающихся въ народной поэзіи (тяга земная—тяжесть земледѣльческаго труда и пр.), какъ будто бы разработка народной поэзіи остановилась на Бонст. Аксаковѣ, Аванасьевѣ, Ор. Миллерѣ и Безсоновѣ, и ихъ взгляды—последнее слово науки, нѣчто «выработанное и установленное». Въ ихъ взгляды вѣрятъ теперь только наивные составители учебниковъ; объ ихъ ошибкахъ «знаютъ даже и не учившіеся въ семинаріи», какъ когда-то выразился Гоголь. Мы не завидуемъ тому учителю, который позволить своимъ ученикамъ знакомиться съ народною поэзіей по этому отдѣлу учебника г. Незеленова: кромѣ путаницы, произвольностей и грубыхъ ошибокъ (старыхъ и новыхъ), они ничего отсюда не вынесутъ. Боле отрадное впечатлѣніе производитъ слѣдующій отдѣлъ: *Древняя литература*, хотя и въ немъ многое удивляетъ читателя. Поученіе Мономаха безъ всякихъ серьезныхъ основаній отнесено къ послѣднему году XI в. (стр. 66). Нѣтъ попытки разграниченія эпохъ: «въ XII в. продолжалось развитіе нашей литературы, такъ удачно начавшейся въ XI в.»,—говоритъ г. Незеленовъ (стр. 69), и ни словомъ не заикается о томъ, что въ XII в. произошла крупная перемѣна въ литературныхъ пріемахъ и вкусахъ, начинается особенно сильное вліяніе искусственной византійской литературы и пр. Новый духъ вѣетъ въ лѣтописяхъ XII в., но г. Незеленовъ мелькомъ упоминаетъ о Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ сводахъ, игнорируетъ такой живой и цѣнный памятникъ, какъ Галицко-Волынская лѣтопись. Свѣтская переводная повѣсть тоже не удостоилась вниманія: только въ концѣ отдѣла (стр. 131) посвящено 10 мимолетныхъ строчекъ *Александрии*. Такъ произвольно отсѣкаются наиболѣе любопытныя и живыя произведенія древней литературы; сиротливо стоятъ одно *Слово о полку Игоревѣ*, появленіе котораго кажется столь страннымъ, если не принять во вниманіе названныхъ выше памятниковъ. Это—крупный промѣлъ!

Мѣстами попадаются лишнія подробности: зачѣмъ упоминать безъ какихъ поясненій о сравненіяхъ Шевырева, имя котораго не можетъ быть извѣстно ученикамъ, прибавлять новый, совершенно излишній балъ (стр. 75)? Также безъ поясненій и нужды упоминаются имена Мел. Ермолаева, Козлова (ib.): зачѣмъ все это? Указывается, наприм., что рубль, въ которой заключалось *Слово*, имѣла въ себѣ 8 произведеній и что

занимало пятое мѣсто. Рядомъ съ такими мелочами и голымъ перечисленіемъ именъ пробѣлы въ необходимомъ еще болѣе рѣжутъ глаза.

Немногія страницы, посвященныя *Слову*, тоже не лишены крупныхъ ошибокъ. Г. Незеленовъ «догадывается», что авторъ *Слова* участвовалъ въ походѣ, хотя текстъ этого памятника ясно указываетъ на противное (стр. 76). Отмѣчается «высоко-поэтическое сравненіе перстовъ Бояна и струнъ съ 10 соколами, спущенными на стадо лебедей» (ib.); на слѣдующей страницѣ г. Незеленовъ не довольствуется такимъ простымъ и вѣрнымъ объясненіемъ, воскрешаетъ, въ противорѣчіе своимъ прежнимъ словамъ, дикое мнѣніе Шишкова, давно осмѣянное и отвергнутое: «Былъ обычай пускать 10 соколовъ на стадо лебедей,—чей соколъ раньше долеталъ, тому князю прежде пѣснь пѣли». Взяты два діаметрально-противуположныхъ мнѣнія и поставлены безъ всякихъ объясненій рядомъ. Какъ не понять, что если принять выраженіе *Слова* за сравненіе, нечего говорить объ обычѣ, и наоборотъ? Ученые часто склонны къ культурнымъ переживаніямъ и мифологіи; даже самыя дикія мнѣнія періодически возрождаются, какъ фениксы изъ пепла. Но съ фениксами въ учебникѣ нужно быть столь же осторожнымъ, какъ и съ Шевыревымъ. «Темные образы скорби, по выраженію Шевырева»,—говоритъ г. Незеленовъ (стр. 78)... Опять «незнаемую зегзицей» выпархиваетъ на страницы учебника это таинственное для ученика имя и становится рядомъ съ именами Хорса, Волоса и Стрибога. Въ упоминаніи этихъ послѣднихъ г. Незеленову угодно видѣть «живые слѣды языческихъ вѣрованій»; мы не хотѣли бы столь рѣшительнаго выраженія объ очень спорномъ вопросѣ, за то уничтожили бы непедагогичныя «по всей вѣроятности» въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ: г. Незеленовъ не всегда удачно прибѣгаетъ къ категорическимъ и проблематическимъ сужденіямъ, и кое-гдѣ его нужно понимать какъ разъ наоборотъ.

Во всемъ этомъ сказывается недостатокъ чувства мѣры, который приводитъ г. Незеленова, между прочимъ, и къ малонаучной идеализаціи и приподнятому патріотизму. «Въ древней русской жизни было единство взглядовъ и нравственныхъ воззрѣній» (стр. 89): вопросъ идетъ о милосердіи, духѣ доброты и кротости. Носителемъ такихъ добродѣтелей г. Незеленовъ считаетъ, между прочимъ, Илью Муромца, и для доказательства рѣшается даже на маленькую утайку. По былинамъ, Илья убиваетъ своего сына, но нашъ авторъ не упоминаетъ объ этомъ и подчеркиваетъ (стр. 24) милосердіе Ильи, противопоставляя его жестокости Рустема, «коварно убившаго» своего сына: «здѣсь сказалось различіе эпосовъ двухъ народовъ, различіе народныхъ характеровъ». Увы, русскіе должны отказаться отъ этого комплимента: былины приписываютъ коварство и Ильѣ, сына онъ, таки, убиваетъ, сюжетъ этотъ, все-таки, къ намъ занесенъ извнѣ, а темъ блещетъ многими добродѣтелями. Это не исключительный случай: многихъ мѣстахъ своей книги г. Незеленовъ старается внушить своимъ слушателямъ, что всѣ высшія добродѣтели—наша монополія.

Эти спеціальныя добродѣтели г. Незеленовъ любитъ такъ же, какъ

древне-русскіе иноки «любили писателей аскетическаго характера: Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Кассіана Римлянина, Нила Синайскаго и другихъ» (стр. 95, 104). Разница только въ томъ, что частое упоминаніе о первыхъ безусловно вредно, а перечисленіе въ учебникѣ голыхъ именъ и употребленіе непоясненныхъ терминовъ такъ же бесполезно, какъ и такіа фразы: «зарождавшемуся матеріализму онъ противопоставилъ стремленіе въ чистую область духа» (стр. 104) и пр.

Въ *Новой литературѣ*, кромѣ указанныхъ выше недостатковъ, появляются и новые, даже въ XVIII в., который г. Незеленовъ знаетъ лучше всего другого.

Петровская эпоха охарактеризована очень странно. Не указана, на примѣръ, двойная связь литературы этой и предъидущей эпохи: новое направление сказывалось и до Петра; съ другой стороны, старые литературные вкусы, приемы и формы перешли и въ новую эпоху, вступая въ своеобразныя отношенія съ новыми вѣяніями. «Вліяніе Запада существовало въ русской литературѣ и до Петра Великаго; но это было только вліяніе уже отжившей въ Европѣ схоластической образованности, наслѣдованной отъ среднихъ вѣковъ» (стр. 136),—говоритъ г. Незеленовъ. Онъ не даетъ ни краткаго очерка развитія схоластики на Западѣ, ни точнаго, научнаго ея опредѣленія; забываетъ, что западное вліяніе до Петра сводилось не на одну только схоластику: переходить къ намъ свѣтская повѣсть, которая вліяетъ на созданіе русской повѣсти новаго типа и духа; представленія Грегори, интерлюдіи, праздничныя вирши и пр. никакъ не сведешь на схоластику. Съ другой стороны, петровская эпоха не уничтожаетъ развитія схоластики и вызванныхъ ею литературныхъ явленій. Трудно было сдѣлать болѣе ошибокъ въ одной фразѣ... Дальше — еще хуже. «Въ первое время сближенія мы какъ будто сдѣлались даже подражателями; но на самомъ дѣлѣ этого не было: у русскаго общества было великое историческое прошлое, своя образованность, выработанная исторіей, и сдѣлаться простыми подражателями русскіе люди не могли» (ib.). Стоитъ вспомнить общезвѣстные факты, чтобъ отречься отъ этого лестнаго же-патріотическимъ сердцамъ положенія, да и самому г. Незеленову быстро пришлось взять свои слова назадъ: «Подражательность у насъ была сильно распространена и въ области мысли и нравовъ, и въ практической жизни» (стр. 205),—говоритъ онъ относительно екатерининской эпохи. Изъ этого сопоставленія можно сдѣлать нѣсколько поучительныхъ выводовъ: наприм., русскіе петровской эпохи имѣли великое историческое прошлое, а люди екатерининскаго времени потеряли его и пр.

Исторія и теорія псевдоклассицизма представлена не менѣе сбивчиво и даже невѣрно (стр. 173—4). Ломоносову приписывается перенесеніе къ намъ ложно-классической поэзіи, хотя вліяніе ея сказывалось на школьной драмѣ, хотя Прокоповичъ въ своемъ *Владимирѣ* пользовался приемами заимствованными изъ польской псевдоклассической драмы, хотя Кантемиръ и Тредьяковскій теоретически и практически знакомили съ нею русскую публику.

Литература и дѣятели екатерининской эпохи обвиняются поголовно въ «безсознательности» (стр. 187). Характеръ и значеніе просвѣтительной философіи указаны односторонне, неточно, мѣстами съ наивностью, переходящею въ жалкій лепетъ. Чтобы не перепечатывать всего отдѣла, беремъ первыя попавшіяся мѣста: «Большинство философовъ XVIII вѣка не отличалось нравственными достоинствами; многіе изъ нихъ были тщеславны, лъстивы и заискивали у сильныхъ міра, были корыстны» (стр. 188). «Философовъ XVIII столѣтія часто называютъ *энциклопедистами*; это, во-первыхъ, потому, что они занимались самыми разнообразными науками и писали сочиненія о всевозможныхъ предметахъ; во-вторыхъ, потому, что они издавали *Энциклопедическій словарь*, редакторами котораго были математикъ д'Аламберъ и мыслитель Дидро». «Людемъ XVIII вѣка, нравственно отупѣвшимъ въ житейскихъ удовольствіяхъ, видъ мертвыхъ костей, гробовъ, крови доставлялъ особаго рода удовольствіе путемъ нечистаго возбужденія фантазіи» (!).

Г. Незеленовъ любитъ обобщать единичные факты вопреки исторической правдѣ; въ тонѣ и направленіи его книги чувствуется человѣкъ, который хочетъ во что бы то ни стало свести запоздавшіе счеты съ непріятными его патріотическому и добродѣтельному сердцу литературными теченіями и дѣятелями; у него мало безпристрастія. Классификація идей и дѣятелей не отличается тонкостью, въ большинствѣ случаевъ, очень элементарна, иногда черезъ - чуръ наивна; какъ рьяный моралистъ, г. Незеленовъ постоянно читаетъ выговоры, скорбитъ, возмущается, и за своими іереміадами и часто мелочными придирками проглядываетъ крупныя факты и выводы; отъ оцѣнки французской литературы XVIII в. вѣетъ узко-буржуазнымъ, добродѣтельно-филистерскимъ духомъ. Литературныя произведенія, на основаніи простодушнаго критерія, распределяются на двѣ кучки: «сочиненія въ народномъ духѣ» и «произведенія, возникшія подъ иностранными вліяніями». Къ первымъ относятся комедіи, которыя въ эту эпоху почти всѣ сплошь были рабскими сколками съ западныхъ оригиналовъ. *Всякая всячина*, народный духъ которой сказывался только въ изреченіяхъ, вроде: «сѣздить въ рожу», вводимыхъ для мѣстнаго колорита въ дословные переводы изъ *Спектатора*,—историческое сочиненіе. Такую классификацію дѣлать легко, но она не можетъ имѣть никакого значенія: все многообразіе тогдашней литературы и жизни не укладывается въ эти безхитростныя рамки. Самъ г. Незеленовъ чувствовалъ недостаточность ихъ, и часто ему приходится дѣлать надстройки и поправки въ распознанномъ зданіи. «Народный духъ» сказывается, главнымъ образомъ, въ мѣяніи подражательности; въ этомъ положеніи находитъ себѣ г. Незеленовъ якорь спасенія, но онъ опять-таки забываетъ, что, осмѣивая подражательность, у насъ рабски подражали и французамъ Гансовъ подражали французами Иванушками. Нашъ авторъ тщательно хочетъ пойть «народный духъ», но, въ большинствѣ случаевъ, ему приходится гоготѣть за собственной тѣнью... Екатерининскою эпохой заканчивается пер-

вая часть. Во второй (Карамзинъ-Кольцовъ) не меньше недомолвокъ, обмолвокъ, ошибокъ и паянностей.

Карамзинъ во второмъ періодѣ становится «писателемъ народнаго направления» (стр. 2). Карамзинъ вноситъ въ нашу литературу новое сентиментальное направлѣніе, былъ начинателемъ нѣкоторыхъ литературныхъ формъ: повѣсти и литературной критики. «Народное направлѣніе» у г. Незеленова—нѣчто необыкновенно растяжимое и таинственное (вродѣ масонскихъ символовъ): изданіе старинныхъ памятниковъ, историческія занятія, насмѣшки надъ глупыми петиметрами и щеголихами, изображеніе крестьянъ въ видѣ аркадскихъ пастушковъ,—все окрещивается имъ этимъ мистическимъ терминомъ. Нежелательная въ учебникѣ таинственность идетъ объ руку съ прямыми ошибками: сентиментальности не оберешься въ пастораляхъ и эклогахъ до-карамзинской эпохи, Радищевъ былъ типичнымъ сентименталистомъ, повѣсть и литературная критика существовали и до Карамзина. Самъ г. Незеленовъ толковалъ въ первой части о повѣстяхъ въ древней литературѣ (стр. 131—5), хотя и плохо. Литературнымъ критикомъ (положимъ, плохимъ) былъ Сумароковъ; Карамзинъ въ этомъ отношеніи стоитъ немногимъ выше его. «Любовь къ Шекспиру Карамзина и пониманіе его были необыкновеннымъ явленіемъ въ 18 вѣкѣ» (стр. 5). Мы должны забыть о Sturm und Drang-Period'ѣ, нѣмецкихъ сентименталистахъ и романтикахъ; не знать, что Екатерина подражала Шекспиру, что Радищевъ и новиковскіе журналы преклонялись передъ нимъ, что Карамзинъ слабо понималъ его,—только тогда мы повторимъ патетическое восклицаніе г. Незеленова. О «здоровомъ русскомъ смыслѣ» Карамзина онъ повторяетъ слишкомъ часто, какъ будто бы боится, что ему не повѣрять *).

Вообще сентиментализмъ не удостоился ни точнаго опредѣленія, ни краткаго историческаго экскурса: ему посвящено 5 строчекъ (стр. 13). Переломъ въ настроеніи Карамзина отмѣченъ, но не объясненъ толково: объясненіе духовнаго развитія писателей принадлежитъ у г. Незеленова къ столь же слабымъ пунктамъ, какъ оцѣнка и характеристика эпохъ и литературныхъ направленій. Многія страницы его книги возбуждаютъ одно недоумѣніе за другимъ.

Прочтите, наприм., толки нашего автора о романтизмѣ (стр. 24—6). Нѣкоторыя общечеловѣческія черты романтической теоріи перепутаны съ романтизмомъ, какъ опредѣленнымъ литературнымъ теченіемъ; г. Незеленовъ не потрудился даже прочесть книгъ Гайма и Шахова, надѣлалъ много новыхъ ошибокъ и повторилъ всѣ старыя.

«Въ эпоху романтизма, живя одностороннею жизнью чувства, человѣкъ непрактично смотритъ на дѣйствительность, все представляетъ себѣ и въ слишкомъ розовомъ, или въ слишкомъ мрачномъ видѣ, не понимаетъ людей, и они раздѣляются въ его глазахъ на ангеловъ и демоновъ

*) Такъ же упорствуетъ г. Незеленовъ относительно Жуковскаго и другихъ.

(стр. 95). Если подставить вмѣсто людей—писателей, вмѣсто ангеловъ и демоновъ—послѣдователей «народнаго» и западнаго направленій, добротельныхъ и порочныхъ, то нельзя не признать, что г. Незеленовъ въ сильной степени одержимъ романтизмомъ. Вполнѣ романтична (съ этой точки зрѣнія), наприим., характеристика Байрона (стр. 100—101), которому нашъ романтикъ задалъ серьезную встрепку: сильно влетѣло бѣдному «демону» отъ нашего расходившагося романтика, живущаго одностороннею жизнью чувства и часто попирающаго хладный разсудокъ. Хорошо, что «Пушкинъ не подражалъ Байрону, а лишь увлекался имъ» (стр. 103), хотя и послѣднее, конечно, плохо. Въ этомъ, конечно, сказалась «русская природа поэта, его стремленія къ народнымъ началамъ» (стр. 111). Это также трогательно, какъ простодушное довѣріе къ словамъ Годунова («вполнѣ русскій человѣкъ, онъ сдержанъ и спокоенъ», стр. 124), какъ то, что «искусство *) есть проявленіе безконечнаго въ конечныхъ формахъ, имѣетъ высокую цѣль, независимую отъ требованій современности» (стр. 130), и то, что «Татьяна ненарушимо сохранить уваженіе къ браку и данному обществу: тутъ опять сказалась въ ней русская женщина» (стр. 157). Что за хорошіе люди мы, русскіе! Только намъ исключительно или преимущественно принадлежать всѣ добродѣтели: смиренномудріе, кротость, милосердіе и проч., и проч.

Лермонтовъ отнесенъ г. Незеленовымъ къ разряду «демоновъ»; въ отместку ему нашъ авторъ не прочелъ новѣйшихъ изслѣдованій и понадѣлалъ ошибокъ и пропусковъ. За то Гоголю посчастливилось: желая представить его въ «розовомъ видѣ», г. Незеленовъ склоненъ даже напыщенную реторику его юношескихъ писемъ принимать за проявленіе искренняго чувства...

Многое можно было бы сказать еще о книгѣ г. Незеленова, но наша рецензія и безъ того разрослась. Недостатокъ историческаго чутья, предвзятые взгляды, приподнятый патріотизмъ, уклоненія отъ истины и здравой педагогикъ,—все это, конечно, весьма непріятныя и нежелательныя стороны новаго учебника; кое-что легко исправить, кое-что, повидимому, слишкомъ глубоко залегло въ романтическую душу г. Незеленова. Наше дѣло было обратить вниманіе читателей на крупныя недостатки этой учебной книги.

Вл. Каллашъ.

---

* Неужели г. Незеленовъ полагаетъ, что ученики могутъ понять подобныя фразы?

Историческій методъ въ біологіи.

VI.

Разрѣшеніе морфологической задачи *).

Законъ Мальтуса, съ математическою очевидностію вытекающій, съ одной стороны, изъ ограниченности поверхности обитаемой нами планеты или еще ранѣе изъ ограниченности получаемой этою поверхностію лучистой

См. *Русскую Мысль* 1894 г., кн. VII. Обычныя занятія, дозволяющія мнѣ удѣлять только часть лѣтняго досуга на приготовленіе къ печати этого популярнаго курса, прочитаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, могутъ служить мнѣ извиненіемъ передъ читателями въ томъ, что это печатаніе такъ затянулось. Но я полагаю, что интересъ дѣла отъ этого не страдаетъ, такъ какъ затрогиваемые вопросы, особенно въ послѣдующихъ лекціяхъ, все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе натуралистовъ. Между тѣмъ, нашелся нетерпѣливый критикъ, не дожидаясь конца курса, уже обвиняющій меня въ односторонности и чуть ли не въ отсталости. Въ рядѣ статей, подъ страннымъ заголовкомъ *Дарвинизмъ на русской почвѣ*, г. Филипповъ, очевидно, желаетъ дать понять своимъ читателямъ, будто бы ему извѣстенъ какой-то новѣйшій *заграничный* дарвинизмъ. Я остаюсь при неоднократно высказанномъ мнѣніи, что, говоря о дарвинизмѣ, нужно подъ этимъ разумѣть ученіе Дарвина и болѣе всего заботиться объ устраненіи тѣхъ извращеній, на которыхъ такъ падали многіе его критики и не по разуму усердные сторонники. Именно ту же мысль, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, высказали Уоллесъ и Гексли, два, какъ извѣстно, „заграничные“ ученые, кое-что смыслившіе въ дарвинизмѣ. Считаю бесполезнымъ останавливаться на возраженіяхъ г. Филиппова, полагая, что читатели сами разберутся въ нихъ и по достоинству оценятъ всѣ эти философствованія о томъ, что бы было, еслибъ одуванчикъ былъ не трава, а дерево, или во что бы превратился законъ Мальтуса, еслибъ организмы были поражены безплодіемъ, и т. д. Не могу только не остановиться на заключительныхъ словахъ статьи г. Филиппова. Онъ заявляетъ, что беретъ Дарвина подъ свою защиту отъ моихъ нападокъ на „пангенезисъ“. Правда, я одинъ изъ первыхъ (двадцать лѣтъ тому назадъ) категорически высказался о ненаучности и бесплодности этого ученія, а позднѣе высказывалъ то же и о всѣхъ пародіяхъ на него, вроде е-словутаго *вейсманизма*, наконецъ, обвиненнаго по достоинству даже нѣмецкою критикою. Но позднѣе я узналъ, что и самъ Дарвинъ ставъ критическіе отношенія къ своей гипотезѣ, довольно энергично называя ее „мусоромъ“ (*It is all rubbish to have speculated as I have done*). Если бы г. Филипповъ изучалъ дарвинизмъ хотъ бы „на русской почвѣ“, то узналъ бы это изъ моихъ популярныхъ статей и не очутился бы въ комическомъ положеніи непривзаннаго защитника Дарвина—противъ Дарвина.

энергій солнца, а съ другой—изъ присущей всёмъ организмамъ способности не только воспроизводить себѣ подобныхъ, но при этомъ неизмѣнно размножаться,—этотъ законъ неотразимо приводитъ насъ къ заключенію, что число осуществляющихся органическихъ формъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ возникающихъ и погибающихъ, такъ сказать, въ состояніи возможности.

Что этотъ процессъ аналогиченъ процессу выпалыванія, который практикуется садоводомъ на его грядкахъ, также само собою очевидно. Остаётся убѣдиться, что и результатъ этой браковки будетъ въ обоихъ случаяхъ аналогиченъ, что это будетъ дѣйствительно процессъ отбора. Въ самомъ дѣлѣ, какое обстоятельство явится рѣшающимъ, опредѣляющимъ дальнейшую судьбу тѣхъ многочисленныхъ сѣмянъ, которыя являются конкурентами на клочокъ земли, достаточный только для одного растенія? Вспомнимъ съ дѣтства врѣзавшуюся въ нашу память поэтическую картину прятки о сѣятелѣ. Что оградить организмъ отъ всѣхъ невзгодъ, грозящихъ ему при самомъ вступленіи въ жизнь, что опредѣлить участь даже тѣхъ сѣмянъ, которыя упадутъ на землю добрую, но не достаточную для того, чтобы возростить ихъ всѣхъ? Конечно, особенности ихъ собственной организаціи, ихъ достоинства, ихъ *совершенство*.

Прежде чѣмъ пойти далѣе, намъ необходимо условиться относительно точнаго примѣненія этого слова, нерѣдко употребляемаго безъ строго-опредѣленнаго смысла и, во всякомъ случаѣ, въ устахъ морфолога и фізіолога получающаго совершенно различное значеніе. Для морфолога совершенство или болѣе высокая организація—почти синонимъ большей сложности, большей степени дифференцированія. Для морфолога признакомъ менѣе совершеннаго, низшаго существа служатъ простота, элементарность его строенія, меньшая обособленность органовъ и связанныхъ съ нимъ отправленій. Съ возрастаніемъ числа функцій, съ увеличеніемъ числа органовъ, имъ соответствующихъ, съ усложненіемъ ихъ строенія, существа восходятъ по ступенямъ морфологической лѣстницы; мы называемъ ихъ высшими, болѣе совершенными, въ абсолютномъ смыслѣ, т.-е. безъ отношенія къ условіямъ ихъ существованія. Въ иномъ смыслѣ представляется намъ это понятіе о совершенствѣ съ фізіологической точки зрѣнія. Здѣсь мѣрой совершенства является только соответствіе между организаціей и условіями существованія организма,—соответствіе, такъ сказать, между цѣлью и средствомъ, безъ отношенія къ абсолютной сложности организаціи *). Польза организма или, еще предѣленнѣе, его *приспособленность* къ жизненной средѣ—вотъ критерій его фізіологическаго совершенства. Но само собою понятно, что совершенство *приспособленія* можетъ и не идти рука объ руку съ усложненіемъ. Съ одной стороны, разрѣшеніе той же задачи простѣйшими путями должно быть признано за признакъ совершенства во второмъ изъ указан-

*) Понятно, что самая дифференцировка, спеціализація органовъ, въ силу своей полезности фізіологическаго раздѣленія труда, можетъ быть полезна,—здѣсь истинно философское и фізіологическое понятія о совершенствѣ будутъ совпадать.

ныхъ смысловъ: любая историческая коллекція какихъ-нибудь сложныхъ механизмовъ или вообще человѣческихъ изобрѣтеній можетъ служить тому доказательствомъ, — первоначальныя попытки обыкновенно отличаются болѣею сложностью въ сравненіи съ позднѣйшими. Съ другой стороны, физиологическое совершенство можетъ быть даже несомнѣнною деградацией, регрессомъ въ смыслѣ морфологическомъ. Съ упрощеніемъ задачи можетъ упрощаться и средство ея разрѣшенія. Это всего нагляднѣе выражается въ явленіяхъ паразитизма. Паразитное растеніе утрачиваетъ самый существенный изъ своихъ органовъ—листъ; замѣняетъ сложно-организованный корень присосками; во всей своей организаціи, даже во внѣшнемъ обликѣ, начинаетъ напоминать грибокъ, — но ни индивидуальная, ни видовая жизнь отъ этого не страдаетъ. Паразитирующее животное утрачиваетъ свои органы движенія и чувства, соотвѣтственно съ чѣмъ понижается организація и его нервной системы, но для новыхъ, упрощенныхъ условій его существованія все это было бы излишнимъ, бесполезнымъ бременемъ, — слѣдовательно, его, пониженная въ морфологическомъ смыслѣ, организація, въ смыслѣ приспособленія, является усовершенствованной. Но, какъ мы видѣли во второй лекціи, коренной вопросъ заключается именно въ объясненіи этого соотвѣтствія между организаціей и потребностями организма. Одна сложность формы еще не представляется намъ вопросомъ, — сложной можетъ быть форма и неорганическихъ тѣлъ, напримѣръ, какихъ-нибудь дендритовъ, металлическихъ деревьевъ, вызываемыхъ кристаллизацией. Вопросъ, загадка возникаетъ лишь съ того момента, когда обнаруживается соотвѣтствіе между формой и ея отправленіемъ. Отсюда понятно, что самую настоятельную задачей науки стало разъясненіе этой біологической гармоніи, что лозунгомъ современной біологіи стало это слово *приспособленіе*. Общимъ ключомъ для этого объясненія и явилось ученіе о естественномъ отборѣ. Въ силу этого процесса, полезное становится какъ бы синонимомъ понятнаго. Содержаніе загадки совершенно извращается; непонятнымъ въ органическомъ мірѣ становится только бесполезное, и его на дѣлѣ оказывается очень мало, — настолько, однако, чтобы біологическая гармонія продолжала быть въ нашихъ глазахъ естественнымъ явленіемъ. Но эта польза, очевидно, должна быть исключительно личная, индивидуальная или видовая, и только въ случаяхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній между организмами—обоюдная. Понятно, въ чемъ эта новая телеологія отличается отъ прежней. Она, прежде всего, навсегда отрѣшается отъ того антропоцентрическаго взгляда, который тормазилъ въ былое время первые шаги современной астрономіи и такъ долго и упорно держался въ біологіи. Тѣсно стали бы мы теперь искать въ природѣ организмовъ особенностей морфологическаго строенія или химическаго состава, исключительно служащихъ на пользу или для удовольствія человѣка, — все, чѣмъ онъ пользуется, раньше служило на пользу самихъ организмовъ. Въ большей части случаевъ человѣкъ только угадалъ значеніе того или другого вещества въ строеніи и приурочилъ ихъ для цѣлей, совершенно сходныхъ съ тѣми, на

которыхъ они служили самому организму. Человѣкъ питается бѣлкомъ и крахмаломъ хлѣбныхъ зеренъ, но и растеніе отложило ихъ для питанія роста; онъ лакомится сахаромъ плодовъ, но и растеніе отлагаетъ его какъ приманку для животныхъ. Человѣкъ пользуется растительнымъ волокномъ для своихъ тканей и снастей, но и въ растеніи оно играетъ ту же роль. Онъ сжигаетъ масло въ своихъ лампахъ, но растеніе еще ранѣе сжигало его въ процессѣ дыханія. Онъ пользуется воскомъ, смолами, каучукомъ и проч. для выдѣлки непромокаемыхъ издѣлій, но растеніе еще ранѣе нашло для нихъ то же примѣненіе. Наконецъ, онъ любитъ яркими красками лепестковъ, наслаждается запахомъ цвѣтовъ, но и растеніе выработало ихъ въ тѣхъ же эстетическихъ видахъ, но только для приманки насѣкомыхъ. Что вѣрно по отношенію къ человѣку, то вѣрно по отношенію и къ другимъ существамъ. Польза, объясняемая естественнымъ отборомъ и прямо изъ него вытекающая, можетъ быть исключительно личная, эгоистическая или обоюдная. Естественный отборъ не даетъ объясненія для приспособленія вреднаго для существа, имъ обладающаго, но полезнаго *исключительно* для другого существа. И, вопреки не разъ высказываемымъ сомнѣніямъ, ни одного подобнаго случая не нашлось въ природѣ. Этотъ фактъ справедливо разсматриваютъ какъ одно изъ убѣдительнѣйшихъ провѣрочныхъ свидѣтельствъ въ пользу новаго и противъ прежняго мировоззрѣнія. Но естественный отборъ объясняетъ и полезность обоюдную—и вотъ передъ современнымъ естествоиспытателемъ развертывается длинная вереница подобныхъ фактовъ. Пчела собираетъ медъ съ цвѣтовъ,—не значить ли, что растеніе безсознательно работаетъ на пчелу, заготовляя ей пищу? Открытый Шпренгелемъ ровно сто лѣтъ тому назадъ, но не оцененный по достоинству, фактъ опыленія растеній насѣкомыми получаетъ, при свѣтѣ новаго ученія, совершенно иной смыслъ и разростается въ обширную литературу, разъясняющую обоюдную пользу этого крайне сложнаго и безконечно-разнообразнаго приспособленія, тѣсно связывающаго въ одно гармоническое цѣлое жизнь растеній и насѣкомыхъ. Рядомъ съ этими явленіями, все подъ вліяніемъ тѣхъ же идей объ обоюдной пользѣ, открывается еще совершенно новая область взаимныхъ отношеній между организмами, получившая названіе явленій *симбіоза*, т.-е. союза взаимпомощи между разнороднѣйшими организмами, иногда принадлежащими къ различнымъ царствамъ природы. Самымъ разительнымъ и наиболѣе прочно установленнымъ въ этомъ направленіи фактомъ служить, какъ извѣстно, открытіе сложной, двойственной природы организмовъ, составившихъ, теперь уже не существующій, самостоятельный классъ *лишайниковъ* *). Этотъ союзъ

*) Желающіе знакомиться подробнѣе съ относящимися сюда фактами найдутъ ихъ изложеніе въ моей лекціи *Растеніе сфинксъ*. (Лекціи и рѣчи. Москва, 1887 г.). Это моднымъ словомъ *симбіозъ* нерѣдко злоупотребляютъ: такъ, наприм., по моему мнѣнію, его примѣненіе совершенно неудачно по отношенію къ сложнымъ явленіямъ паразитизма корней бобовыхъ растеній микроорганизмомъ, играющимъ значеніе въ питаніи растеній атмосфернымъ азотомъ.

гриба съ водорослью, напоминающій союзъ слѣпого съ хромымъ, у довле творительно объясняется обоюдною пользою, чрезъ взаимное дополненіе свойствъ, недостающихъ каждому участнику въ отдѣльности.

Такимъ образомъ, начало естественнаго отбора даетъ ключъ для объясненія полезныхъ приспособленій, индивидуальныхъ видовыхъ и обоюдныхъ, порою между существами самыми разнородными. Какъ только этотъ ключъ былъ найденъ, измѣнилось и самое отношеніе натуралистовъ къ своей задачѣ: на мѣсто прежняго скептическаго отношенія къ телеологическому направленію явилась увѣренность, что природа не терпитъ безполезнаго, даже лишняго, что при такой напряженной браковкѣ, которой подвергаются организмы, все безполезное, а тѣмъ болѣе вредное должно рано или поздно исчезать. Отсюда, съ небывалою прежде силой, возникло убѣжденіе, что все въ организациі живыхъ тѣлъ должно имѣть служебное значеніе, что всякой формѣ должно соотвѣтствовать отправление, и болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее господство этого направленія въ наукѣ неизмѣнно подтверждаетъ его справедливость *).

Мы уже отмѣтили въ предшествующей лекціи коренное различіе современнаго воззрѣнія на происхожденіе біологической гармоніи отъ прежняго; это тѣмъ болѣе необходимо, что отъ времени до времени все еще дѣлаются попытки вернуться, хотя въ замаскированной формѣ, къ старому воззрѣнію. Одни, назовемъ хоть не такъ давно умершаго Негели, пытаются отстоять мысль, что совершенствованіе (какъ въ морфологическомъ, такъ и въ фізіологическомъ смыслѣ) является результатомъ какого-то внутренняго, присущаго организмамъ стремленія въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи,—стремленія, представляющаго первичный, не поддающійся анализу фактъ. Противъ допущенія такого общаго, присущаго организмамъ стремленія къ совершенству въ морфологическомъ смыслѣ, справедливо возражаетъ Неймайеръ, говоря, что если палеонтологическая лѣтопись свидѣтельствуетъ въ общихъ чертахъ о поступательномъ движеніи органическаго міра, то въ частностяхъ она же доставляютъ намъ примѣры группъ, останавливающихся въ своемъ развитіи и даже регрессирующихъ. Другіе, какъ напримѣръ, Дельпинъ, пытаются распространить и на растеніе то объясненіе, которое Ламаркъ безуспѣшно предлагалъ по отношенію къ животному, т.-е. измѣненіе организациі подъ вліяніемъ собственныхъ усилій, проявленія воли самого организма. Если эта несчастная мысль была главною причиною неудачи ученія Ламарка, то что же сказать о ея примѣненіи къ растенію? Съ точки же зрѣнія Дарвина и отчасти, какъ мы видѣли, Конта совершенство есть сложный результатъ двухъ факторовъ: пластичности организмовъ, не представляющей никакого опредѣленнаго направленія, и другого фактора, прилаживающаго ихъ къ условіямъ существованія и направляющаго ихъ неизмѣнно въ смыслѣ наилучшаго приспособленія. Понятна различная біологическая цѣнность двухъ противоположныхъ воззрѣній; между тѣмъ какъ

*) См. мою статью: *Факторы органической эволюціи*. Русская Мысль 181 г.

первое изъ указанныхъ объясненій ничего не объясняетъ, а только повторяетъ фактъ въ болѣе туманныхъ выраженіяхъ *), послѣднее даетъ ему реальное объясненіе. Позволю себѣ, для поясненія своей мысли, прибѣгнуть къ наглядному сравненію. Кого не тѣшилъ въ дѣтствѣ слѣдующій забавный опытъ: засунешь за рукавъ колосья ржи, соломиной кверху, позабудешь о немъ, ходишь, бѣгаешь и, къ удивленію своему, замѣчаешь, что онъ не только не вывалился изъ рукава, а упорно ползетъ вверхъ; вотъ онъ уже у локтя, вотъ доползъ и до плеча. Какъ отнесутся къ этому факту мыслители указанныхъ двухъ направленій? Одинъ, не давая себѣ труда анализировать сложное явленіе, глубокомысленно изречетъ, что колосья ползетъ вверхъ по рукаву потому, что ему присуще стремленіе кверху. Другой укажетъ на ости и безчисленныя щетинки, направленные внизъ и препятствующія движенію въ этомъ направленіи. Колосья, очевидно, получаетъ, при ходьбѣ и размахиваніи рукой, толчки по всѣмъ направленіямъ, вверхъ, въ бока и внизъ, и внизъ можетъ быть чаще, чѣмъ въ другихъ направленіяхъ, но всѣ толчки внизъ тормазятся этими остями и щетинками и, такимъ образомъ, случайные, не имѣющіе опредѣленнаго направленія толчки слагаются въ одно опредѣленное восходящее движеніе. Вотъ несложное и строго реальное объясненіе факта. Такъ и съ поступательнымъ движеніемъ органическаго міра: организмы получаютъ изъ ви́шняго міра толчки, заставляющіе ихъ двигаться, т.-е. измѣняться по всевозможнымъ направленіямъ,—только отборъ, парализуя всѣ шаги назадъ, т.-е. все не имѣющее значенія полезнаго приспособленія, упорядочиваетъ это движеніе, сообщаетъ ему одно опредѣленное направленіе вверхъ, впередъ по пути къ наибольшему совершенству.

Изъ всего сказаннаго ясно, что главную услугу ученіе о естественномъ отборѣ принесло въ томъ направленіи, которое мы назвали фیزیологическимъ,—въ смыслѣ разрѣшенія вѣковой загадки о цѣлесообразности организаци, о строгомъ соотвѣтствіи между формой и ея отправленіемъ. Но, прежде чѣмъ перейти къ подробному анализу этой наиболѣе существенной стороны ученія, остановимся на разсмотрѣніи той роли, которую оно сыграло въ разрѣшеніи морфологической задачи,—въ объясненіи той биологической загадки, передъ которой безпомощно остановились такіе умы, какъ Ламаркъ и Контъ.

Въ четвертой лекціи мы видимъ, что, даже доказавъ несостоятельность догмата о безусловномъ постоянствѣ видовъ, мы тѣмъ не объясняемъ еще вполне современнаго строя органическаго міра съ его, въ большинствѣ случаевъ, порванными звеньями, производящими впечатлѣніе общей цѣпи лишь подъ условіемъ разсматриванія ея съ отдаленной точки зрѣнія, дозволяющей обнять ее въ цѣломъ и не видѣть повсемѣстныхъ разрывовъ.

*) Несостоятельность этого объясненія особенно ясно обнаруживается у Ламарка: объясняя существованіе восходящей лѣстницы организаций присущимъ имъ стремленіемъ къ совершенствованію, онъ доказываетъ необходимость этого стремленія, а самымъ фактомъ существованія этой лѣстницы, т.-е. впадаетъ въ ложный кругъ.

Видѣли мы также, что эта антиномія—единство при обзорѣ цѣлаго и разрозненность при изученіи его въ частностяхъ—не устраняется и попыткой видѣть въ ученіи о видѣ только послѣдній отголосокъ положенія реалистовъ о реальности «универсалий» *). Напротивъ того, мы пришли къ заключенію, что истина не на сторонѣ Шлейдена, склоняющагося къ этому объясненію, а на сторонѣ Канта и другихъ мыслителей, признающихъ за естественно-историческимъ видомъ нѣчто отличающее его отъ вида логического и сообщающее ему печать реальности.

Что могло сдѣлать для разъясненія этого, казалось бы, чисто-морфологическаго затрудненія, то фізіологическое начало полезности, которое легло въ основу ученія о естественномъ отборѣ? Можно ли, исходя изъ этого начала, логически неизбѣжно придти къ заключенію, что историческій процессъ образованія органическихъ формъ не только могъ, но и долженъ былъ совершиться такимъ путемъ, что несомнѣнно неразрывная цѣпь живыхъ существъ порывалась на отдѣльныя звенья, съ постоянно возрастающими между ними промежутками?

Посмотримъ, какъ успѣлъ Дарвинъ разрѣшить и эту задачу. Съ логической, философской точки зрѣнія, это, несомнѣнно, одна изъ самыхъ оригинальныхъ, блестящихъ сторонъ его ученія, и невольно удивляешься тому, какъ относительно мало ее оцѣнили даже самые ревностные сторонники великаго ученаго. Всего нагляднѣе выступаетъ это въ талантливо изложенной книгѣ недавно умершаго Роменеса *Darwin and after Darwin*, гдѣ объ этой сторонѣ ученія совсѣмъ не упоминается. А, между тѣмъ, теперь мы знаемъ, какъ дорожилъ именно этою стороною своей теоріи самъ Дарвинъ. Вотъ что пишетъ онъ въ своей автобіографіи:

«Въ іюнѣ 1842 года я доставилъ себѣ удовольствіе набросать карандашомъ на 35 страничкахъ сжатый очеркъ своей теоріи. Лѣтомъ 1844 г. онъ разросся до 230 страницъ; тщательно переписанная рукопись хранится у меня до сихъ поръ. Но въ то время я упустилъ изъ виду одну задачу громадной важности, и не могу себѣ объяснить, иначе, какъ на основаніи принципа Колумбова яйца, какъ могъ я проглядѣть и самую задачу, и ея разрѣшеніе? Задача заключалась въ объясненіи того факта, что органическія существа, связанные общимъ происхожденіемъ, стремятся, по мѣрѣ измѣненія, расходиться въ своихъ признакахъ. Это расхожденіе съ очевидностью вытекаетъ изъ самаго факта группировки видовъ въ роды, родовъ въ семейства, семействъ въ отряды и такъ далѣе. Я могу превосходно припомнить то мѣсто по дорогѣ въ Доунъ, гдѣ, сидя въ каретѣ, я, къ неописанной своей радости, началъ на разрѣшеніе этой задачи».

Начало, названное Дарвиномъ расхожденіемъ признаковъ (*divergence of character*), разрѣшаетъ противорѣчіе, такъ наглядно выставленное на рѣшѣ Кювье, объясняя, почему органическая цѣпь не только можетъ, но и

*) Нѣкоторые натуралисты, какъ, напримѣръ, Годри, дѣлаютъ ошибку, приписывая реалистамъ воззрѣнія номиналистовъ и наоборотъ.

силу естественнаго отбора, *должна* разбиваться на отдѣльные звенья, — почему органическій міръ таковъ, какимъ мы его знаемъ въ дѣйствительности, а не таковъ, какимъ онъ, казалось бы, *долженъ былъ быть*, если допустить его происхожденіе путемъ непрерывнаго историческаго процесса.

Здѣсь именно, какъ я замѣтилъ выше, Дарвину сослужило службу то сравненіе съ искусственнымъ отборомъ, которое такъ часто ставили и продолжаютъ ставить ему въ укоръ *). Если бы точкой отправленія Дарвину служило болѣе общее и опредѣленное понятіе «элиминаціи» Конта или позднѣйшее спенсеровское «переживаніе наиболѣе приспособленнаго», а не спеціальное понятіе «искусственнаго отбора», отъ его вниманія, вѣроятно, ускользнула бы одна изъ плодотворнѣйшихъ аналогій, составляющихъ преимущество его теоріи передъ воззрѣніями Ламарка и Конта.

«Какъ и въ другихъ случаяхъ, — говоритъ Дарвинъ, — я пытался пролить свѣтъ на этотъ вопросъ, исходя изъ нашихъ домашнихъ породъ. И въ этомъ направленіи мы встрѣчаемъ аналогію». Если мы обратимъ вниманіе на результаты продолжительнаго дѣйствія искусственнаго отбора, то замѣтимъ, что самою постоянною чертой этого процесса является стремленіе его продуктовъ все болѣе и болѣе разнообразиться, все болѣе и болѣе различаться между собою, увеличивая промежутки между когда-то сходными формами. Это само собою объясняется спеціализаціей задачъ, преслѣдуемыхъ человѣкомъ. Свойства тяжелой воевой лошади и легкаго скакуна несовмѣстимы въ одномъ животномъ, и вотъ, сообразно той цѣли, которой задается человѣкъ, онъ будетъ цѣнить свойства, болѣе и болѣе приближающіяся къ одному изъ предѣльныхъ типовъ, пренебрегая исходною формой, которая совмѣщаетъ, или, выражаясь точнѣе, почти лишена тѣхъ и другихъ качествъ крайнихъ формъ. То же оправдывается на любомъ примѣрѣ. Изъ дикаго родича нашей капусты получились формы, въ которыхъ предметомъ отбора сталъ любой почти органъ, начиная съ корня и кончая цвѣтами. Какъ на самые крайніе и несовмѣстимые примѣры, можно указать на кочанную капусту и на одну любопытную разновидность, изъ стволонъ которой изготовляютъ трости. Трость не станешь глотать и на кочанъ опираться, или, сѣвъ кочанъ, не получишь изъ него на слѣдующій годъ высокаго стебля. Очевидно, задавшись одной изъ двухъ несовмѣстимыхъ задачъ, культиваторъ будетъ истреблять всѣ формы, которыя не удовлетворяютъ

*) Такъ, наприм., и г. Филипповъ въ сотый или тысячный разъ распространяется о метафоричности лежащихъ въ основѣ этого ученія выраженій „борьба“, „отборъ“ и т. д., очень хорошо зная, что и Дарвинъ, и дарвинисты впередъ съ тѣмъ согласны. Ничего не можетъ быть бесплоднѣе такихъ разсужденій о прямомъ и переносномъ, переносный смыслъ которыхъ всякому извѣстенъ. Не только иный языкъ, но и обычная рѣчь можетъ на каждомъ шагѣ доставить несогласій источникъ для такихъ упражненій. Вотъ, наприм., физики говорятъ, что волока сопротивляется току, да еще тонкая сопротивляется болѣе, чѣмъ толстая, и, еще лучше, я въ эту минуту пишу перомъ на листѣ, но это перо — не перо, а что оно стальное, и этотъ листъ — не листъ, потому что онъ бумажный. Ка- богатое поприще для псевдо-философскихъ измышленій!

ни той, ни другой. Такой результатъ, являющійся въ приведенныхъ случаяхъ неизбежнымъ, вслѣдствіе несовмѣстимости двухъ направленій измѣненія, еще чаще является слѣдствіемъ капризовъ вкуса, моды и т. д. Всего нагляднѣе это обнаружилось опять-таки на голубиныхъ породахъ. «Любитель не цѣнитъ среднихъ формъ; онъ восхищается только крайностями». Такимъ образомъ, чѣмъ строже примѣняется отборъ, тѣмъ неизбежнѣе въ числѣ его результатовъ будетъ исчезаніе среднихъ, связующихъ, переходныхъ формъ, тѣмъ ближе группировка искусственныхъ породъ будетъ представлять намъ сходство съ общою картиной, являемою намъ органическимъ міромъ, т.-е. мы будемъ имѣть группы, носящія очевидныя черты сходства, притомъ, въ различныхъ степеняхъ, но еще болѣе очевидно лишенныя наличныхъ между собою переходовъ. Такъ, въ Англіи, гдѣ охотники до голубей довели свое искусство до крайняго предѣла, Дарвинъ не могъ найти промежуточныхъ формъ между нѣкоторыми крайними представителями и, только обратившись въ своихъ поискахъ въ Персію, Индію и на островъ Яву, нашелъ эти missing links, т.-е. формы, связующія ихъ съ общими предками. Значитъ, въ Англіи однимъ изъ послѣдствій строгаго отбора голубиныхъ породъ явилось уничтоженіе промежуточныхъ, связующихъ звеньевъ, такъ сказать, замѣтаніе слѣдовъ историческаго процесса ихъ образованія.

Здѣсь, какъ и въ общемъ вопросѣ объ аналогіи между искусственнымъ и естественнымъ отборомъ, возникаетъ вопросъ, что же поставимъ мы на мѣсто человѣка, сознательно удовлетворяющаго свои потребности, свои прихоти? Очевидно, въ частномъ, какъ и въ общемъ объясненіи ключомъ долженъ являться тотъ же принципъ полезности. Но какую же пользу могутъ извлекать живыя существа изъ этого начала расхожденія признаковъ? Повидимому, это начало исключительно формальное, морфологическое, какимъ же образомъ усмотримъ мы въ немъ признаки полезнаго приспособленія? Чѣмъ разнообразіе становятся организмы, тѣмъ просторнѣе имъ становится на землѣ, тѣмъ болѣе свободныхъ мѣстъ находятъ они въ природѣ,—понятно, подъ условіемъ, чтобъ и это разнообразіе касалось естественныхъ сторонъ организаціи. Выбравшись на сушу, поднявшись на воздухъ, живыя существа—растенія и животныя—устранялись отъ конкуренціи обитателей морей, составлявшихъ первоначально исключительное населеніе земли. То, что понятно въ такихъ общихъ чертахъ при сравненіи обитателей различныхъ стихій, оказывается вѣрнымъ и по отношенію менѣе глубокихъ различій. Какъ наземная флора и фауна должны были образоваться изъ флоры и фауны водъ и, притомъ, чрезъ посредство организмовъ, первоначально приспособленныхъ и къ той, и къ другой средѣ, но уступившихъ впоследствии мѣсто своимъ болѣе специализировавшимся потомкамъ, такъ было и во всякомъ менѣе рѣзкомъ случаѣ расхожденія признаковъ. Не только разнообразя свою среду, но и разнообразя свое отношеніе къ этой средѣ, предъявляя ей отличныя отъ другихъ факторы требованія или удовлетворяя ихъ иными путями, организмъ какъ бы

ходить новое или лучше обезпечиваетъ за собой старое мѣсто въ природѣ. Пояснимъ это положеніе нѣсколькими примѣрами. Земное растеніе, для своего существованія, нуждается въ солнечномъ свѣтѣ: подъ густымъ навѣсомъ сплошной древесной растительности можетъ существовать только чахлая травянистая растительность, но грибы находятъ здѣсь для себя всѣ благопріятныя условія—тлѣющее органическое вещество и влагу. Широколиственное растеніе не можетъ развить своей листовой пластины подъ покровомъ такой же широкой пластины другого растенія, но узкія, прямостоячія былинки свободно проникнуть между разрѣзами горизонтально разстилающихся пластинъ другого растенія и раздѣлять съ нимъ падающій на нихъ свѣтъ,—однѣ лучше используютъ лучи утренняго и вечерняго, а другіе лучи полуденнаго солнца. То же примѣнимо и къ химическимъ условіямъ среды. Бобовое растеніе, выработавшее сложнымъ путемъ способность пользоваться свободнымъ азотомъ атмосферы, уживается рядомъ со злакомъ лучше, чѣмъ другое растеніе, черпающее свой азотъ изъ одного и того же почвеннаго источника. Справедливость этого положенія, что различіе организаціи есть прямой залогъ болѣе успѣшнаго совместнаго существованія, подтверждается давно извѣстными сельскимъ хозяевамъ цифрами. Смѣшанная трава даетъ болѣе сѣна съ данной площади, чѣмъ однородная.

И такъ, большая степень отличія cadaго существа отъ существъ съ нимъ сходныхъ уже сама въ себѣ можетъ быть разсматриваема, какъ полезное приспособленіе, обезпечивающее за нимъ какъ бы новое, незанятое мѣсто въ природѣ. Изъ трехъ потомковъ какой-нибудь формы болѣе вѣроятія на сохраненіе будутъ имѣть двѣ крайнія формы, пути которыхъ наиболѣе расходятся, а не та, путь которой до нѣкоторой степени совпадаетъ съ путями каждой изъ этихъ двухъ, въ ихъ специальномъ направленіи, болѣе приспособленныхъ формъ. Однимъ изъ неотразимыхъ логическихъ выводовъ ученія о естественномъ отборѣ является это объясненіе стремленія органическаго міра къ разнообразію и къ одновременному уничтоженію промежуточныхъ звеньевъ между этими безконечно разнообразными формами. То, что было камнемъ преткновенія для Ламарка и Конта, легло во главу угла стройнаго зданія дарвинизма. Дарвинъ не долженъ, подобно Ламарку, прибѣгать къ совершенно неправдоподобному предположенію, что эти промежуточныя формы схоронились гдѣ-то въ неизвѣданныхъ уголкахъ земли; къ тому же, уголковъ этихъ почти уже не осталось. Онъ прямо заявляетъ, что, на основаніи его теоріи, ихъ нѣтъ повода даже искать, что онѣ не могли, не должны были сохраниться. Въ этомъ заключается одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ его ученія, которое, конечно, болѣе всего было бы оценено Контомъ, не сдававшимся на всѣкіе, по его мнѣнію, доводы Ламарка, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что разрозненность, разоблаченность формъ современнаго органическаго міра, очевидно, болѣе гармонична съ воззрѣніями Кювье, чѣмъ съ воззрѣніями Ламарка.

Но если эти отсутствующія звенья и не должны были сохраниться, то, тѣмъ не менѣе, они должны были когда-то существовать. Что же говоритъ

въ пользу ихъ существованія современное естествознаніе? Еще въ первой лекціи мы видѣли, что, даже при господствѣ догмата о неподвижности видовъ, двѣ отрасли естествознанія неизмѣнно свидѣтельствовали о сходствѣ живыхъ существъ какъ между собою, такъ и съ формами уже вымершими; эти отрасли—морфологія (сравнительная анатомія съ эмбриологіей) и палеонтологія. Спрашивается, то, что приобрѣтено этими науками со времени окончательнаго водворенія въ наукѣ обратнаго взгляда, соответствуетъ ли тѣмъ надеждамъ и требованіямъ, которыя вправѣ предъявить имъ новое ученіе? Вопреки неоднократнымъ попыткамъ утверждать противное, можно сказать, что всѣ успѣхи этихъ наукъ за послѣднія три-четыре десятилѣтія представляютъ одинъ непрерывный аргументъ въ его пользу. Конечно, немыслимо представить здѣсь хотя бы самый блѣдный очеркъ того, что сдѣлано въ этомъ направленіи за указанный періодъ. Остановлюсь только бѣгло на нѣкоторыхъ изъ самыхъ выдающихся примѣровъ, выбравъ ихъ для систематическихъ единицъ различныхъ порядковъ, и, притомъ, останавливаясь на фактахъ какъ морфологическихъ, такъ и палеонтологическихъ.

Прежде всего, остановлюсь на результатахъ дѣятельности одного ученаго, по времени опередившаго переворотъ, произведенный въ біологіи дарвинизмомъ, и потому особенно способствовавшего той легкости, съ которою идеи Дарвина принялись на почвѣ растительной морфологіи,—ученаго, изслѣдованія котораго представляютъ одно изъ величайшихъ завоеваній въ области описательнаго естествознанія вообще, но имя котораго почти неизвѣстно за предѣлами ограниченного круга специалистовъ. Какой образованный человѣкъ, сколько-нибудь интересующійся естествознаніемъ, не слышалъ именъ Фохта, Шлейдена, Мошшота, Негели и множества другихъ, а, между тѣмъ, положительныя заслуги этихъ ученыхъ ничтожны въ сравненіи съ результатами изслѣдованій этого почти неизвѣстнаго — Вильгельма Гофмейстера. «Когда восемь лѣтъ спустя послѣ появленія изслѣдованій Гофмейстера появилась теорія Дарвина,—пишетъ въ своей *Исторіи ботаники* Саксъ,—сродство между двумя большими отдѣлами растительнаго царства было такъ прочно установлено, такъ очевидно, что теорія единства происхожденія организмовъ пришлось только признать то, что генетическая морфологія уже на дѣлѣ доказала». «То, что Геккель, послѣ появленія книги Дарвина, назвалъ филогенетическимъ методомъ, Гофмейстеръ уже задолго до него осуществилъ на дѣлѣ самымъ блистательнымъ образомъ». Не странно ли, что такая великая научная заслуга до сихъ поръ почти неизвѣстна въ болѣе широкихъ кругахъ образованныхъ людей, а имя одного изъ самыхъ крупныхъ научныхъ дѣятелей въ... не пользуется заслуженною славой *)? Я полагаю, одного этого доста- ivo

*) Мнѣ всегда казалось,—и не думаю, чтобы въ этомъ высказывалось только пристрастіе ученика къ своему учителю,—что даже нѣмецкіе ученые, всегда готовые преувеличивать заслуги своихъ соотечественниковъ (стоитъ вспомнить тотъ ораторъ, которымъ окружастся теперь имя Вейсмана, какъ преемника, будто бы, Дарвина, по отношенію къ Гофмейстеру положительно несправедливы.

для того, чтобы нѣсколько подробнѣе на ней остановиться. Во всѣхъ классификаціяхъ какъ растительнаго, такъ и животнаго міра, конечно, не было болѣе крупныхъ, болѣе глубоко между собою различающихся отдѣловъ, какъ два отдѣла или полупарства растеній, носящіе названія *явно* и *тайнобрачныхъ, цвѣтковыхъ и споровыхъ*. Первые, къ которымъ относится большая часть извѣстныхъ въ обыкновенной жизни растеній, характеризуются тѣмъ, что размножаются сѣменами, очень сложными тѣлами, являющимися въ результатъ процесса оплодотворенія, совершающагося въ цвѣткѣ. Вторые, между болѣе извѣстными представителями которыхъ можно назвать папоротники, мхи, грибы, *видимо* размножаются такъ называемыми *спорами*, т.-е. отдѣльными, разсыпавшимися въ видѣ пыли клѣточками (стоитъ вспомнить темную пыль, осыпающуюся съ изнанки листьевъ папоротниковъ, изъ урночекъ мховъ или поднимающуюся облачкомъ изъ раздавленнаго подъ ногою дождевика). Незадолго до появленія классическихъ трудовъ Гофмейстера было прочно установлено существованіе у споровыхъ растеній органовъ полового размноженія, по своимъ микроскопическимъ размѣрамъ ускользавшихъ отъ обычнаго наблюденія. Но за то, также недавно, Шлейденомъ была внесена въ науку глубокая смута его теоріей цвѣтка, сводившаяся къ отрицанію существованія у цвѣтковыхъ растеній полового размноженія. Шлейденъ, а по его слѣдамъ и цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ пытались доказать, что клѣточка пыльцы не оплодотворяющій, а яичко не оплодотворяемый органъ. Первая, по мнѣнію этихъ ученыхъ, только спора, вторая — только пріемникъ, въ которомъ эта спора удобно прорастаетъ, между тѣмъ какъ у споровыхъ она прорастаетъ прямо на землѣ. Гофмейстеру, прежде всего, пришлось опровергнуть эту хитросплетенную и, казалось, опиравшуюся на точныя наблюденія разрушительную теорію, и онъ блистательно выполнилъ эту задачу въ своемъ изслѣдованіи *Образованіе зародыша явнобрачныхъ*, которымъ навсегда уничтожилъ шлейденовскую теорію и положилъ прочное основаніе современному ученію о половомъ процессѣ у сѣменныхъ растеній. Но тѣмъ рѣзче выступило различіе между такимъ спорнымъ растеніемъ, какъ, наприм., папоротникъ, и типическимъ сѣменнымъ растеніемъ. Гофмейстеръ предпринялъ колоссальный трудъ изслѣдованія исторіи развитія представителей всѣхъ классовъ споровыхъ растеній, начиная съ мховъ, и простѣйшихъ представителей сѣменныхъ, такъ называемыхъ голосѣмянныхъ. Я говорю—колоссальный трудъ, потому что изучающій его *Сравнительныя изслѣдованія надъ проростаніемъ, развитіемъ и плодоношеніемъ высшихъ тайнобрачныхъ* выноситъ впечатлѣніе, что это плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій десятиковъ ученыхъ, а между тѣмъ, это былъ результатъ двухъ-трехлѣтнихъ трудовъ одного человека, притомъ, даже не присяжнаго ученаго *). Можно

*) Званіе Гофмейстера въ это время рассказываютъ, что онъ помогалъ своему отцу, извѣстному книжному и котному торговцу въ Лейпцигѣ, занимаясь въ компаніи сосѣдней съ магазиномъ, и переходя отъ прилавка прямо къ микроскопу, за который дѣлалъ свои великія открытія.

смѣло сказать, что едва ли какая книга въ области описательнаго естествознанія содержитъ такое широкое обобщеніе, какъ то, которое заглаживается въ нѣсколькихъ заключительныхъ страницахъ *Сравнительныхъ изслѣдованій*. Читая эти безцвѣтнымъ, дѣловито-тяжеловѣснымъ языкомъ изложенныя страницы, на первыхъ порахъ сомнѣваешься, точно ли уловилъ ихъ истинный смыслъ; какъ-то не вѣрится, чтобы въ такихъ скромныхъ выраженіяхъ въ первый разъ доводилось до свѣдѣнія ученаго міра открытіе такой громадной важности. Основная идея Гофмейстера, которую вотъ уже полвѣка и, можно сказать, до вчерашняго дня два поколѣнія ботаниковъ продолжаютъ развивать, далеко еще не исчерпавъ, сводится къ слѣдующему. Связующимъ звеномъ между споровыми и цвѣтковыми растеніями является то же, бросающееся въ глаза даже поверхностному наблюдателю, сходство между клѣточкой пыльцы и спорой. Но между тѣмъ какъ нѣкоторые ботаники прошлаго вѣка готовы были видѣть въ нѣкоторыхъ спорахъ пыльцу, т.-е. оплодотворяющее начало; между тѣмъ какъ для Шлейдена пыльца была только спора, т.-е. органъ безполога размноженія, Гофмейстеръ показалъ, что это сходство гораздо сложнѣе и, въ то же время, гораздо полнѣе, чѣмъ можно было предполагать. Онъ показалъ, что если у такихъ споровыхъ, какъ папоротники, мы въ цѣломъ жизненномъ циклѣ имѣемъ два смѣняющихся поколѣнія: всякому знакомое листоносное, безполымъ путемъ размножающееся спорами, и другое, знакомое только ботаникамъ, съ микроскопическими органами полового размноженія; если у сѣменныхъ растеній мы знаемъ какъ бы только одно половое поколѣніе съ его тычинками и пестиками, то это коренное различіе исчезаетъ, ступивъ выается при сравненіи высшихъ представителей споровыхъ, напримѣръ, плауновыхъ, съ низшими представителями сѣменныхъ, каковы голосѣнные (наши хвойные). Выходящее изъ споръ, половое поколѣніе, у папоротниковъ обоеполое, становится у высшихъ споровыхъ раздѣльнополымъ, соответственно чему появляются и двоякаго рода споры. Это поколѣніе все сокращается и упрощается, мало-по-малу утрачиваетъ свое самостоятельное существованіе, пока, наконецъ, у высшихъ сѣменныхъ остается только намекъ на него, сокрытый въ мужской спорѣ, т.-е. въ клѣточкѣ пыльцы, и въ женской спорѣ, т.-е. зародышевомъ мѣшкѣ, схороненномъ въ глубинѣ яичка. Гофмейстеръ могъ со справедливою гордостью сказать, что ему удалось перекинуть мостъ изъ одного полуцарства природы въ другое. Голосѣнные, которымъ еще недавно отводили мѣсто между двудольными, навсегда заняли свое мѣсто на границѣ споровыхъ и цвѣтковыхъ, представляя самое несомнѣнное связующее звено, какового только могло ожидать эволюціонное ученіе. Этотъ выводъ морфологическаго изслѣдованія подтверждается и непосредственнымъ свидѣтельствомъ исторіи, т.-е. палеонтологіей: сѣменные и во времени занимаютъ такое же несомнѣнное промежуточное положеніе между споровыми и сѣменными, какъ и въ естественной системѣ. Едва ли можно привести другой болѣе разительный примѣръ распрѣдѣ-

связи между двумя обширными группами тамъ, гдѣ ея, казалось, невозможно было ожидать.

Но противники эволюціоннаго ученія перѣдко, и не безъ основанія, возражаютъ, что именно такія широкія обобщенія мало убѣдительны; доказывая только существованіе какого-то общаго плана въ строѣ органическаго міра, они не обнаруживаютъ еще непосредственнаго перехода. Они предъявляютъ палеонтологіи требованія раскрыть мельчайшіе шаги этого перехода между двумя близкими формами, которые вынудили бы призвать, что одна изъ формъ фактически произошла отъ другой.

Новѣйшіе успѣхи палеонтологіи удовлетворяютъ и этому требованію. Про талантливаго французскаго каррикатуриста Шевалье, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Гаварни, рассказываютъ такой анекдотъ. Шевалье былъ привлеченъ къ суду за непочтительное изображеніе Луи-Филиппа, въ видѣ груши. Представъ передъ судьей, остроумный художникъ, вмѣсто защиты, попросилъ карандашъ и листъ бумаги и, нѣсколькими штрихами нарисовавъ на немъ портретъ Луи-Филиппа, обратился къ судѣ съ вопросомъ: можно ли изображать короля такимъ?—на что послѣдовалъ отвѣтъ судьи: конечно, можно. Тогда, съ изумительною быстротой, онъ набросалъ цѣлый рядъ такихъ изображеній, на одномъ концѣ котораго былъ несомнѣнный Луи-Филиппъ, а на другомъ столь же несомнѣнная груша, и съ напускною наивностью снова обратился къ судѣ, прося его объяснить, гдѣ же оканчивалось дозволенное изображеніе и гдѣ начиналось оскорбленіе величества? Эта шутка талантливаго художника невольно приходитъ на мысль каждый разъ, когда видишь передъ собою, уже ставшій классическимъ, часто воспроизводимый рисунокъ извѣстнаго, недавно умершаго геолога Неймайера. Рисунокъ этотъ нагляднымъ образомъ показываетъ превращеніе одного ископаемаго, прѣсноводнаго моллюска изъ рода *Palludina*. Если закрыть рукою среднія фигуры, то мы имѣемъ передъ собою два рѣзко между собою различающихся вида или даже рода, но отнимите руку, взгляните на остальные 15 промежуточныхъ фигуръ, и вы сознаетесь въ полной невозможности провести границу между этими крайними формами,—такими нечувствительными степенями переходятъ онѣ одна въ другую. И всѣ эти остатки встрѣчаются въ послѣдовательныхъ отложеніяхъ, въ той же мѣстности (въ Славоніи), такъ что мы имѣемъ непосредственное историческое свидѣтельство, что это не искусно только подобранныя, а исторически преемственныя стадіи превращенія одной и той же формы. Едва ли не болѣе поразительную картину представляетъ сходная же находка, сдѣланная въ Штейнгеймѣ, въ Вюртембергѣ и тщательно изслѣдованная въ сороковыхъ и снова въ восьмидесятыхъ годахъ. Здѣсь, также въ послѣдовательныхъ слояхъ, встрѣчаются измѣненія раковины одного прѣсноводнаго моллюска, на одномъ предѣлѣ, имѣющаго видъ нашей обыкновенной плоской катушки (*Planorbis*), а на другомъ—напоминающаго закрученную въ видѣ конической башенки *Palludina*, и, тѣмъ не менѣе, переходъ этотъ произошелъ совершенно нечувствительными, исторически-по-

слѣдовательными ступенями. Эти и подобные имъ примѣры должны раз навсегда зажать ротъ тѣмъ тщетно упорствующимъ противникамъ эволюціоннаго ученія, которые утверждаютъ, что показанія палеонтологіи такого же общаго и неопредѣленнаго характера, какъ и показанія морфологіи, т.-е. указываютъ на какое-то скрытое сходство скачками, не обнаруживая непосредственнаго, нечувствительнаго перехода.

Указавъ на доказательства, которые можно привести въ пользу общаго происхожденія организмовъ, въ примѣненіи къ самой крупной и къ самой мелкой таксономической единицѣ—къ полуцарству и къ виду, остановимся еще на нѣсколькихъ наиболѣе рѣзкихъ примѣрахъ, касающихся промежуточныхъ группъ, и, притомъ, такихъ примѣровъ, которые могутъ быть понятны безъ необходимыхъ въ такихъ случаяхъ рисунковъ. Главное обстоятельство, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе эволюціониста, это—обиліе въ ископаемомъ состояніи такъ называемыхъ коллективныхъ или синтетическихъ типовъ,—типовъ, очевидно, совѣщающихъ въ себѣ признаки формъ, теперь уже обособившихся и, въ силу дѣйствія начала расхожденія признаковъ, раздѣленныхъ глубокими промежутками. Одинъ изъ самыхъ разительныхъ и популярныхъ примѣровъ представляетъ палеонтологическая родословная нашей лошади. Эта родословная, въ установленіи которой видную роль играли трагически, во цвѣтъ лѣтъ погибшій талантливый В. О. Ковалевскій, связываетъ постепеннымъ переходомъ нашу однокопытную лошадь съ ея трехкопытными предками, а черезъ нихъ и съ многокопытными современными родичами, носорогомъ и тапиромъ. Если бы могло существовать хотя малѣйшее сомнѣніе въ истинномъ толкованіи этого факта, въ смыслѣ происхожденія однокопытной лошади отъ многокопытныхъ предковъ, оно устраняется появленіемъ уродливостей, т.-е. лошадей, снабженныхъ дополнительнымъ копытцемъ, тѣмъ самымъ, которое было у ея ближайшихъ предковъ. Такая лошадь, говорятъ, была у Юлія Цезаря. Въ послѣднее время, когда этотъ фактъ получилъ такой глубокой научный интересъ, примѣры этой уродливости стали болѣе обращать на себя вниманіе и оказались болѣе распространенными, чѣмъ можно было ожидать.

Здѣсь мы имѣемъ примѣры переходовъ въ предѣлахъ родовъ и семействъ; еще разительнѣе, конечно, примѣры связующихъ звеньевъ между такими даже для неопытнаго глаза очевидно обособившимися группами, каковы классы. А между классами, конечно, едва ли существуетъ другой болѣе обособившійся, болѣе отличающійся отъ другихъ, даже въ глазахъ самаго поверхностнаго наблюдателя, классъ существъ, какъ птицы¹⁾, тѣмъ не менѣе, современной палеонтологіи удалось найти связующія звѣзды между этимъ классомъ и другимъ, казалось, безконечно отъ него отчужденнымъ, каковы пресмыкающіяся. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія *Происхожденія видовъ* разнесся слухъ, что въ юрскихъ извѣсткахъ Золенгофена, въ Баваріи, найдены птичьи перья и вслѣдъ за тѣмъ открыты и части скелета, представлявшія одно изъ самыхъ поразитель-

ныхъ палеонтологическихъ открытій, въ смыслѣ эволюціоннаго ученія. Въ 1877 году найденъ второй, болѣе полный экземпляръ этого удивительнаго существа, купленный, послѣ долгихъ переговоровъ, Берлинскимъ музеемъ за небывалую цѣну 22,000 марокъ. Скелетъ этотъ принадлежитъ несомнѣнно птицѣ, но птицѣ, въ то же время, несущей самые очевидные слѣды еще близкаго родства съ происшедшими отъ общаго съ ней предка пресмыкающимися. Въ то же время, это существо—Археоптериксъ—представляетъ много сходнаго съ эмбриональными формами птичьяго зародыша. Что это была птица, на то указываютъ превосходно сохранившіеся отпечатки перьевъ и строеніе скелета, въ особенности заднихъ конечностей. Но, въ то же время, эта птица обладала длиннымъ хвостомъ, какъ у ящерицы, состоявшимъ изъ отдѣльныхъ позвонковъ; три пальца ея крыла были развиты, какъ настоящіе пальцы, и снабжены когтями и, наконецъ, въ челюстяхъ второго экземпляра оказались зубы, по своему положенію въ особыхъ ячейкахъ, напоминающіе зубы крокодила. Этотъ экземпляръ птицы съ зубами не единственный: извѣстному американскому палеонтологу Маршу удалось вскорѣ найти цѣлый рядъ такихъ формъ, составляющихъ новый подклассъ—*Odontornithes*.

Поразительнѣ этихъ палеонтологическихъ находокъ было развѣ только одно изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій въ области эмбриологии или биологии вообще, сдѣланное А. О. Ковалевскимъ,—открытіе, которое пошатнуло бы всѣсы научной критики въ пользу Жоффруа Сентъ-Иллера во время знаменитаго спора, изъ котораго его противникъ, Кювье, вышелъ побѣдителемъ. Представленіе о самостоятельности животныхъ типовъ, установленныхъ Кювье, долгое время оставалось неопровергнутымъ. А. О. Ковалевскій показалъ, что такъ называемые оболочники, которыхъ прежде относили къ моллюскамъ въ начальныхъ стадіяхъ своего развитія, представляютъ поразительное сходство съ типомъ позвоночныхъ. И такъ, нѣтъ той степени систематическаго различія, для которой морфология не могла бы привести въ роуты или палеонтология несомнѣнныхъ доказательствъ существованія перехода. Это различіе въ степени достовѣрности свидѣтельствъ морфологии и палеонтологии вполне соответствуетъ и тѣмъ требованіямъ, которыя вправдѣ предъявлять имъ современная наука, на основаніи разсматриваемаго ученія о расхожденіи признаковъ.

Во всеоружіи своихъ тридцатилѣтнихъ завоеваній, о размѣрахъ которыхъ приведенные примѣры, конечно, даютъ только отдаленное понятіе, современная палеонтология можетъ съ гораздо болѣею силой и убѣдительною повторить аргументы, которые съ такое тщательностью сопоставилъ Дарвинъ,—аргументы, въ которыхъ его враги съ злорадствомъ пытались усматривать только *testimonium paupertatis* эволюціоннаго ученія. Дарвинъ, какъ извѣстно, съ особенною силой настаивалъ на томъ положеніи, что недостаточность положительныхъ свидѣтельствъ палеонтологій, т.-е. отсутствіе въ ископаемомъ состояніи всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ переходныхъ и связующихъ формъ, существованіе которыхъ составляетъ основную

посылку эволюціоннаго ученія, еще ничего не говоритъ противъ него. Его доводы, убѣждающіе въ безнадежности когда-либо возстановить хотя сколько-нибудь полную лѣтопись органическаго міра на основаніи ископаемыхъ остатковъ такъ вѣски, что приходится дивиться не бѣдности, а, наоборотъ, богатству тѣхъ положительныхъ свидѣтельствъ, которыя накопила палеонтологія за краткій періодъ этихъ тридцати лѣтъ. Безслѣдное исчезновеніе организмовъ на поверхности нашей планеты, безспорно, слѣдуетъ считать за правило, а сохраненіе скудныхъ ихъ остатковъ—за исключеніе, и, притомъ, очень рѣдкое исключеніе. Препятствія къ сохраненію этихъ остатковъ лежатъ какъ въ самой природѣ организмовъ, такъ и въ окружающей ихъ средѣ. Главная масса органовъ и цѣлыхъ организмовъ состоитъ изъ веществъ, быстро разлагающихся подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей и еще болѣе подъ вліяніемъ микроорганизмовъ, оказывавшихъ свое разлагающее дѣйствіе, какъ обнаруживаетъ палеонтологія, еще въ раннія эпохи существованія органическаго міра. Только такія части, какъ скелеты, раковины, отпечатки листьевъ, могли уцѣлѣть сами по себѣ, другія же части только при участіи совершенно исключительныхъ процессовъ минерализаціи, каковы, наприм., процессы окременѣнія, благодаря которымъ и сохранились, со всѣми своими мельчайшими микроскопическими подробностями, стебли растений и т. д. Но и твердые остатки, подверженные болѣе или менѣе вѣрному разрушенію, не оставили бы по себѣ слѣдовъ въ отдаленные вѣка, если бы не стеченіе совершенно исключительныхъ условій. Сколько поколѣній животныхъ, населявшихъ наши лѣса и представленныхъ безчисленными недѣлимыми, исчезаетъ совершенно безслѣдно на нашихъ глазахъ! Сохраненіе твердыхъ остатковъ связано не только съ рѣдко встрѣчающимися условіями, но съ еще рѣже встрѣчающеюся совокупностью этихъ условій. Обыкновенно они должны быть занесены быстро образующимися осадками, морскимъ или прѣсноводнымъ иломъ. Эти осадки должны превращаться въ твердыя породы, но должны избѣгнуть того процесса, которому сами обязаны своимъ происхожденіемъ, т.-е. процессу разрушенія подъ вліяніемъ воды и воздуха. Наконецъ, удаленные изъ круга дѣйствія факторовъ, разрушительнымъ образомъ дѣйствующихъ на поверхности земли, они не должны подпасть и дѣйствію метаморфозирующихъ горныхъ породы внутреннихъ силъ. Таковы соображенія, приводящія къ заключенію, какъ ничтоженъ долженъ быть процентъ формъ, оставившихъ по себѣ какіе-нибудь слѣды, въ сравненіи съ тѣми, которыя существовали. По соображеніямъ Неймайера, даже для самыхъ благопріятныхъ случаевъ, куда должно отнести остатки морскихъ моллюсковъ, это отношеніе едва ли превышаетъ одну сотую. Затѣмъ выступаетъ впередъ еще другое соображеніе: какую ничтожную часть даже изъ тѣхъ остатковъ, которые сохранились, въ состояніи мы узнать и въ дѣйствительности уже знаемъ? Большая часть, вѣроятно, навсегда останется недоступной для человѣка: а днѣ океановъ, а на сушѣ то, что изслѣдовано, въ сравненіи съ неизслѣдованною поверхностью, составляетъ, по мѣткому выраженію Романа

«нѣсколько царапинъ на континентѣ Азіи и Америки, да немного побольше такихъ же царапинъ въ Европѣ». Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ нужно прибавить едва ли не самое важное: если не сохранились всѣ связующія звенья между двумя формами, то мы можемъ нерѣдко имѣть въ рукахъ общаго ихъ родоначальника, сами того не подозревая, такъ какъ онъ будетъ именно отличаться почти полнымъ отсутствіемъ тѣхъ признаковъ, которыми характеризуются эти двѣ формы. У обыкновеннаго голубя мы не встрѣтимъ ни зоба дутыша, ни опахальчатаго хвоста трубастаго голубя; ходячее же представленіе о переходѣ связано съ понятіемъ о переходѣ прямомъ, т.-е. въ настоящемъ случаѣ о непосредственномъ переходѣ отъ дутыша къ трубастому или наоборотъ.

Такимъ образомъ, аргументація Дарвина, объяснявшаго бѣдность положительныхъ палеонтологическихъ свидѣтельствъ естественною неполнотою геологической лѣтописи, сохраняя всю свою силу, тѣмъ болѣе заставляетъ насъ цѣнить тѣ, можно смѣло сказать, превысившіе ожиданія успѣхи палеонтологій, которые послѣдовали за краткій срокъ, истекшій со времени появленія *Происхожденія видовъ*. Какъ будто необходимо было убѣдиться въ логической неизбѣжности существованія этихъ скудно разбѣянныхъ переходныхъ формъ для того, чтобы онѣ обнаружили и на дѣлѣ.

Благодаря ученію о расхожденіи признаковъ, сравнительная анатомія, эмбриологія, палеонтологія могутъ теперь идти своимъ путемъ, не смущаясь болѣе тою антиноміей, передъ которой безпомощно останавливались такіе ученые, какъ Ламаркъ, такіе мыслители, какъ Кантъ или Огюсть Контъ *). Современный строй органическаго міра не представляетъ намъ непрерывныхъ сплошныхъ переходовъ между существующими формами, не потому, что переходы эти, какъ наивно могъ думать еще Ламаркъ, гдѣ-то отъ насъ схоронились, а потому, что они и не должны были, не могли сохраниться, если развитіе организмовъ шло тѣмъ историческимъ путемъ, который раскрываетъ намъ указанная аналогія съ процессомъ искусственнаго отбора.

Таковы плоды примѣненія исторической идеи къ изученію органическаго міра въ томъ направленіи, которое мы назвали морфологическимъ; еще плодотворнѣе результаты ея примѣненія въ направленіи физиологическомъ, т.-е. въ смыслѣ разрѣшенія основнаго факта кажущейся цѣлесообразности организаціи. Въ слѣдующей лекціи мы перейдемъ къ рассмотрѣнію этой стороны изучаемаго процесса, для чего необходимо будетъ подвергнуть его анализу, разобрать тѣ ближайшіе факторы, изъ которыхъ складывается этотъ сложный процессъ, получившій названіе «естественнаго отбора». Это тѣмъ болѣе необходимо, что оцѣнка ихъ относительнаго значенія является въ настоящее время предметомъ самой оживленной полемики и породила даже тотъ расколъ въ средѣ самихъ сторонниковъ эволюціоннаго ученія.

Н. Тимирязевъ.

---

* Какъ это было показано въ четвертой лекціи.

Совѣсть и знаніе *).

I.

Нужна ли совѣсть? Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не настолько бесспоренъ, чтобы невозможны были въ немъ разнорѣчія. Въ *Литературныхъ наблюденіяхъ* декабрьской книжки *Русской Мысли* г. О. Т. В. удостоиваетъ одну мою статью **) сочувственного разбора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаетъ основную ея мысль, — ту, что личная нравственность есть источникъ общественной нравственности. Мой уважаемый противникъ утверждаетъ, что не совѣсть, а знаніе ведетъ къ справедливымъ порядкамъ жизни; въ разныхъ мѣстахъ статьи онъ иронизируетъ надъ развитіемъ совѣсти («погруженіемъ» въ совѣсть, какъ онъ выражается), считая это по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ дѣломъ. Совѣсть выходитъ какъ бы не нужной: достаточно, видите ли, одного знанія. По представленію г. О. Т. В. выходитъ, что совѣсть и начинается, и оканчивается въ границахъ отдѣльной личности, что она не переходитъ на общественныя цѣли человѣка и со зломъ общественнымъ мирится. «Само по себѣ стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, къ спасенію души, — говоритъ онъ, — отнюдь не заключаетъ въ себѣ элемента борьбы съ общественнымъ зломъ; можно и удалиться отъ міра для того, чтобы всецѣло заняться собственной совѣстью».

Я позволяю себѣ не согласиться съ этимъ взглядомъ. Я думаю, что совѣсть есть абсолютное отрицаніе зла, т.-е. зла не только личнаго, но и общественнаго, государственнаго, расоваго, всечеловѣческаго, мірового, если бы послѣднее было открыто. Нельзя допустить, чтобы совѣстливый человѣкъ, борющійся со своими нравственными несовершенствами, могъ равнодушно отнестись къ такимъ же несовершенствамъ внѣ себя. Совѣсть, если она не притворна, какъ и всякое доподлинное сознаніе, есть страсть, т.-е. не пассивное, а дѣятельное состояніе души, стремящееся, какъ всякая си-

*) Охотно помѣщая, въ виду важности и сложности вопроса, статью г. Лешикова, мы предоставимъ отвѣтъ на нее г. О. Т. В. въ слѣдующей книгѣ журнала. Ред.

**) *Высшая цѣль* (Кн. Нед. 1894 г., кн. XI).

распространиться на весь міръ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, «удалиться отъ міра», развѣ обладаешь живою совѣстью? Бросить страдающихъ братьевъ безъ попытки помочь имъ, удовольствоваться личнымъ, отдѣльнымъ спасеніемъ... Но, вѣдь, это низость, это—отрицаніе самой совѣсти. Если въ вѣка аскетизма нравственные люди бѣжали въ пустыню и отрекались отъ міра, то или по нравственной слабости—сознанію своей неспособности къ дѣятельному добру, или изъ желанія послужить людямъ живымъ примѣромъ отрицанія грѣшной жизни и возможности иного, праведнаго существованія. Истинно-совѣстливые люди и въ пустынѣ не чуждались людей: къ нимъ шло изъ міра все, чтó отрицало тогдашній міръ, и тутъ, около кельи подвижника, часто устраивался рядъ колоній, отслаивалось новое общество на иныхъ, болѣе справедливыхъ началахъ. Совѣстливые люди во всѣ времена удалялись не отъ міра, а отъ гадостей міра, отъ участія въ этихъ гадостяхъ. Они отрекались отъ богатства, власти, незаслуженнаго почета, карьеры и т. п.,—отъ всего, что, по ихъ мнѣнію, нарушало братство людей и ихъ свободу. Но они не отрекались отъ участія въ добрыхъ явленіяхъ міра, въ общественной взаимопомощи, просвѣщеніи, честномъ трудѣ,—не только не отрекались, но принимали во всемъ этомъ плодотворѣйшее участіе. Уже никакъ нельзя сказать, что они не боролись съ общественнымъ зломъ. Вѣдь, величайшее общественное зло всегда состояло въ *насиліи* человѣка надъ человѣкомъ; изъ этого допускаемаго, какъ *право*, принципа вѣтвятся всѣ безчисленныя насилія,—личныя, семейныя, сословныя, государственныя, международныя,—вся дремучая поросль зла, которая, подобно чащѣ лѣанъ, издревле душитъ живое «древо жизни». Отрекаясь сами отъ права насилія и отрицая это «право» *всюду*, гдѣ оно встрѣчается, совѣстливые люди взаимѣнъ его несутъ въ жизнь другое начало: долгъ уваженія къ личности человѣка, несутъ любовь, которая, по словамъ апостола, есть «законъ свободы». Проповѣдуя неприкосновенность человѣка (*homo—res sacra*), показывая въ самихъ себѣ примѣръ благоговѣнія къ его достоинству, развѣ не борются праведники съ общественнымъ зломъ? Насаждая новый міръ идей и чувствъ возвышенныхъ и гуманныхъ, люди совѣстливые развѣ не создаютъ коренного переворота въ зломъ обществѣ?

«Нравственное совершенствованіе», какъ я его понимаю, не есть просто *недѣланіе* зла: оно есть стремленіе къ дѣланію добра. Воздержаніе отъ дурныхъ поступковъ есть не высшая, а *низшая* граница совѣсти, тотъ уровень, гдѣ послѣдняя лишь начинается. Простое воздержаніе отъ зла, какъ всякая граница, есть моментъ безразличныи: ни добро, ни зло. Подняться до этой границы, конечно, необходимо, но подняться и не перейти ея, это все равно, что младенцу созрѣвшему—не родиться. Кто нравственно созрѣлъ, тотъ не дѣлаетъ зла, тотъ не можетъ не дѣлать добра, и чѣмъ горячѣе въ насъ отрицаніе неправды, тѣмъ искреннѣе и глубже подчиненіе нравственной истинѣ,—до степени страсти, требующей выхода. «Спасеніе души» нельзя понимать какъ погруженіе ея въ мертвое безразличіе; душа, въ энергіи; «спасеніе» души есть превращеніе ея изъ вредной энергіи въ

полезную *энергію* же. Идеаль совѣстливыхъ людей—Христосъ—не удалялся отъ міра, а шелъ въ міръ, въ жестокий и холодный міръ, чтобы согрѣть его Своею кровью. Удаленіе отъ міра—это эгоизмъ, отторгающій человека отъ человѣчества и замыкающій его въ узкомъ кругу корыстныхъ интересовъ. Только эгоисты одиноки и за то міръ для нихъ—пустыня.

II.

Кто «удаляется отъ міра», отъ защиты несчастныхъ братьевъ?

Посмотрите, что дѣлается въ жизни: отграничиваютъ себя отъ страдающей человѣческой массы люди не совѣсти, а иныхъ преимуществъ: люди богатства, знанія, таланта, создавая разнаго рода касты и аристократіи. Именно они «удаляются отъ міра», въ одиночество замкнутыхъ сословій, корпорацій, профессій, міросозерцаній. Именно они, отгородивъ себя отъ народа, занимаютъ свою особенную, эгоистическую совѣсть (корпоративную или сословную честь, «честью мундира») и не только не борются съ общественнымъ несовершенствомъ, но входят и душой, и тѣломъ въ живой составъ его, и именно они и поддерживаютъ живучесть зла. Общественная неправда тотчасъ рухнула бы, лишись она поддержки богатства, знанія и таланта. Единственная изъ аристократій, не выдѣляющая себя изъ народа и стремящаяся слиться съ нимъ и не участвующая въ порокахъ общества, это—аристократія совѣсти, и на ней именно, какъ на библейскихъ десяти праведникахъ, держится вся жизнь общества. Но нужно, чтобы хоть десять-то ихъ нашлось, иначе общество гибнетъ въ своихъ мерзостяхъ, какъ тѣ города, за которые напрасно молилъ Авраамъ разгнѣваннаго Бога.

Поглядите, какой процессъ идетъ въ народѣ. Все, что хоть немного выдвигается умомъ, богатствомъ, знаніемъ, тянетъ вонъ изъ деревни, отторживается, уходитъ въ «городъ»: мечта каждаго деревенскаго лавочника выйти въ купцы и перебраться въ уѣздный городъ, затѣмъ въ губернский и, наконецъ, въ столицу, почему въ столицахъ и накапливаются такіе чудовищныя богатства и образуются особые расы и разнаго рода аристократіи. Съ незапамятныхъ временъ, какъ только рождается въ деревнѣ какой-нибудь талантъ, онъ стремится въ городъ, на рынокъ промышленный, научный, литературный, художественный, административный, гдѣ продаетъ себя возможно дороже и всею силою своей укрѣпляетъ то или другое господствующее надъ массами вліяніе. Всѣ культурные центры поддерживаются оторвавшимися отъ народа талантами и энергіями: вотъ почему такъ истощена деревня. Чудовищныя помпы, называемыя городами, цѣлые ряды фабрикъ выкачиваютъ изъ деревень не только продукты труда, но и лучшихъ производителей труда; изъ народа непрерывно отбираются даровитые и сильные элементы, которые уже никогда болѣе въ деревню не возвращаются. Останься они въ деревнѣ, весь ихъ геній и вся энергія были бы потрачены на мѣстныя нужды, и деревня несомнѣнно давно бы обогнала городъ въ истинной цивилизаціи: въ развитіи справедливаго общежитія, нравственнаго

знанія и естественнаго достатка. Но всегда и всюду всё духовныя энергіи, *кроме совѣсти*, «удалялись отъ міра», отъ бѣднаго деревенскаго міра, остававшагося только съ своею совѣстью. Конечно, эта совѣсть, покинутая измѣнившими ей орудіями духа, являлась безоружною и малосильною, едва достаточною, чтобы поддерживать жизнь. *Ubi bene, ibi patria*—вотъ девизъ всѣхъ аристократій, *кроме аристократіи совѣсти*. Какъ древніе феодалы или наши дружинники переходили отъ сюзерена къ сюзерену, куда было выгоднѣе, такъ и современная денежная и всякая иная знать: она охотно мѣняетъ не только родную бѣдную деревню на любой, самый отдаленный городъ, но часто покидаетъ даже родную страну, помѣщая свои капиталы и знанія (добытыя въ отечествѣ) за границей. Предпримчивые капиталисты, какъ и ученые, расходятся по всему свѣту, осѣдая—капиталисты—тамъ, гдѣ хищничество всего легче, ученые—гдѣ легче добыть себѣ славу и деньги. Аристократія крови проживаетъ безвыѣздно *ubi bene*—въ блестящихъ столицахъ Запада, на берегу теплыхъ морей и на веселыхъ курортахъ, хотя все питаніе этой аристократіи идетъ изъ заброшенной сѣрой деревни. Самые талантливые профессора у насъ мечтаютъ получить кѣседу за границей, лучшіе живописцы, скульпторы, литераторы начинаютъ устраниваться въ Парижъ—на томъ основаніи, что тамъ роскошный рынокъ для всякаго большого таланта, тогда какъ у насъ, напримѣръ, въ Россіи если и есть спросъ, то на дешевыя, лубочныя издѣлія. Бѣгство за границу нашей интеллигенціи еще только начинается: огромное большинство ограничивается бѣгствомъ изъ деревни въ городъ, гдѣ устраивается такая же чуждая народу «заграница», какъ и настоящая. Большинство образованныхъ людей, не обладавъ крупными дарованіями, не выдержало бы заграничной конкуренціи и поневолѣ остается дома, но *только* поневолѣ.

Никто не пробовалъ—да это и было бы очень трудно—подсчитать, какое множество русскихъ людей выѣзжало за границу искать себѣ лучшей жизни; еще въ крѣпостное время сотни и тысячи дворянъ эмигрировали добровольно, и кто, бывая за границей, не встрѣчалъ хоть нѣсколькихъ подобныхъ соотечественниковъ? Только самая малая ихъ часть—«политическіе» эмигранты, чаще же всего это неудачные дѣлатели карьеры, побродившіе и въ Старомъ, и въ Новомъ свѣтѣ и гдѣ-нибудь осѣвшіе, чтобы раствориться въ мѣстной жизни. И до сихъ поръ эта эмиграція продолжается. Изъ небольшого круга моихъ знакомыхъ я знаю нѣсколькихъ людей, ѣздившихъ въ Америку наживать богатство. Чаще всего выѣзжаютъ люди безполезные, возвращающіеся довольно скоро доѣдать родные остатки. Среди этихъ «удаляющихся отъ міра» встрѣчаются люди съ большою энергіей, знаніями и талантами. Я знаю одного доктора медицины, ѣдущаго на Сандвичевы острова заниматься кофейными плантаціями. Онъ самъ сознается, что былъ очень полезенъ въ Россіи. Живя на одномъ дикомъ островѣ, онъ устроилъ цвѣтущее маленькое хозяйство; «впродолженіе 11 лѣтъ»,—пишетъ онъ мнѣ,—я лечилъ все окружное полудикое населеніе, способствовалъ удаленію хищной, разбойничьей администраціи, спасъ 200 се-

мействъ отъ разоренія, добился того, что на нашемъ побережьѣ стали возникать цѣлныя культуры». Казалось бы, безцѣнный человѣкъ, но потерпѣлъ нѣсколько тысячъ убытка и соблазнился статьями одной русской женщины-врача съ Сандвичевыхъ острововъ (вотъ куда заносить судьба нашихъ женщинъ-врачей)! Соблазнился и ѣдетъ. «Хочу,—пишетъ онъ мнѣ,—успокоиться—въ Россіи я успокоиться не могу—и снова принялся за работу, подобную той, которою и здѣсь занимался». За докторомъ, кромѣ его многочисленной семьи, ѣдетъ еще три интеллигентныхъ семьи, а человѣкъ, купившій хозяйство доктора, уже собирается, въ случаѣ неудачи, «махнуть на Цейлонъ» и поселиться въ горахъ. И всѣ эти образованные, даровитые люди оправдываютъ свое бѣгство тѣмъ, что въ Россіи жить нельзя.

Позвольте привести здѣсь любопытный примѣръ «удаленія отъ міра» одного русскаго человѣка,—одного изъ тѣхъ, у кого хватило таланта и энергіи сдѣлать себѣ на Западѣ хорошую карьеру. Это — П. А. Тверской, авторъ извѣстныхъ очерковъ изъ сѣверо-американской жизни, печатавшихся въ *Вѣстникѣ Европы* и *Книжкахъ Недѣли*. Въ этихъ очеркахъ онъ самъ описываетъ, какъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ горячей, но безуспѣшной дѣятельности въ одномъ изъ земствъ, онъ уѣхалъ въ Америку, какъ онъ началъ тамъ съ низшихъ рабочихъ должностей, сдѣлался инженеромъ, строилъ желѣзныя дороги и участвовалъ въ разныхъ предпріятіяхъ, пока не остановился на паровыхъ прачешныхъ въ Калифорніи. Въ результатѣ кипучей дѣятельности—изрядное состояніе, а, главное, душевный покой, покой человѣка, постигшаго истинный смыслъ жизни. Смыслъ этотъ—американизмъ, т.-е. возможно-энергическая работа съ цѣлью матеріальнаго обогащенія, къ которому будто бы все остальное само приложится.

Очерки г. Тверского взбудоражили многихъ русскихъ людей; въ редакціяхъ журналовъ, гдѣ его статьи печатались, получалась масса писемъ съ просьбой сообщить адресъ автора, и очень многіе собирались ѣхать въ Америку дѣлать себѣ карьеру. У г. Тверского выработалось даже философское обоснованіе его бѣгства изъ бѣдной и невѣжественной Россіи. Когда въ прошломъ году, въ очеркахъ *Думы о счастьи*, я высказался за необходимость сближенія нашей интеллигенціи съ народомъ съ цѣлью созданія новой, народной и нравственной культуры, г. Тверской возражалъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ *):

«... Энгельгардъ и его послѣдователи разныхъ типовъ... по моему глубокому убѣжденію, принесли Россіи несравненно болѣе вреда, чѣмъ пользы. Русская интеллигенція и русскій народъ — двѣ несомнѣвимыя вѣщи, и всякія попытки совмѣстить ихъ, какъ бы честны и искренни онѣ и были, только мѣшаютъ народу идти по своему собственному пути, естественному и способному вывести его изъ тѣхъ дебрей, въ

*) Привожу выдержки изъ этого письма, имѣющаго исключительно общественный интересъ, я полагаю, что не дѣлаю большой нескромности, такъ какъ тѣ же мысли проводятся и въ статьяхъ г. Тверского.

которыя завели его тысячи лѣтъ рабства и нищеты. Какъ варяго-руссѣ не сумѣли «устроить Русскую землю», такъ и теперешняя интеллигенція не сумѣетъ этого сдѣлать и только задерживаетъ народъ своими неумѣлыми, неудачными попопозновеніями. «Хожденіе въ народъ», «служеніе народу», «братство» и все имъ подобное только вредитъ дѣйствительному прогрессу, — пусть самъ народъ добивается этого прогресса, и если мы, интеллигенція, не будемъ у него на пути съ нашими непонятными, ненавистными ему приемами, онъ скорѣе выбьется изъ тьмы на свѣтъ. Я пришелъ къ этому заключенію послѣ десятилѣтней жизни въ деревнѣ, послѣ десятилѣтней искренней, горячей, молодой борьбы со «всемирнымъ зломъ». У меня были и силы, и средства, — я не былъ интеллигентъ-пролетарій безъ связи съ окружающимъ меня мужикомъ, а мѣстный житель, предки котораго 600 лѣтъ сидѣли въ одномъ гнѣздѣ. Я былъ богатъ и молодъ, молодъ и задоренъ, — безъ малѣйшихъ личныхъ эгоистическихъ мотивовъ, — былъ самымъ молодымъ изъ предводителей дворянства и предсѣдателя земскихъ управъ во всей Россіи, пользовался неограниченнымъ вліяніемъ во всемъ уѣздѣ и даже губерніи, работалъ горячо и съ самоотверженіемъ — и только исковеркалъ и собственную жизнь, и жизнь моей семьи, и свой уѣздъ. Если вамъ не лѣнь, найдите въ 1880 и 1881 годахъ мои очерки въ *Вѣстникъ Европы*... Знайте, что они написаны моею кровью, что въ нихъ я исповѣдывался передъ моими друзьями, а ихъ въ то время у меня было много по всей интеллигентной, слѣдившей за земскою жизнью Россіи публикѣ, и что и до настоящей минуты я глубоко убѣжденъ, что я былъ правъ въ моихъ выводахъ... Я мыкался до 188... года, когда сдѣлалось до того душно, что я ушелъ съ родины. Думаю, что это былъ единственный шагъ, которымъ я дѣйствительно принесъ пользу русскому народу... Мы съ вами — варяго-руссѣ и чѣмъ скорѣе мы уберемся во-своя-ся, тѣмъ скорѣе славянскій народъ добьется того, что ему нужно. Мы не только не можемъ ему помочь, но и несомнѣнно ему вредимъ всякимъ нашимъ движеніемъ, всякимъ нашимъ словомъ, какъ бы искренно, честно и горячо оно ни было»...

Какъ видите, тутъ намѣчается новое «послѣднее слово» для русской интеллигенціи «конца вѣка». *Бѣжать изъ Россіи* — вотъ новый лозунгъ, поданный выдающимся человекомъ, предки котораго «600 лѣтъ сидѣли въ одномъ гнѣздѣ» среди народа. Если бы г. Тверской предлагалъ бѣжать изъ Россіи всѣмъ хищнымъ и низкимъ элементамъ, я понялъ бы его мысль, хотя и считалъ бы ее наивною. Но онъ призываетъ къ бѣгству именно самую благородную, честную, талантливую часть общества, людей болѣе чистыхъ и самоотверженныхъ, которые все же хоть немного приживаютъ торжество зла, и вотъ это для меня непостижимо. Я ни на минуту не сомнѣваюсь въ личной честности г. Тверского, но думаю, что не она подсказала ему рѣшеніе оставить родину, и когда оставить! Когда она именно нуждалась въ людяхъ, ему подобныхъ. У насъ такъ страшно мало чистыхъ, даровитыхъ и энергичныхъ, а г. Тверской бѣжалъ и увѣ-

щевасть бѣжать и тѣхъ, кто остался. Мнѣ это кажется измѣной родинѣ, и я думаю, что она была вызвана не совѣстью, а талантомъ и энергіей г. Тверского. Не преступленіе эта измѣна, но грустная ошибка. Неблагородно бѣжать, «не заплативъ долговъ», не возвративъ издержки 600-лѣтняго своего воспитанія. Красивыми софизмами можно заговорить на время свою совѣсть, но кто же повѣритъ, въ концѣ - концовъ, что честные и талантливые люди вредны для Россіи? Что они болѣе нужны Америкѣ, гдѣ ихъ и такъ много? Что въ Россіи нельзя было устраивать паровыхъ прачешень и что заводить эти прачешни въ Калифорніи—настоящее призваніе русской интеллигенціи?

Нѣтъ, совѣсть не подсказала бы такого рѣшенія.

III.

Что подсказываетъ совѣсть, объ этомъ говорятъ живые примѣры дѣятелей, служившихъ народу. Тѣ изъ этихъ подвижниковъ, у которыхъ совѣсть была вооружена большимъ талантомъ, посвящали себя всенародной (литературной, научной, художественной) проповѣди добра, и это во все времена нужнѣйшій и благороднѣйшій видъ служенія. Тѣ же, которые при великой совѣсти не обладали соответствующими иными дарованіями, шли на живое практическое дѣло,—не какъ вожди, а какъ рядовые, неся часто безвѣстную, но истинно геройскую службу народу. Припомните жизнь извѣстныхъ вамъ хорошихъ людей: какіе прекрасные дѣятели попадаютъ изъ земцевъ, народныхъ учителей, докторовъ, помѣщиковъ, священниковъ, и какъ благотворно ихъ присутствіе въ обездоленной массѣ! Одинъ истинно-хорошій человѣкъ въ какомъ-нибудь захолустьи уже замѣтно поднимаетъ жизнь цѣлой округи, и въ доказательство я могъ бы привести десятки именъ подобныхъ дѣятелей, отмѣченныхъ уже печатью. Но если нуженъ общензвѣстный и громкій примѣръ благородной дѣятельности, возможной въ Россіи, напомнимъ хотя бы жизнь Н. И. Новикова: кстати, только что праздновался 150-ти лѣтній юбилей его рожденія. Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ существовали въ Россіи такіе «варяго-руссы», какъ Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Походяшинъ и др. Обратите вниманіе, съ какою энергіей, «упорствуя, волнуясь и спѣша», небольшая горсть этихъ идеалистовъ берется за огромное историческое дѣло и ведетъ его съ удивительнымъ успѣхомъ,—дѣло общественнаго просвѣщенія, насажденія у насъ журнальной и книжной печати, изданія историческихъ матеріаловъ и т. п. Въ тотъ «жестокій вѣкъ», въ разгаръ крѣпостного рабства и государственнаго грабежа, Новиковъ возсталъ противъ этихъ золь, полевировалъ съ журналомъ самой Екатерины II, въ то время какъ аристократія таланта въ лицѣ Державина торговала лестью. Первый журналъ былъ закрытъ—Новиковъ создаетъ второй, съ еще болѣе смѣлымъ обличеніемъ крѣпостного права. Закрытъ былъ второй журналъ—Новиковъ открываетъ третій. Пусть и этотъ журналъ погибъ, пусть Новиковъ «подвергся разнымъ непріятностямъ» и былъ высланъ изъ Петербурга—онъ не опу-

русь: онъ предпринимаетъ огромное издательское дѣло въ Москвѣ и создаетъ читающую публику, которой до него не было. И тутъ его преслѣдуютъ кары, даже за научныя его изданія, но онъ, какъ мнѣ кажется гидра, теряя одно шупальце, выпускаетъ два: онъ основываетъ цѣлый рядъ новыхъ журналовъ, заводитъ народныя школы (*первыя* въ Россіи), вступаетъ въ связь съ массонами, организуетъ рядъ типографій, устраиваетъ учительскую семинарію, дѣлается душой знаменитаго дружескаго ученаго общества, оказавшаго столь благотворное вліяніе на тогдашнюю молодежь, разбрасываетъ книжную торговлю по всей Россіи, кормитъ народъ въ голодный 1787 годъ, а, главное, наводняетъ читающую публику полезными, просвѣтительными книгами. Пусть вся эта безупречная, честная служба родинѣ увѣнчивается гибелью всѣхъ начинаній, преслѣдованіями и страданіями въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости (Новиковъ сидѣлъ тамъ около 5 лѣтъ), все же Новиковъ и его друзья сдѣлали для просвѣщенія Россіи больше, чѣмъ было сдѣлано до нихъ, и отъ нихъ именно пошла порода искреннихъ народолюбцевъ въ нашей интеллигенціи. Кирѣевскій говоритъ о Новиковѣ, что онъ не распространилъ, а *создалъ* у насъ любовь къ наукамъ и чтенію, и что дѣло, имъ совершенное, еще живетъ и приноситъ плоды. Неужели было бы лучше, если бы этотъ «варяго-русь» въ свое время бѣжалъ изъ Россіи, подобно нѣкоторымъ офранцузившимся русскимъ дворянамъ, и пустился бы, вродѣ г. Тверского, въ промышленность на безопасныхъ условіяхъ? Даже и совѣмъ выбитый изъ колеи, ушедшій въ родную деревню, Новиковъ сумѣлъ остатки жизни отдать крестьянамъ: о его заботахъ до сихъ поръ живетъ благодарная память у крестьянъ. Такъ работаютъ люди совѣсти.

Представьте себѣ, что всѣ честные и просвѣщенные люди, вродѣ Новикова, уходятъ изъ Россіи, забирая и свои богатства, уходятъ навсегда, какъ евреи изъ Египта. Не будетъ ли это своего рода вскрытіемъ артерій у народнаго организма? Вѣдь, за первую волной уходящей честной интеллигенціи должна бы послѣдовать вторая, третья и т. д., — до полной потери лучшей народной крови. Представьте, наоборотъ, что всѣ честные и просвѣщенные люди идутъ навсегда въ народъ, неся съ собою свои знанія, таланты, энергію и матеріальныя богатства, растворя все это въ массахъ народа. Не будетъ ли это работой творческихъ элементовъ крови, фагоцитовъ, которые стремятся именно къ самымъ бѣднымъ, больнымъ, захудалымъ частямъ тѣла и вступаютъ въ мужественную борьбу съ враждебными жизни микробами? Хирѣющая масса народная, мнѣ кажется, можетъ быть спасена именно притокомъ къ ней элементовъ просвѣщенія и героическихъ, которые подняли бы хоть немного народную жизнеспособность. И двинуть въ народъ талантливыхъ и просвѣщенныхъ людей, повлечь потокъ ихъ, стремящійся теперь *изъ* народа, можетъ только проснувшаяся совѣсть. Если бы для этого было достаточно знанія, то образованные люди уже шли бы въ деревню и въ служеніи ей находили бы себѣ часть.

IV.

Мысль г. О. Т. В.—обойтись безъ участія совѣсти въ дѣлѣ общественнаго развитія—для меня представляетъ сплошное недоразумѣніе. Съ общественнымъ зломъ,—говоритъ г. О. Т. В.,—нужно бороться «общественными средствами», а «не погруженіемъ въ свою совѣсть». Нужно дѣйствовать путемъ печати, суда, законодательства и устраивать справедливые порядки жизни. Все это прекрасно, но какимъ образомъ, *помимо совѣсти*, привести въ движеніе «общественныя средства»? Вѣдь, въ печати, судѣ, законодательствѣ и проч. засѣдаютъ *люди*, которые могутъ быть (какъ часто и бывають) совершенно равнодушными къ общественному злу. Вѣдь, прежде всего, нужна чья-то тревога, что данное явленіе есть зло, а не добро, т.-е. нужна именно совѣсть. «Я, какъ публицистъ,—говоритъ г. О. Т. В.,—буду доказывать, что совѣсть не въ г. Родиславскомъ (изъ дѣла г. Евгенія Маркова), а въ несправедливомъ законѣ». Будете *доказывать*? Но, значить, еще прежде вамъ *самимъ* нужно убѣдиться въ несправедливости закона, а какъ же это сдѣлать помимо совѣсти? И мало просто «убѣдиться»: убѣждены въ несправедливости нѣкоторыхъ порядковъ очень многіе, но и пальцемъ не шевелятъ, такъ какъ зло ихъ не касается или выгодно имъ. Огромное большинство образованныхъ помѣщиковъ до реформы признавали крѣпостное право зломъ, но лишь очень немногіе были настолько совѣстливы, чтобы отпустить крестьянъ на волю, возвратить имъ землю и посвятить жизнь на борьбу съ рабствомъ. Мало только *узнать* объ общественной несправедливости, нужно *восчувствовать* ее, оскорбиться, вознегодовать и только когда зло почувствуется невыносимымъ, вы сдвинетесь, наконецъ, съ мѣста и начнете дѣйствовать такъ, какъ нужно: самоотверженно и страстно. Необходимо возбужденіе совѣсти не какъ идею только, а какъ *волю*, т.-е. въ формѣ не скрытой, а освобожденной энергіи, и слѣдуетъ всѣми мѣрами — воспитаніемъ дѣтей и нравственнымъ просвѣщеніемъ взрослыхъ — укрѣплять въ обществѣ эту нравственную энергію. Перерожденіе общества—задача долговременная: нужна безконечная работа совѣстливыхъ душъ, работа полиповъ на днѣ океана, прежде чѣмъ поднимется общій нравственный уровень.

Г. О. Т. В. говоритъ: «Образованное меньшинство приходитъ къ сознанію, что такое-то учрежденіе, положимъ, нашъ старый приказный судъ, не удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія, стало быть, въ общемъ вредитъ нравственному развитію людей и понижаетъ нравственный уровень всего общества. Что надо дѣлать этому меньшинству? Конечно, не погружаться въ свою совѣсть, а добиваться введенія гласнаго, независимаго, устнаго праваго суда». Прекрасно, но какимъ же путемъ образованное меньшинство *приходитъ къ сознанію* безнравственности прѣжняго суда? Вѣдь, *сознаніе безнравственности* и есть совѣсть! И какъ «добиваться» нравственныхъ цѣлей, не «погружаясь» въ совѣсть—свою и чуждую? Это все равно, что добиваться музыкальнаго наслажденія, закрывъ плотно уши. «Зло надо опредѣлить, отличить отъ добра,—говоритъ О.

Т. В.,—вѣдь, для этого надо имѣть ясное сознаніе того, какіе общественные порядки хороши, какіе плохи и вредны». Святая истина! Но что же, кромѣ совѣсти, *опредѣляет* зло? И въ чемъ коренное свойство совѣсти, какъ не въ опредѣленіи зла? Иначе, вѣдь, придется вовсе отрицать самое существованіе совѣсти, какъ особаго сознанія. Для людей «личнаго самоусовершенствованія»,—говоритъ г. О. Т. В.,—не нужны нравственные порядки. Но для кого же нужны нравственные порядки? Неужели для людей безсовѣстныхъ? Кому дорого и желанно осуществленіе правды, тѣмъ ли, кто отрицаетъ ее, или тѣмъ, кто отстаиваетъ ее цѣною хотя бы жизни? Г. О. Т. В. иронически относится къ подвигамъ совѣсти: «Пострадать за правду,—говоритъ онъ,—лѣтъ десять героически просидѣть совѣсть безвинно въ отвратительной тюрьмѣ и умереть въ тюремной больницѣ, сохранивъ при этомъ чистоту души»... это будто бы ничего не стоитъ. Не понимаю я этой ироніи. «Пострадать за правду», можетъ быть, самыя святыя слова, какія есть на человѣческомъ языкѣ. Вѣдь, если страдаютъ за *правду*, то страдаютъ за нѣчто всѣмъ нужное и важное, и ужъ если у кого хватило нравственной страсти поставить идею выше жизни, у того (и только у того) хватитъ энергіи, чтобы «добиваться», какъ совѣтуетъ г. О. Т. В., осуществленія этой идеи внѣ стѣнъ тюрьмы или больницы. Хорошо, конечно, если бы «поменьше было *возможности* для подобныхъ подвиговъ», согласимся мы съ г. О. Т. В., но необходимо, чтобы было побольше *мотивности* на такіе подвиги.

«Нужна отчетливая общественная цѣль»,—говоритъ г. О. Т. В. Но что же, кромѣ совѣсти, въ состояніи указать отчетливую *нравственную* цѣль? Безнравственная цѣль, какъ бы она ни была отчетлива, не должна же быть цѣлью общества. Задача истиннаго общества есть нравственное сожителство, и если общество не осуществляетъ справедливости, то оно и не есть общество.

«Для нравственной работы,—говоритъ г. О. Т. В.,—нужна безопасность, нѣкоторое обезпеченіе того, что вашъ трудъ не пропадетъ даромъ». Но чѣмъ достигается эта безопасность, какъ не подъемомъ *совѣсти*, заставляющей стѣснять свободу человѣческой мысли?—

Я ставлю развитіе совѣсти прежде всѣхъ другихъ задачъ не потому, что другія задачи не нужны, а потому, что совѣсть находится у насъ въ особенно жалкомъ упадкѣ и тормазитъ развитіе просвѣщенія и благосостоянія. Въ основахъ русской личной, семейной и общественной жизни гнѣздились безнравственные начала холопства и самодурства, почти полное отсутствіе инстинкта достоинства, отсутствіе въ силу этого самодѣтельности и стремленія къ жизненной правдѣ. Грубѣйшій, чисто-азиатскій матеріализмъ охватилъ нашу невѣжественную буржуазію и тѣмъ же своекорыстнымъ матеріализмомъ заражена въ огромномъ большинствѣ и интеллигенція. Корысть—главная—внѣ этого нѣтъ желаній,—поймите: *желаній* нѣтъ. Какъ же тогда, что являются откуда-то свѣтлые законы жизни, когда жизнь темна,—это *возвышенныя явленія*, когда отдѣльные *факты* низки? При низкихъ

чувствахъ откуда возмутся благородныя категоріи ихъ,—справедливые порядки? Вѣдь, не съ неба падаютъ явленія жизни: они слагаются роковымъ образомъ изъ тѣхъ элементовъ, какіе есть въ дѣйствительности, и слагаются въ тѣ именно сочетанія, на какія способны по ихъ природѣ. Какъ химическая смѣсь кристаллизуется сообразно входящимъ элементамъ, такъ и живая человѣческая смѣсь—общество—отслаивается сообразно нравственнымъ задаткамъ отдѣльныхъ членовъ. Если у большинства преобладаютъ не нравственные интересы, жизнь общая роковымъ образомъ принимаетъ звѣринный характеръ; изъ миллионовъ отдѣльныхъ неуваженій личности слагается стихія общаго безправія. Гибнетъ отдѣльный хорошій человѣкъ—общество молчитъ, гибнетъ хорошая идея—общество молчитъ, гибнетъ хорошій законъ—общество опять молчитъ или даже злорадствуетъ: возвращеніе къ несправедливому закону радуется, какъ возвращеніе къ болѣе естественному для такого общества порядку.

У.

Основнымъ двигателемъ общества мой уважаемый оппонентъ считаетъ не нравственность, а знаніе. «Просвѣщеніе, — говоритъ онъ, — подымаетъ нравственность, знаніе увеличиваетъ матеріальный достатокъ и оно же ведетъ къ созданію такихъ учреждений, которыя наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ пѣлямъ общежитія». Рѣчь идетъ, очевидно, объ истинномъ знаніи, хотя въ общемъ знаніе гораздо богаче ошибками, нежели истинами. Но даже и та небольшая доза знаній, которыя признаны истинными, сами по себѣ не создаютъ еще нравственности. Они питаютъ ее, доводя дѣйствительность до сознанія, но пища, хотя она и необходима для тѣла, не есть еще само тѣло. Прежде питанія совѣсти необходимо еще, чтобы она существовала хоть въ зародышѣ. Знаніе еще не есть сознаніе; знаніе—свѣтъ, но не слѣдуетъ смѣшивать свѣтъ съ зрѣніемъ. Чтобы увидѣть вещь, конечно, необходимо, чтобы она была освѣщена, но сверхъ того нуженъ зрительный центръ въ мозгу, чтобы почувствовать и обсудить свѣтовое ощущеніе. Для нравственного сознанія, какъ и для всякаго другого (религіознаго, эстетическаго) необходима точная картина дѣйствительности, но, кромѣ нея, необходима еще способность обсуждать дѣятельность, относить ее къ особой координатѣ души, къ извѣстному идеалу. Знаніе есть не болѣе, какъ простой матеріалъ сознанія,—груда кирпичей, песку, извести, остающаяся грудой, пока ею не воспользуется архитекторъ,—разумъ или безуміе, совѣсть или безсовѣстность, смотря по стилю души. " въ орудіе, знаніе вооружаетъ совѣсть и увеличиваетъ ея средства въ чр. н-чайной степени, но въ той же степени знаніе вооружаетъ и безсовѣстн ть. Математика, химія, физика, ботаника и проч. ни на іоту не измѣн ть безнравственного склада жизни, а скорѣе укрѣпляютъ его. Химики, з-ники, электротехники и проч. охотно приглашаются полудикими деспот и, вооружаютъ ихъ войска скорострѣльными и бездымными винтовкамъ къ

въ Афганистанѣ и Персіи), выкуриваютъ спиртъ и опиумъ, которыми управляютъ миллионныя населенія, проводятъ желѣзные и иные пути въ тѣ страны, куда еще не добрался капитализмъ. Ученые юристы и социологи, по приглашенію тѣхъ же деспотовъ, разрабатываютъ мѣстное право и составляютъ кодексы, укрѣпляющіе насиліе, какъ законъ. Хищникамъ такія знанія помогаютъ только укрѣпить свое господство надъ массами. Физическое знаніе (а таковыми стремятся сдѣлаться всѣ науки) по природѣ своей нравственно безразлично: оно безусловно равнодушно къ добру и злу, считая то и другое за одинаково законный, естественный фактъ. Никогда и нигдѣ такія знанія не вносили смягчающаго вліянія въ общество, а укрѣпляли всякую силу, добрую и злую. Если развитіе знаній необходимо, то только въ качествѣ могущественнаго оружія, отъ котораго добро не можетъ отказываться, разъ тѣмъ же оружіемъ вооружилось и зло. Матеріальныя знанія «освобождаютъ» умъ человѣческій отъ суевѣрій, но освобождаютъ одинаково для добра и зла, не внушая никакихъ пристрастій къ тому или другому. Только чувство—злое или доброе — направляетъ освобожденный умъ въ ту или другую сторону.

Кромѣ *физическихъ* знаній, правда, есть еще и *гуманитарныя*, но гуманизирующее ихъ вліяніе принадлежитъ цѣликомъ не научному, а *нравственному* элементу, который въ нихъ заключается. Гуманитарное знаніе есть та же совѣсть, только обогащенная конкретными фактами, картинами и сочетаніями. Всѣ гуманитарныя науки теряютъ тотчасъ же всякій смыслъ, отнимите лишь отъ нихъ проникающее ихъ чувство совѣсти. Что одно умственное просвѣщеніе не поднимаетъ нравственности, достаточно взглянуть на нашихъ просвѣщенныхъ ретроградовъ, на прусскихъ юнкеровъ, на англійскихъ лордовъ, на французскихъ буржуа. Во всѣхъ странахъ самыя просвѣщенныя сословія стоятъ или въ сторонѣ, или прямо-таки поперекъ дороги нравственнаго движенія общества; это движеніе ведется менѣе просвѣщенными, но болѣе совѣстливыми междусословными элементами. Даже классъ ученыхъ и профессоровъ нигдѣ не стоитъ во главѣ общественнаго развитія, за извѣстными, конечно, блестящими исключеніями (исключенія, не менѣе блестящія, встрѣчаются и среди лордовъ и буржуа). Въ классической странѣ учености—Германіи—многіе ли профессора занимаются чѣмъ-нибудь, кромѣ своего ученаго ремесла и карьеры? «Геллертеръ» — родной братъ «филистеру» и оба стоятъ далеко отъ кипучей общественной струи. Между геллертерами часто являются усерднѣйшіе слуги реакціи: вспомните ѣдкія характеристики нѣмецкихъ ученыхъ, сдѣланныя Шопенгауэромъ, Дюрингомъ, Геккелемъ и т. п. Вспомните французскую колю «безсмертныхъ» съ ея тупымъ консерватизмомъ или нашу академію уже со временъ Ломоносова. Типъ саламанскихъ профессоровъ эпохи думба не умираетъ; то, что говорилъ Герценъ въ своемъ превосходномъ ррѣ (*Дея ученыхъ* и пр.) 52 года тому назадъ, написано точно сегодня: наиболѣе просвѣщенномъ классѣ до сихъ поръ господствуетъ отсталость области самыхъ жгучихъ и важныхъ вопросовъ жизни, мертвая узость

взглядовъ и грубый специализмъ. Русское просвѣщеніе очень молодо, однако, уже выдвигало въ критическіе моменты общественной жизни людей, вліявшихъ всею тяжестью своего таланта и образованія для удушенія новыхъ, болѣе нравственныхъ формъ жизни: достаточно вспомнить роль Державина, Карамзина или нѣкоторыхъ московскихъ публицистовъ въ позднѣйшее время. Для жизни Новикова, разъ мы ее коснулись, характерно, что этотъ великій дѣятель, какъ и многіе ему подобные, былъ «недоучкой»: былъ исключенъ изъ гимназіи, не зналъ ни одного иностраннаго языка. Не избытокъ знанія, очевидно, направлялъ его благородную работу, а чувство совѣсти. Характерно и то, что первое гоненіе на Новикова воздвигла «комmissія объ училищахъ» изъ отборныхъ представителей тогдашней учености.

Что умственная просвѣщенность сама по себѣ не дѣлаетъ людей болѣе нравственными и духовно-свободными, доказываетъ и то, что нравственность въ средѣ крестьянъ (и именно самыхъ невѣжественныхъ, не прикоснувшихся еще къ фабрично-казарменной культурѣ) значительно выше, чѣмъ среди средней интеллигенціи. Возьмите нашихъ раскольниковъ и сравните съ образованными людьми fin de siècle. Въ центрахъ просвѣщенія, — въ Парижѣ, наприимѣръ, — просвѣщенный классъ уже повторяетъ римлянъ времени упадка, и даже представители общественной совѣсти, — дѣятели печати и члены парламента, — часто поражаютъ своею безнравственностью. Наша интеллигенція уже второе столѣтіе мечтаетъ о нѣкоторыхъ основахъ справедливости, которыя въ глубинѣ народныхъ массъ осуществлены давно. Нельзя также отрицать, что самые невѣжественные наши вѣка, — до XV столѣтія, — давали типы государственной жизни, въ нравственномъ ихъ планѣ недосытаемые для послѣдующихъ столѣтій.

Утверждая, что знанія поднимаютъ нравственность, обыкновенно имѣютъ въ виду великія общественныя реформы на Западѣ, совпавшія съ чудеснымъ разцвѣтомъ знаній. Но, въ сущности, совпаденіе это не точное и не въ пользу знаній: великія реформы осуществлены еще при очень низкомъ уровнѣ просвѣщенія, населеніями почти сплошь безграмотными и въ эпоху, когда всѣ точныя науки (кромѣ математическихъ) только что начинались, и даже гуманитарныя были въ зародышѣ. Великій подъемъ духа въ XVII—XVIII вв., повлекшій за собою облагороженіе общественныхъ формъ, имѣлъ не научное, а *нравственное* происхожденіе; онъ вытекъ изъ реформациі и изъ англійской философіи (породившей французскую), а, главное, изъ постепенно сложившихся болѣе гуманныхъ нравовъ, пришедшихъ въ противорѣчіе съ устарѣвшими учрежденіями. Разцвѣтъ знаній, конечно, очень сильно вліялъ на жизнь, кореннымъ образомъ перестраивая экономическія и социальныя отношенія, но вліяніе этого разцвѣта знаній нельзя еще назвать истиннымъ, скорѣе — наоборотъ. Слѣдуетъ съ грустью признать, что не только появлялось какое-нибудь новое открытіе или изобрѣтеніе, первые овладѣвали хищные элементы для вящаго порабоженія массъ. До порабоженныхъ массъ знанія не дошли, или дошли поздно, или вовсе оказались негодными въ борьбѣ ихъ за существованіе. Что пользы современному ан

стому рабочему отъ усовершенствованія машинъ? Каждое усовершенствованіе уменьшаетъ спросъ на рабочихъ и выгоняетъ часть ихъ на улицу. Сто-
 лѣтъ тому назадъ, до разцвѣта знаній, народъ на Западѣ былъ независимѣе
 экономически, чѣмъ теперь, въ эпоху колоссальныхъ промышленныхъ ста-
 чекъ и войны капитала съ трудомъ. Теоретики передовыхъ общественныхъ
 ученій утверждаютъ, что побѣда *непремѣнно* останется за рабочею массою,
 но будетъ ли это такъ — судить еще рано. Весьма возможенъ и обратный
 исходъ: новое и безповоротное закрѣпощеніе народныхъ массъ промышлен-
 ной аристократіи, когда послѣдняя овладѣетъ всѣми государственными ры-
 чагами. Если же и восторжествуютъ когда-нибудь болѣе справедливые со-
 ціальные порядки, то это будетъ благодаря не знаніямъ, а опять же *нрав-*
ственнымъ усиліямъ, вложеннымъ въ борьбу.

Вотъ и слѣдовало бы говорить, прежде всего, объ этой первоосновной
 энергіи; благотворныя послѣдствія ея явятся сами. Искренняя совѣсть есть
 стремленіе къ истинѣ во всѣхъ областяхъ сознанія, и все, что есть истин-
 наго въ наукѣ, поэзіи и религіи, связано въ источникъ духа съ совѣстью.
 Совѣсть не отрицаетъ знанія: она къ нему стремится; тѣмъ болѣе странны
 попытки людей знанія обойтись безъ совѣсти.

Ставя *совѣсть* первоисточникомъ свѣтлыхъ общественныхъ явленій, я
 считаю ошибочнымъ, но не вреднымъ и противный взглядъ, полагающій
 этотъ первоисточникъ въ знаніи. Я убѣжденъ, что горячая защита знаній,
 какъ панацеи общественныхъ бѣдъ, подсказана тою же совѣстью, и что
 знанія въ рукахъ защитниковъ, вроде г. О. Т. В., могутъ послужить толь-
 ко нравственнымъ цѣлямъ. Споръ не нуженъ, нужна честная работа,
 которая людей искреннихъ непремѣнно заставитъ встрѣтиться: поборни-
 ковъ совѣсти непремѣнно приведетъ къ знаніямъ, какъ къ необходимому
 ея оружію, а ревнителей знанія приведетъ къ нравственнымъ идеаламъ,
 дающимъ смыслъ знанію. Лозунгомъ плодотворнаго общественнаго движенія
 не можетъ быть ни «нравственность», ни «просвѣщеніе», а неразрывный
 союзъ ихъ — *нравственное просвѣщеніе*. Эти два великихъ сознанія должны
 быть сближены, чтобы вызвать изъ скрытыхъ силъ души «священный пла-
 мень», энергію сознательной и радостной работы.

М. Меньшиковъ.

Россія и Данія при императрицѣ Екатеринѣ I *).

(По документамъ датскаго архива).

VI. Невозможность войны.—Раздоръ между Меншиковымъ и герцогомъ гольштинскимъ.—Появленіе англійскаго флота.—Недоразумѣнія между Швеціей и Россіей.

Опасность, грозившая Даніи, обусловливалась, главнымъ образомъ, согласіемъ, господствовавшимъ нѣкоторое время между Меншиковымъ и герцогомъ гольштинскимъ. Однако, нельзя было ожидать, чтобъ это согласіе было продолжительнымъ. Воцареніе Екатерины, правда, состоялось благодаря совмѣстному дѣйствію Бассевича и Меншикова. Поэтому герцогъ и князь, интересы которыхъ шли сначала рука объ руку, были союзниками. Вскорѣ, однако, между ними должно было возникнуть соперничество. Императрица не могла вполнѣ равномерно обращать вниманіе на своего зятя и на своего стараго пріятеля. Можно было ожидать непріятностей между этими тремя лицами. Многіе вельможи ненавидѣли князя и старались вредить ему въ глазахъ Екатерины.

Кампредонъ рассказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ, случившемся въ самомъ началѣ этого царствованія. Однажды Апраксинъ сказалъ Екатеринѣ, что Меншиковъ начинаетъ черезъ-чуръ выдвигаться впередъ, что его надменность оскорбляетъ его товарищей и что поэтому онъ, адмиралъ, умоляетъ императрицу заставить князя держаться, согласно своему долгу, въ границахъ равенства съ прочими сенаторами, а не выдѣляться, какъ онъ это дѣлаетъ. «Простъ же ты,—отвѣтила императрица адмиралу,—если думаешь, будто я позволю Меншикову пользоваться хоть единою капелькой моей власти. Я этого человѣка знаю лучше васъ; ты и твои товарищи только и дѣлали, что преслѣдовали его; я его поддерживала изъ жалости, а подчасъ и для того, чтобы защитить его отъ несправедливости и насилія», и проч. ¹⁾.

*) *Русская Мысль*, кн. III.

¹⁾ Довесеніе Кампредона отъ 17 февраля 1725 г. въ *Сборникъ Ист. Общ.* 1884, LVIII, стр. 11.

При всемъ томъ, однако, Меншиковъ имѣлъ сильное вліяніе на Екатерину. Когда въ апрѣлѣ 1725 г. происходило столкновение между княземъ и Ягужинскимъ и послѣдній за это былъ удаленъ отъ двора, Вестфаленъ сожалѣлъ объ этомъ эпизодѣ, потому что Ягужинскій отстаивалъ сохраненіе благопріятныхъ сношеній между Даніей и Россіей, а Меншиковъ, который, по словамъ датскаго дипломата, стоялъ «во главѣ всѣхъ дѣлъ» ¹⁾, ненавидѣлъ, Данію и, «по глупости своей и не понимая сущности дѣла» ²⁾, подерживалъ планы герцога гольштинскаго.

И правда, между тѣмъ какъ другіе государственные люди не одобряли, въ сущности, сильной протекціи, оказанной Екатериной герцогу Карлу-Фридриху, Меншиковъ пока отстаивалъ интересы гольштинскіе, не понимая, что эти интересы не имѣли ничего общаго съ интересами Россіи ³⁾. Вотъ почему Вестфаленъ надѣялся, что противники Меншикова помѣшаютъ ему и гольштинцамъ вовлечь Россію въ войну. Датскій дипломатъ даже прямо ожидалъ возстанія противъ Екатерины за то, что она руководствовалась совѣтами фаворита и иностранцевъ ⁴⁾. «Имя Меншикова ненавистно большей части народа и въ особенности русскому дворянству», — писалъ Вестфаленъ въ началѣ 1726 г. ⁵⁾.

Между тѣмъ, власть Меншикова усиливалась. «Царица боится Меншикова», — сказано въ письмѣ австрійскаго дипломата, графа Рабутина, къ Евгению Савойскому ⁶⁾. «При надменности герцога и князя доброе согласіе между ними продолжаться не будетъ», — доносилъ Вестфаленъ въ мартѣ 1726 г. Однажды они сильно столкнулись, наговорили другъ другу въ пьяномъ видѣ рѣзкостей. Непріятность вышла по слѣдующему случаю. На какомъ-то праздникѣ пили за здоровье андреевскихъ кавалеровъ. Спрашивалось, кому приходилось благодарить за этотъ тостъ. Поспоривъ объ этомъ съ герцогомъ, Меншиковъ удалился, но сказалъ при этомъ Бассевичу, что имѣетъ полную власть расплатиться съ герцогомъ, занимая первое мѣсто возле государыни ⁷⁾.

¹⁾ „Menzikow se trouve à présent à la tête de toutes les affaires“. Донесеніе отъ 6 (17) апрѣля 1725 г.

²⁾ „Par bêtise et sans approfondir ce qu'il y a de menaçant dans les vues holstinoises“.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 24 іюля (4 августа) 1725 г.

⁴⁾ Qu'elle s'est laissé séduire par son favori et par la bande étrangère“. Донесеніе отъ 11 (22) декабря 1725 г.

⁵⁾ „Les extravagances produiront quelque révolution“ и пр. Донесеніе отъ 4 (15) января 1726 г.

⁶⁾ См. мою статью въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г. январь, стр. 118.

⁷⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 12 (23) марта 1726 г.: „Ils se sont chamaillés comme des écoliers jusque là d'être obligés de se retirer après avoir poussé de fortes menaces“. Въ донесеніи отъ 22 марта (2 апрѣля) 1726 г., что князь и герцогъ наговорили другъ друга „de petites vérités un peu choquantes“. Слова Меншикова къ Бассевичу: mais qu'il y a une fort grande différence entre le duc de Holstein et moi, mais que ce duc sache, que jé suis celui qui avec sa czarienne gouverne tout l'empire de Russie et que jé suis suffisamment en état de lui faire du bien et du mal“.

Меншикову сильно не нравилось около этого же времени, что герцог занимал видное мѣсто во вновь учрежденномъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, что онъ участвовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ и вмѣшивался во всѣ дѣла ¹⁾. Вестфалену рассказывали, что князь мечталъ о томъ, какъ бы исключить герцога изъ совѣта, и неосторожно говорилъ объ этомъ предметѣ съ Шафировымъ, который сообщилъ объ этомъ Бассевичу. Вышла непріятность, такъ какъ Бассевичъ, разумѣется, началъ шумѣть и отстаивать права и интересы герцога. Меншиковъ вспыхнулъ и требовалъ удаленія Шафирова въ Архангельскъ подъ предлогомъ возстановленія тамъ торговли и куповства. Шафирову было приказано не вмѣшиваться подъ страхомъ смертной казни въ дѣла. Всѣ старанія задѣлаго за живое герцога спасти Шафирова отъ почетной ссылки оставались безуспѣшными. Воля Меншикова была исполнена.

Въ маѣ вражда между Меншиковымъ и княземъ усилилась по слѣдующему поводу. Изъ Стокгольма было получено извѣстіе, что на Швецію для военныхъ дѣйствій разсчитывать нельзя. Даже самъ Седергильмъ, вернувшись въ Стокгольмъ, убѣдился въ невозможности вовлечь Швецію въ войну и писалъ герцогу Карлу-Фридриху о необходимости отложить походъ до 1727 года. Вестфаленъ доносилъ своему двору о страшномъ раздраженіи герцога по этому поводу. Неистовство его доходило до того, что онъ разорвалъ на себѣ одежду и даже бѣлье ²⁾. Къ тому же, около этого времени опять случился пожаръ на галерной верфи; сгорѣло нѣсколько судовъ, особенно пропало множество такелажа. Вестфалену говорили подкупленные имъ агенты, что всего можно было послѣ этого несчастія вооружить 15 галеръ, не болѣе ³⁾. Меншиковъ, благодаря всему этому, предлагалъ также отложить походъ до слѣдующаго года и употребить приготовленные къ походу войска для постройки Ладожскаго канала ⁴⁾. Карлъ-Фридрихъ спорилъ, называлъ князя невѣждою, упрекалъ его въ томъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о дѣлахъ политическихъ.

Такимъ образомъ, въ ту самую минуту, когда можно было ожидать нападенія на Данію и въ Кронштадтѣ находилось 40,000-ное войско, готовое къ отплытію, война сдѣлалась невозможною. Остерманнъ, какъ кажется, все еще надѣялся принудить Швецію къ участію въ войнѣ; между нимъ, Карломъ-Фридрихомъ и Бассевичемъ происходили нѣсколько дней сряду по нѣскольку часовъ тайныя бесѣды объ осуществленіи проектовъ гоштинцевъ. Но скорѣе оказалось, что никакой опасности для Даніи не существовало. Вестфаленъ доносилъ въ Копенгагенъ, что теперь можно прямо смѣяться надъ вооруженіемъ Россіи, особенно въ виду соединенія

¹⁾ „Il s'ingère à tout ce qui vient sur le tapis, s'efforçant de faire valoir sentimens“.

²⁾ „Qu'il s'est déchiré les habits jusqu'à la chemise“. Донесеніе отъ 24 (4 іюня) 1726 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Донесеніе отъ 14 (25) мая 1726 г.

датской эскадры съ англійскимъ флотомъ для военной демонстраціи въ Балтійскомъ морѣ противъ Россіи ¹⁾).

Франція и Англія препятствовали нарушенію мира на Сѣверѣ. Кампренъ долженъ былъ покинуть Россію безъ прощальной аудіенціи, благодаря тому, что онъ въ нѣсколько рѣзкихъ выраженіяхъ требовалъ объясненій о вооруженіи Россіи ²⁾. А. П. Бестужевъ сообщилъ своему двору изъ Копенгагена о пріѣздѣ туда изъ Англіи лорда Гленоски съ проектомъ атаковать Кроншлотъ ³⁾. «Все теперь устроилось въ нашу пользу, — писалъ Вестфаленъ 28 мая (8 іюня).— Меншиковъ относится къ герцогу совсѣмъ иначе, какъ прежде; Россія принуждена думать о мѣрахъ обороны противъ Англіи; герцога гольштинскій очень недоволенъ, однако, русскіе большею частью весьма рады».

«Меншиковъ,—доносилъ баронъ Седеркрейцъ своему двору въ іюлѣ,—теперь занятъ проектомъ поѣздки въ Ригу; онъ нынче сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю власть и выказываетъ необычайную рабочую силу» ⁴⁾. Дѣло въ томъ, что князь въ это время надѣялся сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ. Благодаря этому, вопросъ о Шлезвигѣ и о принужденіи Даніи удовлетворить герцога отошелъ на задній планъ. Вестфаленъ хорошо понималъ, что честолюбивые проекты Меншикова должны были открыть бездну между герцогомъ и княземъ. Данія въ свою очередь ничего не имѣла противъ избранія Меншикова въ герцоги курляндскіе, тѣмъ менѣе, что это дѣло легко могло вовлечь Россію въ разныя затрудненія и отвлечь вниманіе этой державы отъ Даніи ⁵⁾. Вліяніе князя на императрицу въ это время было гораздо сильнѣе вліянія на нее герцога гольштинскаго ⁶⁾. Изъ другихъ источниковъ, а именно изъ документовъ вѣнскаго архива, мы знаемъ, въ какой мѣрѣ вопросъ о Курляндіи содѣйствовалъ усиленію вражды между Меншиковымъ и Карломъ-Фридрихомъ и какимъ образомъ споръ, возникшій между партіей гольштинской и княземъ, былъ рѣшенъ въ пользу князя ⁷⁾.

Шведскій дипломатъ доносилъ своему двору еще въ апрѣлѣ: «Здѣсь опасаются прибытія англійскаго флота и отъ него враждебныхъ дѣйствій; этимъ разстраиваются здѣшніе проекты. Русскій флотъ даже долженъ будетъ отказаться отъ прогулки по Балтійскому морю» ⁸⁾. Въ маѣ Седер-

¹⁾ Донесеніе отъ 14 (25) мая 1726 г.

²⁾ По крайней мѣрѣ, Куракинъ обвинялъ его въ слишкомъ рѣзкомъ образѣ дѣйствій. См. донесеніе Вестфалена отъ 21 мая (1 іюня) 1726 г.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 17 (28) мая 1726 г.

Донесеніе Седеркрейца отъ 8 іюня 1726 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

Донесеніе Вестфалена отъ 22 іюня (3 іюля) 1726 г.

Menzikoff fait de la czarienne absolument ce qu'il veut, сказано въ донесеніи Вестфалена отъ 2 (13) іюля 1726 г.

См. мою статью объ Екaтepинѣ I въ *Вѣстникъ Европы*, январь 1894 г., стр.

131—⁸⁾ Курляндскій вопросъ.

Донесеніе отъ 15 апрѣля 1726 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

крейцъ доносилъ: «Датскій фрегатъ присоединился къ англійскому флоту. Очевидно, Англія хочетъ сдѣлать раздоръ между Швеціей и Россіей» ¹⁾.

О впечатлѣніи, произведенномъ въ Копенгагенѣ появленіемъ англійскаго флота на датскихъ водахъ, Бестужевъ доносилъ слѣдующее. Король и весь дворъ чрезвычайно обрадовались гостямъ, избавлявшимъ ихъ отъ безпокойства насчетъ прогулки русскаго флота. Бестужевъ, встрѣтившись съ ганноверскимъ министромъ Ботмаромъ, спросилъ его: «Зачѣмъ теперь флотъ сюда пришелъ? Развѣ гдѣ-нибудь война?»—«Въ Петербургѣ дѣлаются большія военныя приготовленія»,—сказалъ Ботмаръ. Бестужевъ отвѣчалъ ему, что, по адмиралтейскому уставу Петра Великаго, треть флота ежегодно должна выходить въ море для упражненій. «Вездѣ слышно объ угрозахъ, которыя переносить нельзя»,—возразилъ Ботмаръ. Бестужевъ доносилъ въ Петербургъ, что съ появленіемъ англійскаго флота всѣ стали чуждаться его, резидента, какъ зачумленнаго ²⁾.

Извѣстіе о появленіи англійскаго флота около береговъ Даніи возбудило сильное безпокойство въ Петербургѣ. Въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта 16 мая 1726 г. было рѣшено принять нѣкоторыя мѣры для обороны Кронштадта и Ревеля. Было приказано, «ежели бы паче чаянія англійскій флотъ сталъ бомбардировать Ревель, то въ такомъ случаѣ корабли въ этой гавани прорубить и потопить» ³⁾. Въ началѣ іюня допрашивали въ военной коллегіи разныхъ моряковъ, прибывшихъ въ Россію и видѣвшихъ въ Копенгагенѣ и у острова Борнгольма датскій и англійскій флоты. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ узнали, что въ Даніи готовили значительное число военныхъ кораблей въ походу, что тамъ ожидали прибытія сильнаго голландскаго флота, что англійскій флотъ уже находился при островѣ Гохландѣ и пр. ⁴⁾.

Между тѣмъ, англійскій флотъ и датская эскадра появились у Балтійскаго порта или Рогервика. Хотя можно было ожидать, что они станутъ довольствоваться демонстраціей, въ Ревелѣ была построена батарея для 50 пушекъ ⁵⁾. Между бумагами Вестфалена въ копенгагенскомъ архивѣ находится русская дипломатическая нота отъ 8 іюля 1726 г., въ которой петербургскій кабинетъ отвѣчалъ на вопросъ Вестфалена о вооруженіи Россіи. Тутъ сказано, между прочимъ, что этотъ вопросъ «явился императрицѣ не иначе, какъ зѣло удивителенъ», и что она «почла бы за непристойно въ предвоспріятія чужихъ державъ выѣшиваться и о вооруженіи вопрошать». Впрочемъ, русское правительство, все-таки, считало нужнымъ дать объясненіе о причинахъ вооруженія русскаго флота: «Нѣтъ другой причины вооруженія, какъ по примѣру супруга ея величества с дер-

¹⁾ Донесеніе отъ 20 мая 1726 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

²⁾ *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», т. XIX, стр. 74.

³⁾ *Сб. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 290—291.

⁴⁾ См. протоколы Допросовъ моряковъ въ *Сборникъ Истор. Общ.*, т. I стр. 349—351.

⁵⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 10 іюня 1726 г., въ стокгольмскомъ арх

жать флотъ въ добромъ состояніи для безопасности государства». За то въ этой же нотѣ русскій кабинетъ жаловался на появленіе датской эскадры вмѣстѣ съ великобританскою въ Финскомъ заливѣ ¹⁾.

Около этого времени распря между герцогомъ гольштинскимъ и княземъ Меншиковымъ могла сдѣлаться роковою для послѣдняго. Произвольный образъ дѣйствій князя въ Ригѣ и Митавѣ, гдѣ онъ добивался для себя герцогства Курляндскаго, вызвалъ сильное раздраженіе въ лагерѣ его противниковъ. Была учреждена коммиссія для обсужденія вопроса о поступкахъ Меншикова. Можно было ожидать, что герцогъ возьметъ верхъ надъ княземъ. Критическое положеніе, въ которомъ находился Меншиковъ, относится къ концу іюля и къ началу августа. Однако, онъ даже и въ это время оставался самымъ вліятельнымъ лицомъ, и, наконецъ, Екатерина приказала прекратить занятія по вопросу о курляндскомъ дѣлѣ, и Меншиковъ былъ сильнѣе прежняго ²⁾.

Тогда-то именно Меншиковъ, въ присутствіи адмирала Сиверса, сказалъ въ разговорѣ съ нѣкоторыми лицами: «Если бы даже мы были столь глупы поссориться съ нашими старыми пріятелями, англичанами и датчанами, изъ-за принца, котораго интересы не имѣютъ ничего общаго съ нашими интересами ³⁾, мы постараемся, во всякомъ случаѣ, пристроить его въ Швецію; пусть онъ останется тамъ и оставитъ насъ въ покоѣ». Сиверсъ поэтому совѣтовалъ Вестфалену бывать почаще у Меншикова и стараться повліять на него для поддержанія интересовъ Даніи. Датскій дипломатъ, донося объ этомъ королю, писалъ: «Это благодѣяніе Божіе, оказанное вашему величеству» ⁴⁾.

Вскорѣ послѣ этого Вестфаленъ побывалъ у Меншикова и выразилъ ему крайнее свое сожалѣніе о томъ, что князь не сдѣлался герцогомъ курляндскимъ; при этомъ датскій дипломатъ выставилъ на видъ, что должно приписывать неудачу кандидатуры Меншикова кознямъ герцога Карла-Фридриха въ самой Польшѣ. Наконецъ Вестфаленъ увѣрялъ князя въ томъ, что если король датскій при какомъ бы то ни было случаѣ могъ быть полезнымъ Меншикову, содѣйствуя упроченію его положенія и величія его семейства, онъ это сдѣлалъ бы съ большимъ удовольствіемъ. Князь говорилъ о своей преданности датскому королю, о неблагодарности и интригахъ герцога гольштинскаго и о своемъ намѣреніи расплатиться съ нимъ какъ слѣдуетъ. Сообщая обо всемъ этому королю, Вестфаленъ обѣщалъ съ своей стороны всѣми мѣрами стараться разжечь ненависть Меншикова въ отношеніи къ герцогу ⁵⁾. Немного позже, въ разговорѣ съ од-

Документъ подписанъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ.

¹⁾ См. мою статью: *Екатерина I въ Вѣстникѣ Европы* 1894 г., январь, стр.

46.

«Un prince qui nous est tout-à-fair étranger».

«C'est un coup du ciel en faveur de V. M.» Донесеніе отъ 10 (21) сентября 1726 г.

Донесеніе отъ 17 (28) сентября 1726 г.

нимъ изъ кавалеровъ герцога, графомъ Бонде, замѣтилъ, что онъ намѣренъ положить конецъ всѣмъ интригамъ, имѣющимъ цѣлью вовлечь императрицу въ войну, совѣсть чуждую интересамъ Россіи, и что онъ постарается удалить отъ двора всѣхъ лицъ, подкупленныхъ другими державами, наприм., госпожу Крамеръ, которая отъ шведскаго правительства получила тысячу червонцевъ ¹⁾. Въ октябрѣ Меншиковъ, бесѣдуя съ Вестфаленомъ, замѣтилъ, что онъ, съ цѣлью противодействовать гольштинскому герцогу, устроить дѣло такъ, чтобы въ слѣдующемъ году не было никакого вооруженія флота. Вестфаленъ былъ очень доволенъ этою усилившеюся враждой между княземъ и герцогомъ и не упускалъ ни одного случая, чтобы воспользоваться этимъ раздоромъ для интересовъ Даніи ²⁾.

Такимъ образомъ положеніе Даніи улучшилось. Опасность, грозившая ей со стороны Россіи, исчезала по мѣрѣ того, какъ росла неприязнь между княземъ и герцогомъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ Вестфаленъ въ позднѣйшихъ своихъ депешахъ сообщалъ разныя частности о совѣснъ натянутыхъ отношеніяхъ между зятемъ императрицы и Меншиковымъ ³⁾, и о томъ, что даже гольштинскій министръ Бассевичъ дѣйствовалъ въ пользу сохраненія мира между герцогомъ и Данією ⁴⁾.

Не даромъ Вестфаленъ уже и прежде высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что Россія не рѣшится предпринять что-либо противъ Даніи безъ участія Швеціи. Въ продолженіе всего 1726 г. онъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за рѣшеніемъ нѣкотораго раздраженія между Швеціей и Россіей, благодаря тому обстоятельству, что партія герцога Карла-Фридриха въ Стокгольмѣ оказывалась слабѣе партіи королевской. Вотъ почему положеніе русскихъ дипломатовъ въ Стокгольмѣ въ это время, Головина, а затѣмъ В. М. Долгорукаго, не было выгоднымъ. Въ Швеціи не одобряли вооруженія русскаго флота весной 1726 г. ⁵⁾. Когда туда прибылъ Долгорукій и потребовалъ конференціи, то для переговоровъ съ нимъ назначили людей противной партіи, которые спрашивали: для чего въ нынѣшнемъ году такъ сильно вооружили русскій флотъ и затѣмъ приведемъ 40,000 войска въ Петербургъ? Шведы жаловались, что слышали не только словесныя, но и письменныя угрозы со стороны русской государыни ⁶⁾.

Всѣми мѣрами с.-петербургскій кабинетъ старался воспрепятствовать тому, чтобы Швеція приступила къ ганноверскому союзу. Для этой цѣли

¹⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 24 сентября (5 октября) 1726 г.

²⁾ Донесеніе отъ 15 (26) октября 1726 г.: „Je ne manque pas de cultiver la mauvaise volonté contre le duc de Holstein, en attisant le peu qu'il me sera possible le feu de cette discorde salutaire; cela contribuera à donner au jeu du duc d'Holstein cette malheureuse issue que tout bon coeur danois lui doit souhaiter“.

³⁾ Донесеніе отъ 29 октября (9 ноября) 1726 г.

⁴⁾ Донесеніе отъ 7 (18) января 1727 г.

⁵⁾ *Сбор. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 273.

⁶⁾ *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 66.

отправляли въ Стокгольмъ значительныя суммы денегъ, чтобы подкупить членовъ сейма ¹⁾. Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ часто обсуждался вопросъ, какъ поступать съ Швеціей. Рѣшено было въ конференціи съ Секретейомъ «учинить ему сильныя выговоры, что они (шведы) противно своимъ обѣщаній и трактату поступають» ²⁾. Въ августѣ верховный тайный совѣтъ постановилъ: «Ежели они (шведы) отъ насъ отступятъ и къ сторонѣ англійской склонятся, то тогда объявить имъ, что ея императорское величество принуждена будетъ принять нѣныя мѣры и тогда возможно уже будетъ и съ другими согласиться» ³⁾.

Вестфаленъ всѣмъ этимъ былъ очень доволенъ. Швеція приступила къ ганноверскому союзу. Недоразумѣнія между стокгольмскимъ и петербургскимъ дворами усиливались. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Швеціи противъ Даніи нельзя было и думать ⁴⁾.

Осенью 1726 г. англійская эскадра возвратилась, не тронувши ни русскаго флота, ни русскихъ гаваней. Это обстоятельство и союзъ Россіи съ Австріей удержали Данію отъ приступленія къ ганноверскому союзу. Когда весной 1727 г. англійская эскадра опять появилась на датскихъ водахъ и англійскій адмиралъ требовалъ, чтобы датскій флотъ соединился съ его флотомъ, то получилъ отказъ; при этомъ Бестужевъ узналъ о доносеніяхъ Вестфалена изъ Петербурга, что съ русской стороны не будетъ противъ Даніи никакого непріятельскаго поступка ⁵⁾.

VII. Петръ Алексѣвичъ.

«Безъ вражды между Меншиковымъ и герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ мы (датчане) находились бы въ самомъ неловкомъ положеніи»,—писалъ Вестфаленъ весной 1726 г. ⁶⁾, когда уже не было никакой опасности для Даніи со стороны Россіи. Меншиковъ взялъ верхъ надъ герцогомъ гольштинскимъ. Благодаря этому рушились планы послѣдняго отнять у Даніи Шлезвигъ. Вообще положеніе герцога при русскомъ дворѣ измѣнилось совершенно. Кандидатура на престолъ великаго князя Петра Алексѣвича лишила его, въ концѣ-концовъ, возможности долѣе оставаться въ Россіи.

По случаю воцаренія Екатерины I, о правахъ на престолъ великаго князя говорили лишь очень немногіе—осторожно и робко ⁷⁾. Австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ указывалъ тогда на условія брачнаго договора несчастнаго царевича Алексѣя съ вольфенбютельскою принцессой, въ силу

¹⁾ Сбор. Ист. Общ., т. LV, стр. 423 и 467—468.

²⁾ Сбор. Ист. Общ., т. LV, стр. 463. Докладная записка верховнаго тайнаго совѣта отъ 14 іюня 1727 г.

³⁾ Сбор. Ист. Общ. LVI, стр. 27.

⁴⁾ Донесеніе отъ 14 (25) января и отъ 15 (26) апрѣля 1727 г.

⁵⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 77. Донесеніе Вестфалена отъ 7 (18) мая 1727 г.

⁶⁾ Донесеніе отъ 9 (20) мая 1727 г.

⁷⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 30 января (10 февраля) 1726 г.

котораго дѣти отъ этого брака должны были имѣть право на престолъ; Гогенгольцъ выставлялъ на видъ, что императоръ Карлъ VI едва ли согласится признать Екатерину императрицею и станетъ дѣйствовать въ пользу правъ своего племянника, великаго князя Петра Алексѣевича ¹⁾. Дѣло дошло до того, что въ Россіи начали думать о возможности войны съ Австріей, объ отправленіи войска къ юго-западнымъ границамъ для обороны. Екатерина объявила, что, въ случаѣ надобности, она готова самолично стать во главѣ войска и флота для защиты своихъ правъ на престолъ ²⁾.

Въ сущности, никакой опасности разрыва между Россіей и Австріей не было. Никто не отстаивалъ правъ великаго князя на престолъ. Былъ составленъ проектъ брака Петра Алексѣевича съ младшею дочерью Екатерины, Натальей Петровной, для примиренія интересовъ обѣихъ линій царствующаго дома ³⁾, однако, молодая принцесса скончалась въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, и ея погребеніе происходило даже вмѣстѣ съ погребеніемъ Петра Великаго. О правахъ великаго князя при дворѣ также не говорили. Всѣ тѣ люди, которые участвовали въ слѣдствіи, произведенномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ въ 1718 году, не желали объявленія его сына наслѣдникомъ престола, тогда какъ можно было считать вѣроятнымъ рано или поздно воцареніе одной изъ дочерей Екатерины или герцога гольштинскаго. Даже Остерманъ, никогда не относившійся враждебно къ погибшему въ 1718 году царевичу, считалъ удобнѣе пристать къ гольштинской партіи ⁴⁾.

Такимъ образомъ, дѣти царевича находились въ крайне невыгодномъ положеніи. Популярность, которою они пользовались въ народѣ, не приносила имъ никакой пользы ⁵⁾. И фельдмаршалъ Голицынъ, находившійся во главѣ войска въ Украинѣ, не отстаивалъ правъ великаго князя, котораго обходили при раздачѣ орденовъ и за здоровье котораго пили при дворѣ безъ пушечной пальбы ⁶⁾.

Вестфаленъ всѣмъ этимъ былъ крайне недоволенъ, такъ какъ царствование тещи герцога гольштинскаго представляло собою опасность для Даніи. Его возмущало, очевидно, намѣреніе Екатерины и впредь не обращать вниманія на права Петра Алексѣевича ⁷⁾. «Никто не заботится о бѣдномъ ве-

¹⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 20 февраля (3 марта) 1725 г.: „que l'Empereur n'acquiescerait pas à ce qui s'est passé ici depuis la mort du czar?”

²⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 20 февраля (3 марта) 1725 г.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 6 (17) марта 1725 г.: „mais bien certain est-il que cette insinuation autrichienne n'a point été goûtée déjà du vivant du défunt monarque”.

⁴⁾ Донесеніе отъ 27 марта (7 апрѣля) 1725 г.

⁵⁾ „Les pauvres orphelins du Czarowitz ont bien pour eux le corps de la saine partie de la nation, mais non pas la plus agissante”. Донесеніе Вестфалена 27 марта (7 апрѣля) 1725 г.

⁶⁾ Донесеніе отъ 24 апрѣля (5 мая) и отъ 25 мая (5 іюня) 1725 г.

⁷⁾ Донесеніе отъ 10 (21) іюля 1725 г.: „Der Vorsatz der Zarin den einzigen lichen Stamen der czarischen Familie von der Reichssuccession aus zuschleiss

ликомъ князѣ, — сказано далѣе въ донесеніи Вестфалена, — онъ находится въ рукахъ своихъ враговъ, которые играютъ съ нимъ, какъ кошка играетъ съ мышкой». Вестфаленъ сожалѣетъ о томъ, что, вѣроятно, ни Англія, ни Франція не станутъ дѣйствовать въ пользу Петра Алексѣевича. За то онъ ожидалъ, что австрійскій дипломатъ графъ Рабутины будетъ заботиться о судьбѣ племянника императора Карла. Бестужевы были расположены въ пользу Петра. Вестфаленъ доносилъ, что члены сената были недовольны воспитаніемъ Петра и что Екатерина, раздраженная этимъ, учредила верховный тайный совѣтъ съ цѣлью ограниченія значеніе сената, чтобы наказать сенаторовъ за вышательство въ вопросъ о воспитаніи великаго князя ¹⁾).

Въ какой-то газетѣ была въ это время напечатана замѣтка о дружескихъ сношеніяхъ между герцогомъ гольштинскимъ и великимъ княземъ. Вестфаленъ доносилъ, что всѣ эти рассказы были лишены основанія и что Карлъ-Фридрихъ никогда не гулялъ и не ѣздилъ съ Петромъ Алексѣевичемъ. Великій князь, — доносилъ Вестфаленъ, — лишь однажды побывалъ у герцога, по желанію императрицы, чтобы поздравить его послѣ бракосочетанія, а герцогъ никогда не бывалъ у великаго князя ²⁾). Вестфаленъ неоднократно занимался вопросомъ: что будетъ съ Петромъ въ случаѣ кончины Екатерины? Этотъ вопросъ казался особенно важнымъ въ виду общей ненависти, предметомъ которой служилъ Меншиковъ.

Екатерина часто хворала. Преждевременная кончина ея могла повести къ безпорядкамъ. Однако, и при жизни ея могли случиться смуты. Не только Вестфаленъ, но и другіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ часто возвращались къ вопросу объ опасностяхъ, грозившихъ престолу императрицы. Вестфаленъ тотчасъ же послѣ воцаренія Екатерины ожидалъ волненій внутри государства ³⁾). Появленіе самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевича Алексѣя, могло быть отнесено къ такимъ случаямъ, доказывавшимъ шаткость положенія новаго правительства ⁴⁾). Вестфаленъ узнавалъ о пыткахъ и казняхъ, которымъ подвергали людей, недовольныхъ воцареніемъ Екатерины или позволявшихъ себѣ неблагопріятные отзывы о князѣ Меншиковѣ. Особенно страдали приверженцы Петра Алексѣевича ⁵⁾).

¹⁾ Донесеніе отъ 12 (23) февраля 1726 г. Причины учрежденія верховнаго тайнаго совѣта еще не достаточно извѣстны, поэтому рассказъ Вестфалена не лишенъ интереса.

²⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 30 октября (10 ноября) 1725 г.

³⁾ Донесеніе отъ 2 (13) марта 1735 г.: „Les affaires de cette monarchie se présentent en effet pour un grand orage d'intrigues, qui menacent le vaisseau de cet état d'une grande et dangereuse agitation“.

⁴⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 23 марта (3 апрѣля) и отъ 23 ноября (4 декабря) 1725 г. Вестфаленъ при этомъ замѣтилъ, что онъ самъ видѣлъ въ 1718 году трупъ царевича.

⁵⁾ Донесеніе отъ 19 (30) июля 1725 г.: „Oeffentlich darf sich nicht Niemand dem Kaiserlichen Willen zuwider setzen, und es ist dem Kaiserlichen Willen zuwider, dass ein Fürst favorabel zeigen, wo er nicht dem Tode in den Rachen laufen will. Wie ganz neulich geschehen, dass einem Brigadier weil er sich nur discursiv“

Вестфаленъ не только ожидалъ безпорядковъ въ пользу Петра II, но даже надѣялся на какой-либо переворотъ въ Россіи и уже въ 1725 году мечталъ о возможности той перемены формы правленія, которая состоялась въ 1730 году, къ величайшему удовольствію этого датскаго дипломата. Вотъ почему онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми признаками оппозиціи противъ Екатерины и Меншикова и воспроизводилъ разные слухи о терроризмѣ, господствовавшемъ въ это время ¹⁾.

И Вестфаленъ, и другіе современники считали тотчасъ же послѣ воцаренія Екатерины вѣроятнымъ, что она, какъ женщина, будетъ царствовать гораздо мягче Петра Великаго, крутыя мѣры котораго возбуждали ропотъ въ народѣ. Вскорѣ, однако, оказалось, что Екатерина весьма мало заботилась о дѣлахъ, предоставляя всю власть Меншикову, который именно слѣдовалъ примѣру Петра въ крутомъ обращеніи съ политическими преступниками. И баронъ Седеркрейцъ доносилъ своему двору объ арестованіи многихъ женщинъ за неосторожные разговоры, о наказаніи ихъ кнутомъ и о томъ, что въ публикѣ порицали неимовѣрную роскошь при дворѣ и пр. ²⁾.

Разница между терроризмомъ при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I заключалась въ томъ, что царь-преобразователь имѣлъ въ виду интересы государства, тогда какъ Меншиковъ думалъ лишь о поддержаніи своего положенія ради частныхъ выгодъ. Вотъ почему онъ сначала дѣйствовалъ заодно съ герцогомъ гольштинскимъ, а затѣмъ мечталъ объ удаленіи изъ Россіи герцога Карла-Фридриха и дочерей Екатерины и о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя, приверженцевъ котораго онъ столь жестоко преслѣдовалъ и кнутомъ, и плахою. Въ началѣ царствованія Екатерины говорить о правахъ Петра Алексѣевича считалось преступленіемъ,

vernehmen lassen, dass dem Grossfürsten zu nahe geschehen, in hiesiger Festung Hände und Füße und nachmals der Kopp abgeschlagen, seine Güter confiscirt und seine Familie ins Elend gejagt worden. Menzikoff lässt dergleichen Leute ihnen einzigen Leben, deren Güter kein meist zu theil werden“.

¹⁾ Донесеніе отъ 5 (16) марта 1725 г. о подметномъ письмѣ, въ которомъ заключалась рѣзкая критика образа жизни Екатерины, ея воцаренія, ограниченія правъ сената и пр. Въ донесеніи отъ 26 марта (6 апрѣля) 1726 г. сказано: „C'est une véritable boucherie que les fréquents exécutions, qui se font dans la citadelle de cette capitale des prisonniers d'état, qui y sont conduits en foule de tous les coins de la Russie et y sont égorgés à la curtaine par semaine. Il y a là ni qualité ni rang, ni âge, ni sexe qui exempte de la gehenne et de la mort, mais l'un et l'autre se fait à la sourdine, afin que le sujet de la punition de ces misérables ne passe dans le coeur du peuple quelque impression redressante. Hier même deux femmes de généraux, une de brigadier, six autres femmes de colonel, lieutenant-colonel avec une douzaine de compagnardes, quatre princesses y bien comprises, qui ont eu l'imprudence de se lever contre la Czarienne, entrèrent appliquées à la question. Comme la porte du paradis ne s'ouvre guère à de crimes de pareille énormité, dont Menzikoff à la clef en garde, on croit du' elles passeront toutes ce pas“. И въ средѣ военныхъ было много добровольныхъ, жаловавшихся на вѣчныя войны, на обремененіе народа новыми налогами и пр. См. донесеніе Вестфалена отъ 9 (20) апрѣля 1726 г.

²⁾ Донесенія Седеркрейца и его отчетъ о пребываніи въ Россіи, въ столичномъ архивѣ.

достойнымъ смертной казни; въ концѣ того же царствованія, т.-е. двумя годами позже, Меншиковъ считалъ выгоднымъ для себя дѣйствовать въ пользу великаго князя и мечталъ о бракѣ своей дочери съ будущимъ молодымъ государемъ. Послѣ того какъ осенью 1726 года его распря съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ и его партіей по поводу курляндскаго дѣла кончилась рѣшительнымъ торжествомъ князя, онъ мечталъ лишь о томъ, какъ бы выпроводить герцога и его супругу изъ Россіи, давъ имъ значительную сумму денегъ и устроивъ судьбу Петра Алексѣевича, какъ будущаго зятя князя.

Распря между княземъ и герцогомъ, понятно, служила предметомъ вниманія иностранныхъ державъ. Особенно въ Швеціи и въ Даніи слѣдили зорко за подробностями этого дѣла, такъ какъ вражда между самыми близкими императрицѣ людьми лишила Россію возможности вредить интересамъ этихъ державъ. Изъ донесеній Седеркрейца, хранящихся въ стокгольмскомъ архивѣ, и изъ донесеній Вестфалена въ копенгагенскомъ архивѣ видно, что удареніе на личные интересы зятя Екатерины и его стараго пріятеля, князя Меншикова, дорого обходилось Россіи и что другія державы легко могли воспользоваться этимъ для своихъ выгодъ въ ущербъ интересамъ Русскаго государства.

Русскій дипломатъ въ Стокгольмѣ, В. Л. Долгорукій, писалъ, что въ Швеціи не боятся Россіи и не ожидали пагубныхъ послѣдствій за то, что Швеція приступила къ ганноверскому союзу. «Горнъ и его партія,—сказано въ письмѣ Долгорукаго отъ 13 апрѣля 1727 г.,—всякому внушаютъ, что за акцессію отъ стороны вашего величества ни малѣйшаго опасенія нѣтъ и впредь не будетъ; а нынѣ въ самомъ крайнемъ секретѣ мнѣ сказано, что шведскій министръ Седеркрейцъ въ реляціи своей писалъ, будто при дворѣ в. и. величества между нѣкоторыми изъ главныхъ особъ великія несогласія; ту его реляцію читали въ секретной комиссіи, и король съ Горномъ и со всею его партіей очень обрадовались и разсуждаютъ, что по причинѣ этихъ несогласій ни малѣйшей опасности съ русской стороны коронѣ шведской быть не можетъ. Отъ другихъ слышу, что и въ частныхъ письмахъ о томъ сюда пишутъ, и это производить здѣсь немалую радость и безопасность».

Впослѣдствіи ¹⁾ было узнано о письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену, гдѣ князь увѣрялъ, что русскіе министры въ Стокгольмѣ дѣйствуютъ противъ акцессіи только для вида, изъ угожденія новому союзу съ цезаремъ, что онъ, Меншиковъ, имѣя въ рукахъ войско, не допуститъ до войны, что здоровье императрицы очень слабо и чтобы, въ случаѣ ея и чины, пріятельскія внушенія его не были забыты въ Швеціи, когда «... понадобится какая-нибудь помощь. Меншиковъ сообщалъ Седеркрейцу ( ) всемъ происходившемъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, за что получалъ черезъ него англійскими деньгами 5,000 червонныхъ ²⁾).

¹⁾ Какъ кажется, послѣ паденія Меншикова. См. ссылку на разные матеріалы у Овеева, т. XIX, стр. 365, № 25. Нельзя не сожалѣть о неточности этихъ цитатъ.

²⁾ Соловьевъ, т. XIX, стр. 70—71.

Какъ видно, Меншиковъ думалъ о средствахъ обезпеченія своей судьбы въ случаѣ кончины Екатерины. Въ связи съ этимъ соображеніемъ стоялъ проектъ назначенія великаго князя наслѣдникомъ престола и брака его съ дочерью Меншикова.

Вестфаленъ доносилъ своему двору, что мысль объ этомъ бракѣ родилась впервые въ его головѣ ¹⁾ и что онъ внушилъ ее князю ²⁾ черезъ госпожу Бьергардъ, проживавшую въ домѣ Меншикова, съ цѣлью положить конецъ кандидатурѣ на престолъ «герцогской крови» ³⁾, такъ какъ воцареніе въ Россіи голштинскихъ элементовъ было бы величайшимъ несчастіемъ для Даніи. Вестфаленъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ графомъ Рабутиномъ, который съ радостью одобрилъ этотъ проектъ, истратилъ нѣкоторую сумму денегъ для его осуществленія и общалъ Меншикову выхлопотать для него большія выгоды ⁴⁾.

Разумѣется, проектъ брака состоялъ въ самой тѣсной связи съ предположеніемъ назначить Петра преемникомъ Екатерины. Объ этомъ начали говорить въ январѣ 1727 года. Седеркрейцъ писалъ тогда своему двору, что Меншиковъ желаетъ отдѣлаться отъ претензій герцога Карла-Фридриха нѣсколькими милліонами. Немного позже (также въ январѣ) шведскій дипломатъ доносилъ, что идетъ рѣчь о назначеніи великаго князя наслѣдникомъ ⁵⁾. Вестфаленъ писалъ своему двору 18 февраля (1 марта) 1727 г.: «Я считаю назначеніе великаго князя наслѣдникомъ самымъ выгоднымъ для насъ дѣломъ и потому я совѣтовалъ Рабутину воспользоваться раздоромъ между герцогомъ и Меншиковымъ для того, чтобъ обезпечить судьбу великаго князя и устроить его бракъ съ дочерью князя. Меншикову нужно будетъ пожаловать какое-либо ленное владѣніе въ Германской имперіи» ⁶⁾.

По донесеніямъ графа Рабутина, императрица въ это время обратила свое вниманіе на молодого Салъгу, который былъ женихомъ дочери Меншикова. Не желая этого брака, Екатерина согласилась устроить бракъ Петра Алексѣевича съ дочерью князя ⁷⁾. Такимъ образомъ, чисто личныя соображенія, расположеніе Екатерины къ Салъгѣ, закулисныя внушенія датчанки, проживавшей въ домѣ князя, интриги Вестфалена и Рабутина содѣйствовали улаженію дѣла, столь важнаго для всей имперіи.

Понятно, что герцогъ Карлъ-Фридрихъ, его супруга и Елизавета Пет-

¹⁾ „Une pensée de moi“.

²⁾ „Et que moi et une certaine personne danoise, qui est dans la maison de Menzikoff en ont jeté les fondements“.

³⁾ „Le sang ducal“.

⁴⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 22 апрѣля (3 мая) 1727 г.

⁵⁾ Донесенія Седеркрейца отъ 6 и 27 января 1727 г.

⁶⁾ Вестфаленъ общалъ Рабутину для осуществленія этого проекта воспользоваться „нѣкоторою личностью“, которая могла бы устроить это дѣло. Очевидно, идетъ рѣчь о госпожѣ Бьергардъ.

⁷⁾ См. донесенія Рабутина, хранящіяся въ вѣнскомъ архивѣ, въ моей статіи въ *Екатеринѣ I въ Вѣстникѣ Европы* 1894 г., февраль, стр. 617.

ровна какъ нельзя болѣе были возмущены проектомъ этого брака ¹⁾. Также Толстой, Ушаковъ и другіе противники Меншикова сильно возставали противъ этого проекта ²⁾. Вестфаленъ доносилъ своему двору: «Толстой прямо говорилъ Екатеринѣ, что какъ скоро она согласится на этотъ бракъ, она погибнетъ и вмѣстѣ съ нею ея дочери и все». «Я вижу топоръ, готовый упасть на наши головы»,—сказалъ Толстой императрицѣ. Тѣмъ не менѣе, Екатерина сообщила Меншикову о намѣреніи сдержать свое слово и устроить бракъ. Меншиковъ сообщилъ объ этомъ Рабутину, который тотчасъ же отправилъ курьера въ Вѣну. Бассевичъ имѣлъ въ своемъ карманѣ рѣчь Толстого и читалъ ее разнымъ лицамъ ³⁾.

И изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что принцъ Карлъ-Фридрихъ, въ виду опасности, грозившей ему и дочерямъ Екатерины, требовалъ для обезпеченія судьбы Анны и Елизаветы уступки имъ Эстляндіи и Лифляндіи ⁴⁾. Седеркрейцъ и Вестфаленъ въ своихъ донесеніяхъ подтверждаютъ это извѣстіе. Седеркрейцъ писалъ, что Меншиковъ, не соглашаясь на уступку этихъ провинцій, изъявилъ готовность назначить родственника Карла-Фридриха, епископа любскаго, за котораго хотѣли выдать Елизавету Петровну, генералъ-губернаторомъ этихъ провинцій, и герцогъ Карлъ-Фридрихъ требовалъ, чтобъ объ этомъ былъ составленъ формальный документъ. Такъ какъ, однако, при этомъ случаѣ возникъ вопросъ объ отторженіи нѣкоторыхъ провинцій, Седеркрейцъ писалъ: «По моему мнѣнію, можно бы было воспользоваться благоприятною минутой для Швеціи приобрести вновь Выборгскую провинцію. Было бы не трудно подкупить русскихъ сановниковъ ⁵⁾, представляя имъ, что С.-Петербургъ могъ бы превратиться въ «адмиралтейскій городъ» ⁶⁾; Меншикову можно дать 50,000 рублей, и въ такомъ случаѣ онъ будетъ готовъ содѣйствовать осуществленію этого проекта ⁷⁾. Въ другомъ донесеніи Седеркрейца сказано: «Здѣсь не говорятъ ни о чемъ иномъ, какъ о бракѣ великаго князя съ дочерью князя Меншикова. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ желаетъ при этомъ случаѣ возвратить Швеціи Лифляндію и Эстляндію. Если состоится бракъ великаго князя съ княжною Меншиковой, то состоится и другой, т.-е. бракъ епископа любскаго съ принцессою Елизаветою. Такимъ образомъ, Швеція можетъ воз-

¹⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 24 февраля 10 и 17 марта 1727 г. въ стокгольмскомъ архивѣ. Тутъ сказано, что голштинская партія «руками и ногами» дѣйствовала противъ этого проекта.

²⁾ «Crient à la gorge contre ce mariage». Донесеніе Вестфалена отъ 14 (25) марта 1727 г.

Донесеніе отъ 18 (29) марта 1727 г.

См. мою статью объ Екатеринѣ въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г., февраль, стр. 6-622.

«Сдѣлать имъ это дѣло вкуснымъ» (smaklig).

Т.-е., что перенесеніе центра въ Москву соотвѣтствуетъ интересамъ старой партіи.

Донесеніе Седеркрейца отъ 17 марта 1727 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

вратить себѣ эти провинціи, а что касается Выборга, то нужно требовать его возвращенія, по крайней мѣрѣ, послѣ кончины пирицы» ¹⁾.

Въ это время раздоръ между важными лицами при дворѣ усиливался. Въ концѣ марта Екатерина разрѣшила великому князю Петру Алексѣевичу бывать три раза въ недѣлю въ домѣ Меншикова для ознакомленія съ будущею невѣстой, а противники этого брака были этимъ крайне недовольны ²⁾. Не только между русскими сановниками господствовало разногласіе по этому поводу, но и члены дипломатическаго корпуса относились къ этому вопросу различно. Между тѣмъ какъ Вестфаленъ и Рабутины всячески старались устроить этотъ бракъ, прусскій дипломатъ Мардефельдъ не желалъ чрезмѣрнаго возвышенія Меншикова, предсказывая, что князь завладѣетъ русскою короной и отправить Екатерину въ монастырь. Мардефельдъ въ бесѣдѣ съ Рабутиномъ выставлялъ на видъ, что Меншиковъ очень скромнаго происхожденія и недостойнъ важнаго мѣста ³⁾.

Противники Россіи всеѣмъ этимъ были довольны. Седеркрейцъ доносилъ 7 апрѣля 1727 г.: «Россія теперь не можетъ и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Обстоятельства здѣсь таковы, что упадокъ этого государства со дня на день въ продолженіе послѣднихъ трехъ дней становится болѣе и болѣе замѣтнымъ. При какомъ-либо болѣе способномъ правителѣ Россія могла бы имѣть большое значеніе; однако, раздоръ между вельможами и произвольныя дѣйствія важнѣйшихъ особъ не могутъ не содѣйствовать упадку этой державы. Войско находится въ нѣсколько болѣе удовлетворительномъ состояніи, но флотъ падаетъ замѣтно». Въ другомъ донесеніи Седеркрейца отъ 14 апрѣля 1727 г. говорится о недостаткѣ въ матросахъ на русскихъ судахъ, и что, благодаря этому, Россія должна будетъ довольствоваться обороною; однако, оборона еще труднѣе наступленія, — прибавляетъ шведскій дипломатъ ⁴⁾.

А. Бриннеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 24 марта 1727 г.

²⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 21 марта (2 апрѣля) 1727 г.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 25 марта (5 апрѣля) 1727 г. Объ образѣ мн. Рабутина мы знаемъ изъ депешъ этогодипломата, хранящихся въ вѣнскомъ арх. См. мою статью въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г., февраль, стр. 621 и слѣд. А. всячески ласкала Меншикова въ это время. Вестфаленъ доносилъ 11 (22) аг. «Благодаря проекту брака, Меншиковъ сдѣлался настоящимъ австрійцемъ».

Къ вопросу о мелкомъ сельско-хозяйственномъ кредитѣ *).

До сихъ поръ кредитъ способствовалъ только увеличенію задолженности и къ обремененію земли долгами на сумму свыше милліарда рублей. Для удовлетворенія нуждъ нашего сельскаго хозяйства въ кредитъ послѣ закрытія старыхъ казенныхъ кредитныхъ установленій были учреждены общество взаимнаго поземельнаго кредита, херсонскій земскій банкъ и акціонерныя земельныя банки, выдавшіе въ самое короткое время нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Кредитъ этотъ нисколько не облегчилъ положенія землевладѣльцевъ, такъ какъ эти сотни милліоновъ получили непроемчивое назначеніе. Съ основаніемъ дворянскаго банка задолженность еще болѣе усилилась, землевладѣльцы стали входить въ неоплатные долги, и къ 1894 году на нашемъ землевладѣніи накопилось милліардъ сто милліоновъ рублей долгу. Отсутствіе организованнаго сельско-хозяйственнаго кредита приводитъ къ тому, что землевладѣльцы вынуждены прибѣгать къ ипотечнымъ учрежденіямъ и закладывать свои имѣнія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ залогъ земли часто не представлялось бы надобности, если бы землевладѣльцы могли пользоваться сельско-хозяйственнымъ кредитомъ.

Въ крестьянской средѣ кредитъ принялъ еще болѣе опасныя формы и выролдился въ ростовщическій кредитъ. При такихъ условіяхъ понятно, что многіе возлагаютъ весьма мало надеждъ на организацію кредита. Если, тѣмъ не менѣе, я беру на себя смѣлость остановить ваше вниманіе на мелкомъ кредитѣ, то дѣлаю это для того, чтобъ ознакомить васъ съ такими формами кредита, которыя при правильномъ развитіи могутъ оказаться весьма благотѣльными особенно для крестьянскаго населенія. Дѣйствующія у насъ учрежденія для мелкаго кредита, какъ-то: сельскіе банки, ссудоснабжительныя товарищества, вспомогательныя и сберегательныя кассы общинныхъ государственныхъ крестьянъ, гминныя кассы Царства Польскаго, земскій банкъ гр. Браницкой и другія аналогичныя кассы, при настоящей

---

*) Рѣчь, произнесенная на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ Тульской губерніи 27 января 1895 года.

организациі, не удовлетворяютъ надлежащимъ образомъ нуждамъ крестьянъ въ мелкомъ кредитѣ. Къ учрежденіямъ для сельско-хозяйственного кредита должны быть предъявлены слѣдующія требованія: они должны, во-первыхъ, находиться вблизи землевладѣльцевъ и крестьянъ, чтобы кредитоспособность заемщиковъ могла быть извѣстна лицамъ, стоящимъ во главѣ управленія; во-вторыхъ, нужно, чтобы они были построены на принципѣ взаимности, безъ участія предпринимательскаго акціонернаго капитала, такъ чтобы посредничество не вело къ вздорожанію кредита, чтобы ссуды изъ кассы обходились не дороже, чѣмъ самой кассѣ приходится платить за деньги. Такъ какъ посредничество акціонерныхъ предпріятій ведетъ къ вздорожанію кредита вслѣдствіе необходимости выдавать дивиденды на вложенный въ предпріятіе капиталъ, то предпочтенія заслуживаетъ форма взаимнаго кредита. Эта форма заслуживаетъ предпочтенія еще и потому, что для правильной постановки сельско-хозяйственного кредита необходимо внимательное отношеніе къ нуждамъ и условіямъ хозяйства мелкихъ землевладѣльцевъ, что почти совершенно недоступно для акціонерныхъ банковъ, преслѣдующихъ, какъ всякое акціонерное предпріятіе, исключительно интересъ акціонеровъ.

Наконецъ, третье требованіе заключается въ томъ, чтобы кредитъ носилъ предметный характеръ, чтобы ссуды выдавались для опредѣленныхъ хозяйственныхъ затратъ, для улучшенія хозяйства, для покупки инвентаря, сѣмянъ, удобренья и другихъ производительныхъ цѣлей.

Учрежденія для сельско-хозяйственного кредита, удовлетворяющія всѣмъ этимъ требованіямъ, не должны, однако, ограничивать кругъ своей дѣтельности кредитными операціями; они должны принять на себя посредничество при продажѣ произведеній сельскаго хозяйства и покупкѣ необходимыхъ предметовъ, орудій, скота и проч. Посредничество въ лицѣ организованнаго кредитнаго учрежденія избавляетъ землевладѣльцевъ и крестьянъ отъ массы скупщиковъ и ведетъ къ такимъ же благотѣльнымъ послѣдствіямъ, какъ кредитъ для производительныхъ цѣлей.

Дѣйствующія у насъ учрежденія для мелкаго сельскаго кредита не удовлетворяютъ этимъ требованіямъ и не получили такого значенія для сельскаго населенія, какое они могли бы получить при надлежащей организациі. Недостатки нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ вамъ, конечно, достаточно знакомы. Всѣмъ извѣстно, что краткосрочность кредита (не свыше 12 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ отсрочкою), отсутствіе оцѣнки кредитоспособности членовъ товариществъ, выдача ссудъ безъ опредѣленнаго назначенія, отсутствіе надзора за употребленіемъ ссуды и контроля за дѣтельностью товариществъ, дороговизна кредита вслѣдствіе необходимости переписывать обязательства по займамъ, заключеннымъ для затратъ въ оккупающихся въ нѣсколько мѣсяцевъ, слабое развитіе, а во многихъ — полное отсутствіе залоговаго кредита, неправильная постановка вопроса о взысканіи просроченныхъ платежей и, наконецъ, слабое участіе интеллигенціи въ составѣ управленія,—все это не могло не привести къ тому, что ссудо-сберегательныя товарищества перестали увеличиваться въ числѣ и

и перестали пользоваться тѣмъ сочувствіемъ, которымъ они пользовались среди населенія, и тою поддержкой, которую имъ оказывали земства и государственный банкъ. Таковы недостатки ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Въ значительной степени они причастны и другимъ дѣйствующимъ у насъ учреждениямъ для мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита.

Есть, однако, страна, въ которой вышеуказанныя требованія въ значительной степени выполняются. Въ Германіи уже болѣе 40 лѣтъ учрежденія мелкаго кредита функционируютъ съ большимъ успѣхомъ; въ настоящее время они насчитываются тысячами. Въ виду этого, ознакомленіе съ организацией мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита въ Германіи имѣетъ для насъ огромное значеніе.

Въ Германіи имѣются два типа банковъ, обязанныхъ своимъ развитіемъ частной инициативѣ. Банки Шульце-Делича у насъ болѣе или менѣе извѣстны, такъ какъ по ихъ образцу организованы наши ссудо-сберегательныя товарищества. Банки этого типа приспособлены больше къ нуждамъ торговыхъ и ремесленныхъ классовъ, вообще городского населенія. Хотя среди участниковъ этихъ банковъ около трети принадлежитъ къ сельскимъ классамъ, все же условія кредита мало отвѣчаютъ нуждамъ сельскаго хозяйства; ознакомленіе съ ними не имѣетъ поэтому для насъ такого значенія, какъ ознакомленіе съ кассами, учрежденными по образцу, созданному Райффейзеномъ исключительно для крестьянскаго населенія.

Райффейзеновскія кассы вѣдаютъ исключительно сельско-хозяйственные интересы, — онѣ имѣютъ въ виду потребности и нужды деревни. Учрежденія Райффейзена построены на принципѣ строгой взаимности. Если крестьянину нужны деньги, то не имѣетъ смысла требовать, чтобы онъ, прежде всего, внесъ изъ собственныхъ средствъ пай для полученія права пользоваться кредитомъ. Поэтому, въ отличіе отъ шульце-деличскихъ банковъ и нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, Райффейзенъ не требуетъ пая отъ крестьянъ. Когда, вслѣдствіе запроса, сдѣланнаго Шульце въ 1876 г. въ рейхстагъ относительно законности регистраціи товариществъ безъ паеваго капитала, судьи отказались регистрировать райффейзеновскія кассы, Райффейзенъ послѣ долгой борьбы принужденъ былъ подчиниться, но установилъ такіе незначительные пай (въ 10 марокъ или около 4 руб. 50 копѣекъ), которые не могли измѣнить основнаго характера кассъ. По существу и послѣ изданія закона 1889 года въ кассахъ Райффейзена паевые взносы не имѣютъ никакого значенія. На пай не выплачивается никакого дивиденда; на нихъ насчитывается такой же процентъ, какой опредѣленъ по вкладамъ и займамъ. Наши ссудо-сберегательныя товарищества отказались желаніемъ давать высокій дивидендъ; отсюда и норма процентовъ по ссудамъ опредѣлялась часто слишкомъ высокая, кредитъ обходился слишкомъ дорого. Такой порядокъ долженъ быть признанъ тѣмъ болѣе ненормальнымъ, что въ дѣйствительности пай какъ въ нашихъ товариществахъ, такъ и въ банкахъ Шульце-Делича не вносился, а вычитывался изъ отчета членамъ кредита. Отсюда фактивный характеръ паеваго капитала.

Между тѣмъ, задача сельскихъ кассъ должна заключаться въ томъ, чтобы по возможности приблизить процентъ по ссудѣ къ тому проценту, который приходится платить за деньги. Нельзя также не указать и на то, что паевой капиталъ, накопленіе котораго въ высшей степени обременительно для крестьянъ, весьма мало увеличиваетъ кредитоспособность кассъ. Въ сравненіи съ имуществомъ крестьянъ пай представляетъ слишкомъ незначительную величину, чтобы усиливать гарантію въ глазахъ кредиторовъ. Во-вторыхъ, Райффейзенъ исходилъ изъ того, что если землевладельцы дѣйствительно желаютъ содѣйствовать благосостоянію крестьянскаго населенія, всегда найдутся люди, которые согласятся отдать свой досугъ на служеніе общему дѣлу. Онъ поставилъ поэтому основнымъ принципомъ бесплатное управленіе. Въ сельскихъ кассахъ Райффейзена только бухгалтеръ получаетъ жалованье, весь же остальной составъ правленія избирается изъ мѣстныхъ священниковъ, сельскихъ учителей, врачей, мѣстныхъ землевладельцевъ. Привлеченіе къ дѣлу сельскаго кредита лучшихъ силъ деревни гарантируетъ правильное веденіе дѣла; въ этихъ кассахъ почти не бываетъ случаевъ злоупотребленія довѣріемъ, кассы не пускаются въ рискованныя дѣла. Такъ какъ банки ограничиваются самыми простыми операціями, то достаточно добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, чтобы банки процвѣтали; въ штатѣ вышколенныхъ чиновниковъ, специалистовъ въ банковомъ дѣлѣ, не представляется нужды. Признавая, что наше сельское населеніе представляетъ благопріятную среду для устройства кредитныхъ учреждений, основанныхъ на началахъ взаимности, комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаетъ, что дѣятельность ихъ особенно успѣшна въ тѣхъ случаяхъ, когда руководителями ихъ являются образованные люди. Отсутствіе распорядителей, понимающихъ основанія начала товарищества, неумѣнье вести дѣло привели, по утвержденію комитета, къ тому, что 124 товарищества вынуждены были прекратить свои дѣйствія. Въ-третьихъ, кредитъ въ сельскихъ кассахъ носитъ предметный характеръ. Крестьянину открывается кредитъ для покупки скота, удобренія, сѣмянъ, орудій и т. д. Райффейзенъ не признаетъ за членами товариществъ права на кредитъ, какое имѣется въ нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ; участіе въ кассѣ само по себѣ не даетъ еще права требовать кредита. Если цѣль, для которой испрашивается ссуда, не будетъ признана заслуживающею уваженія, въ ссудѣ можетъ быть отказано, хотя возвратъ ссуды вслѣдствіе зажиточности испрашивающаго ее лица считается вполне обезпеченнымъ. Обезпеченіе должно заключаться въ той затратѣ, которая производится на занятые деньги; поэтому производительность затраты и нравственность заемщика имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ его зажиточность. Въ связи съ этимъ банки предоставляютъ себѣ право надзора за правильнымъ употребленіемъ ссуды и требуютъ ея возврата до истеченія срока, если заемщикъ не выполнитъ обязательства, выданнаго банку при полученіи ссуды. Кредитъ при такихъ условіяхъ весьма естественно носить по возможности меліоративный

ракторъ. При близкомъ знакомствѣ съ хозяйствомъ всѣхъ членовъ кассы, съ ихъ личными качествами, правленіе имѣетъ возможность слѣдить за правильнымъ употребленіемъ ссуды и за всѣми измѣненіями въ кредитоспособности заемщиковъ. Открытые кассою кредиты подвергаются пересмотру, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ. Вслѣдствіе такой организаціи, сельскія кассы по особому признанію не мало содѣйствовали подъему благосостоянія крестьянскаго населенія. «Нашъ сто человекъ и всѣ мы слѣдимъ другъ за другомъ, — сказалъ Волленборгу одинъ крестьянинъ, — поэтому невозможно, чтобы кто-нибудь изъ насъ не выполнилъ своей обязанности». Въ-четвертыхъ, банки этого типа открываютъ кредитъ на болѣе продолжительные сроки. Съ краткосрочнымъ кредитомъ крестьянинъ во многихъ случаяхъ ничего подѣлать не можетъ; для него нуженъ часто болѣе долгосрочный кредитъ. Для сельско-хозяйственнаго оборота необходимъ срокъ, который нельзя измѣрить нѣсколькими мѣсяцами, особенно если на занятые деньги приобрѣтается инвентарь или дѣлаются меліораціи. Наши ссудосберегательныя товарищества организовали краткосрочный кредитъ, не свыше девяти мѣсяцевъ, и допускаютъ одну отсрочку въ три мѣсяца; фактически кредитъ этотъ, однако, обращается часто въ долгосрочный посредствомъ переписыванія обязательствъ. Кромѣ краткосрочнаго кредита, ограниченнаго нѣсколькими мѣсяцами, въ кассахъ Райффейзена существуютъ и долгосрочныя ссуды, на сроки до 10 лѣтъ и болѣе этого срока. Когда крестьянину нужно купить орудіе, скотъ, построить домъ, то затрата эта не можетъ окунуться сразу въ одинъ годъ, а должна уплачиваться частями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Если кассы Райффейзена открываютъ долгосрочный кредитъ, то возникаетъ вопросъ о соотвѣтствіи между активными и пассивными операціями кассъ, вопросъ о средствахъ, которыми располагаютъ кассы для кредита. Для долгосрочнаго кредита необходимо располагать капиталами на болѣе или менѣе продолжительные сроки: кассы должны обладать вкладами, помѣщенными на сроки, соотвѣтствующіе срокамъ ссудъ. Если же банкъ располагаетъ капиталами, которые могутъ быть истребованы черезъ короткій промежутокъ, онъ не можетъ выдавать этихъ денегъ въ ссуду на продолжительные сроки. Таковъ общепринятый взглядъ, который слѣдуетъ признать не только теоретически важнымъ, но и вполне примѣнимымъ къ ипотечнымъ банкамъ, особенно крупнымъ. И дѣйствительно, на практикѣ мы видимъ, что земельные банки, выдавая ссуды на долгій срокъ, вынуждены выпускать закладные листы, которые погашаются въ сроки, соотвѣтствующіе срокамъ ссудъ. При выпускѣ закладныхъ листовъ земельные банки совершенно свободно могутъ выдавать ссуды на нѣсколько десятковъ лѣтъ, потому что владѣлецъ закладнаго листа имѣетъ право на полученіе процентовъ по купонамъ и на медленное, частичное погашеніе листовъ; онъ не имѣетъ права сразу потребовать возврата всего капитала и тѣмъ вынудить землевладѣльца къ досрочному погашенію долга. Совсѣмъ иначе было бы поставлено дѣло, если бы земельные банки выдавали ссуды не посредствомъ выпуска закладныхъ листовъ или

облигацій, т.-е. не на счет капиталовъ, которые поступаютъ въ ихъ распоряженіе на долгіе сроки, а на счетъ краткосрочныхъ вкладовъ. Тогда, въ случаѣ внезапнаго требованія вкладовъ, банки были бы поставлены въ крайне затруднительное положеніе.

У насъ имѣется, однако, богатый опытъ, доказывающій, что теоретически вѣрное положеніе, заключающееся въ томъ, что банки могутъ раздавать деньги на такіе же сроки, на которые они сами ихъ получаютъ, на практикѣ подвергается модификаціямъ. Весьма нагляднымъ примѣромъ служатъ шотландскіе банки. Какъ извѣстно, банки въ Шотландіи получаютъ свои средства преимущественно отъ вкладовъ; съ начала вѣка эти благотѣльные учрежденія, не мало содѣйствовавшія подъему сельскаго хозяйства въ Шотландіи, открывали и меліоративный кредитъ и не останавливались передъ тѣмъ, чтобы выдавать ссуды на нѣсколько лѣтъ. Однако, при правильномъ веденіи дѣла банки не испытывали никакихъ неудобствъ, потому что производительное употребленіе капиталовъ фермерами укрѣпляло довѣріе къ банкамъ въ публикѣ, ввѣрившей имъ свои вклады. Довѣріе это настолько велико, что массоваго отлива вкладовъ въ дѣйствительности не было. То же замѣчается и въ Германіи, и въ Австріи. Сберегательныя кассы въ этихъ странахъ помѣщаютъ значительную часть своихъ капиталовъ въ ипотекахъ. Ссуды, выданныя сберегательными кассами подъ залогъ земли или дома, никакъ не могутъ быть возвращены въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; капиталы эти помѣщены прочно, а, между тѣмъ, источникомъ, изъ котораго открывается такой кредитъ, служатъ краткосрочные вклады. Казалось бы, что въ одно прекрасное утро можетъ явиться публика и потребовать возврата вкладовъ, и сберегательная касса, которая въ этихъ странахъ не носитъ характера правительственнаго учрежденія, окажется несостоятельной, но этого не было даже въ самые тревожные періоды, во время войнъ. То же примѣнимо къ провинціальнымъ банкамъ и государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ въ Германіи, выдающимъ долгосрочныя ссуды подъ залогъ земель и домовъ безъ выпуска процентныхъ бумагъ. Все это даетъ право придти къ заключенію, что въ дѣйствительности при правильномъ веденіи дѣла долгосрочный кредитъ въ извѣстныхъ размѣрахъ, притомъ, не на очень продолжительные сроки, не представляетъ никакой опасности, особенно если вклады принадлежатъ мѣстнымъ жителямъ, имѣющимъ возможность слѣдить за употребленіемъ ссудъ. Опасеніе, что кредитное учрежденіе не въ состояніи будетъ возвратить капиталовъ вкладчикамъ, не оправдалось и на практикѣ райффейзеновскихъ кассъ.

Мелкое кредитное учрежденіе, находящееся въ деревнѣ, можетъ, конечно, отъ времени до времени ощущать потребность въ деньгахъ, но стѣнитъ объединить ихъ въ центральныя банки, въ союзы, обладающіе большими ресурсами, чтобы создать прочный базисъ для самой маленькой сельской кассы. Въ случаѣ большаго требованія вкладовъ, касса обращается въ центральный банкъ. Вся страна постепенно покрывается сѣтью мелкихъ кредитныхъ учреждений, имѣющихъ возможность пользоваться всѣми преимущест-

крупныхъ центральныхъ банковъ. Въ городѣ учетный процентъ въ Германіи не превышаетъ 3—4 въ годъ, въ деревнѣ нельзя найти денегъ дешевле $1\frac{1}{2}$ —2% въ мѣсяцъ. Съ появленіемъ сельскихъ кассъ крестьяне могутъ пользоваться всѣми благодѣяніями дешеваго кредита; послѣдній обходится вдвое, вчетверо дешевле, чѣмъ обходился прежде.

Тѣсная связь между отдѣльными сельскими кассами, объединеніе ихъ въ мѣстные центральные банки, дальнѣйшее объединеніе этихъ банковъ въ крупные банки и союзы, организованная защита крестьянскихъ интересовъ въ лицѣ постоянного органа — представительства кассъ, — все это содѣйствуетъ тому, что сельскія кассы выполняютъ для крестьянъ болѣе широкія функціи, чѣмъ тѣ, которыя присвоены обыкновенно банкамъ. Райффейзенъ исходилъ изъ того взгляда, что объединеніе кассъ и защита интересовъ крестьянъ должны создать для нихъ то, чего они лишались съ развитіемъ индивидуалистическихъ тенденцій и съ ослабленіемъ общинныхъ связей подъ влияніемъ все болѣе и болѣе усиливающагося капитализма.

Пятая характерная черта разсматриваемыхъ нами кассъ заключается въ томъ, что онѣ не ограничиваются кредитными операціями, а организовали посредничество при покупкѣ и продажѣ продуктовъ. Къ какимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ приводитъ такое посредничество, показываетъ, между прочимъ, неурожай кормовыхъ травъ въ Германіи, который привелъ къ сильному подъему цѣнъ весною 1893 г. Сельскія кассы сдѣлали очень много для крестьянъ, онѣ предупредили панику; онѣ приняли на себя покупку корма для скота, съ одной стороны, и сбытъ скота — съ другой стороны. Посредничество кредитныхъ учреждений является прекраснымъ орудіемъ для борьбы съ ростовщичествомъ. Покупка скота при посредствѣ кассъ содѣйствовала ослабленію кабалы, въ которой находились крестьяне у мѣстныхъ ростовщиковъ (Vichwucher); посредничество при продажѣ хлѣба регулируетъ цѣны и предупреждаетъ пониженіе цѣнъ, производимое обыкновенно деревенскими скупщиками; посредничество при покупкѣ сѣмянъ и удобренья гарантируетъ доброкачественность этихъ продуктовъ и т. д. Но посредничество, какъ бы ни было оно само по себѣ плодотворно, доступно бѣднѣйшимъ слоямъ сельскаго населенія только тогда, когда оно связано съ кредитомъ. Французскіе сельско-хозяйственные синдикаты, обороты которыхъ теперь насчитываются сотнями милліоновъ, прекрасно доказываютъ, что безъ кредита синдикаты почти недоступны именно тѣмъ классамъ, которые всего болѣе нуждаются въ организованной защитѣ. Французскіе синдикаты ограничиваются посредничествомъ, они организованы безъ кредита; въ Германіи же, напротивъ, посредничество сельскихъ кассъ неразрывно связано съ кредитомъ. Чтобы расширить функціи французскихъ синдикатовъ, въ концѣ прошлаго года изданъ законъ, предусматривающій переходъ синдикатовъ въ сельско-хозяйственные банки.

Къ числу особенностей райффейзеновскихъ кассъ относится также полная ответственность членовъ, круговая порука участниковъ. Для образованія общества не нужно предварительнаго взноса паевъ, составленія скла-

дочного капитала; круговая порука восполняет капиталъ. Произведенное нѣкоторыми изслѣдователями сравненіе имущества членовъ кассы, служащаго обезпеченіемъ ея обязательствъ, съ присоединеніемъ пая къ этимъ же имуществамъ, но безъ пая, показываетъ, какое небольшое значеніе имѣютъ паевые взносы для упроченія довѣрія къ кассамъ со стороны капиталистовъ. Между тѣмъ, требованіе пая ставить многихъ въ затруднительное положеніе. Операциі сельскихъ кассъ производятся не на деньги, внесенныя участниками въ видѣ паевъ, а на деньги, внесенныя въ видѣ вкладовъ или занятыя кассами. Кредиторами кассъ являются по возможности мѣстные жители, часто члены кассъ. Близкое знакомство съ участниками, увѣренность въ томъ, что деньги получаютъ производительное назначеніе, что управленіе строго слѣдитъ за своими кліентами, — все это приводитъ къ тому, что кассы имѣютъ всегда достаточно средствъ и не испытываютъ массоваго отлива вкладовъ. Чтобы упрочить положеніе кассъ и внушить къ нимъ довѣріе со стороны зажиточныхъ лицъ, Райффейзенъ установилъ постоянный правильный надзоръ за кассами; съ этою цѣлью особые ревизоры періодически производятъ повѣрку дѣлопроизводства кассъ и даютъ указанія относительно веденія счетоводства и отчетности. Для контроля за кассами существуютъ особые союзы (Revisionsverbände), не мало содѣйствовавшіе упроченію кассъ. Законъ 1889 г. сдѣлалъ такой контроль обязательнымъ.

Сельскія кассы и товарищества никогда не испытывали нужды въ деньгахъ; напротивъ, часто имъ приходилось страдать отъ избытка денегъ, которыя не могутъ получить помѣщенія. Нерѣдки случаи, когда кассамъ приходится понижать процентъ по вкладамъ, чтобы предупредить излишній притокъ капиталовъ. Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида, что въ Германіи, благодаря децентрализациі сберегательныхъ кассъ, имѣются въ достаточномъ количествѣ капиталы, ищущіе помѣщенія. Сберегательныя кассы охотно открываютъ кредитъ сельскимъ кассамъ и оказываютъ имъ могущественную поддержку именно тогда, когда онѣ въ этомъ нуждаются. Съ другой стороны, райффейзеновскія товарищества сами выполняютъ функціи сберегательныхъ кассъ и принимаютъ самые маленькіе взносы. Во многихъ случаяхъ наплывъ денегъ такъ великъ, что приходится устанавливать всякаго рода ограниченія въ приѣмѣ вкладовъ.

У насъ капиталы, стекающіеся въ сберегательныя кассы, получаютъ, какъ извѣстно, другое назначеніе. Они не остаются на мѣстѣ, а переводятся въ государственный банкъ и поступаютъ цѣликомъ на покупку государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ бумагъ, конечно, кромѣ той части, которая необходима для безпрепятственной выдачи вкладовъ. Капиталы сберегательныхъ кассъ служатъ, такимъ образомъ, исключительно для поддержанія государственнаго кредита. Несмотря на то, что, на шимъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, какъ видно изъ 19 отчета комитета, удалось, все-таки, привлечь 12¼ милл. руб. въ вклады и займовъ. Если при всѣхъ недостаткахъ дѣйствующихъ у насъ

ссудо-сберегательныхъ товариществъ имѣ, все-таки, удастся привлечь вклады, то можно думать, что при правильной организаціи учрежденія для мелкаго сельскаго кредита не будутъ у насъ испытывать нужды въ деньгахъ, что имѣ удастся привлечь часть тѣхъ огромныхъ капиталовъ, которые теперь поступаютъ въ государственныя сберегательныя и почтово-телеграфныя сберегательныя кассы.

Чтобы закончить характеристику райффейзеновскихъ кассъ, остается указать еще на то, что районъ дѣйствія каждой кассы крайне ограниченъ. Это дѣлается для того, чтобъ участники кассы близко знали другъ друга и могли съ точностью опредѣлить кредитоспособность и нравственныя качества лицъ, пользующихся кредитомъ въ кассѣ.

Благодаря организаціи, основныя черты которой только что намѣчены, Райффейзену удалось привлечь къ дѣлу сельскаго кредита лучшія силы деревни, создать изъ сельской кассы общепользное учрежденіе, не только открывающее крестьянину дешевый кредитъ и избавляющее его отъ ростовщичества, но помогающее ему въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, дающее ему совѣтъ въ спорномъ дѣлѣ, приучающее его къ бережливости, къ болѣе рациональному веденію хозяйства. Благодаря связи сельскихъ кассъ съ общеобразовательными учрежденіями, для крестьянъ съ открытіемъ кассы открывается совершенно новое поле. Райффейзенъ дѣйствительно смотритъ на свое дѣтище, какъ на средство для перевоспитанія крестьянскаго населенія. Если принять во вниманіе, что кассы во многихъ случаяхъ связаны съ благотворительными учрежденіями и другими обществами взаимопомощи, какъ-то: съ потребительными союзами, съ товариществами для сбыта молочныхъ продуктовъ, для покупки орудій, съ обществами страхованія скота, что во многихъ случаяхъ при кассахъ устроены агентства различныхъ предпріятій, благодаря чему крестьяне могутъ дешевле приобретать многія произведенія, что представители кассъ, въ то же время, являются разсадниками свѣта въ деревнѣ, что, благодаря многочисленнымъ періодическимъ изданіямъ, брошюрамъ, календарямъ, цѣлой литературѣ, посвященной организаціи сельскаго кредита, періодическимъ съѣздамъ и конгрессамъ представителей отдѣльныхъ кассъ, выясняются самые разнообразные вопросы крестьянскаго обихода, нельзя будетъ не признать, что созданный Райффейзеномъ типъ учрежденія мелкаго сельскаго кредита заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія и подражанія. Въ борьбѣ съ ростовщичествомъ кассы оказались гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ, чѣмъ законы, преслѣдующіе ростовщическія сдѣлки. Не могу не привести здѣсь отзыва

ьма компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, д-ра Лелля, не мало порабо-
шаго для распространенія сельскихъ кассъ. «Смѣю васъ увѣрить,—говоритъ онъ,—что сельская касса гораздо больше сдѣлала для подъема нрав-
ственного уровня моего прихода, чѣмъ всѣ мои проповѣди».

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что Германія—культурная страна, гдѣ крестьянское населеніе грамотно, издавна принимаетъ участіе въ политической жизни страны, въ союзахъ, товариществахъ, преслѣдующихъ культурныя

цѣли, что такое опасное орудіе, какъ кредитъ, можно дать только въ руки страны культурной, какою является Германія. Отчасти это вѣрно; при высокомъ политическомъ и общественномъ развитіи крестьянъ легче организовать кредитъ. Но есть страна, въ которой крестьянское населеніе едва ли многимъ отличается въ культурномъ отношеніи отъ нашего и въ которой, тѣмъ не менѣе, сельскій кредитъ получилъ уже развитіе, — это Италія. Прекрасная Италія имѣетъ нищенское сельское населеніе, которое можно сравнить только съ населеніемъ Ирландіи. Несмотря, однако, на это, въ Италіи сельскій кредитъ сталъ развиваться столь же успѣшно, какъ въ Германіи. Въ Италіи теперь начинаютъ развиваться учрежденія мелкаго кредита такого же типа, какъ райффейзеновскія. Благодаря дѣятельности Волленборга, сельскія кассы привились очень хорошо, ихъ обороты съ каждымъ годомъ увеличиваются, и нѣтъ основанія думать, чтобы этотъ опытъ былъ неудаченъ. Примѣръ Италіи показываетъ, что могутъ сдѣлать частныя лица.

У насъ, безъ сомнѣнія, найдется не мало лицъ, которые не останутся передъ помощью населенію, передъ затратою нѣкоторой суммы денегъ. Но для успѣшнаго развитія кредита нужны не столько деньги, сколько систематическая, постоянная работа. Какъ я уже указалъ, возникшія у насъ ссудо-сберегательныя товарищества, организованныя по образцу народныхъ банковъ Шульце-Делича, слишкомъ мало отвѣчаютъ нуждамъ сельскаго населенія. Какъ часто случается, особенно у насъ, за періодомъ увлеченія наступила реакція; земства, содѣйствовавшія прежде учрежденію товариществъ, съ теченіемъ времени перестали удѣлять имъ вниманіе и дѣло народнаго кредита было предоставлено собственному теченію. Какъ только выяснилось, что ссудо-сберегательныя товарищества не отвѣчаютъ возложеннымъ на нихъ надеждамъ, у насъ вопросъ о сельскомъ кредитѣ былъ заброшенъ. Въ 1876 г. земства выдали товариществамъ въ ссуду 347,432 руб., въ 1893 г. займы товариществъ понизились до 69,815 руб.; государственный банкъ въ 1885 году открылъ товариществамъ кредитъ въ 1½ милліона рублей, къ 1894 году кредитъ уменьшенъ до 743,600 рублей. Между тѣмъ, въ Германіи параллельно съ народными банками Шульце-Делича, которые одни только и были у насъ извѣстны, возникла другая организація, заслуживающая тѣмъ большаго вниманія, что она приспособлена исключительно для крестьянскаго населенія. Если систематически взяться за организацію мелкаго селско-хозяйственнаго кредита, мы сумѣли бы правильно вести это дѣло и достигли бы большихъ результатовъ. Тутъ не требуется затраты большихъ капиталовъ, а необходима энергія. Для человѣка, знающаго свою деревню, не требуется даже много тѣда, чтобы вести дѣло. Сельскіе учителя, врачи, земскіе страховые агенты, священники — это контингентъ, которымъ можно воспользоваться для кредитныхъ учрежденій. При содѣйствіи земства эти лица могутъ сплотиться и создать цѣлую сеть мелкихъ кредитныхъ учрежденій. Что касается операцій, которыя могли бы быть выполняемы этими кассами, то мы и въ этомъ вопросу найдемъ интересныя указанія въ Германіи. Сельскія кассы

носятся въ Германіи часто спеціальный характеръ и выполняютъ преимущественно одну наиболѣе важную для крестьянъ операцію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ скотъ играетъ большую роль, существуютъ спеціальныя банки для покупки скота; есть банки преимущественно для продажи хлѣба. Дѣятельность тѣхъ и другихъ привела къ плодотворнымъ результатамъ. Существуетъ также не мало банковъ, устроенныхъ не самими крестьянами, а лицами, задавшимися цѣлью поднять благосостояніе крестьянъ. Назову, напримѣръ, сельско-хозяйственный банкъ въ Трирѣ, задавшійся цѣлью содѣйствовать крестьянамъ Трирскаго округа при покупкѣ скота и продажѣ хлѣба для борьбы съ ростовщиками.

Чтобы показать, какъ сильно распространены учрежденія для мелкаго кредита, мнѣ достаточно привести нѣкоторые данныя. По послѣднему отчету всеобщаго союза германскихъ промышленныхъ и экономическихъ товариществъ, къ 31 мая 1894 года въ Германіи насчитывали 9,934 общества взаимопомощи, изъ нихъ 5,489 кредитныхъ товариществъ, 3,005 товариществъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ, 1,339 потребительныхъ союзовъ и 101 строительныхъ товариществъ. Въ теченіе одного послѣдняго года число кредитныхъ товариществъ увеличилось на 698, т.-е. увеличеніе за одинъ годъ почти равно всему количеству дѣйствующихъ у насъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Отдѣльныя товарищества объединены въ союзы, изъ которыхъ нѣкоторые объединяютъ сотни и даже тысячи отдѣльныхъ товариществъ. Такъ, всеобщій союзъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ Германской имперіи, нѣсколько отступающій отъ принциповъ Райффейзена, объединяетъ 15 центральныхъ мѣстныхъ товариществъ, 603 кредитныхъ товарищества, 732 сельско-хозяйственныхъ потребительныхъ союза, 576 товариществъ для сбыта молочныхъ продуктовъ и 34 другихъ товарищества, всего около двухъ тысячъ отдѣльныхъ товариществъ и союзовъ. Наибольшее число сельскихъ кассъ по системѣ Райффейзена примыкаетъ къ центральному союзу въ Нейвидѣ. Одинъ этотъ центральный союзъ объединяетъ 1,199 сельскихъ кассъ, 19 товариществъ для сбыта молочныхъ продуктовъ, 13 союзовъ винодѣловъ; онъ имѣетъ и свой центральный банкъ. Такой же банкъ въ Мюнстерѣ организованъ для 226 сельскихъ кассъ провинціи Вестфалии. Я не буду утруждать вашего вниманія дальнѣйшимъ перечисленіемъ центральныхъ союзовъ и связанныхъ съ ними центральныхъ учреждений. Вы легко можете убѣдиться, что въ Германіи сельскія кассы не стоятъ порознь одна отъ другой, а объединены цѣлымъ рядомъ общихъ центральныхъ учреждений, находятъ поддержку въ болѣе прочныхъ, обладающихъ большими средствами банкахъ и находятся въ самой тѣсной связи съ потребительными товариществами, союзами для сбыта молочныхъ продуктовъ, обществами страхованія скота, союзами винодѣловъ, товариществами для покупки орудій и проч.

Въ Германіи, подобныя банки существуютъ теперь въ Италіи, Австріи и Швейцаріи; нѣкоторыя попытки возникаютъ и въ Франціи и даже въ Англіи.

Познакомивъ въ общихъ чертахъ съ сельскими кассами райффейзеновскаго типа, я позволю себѣ въ заключеніе перейти къ тѣмъ попыткамъ организациі мелкаго кредита, которыя возникли у насъ въ послѣднее время. Проектъ, выработанный министерствомъ финансовъ, въ общихъ чертахъ напоминаетъ проектъ реорганизациі ссудо-сберегательныхъ товариществъ, предложенный с.-петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Министерскій проектъ исходитъ изъ того воззрѣнія, что безъ прямой поддержки со стороны правительства, безъ государственнаго кредита, нельзя рассчитывать на развитіе учреждений для мелкаго кредита, что при существующемъ порядкѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ вынуждены требовать отъ нуждающихся въ кредитѣ членовъ предварительнаго взноса паевъ, что не можетъ во многихъ случаяхъ не препятствовать возникновенію учреждений для мелкаго кредита. Для образованія первоначальнаго капитала предполагается ассигновать изъ средствъ государственнаго банка сумму, которая могла бы замѣнить паевые взносы участниковъ, съ тѣмъ, однако, чтобы участники отвѣтствовали за эту сумму, равно какъ и по другимъ обязательствамъ, на началахъ круговой поруки, какъ это имѣетъ мѣсто въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Новый уставъ государственнаго банка, поставившій своею задачей сдѣлать кредитъ доступнымъ не только торговцамъ, промышленникамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, но и крестьянскому населенію, ремесленникамъ и кустарямъ, предусматривающій учрежденіе многочисленныхъ агентуръ и выдачу ссудъ черезъ посредниковъ, можетъ выполнить эти функціи только при существованіи товариществъ заинтересованныхъ лицъ или группъ населенія. Сношенія съ отдѣльными крестьянами, кустарями или ремесленниками при незначительности суммъ въ высшей степени затруднительны. Если же между государственнымъ банкомъ и отдѣльными заемщиками находится организованное товарищество и банкъ имѣетъ дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а съ товариществами, тогда ему не трудно создать кредитъ для мелкаго люда. Выдача ссудъ на первоначальное устройство товариществъ возлагаетъ на банкъ обязанность организовать постоянный контроль за дѣятельностью товариществъ. Такимъ образомъ, *заемный основной капиталъ, правительственный надзоръ и отсутствіе обязательныхъ паевыхъ взносовъ* являются отличительными чертами вновь проектируемыхъ кредитныхъ товариществъ, отдѣляющими ихъ отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, проектируемыхъ с.-петербургскимъ комитетомъ.

Я позволю себѣ въ краткихъ чертахъ ознакомить съ проектомъ министерства финансовъ не только потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ проектомъ, имѣющимъ всѣ шансы на существованіе въ близкомъ будущемъ, но и потому, что онъ удовлетворяетъ во многихъ отношеніяхъ требованіямъ правильной организациі мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита. По проекту, товарищество учреждается на капиталъ, ссуженный государственнымъ банкомъ или земскими, общественными и другими учреждениями подъ круговое ручательство участниковъ товарищества; ссуда та

впослѣдствіи возмѣщается изъ прибылей товарищества. Къ ссуженному капиталу можетъ быть присоединенъ и капиталъ пожертвованный.

Товарищество можетъ приобрѣтать въ собственность или нанимать недвижимыя имущества, необходимыя для помѣщенія своего управленія и для устройства складовъ для храненія принимаемыхъ въ закладъ предметовъ, искать и отвѣчать на судѣ; оно можетъ также принимать пожертвованія и отчислять изъ прибылей сумму для выдачи пособій своимъ членамъ и ихъ семействамъ при несчастныхъ случаяхъ и на другія общепользныя цѣли. Что касается операций, производимыхъ товариществами, то онѣ заключаются въ приемѣ вкладовъ, заключеніи займовъ, выдачѣ ссудъ членамъ и въ посредничествѣ по покупкѣ предметовъ, необходимыхъ для членовъ товарищества, и по продажѣ произведеній ихъ труда. Въ члены товарищества принимаются, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, также товарищества и артели, дѣйствующія на основаніи утвержденныхъ уставовъ и правилъ или на основаніи письменныхъ договоровъ, сельскія общества и селенія, получившія надѣлы по особому документу, общественныя, земскія и другія учрежденія и т. п.

Для полученія средствъ, необходимыхъ для оборотовъ, сверхъ первоначальнаго капитала, товариществу разрѣшается приемъ вкладовъ и заключеніе займовъ; общая сумма ихъ не должна превышать болѣе чѣмъ въ пять разъ принадлежащихъ товариществу капиталовъ. Товарищество выдаетъ ссуды только своимъ членамъ; размѣръ ссудъ опредѣляется совѣтомъ по соображенію съ личными качествами и платежною способностью заемщика. Размѣръ открываемаго членамъ кредита пересматривается, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, а въ случаѣ неблагопріятныхъ свѣдѣній, открытый заемщику кредитъ можетъ быть закрытъ или сокращенъ до общаго пересмотра кредитовъ. Кромѣ чисто-личнаго кредита, товарищества выдаютъ ссуды, обезпеченныя поручительствомъ или залогами; въ послѣднемъ случаѣ ссуды не превышаютъ половины стоимости залоговъ по оцѣнкѣ правленія. Размѣръ ссуды по личному кредиту не можетъ быть болѣе 100 руб., а вмѣстѣ съ залоговымъ кредитомъ—не свыше 300 руб.; для сельскихъ обществъ или отдѣльныхъ селеній, товариществъ, артелей и другихъ учрежденій норма кредита можетъ быть увеличена до 500 руб. Въ обезпеченіе по ссудамъ принимаются государственныя и правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, продукты и орудія производства и разнаго рода движимое имущество, какъ принадлежащее заемщику во время выдачи ссуды, такъ и приобрѣтаемое имъ на выданную ссуду подъ надзоромъ вленій, и недвижимое имущество, принадлежащее заемщику на правѣ чуждой собственности.

Что касается срока ссудъ, то проектъ допускаетъ, кромѣ краткосрочныхъ ссудъ, выдаваемыхъ на сроки не свыше одного года, и долгосрочныя ссуды на сроки до пяти лѣтъ. Послѣднія погашаются частями.

Долгосрочныя ссуды выдаются только на хозяйственныя потребности и условіемъ употребленія ссуды по назначенію, которое опредѣляется

при самой выдачѣ ссуды, причѣмъ совѣтъ входитъ въ разсмотрѣніе, насколько предпріятіе или предметъ, на которое берется ссуда, обезпечиваютъ возвратъ ея. Въ случаѣ же употребленія заемщикомъ ссуды не по назначенію, правленію предоставляется право пріостановить дальнѣйшую выдачу ссуды и требовать отъ заемщика возврата выданныхъ денегъ. Государственному банку предоставляется устанавливать предѣльный размѣръ процента, выше котораго товарищество не можетъ взимать по ссудамъ. Посредническія операціи производятся по порученію членовъ товарищества или на наличныя деньги, вносимыя членомъ при дачѣ порученія, или же на разрѣшенную ему ссуду.

Проектъ предусматриваетъ образованіе собственныхъ капиталовъ товарищества, а именно запаснаго и основнаго. Первый составляется посредствомъ отчисленія изъ чистыхъ прибылей не менѣе десяти процентовъ, изъ процентовъ на процентныя бумаги запаснаго капитала и изъ пеней; онъ служитъ только для пополненія убытковъ и принадлежитъ всему товариществу до прекращенія его дѣйствій, но ни въ какомъ случаѣ капиталъ этотъ не можетъ подлежать раздѣлу между членами товарищества. Основной капиталъ товарищества появляется лишь по уплатѣ государственному банку его ссуды.

Остается еще указать, что, кромѣ правленія, совѣта и общаго собранія членовъ, т.-е. органовъ, существующихъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, въ кредитныхъ товариществахъ для постоянного контроля существуютъ еще особые инспектора изъ чиновъ государственнаго банка. Проектъ обратилъ также вниманіе на вопросъ о взысканіи просроченныхъ ссудъ. Такія ссуды могутъ быть взыскиваемы въ судебномъ порядкѣ или черезъ полицію и волостное правленіе съ движимаго имущества заемщика. Волостное правленіе и полиція обязаны приступить къ описи имущества неисправнаго заемщика или къ другимъ мѣрамъ взысканія не позже семи дней по полученіи заявленія товарищества. Если же взысканіе обращено на недвижимое имущество, оно производится судебнымъ порядкомъ. Собственно говоря, такой упрощенный порядокъ взысканія существуетъ уже и въ уставахъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, но, въ виду частыхъ случаевъ отказа со стороны полиціи и волостныхъ правленій приступить къ взысканію по долгамъ товариществъ безъ судебного постановленія, точное опредѣленіе порядка взысканія въ новомъ законѣ представляется вполне умѣстнымъ. По признанію комитета, изслѣдовавшаго причины прекращенія дѣятельности товариществъ, «20% принуждены были прекратить свои дѣйствія вслѣдствіе неуплаты членами взятыхъ ими изъ товарищества ссудъ или, вѣрнѣе, въ отсутствіи мѣръ, находящихся въ распоряженіи правленія для исполненія уставовъ относительно взысканія просроченныхъ ссудъ».

Такъ какъ въ проектируемыхъ кредитныхъ товариществахъ нѣтъ своего капитала, то отпадаетъ необходимость выколачивать большой процентъ; товарищества не должны стремиться къ увеличенію прибы-

это имѣло мѣсто въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Операциі должны доставлять не болѣе того, что необходимо для уплаты процентовъ государственному банку и частнымъ лицамъ по вкладамъ. Вмѣсто того, чтобы распределять чистую прибыль между членами товарищества, здѣсь она будетъ поступать на постепенное образованіе постоянного собственнаго капитала, аналогичнаго тому, что въ райффейзеновскихъ кассахъ носить названіе недѣлимаго фонда. Черезъ нѣсколько лѣтъ занятая въ государственномъ банкѣ на первоначальное устройство сумма будетъ возвращена; вмѣсто нея, товарищество успѣетъ образовать капиталъ, за который никому не придется платить процентовъ и кредитъ будетъ обходиться гораздо дешевле. Когда товарищества будутъ обладать капиталомъ, который имъ ничего не стоитъ, они не только избавятся отъ зависимости, но и приобретутъ прочный базисъ для дальнѣйшаго развитія. Ссудо-сберегательныя кассы распредѣляли между своими членами болѣе семи милліоновъ рублей; еслибы эта сумма не была распредѣлена, а оставалась въ распоряженіи товариществъ, имъ удалось бы накопить собственный основной капиталъ и не приходилось бы искать денегъ на сторонѣ и выплачивать за нихъ подчасъ довольно высокіе проценты.

Какъ быстро развиваются учрежденія для мелкаго кредита, всего лучше показываетъ примѣръ гминныхъ кассъ Царства Польскаго. Изъ капитала на общественныя надобности, принадлежавшаго земскому кредитному обществу, было ассигновано въ 1868 году на устройство 85 кассъ 65,000 р., потомъ въ 1870 г. было на 105,000 р. открыто еще 107 кассъ и въ 1879 году — 47 кассъ на 30,000 рублей, всего 302 кассы на 200,000 рублей. При открытіи кассъ было установлено, что по мѣрѣ накопленія изъ прибылей капитала, равнаго правительственному, капиталъ этотъ передается въ другую гмину для основанія новой кассы. Такимъ путемъ на прибыли, полученныя кассами, было къ началу нынѣшняго года открыто еще 551 гминная касса съ основнымъ капиталомъ въ 603,005 руб. Кроме того, на общественныя капиталы были открыты 442 кассы съ основнымъ капиталомъ въ 499,907 руб. Такимъ путемъ Царство Польское покрылось сѣтью гминныхъ кассъ; число послѣднихъ достигаетъ 1,295, тогда какъ число гминъ въ Царствѣ Польскомъ не превышаетъ 1,286. Основной капиталъ всѣхъ гминныхъ кассъ къ 1 января нынѣшняго года составляетъ 1.302,128 рублей, что составляетъ нѣсколько болѣе 1,000 рублей на кассу, а чистая прибыль ихъ за все время существованія равна 2.959,753 руб. Гминныя кассы обладаютъ, такимъ образомъ, собственными капиталами въ 4.261,881 руб., за которые не приходится платить процентовъ. Я привелъ примѣръ гминныхъ кассъ не потому, чтобы организація ихъ заслуживала вообще похвалы, а потому, что принятый въ нихъ способъ употребленія прибыли гарантируетъ быстрое развитіе учрежденій для мелкаго кредита.

Не могу не привести здѣсь нѣкоторыхъ статей новаго устава государственнаго банка, облегчающихъ устройство залоговаго кредита и откры-

вающихъ земству возможность пользоваться ресурсами банка. По статьѣ 8 устава банка, предоставляется оставлять въ пользованіи или храненіи заемщиковъ принимаемыя отъ нихъ, въ обезпеченіе ихъ обязательствъ, движимыя имущества съ наложеніемъ на нихъ видимыхъ знаковъ пріема въ закладъ, если это по роду имущества окажется возможнымъ. За сокрытіе закладовъ или отчужденіе до погашенія ссуды заемщикъ привлекается къ ответственности, установленной за растрату имущества, ввѣреннаго для сохраненія. Этимъ постановленіемъ удачно разрѣшается вопросъ о залогѣ движимости безъ фактической передачи заложенныхъ предметовъ залогодержателю. Выдача ссудъ для покупки скота или орудій не достигала бы цѣли, если бы не былъ допущенъ залогъ безъ передачи заложенного имущества выдавшему ссуду банку, если бы не было разрѣшено оставлять его въ распоряженіи залогодателя. По статьѣ 79, незначительность суммы векселя не можетъ служить препятствіемъ къ пріему его къ учету. Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ ст. 139, по которой государственному банку предоставляется открывать кредиты посредникамъ для выдачи мелкимъ землевладѣльцамъ и арендаторамъ сельско-хозяйственныхъ имѣній, крестьянамъ, кустарямъ и ремесленникамъ ссудъ подъ закладъ предметовъ ихъ производства, а также ссудъ на оборотныя средства и на приобрѣтеніе инвентаря.

Мнѣ не захотѣлось останавливаться здѣсь на необходимости скорѣйшей организаціи мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита. Сельскимъ хозяевамъ хорошо извѣстно, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ отсутствіе такого кредита, какіе глубокіе корни пускаетъ ростовщичество въ нашей деревнѣ. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ земскія статистическія изслѣдованія. Стоитъ только напомнить, сколько теряетъ наше крестьянство отъ одного того факта, что осенью выбрасываетъ на рынокъ хлѣбъ, продаетъ его по низкимъ цѣнамъ для того, чтобы весною обратно покупать его по гораздо болѣе высокимъ. Опытъ крестецкаго земства прекрасно доказываетъ, какъ много можетъ сдѣлать своевременная помощь крестьянамъ. Не могу также не указать на то, что подъемъ крестьянскаго хозяйства, облегченіе способовъ покупки орудій и скота можетъ отразиться весьма благопріятно и на помѣщичьемъ хозяйствѣ. Все это дѣлаетъ вопросъ объ организаціи сельскаго кредита однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ.

Думаю, что земство могло бы съ большимъ успѣхомъ выполнить то, что возлагается на государственный банкъ; оно могло бы снабжать мелкія товарищества суммами, необходимыми на первоначальное устройство, правлять ихъ дѣятельность согласно съ мѣстными нуждами и съ цѣлью установить правильный контроль. Для этого не требуется большаго капитала, потому что товарищества, открывающія кредитъ исключительно на хозяйственные и производительныя цѣли, основанныя на началахъ личной поруки участниковъ, подчиненныя постоянному контролю особ

чиновъ государственнаго банка или земскихъ учрежденій, сдѣлають привлечъ вклады въ достаточномъ для веденія дѣла количествѣ. Съ утвержденіемъ проекта о мелкихъ кредитныхъ товариществахъ, съ которыми я только что познакомилъ, для земства отърывается новое поле плодотворной дѣятельности. До сихъ поръ земство сосредоточивало свою работу преимущественно на двухъ областяхъ—на народномъ образованіи и врачебной помощи; теперь оно могло бы приняться за организацію мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита и создать для крестьянина то, что въ Германіи сдѣлала частная инициатива.

М. Герценштейнъ.

Историческая эволюція и психологическіе законы.

I.

Въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* мы познакомили читателей съ интереснымъ трудомъ Лакомба. Въ немъ съ большимъ знаніемъ дѣла трактуются вопросы, къ которымъ возбуждено теперь особенное вниманіе мыслящей части русскаго общества. Мы упоминали, что оживленію этого интереса въ послѣднее время много содѣйствовали книги гг. Бельтова и Струве и вызванная ими полемика.

Теорію экономическаго матеріализма, какъ знаютъ читатели, мы считаемъ одностороннею, нисколько не отрицая великаго значенія экономическихъ факторовъ, на первыхъ порахъ культурнаго развитія имѣющихъ даже первенствующее, иногда исключительное значеніе. Это вполнѣ признавалъ еще Бокль, второе изданіе знаменитаго сочиненія котораго мы привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Наше главное возраженіе противъ теоріи экономическаго матеріализма заключается въ утвержденіи (подлежащемъ, конечно, доказательствамъ), что въ исторіи возрастаетъ роль знанія (стало быть, и сознанія), что *законы* историческаго развитія (этимъ понятіемъ злоупотреблять не слѣдуетъ) подлежатъ не отміну, а регулированію со стороны критической мысли въ сторону желательныхъ идеаловъ общественнаго устройства и личнаго совершенствованія.

Изложенной въ нашемъ журналѣ теоріи Лакомба посвятилъ большую статью Н. И. Карѣевъ *). Для почтеннаго петербургскаго ученаго «и событія, и учрежденія, т.-е. и прагматическіе, и культурные факты суть одинаково культурныя явленія, которыя могутъ быть изучаемы и въ своей конкретности, и въ общей своей природѣ, т.-е. абстрактно, тогда какъ Лакомбъ смѣшиваетъ два разряда историческихъ фактовъ съ двумя точками зрѣнія, съ коихъ можно смотрѣть на оба эти разряда одинаково». Р. Карѣевъ полагаетъ, что Лакомба «никоимъ образомъ нельзя причислить экономическимъ матеріалистамъ, которые, въ противность основной мысли Лакомба, ищутъ объясненія исторіи, какъ они сами выражаются, и

*) Новый трудъ по теоріи исторіи (*Историческое Обзоріе*, томъ восьмь

людей. А, между тѣмъ, Лакомбъ какъ разъ и придаетъ особую важность экономикѣ».

Мнѣ кажется, что Н. И. Карѣвъ въ данномъ случаѣ неправъ: подчеркнутыя въ приведенной выдержкѣ слова отличаются неточностью, но иъ, я думаю, нельзя приписывать того смысла, какой устанавливаетъ профессоръ Карѣвъ. Конечно, несознанная экономическая нужда не есть исторически дѣйствующая экономическая потребность; но сторонники теоріи экономического матеріализма могутъ и не возражать противъ этого положенія. Для него, какъ и для Лакомба, достаточно признанія за экономическими причинами первенствующаго, основного значенія въ развитіи учреждений и идей *).

Общая дать изложеніе другой теоріи, такъ же односторонней, какъ и теоріи экономического матеріализма, редакція *Русской Мысли* имѣла въ виду книжку Лебона: *Психологическіе законы и эволюція народовъ*. Ея содержаніе было передано въ петербургскомъ журналѣ *Русская Бесѣда* **). Разборъ этой книжки написанъ г. Ардашевымъ въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* ***).

Идеи, которыя управляютъ учрежденіями народовъ, — такъ начинается свое разсужденіе Лебонъ, — имѣютъ очень длинную эволюцію; не менѣе медленно онѣ и исчезаютъ. Долго послѣ того, какъ для просвѣщенныхъ умовъ ясна бываетъ ихъ ошибочность, идеи эти остаются для толпы, для массы непоколебимыми истинами. Ложныя или вѣрныя, идеи, проникнувъ въ народъ, такъ сказать, всосавшись въ его кровь, приобрѣтаютъ могущественную силу, руководятъ историческими судьбами. Въ прошломъ вѣкѣ философы и поэты пустили въ міръ совершенно ошибочную, по мнѣнію Лебона, идею равенства людей и племенъ. Когда эта идея спустилась въ глубину народныхъ массъ, она произвела исполнскую революцію, всколе-

*) Н. И. Карѣвъ отмѣчаетъ, что Лакомбъ признаетъ за экономическими факторами не исключительное значеніе, что, въ концѣ-концовъ, главною прогрессивною силой онъ считаетъ развитіе человѣческаго ума, стремленія къ знанію, къ научной дѣятельности. „Въ этомъ отношеніи, — прибавляетъ Н. И. Карѣвъ, — онъ далекъ отъ экономического матеріализма, представители котораго, — безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, впрочемъ, — утверждаютъ, что экономическая эволюція сама по себѣ прогрессивна“. Насколько мнѣ извѣстно, сторонники теоріи экономического матеріализма не утверждаютъ, что прогрессивная сама по себѣ экономическая эволюція непремѣнно и всегда вноситъ прогрессъ въ учрежденія, нравы, идеи. То же самое говорить и Лакомбъ, признавая, что благосостояніе, нравственность и просвѣщеніе не могутъ развиваться совершенно равномерно. Кромѣ того, Лакомбъ не признаетъ ни рермизности прогресса въ указанномъ г. Карѣвымъ смыслѣ, допускаетъ даже возможность торжества регресса, стало быть, не можетъ допустить развитія ума, какъ ной исторической силы. Я считаю поэтому болѣе правильнымъ отнести Лакомба къ сторонникамъ теоріи экономического матеріализма. Самъ Н. И. Карѣвъ говоритъ, что въ книгѣ Лакомба „соединяется пониманіе исторіи, напоминающее экономическій матеріализмъ, съ нерасположеніемъ къ социализму“.

*) *Русская Бесѣда*, январь и мартъ 1895 г.

**) *Психологія въ исторіи (Вопросы Философіи и Психологіи, кн. 28)*.

бала весь свѣтъ. Лебонъ полагаетъ, что нѣтъ ни одного серьезнаго ученаго, который не признавалъ бы существованія низшихъ и высшихъ расъ и неизгладимаго умственного превосходства мужчины надъ женщиною.

Люди каждой расы обладаютъ, по теоріи Лебона, несокрушимымъ строемъ идей, преданій, чувствъ, способовъ мышленія. Все это досталось имъ отъ длиннаго ряда предковъ, кристаллизовалось и не поддается никакимъ возраженіямъ. Совокупность такихъ основныхъ, прочно слѣжившихся свойствъ Лебонъ называетъ народною душой (*âme d'une race*). Составляя наслѣдство народа, душа его является и двигателемъ его поведенія. Тысяча французовъ, англичанъ, китайцевъ, случайно взятыхъ, значительно различаются другъ отъ друга; но они обладаютъ общими чертами характера, которыя даютъ возможность построить идеальный типъ француза, англичанина, китайца, какъ дѣлаютъ это естествоиспытатели, давая общія описанія различныхъ типовъ животнаго или растительнаго царства.

Индивидуумъ и его поведеніе подчиняются вліяніямъ трехъ родовъ: 1) вліянію предковъ (самое значительное), 2) родителей и 3) среды (ея вліяніе Лебонъ считаетъ самымъ слабымъ). Общія чувства, общіе интересы и общія вѣрованія и составляютъ душу народа, только съ ея формированіемъ является государство, отечество. Въ настоящее время, кромѣ дикихъ племенъ, всѣ расы искусственны, т.-е. образовались путемъ долгой ассимиляціи различныхъ народовъ съ различными чувствами, характерами и вѣрованіями.

Въ исторіи, въ предѣлахъ одного и того же народа, при низменности его души мы замѣчаемъ сильныя колебанія характера. Лебонъ указываетъ, что современнымъ французамъ, напримѣръ, дѣятели первой революціи представляются гигантами. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что нѣкоторыя черты племенного характера находятся въ скрытомъ состояніи, въ возможности. Наступаютъ внѣшнія благопріятныя обстоятельства, возникаютъ какіе-либо историческіе кризисы — и на первый планъ выдвигаются болѣе или менѣе эфемерныя личности. Сто лѣтъ спустя Робеспьеръ, напримѣръ, былъ бы почтеннымъ мировымъ судьей и пріятелемъ мѣстнаго священника, а Сент-Жюсть — отличнымъ учителемъ. Но въ самыя бурныя эпохи народной жизни основныя черты его души всегда сохраняются. У всѣхъ латинскихъ народовъ выступаетъ, напримѣръ, неизлечимая потребность быть управляемыми, всѣ эти народы (французы въ особенности) утомляются свободой и жаждутъ рабства. Централизаторскія и деспотическія стремленія одинаковы, по мнѣнію Лебона, отличаютъ старую французскую монархію, революціонеровъ-якобинцевъ и современныхъ французовъ.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что психологическія свойства на, из неизмѣнны: они только весьма медленно поддаются измѣненію. Если бы понадобилось единственное мѣрило соціального уровня народовъ въ исторіи, то Лебонъ избралъ бы для этой цѣли степень ихъ способности владѣть рефлексамъ. Настойчивость, энергію, волю Лебонъ особенно выдвигаетъ въ качествѣ признаковъ высшей расы. Такая раса имѣетъ стройныя плечи

поведенія, на которыхъ покоится общество. Совокупность подобныхъ правъ, нравственность, есть дочь характера, а не ума и познанія даннаго народа. Историческую эволюцію вообще опредѣляетъ его характеръ, а не степень его умственныхъ способностей и просвѣщенія. Благодаря характеру, 60,000 англичанъ держатъ, напримѣръ, въ повиновеніи 250 милліоновъ индусовъ, многіе изъ которыхъ равны англичанамъ въ интеллектуальномъ отношеніи и превосходятъ ихъ въ художественномъ отношеніи и въ глубинѣ философскихъ взглядовъ. Характеръ позволяетъ народамъ чувствовать и дѣйствовать. Народы никогда много не выигрывали, когда они желали слишкомъ много разсуждать и думать (?).

Глубокія различія въ народныхъ характерахъ составляютъ причины вѣковыхъ и кровопролитныхъ войнъ. И Лебонъ далекъ отъ мысли оплакивать или возмущаться этимъ явленіемъ.

Высшія расы отличаются отъ низшихъ не только ихъ психологическими качествами (и анатомическими): другое различіе заключается въ разнородности состава высшей расы сравнительно съ расою низшей. Неравенство индивидуумовъ и половъ,—утверждаетъ Лебонъ,—есть законъ для высшей расы. Средніе классы народовъ сходны между собой; верхніе слои каждаго изъ нихъ сильно различаются *). Въ настоящее время высшее племя, по Лебону, представляетъ изъ себя пирамиду, вершину которой составляетъ цвѣтъ націи, группу ея ученыхъ, художниковъ, техниковъ, писателей. Достаточно исчезнуть этому меньшинству, чтобъ исчезло все величіе націи.

А ея характеръ, душа?—спросимъ мы у Лебона. Вѣдь, умъ, просвѣщеніе—ничего не значать, по его утвержденію, какъ историческіе двигатели. Самъ Лебонъ черезъ нѣсколько страницъ говоритъ, что націю составляютъ средніе классы, верхній слой,—ничтожное меньшинство,—существенно важенъ съ точки зрѣнія цивилизаціи, но не имѣетъ никакаго значенія съ точки зрѣнія расы. А, между тѣмъ, раньше намъ было сказано, что высшія расы различаются именно этимъ меньшинствомъ.

Идеи, нравы, учрежденія народа опредѣляются его душою, всякій народъ заслуживаетъ такого именно правительства, какое онъ имѣетъ. Въ судьбахъ народа правительство и конституція ничего не значать, они только вѣншее проявленіе души народа, какъ языкъ, вѣрованія, идеи, искусства. Воспитаніемъ нельзя передѣлать этой души, дать низшей расѣ цивилизацію высшей: на такое измѣненіе потребны столѣтія, стремленія же путемъ воспитанія избѣгнуть столь длиннаго пути поведетъ лишь къ разстройству, къ нравственной и умственной дезорганизаціи народа.

Главнымъ дѣятелемъ трансформированія народнаго характера Лебонъ признаетъ идеи. Онѣ медленно проникаютъ въ народъ, медленно усваиваются имъ, нѣрѣдко при этомъ искажаются, но за то становятся могущею силой: разумъ перестаетъ на нихъ вліять, критика на нихъ не

Подъ верхними слоями Лебонъ не можетъ понимать такъ называемыхъ выс-

шихъ классовъ, потому что именно они отличаются космополитическимъ характеромъ.

дѣйствуетъ, они превращаются въ безсознательное достояніе народа. Такихъ идей въ исторіи немного, и Лебонъ насъ съ этимъ поздравляетъ: въ противномъ случаѣ наши цивилизаціи не имѣли бы никакой устойчивости. Самые цивилизованные народы одинаково далеки какъ отъ измѣнчивости, такъ и отъ неподвижности своихъ руководящихъ идей.

Наиболѣе вліятельная изъ этихъ идей есть идея религіозная. Самыми значительными историческими событіями бывали рожденіе и смерть боговъ. Съ новою религіозною идеей рождается и новая цивилизація. Кромѣ любви, чувства могущественнаго, но личнаго, только религіозныя идеи могутъ быстро вліять на характеръ. Боги не чада страха, какъ говорилъ Лукрецій, а дѣти надеждъ, и поэтому ихъ вліяніе вѣчно. До сихъ поръ одна религія давала человѣку счастливое настроеніе духа. Никакая философія до нашихъ дней не могла осуществить эту задачу.

Эволюція цивилизаціи породила, къ несчастію для человѣка, множество потребностей, не давая средствъ для ихъ удовлетворенія, и производить такимъ образомъ общее недовольное настроеніе духа. Цивилизація,—продолжаетъ Лебонъ,—есть, конечно, мать прогресса, но она также мать социализма и анархіи, этихъ двухъ страшныхъ выраженій отчаянія толпы, несдерживаемой болѣе никакимъ вѣрованіемъ. А общество не можетъ существовать, не отыскавши средствъ къ созданію такого состоянія духа, при которомъ человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ.

Творцы религій являются поэтому истинными благодѣтелями человечества. Только религія можетъ создать мгновенно (*momentanément*) общность интересовъ, чувствъ и мыслей. Однимъ ударомъ религіозный духъ замѣщаетъ медленные наслѣдственные накопленія, необходимыя для образованія національной души. Черезъ страницу, впрочемъ, сказано, что власть религій преобразовывать эту душу довольно эфемерно: проходитъ время, мечта блѣднѣетъ и старая основа характера снова выступаетъ.

Особенную силу имѣютъ религіи, проникнутыя нетерпимостью: онѣ возбуждаютъ презрѣніе и ненависть къ иновѣрцамъ-иностранцамъ, и эти чувства, осуждаемыя философіею, Лебонъ считаетъ очень полезными для развитія расы *).

Умственная организація человѣка,—говоритъ Лебонъ въ послѣдней главѣ своей книжки,—подчиняется фізіологическимъ законамъ. Мозговая кліточка, которая не упражняется, перестаетъ функционировать, и умственные навыки, для образованія которыхъ прошли столѣтія, могутъ быть быстро (*promptement*) потеряны. Но, если это, такъ, возможно ли отрицать быстрое вліяніе воспитанія? Вѣдь, оно не только создаетъ факции, но и стремится приостановить другія. Воздержаніе въ одномъ пунктѣ можетъ облегчать работу въ иномъ и содѣйствовать творческому элементу воспитанія. Самъ Лебонъ для исправленія французской національной души

*) Нужно замѣтить, что подъ религіознымъ духомъ Лебонъ разумѣетъ беззаветное увлеченіе (такимъ увлеченіемъ отличались, напримѣръ, французы эпохи первой революціи и т. д.).

требуетъ, прежде всего, полной отѣны современнаго классическаго образованія, лишающаго воспитанника инициативы и крѣпости воли, заглушающаго въ немъ умственную самостоятельность. Именно въ области воспитанія психологія, законы которой черезъ-чуръ поспѣшно исчислены и взвѣшены Леономъ, можетъ и должна сыграть великую историческую роль.

Г. Ардашевъ, въ упомянутой мною статьѣ, замѣчаетъ, что мысль о возможности приложенія психологіи къ объясненію исторіи не нова: еще Гербартъ находилъ возможнымъ свести статику и механику (динамику) государства къ статикѣ и механикѣ человѣческой души, такъ какъ дѣйствующія въ исторіи силы суть силы психологическія. Ученіе о народнои душѣ или духѣ мы находимъ у Лазаруса и Штейнталя, о необходимости коллективной психологіи—у Д. С. Милля и Тэна. Г. Ардашевъ правильно указываетъ на то, что у Леонова выходитъ такъ, что идеи—продукты расовой души, а расовая душа—продуктъ медленно проникавшихъ въ нее идей. Авторъ статьи въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* говоритъ, что «если вообще возможно свести историческій процессъ на процессъ психологическій,—а теоретически нельзя ничего возразить противъ такой возможности,—то, во всякомъ случаѣ, не на почвѣ такой сложной коллективной единицы, какъ «раса» или вообще какая бы то ни было культурная группа,—а единственно отпавляясь отъ понятія личности, какъ единственно-реальнаго историческаго атома и единственной реальной психологической единицы,—и отдѣльныхъ человѣческихъ дѣйствій, какъ первичныхъ элементовъ историческаго движенія. Такъ какъ закономерность человѣческихъ дѣйствій есть закономерность психологическая, и такъ какъ, съ другой стороны, къ нимъ сводится, въ послѣднемъ анализѣ, весь историческій процессъ, то ясно, что въ основѣ послѣдняго лежитъ процессъ психологическій, и историческая закономерность есть—опять-таки въ послѣднемъ анализѣ—закономерность психологическая. Поиски «за историческими законами» тогда только могутъ разсчитывать на успѣхъ, когда они будутъ производиться въ этомъ направленіи, а для этого нужно, чтобы исторія и психологія подали другъ другу руки».

Стремленіе свести историческій процессъ на процессъ психологическій—и, притомъ, индивидуальный—мнѣ представляется дѣломъ невозможнымъ. Къ каплѣ воды нельзя свести, хотя бы и въ послѣднемъ анализѣ, даже изученіе моря, съ его бурями и затишьемъ, съ его приливами и отливами. Къ атому матеріи нельзя свести конкретной планеты съ ея конкретнымъ движеніемъ. А исторія и человѣческая душа—понятія въ несоразмѣрнѣ (по крайней мѣрѣ, *теперь*) степени болѣе сложныя. Но противъ того, чтобы исторія и психологія подали другъ другу руки, нельзя, разумѣется, ничего возразить.

Г. Леви-Брюль въ интересной статьѣ о соціологическихъ вопросахъ *)

*) М. Lévy Bruhl: „Questions Sociologiques“ (*Revue bleue*, 22 Juin 1895). Его а Германія съ Лейбница была изложена въ *Русской Мысли*. У него есть другое —: *L'idée de responsabilité*.

дѣлаетъ нѣсколько правильныхъ, на мой взглядъ, замѣчаній о современномъ состояніи соціологіи и о методахъ ея разработки. Молодая наука, такъ названная Огюстомъ Контомъ, привлекаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе изслѣдователей, а также и публицистовъ. Она обновляетъ старые вопросы, ставитъ новые. Политика, нравственность, право, политическая экономія, исторія—всѣ науки при соприкосновеніи съ соціологіей измѣняются въ большей или меньшей степени. Настоятельность многихъ общественныхъ вопросовъ тѣсно связывается съ этимъ усиленіемъ интереса къ соціологіи и увеличиваетъ ея значеніе.

Умственная жизнь опредѣленнаго періода времени отражаетъ въ столкновеніи идей тѣ существенно важныя задачи, надъ рѣшеніемъ которыхъ приходится трудиться обществу. Издалека, но вѣрно, умственная жизнь слѣдитъ за эволюціей общества. На этомъ мѣстѣ я охотно внесъ бы поправку въ статью Леви - Брюля, замѣнивъ слова *умственная жизнь* словомъ *наука* и издалека выраженіемъ *шагъ за шагомъ*, хотя, быть можетъ, и не всегда съ достаточною точностью.

Въ XVII вѣкѣ, напримѣръ,—продолжаетъ французскій ученый,—во Франціи политическія и общественныя учрежденія казались такъ прочно установленными, такъ единодушно уважаемыми, что никто и не представлялъ себѣ возможности ихъ поколебать, а тѣмъ болѣе разрушить. Они не были поэтому предметомъ изученія и спора. Только протестанты, которые подвергались гоненіямъ, вооружались противъ современныхъ имъ порядковъ. Теперь, наоборотъ, вопросы общественного устройства являются насущною потребностью времени. Перемѣщается, по мнѣнію Леви-Брюля, центръ тяжести въ морали: онъ теперь не въ индивидуальномъ сознаніи свободнаго и мыслящаго существа, какъ у Канта, но въ идеѣ взаимныхъ правъ и обязанностей, въ идеѣ общественной солидарности и справедливости.

Новая наука, кромѣ указанной причины привлекательности, имѣетъ и другую: для нея можетъ поработать каждый желающій, всякій, у кого есть мысль или горячее чувство. Въ наукахъ установившихся это невозможно: тамъ надо первоначально изучить все, что уже известно. Соціологіи недостаетъ покуда твердаго ядра общепризнанныхъ истинъ, методы, ясно установленной и всѣми принятой. Отъ этого для каждой предвзятой мысли можно добросовѣстно подыскать много фактовъ и не замѣтить фактовъ, ограничивающихъ или вполнѣ подрывающихъ гипотезу, выдаваемую за теорію. Необходима большая сила критики, большая преданность истинѣ, чтобъ избѣгать подобнаго рода ошибокъ.

Неудобствамъ для науки такого положенія вещей задумалъ положить конецъ Е. Дюркгеймъ, съ однимъ изъ сочиненій котораго я познакомилъ читателей *Русскихъ Вѣдомостей* *). Его новая книга (она вышла въ прошломъ году) носитъ заглавіе: *Правила соціологической методы* (изъ

*) E. Durkheim: „La division du travail social“.

regles de la méthode sociologique). Авторъ требуетъ строгаго примѣненія къ обработкѣ социологическихъ вопросовъ методы естественныхъ наукъ: заботливо собирать и анализировать факты, классифицировать ихъ, вдумываться въ связывающіе ихъ законы. Соціологія является для этого ученаго объективною наукой, социологическіе феномены совершенно приравниваются имъ къ вещамъ или явленіямъ внѣшней природы. Конечно, сознание постоянно присутствуетъ въ социологическихъ фактахъ; но это сознание внутри насъ постоянно принуждено сообразоваться съ нравами и законами того общества, въ которомъ мы живемъ. И вотъ эти внѣшніе для сознания и предшествующіе ему факты и условія и составляютъ предметъ социологическаго изученія. Слѣдуя за Огюстомъ Контомъ, Дюркгеймъ требуетъ, чтобы ученый освободился отъ антропоцентрическаго предразсудка. Переходя отъ біологіи къ социологіи, изслѣдователь встрѣчаетъ новый факторъ—сознание, но и его онъ долженъ изучать вполне объективно. Социологическія явленія реализируются въ сознаниі, но изъ того вовсе не слѣдуетъ, чтобы условія существованія и законы этихъ явленій зависѣли только отъ нашего сознания. Дюркгеймъ предостерегаетъ социолога отъ предвзятыхъ философскихъ идей и отъ стремленія непосредственно послужить своими изслѣдованіями какому-либо приктическому общественнымъ цѣлямъ. Никогда одно психологическое объясненіе не должно удовлетворять психолога: онъ долженъ искать предшествовавшихъ социологическихъ фактовъ.

Леви-Брюль заявляетъ на это, что требованіе Дюркгейма черезъ-чуръ строго, что новая и такая сложная наука, какъ соціологія, должна допускать гипотезы, болѣе или менѣе смѣлыя, и субъективныя построенія. Ни одна наука не приступала къ изучаемымъ ею явленіямъ съ вполне готовою, строго сложившеюся методой. Приемы изслѣдованія видоизмѣнялись и улучшались по мѣрѣ того, какъ накаплился матеріалъ, послѣ многообразныхъ попытокъ его оцѣнки и т. д.

Это справедливо, но Леви-Брюлю можно возразить, что теперь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: первенствующее значеніе методы для научнаго изслѣдованія установлено и теоретически, и практически, поэтому субъективнымъ настроеніямъ не должно быть мѣста въ научномъ изслѣдованіи. Безпристрастіе или безстрастіе, котораго требуетъ Дюркгеймъ, необходимы не только для научной истины, но и въ интересахъ тѣхъ практическихъ задачъ или субъективныхъ идеаловъ, которымъ думаетъ послужить соціологъ: неправильное наблюденіе фактовъ, невольное игнорированіе или недостаточная оцѣнка нѣкоторыхъ изъ нихъ поведутъ къ выбору такихъ средствъ, которыя могутъ оказаться вредными для достиженія руководившихъ изслѣдователемъ субъективныхъ цѣлей. Прежде всего, по замѣчанію всякаго мыслителя, надо знать, чтобы предвидѣть и мочь. И, конечно, мы знаемъ гораздо больше, чѣмъ предвидимъ, а предвидимъ больше того, что можемъ измѣнить. Но въ предѣлахъ, доступныхъ нашему воздѣйствію, тамъ, гдѣ мы можемъ дознаннымъ законамъ явленій противопоставлять

дѣйствіе законовъ другихъ явленій, тамъ должны господствовать практическія цѣли, нравственно-общественныя и личныя идеалы. Область, гдѣ для нихъ существуетъ достаточный просторъ, постепенно расширяется. Мы давно уже двигаемся противъ силы вѣтра, противопоставивъ ему нами направляемую силу пара. То же самое должно быть и отчасти уже происходить въ исторіи. Идеи при содѣйствіи воспитанія и учрежденій перераспредѣляютъ индивидуальныя и общественныя силы, вводятъ многообразныя историческія потоки въ новое русло и даютъ имъ возможность производить новую историческую работу. Организациа, учрежденія необходимы для каждаго дѣла, гдѣ для общей цѣли работаетъ хоть нѣсколько человѣкъ. Не будемъ говорить о первобытныхъ учрежденіяхъ, о томъ, какъ они вызваны къ существованію; теперь, когда общественная жизнь разсматривается сознательно, когда ея потребности изучаются,—возможно ли нѣтъ существованіе и хорошихъ, и дурныхъ учрежденій? Если какое-либо изъ нихъ признано неудовлетворительнымъ потому, что оно нецѣлесообразно распредѣляетъ участвующія въ немъ силы, то не представляется ли разумнымъ планомерное измѣненіе учрежденія? Едва ли возможенъ на эти вопросы серьезный отрицательный отвѣтъ. Пусть всѣ учрежденія, идеи, нравы—только *надстройка* надъ экономическими причинами. Эти причины, въ свою очередь, лишь *надстройка* надъ физиологическими, тѣ—надъ біологическими, затѣмъ пойдутъ физико-химическія, потомъ механическія причины... Но этими надстройками и отличаются науки одна отъ другой, и такія надстройки—не только придатки къ предшествовавшему, но и могущественные факторы для послѣдующаго. Историческая эволюція совершалась и совершается и безъ сознательнаго участія людей. Въ законахъ этой эволюціи, когда они будутъ точно установлены, человѣческая воля измѣненій сдѣлать не можетъ, какъ не можетъ она уничтожить хоть атома матеріи. Но превратить одну энергію въ другую, создать новую комбинацію силъ и явленій она имѣетъ возможность.

Само собою разумѣется, что знаніе можетъ служить, въ частныхъ случаяхъ, и совѣсти, и безсовѣстности. Читатели увидятъ здѣсь намекъ на статью г. Меньшикова. Пусть на нее возражаетъ г. О. Т. В., я же замѣчу только, что истинное знаніе, безкорыстная преданность научному изслѣдованію облагораживаютъ и просвѣщаютъ совѣсть, во имя которой совершалось и совершается множество злодѣйствъ и пошлыхъ поступковъ. Составляетъ ли *прогрессъ* благотворную необходимость, какъ когда-то писалъ Спенсеръ,—это вопросъ *). Въ *исторической эволюціи*, во всякомъ случаѣ, людямъ, у которыхъ сложились опредѣленные общественныя и личныя идеалы, складывать рукъ не полагается.

„Des echten Mannes wahre Feier ist die That“.

В. Гольц

*) Ср. любопытную книгу Greef: „Le Transformisme Social“, 1895.

Очерки провинціальной жизни.

Въ майской и іюньской книжкахъ нашего журнала мы привели уже отвѣты нѣсколькихъ земскихъ собраній, представляющіе собою обширную систематическую программу народной экономической политики, чреватой крупными результатами на благо страны. Теперь мы можемъ сообщить еще два отвѣта малмыжскаго и нижегородскаго земствъ, по содержанію своему сходныхъ съ прежде указанными земскими отвѣтами.

Состоящій при малмыжской управѣ сельско-хозяйственный комитетъ, отвѣчая на министерскій запросъ, выработалъ рядъ мѣръ къ поднятію народнаго хозяйства, причемъ мѣры экономического характера поставилъ на первую очередь, а мѣры сельско-хозяйственные и техническія—на вторую. Во главѣ тѣхъ и другихъ мѣръ комитетъ поставилъ введеніе всеобщаго начальнаго обученія на средства земства, при пособіи отъ правительства, какъ мѣру, безъ которой невозможны никакія другія мѣропріятія, такъ какъ некультурность и невѣжество народа представляютъ въ тому непреодолимые препятствія. Важнѣйшими экономическими мѣрами комитетъ призналъ слѣдующія: 1) Урегулированіе размѣра налоговъ съ дѣйствительною доходностью земли и вообще съ платежеспособностью населенія. 2) Пониженіе выкупныхъ платежей. 3) Установленіе болѣе правильныхъ сроковъ взысканія окладныхъ сборовъ, соотвѣтственно сельско-хозяйственнымъ и экономическимъ условіямъ уѣзда. 4) Точное установленіе въ законодательномъ порядкѣ видовъ имущества, существенно необходимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не подлежащаго описи и продажѣ на пополненіе окладныхъ сборовъ и недоимокъ. 5) Урегулированіе цѣнъ на хлѣбъ путемъ закупки въ урожайные годы правительствомъ при посредствѣ земства хлѣба для потребностей казны. 6) Организція и возможно широкое развитіе мелкаго сельскаго кредита. 7) Переселеніе изъ малоземельныхъ селеній въ многоземельныя мѣстности. 8) Дополнительное надѣленіе безлѣсныхъ волостей лѣсными нарѣзками изъ сосѣднихъ казенныхъ дачъ. 9) Возможно широкая помощь со стороны министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ кустарной промышленности.

и поднятія экономического благосостоянія населенія,—говорится въ

нижегородскомъ отвѣтъ,—необходимо увеличить земельныя владѣнія крестьянъ, развить технику земледѣльческаго промысла, развить общее образованіе, какъ необходимый элементъ для сознанія крестьянскимъ населеніемъ полезности мѣръ, служащихъ къ улучшенію сельскаго хозяйства; затѣмъ необходимо распространеніе мелкаго кредита для цѣлей улучшенія крестьянскаго хозяйства и увеличенія скота. Наиболѣе неотложными мѣрами земское собраніе считаетъ: 1) пересмотръ лежащихъ на землѣ платежей соотвѣтственно съ качествомъ земли и ея доходностью, такъ какъ во многихъ случаяхъ платежи являются несоразмѣрными съ производительностью земли; 2) содѣйствіе къ болѣе легкому приобретенію земли съ помощью крестьянскаго банка; 3) распространеніе опытныхъ полей; 4) возможно широкое развитіе народнаго общаго и специально-земледѣльческаго образованія; 5) распространеніе продажи сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ; 6) распространеніе бесѣдъ или чтеній для крестьянъ по предметамъ сельскаго хозяйства; 7) развитіе мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита.

Экономическая коммиссія при курской губернской управѣ въ своемъ докладѣ земскому собранію считаетъ измѣненіе дѣйствующей податной системы не только чрезвычайно важнымъ, но и кореннымъ условіемъ для поднятія земледѣлія. Налоги должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ платежною силой и, въ то же время, должны быть измѣнены способы взысканія податей. Существующіе способы взысканія коммиссія признаетъ крайне вредными для народнаго благосостоянія. Она предлагаетъ губернскому земству ходатайствовать о передачѣ сбора податей въ вѣдѣніе министерства финансовъ и объ образованіи особыхъ уѣздныхъ податныхъ коммиссій, въ составъ которыхъ входили бы выбранные земствомъ представители. При обсужденіи вопроса о податной системѣ одинъ изъ членовъ экономической коммиссіи, г. Раевскій, возбудилъ весьма важный вопросъ о выкупѣ, указавъ, что выкупные платежи стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ общиннымъ землевладѣніемъ, такъ какъ по окончаніи выкупной операціи выкупленные надѣлы составляютъ частную собственность. Въ виду такого противорѣчія, слѣдовало бы отмѣнить выкупные платежи, а землю признать собственностью казны, находящеюся лишь въ пользованіи крестьянъ; при обращеніи земли въ государственную собственность исключается возможность продажи надѣловъ и платежей можетъ быть значительно уменьшенъ. Съ большимъ вниманіемъ отнеслась коммиссія также къ переселенческому дѣлу. «Никто не отвергнетъ,—говорится въ ея докладѣ,—необходимости въ періодическомъ переселеніи для извѣстнаго прироста населенія, и никакія искусственныя мѣры не задержатъ народной тяги на новыя земли, какъ никто не задержитъ тяги птицъ изъ суровыхъ холодныхъ странъ въ теплыя и благодатныя». Необходимо принять мѣры къ упорядоченію переселенческаго движенія и оказанію переселенцамъ помощь со стороны государства. Коммиссія предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать, чтобы въ уѣздныхъ управахъ сосредоточивались всѣ необходимыя свѣдѣнія о переселеніяхъ, чтобы губернскому земству было н

ставлено право входить съ представленіями о мѣстностяхъ, которыя нуждаются въ переселеніяхъ.

Поднятіе земледѣльческаго промысла, улучшеніе народнаго благосостоянія составляетъ теперь важнѣйшую заботу правительства и земства. Каждое новое изслѣдованіе свидѣтельствуетъ о прогрессирующемъ упадкѣ земледѣлія. Объ этомъ явленіи заговорили даже такія трудно сдающіяся передъ дѣйствительностью газеты, какъ *Южный Край* и *Гражданинъ*. Вотъ что читаемъ въ *Южномъ Краѣ* по поводу вышедшаго недавно сельскохозяйственнаго обзора Казанской губерніи: «Неурожайные 1891 и 1892 годы, повидимому, надолго оставятъ свой слѣдъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. По нѣкоторымъ даннымъ можно даже предположить, что, разъ выживши изъ колей, оно уже по инерціи движется по наклонной плоскости постепеннаго разоренія. Такъ, изъ обзора Казанской губерніи въ сельскохозяйственномъ отношеніи видно, что количество скота у крестьянъ нѣкоторыхъ уѣздовъ продолжаетъ убывать. Въ Казанскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ статистическаго бюро, у земледѣльческаго населенія въ прошломъ году имѣлось уже только 26,411 лошадей и 26,933 головъ рогатаго скота, между тѣмъ какъ еще въ началѣ 1893 года у него же оставалось нераспроданными: лошадей 28,612 и рогатаго скота—27,743 головъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ до 1891 года имѣлось 39,218 лошадей; къ началу 1892 года это количество сократилось до 34,690 лошадей, въ 1893 г. было уже 33,840, а на прошлый годъ у населенія оставалось только 32,690 лошадей. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ уменьшеніе количества достигло еще большихъ размѣровъ: до 1891 г. тамъ числилось 62,748 лошадей, на 1892 г. осталось 53,979, а въ прошломъ году уже было только 45,318 лошадей. Въ такой же приблизительно мѣрѣ наблюдается и ростъ контингента безлошадныхъ крестьянъ. Въ Казанскомъ уѣздѣ изъ 32,766 всего числа домохозяйствъ около половины, именно 13,464, оказались въ прошломъ году, во время переписи, безлошадными, между тѣмъ какъ въ 1882 году крестьянское населеніе Казанскаго уѣзда, въ количествѣ 29,639 домохозяйствъ, имѣло 30,439 рабочихъ лошадей, причемъ безлошадныхъ домохозяйствъ было тогда лишь 8,655. Очевидно, что дальнѣйшій ростъ сельскаго пролетаріата можетъ быть устраненъ только путемъ специальныхъ мѣръ. Важнѣйшею изъ нихъ нужно признать снабженіе крестьянъ рабочимъ скотомъ и другимъ инвентаремъ».

Гражданинъ говорить о необходимости путемъ общаго изслѣдованія выяснить размѣры экономическаго разстройства крестьянскаго населенія. Сюгѣ въ Петербургѣ,—по словамъ кн. Мещерскаго,—увѣряютъ, что въ настоящее время крестьянство благоденствуетъ, чему доказательствомъ могутъ служить, по ихъ мнѣнію, успѣшное поступленіе повинностей, развитіе производства и сбыта краснаго товара и пр. Но, въ то же время,—продолжаетъ кн. Мещерскій,—«я ежедневно вижу людей, пріѣзжающихъ изъ разныхъ концовъ Россіи, которые говорятъ о страшной задолженности естѣянина въ той или другой губерніи, о постепенномъ усиленіи цифры

безлошадныхъ деревенскихъ хозяйствъ, о страшной матеріальной безпомощности крестьянскаго населенія, о трудности взиманія платежей и о тяжелыхъ послѣдствіяхъ для экономическаго быта крестьянъ взысканія платежей... Слышу я разговоры о томъ, что поступленіе сборовъ и увеличеніе сбыта краснаго товара ничуть не доказываютъ въ пользу улучшенія благосостоянія крестьянъ, такъ какъ и деньги на кабакъ, и на обладъ, и на красный товаръ идутъ изъ заработка, а не отъ избытка дохода, а заработокъ въ хозяйство крестьянина не входитъ». Какимъ же способомъ можно выяснитъ вопросъ? А выяснитъ его необходимо. «Если экономическое положеніе крестьянъ неудовлетворительно, а люди, думающіе, что оно удовлетворительно, окажутся въ большинствѣ, тогда можно опасаться двухъ неприятныхъ послѣдствій: во-первыхъ, минуты разочарованія и обнаруженія горькой дѣйствительности, а, во-вторыхъ, непринятія въ-время мѣръ къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ. Если же окажется, что неправы тѣ, которые находятъ, что экономическое положеніе крестьянъ не хорошо, — ну, тогда особеннаго неудобства не произойдетъ, — забияли даромъ тревогу, и больше ничего. А если, наоборотъ, они правы? Вотъ вопросъ, меня, признаюсь, мучающій. И мнѣ кажется, что къ числу многихъ спѣшныхъ и неотложныхъ вопросовъ дня должно отнести вопросъ: не слѣдуетъ ли поглубже, посерьезнѣе и повнимательнѣе заняться изслѣдованіемъ экономическаго положенія крестьянъ? Эта имѣющая открыться въ такомъ случаѣ правда послужитъ существенно важнымъ руководствомъ для всей экономической политики въ будущемъ».

Выше мы говорили, что экономическая коммиссія при курской губернской управѣ, обсуждая существующіе способы взысканія податей, признала ихъ крайне вредными для народнаго благосостоянія и предложила, поэтому, земству ходатайствовать о передачѣ сбора податей въ вѣдѣніе министерства финансовъ и объ образованіи особыхъ податныхъ комиссій, въ составъ которыхъ входили бы выбранные земствомъ представители. Такое ходатайство идетъ на встрѣчу намѣреніямъ самого правительства, такъ какъ сознаніе неудовлетворительности дѣйствующихъ способовъ взысканія податей стало общимъ мѣстомъ, и министерство финансовъ давно уже готовится преобразовать это дѣло. Кто не знаетъ, къ какимъ крутымъ мѣрамъ, нарушающимъ и личныя, и имущественныя права, прибѣгаютъ полицейскіе органы при собираніи податей! И только изрѣдка, и лишь въ крайнихъ случаяхъ, эти дѣянія полиціи доходятъ до суда. Одно изъ такихъ дѣяній разсматривалось въ концѣ апрѣля въ саратовской судебной палатѣ. Передъ палатой предсталъ въ качествѣ обвиняемыхъ чуть не цѣлый составъ и сарской уѣздной полиціи: исправникъ, урядникъ, разсылный и волостной старшина. Исправникъ Ивановъ, пріѣхавъ въ городъ Шинкѣевъ, Пензенской губерніи, велѣлъ собрать крестьянъ въ волостное правленіе, и не только не внесъ сейчасъ же денегъ, того отводить въ сосѣднюю комитетъ для «обыска». Но это былъ обыскъ только по названію, а на самомъ дѣлѣ производились жестокія истязанія. Уряднику и разсылному при

зано было бить недоимщиковъ безпощадно. Въ результатѣ «обыска», одинъ изъ крестьянъ, Ахматовъ, былъ вынесенъ окровавленный и безъ чувствъ, а спустя четыре дня умеръ. Рядъ показаній крестьянъ-недоимщиковъ далъ слѣдующую картину взысканія податей. Когда исправникъ Ивановъ, сидя въ волостномъ правленіи, приказывалъ уряднику Кретинину и разсылному Панкову обыскать кого-либо изъ крестьянъ, то они уводили недоимщика въ сосѣднюю съ присутствіемъ, гдѣ находились исправникъ и старшина, «совѣщательную» комнату, гдѣ таскали уведеннаго за бороду и за волосы, били по шеѣ и по животу; въ этомъ и состоялъ весь «обыскъ». Когда свидѣтели Мещерякова потащили въ совѣщательную комнату «обыскивать», то онъ взмолился и говорилъ: «У меня семейство большое, на кого оно останется?» Мещеряковъ отдѣлался побоями со стороны урядника на глазахъ исправника въ присутственной комнатѣ. Старикъ Гаврилъ Ахматовъ показалъ, что когда его привели въ совѣщательную комнату, разсылный Панковъ схватилъ его за шею такъ, что тотъ сталъ задыхаться; тогда онъ взмолился: «Батюшка, пожалѣй мою старость и свою душу!»—и Панковъ его отпустилъ. Инсарскій земскій врачъ показалъ, что исправникъ Ивановъ, пріѣхавъ въ городъ, остановился у него на квартирѣ. Въ исправнику явился урядникъ и получилъ выговоръ за неисправное поступленіе податей. При этомъ Ивановъ сказалъ уряднику, что когда онъ въ волостномъ правленіи прикажетъ кого-нибудь обыскать въ совѣщательной комнатѣ, то это значитъ, что его тамъ надо побить для острастки. «Умѣешь ли ты собирать подати?»—спросилъ исправникъ урядника, и показалъ, какъ это дѣлается: взялъ воображаемаго недоимщика за бороду, а ногою давалъ ему пинки въ животъ, совѣтуя не бить по груди и ребрамъ, «такъ какъ это опасно, и улики легко могутъ обнаружиться». Палата приговорила исправника, урядника и разсылнаго къ тюремному заключенію.

Кромѣ измѣненія податной системы, земскія собранія давно ходатайствуютъ также объ учрежденіи кредита для сельскаго населенія. Извѣстно, что кулачество и ростовщичество возникли именно на почвѣ отсутствія дешеваго крестьянскаго кредита. Правительство въ своихъ заботахъ объ улучшеніи экономическаго быта сельскаго населенія расширило закономъ 6 іюня 1894 г. дѣятельность государственнаго банка, поставивъ одной изъ его задачъ доставленіе дешеваго и доступнаго кредита массѣ населенія—мелкимъ торговцамъ, ремесленникамъ, кустарямъ и крестьянамъ. Но это, разумѣется, не болѣе, какъ первый шагъ правительства въ дѣлѣ установленія сельскаго кредита, а потому кто ожидалъ, что упомянутое преобразование государственнаго банка удовлетворитъ нужду крестьянства въ кредитѣ, тотъ долженъ былъ разочароваться. Открытіе отдѣленія азовскаго банка на новыхъ началахъ,—читаемъ въ *Сѣверномъ Кавказѣ*,—чего почти не измѣнило въ дѣлѣ пользованія крестьянами кредитомъ, крестьянская масса нашей губерніи (Ставропольской) обречена и теперь аваться въ цѣпкихъ лапахъ ростовщиковъ всѣхъ видовъ. На всю нашу губернію существуетъ всего 4—5 сельскихъ банковъ съ оборотомъ въ нѣ-

сколько десятковъ тысячъ рублей. Между тѣмъ, борьба съ ростовщицествомъ только и возможна путемъ учрежденія доступнаго сельскому населенію кредита. Изданный противъ ростовщичества законъ, какъ и надо было ожидать, не достигъ своей цѣли. Ростовщицество продолжаетъ процвѣтать открыто, сообщеніями о чемъ полна провинціальная пресса.

Законъ о ростовщикахъ, — пишутъ изъ Малоярославцеваго уѣзда въ *Орловскій Вѣстникъ*, — изданный въ минувшее царствованіе, имѣлъ свою цѣлью преслѣдованіе не только ростовщиковъ, оперирующихъ въ городахъ, среди мелкаго служащаго и рабочаго люда, но, главнымъ образомъ, деревенскихъ кулаковъ. Но если въ городахъ еще возможно возбужденіе процесса противъ ростовщика, то въ деревнѣ это буквально немыслимое дѣло. Деревенскій кулакъ-ростовщикъ на глазахъ у всѣхъ будетъ брать самые лихвенные проценты, и ничего съ нимъ не сдѣлаешь, благодаря той силѣ, которую онъ имѣетъ. Мелкаго человѣка, крестьянина, онъ держитъ въ постоянномъ страхѣ угрозой разорить, взыскивая старые долги, лишить кредита, т.-е. лишить возможности жить. Въ нашей мѣстности, напримѣръ, царитъ трактирщикъ Соболевъ, держащій въ своей кабалѣ громадный округъ. Крестьяне — постоянные работники на него, никогда не могущіе отработать своихъ долговъ. Пока крестьянинъ исполняетъ приказанія своего благодѣтеля, онъ живетъ еще, но какъ только ослушался въ чемъ-нибудь, — наступаетъ разореніе. Съ него начинаютъ требовать, въ самое неподходящее время, уплаты долговъ, прибѣгаютъ къ содѣйствію суда, исполнительнымъ листамъ и т. п. Наученные горькимъ опытомъ, крестьяне уже и не пытаются бороться съ благодѣтелемъ, а покорно несутъ свою крѣпостную зависимость, такъ какъ видятъ, что помощи для выхода изъ нея нѣтъ ни откуда.

Несмотря на существованіе закона противъ ростовщичества, — пишутъ въ *Самарскую Газету* изъ Бузулукскаго уѣзда, — наши ростовщики продолжаютъ взимать отъ 3 до 15%, въ мѣсяцъ. Ссуды даютъ они только мѣсячныя. Давать ссуду на годъ они никакъ не могутъ, такъ какъ можетъ произойти прекуръзное *qui pro quo*. Предположимъ, вы заняли бы 100 р. за «божескіе» проценты, т.-е. по 10% въ мѣсяцъ. У этихъ ростовщиковъ принято за непремѣннѣйшее правило брать проценты впередъ. Что же бы вышло съ вашимъ займомъ? По уговору за 100 р. ссуды въ годъ вамъ пришлось бы внести ростовщику однихъ процентовъ 120 р. Доказать на судѣ ростовщицество не легко, да, притомъ, крестьянинъ и боится начать тяжбу съ ростовщикомъ. Лица, занимающіяся ростовщицествомъ, всѣмъ извѣстны, и, тѣмъ не менѣе, они процвѣтаютъ и будутъ процвѣтать, и не измѣнятся хозяйственные условія деревни.

Рядомъ съ наличностью закона о ростовщицествѣ, — читаемъ въ *Юномъ Краѣ*, — послѣднее, очевидно, не намѣрено отходить въ область во минаній, а продолжаетъ, попрежнему, процвѣтать; въ особенности ростовщичество пустило глубокіе корни въ деревняхъ, гдѣ крестьяне, лишенные своего кредита, въ трудныя минуты прибѣгаютъ къ кулакамъ. Нѣкото

изъ послѣднихъ, для избѣжанія возможной отвѣтственности по закону, перестали брать лихвенные проценты, но за то опутываютъ должника крупною неустойкой, не уступающею лихвеннымъ процентамъ. Обыкновенно въ долговой роспискѣ, «въ случаѣ неуплаты долга по первому требованію» ростовщика, крестьянинъ обязывается еще уплатить ему неустойку, превышающую иногда весь долгъ. Въ Харьковскомъ уѣздѣ масса подобныхъ росписокъ предъявляется въ волостной судъ, который взыскиваетъ и долгъ, и неустойку.

Въ ряду правительственныхъ мѣропріятій къ улучшенію экономическаго положенія сельскаго населенія важное мѣсто занимаетъ сообщенный газетами проектъ министерства земледѣлія объ измѣненіи системы отдачи въ аренду казенныхъ земель. Министерство имѣетъ въ виду устранить посредничество при арендованіи государственныхъ земель и сдавать ихъ непосредственно общинамъ и товариществамъ крестьянъ на 12 лѣтъ и за плату, соответствующую хозяйственнымъ условіямъ данной мѣстности. При исправности сьемщиковъ, аренда, по истеченіи срока, возобновляется снова на 12 лѣтъ. Когда проектъ министерства станетъ закономъ, то это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для всей той массы крестьянства, которая получить въ аренду казенныя земли. Сверхъ того, благоустроенная аренда государственныхъ земель окажетъ, можетъ быть, современемъ влияние на наше законодательство и объ арендѣ частно-владѣльческой земли, каковое законодательство пребываетъ до сихъ поръ вполне въ эмбріональномъ состояніи. Между тѣмъ, арендованіе земли играетъ большую роль въ нашей сельско-хозяйственной жизни. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи крестьяне арендуютъ болѣе 11 милліоновъ десятинъ, что составляетъ *пятую* часть ихъ собственной надѣльной земли. За эту землю они уплачиваютъ около 70 милл. руб. въ годъ. Число арендующихъ дворовъ въ среднемъ доходитъ почти до половины, а во многихъ мѣстахъ поднимается до 70 и даже 85%, всѣхъ дворовъ. Въ то же время, данныя, касающіяся частнаго землевладѣнія, указываютъ, что въ большинствѣ частно-владѣльческихъ имѣній сдается земля крестьянамъ въ аренду. Такъ, въ черноземной полосѣ лишь въ половинѣ имѣній свыше 50 дес. ведется собственная запашка; въ остальной половинѣ *вся* земля сдается въ аренду; но и въ той половинѣ имѣній, гдѣ ведется собственная запашка, до 35% пахотной земли этихъ имѣній также сдается въ аренду и почти исключительно крестьянамъ. Этихъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, насколько важнымъ является въ Россіи дѣло арендованія земли. Между тѣмъ, при существующихъ порядкахъ аренды, она приноситъ мало добра крестьянству, вслѣдствіе высокихъ арендныхъ цѣнъ, и чрезвычайно губительна для земледѣя, такъ какъ обычная сдача земли погодно ведетъ къ истощенію почвы. Кіе же поучительно для насъ въ этомъ дѣлѣ англійское законодательство, усвоившее почти образцовый порядокъ арендныхъ отношеній въ Ирландіи, т.-е. въ странѣ, гдѣ аренда играетъ въ народномъ хозяйствѣ такую же важную роль, какъ и въ нашемъ отечествѣ. Мы желаемъ возможно

большаго разпространенія недавно вышедшей книги г. Мануилова *Аренда земли въ Ирландіи*, которая обстоятельно знакомитъ читателя какъ съ прежними бѣдственными для страны арендными порядками, чрезвычайно сходными съ русскою дѣйствительностью, такъ и съ исторіей законодательства объ арендѣ и современнымъ его состояніемъ. По дѣйствующему нынѣ въ Ирландіи законодательству,—говоритъ г. Мануиловъ,—собственникъ можетъ сдавать или не сдавать свою землю въ арендное пользованіе, но разъ онъ сдалъ ее, его право распоряжаться этой землей и устанавливать условія пользованія ею ограничивается. Эти условія устанавливаются не земельнымъ собственникомъ, а государствомъ... При сдачѣ земли въ аренду государство вмѣшивается въ возникающія отношенія между арендаторомъ и собственникомъ и заступаетъ мѣсто послѣдняго въ важнѣйшихъ его функціяхъ. Регламентация государствомъ аренды въ Ирландіи доказываетъ практическую осуществимость и полезность такого порядка, при которомъ земледѣлецъ является владѣльцемъ земли, а мѣсто собственника заступаетъ государство.

Въ предшествовавшихъ очеркахъ нашихъ мы указывали, что земскія собранія, устанавливая, на запросъ правительства о неотложныхъ нуждахъ земледѣлія, полную программу экономической политики для поднятія матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, на одно изъ первыхъ мѣстъ выдвигаютъ необходимость всеобщаго обученія. При этомъ ни одно изъ земствъ не высказалось за обязательность обученія; между тѣмъ, четверть вѣка назадъ, когда въ правительственныхъ сферахъ обсуждался вопросъ о введеніи всеобщаго обученія, всѣ полагали, что осуществить всеобщее обученіе возможно лишь при признаніи обязательности его. За четверть вѣка въ народѣ настолько развилось сознаніе важности образованія, что обязательность его стала ненужной. Только откройте требуемое всеобщимъ обученіемъ число школъ—и всѣ онѣ будутъ полны учащимися. Теперь въ народной средѣ происходитъ бросающееся въ глаза движеніе какъ къ образованію молодого поколѣнія, такъ и къ самообразованію. Библіотеки и читальни открываются крестьянами на собранныя средства не только тамъ, гдѣ имѣется хотя небольшой достатокъ, открываются онѣ нерѣдко и такими селеніями, матеріальныя средства которыхъ очень скудны. На-дняхъ крестьяне на сельскомъ сходѣ,—пишутъ въ *Самарскую Газету* изъ с. Новая Маина, Ставропольскаго у.,—постановили открыть при земской школѣ народную бібліотеку, на что ассигновали 15 рублей. Незначительность ассигнованной суммы объясняется тѣмъ, что жители не успѣли еще оправиться отъ пожара, бывшаго въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, который истребилъ не только дома и имущество большей половины крестьянъ, о даже и хлѣбъ, только что свезенный съ поля. Нужно надѣяться, что государство поможетъ крестьянамъ въ ихъ стремленіи удовлетворять свои духовныя потребности, такъ какъ въ земствѣ имѣется небольшая сумма на родныя бібліотеки, отпущенная губернскимъ собраніемъ. По сообщенію

же газеты, крестьяне Николаевского уезда учреждают библиотеки при всѣхъ сельскихъ училищахъ. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе 47 сельскихъ обществъ и сборъ достигъ уже суммы 6,656 рублей. Изъ нихъ 2,831 руб. ассигнованы сельскими обществами и 3,825 руб. поступили отъ частныхъ лицъ. Но это далеко еще не вся сумма, какую нужно ожидать для осуществленія задуманнаго предпріятія, такъ какъ въ значительномъ числѣ изъ упомянутыхъ 47 обществъ подписка еще не закончена, и почти каждая почта приноситъ извѣстіе или о новыхъ сельскихъ обществахъ, которыя примкнули къ движенію въ вопросѣ объ устройствѣ библиотекъ. Среди матеріаловъ по этому дѣлу, — говоритъ газета, — мы встрѣчаемъ весьма трогательныя заявленія обществъ, что по бѣдности своей, усиленной экстреннымъ взысканіемъ съ нихъ казенныхъ податей, они въ данное время не могутъ ничего дать, но по уборкѣ хлѣбовъ непременно внесутъ посильную лепту на доброе дѣло.

Изъ большихъ селъ начинаютъ появляться извѣстія, что крестьяне уже не довольствуются начальной сельскою школою, а стремятся устраивать учебныя заведенія съ болѣе обширною программой. Въ послѣдней почтѣ такое извѣстіе получено *Самарскимъ Вѣстникомъ* изъ села Балаково. Крестьяне этого села начали хлопотать объ открытіи у нихъ 4-хъ класснаго училища и готовятъ для него мѣсто. Самымъ удобнымъ для этой цѣли оказалось мѣсто сзади волостного правленія, принадлежащее крестьянамъ, но его оказалось недостаточно для училища; для училища обязательно нужна десятина, а ее негдѣ взять, такъ какъ сосѣднія мѣста принадлежать удѣлу. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что упомянутыя удѣльныя мѣста ничѣмъ не заняты, крестьянское общество обратилось съ ходатайствомъ къ министру Императорскаго двора и удѣловъ о безвозмездной уступкѣ ихъ подѣ училище. Гр. Воронцовъ-Дашковъ уважилъ просьбу крестьянъ и разрѣшилъ уступить имъ землю, но только не въ полномъ количествѣ, какое они просили, а въ половинномъ. Въ настоящее время крестьяне составили на имя его сіятельства благодарственный приговоръ, но въ немъ, между прочимъ, вновь просятъ объ уступкѣ просимой земли полностью, указывая на то, что разъ не будетъ необходимаго количества земли, то не разрѣшать открыть и училище; необходимое же количество будетъ только тогда, если удѣлъ уступить просимыя мѣста полностью, такъ какъ у крестьянъ въ этомъ мѣстѣ своей земли не имѣется, а мѣсто это очень удобное и другого такого найти нельзя. Если удѣльное вѣдомство уважитъ эту просьбу, то этимъ оно облегчитъ крестьянскому обществу дальнѣйшее ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи открыть 4-хъ классное училище.

Московский комитетъ грамотности, предпринявъ въ прошломъ году изысканіе вопроса о всеобщемъ обученіи, разослалъ программу различнымъ режидентамъ и лицамъ, вѣдающимъ дѣло народнаго образованія. Однимъ изъ вопросовъ программы былъ слѣдующій: «Вездѣ ли въ извѣстномъ вамъ онѣ крестьяне (или жители города) желаютъ учить своихъ дѣтей, и отъ

какихъ причинъ зависить больше или меньшее стремленіе ихъ къ школь? На обращеніе комитета грамотности, — читаемъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, — откликнулись многочисленные голоса. Отвѣты присылались и продолжаютъ присылаться лицами самаго разнообразнаго общественнаго положенія, но имѣющими болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе со школьнымъ дѣломъ на мѣстахъ: директорами и инспекторами народныхъ училищъ, членами губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, предсѣдателями и членами уѣздныхъ земскихъ управъ и ихъ секретарями, предводителями дворянства, городскими и сельскими учителями и учительницами, мировыми судьями, земскими начальниками, священниками, помѣщиками и крестьянами, городскими головами, управами и городскими старостами и другими лицами. И вотъ на вопросъ: вездѣ ли въ извѣстномъ районѣ населеніе желаетъ учить своихъ дѣтей, 89,3%, отвѣчающихъ даютъ отвѣтъ: «Да, вездѣ», и только 10,7%, отвѣчаютъ: «Не вездѣ». Такимъ образомъ, потребность въ школьномъ обученіи является сознанной почти повсемѣстно. Тамъ же, гдѣ наблюдаются обратныя явленія, они находятъ себѣ объясненіе въ такихъ причинахъ, какъ вѣроисповѣдное различіе, экономическая захудалость, плохая постановка школы и т. п. Такъ, отмѣчается враждебное къ русской школѣ отношеніе со стороны значительной части населенія татаръ-магометанъ, вслѣдствіе религіозныхъ причинъ, въ Симбирской и Казанской губерніяхъ. Указывается на равнодушіе къ школѣ въ глухихъ и бѣдныхъ мѣстностяхъ. Но подобныя указанія для чисто-русской среды отмѣчаются только относительно крайне незначительнаго количества мѣстностей. Всѣ эти факты о стремленіи населенія къ школьному обученію относятся не къ одной какой-либо счастливой мѣстности, но имѣютъ мѣсто на всемъ пространствѣ нашей обширной родины. Факты эти сообщены изъ 44 губерній, 179 уѣздовъ и 86 городовъ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что характеризуемое ими явленіе есть явленіе повсемѣстное.

Ростущему въ народѣ движенію къ образованію идетъ на встрѣчу интеллигенція. Однимъ изъ самыхъ отрадныхъ фактовъ современной русской дѣйствительности является подъемъ общественной и частной инициативы въ области распространенія народнаго просвѣщенія. Работа интеллигенціи въ этомъ дѣлѣ непрестанно усиливается какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири. Полагаютъ даже, что въ Сибири она идетъ еще дѣятельнѣе. Дѣйствительно, почти всѣ города Сибири имѣютъ частныя общества народнаго просвѣщенія, народныя библіотеки; во многихъ изъ нихъ устроены народныя чтенія, народно-образовательные музеи, организованы склады книгъ, пригодныхъ для народа. Общества, задавшія цѣлью оказывать содѣйствіе просвѣщенію мѣстнаго населенія, существуютъ не только въ губернскихъ городахъ, вродѣ Томска, Иркутска, Красноярска, Тобольска, Омска, но и во множествѣ уѣздныхъ и окружныхъ городовъ, часто совершенно ничтожныхъ по своимъ размѣрамъ, какъ Нулинскъ, Енисейскъ, Барнаулъ, Бійскъ, Тара, Каинскъ, Сургутъ, Бере-

Особенно выдается энергіей и размѣрами своей дѣятельности томское общество народнаго образованія. По числу учащихся дѣтей школьнаго возраста Томскъ оставилъ позади себя Петербургъ и Москву. Самый Томскій университетъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ возникновеніемъ частной инициативѣ и щедрымъ пожертвованіямъ сибиряковъ. По поводу вышедшаго недавно отчета о десятилѣтней дѣятельности общества попеченія о народномъ образованіи въ г. Барнауль, *Приазовскій Край* совершенно вѣрно говоритъ, что когда мы представимъ себѣ всѣ условія работы въ городкѣ, заброшенномъ въ отдаленномъ углу нашей родины, вдали отъ центровъ просвѣщенія, — работы, сопровождаемой массою самыхъ разнообразныхъ стѣсненій, тогда невольно преклоняешься предъ энергіей барнаульскихъ тружениковъ, предъ ихъ преданностью великому и святому дѣлу народнаго просвѣщенія, предъ тѣмъ «живымъ духомъ», который сказался въ ихъ работѣ. За десять лѣтъ своего существованія барнаульское общество попеченія о начальномъ образованіи успѣло устроить двѣ школы, въ которыхъ въ настоящее время обучается 237 дѣтей и для одной изъ которыхъ устроенъ собственный прекрасный домъ, а для другой строится такой же домъ; при этомъ значительная часть учащихся въ школахъ общества, въ виду ихъ бѣдности, получаетъ бесплатно книги, одежду и даже обѣды. Затѣмъ общество устроило двѣ бесплатныхъ народныхъ библіотеки и бесплатный кабинетъ для чтенія, причемъ для помѣщенія одной изъ библіотекъ оно намѣрено устроить особое изданіе, для чего уже собрало нужныя средства. Въ помѣщеніи этомъ, сверхъ библіотеки, будутъ устроены аудиторія народныхъ чтеній и народный музей, зачатки котораго, въ видѣ разныхъ коллекцій, уже имѣются въ распоряженіи общества. Наконецъ, благодаря тому же обществу, въ городѣ возникла городская общественная библіотека, располагающая свыше 5 тыс. томовъ, что для такого городка, какъ Барнаулъ, надо признать весьма внушительнымъ явленіемъ. Сверхъ всего этого, общество оказываетъ весьма существенную и разнообразную поддержку существующимъ въ Барнауль образовательнымъ учрежденіямъ, поддерживаемымъ на средства казны и города.

Такое же отрадное впечатлѣніе производитъ недавно вышедшій отчетъ о народныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ Кіевѣ. Народныя чтенія здѣсь возникли по инициативѣ небольшого кружка педагоговъ, во главѣ котораго стоялъ сперва проф. П. П. Алексѣевъ, а затѣмъ съ осени 1882 г. проф. Н. А. Хржанщевскій, остающійся и понынѣ во главѣ дѣла. Чтенія начались въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Средствъ не было, помѣщеніемъ служила зала городской думы, но скоро послѣдняя отказала въ помѣщеніи, и чтенія должны были кочевать съ мѣста на мѣсто. Были и административныя затрудненія, но инициаторы дѣла не унывали, не складывали рукъ и продолжали идти къ своей цѣли. И результаты вполнѣ вознаградили ихъ. Въ настоящее время въ комиссіи народныхъ чтеній принимаютъ участіе вся кіевская интеллигенція: здѣсь и духовенство, и профессора университета, и преподаватели среднеучебныхъ заведеній, врачи,

мировые судьи и т. д. Городская дума, остававшаяся значительное время равнодушною къ дѣлу народныхъ чтеній, теперь предоставила и приспособила для чтеній залу городского дома и, кромѣ того, даетъ ежегодное пособіе. Поддержали чтенія пособіями также такія учрежденія, какъ общество естествоиспытателей, общество покровительства животнымъ и общество взаимнаго кредита. Были и частныя пожертвованія. Благодаря этому, дѣло народныхъ чтеній въ Кіевѣ получило значительное развитіе.

Продвѣтають также народныя чтенія въ Тамбовѣ, обязанныя своимъ возникновеніемъ Эммануилу Дмитріевичу Нарышкину. На народное образованіе въ Тамбовской губерніи г. Нарышкинымъ пожертвовано 800,000 р., изъ коихъ на народныя чтенія удѣлено имъ 300,000 рублей. Одно изъ лучшихъ украшеній Тамбова представляетъ грандіозное зданіе для народныхъ чтеній, которое называютъ въ городѣ «народнымъ дворцомъ». Несмотря на обширность зданія, на чтенія является вдвое большее количество слушателей, чѣмъ какое можетъ вмѣстить аудиторія, такъ что постоянно приходится отказывать въ билетахъ. Въ прошломъ году, какъ видно изъ отчета, было исполнено 71 чтеніе, въ томъ числѣ 27 повторныхъ, и на всѣхъ этихъ чтеніяхъ было 45,558 слушателей, въ томъ числѣ мужчинъ 26,986 и женщинъ 18,872, причеиъ платныхъ слушателей было 3,844, а бесплатныхъ 41,714. Среднимъ числомъ на каждое чтеніе приходится 641 человекъ.

Тамбовское «общество народныхъ чтеній» находится въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, благодаря тому, что въ его рукахъ имѣется крупный капиталъ, пожертвованный Нарышкинымъ. Но и другія провинціальныя общества, не имѣющія въ своемъ распоряженіи такихъ крупныхъ суммъ, тоже съ каждымъ годомъ все расширяють кругъ своей дѣятельности. Такъ, наприм., по сообщенію *Вомазя*, года два тому назадъ «нижегородское общество распространенія начального образованія» устраивало чтенія только въ двухъ пунктахъ: въ самомъ городѣ и селѣ Канавинѣ. Въ текущемъ же году, помимо 4 аудиторій въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтенія устраивались еще въ 17 пунктахъ губерніи. По словамъ газеты, въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ чтенія идутъ каждый воскресный день. Завѣдуютъ чтеніями въ селахъ большею частью учителя народныхъ школъ, отчасти священники, земскія и другія лица. Часто учитель одинъ, — безъ помощи другихъ, — и читаетъ, и показываетъ картины, и слѣдитъ за порядкомъ и онъ же долженъ принять на себя всѣ хлопоты по пересылкѣ картинъ и устройству приспособленій для чтеній. Вознаграждаетъ тружениковъ тотъ глубокий интересъ, съ какимъ относятся крестьяне къ чтеніямъ.

Стеерный Кавказъ сообщаетъ, что въ станицѣ Архангельской (Кубанской обл.) образовалось «братство» съ цѣлью распространенія просвѣщенія въ народѣ и оказанія помощи бѣднымъ ученикамъ. Въ составъ братства вошли двѣ учительницы, учитель министерской школы, многіе изъ мѣстныхъ прикащиковъ и зажиточныхъ станичниковъ. Уже за первый годъ существованія братство успѣло выстроить залу для народной читальни и писало въ нее на 150 р. книгъ, роздало бесплатно для домашняго чтенія

народу до 1,000 различных брошюр, оказало помощь платьем и обувью шестнадцати бѣднѣйшимъ ученикамъ и готовится къ открытію народныхъ чтеній.

По поводу недавняго открытія въ Самарѣ воскресной школы, мѣстная газета (*Самарскій Вѣстникъ*) говоритъ о большомъ сочувствіи, какое встрѣтило это дѣло. Больше 50 лицъ заявили желаніе быть въ ней преподавателями. Извѣстная своею педагогическою дѣятельностью и умѣньемъ организовать воскресныя школы Христина Даниловна Алчевская снабдила бібліотеку открытой школы нѣсколькими изданіями, относящимися до дѣла преподаванія въ школахъ, и большимъ количествомъ руководящихъ статей.

Рядомъ съ народными чтеніями, народными бібліотеками, воскресными школами начинается въ послѣднее время возникать и народный театръ, какъ одно изъ разумныхъ средствъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей рабочаго человѣка. Народный театръ, какъ мы сказали, только начинается возникать, а потому число такихъ театровъ пока очень небольшое. О нѣкоторыхъ изъ нихъ интересныя свѣдѣнія сообщаетъ *Волжскій Вѣстникъ*. Прежде всего, газета рассказываетъ о первомъ деревенскомъ театрѣ, а именно о театрѣ въ селѣ Петино, верстахъ въ 10 отъ Воронежа, устроенномъ извѣстнымъ педагогомъ Н. Бунаковымъ. Возникъ этотъ театръ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ старшемъ отдѣленіи школы ученики читали сцену изъ драматической пьесы Островскаго *Козьма-Мининъ Сухопутъ*, причемъ учитель познакомилъ учениковъ съ театромъ и видимо заинтересовалъ ихъ.

— Вотъ бы посмотрѣть! — сказали Федоръ Давыдовъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ, способный, любознательный, прилежный.

— А что, какъ бы намъ самимъ представить этого Кузьму Захаревича? — отозвался его пріятель, Федоръ Тарсанинъ.

— Какъ же мы будемъ представлять? У насъ нѣтъ ни театра, ни декораций.

— А такъ, ты говори за Минина, я буду Аксеновъ, Торя—Мареа Борисовна, еще кто-нибудь будетъ говорить за Болзакова. — Предложеніе было одобрено учителемъ; разобрали роли, и получилось что-то вродѣ театральнаго представленія. Затѣмъ, на Рождествѣ, три ученика изображали *Двухъ мужиковъ* Крылова, и представленіе очень понравилось мужикамъ и бабамъ, приглашеннымъ на этотъ разъ, и вызвало у нихъ много разсужденій и разговоровъ. Результатомъ разсужденій и толковъ явился постоянный театръ. Сценой послужила классная комната; исполнителями явились ученики, ученицы и взрослое населеніе деревни. Дѣло идетъ очень хорошо. Играющіе въ первое время конфузились, но современемъ привыкли и оказались весьма недурными исполнителями, а два-три человѣка даже обнаружили сценическій талантъ.

громный (на 1½ тысячи человѣкъ) театръ для рабочихъ выстроенъ на «Большой Ярославской мануфактурѣ» Карзинкиныхъ. Каждый спектакль повторяется 6 разъ, причемъ каждый разъ допускается бесплатно новая

сѣна рабочихъ. Временами въ театрѣ играетъ труппа любителей; но постоянными исполнителями, особенно въ народныхъ пьесахъ, являются рабочіе.

Нѣсколько лѣтъ уже существуетъ театръ на Ивановской фабрикѣ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. Въ истекшую зиму были даны: *Не въ свои сани не садись*, *Соперники* и историческая быль *Костромскіе мѣся* Полевого. Всѣ три пьесы, изъ которыхъ первая и третья сопровождалась небольшими объяснительными статьями, прочитанными передъ началомъ спектаклей, имѣли большой успѣхъ. Островскій пользовался наибольшимъ успѣхомъ. Исполнителями явились фабричные служащіе, рабочіе и ихъ семьи; большинство изъ нихъ играютъ уже давно и чувствуютъ себя на сценѣ свободно. Нѣкоторые проявляютъ положительный талантъ, и сцена дѣйствуетъ на нихъ развивающимъ образомъ. Всѣ репетиціи посѣщаются аккуратно даже статистами, приходящими иногда за нѣсколько верстъ изъ сосѣднихъ деревень. Публика состоитъ частью изъ фабричныхъ, частью изъ окрестныхъ деревенскихъ жителей. Число ихъ за три спектакля достигло 1,500 человекъ. Посѣтителі ведутъ себя скромно и, несмотря на праздничные дни, пьяныхъ не бываетъ. Всѣ съ интересомъ слѣдятъ за ходомъ пьесы и награждаютъ исполнителей шумными одобреніями.

Указавъ еще на нѣсколько народныхъ театровъ, авторъ сообщенія вездѣ встрѣчаетъ большую симпатію и серьезное отношеніе народа къ театру; вездѣ встрѣчаетъ также хорошихъ исполнителей изъ народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже существующій опытъ народнаго театра показываетъ, что всего болѣе нравятся народу и сильнѣе привлекаютъ его вниманіе тѣ пьесы, которыя даютъ изображеніе не заурядной будничной жизни, а чего-либо выдающагося—трагическаго или комическаго. Народъ выходитъ изъ театра съ приподнятымъ, здорово-возбужденнымъ настроеніемъ. Представленія порождаютъ массу разсужденій, вопросовъ; и, такимъ образомъ, театръ является однимъ изъ важныхъ орудій народнаго просвѣщенія.

Каждый мѣсяцъ печать приноситъ отрадные извѣстія о ростѣ общественной самодѣятельности какъ въ области народнаго просвѣщенія, такъ и въ другихъ сферахъ. Въ ряду этихъ извѣстій на первомъ планѣ надо поставить сообщеніе объ учрежденіи подѣ Петербургомъ «пріюта-колоніи», о чемъ уже было упомянуто во *Внутреннемъ обозрѣніи* прошлой книжки нашего журнала. Въ концѣ прошлаго года лица, пожелавшія остаться неизвѣстными, обратились въ петербургскую городскую думу, черезъ М. М. Стасюлевича, съ предложеніемъ принять отъ нихъ въ даръ петербургскому земству 150,000 руб. съ благотворительною цѣлью. Въ запискѣ, сопровождающей означенную сумму, выяснились цѣли пожертвованія. Есть лица,—говоритъ въ запискѣ,—напримѣръ, слѣпые и вмѣстѣ паралитики, которые нынѣ призрѣваются никакимъ обществомъ. Содержаніе вообще призрѣваемыхъ городъ обходится сравнительно дорого, а съ другой стороны, и у призрѣванія въ городахъ менѣе благоприятны, чѣмъ призрѣваніе въ

довъ, среди сельской обстановки, на чистомъ воздухѣ, напримѣръ, для дѣтей, вообще хронически больныхъ и т. п. Наконецъ, есть лица, тщетно ищущія работы, не имѣющія близкихъ среди жителей города, которые могли бы имъ помочь, удержать ихъ отъ паденія, а, между тѣмъ, безъ доставленія работы и своевременной поддержки эти лица грозятъ пополнить собою ряды нравственно павшихъ, которымъ одинъ только шагъ до преступленія. Пусть одни лица, нуждающіяся въ помощи, по отсутствію работы, помогаютъ тѣмъ, кто нуждается въ уходѣ по болѣзни и тому подобномъ. Такимъ образомъ, будетъ доставленъ и честный заработокъ однимъ, и призрѣніе другимъ, къ работѣ неспособнымъ. Исходя изъ предположенія, что наибольшую прочностью будетъ обладать учрежденіе, для указанныхъ цѣлей вызываемое къ жизни, въ томъ случаѣ, когда веденіе всего дѣла будетъ зависѣть отъ органовъ, и безъ того уже дѣйствующихъ по закону на поприщѣ общественнаго призрѣнія, жертвователи упомянутаго капитала предоставляютъ всецѣло попеченіе о проектируемомъ учрежденіи совмѣстно городскому общественному управленію Петербурга и петербургскому земству. Выбранная земствомъ и городской думой коммиссія для выработки главныхъ положеній намѣченнаго жертвователями учрежденія обращалась за содѣйствіемъ ко многимъ свѣдущимъ людямъ. Работы коммиссіи закончены; планъ новаго учрежденія внимательно обдуманъ и представляетъ большой интересъ. По этому плану пріютъ-колонія имѣетъ цѣлью оказывать помощь какъ тѣмъ, которые сами пожелали бы поступить въ колонію, вслѣдствіе невозможности найти работу для пропитанія и крова, такъ и тѣмъ, кто, по своему убожеству, вовсе лишень средствъ къ тому, чтобы жить трудомъ. Сообразно съ такою цѣлью, на землѣ колоніи устраиваются сельско-хозяйственныя и ремесленныя работы, а также дома призрѣнія и другія подобныя учрежденія для взрослыхъ и для малолѣтнихъ. Пріютъ-колонія устраивается внѣ города С.-Петербурга и его пригородовъ, но не иначе, какъ въ предѣлахъ С.-Петербургской губерніи, и, притомъ, по возможности въ недалекомъ разстояніи отъ столицы. Основнымъ средствомъ къ учрежденію и содержанію пріюта-колоніи служить пожертвованный капиталъ въ 150,000 рублей. Изъ этого капитала часть его, не свыше 50,000 руб., предназначается для пріобрѣтенія подъ пріютъ-колонію земли не менѣе 1,000 десятинъ, а также для устройства и полнаго ея обзаведенія. Ежегодное содержаніе пріюта-колоніи покрывается: а) доходомъ отъ ея капиталовъ и имущества и б) доходомъ, выручаемымъ отъ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ работъ въ пріютъ-колоніи. Основнымъ занятіемъ должно служить земледѣліе и сельское хозяйство вообще, во всѣхъ возможныхъ его формахъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и къ тѣмъ средствамъ, которыми это учрежденіе будетъ располагать, какъ - то: хлѣбопашество, траворазведеніе, скотоводство, огородничество, плодоводство, пчеловодство, молочное хозяйство, птицеводство, рыбодовство, лѣсоразведеніе и т. п. Затѣмъ, въ зимнее время, когда всѣ работы пріостанавливаются, призрѣваемые занимаются различными работами и изготовленіемъ разныхъ предметовъ какъ для удовлетворенія

собственныхъ потребностей, такъ и на продажу, для чего устраиваются, подъ руководствомъ опытныхъ инструкторовъ, соответствующія мастерскія: плотничныя, столярныя, плетенія корзинъ, слесарныя, кузнечныя, портняжныя, сапожныя, сукновальни, гончарныя, для изготовленія деревянной посуды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей, для дубленія кожъ и проч. Для женщинъ устраиваются особыя мастерскія, швейныя, ткацкія, вязальныя, прядильныя, кружевыя, прачешныя и т. п. Впослѣдствіи, когда учрежденіе разовьется, можно допустить пріемъ престарѣлыхъ, больныхъ и слабосильныхъ, не могущихъ работать наравнѣ съ прочими призрѣваемыми и занимающихся болѣе мелкими работами, какъ, напримѣръ, уходомъ за больными и малолѣтними, остающимися въ ясляхъ, домашнимъ хозяйствомъ, полотьемъ грядъ, собираніемъ цѣлебныхъ травъ, ягодъ, грибовъ и т. п.; совсѣмъ же старыя и безсильныя освобождаются совершенно отъ работъ и призрѣваются на средства учрежденія. Для дѣтей устраивается школа, и, по окончаніи элементарнаго образованія въ ней, они обучаются сельскому хозяйству или тому или другому ремеслу, смотря по способностямъ каждаго. Въ этой же школѣ могутъ въ свободное отъ занятій время обучаться грамотѣ и желающіе изъ взрослыхъ членовъ общегитія. При школѣ устраивается читальня, въ которой, или въ помѣщеніи школьнаго класса, могутъ происходить общія чтенія и, по праздникамъ, различныя общественныя развлечения, какъ, напримѣръ, пѣніе, музыка, танцы, спектакли, гимнастическія упражненія и другія игры. Для дальнѣйшаго развитія средствъ своей благотворительной дѣятельности пріютъ-колонія можетъ, кромѣ возможныхъ ассигновокъ отъ города и земства, получать пожертвованія отъ частныхъ обществъ и лицъ, а также принимать мѣры къ увеличенію своихъ матеріальныхъ средствъ. Высшее наблюденіе за веденіемъ дѣла въ пріютѣ-колоніи принадлежитъ петербургскому губернскому земскому собранію и петербургской городской думѣ. Для заведыванія пріютомъ-колонією учреждается особое попечительство. Попечительство пріюта-колоніи образуется изъ лицъ, избранныхъ въ равномъ числѣ земствомъ и городомъ, по пяти съ каждой стороны. Попечительство само избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, его замѣстителя, секретаря и казначея. Учрежденія, общества и лица, въ случаѣ пожертвованія ими не менѣе 10,000 рублей единовременно или 500 руб. ежегодно, допускаются въ участію въ засѣданіяхъ попечительства съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Ту же цѣль помощи бѣднотѣ и безработному люду преслѣдуетъ открывшійся въ Самарѣ «домъ трудолюбія». Г. Шихобаловъ пожертвовалъ для этой цѣли домъ, а сочувствующій дѣлу кружокъ интеллигенціи собралъ до 18 тысячъ рублей. Домъ оказался вполне пригоднымъ для устройства обширныхъ мастерскихъ, а собранная сумма была достаточна для осуществленія заманнаго добраго дѣла. По примѣру другихъ домовъ трудолюбія, самарскій домъ учреждаетъ три группы работъ: работы въ его мастерскихъ, работы въ домѣ трудолюбія, по частнымъ заказамъ, и общественныя работы арами. При домѣ трудолюбія предполагается устроить дешевую столов-

почлежный домъ на 200 человекъ. Кроме того, существованіе такихъ домашнихъ условій, при которыхъ работающіе родители бываютъ вынуждены на время дневной работы оставлять своихъ дѣтей безъ всякаго присмотра, вызываетъ необходимость открытія при домѣ трудолюбія «яслей». Если, это—свѣтлая и теплая комната, въ которой работающія въ домѣ трудолюбія женщины могутъ на время оставлять своихъ дѣтей подѣ присмотромъ приглашенной обществомъ няньки. Дѣтей будутъ кормить и беречь до окончанія рабочаго дня, послѣ котораго дѣти возвращаются матерямъ.

Большого сочувствія заслуживаетъ также дѣятельность общества по устройству дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ въ г. Ригѣ. Разумная распорядительность общества дала ему возможность доставлять рабочему населенію здоровую пищу и окупать, въ то же время, всѣ расходы. Чай является для общества наиболѣе выгоднымъ предметомъ продажи. Несмотря на крайне дешевую цѣну, по которой онъ отпускается (кружка чая вмѣстимостью больше $\frac{1}{2}$ штофа стоитъ 1 коп.), и на сравнительно хорошее качество чая (по 1 руб. 40 коп. за фунтъ), въ обѣихъ столовыхъ-чайныхъ чай и сахаръ стоили 2,712 руб. 17 коп., а принесли 6,403 руб. 27 коп. Несмотря на новизну дѣла,—говоритъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*,—столовые и чайныя приобрѣли уже сочувствіе немущаго населенія города, что подтверждается неоднократно слышанными отзывами. Лучшимъ же доказательствомъ служить охотное посѣщеніе столовыхъ. Въ послѣднихъ бываютъ мужчины, женщины и дѣти. Посѣтителами являются лица, принадлежащія къ различнымъ категоріямъ рабочаго населенія города. За исключеніемъ отдѣльных случаевъ, посѣтителы ведутъ себя вполне прилично. Пьяные не допускаются; также и принесеніе съ собой въ столовую спиртныхъ напитковъ строжайше запрещено. Куреніе разрѣшено, такъ какъ основатели общества исходили изъ мысли сдѣлать пребываніе въ столовой возможно пріятнымъ. Къ тому же, размѣръ помѣщенія и вентиляция таковы, что дымъ совершенно не чувствуется. Посѣтителы могутъ пользоваться всѣми мѣстными газетами, издаваемыми на русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ. Пребываніе въ столовыхъ не запрещается и тѣмъ, которые ничего не спрашиваютъ изъ кушаній. На хорошее вліяніе, оказываемое столовыми, особенно въ смыслѣ уменьшенія пьянства, не разъ указывалось въ газетахъ, преимущественно въ латышскихъ, гдѣ приводились отзывы женъ рабочихъ о томъ, что теперь на пользу семьи остается лишній рубль, уходившій прежде на кабаки. То же неоднократно высказывалось и самими рабочими. Что касается финансовой стороны дѣла, то результатъ долженъ считаться вполне благопріятнымъ. Первые двѣ столовыя, одна съ 29 марта, а другая съ 1 іюня 1894 г.—по 1 января 1895 г., дали чистаго дохода 2,160 руб. 89 коп. Изъ дальнѣйшей дѣятельности общества можетъ быть указано на слѣдующее. Комитетъ выпустилъ въ продажу особыя марки (стоимостью въ 1, 3, 6 коп., соответственно стоимости кушаній) для раздачи нищимъ вмѣстѣ денежной милостыни. Эти марки можно покупать во всѣхъ аптекахъ, нѣкоторыхъ ресторанахъ и большихъ

магазинахъ. По 1 января 1895 г. нищенскихъ марокъ предъявлено въ столовыхъ, для полученія по нимъ пищи, на сумму 515 руб. 70 коп. Комитетъ надѣется, что публика оцѣнитъ пользу этихъ марокъ и будетъ все болѣе и болѣе ими пользоваться.

Постепенно развиваются также лѣтнія колоніи для учащихся дѣтей, наиболѣе нуждающихся въ поправленіи здоровья и укрѣпленіи физическихъ силъ. Для однихъ учащихся въ московскихъ городскихъ училищахъ имѣлось въ прошломъ году уже десять колоній. Огромное большинство колонистовъ, какъ видно изъ отчета, принадлежало къ рабочему сословію. Для характеристики матеріальнаго положенія семей колонистовъ достаточно указать, что около половины всего числа (42%) семей жили въ 1 комнатѣ, 16%—въ двухъ, а 10 семей занимали «уголъ» или кухню. Такимъ образомъ, дѣти-колонисты принадлежали преимущественно къ семьямъ недостаточныхъ классовъ. Благоприятное вліяніе пребыванія дѣтей въ колоніяхъ на ихъ здоровье выразилось, какъ и въ прежніе годы, въ видѣ такихъ признаковъ, которые указываютъ, что полученные благоприятные результаты явились именно послѣдствіемъ пребыванія дѣтей въ лѣтнихъ колоніяхъ. И дѣйствительно, изъ 119 отзывовъ въ санитарныхъ листахъ въ 107—болѣзни, которыми страдали колонисты, при возвращеніи послѣднихъ въ городъ, или совершенно исчезли, или уменьшились, и только въ 12 случаяхъ остались безъ перемѣнъ. На благотворное вліяніе колоній указываютъ также наблюдавшіяся измѣненія въ ростѣ, объемѣ груди и вѣсѣ дѣтей за время пребыванія ихъ въ колоніяхъ.

По размѣрамъ организаціи дѣла лѣтнихъ колоній для слабыхъ дѣтей недостаточнаго класса съ Москвою конкурируетъ Варшава. Въ прошломъ году варшавское общество лѣтнихъ колоній дало въ нихъ пріютъ почти 1,000 дѣтямъ. Это были дѣти ремесленниковъ (32%), фабричныхъ рабочихъ (18%), дѣти вдовъ (11%), дѣти швей (7%), дѣти городской прислуги (6%), дѣти извозчиковъ (3%), дѣти сторожей (2%), дѣти бѣдныхъ чиновниковъ (2%), сироты (3%) и т. д. Въ настоящее время всѣхъ дѣтскихъ колоній подѣ Варшавой тринадцать. Колоніи эти,—какъ сообщаетъ *Южный Край*,—находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Въ нихъ установленъ одинаковый режимъ, задачу котораго составляетъ преимущественно укрѣпленіе дѣтскихъ организмовъ. Маленькіе обитатели колоній обыкновенно встаютъ въ 6 ч. утра; каждый изъ нихъ убираетъ свою постель, чиститъ свое платье и обувь, моется и отправляется на общую молитву, за которой слѣдуетъ завтракъ. Послѣ завтрака начинаются игры на свѣжемъ воздухѣ. Въ 9 ч.—купанье, второй завтракъ и общая прогулка въ лѣсъ за ягодами или въ поле; въ 1 часъ дня—обѣдъ и отдыхъ, посвященный рукодѣлію и писанію писемъ, которое обязательно разъ въ недѣлю; въ 4 часа, послѣ легкой закуски, новая прогулка съ пѣніемъ, по возможности, каждый въ новыя мѣстности; иногда эти прогулки имѣютъ значеніе образовательныхъ экскурсій, сопровождаемыхъ объясненіями руководителей. Въ 7 ч. вечера ужинъ, а въ 9 ч. дѣти идутъ спать. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ

съ большимъ успѣхомъ замѣняются полевыми, огородными и садовыми работами. Всѣми колоніями завѣдуетъ находящійся въ Варшавѣ комитетъ, и въ числѣ членовъ общества состоятъ люди самыхъ различныхъ положеній: священники, помѣщики, учителя и т. д. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ частными владѣльцами изъ помѣщиковъ устроены образцовые дома, удовлетворяющіе самымъ взыскательнымъ требованіямъ гигиены.

Ростъ просвѣщенія въ народѣ, усиленіе въ обществѣ чувства гуманности, заявляющее себя постояннымъ умноженіемъ союзовъ на благо ближняго,—эти явленія находятся въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ проявившимся въ послѣднее время движеніемъ въ пользу отміны тѣлеснаго наказанія. Объ отмінѣ этого позорнаго наказанія ходатайствуетъ значительное число земскихъ собраній; о томъ же ходатайствуютъ ученые общества; о крайней необходимости его отміны въ интересахъ страны говоритъ вся печать. Печать приводитъ много случаевъ, указывающихъ, что нерѣдко, по интригамъ мѣстной сельской власти, тѣлесному наказанію подвергаются лучшіе люди деревни; что наказаніе это,—на которое традиціонный законъ смотритъ какъ на легкое и налагаетъ его за маловажные проступки,—исклѣчиваетъ часто всю жизнь человѣка, а иногда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и самоубійство. Сообщеній этого рода въ печати достаточно. Мы ограничимся извлеченіемъ изъ весьма характернаго разсказа, напечатаннаго въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*.

Въ д. Бишлѣвой, Петроковской волости, Владимірскаго уѣзда, жилъ крестьянинъ Петръ Ивановъ Трещаловъ, человѣкъ уже пожилой, лѣтъ около 50-ти, степенный, трудолюбивый. Лѣтомъ онъ занимался земледѣльствомъ, а зимой столярничалъ и кормилъ 70-ти лѣтняго старика-отца, жену, двухъ сыновей и дочь. Жилъ онъ съ деревней въ ладу и когда у кого изъ крестьянъ случались какія-нибудь бумажныя дѣла, онъ, какъ человѣкъ грамотный, разумный и до нѣкоторой степени развитой, помогалъ имъ совѣтами. Но дѣла эти затрогивали иногда мѣстнаго старшину, разоблачали его служебную дѣятельность и, понятно, поставили его во враждебныя отношенія къ Трещалову. Старшина старался дѣлать ему при каждомъ случаѣ непріятности. Однажды Трещаловъ заявилъ начальству о злоупотребленіяхъ мѣстнаго кабатчика по торговлѣ, о томъ, что онъ отпускаетъ мужикамъ водку на сходъ и проч. Кабатчикъ былъ оштрафованъ; но старшина былъ въ дружбѣ съ нимъ, и Трещаловъ выдержалъ большую ссору со старшиной за кабатчика. Все это до того обострило отношенія старшины къ Трещалову, что старшина выбиралъ только покрупнѣе случаи, чтобы доказать ему всю страшную правду нажитой вѣковымъ народнымъ опытомъ пословицы: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Случай не замедлялъ представиться. Не считая справедливымъ рѣшеніе волостного суда о предоставленіи крестьянину Макарову полосы земли, Трещаловъ запахалъ ее. Макаровъ пожаловался на это волостному суду и судъ, не безъ воздѣйствія на него старшины, приговорилъ наказать Трещалова за самоуправство 19-ю ударами розогъ. Трещаловъ обжаловалъ

приговоръ уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а когда оно приговоръ утвердило, то онъ подалъ жалобу въ сенатъ. Между тѣмъ, старшина вызвалъ Трещалова въ волостное правленіе. Узнавъ, что Трещаловъ явился и стоитъ съ нѣкоторыми крестьянами на дворѣ, старшина велѣлъ привести его, объявилъ Трещалову рѣшеніе волостного суда и велѣлъ раздѣваться и ложиться подъ принесенныя сторожемъ розги. Трещаловъ возразилъ, что онъ по своимъ лѣтамъ избавленъ уже отъ тѣлеснаго наказанія и что, сверхъ того, на рѣшеніе волостного суда имъ послана жалоба въ департаментъ сената, въ доказательство чего вынулъ изъ кармана и показалъ почтовую квитанцію и просилъ старшину справиться по бумагамъ и книгамъ волостного правленія, не полученъ ли изъ сената отвѣтъ на его жалобу. На это старшина отвѣтилъ Трещалову: «Ну, нечего съ тобой канителиться. Раздѣвайся и ложись! Ты ужъ давно отбѣгиваешься отъ розогъ». — «Ну, я самъ добровольно раздѣваться не буду, — отвѣтилъ Трещаловъ, — развѣ насильно меня положите». Старшина крикнулъ сторожу и мужикамъ: «Раздѣньте и положите его!» Мужики подошли было къ Трещалову, но онъ, отстранявъ ихъ отъ себя, сказалъ: «Отойдите, я самъ раздѣнусь и лягу». Когда мужики отошли, онъ показалъ видъ, что хочетъ снимать съ себя куртку, но въ тотъ же моментъ вынулъ изъ кармана небольшой сапожный ножъ, поднялъ его надъ своею головою и, не владея собою, произнесъ: «Передъ портретомъ Его Величества имѣю честь обороняться этимъ ножомъ! Ну, теперь подходите!» Въ волостномъ правленіи въ это время былъ по служебнымъ дѣламъ мѣстный урядникъ. Старшина крикнулъ ему, чтобъ онъ помогъ обезоружить Трещалова; но урядникъ отвѣтилъ, что это не его дѣло, и показалъ видъ, что уходитъ изъ волостного правленія, а между тѣмъ, подкрался сзади къ Трещалову и изловчился схватить его за руки выше локтей. Трещаловъ сталъ было бороться съ урядникомъ; но, окруженный толпой мужиковъ, вырвавшихъ у него ножъ, долженъ былъ сдаться. Затѣмъ его повалили, раздѣли и отсчитали 19 ударовъ розогъ. Вслѣдъ затѣмъ старшина составилъ протоколъ и донесъ становому приставу о томъ, что когда «приступлено было къ разложенію Трещалова на полъ», то онъ выхватилъ ножъ изъ кармана и, замахиваясь на старшину, сказалъ: подходите кто — зарѣжу! Урядникъ тоже считъ своею обязанностью донести становому, что, вмѣсто того, чтобы добровольно раздѣться и лечь подъ розги, Трещаловъ, въ раздраженномъ состояніи, вынулъ ножъ изъ кармана, засучилъ будто бы рукава и сказалъ старшинѣ: «Ну, теперь, кто первый меня возьметъ, — вотъ тому!» И у судебного слѣдователя создалось такимъ образомъ, что въ вооруженномъ сопротивленіи Трещалова власти, предусмотрѣнномъ 1. ст. улож. о нак. и караемомъ или каторжными работами отъ 4 до 6 лѣтъ, въ благопріятномъ случаѣ, арестантскими ротами отъ 3 до 3½ лѣтъ. Судебный слѣдователь допросилъ Трещалова въ качествѣ обвиняемаго, включилъ подъ стражу до представленія залога въ 200 рублей. Какъ у него не было такой суммы, то онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ

годъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ заболѣлъ. У него значительно расширились зрачки; онъ или безцѣльно бродилъ, порываясь все куда-то уйти, говорилъ какія-то безсвязныя, непонятныя рѣчи, отвѣчалъ не впадѣть, впадалъ въ раздраженіе до того, что приходилось надѣвать на него сумасшедшую рубашку, или дѣлался вялъ, апатиченъ, не принималъ пищи, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ молча, уставивъ глаза въ одну точку. Его свезли въ земскую больницу, какъ душевно-больного. Тамъ нашли у него зараженіе сыпнымъ тифомъ, продержали до выздоровленія, а затѣмъ опять вернули въ тюрьму. 15 марта 1894 г. Трещаловъ приговоренъ судебною палатою къ лишенію особыхъ правъ и на годъ въ арестантское отдѣленіе. На этотъ приговоръ Трещаловъ уже не жаловался въ сенатъ, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Выше мы сказали, что объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія ходатайствуетъ весьма значительное число земскихъ собраній. Въ числѣ ихъ находится и чистопольское земство. Но казанскому губернатору, г. Полтарацкому, показалось, что въ данномъ дѣлѣ чистопольское собраніе вышло изъ круга своего вѣдомства и, поэтому, онъ предложилъ губернской земской управѣ не давать дальнѣйшаго хода постановленію уѣзднаго собранія. Но такое отношеніе губернатора къ земскому ходатайству совершенно неправильно. По смыслу закона, многократно истолкованнаго компетентною властью, никакое ходатайство земства, независимо отъ его содержанія, не можетъ быть приостановлено губернаторомъ; послѣдній, напротивъ, обязанъ дать ходъ всякому ходатайству, а о содержаніи его будутъ уже имѣть сужденіе тѣ правительственные органы, которымъ предоставлено по закону разсмотрѣніе земскихъ ходатайствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что распоряженіе г. казанскаго губернатора по отношенію къ ходатайству чистопольскаго земства будетъ признано подлежащею властью неправильнымъ.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Два государства Западной Европы переживаютъ въ настоящее время парламентскій кризисъ: Великобританія и Цислейтанія. Вслѣдствіе голосованія палаты общинъ, неблагопріятнаго военному министру, вышелъ въ отставку кабинетъ Розбери, а распаденіе коалиціи, соединявшей австрійскихъ консерваторовъ, либераловъ - централистовъ и поляковъ, повелъ къ отставкѣ кабинета Виндишгреца-Пленера.

Лордъ Розбери сталъ во главѣ либеральнаго министерства въ мартѣ 1894 года, послѣ того какъ этотъ постъ покинулъ Гладстонъ. Наслѣдство Гладстона оказалось не по плечу новому премьеру. Его кабинету удалось провести нѣсколько полезныхъ реформъ, расширившихъ и упростившихъ организацію англійскаго мѣстнаго самоуправленія, но двѣ труднѣйшія изъ современныхъ политическихъ задачъ въ Англіи — преобразование палаты лордовъ и ирландскій гомруль — не подвинулись ни на шагъ впередъ. Борьба за доставленіе Ирландіи самостоятельнаго парламента вообще затихла съ удаленіемъ отъ дѣлъ Гладстона. Увлеченная исключительною энергіей своего престарѣлаго вождя, либеральная партія оказалась гораздо менѣ увлеченною самою идеей политическаго самоуправления Ирландіи. Въ собственной Англіи большинство до сихъ поръ стоитъ противъ этой идеи и Гладстонъ пользуется здѣсь ненавистью, какъ человекъ, стремящійся къ разрушенію государства. Что касается коренного преобразованія верхней палаты, то за него прямо высказываются лишь наиболѣ радикальныя группы либеральной партіи.

Новый кабинетъ распустилъ парламентъ, гдѣ у него оказалось только случайное большинство. Выборы, которые происходятъ въ то время, когда пишется это обозрѣніе, начались благопріятно для кабинета Салла. Консерваторы (или уніонисты, какъ называютъ вмѣстѣ союзниковъ, ственно консерваторовъ, умѣренныхъ виговъ и группы радикаловъ сберленомъ во главѣ) приобрѣли нѣсколько новыхъ мѣстъ и ихъ шагъ полученіе большинства въ парламентѣ довольно значительны. Если кончится побѣдою уніонистовъ, то и во внутренней, и во внѣшней тигѣ Великобританіи можно ожидать болѣе или менѣ значительныхъ

пеній. Ирландцы уже бьютъ тревогу, видя въ возвращеніи къ власти торіевъ конецъ ихъ надеждамъ на скорое и благополучное разрѣшеніе ирландскаго вопроса. Но исчезновеніе этихъ надеждъ поведетъ, вѣроятно, къ усиленію ирландской агитаціи и къ возрожденію, быть можетъ, революціоннаго броженія.

Въ иностранной политикѣ лордъ Салисбюри, судя по прежней его дѣятельности и по нынѣшнимъ статьямъ вліятельныхъ газетъ его партіи, приметъ болѣе рѣшительныя мѣры, чтобы поднять поколебавшійся престижъ Великобританіи. Событія на Востокѣ, результаты японско-китайской войны, соединенныя въ этомъ случаѣ дѣйствія Россіи, Франціи и Германіи,—все это повело къ тому, что вліяніе Россіи и Франціи поднялось въ ущербъ англійскому. Франція получила отъ Китая немаловажныя уступки по вопросу о тонкинскихъ границахъ, Россія достигла отказа Японіи отъ присоединенія завоеванныхъ областей на китайскомъ материкѣ. Китайскій заемъ, выпущенный на выгодныхъ условіяхъ благодаря обезпеченію нашего правительства, еще болѣе возвышаетъ въ глазахъ Небесной имперіи значеніе Россіи. При такихъ условіяхъ лорду Салисбюри потребуется не мало усилій, чтобы охладить въ достаточной степени отношенія между Россіей и Германіей и попытаться придать тройственному союзу болѣе агрессивный характеръ. Демонстративно-торжественная встрѣча итальянскаго флота въ англійскихъ водахъ косвенно направлена противъ Франціи и, пожалуй, Россіи, такъ какъ и Италія, и Великобританія въ последнее время непріятно поражены неожиданнымъ прибытіемъ въ Россію абиссинскаго посольства. Нѣсколько «ученыхъ» экспедицій въ Абиссинію, при участіи духовныхъ лицъ, повели къ оживленію нашихъ отношеній къ православнымъ африканскимъ братьямъ. Съ политической точки зрѣнія такой результатъ ученыхъ экспедицій и духовныхъ миссій долженъ быть признанъ выгоднымъ для Россіи: собственныхъ интересовъ въ Абиссиніи и Африкѣ вообще мы не имѣемъ, но ихъ имѣютъ тамъ наши друзья—французы. Повелитель Абиссиніи, негусъ Менеликъ, итальянцами считается вассаломъ. Вассалъ этотъ, при содѣйствіи Россіи и Франціи, можетъ надѣлать итальянцамъ и англичанамъ не мало хлопотъ.

Другой парламентскій кризисъ, о которомъ мы упомянули, подготавлился давно и разрѣшенъ покуда образованіемъ *дѣловаго* кабинета. Славянскія группы, входившія въ составъ коалиціи правительственнаго большинства, выступали съ скромными національными требованіями, ходатайствуя, напримѣръ, объ открытіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на словенскомъ языкѣ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ словинцы составляютъ значительную часть, даже большинство населенія. Клубъ Гоенварта не могъ противиться подобнымъ требованіямъ, неудобно было не соглашаться на нихъ полякамъ; но либеральная нѣмецкая партія и слышать не хотѣла объ уступкахъ въ этомъ отношеніи. Какъ намъ приходилось уже много разъ говорить, австрійскіе нѣмцы-либералы не хотятъ допустить равноправности этихъ народовъ, все приносятъ въ жертву для того, чтобы удержать

господство въ Цислейтаніи германскаго элемента. Но жертвовать принципами и для партіи нельзя безнаказанно. Несправедливость и нетерпимость къ концу девятнадцатаго вѣка перестаютъ обеспечивать политическіе успѣхи. Коалиція распалась, испытанный вожь нѣмецкой либеральной партіи, Пленеръ, отказывается отъ политической дѣятельности. И это рѣшеніе самаго даровитаго государственнаго человека въ партіи нѣмецкихъ либераловъ-централистовъ наноситъ ей сильный нравственный ударъ: рѣшеніе Пленера является какъ бы указаніемъ на то, что предводимая имъ партія потерпѣла не случайное, а рѣшительное поражение.

Германскія газеты встревожены распаденіемъ коалиціи, которая держала Цислейтанію подъ главенствомъ австро-нѣмецкой либеральной партіи. *National-Zeitung* наканунѣ кризиса горячо предостерегала клубъ Гоенварта и поляковъ отъ уступки въ пользу словинцевъ, желавшихъ открытія въ Чили параллельныхъ гимназическихъ классовъ на словинскомъ языкѣ. Будущее Австро-Венгріи, по небезъосновательному мнѣнію берлинской газеты, вновь представляется тревожнымъ. На нашъ взглядъ распаденіе коалиціи, въ которой неестественнымъ образомъ нѣмецкіе либералы выступили на защиту осаднаго положенія въ Прагѣ, а поляки возставали противъ такихъ требованій со стороны младо-чеховъ, за которыя долго и упорно боролись сами,—было только вопросомъ времени. Кризисъ существовалъ и въ министерство Виндишгреца - Пленера, только въ скрытомъ состояніи. Теперь его разрѣшеніе ускорено, хотя едва ли оно близко и послѣ крушенія политики преемниковъ графа Таафе. Непосредственно выигрываетъ отъ внутреннихъ замѣшательствъ въ Цислейтаніи венгерская либеральная партія: раздражать эту партію при той борьбѣ, которая происходитъ между нѣмцами и славянами, между австрійскими либералами и анти-семитами, было бы неблагоприятно. Къ сожалѣнію, и венгерскіе либералы проникнуты крайне исключительнымъ національнымъ духомъ, и они хотятъ господствовать надъ другими народностями Транслейтаніи, не давая имъ простора для національнаго развитія и самоуправленія. Кромѣ славянъ, отъ такой политики мадьяръ сильно терпятъ румыны. Любопытное письмо объ этихъ отношеніяхъ напечаталъ въ *Justice* Моріано *). Читатели, вѣроятно, помнятъ знаменитый влаузенбургскій процессъ, на которомъ венгерскіе судьи такъ несправедливо и, въ сущности, незаконно осудили вождей трансильванскихъ румынъ, подававшихъ императору меморандумъ о притѣсненіяхъ со стороны мадьярскихъ властей. Моріано сообщаетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ недавно циркуляръ, по которому заключенные за политическія преступленія имѣютъ право вести переписку съ родными только на венгерскомъ языкѣ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяется нѣмецкій. Конечно, мѣра эта лишена какого смысла и будетъ приносить только лишнее горе и стѣсненія румынамъ или славянамъ (въ особенности ихъ семьямъ), попадающимъ въ ч

*) *Justice*, 4 juin.

арскія государственныя тюрьмы. Мало того, при свиданіяхъ съ родными всѣ заключенные также должны говорить по-мадьярски.

Моріано напоминаетъ, что мадьярамъ, такъ гордящимся своею свободой, слѣдовало бы отказаться отъ гоненій на славянъ и румынъ и помнить, наканунѣ дня, въ который они будутъ праздновать свой національный юбилей, какъ много послужили славяне и румыны историческому возвышенію короны св. Стефана. Но авторъ увѣренъ, что мадьяры ничего не сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи, и потому венгерскіе славяне и румыны останутся совершенно равнодушными, когда будетъ праздноваться тысячелѣтіе существованія Венгріи. Передъ судомъ исторіи и цивилизаціи нынѣшніе властители этой страны будутъ отвѣтственны за ту потерю силъ и энергіи, которую ихъ политика притѣсненій причиняетъ славянамъ и румынамъ.

Торжества открытія Кильскаго канала прошли благополучно. При громѣ пушекъ съ броненосцевъ и береговыхъ батарей произошла *передача міру* новаго торговаго пути, соединяющаго Нѣмецкое море съ Балтійскимъ. Французское общественное мнѣніе недовольно тѣмъ, что правительство послало эскадру на открытіе канала, но, въ большинствѣ случаевъ, признаетъ, что поступить иначе, отвѣтить отказомъ на приглашеніе Германіи было бы въ высшей степени неудобно. Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что французская эскадра пришла въ Киль, демонстративно соединившись съ русскою. Но другіе не хотятъ помириться съ *совершившимся фактомъ* и ожидаютъ отъ кильскаго визита послѣдствій, непріятныхъ для французскаго тщеславія и обидныхъ для тѣхъ, въ комъ живетъ мысль о возмездіи Германіи. *Justice* *), напримѣръ, передавая извѣстіе *Gaulois* о томъ, что весною будущаго года германская эскадра явится въ Брестъ съ отвѣтнымъ визитомъ, саркастически предсказываетъ, что императоръ Вильгельмъ II откроетъ французскую выставку 1900 года и что вѣжливая (*courtoise*) политика правительства заведетъ Францію далеко. Въ то же время, во Франціи обнаруживается и другое настроеніе. Такъ, одинъ изъ сотрудниковъ *Figaro*, бывшій корреспондентомъ на кильскихъ торжествахъ, пишетъ, что нѣмцы раздѣляютъ вопросъ объ Эльзасѣ отъ вопроса о Лотарингіи: о возможности возвращенія перваго Франціи нѣмцы и слышать не хотятъ. Сотрудникъ *Figaro* совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ примириться съ мыслью объ окончательной уtratѣ этой области, Лотарингію же императоръ Вильгельмъ, по предположенію корреспондента, пожалуй, и можетъ (ать *великодушно* Франціи,—разумѣется, за серьезное вознагражденіе.

Еще любопытнѣе другая статья въ *Figaro*, подписанная какою-то ба-лессой Деландъ: многія французскія дамы, оказывается, увлечены загадною личностью *императора мира*, т.-е. Вильгельма II.

Ча ряду съ такими заявленіями поучительно поставить *Письмо къ гер-*

*) *Justice*, 28 juin.

манскому императору, напечатанное известным историком профессором Лависсом *).

«Ваше величество,—такъ начинается Лависсъ свое письмо.—посвятили Вильскій каналъ миру». Авторъ не сомнѣвается въ искренности, съ которою Вильгельмъ II произносилъ гуманную рѣчь передъ представителями цивилизованнаго человѣчества. Но вильскія торжества окончены, должны начаться новыя: германскій императоръ хочетъ торжествовать двадцатипятилѣтіе побѣдоносной войны съ Франціей... Дни особенно кровопролитныхъ сраженій будутъ чередоваться въ чествованіяхъ съ днями, славными для каждаго отдѣльнаго полка, а сколько сотенъ этихъ полковъ! По меньшей мѣрѣ, полгода въ Германіи будутъ праздники въ честь выигранныхъ сраженій, рѣчи и торжества только въ честь войны.

Лависсъ говоритъ, что подумаютъ объ этихъ праздникахъ во Франціи.

Прежде всего,—замѣчаетъ онъ,—мы вспомнимъ, что если Франція и объявила войну, то не она хотѣла ея. Лависсъ напоминаетъ о роли, которую игралъ при этомъ въ особенности Бисмаркъ **), истинный представитель политики *железа и крови*, удивившій однажды англійскаго посла заявленіемъ, что Аттила занимаетъ въ исторіи несравненно болѣе великое мѣсто, чѣмъ Брайтъ. Лависсъ соглашается, что до сихъ поръ въ исторіи дѣла шли такимъ образомъ, что имперіи складывались желѣзомъ и кровью.

Французскій историкъ приводитъ слова Наполеона III въ совѣтъ министровъ по поводу столкновеній, которыя съ 1864 года начались между Пруссіей и Австріей: «Пруссія—это прогрессъ, Австрія—это прошлое». И Лависсъ завѣряетъ, что во Франціи многіе такъ думали.

Когда будутъ праздноваться нѣмецкія побѣды, Франція вспомнитъ,—говоритъ Лависсъ,—что противъ нея были сила, организація, долго обдуманый планъ. И, несмотря на это, послѣ неправдоподобныхъ пораженій, она не впала въ отчаяніе. Она продолжала бороться за честь, и честь была спасена послѣ Седана и Меца лучше, чѣмъ послѣ Садовой и Іены. Вспомнивъ это, Франція спроситъ себя: она была врагомъ не безъ доблести, почему же Германія не поняла, что должна была уважать ея несчастія, ея печаль?

Если бы Франція была побѣдительницей,—продолжаетъ Лависсъ,—у ней достало бы великодушія не праздновать свою побѣду. Неблагодарныя рѣчи съ одной стороны могутъ встрѣтить не одно только молчаніе съ другой стороны. Зачѣмъ волновать два великіе народа, зная, что такое настроеніе не лишено опасности? Конечно, Германія вправѣ гордиться тѣмъ, что она поднялась до достоинства великой націи. Столѣтія ждала она эта дня радости и славы. Лависсъ признаетъ, что нѣмецкій народъ не служивалъ тѣхъ бѣдствій, раздоровъ и эксплуатаціи, которымъ онъ

*) *Lettre à l'Empereur d'Allemagne (La Revue de Paris, 1 juillet).*

**) Лависсъ забываетъ, однако, роль императрицы Евгеніи, которая настоятельно требовала войны съ Пруссіей.

вергался долгое время, что его духъ высоко парилъ надъ историческими невзгодами. Но праздновать побѣды надъ Франціей значить праздновать не только войну, которая счастливо для нѣмцевъ велась четверть вѣка назадъ, но и войну вообще.

Лависсъ напоминаетъ воинственное прошлое Пруссіи, напоминаетъ о томъ, что германцы, узнавъ христіанство, всегда больше любили ветхій заветъ, чѣмъ Евангеліе, что не Христосъ, благостный и кроткій, замѣнилъ въ ихъ душѣ мрачнаго Одина. Реформація, по мнѣнію Лависсы, также свидѣтельствуешь объ этомъ.

Все прошлое германскаго народа, какъ переживаніе и какъ сознаніе, воплощается въ нынѣшнемъ германскомъ императорѣ, — говоритъ авторъ письма къ Вильгельму II. — Императоръ прославляетъ память своего дѣда, воздастъ почести опальному Бисмарку, какъ одному изъ создателей Германской имперіи, часто вспоминаетъ великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма, говоритъ бранденбуржцамъ, что онъ ихъ маркграфъ, воспѣваетъ Эггиръ (въ стихахъ и въ музыкѣ), креститъ языческими именами военные корабли и строго исполняетъ свои обязанности, какъ глава лютеранской церкви...

Но наше время ставитъ такіа историческія задачи, при разрѣшеніи которыхъ прошлое не поможетъ. Рабочій трудъ предъявляетъ свои права. Его требованія особенно возросли въ Германіи именно въ послѣднюю четверть вѣка. Милитаризмъ страшно угнетаетъ Европу. На дальнемъ Востокѣ поднялась Японія, которая можетъ сыграть по отношенію къ желтой расѣ такую же роль, какую играла Македонія въ греческомъ мірѣ, Пруссія въ германскомъ. И тогда произойдетъ, въ мирѣ или войнѣ, ужасная борьба между бѣлою и желтою расами. *Нибелунги* не помогутъ ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ. Наоборотъ, стародавнія магическія воспоминанія были бы опасными руководителями на пути къ грядущему. Кто знаетъ, каково будетъ это грядущее? Кавуръ и Бисмаркъ, Викторъ-Эммануиль и Вильгельмъ II, создавшіе политическое единство Италіи и Германіи, закончили долгую эволюцію, которая сдѣлала изъ Европы сложное цѣлое изъ націй, соперничающихъ между собою, по необходимости враговъ. Теперь начинается другая эволюція: благотворная идея, — по счастью, несокрушимая, — поднимается надъ отдѣльными націями, надъ ихъ раздорами. Это — идея человечества, которая со дня на день становится все болѣе и болѣе опредѣленною. Въ Европѣ растутъ и крѣпнутъ общіе интересы, и духовные, и экономическіе; увеличиваются потребность и привычка въ международныхъ сѣздахъ, въ международной работѣ для общаго блага, для борьбы въ общими бѣдствіями. Ни одинъ великій европейскій народъ не можетъ жить только собственною жизнью, — онъ задохнулся бы, оставаясь лишь въ собственныхъ границахъ. И, вмѣсто соперничества отдѣльныхъ европейскихъ націй, Лависсу представляется соперничество материковъ.

Русскій можетъ, пожалуй, сказать размечтавшемуся французскому истопку: какъ же тогда быть Россіи, которая на половину Европа, на половину

Азія (не въ географическомъ, разумѣется, смыслѣ). Но мечтанія Лависса такъ благородны и справедливы, въ нихъ лежитъ такая вѣрная историческая мысль, что намъ не хочется останавливаться на обмолвкахъ и недомотрахъ его *Письма*.

Лависсъ замѣчаетъ, что уже существуютъ зачатки *европейской* внутренней и внѣшней политики, и приписываетъ иниціативу въ этомъ отношеніи Вильгельму II: имъ были созваны европейскіе делегаты для совѣщанія по рабочему вопросу, ему принадлежитъ иниціатива коализировать Европу противъ Востока. Въ послѣднемъ случаѣ Лависсъ разумѣетъ, вѣроятно, соединенныя дѣйствія германской, русской и французской дипломатіи по окончанію японско-китайской войны. Насколько основательно это утвержденіе, мы не имѣемъ возможности проверить.

Лависсъ обращается къ воображенію Вильгельма II, которое направлено не только къ прошедшему, но и къ будущему. То, что онъ говоритъ, этотъ общеевропейскій миръ представляетъ покуда нѣчто неопредѣленное, туманное, надъ этимъ смѣются обыкновенные политики. Но миръ въ Европѣ необходимо установить, потому что Европѣ можетъ угрожать гибель. Сколькими вѣками, сколькими трудами создавалась европейская цивилизація, наша наука, наши идеи гуманности, терпимости, справедливости!

Въ концѣ письма Лависсъ говоритъ, что, по всей вѣроятности, Европа будетъ, попрежнему, истощать свои силы въ безумныхъ и постыдныхъ вооруженіяхъ,—болѣе постыдныхъ, чѣмъ средневѣковыя, потому что тогда всю Европу могли увлекать иногда общія идеи и чувства. Лависсъ думаетъ, что на рубежѣ новой эволюціи многое, очень многое зависитъ отъ императора Вильгельма II. Но онъ колеблется между прошедшимъ и будущимъ, между славой войны и славой мира *).

Въ нѣмецкой печати мы нашли уже отзывы объ этой статьѣ. Для опредѣленія настроенія большинства германскаго общества характерна, по нашему мнѣнію, замѣтка газеты *National-Zeitung*. Упомянувъ о томъ, что Лависсъ принадлежитъ къ числу очень немногихъ французовъ, хорошо знакомыхъ съ Германіей и съ ея исторіей, *National-Zeitung* говоритъ, что, все-таки, онъ плохо понимаетъ нѣмцевъ или не рѣшается у себя на родинѣ высказывать полную правду. Между строкъ *Письма къ императору Германіи* газета читаетъ надежду на возможность добровольнаго отреченія нѣмцевъ отъ Эльзаса и Лотарингіи. На упрекъ со стороны Лависса въ томъ, что чествованіе побѣдъ 1870—1871 года будетъ вызовомъ Франціи и апотеозомъ войны, *National-Zeitung* возражаетъ, что сами французы теперь особенно заняты культами Іоанны Даркъ, причемъ не только вспоминаются прежнія войны, но и постоянно имѣется въ виду будущая. Бе)

---

*) Лависсъ кончаетъ такими словами: „Съ мыслью, что императоръ Вильгельмъ заслуживалъ бы лучшей и болѣе высокой судьбы, я имѣю честь засвидѣтельствовать вашему величеству почтеніе незабѣтнаго свидѣтеля нынѣшнихъ событій“.

линская газета заключаетъ свою замѣтку словами, что нѣмецкій народъ никогда не возвратитъ Франціи ни Эльзаса, ни Лотарингіи *).

Это твердое заявленіе нѣсколько разочаровало бы дамъ изъ *Figaro*, если бы стало имъ извѣстно; но серьезная пропаганда мира дѣлаетъ свое дѣло, медленно, разумѣется, среди равнодушія большинства и озлобленнаго противодѣйствія шовинистскаго меньшинства. Для читателей, интересующихся этимъ движеніемъ, мы укажемъ на статью Берты Сутнеръ, председательницы австрійскаго *Общества друзей мира* **), на статью Фредерика Пасси, президента *французскаго общества третейскаго суда между націями* ***), на статью Альберта Лефевра ****), и т. д.

Французскіе протекціонисты потерпѣли недавно довольно значительное пораженіе. Нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ Французской республики созналъ, какую ошибку и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи составляла протекціонная система въ торгово-промышленныхъ сношеніяхъ между Франціей и Швейцаріей. Парламентъ значительнымъ большинствомъ принялъ правительственный законопроектъ, направленный къ устраненію протекціоннаго зла. Къ сожалѣнію, это зло устранено не вполне, но уже теперь своимъ образомъ дѣйствій Ганото достигаетъ очень благоприятныхъ результатовъ. Нѣмецкія газеты сообщаютъ, что въ Швейцаріи не всѣ, однако, довольны новымъ договоромъ, болѣе выгоднымъ для Франціи, что противъ ратификаціи этого договора со стороны швейцарскаго союзнаго совѣта будетъ вестись сильная агитація.

Французское законодательство двигается къ лучшему, хотя и очень медленно, и въ другомъ отношеніи. Законопроектъ о вознагражденіи при несчастныхъ случаяхъ на работѣ, послѣ долгихъ странствованій между палатою депутатовъ и сенатомъ, дождался, наконецъ, обстоятельнаго доклада въ сенатской комиссіи и, можетъ быть, скоро станетъ закономъ. Нѣкоторые разногласія между сенатомъ и палатою депутатовъ еще не устранены. Сенатская комиссія, напримѣръ, не принимаетъ обязательнаго страхованія.

Когда мы кончали это обозрѣніе, телеграфъ принеся извѣстіе сначала о звѣрскомъ покушеніи на жизнь Стамбулова, а потомъ о смерти этого государственнаго чловѣка, игравшаго преобладающую роль въ болгарской политической жизни за послѣднія десять лѣтъ. Мы своевременно отмѣчали важнѣйшія изъ событій въ Болгаріи и выражали рѣшительное осужденіе тѣмъ деспотическимъ и жестокимъ мѣрамъ, которыя въ свое управленіе искалъ въ ходъ Стамбуловъ. Но его трагическая смерть вызываетъ чувства

*) *National-Zeitung*, 3 Juli.

**) *L'Alsace-Lorraine et le Mouvement pacifique (Revue des Revues*, 1 juin).

**) *La question de la Paix (Revue des Revues*, 15 juin).

**) *La propagande de la Paix (La Quinzaine*, №№ 14 и 51). Это изданіе—ярко политическое. Авторъ полагаетъ, что роль верховнаго третейскаго судьи для Европы съ выполнитъ только нап.

общаго сожалѣнія. Стамбуловъ погибъ сорока двухъ лѣтъ отъ роду, когда многіе политическіе дѣтели вступаютъ въ наиболѣе плодотворный періодъ своей дѣятельности.

Въ настоящее время въ Петербургѣ гоститъ болгарское посольство съ митрополитомъ Елиментомъ и председателемъ народнаго собранія Тодоровымъ во главѣ. Посольство было принято въ Петергофѣ Государемъ Императоромъ. Оно прислано не правительствомъ (хотя, конечно, съ его разрѣшенія), а народомъ. Дѣло идетъ покуда не о возстановленіи официальныхъ сношеній между русскимъ императорскимъ и болгарскимъ правительствами, а лишь о возвращеніи къ добрымъ чувствамъ, связывавшимъ освобожденный болгарскій народъ съ его освободительницею Россіей. Но такой шагъ со стороны болгаръ, благосклонно встрѣченный нашимъ правительствомъ, необходимо долженъ повлечь за собою благоприятныя послѣдствія.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый уставъ крестьянскаго земельного банка.—Коммиссія по вопросу объ отхожихъ промыслахъ на сельско-хозяйственныя работы.—Задолженность частнаго землевладѣнія въ Россіи.—Новый уставъ государственныхъ берегательныхъ касей.—† М. П. Драгомановъ.—† С. Н. Терпигоревъ.—† Д. А. Ровинскій.—† Д. Я. Наумовъ.

Мы уже не разъ указывали на многочисленныя и разнообразныя недостатки въ строеніи и дѣятельности крестьянскаго земельного банка, а потому отмѣчаемъ реформу его, какъ важный фактъ, который долженъ совершиться въ ближайшемъ будущемъ. Министерство финансовъ выработало проектъ новаго устава; проектъ уже одобренъ департаментами государственнаго совѣта, а осенью предстоитъ разсмотрѣніе его въ общемъ собраніи.

За послѣдніе 3—4 года строй и дѣятельность крестьянскаго банка были предметомъ нападокъ въ томъ отношеніи, что они будто бы поддерживаютъ сельскую общину, которая и служитъ главнымъ тормазомъ успѣховъ русскаго сельскаго хозяйства. Поэтому начертывались проекты, которые ставили кредитъ банка на основанія, рѣзко отличныя отъ началъ, проведенныхъ въ дѣйствующемъ уставѣ. Этими проектами предусматривалось открытіе широкаго кредита отдѣльнымъ крестьянамъ, и, притомъ, наиболѣе состоятельнымъ, и товариществамъ, которые состоятъ изъ небольшого числа членовъ. Авторы такихъ проектовъ, относясь враждебно къ общинѣ, были убѣждены, что расширеніе кредита крестьянамъ, владѣющимъ землею на правѣ частной собственности, постепенно разрушитъ общинное землевладѣніе.

Проектъ, выработанный министерствомъ финансовъ, не имѣетъ цѣлью измѣнить начала, которыя положены въ основаніе банка. Результаты его дѣятельности признаются удовлетворительными. И если банкъ, за 12-лѣтнее существованіе сдѣлалъ рядъ промаховъ и ошибокъ, то они должны быть приписаны частнымъ несовершенствамъ въ строеніи банка, но отнюдь идеѣ, которая проникаетъ его. Согласно съ проектомъ, крестьянскій банкъ имѣетъ цѣлью оказывать крестьянамъ содѣйствіе въ приобрѣтеніи имъ въ собственность или въ безсрочное пользованіе. Въ этихъ видахъ выдаетъ крестьянамъ ссуды подъ покупаемыя ими земли, когда добро-

вольная сделка съ владельцемъ будетъ признана соотвѣтствующею выгодамъ крестьянъ; во-вторыхъ, банкъ покупаетъ продающіяся земли за свой счетъ, чтобы продавать ихъ крестьянамъ или сдавать имъ въ безсрочную аренду. Ссуды, какъ и въ настоящее время, будутъ выдаваться сельскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ. Размѣръ ссуды опредѣленъ въ 60—75%, цѣны покупаемой земли, а въ особыхъ случаяхъ будутъ выдаваться ссуды и до 90%. Министръ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, опредѣляетъ для каждой мѣстности высшій размѣръ участковъ, въ приобрѣтеніи которыхъ банкъ можетъ оказывать содѣйствіе. Разрѣшая ссуду, банкъ будетъ играть болѣе активную роль, нежели въ настоящее время: ему предоставляется входить во всѣ условія предположенной сделки, цѣны, условій расчета покупателя съ продавцомъ, того, въ какой степени выгоды, связанныя для приобрѣтателя съ покупкою земли, обезпечиваютъ ссуду, выданную банкомъ. Когда взвѣшены всѣ условія и выясняется возможность выдать ссуду просителю, то получившій ссуду подчиняется всѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ банкъ. Въ виду того, что специальная оцѣнка приобрѣтаемой земли позволяетъ поднять ссуду до 90%, доплата изъ собственныхъ средствъ покупателей не имѣетъ того выдающагося значенія, какъ въ настоящее время. Специальная оцѣнка участка земли будетъ лежать на органахъ банка, которые основываютъ ее на природныхъ свойствахъ участка, на разныхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Въ расчетъ принимаются также продажныя цѣны однородныхъ земель и ихъ доходность. Сроки ссудъ установлены отъ 13 лѣтъ до 51. По ссудамъ заемщики уплачиваютъ $4\frac{1}{2}\%$ годовыхъ; общій платежъ, включая и погашеніе долга, колеблется между $11\frac{1}{2}\%$ въ годъ при 13-ти лѣтнемъ срокѣ займа до 6%—при 51-лѣтнемъ. Новый проектъ существенно измѣняетъ порядокъ взысканія съ заемщиковъ срочныхъ платежей и недоимокъ. Прежде тѣмъ назначить заложенное имѣніе въ продажу съ публичнаго торга, банкъ настанавляетъ на томъ чтобы сельское и волостное начальство, а также учрежденія, которыя наблюдаютъ за крестьянскимъ управленіемъ, слѣдили за соблюденіемъ сельскими обществами и товариществами правилъ взысканія съ ихъ членовъ. Если сельское общество или товарищество, купившее землю, не можетъ взыскать недоимку съ своего неисправнаго члена, то она разверстывается между всѣми членами. Недоимщикъ можетъ быть устраненъ отъ пользованія участкомъ или частью онаго; въ крайнемъ случаѣ, участокъ можетъ быть отобранъ у него. И только въ случаѣ недѣйствительности всѣхъ этихъ мѣръ, участокъ поступаетъ въ продажу съ публичнаго торга. Пожаръ, водненіе, градобитіе, неурожай, разъ такое бѣдствіе поразило заемщика, даетъ ему право на извѣстную льготу. Пеня слагается, а текущій платъ разсрочивается. Такъ какъ дѣятельность банка по содѣйствію крестьянъ въ покупкѣ земли ограничивается тѣмъ, что многіе крестьяне не могутъ доплачивать ничего изъ собственныхъ средствъ и такъ какъ иногда крестьяне, имѣющіе надобность въ покупкѣ земли, затруднены въ прине-

участка, который вполнѣ отвѣчалъ бы на ихъ потребности, то банкъ будетъ самъ покупать земли, по добровольному соглашенію съ владѣльцами или съ торговъ, чтобы продавать эти земли крестьянамъ или отдавать въ безсрочное пользованіе. Банкъ будетъ производить эту операцію на собственный капиталъ, который составляется дарованными банку отчисленіями изъ выкупныхъ платежей крестьянъ; сюда присоединяются также нѣкоторыя другія средства. Приступая къ покупкѣ земли, банкъ принимаетъ въ расчетъ потребность въ землѣ населенія данной мѣстности, легкость или трудность, съ которыми будетъ связана распродажа купленного участка или отдача его въ безсрочное пользованіе и проч. Для постановленія о покупкѣ банкомъ земли необходимы $\frac{2}{3}$ голосовъ въ общемъ присутствіи крестьянскаго и дворянскаго банковъ. Съ купленными землями банкъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Промышленныя заведенія и большія лѣсныя дачи (если таковыя входятъ въ составъ купленного имѣнія) продаются любому, желающему приобрести ихъ: предполагается, что крестьяне не могутъ непосредственно пользоваться этими статьями. Всѣ же прочія угодья разбиваются на участки, согласно съ тѣмъ, какъ велико число лицъ, желающихъ купить или арендовать ихъ. Пока не состоялась продажа этихъ участковъ или отдача ихъ въ безсрочное пользованіе, до тѣхъ поръ банкъ отдаетъ ихъ въ аренду на короткое время, не долѣе, чѣмъ на 9 лѣтъ. Такъ какъ проектъ надѣется, вводя безсрочную аренду, увеличить число крестьянъ, получающихъ отъ банка выгоды, то аренда переходитъ по наслѣдству; она уничтожается только по желанію самого арендатора или въ томъ случаѣ, если того требуетъ банкъ за неисправностью арендатора. Безсрочные арендаторы получаютъ право приобретать арендуемые участки въ собственность за наличныя деньги или же съ обращеніемъ части покупной цѣны въ долгъ. Въ управленіе банкомъ внесены нѣкоторыя перемѣны; онѣ выражаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что администрація крестьянскаго банка соединяется съ администраціей дворянскаго. Во главѣ обоихъ учрежденій стоитъ одно лицо; мѣстныя отдѣленія того и другого банковъ сливаются во едино. Личный составъ увеличивается.

Оцѣнивая наиболѣе существенные пункты проекта, мы видимъ, что они вносятъ нѣкоторое улучшеніе въ дѣятельность банка, но отнюдь не создаютъ условій, которыя позволили бы этому учрежденію развиваться до возможности получить общенародное значеніе. Мы считаемъ наиболѣе важнымъ въ новомъ проектѣ продленіе сроковъ, на которые выдаются ссуды. Г настоящее время $34\frac{1}{2}$ года являются наибольшимъ срокомъ, въ теченіе
 1 ораго должна быть погашена ссуда; теперь этотъ срокъ будетъ продленъ
 1 $51\frac{3}{4}$ лѣтъ, вслѣдствіе чего и платежи понижаются отъ $7\frac{1}{2}\%$ до 6%
 1 годъ. Такое удешевленіе представляется весьма значительнымъ. Однако,
 1 тежи могли бы быть еще понижены. Припомнимъ, что крестьянскій банкъ
 1 пускаетъ $4\frac{1}{2}\%$ свидѣтельства, тогда какъ дворянскій только 4% . Эта
 1 ница по выгодѣ для владѣльцевъ свидѣтельствъ крестьянскаго банка и
 1 щербу для его заемщиковъ не можетъ быть оправдана никакими серъ-

езными соображеніями. Оба банка—государственные учрежденія; кредиторы обоихъ въ равной мѣрѣ обезпечены относительно капиталовъ, которые вложены ими въ свидѣтельства того или другого. Полная однородность свидѣтельствъ обоихъ банковъ выступить съ утвержденіемъ новаго устава особенно рельефно потому, что вводится объединеніе ихъ администрацій. А потому, есть достаточные мотивы для перехода и крестьянскаго банка къ 4%, свидѣтельствамъ. Уже это позволило бы понизить проценты, взимаемые крестьянскимъ банкомъ съ заемщиковъ. Продленіе же срока ссудъ до 66 лѣтъ, какъ то принято въ дворянскомъ банкѣ, позволило бы понизить погасительные ихъ платежи. Только тогда крестьянскій банкъ удешевилъ бы кредитъ въ той мѣрѣ, какъ допускаютъ общія условія русскаго народнаго хозяйства и какъ того требуютъ нужды заемщиковъ.

Обращаемся къ другому пункту—предположенію, что доплаты изъ собственныхъ средствъ заемщиковъ совершенно утратить значеніе, которое онѣ имѣютъ въ настоящее время. Какъ извѣстно, въ нынѣшніе годы собственные доплаты покупателей земли при посредствѣ крестьянскаго банка достигаютъ 40%, покупной цѣны, что дѣлаетъ покупку земли съ помощью этого кредита привилегіей только очень зажиточныхъ крестьянъ. Такъ какъ проектъ новаго устава крестьянскаго банка отводитъ выдающееся мѣсто специальной оцѣнкѣ, при которой норма ссуды повышается до 90% цѣны покупаемой земли, то многіе высказываютъ надежду, что доплата будетъ въ дѣйствительности составлять не больше 10%. Мы не раздѣляемъ этого оптимизма. Чиновники банка, производя специальную оцѣнку покупаемой земли, будутъ хорошо помнить объ отвѣтственности, которая ложится на нихъ за ошибки въ сторону опредѣленія слишкомъ высокой цѣны. Они всегда будутъ помнить (а это извѣстно теперь чуть не дѣтямъ), что условія международнаго рынка и состояніе хозяйства въ заокеаническихъ странахъ грозятъ еще болѣе уменьшить доходность земли въ Россіи, а потому и будутъ, производя специальную оцѣнку, настолько осторожны, что заемщикъ будетъ получать въ ссуду 90% покупной цѣны только въ очень рѣдкихъ и даже исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, было бы не только справедливо, но даже согласно съ буквой проекта новаго устава, свести доплаты до низшей нормы и выдавать въ ссуду полную цѣну покупаемой земли. Банкъ вводитъ въ рядъ своихъ операций покупку земли за свой счетъ и распродаетъ крестьянамъ. Разъ эта операція достигнетъ значительныхъ размѣровъ, то у банка будетъ разрядъ заемщиковъ, пользующихся ссудами, равными цѣнѣ земли; продавая такія земли крестьянамъ, банкъ не будетъ требовать доплатъ, единовременныхъ взносовъ при продажѣ, разсрочивать всю сумму долга. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы земли, которыя банкъ будетъ покупать за свой счетъ, были особенно, исключительно дешевы, а потому совершенно уничтожали бы рискъ, который несетъ банкъ, ссужая заемщику сумму, равную покупной цѣнѣ земли. Покупка банкомъ земли за собственный счетъ для продажи крестьянамъ создастъ два разряда заемщиковъ; тѣ, которые будутъ покупать земли у бан-

дуть поставлены болѣе благопріятно, нежели тѣ, которые будутъ приобретать отъ частныхъ лицъ. Мы допускаемъ, что ко второму разряду будутъ относиться (при заботахъ о томъ со стороны администраціи банка) крестьяне наименѣ состоятельные, а потому и наиболѣе выигрывающіе отъ положенія, при которомъ нѣтъ надобности вносить доплаты изъ собственныхъ средствъ. Однако, и въ первомъ разрядѣ будетъ много заемщиковъ, для которыхъ доплата составитъ большое бремя. Вотъ почему мы очень желали бы, чтобы администрація банка относилась къ специальной оцѣнкѣ, какъ къ приему, который долженъ доставить наибольшія выгоды заемщикамъ, т.-е. увеличивать размѣръ ссуды даже до 100% покупной цѣны. Предлагая это, мы не считаемъ нужнымъ совсѣмъ устранивъ нормальную оцѣнку и выдавать всегда отъ 90 до 100% покупной цѣны: и здѣсь необходима индивидуализирующая дѣятельность должностныхъ лицъ банка. Если заемщикъ, вообще, принадлежитъ къ зажиточному крестьянству, если покупка вызывается не столько необходимостью сдѣлать возможнымъ правильное веденіе хозяйства, сколько усиліемъ расширить земельный надѣлъ и увеличить благосостояніе, то вполне оправдываются выдача въ ссуду только 60 — 75% покупной цѣны и значительныя доплаты изъ средствъ покупателя. Если же заемщики принадлежатъ къ бѣднѣйшему крестьянству, то кредитъ крестьянскаго банка долженъ приближаться къ выкупной операціи.

Безсрочная аренда земель, приобретенныхъ банкомъ, будетъ новымъ фактомъ въ жизни этого учрежденія. Трудно рѣшить, насколько она привьется. Но мы считаемъ ее вовсе не лишнею и соответствующею началамъ, которыя установлены для переселенцевъ закономъ 13 іюня 1895 г. Безсрочная аренда настолько приближается къ праву собственности на землю, что поддерживаетъ въ арендаторѣ побужденія къ возможному усовершенствованію хозяйства и представляетъ двѣ существенныя выгоды: она выгодна для заемщиковъ, которымъ крайняя бѣдность препятствуетъ выступить покупателями земли, и выгодна для всего народнаго хозяйства, такъ какъ оставляетъ за государствомъ право собственности на землю. Это право можетъ въ теченіе долгаго времени имѣть характеръ только *nudum jus*. Но оно можетъ получить и реальное значеніе въ будущемъ, когда строй права собственности подвергнется существеннымъ измѣненіямъ.

Повторяемъ, проектъ устава не содержитъ ничего, способнаго внести коренныя измѣненія въ дѣятельность банка. Однако, какъ бы много ни было сдѣлано измѣненій, онъ будетъ работать правильно и плодотворно только при условіи, что его дѣятельность будетъ тѣсно связана съ перенесенною политикой. Отвлеченіе довольно большой массы крестьянства на сточныя окраины будетъ препятствовать дальнѣйшему повышенію цѣнъ на или въ густо населенныхъ губерніяхъ, мѣстами будетъ даже способствовать ихъ пониженію, а это позволить покупателямъ при содѣйствіи банка іобрѣтать землю на нормальныхъ условіяхъ, вести хозяйство съ известными выгодами, исполнять обязательства относительно банка. Пока дѣя-

ность банка не опирается на широкую и правильно упорядоченную переселенческую политику, до тех пор нужно быть готовым к явлениям, которое наблюдается и до сих пор,—к многочисленным случаям покупки земли по очень дорогой цене; и тем более плотно население в деревнях, тем более напряжен спрос на землю, тем более вероятны, многие заемщики будут несправными плательщиками. Говоря о необходимости тесной связи между крестьянским банком и переселенческим делом, мы не хотим сказать, что он должен завѣдывать переселениями: послѣдніе должны служить предметом заботы особаго вѣдомства; но связь должна выражаться въ расчистѣ этимъ вѣдомствомъ поля успешной дѣятельности крестьянскаго земельного банка.

Говоря о задачахъ крестьянскаго земельного банка, мы вспоминаемъ о давно учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи, которая имѣетъ цѣлью способствовать упорядоченію движенія сельскихъ рабочихъ. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ *Правительственномъ вѣстникѣ*: «Степныя пространства малонаселеннаго юга и юго-востока европейской Россіи притягиваютъ ежегодно на сельско-хозяйственные работы множество рабочихъ изъ среднихъ, густо населенныхъ губерній. Движеніе рабочихъ, какъ оно нынѣ происходитъ, вообще не удовлетворяетъ интересамъ сельскихъ хозяевъ, ни интересамъ рабочихъ. Отправляясь на заработковъ наугадъ, рабочіе неравномѣрно распредѣляются по терри- торіи нуждающихся въ нихъ мѣстностей, то являясь въ недостаточномъ числѣ въ мѣста большого на нихъ спроса и тѣмъ непомѣрно поднимая, ущербъ хозяйствамъ, заработную плату, то являясь въ чрезмѣрномъ числѣ въ тѣ мѣстности, гдѣ потребность въ рабочихъ рукахъ не велика. послѣднемъ случаѣ рабочіе роняютъ сильно плату, а многіе изъ нихъ вовсе остаются безъ работы, подвергаясь вслѣдствіе этого всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ безработицы. Такое ненормальное положеніе дѣла вызываетъ необходимость въ разработкѣ мѣропріятій къ упорядоченію движенія рабочихъ, отправляющихся на сельско-хозяйственные заработки». Имѣвъ затѣмъ учрежденіе 11 мая, по высочайшему повелѣнію, особой комиссіи для разработки этого вопроса, *Правительственный Вѣстникъ* къ опредѣленію ея задачи: «1) Упорядоченіе самаго движенія рабочихъ въ смыслѣ достиженія, по возможности, равномѣрнаго распредѣленія при- нимающихъ рабочихъ по нуждающимся въ нихъ хозяйствамъ. 2) Облегченіе рабочимъ передвиженія на мѣста спроса до момента найма. 3) Упорядоченіе условій найма на сельско-хозяйственные работы и обезпеченіе добросовѣстнаго ихъ исполненія обѣими договаривающимися сторонами». Имѣемъ значеніе, прежде всего, тому факту, что само правительство обратило теперь на вопросъ о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ с особеннымъ такъ, какъ еще очень недавно на него смотрѣла только на- бѣгающая температура, которая можетъ считать распространеніе этихъ взглядовъ въ правительственныхъ сферахъ результатомъ своего настойчиваго и нег-

рывнаго напоминанія объ этомъ важномъ фактѣ русской экономической жизни.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Чаславскій намѣтилъ губерніи, въ предѣлахъ которыхъ совершается передвиженіе сельскихъ рабочихъ; его райономъ служили губерніи черноземной полосы. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣла значительно измѣнилось: губерніи, занимавшія главное мѣсто въ этомъ движеніи, сохранили его и донныѣ, но къ нимъ приобщились еще многія другія полосы, въ которыхъ 20 лѣтъ тому назадъ условія крестьянскаго землевладѣнія были болѣе благопріятны, чѣмъ въ настоящее время. То, что писалось въ 70-хъ годахъ относительно недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, относительно невозможности для крестьянъ обезпечить себя арендованіемъ земли на мѣстахъ, можетъ быть повторено теперь и, притомъ, съ болѣе широкимъ правомъ, нежели въ то время: населеніе возросло, сельскохозяйственная культура не измѣнилась, а потому малоземелье приняло еще болѣе угрожающій характеръ. Такимъ образомъ, учрежденіе по этому вопросу особой правительственной комиссіи вполне соотвѣтствуетъ важности дѣла.

Комиссія, какъ видно изъ приведенныхъ нами словъ *Правительственнаго Вѣстника*, ставитъ передъ собою три задачи. Вторая изъ поставленныхъ задачъ можетъ быть рѣшена безъ крупныхъ затрудненій, если бы даже ея рѣшеніе требовало значительныхъ расходовъ. Для того, чтобы облегчить рабочимъ передвиженіе на мѣста спроса до момента найма, необходимо принимать тѣ мѣры, которыя намѣчены, а частью уже принимаются для переселенцевъ въ Сибирь: необходимо сооруженіе бараковъ и организованіе медицинской помощи въ главныхъ мѣстахъ скопленія рабочихъ; необходимо повсемѣстное введеніе вагоновъ IV класса для возможнаго удешевленія проѣзда; нужно содержать въ разныхъ мѣстахъ народныхъ столовыхъ и проч. Всѣ эти мѣры, разумно проведенныя, могутъ принести передвигающимся рабочимъ существенную пользу: онѣ охраняютъ ихъ здоровье и помогутъ имъ совершать передвиженіе съ меньшими затратами.

Совсѣмъ иначе представляются намъ шансы достиженія первой и третьей поставленныхъ цѣлей. Третья цѣль выходитъ за предѣлы вопроса объ упорядоченіи сельскихъ отхожихъ промысловъ. Стремясь обезпечить добросовѣстное исполненіе условій найма обѣими договаривающимися сторонами, комиссія ставитъ передъ собою общій вопросъ, который касается столько же мѣстныхъ рабочихъ, какъ и пришлыхъ: всѣмъ извѣстно, что со стороны сельскихъ хозяевъ часто слышатся жалобы на неудовлетворительность тѣхъ "чужихъ". Казалось бы, что законъ цѣлымъ рядомъ правилъ и, особенно, вилами 12 іюня 1886 года даетъ полное обезпеченіе нанимателямъ. Между тѣмъ, цѣль не достигается, многіе рабочіе трудятся небрежно или авляютъ хозяевъ до наступленія срока найма. Усиленія строгости наказаній рабочихъ,—мы твердо убѣждены въ этомъ,—не приведутъ къ желанному результату: это не сдѣлаетъ рабочихъ болѣе точными и исполнительными. Отысканіе при помощи администраціи рабочихъ, которые самовольно

ушли отъ хозяевъ и нанялись работать въ другомъ мѣстѣ, также не общаетъ полезныхъ послѣдствій: во-первыхъ, отысканіе могло бы быть выгодно для перваго нанимателя лишь въ томъ случаѣ, еслибъ оно удавалось тотчасъ послѣ побѣга рабочаго, такъ какъ оно позволило бы скоро устранить перерывъ въ работѣ; во-вторыхъ, оно лежало бы въ интересахъ нанимателя, если бы можно было силой заставить наемника хорошо работать, когда онъ хочетъ уйти на другое мѣсто. И то, и другое невозможно. Нерѣдко сельскій рабочій уходитъ въ экономію, отдаленную на многіе десятки верстъ отъ мѣста, куда первоначально нанялся для работы. Органы полиціи такъ завалены разнообразными обязанностями, что нельзя рассчитывать на возможность съ ихъ стороны немедленно приступить къ отысканію ушедшаго работника и водворенію его у перваго нанимателя. Наконецъ, если бы все это было исполнено, то нельзя принудить работника служить нанимателю, когда онъ не только рѣшилъ уйти отъ него, но и осуществилъ свое намѣреніе. Такимъ образомъ, мы находимъ въ распоряженіи комиссіи относительно этого пункта только одну мѣру: рекомендовать сельскимъ хозяевамъ такое отношеніе къ нанимаемымъ рабочимъ, и мѣстнымъ, и пришлымъ, чтобъ они не имѣли поводовъ къ нарушенію договора: точная расплата, хорошіе харчи, участіе въ работахъ самого хозяина, умѣнье съ его стороны не только наблюсти за работою, но и подать примѣръ. На сторонѣ нѣмцевъ-колонистовъ есть эти условія, а потому у нихъ случаи самовольнаго ухода рабочихъ являются рѣдкими исключеніями. Если комиссія станетъ на этотъ путь, то, какъ бы ни были въ ближайшемъ будущемъ малы практическія послѣдствія такого ея отношенія къ дѣлу, само отношеніе будетъ важно уже какъ авторитетное признаніе того, что должно быть признано. Если же комиссія попытается рѣшить задачу установленіемъ болѣе строгихъ взысканій съ рабочихъ, которые нарушали договоръ, то цѣль вовсе не будетъ достигнута.

Остается первый пунктъ и, по нашему убѣжденію, самый трудный. Съ перваго взгляда кажется очень немудреною задача, которую ставить себѣ комиссія. Равномѣрное распредѣленіе сельскихъ рабочихъ по хозяйствамъ, которыя въ нихъ нуждаются, не представляетъ ничего сложнаго. Стоитъ только публиковать въ общераспространенномъ изданіи (наприм., *Сельскомъ Вѣстникѣ*) о числѣ рабочихъ, которые нужны каждой волости, въ предѣлахъ уѣздовъ и губерній, куда направляются рабочіе. Эти данныя могутъ получить еще болѣе извѣстность, если, кромѣ опубликованія въ распространенной газетѣ, вывѣшивать ихъ на стѣнахъ волостныхъ управленій, у домовъ сельскихъ старостъ, около народныхъ училищъ и т. п. Однако, эти данныя часто могутъ не соответствовать дѣйствительности. Размѣры предстоящаго урожая хлѣбовъ и травъ нерѣдко выясняются только послѣ обильныхъ дождей, выпавшихъ поздною весной, а тысячи и тысячи гораздо раньше этого отправляются на заработки. Такимъ образомъ, прежде, чѣмъ администрація успѣетъ собрать хотя приблизительно точныя свѣдѣнія о числѣ рабочихъ, которые могутъ найти занятіе въ томъ же

другомъ мѣстѣ, многіе уже оставляютъ свои семьи и побредутъ искать работы. Но есть другое обстоятельство, гораздо болѣе важное. Факты показываютъ, что съ каждымъ годомъ возрастаетъ число рабочихъ, отправляющихся на югъ для сельско-хозяйственныхъ работъ.

Въ годы очень обильнаго урожая это число оказывается недостаточнымъ, чтобы сполна удовлетворить запросъ на рабочія руки. Въ годы же мало урожайные число идущихъ на заработки далеко превышаетъ запросъ, и плата опускается очень низко. Какія бы старанія ни приложила коммиссія, она не можетъ достигнуть того, чтобы число людей, уходящихъ на заработки, къ выгодѣ для сельскихъ хозяевъ, увеличилось въ первомъ случаѣ и чтобы оно, къ выгодѣ для нанимающихся, уменьшилось во второмъ. Обильный урожай поднимаетъ достатокъ крестьянства и въ мѣстахъ, откуда направляются на работы, уменьшаетъ число выходцевъ; оно не можетъ быть увеличено никакими искусственными мѣрами. Если бы коммиссія, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, невыгоды рабочихъ въ малоурожайные годы, старалась уменьшить ихъ число, то она не имѣла бы въ этомъ успѣха. Предположимъ, что вычисленія, сдѣланныя администраціей, опредѣляютъ въ 1 миллионъ число рабочихъ, на которыхъ предъявляютъ запросъ всѣ мѣстности, пользующіяся наемнымъ трудомъ пришельцевъ; предположимъ, что эта общая масса точно распределена по губерніямъ и уѣздамъ: если число крестьянъ, имѣющихъ надобность въ отысканіи заработковъ внѣ дома, достигнетъ 2 миллионѣвъ, то всѣ они двинутся, понизятъ плату до уровня самаго ничтожнаго вознагражденія за трудъ. И на эту низкую плату многіе не найдутъ занятія и будутъ поставлены въ тяжелое положеніе.

Поэтому, изъ всѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ коммиссіей, наиболѣе благодарной является та, которая связана съ доставленіемъ передвигающимся рабочимъ удобствъ во время нахождения ихъ въ пути. Такъ какъ желѣзныя дороги сократили путь, то эта задача имѣетъ гораздо менѣе важное значеніе, нежели доставленіе удобствъ переселенцамъ, при ихъ долгомъ странствіи въ Азіатскую Россію. Даже собраніе свѣдѣній о числѣ рабочихъ, въ которомъ нуждаются отдѣльныя мѣстности, и опубликованіе этихъ свѣдѣній во всеобщую извѣстность не такъ важно теперь, какъ 20—15 лѣтъ тому назадъ. Народились новые органы провинціальной печати, и вопросы народнаго хозяйства занимаютъ въ нихъ первенствующее мѣсто. Грамотность въ деревняхъ сдѣлала также значительные успѣхи. Вслѣдствіе этого населеніе деревень Кіевской, Полтавской, Черниговской и др., откуда крестьяне идутъ на заработки, уже съ ранней весны имѣетъ свѣдѣнія объ урожаѣ, котораго можно ожидать въ южныхъ, рѣдко населенныхъ губерніяхъ. А потому и въ настоящее время люди идутъ на заработки не совсѣмъ ошупью: они не знаютъ теперь, что Херсонской губерніи нужно 200,000 рабочихъ, а Кубанской области 100,000; но имъ вѣстно, что въ первой губерніи можетъ найти себѣ занятіе большее число людей, нежели во второй, а потому первая и привлекаетъ больше народа.

Но работы комиссiи привели бы къ очень важнымъ послѣдствiямъ, еслибъ она сдѣлала отправною точкой для своихъ занятiй убѣжденiе, что сельско-хозяйственные отхожіе промыслы въ Россiи являются фактами совершенно несообразными, что они рѣзко противорѣчатъ всѣмъ особенностямъ нашей общественной жизни. Нечего удивляться тому, что крестьяне Ломбардіи ежегодно многими тысячами переѣзжаютъ въ Южную Америку для уборки жатвы; при густомъ населенiи Сѣверной Италiи всегда есть избыточные рабочіе руки, которыя могутъ съ большою выгодой провести $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца въ годъ за предѣлами родины. Рѣдкое же населенiе Россiи и огромныя пространства земель, или вовсе не взятыхъ подъ культуру, или воздѣлываемыхъ по самымъ первобытнымъ системамъ хозяйства, дѣлаютъ такое кочеванiе рабочихъ въ Россiи крайнимъ абсурдомъ. Правда, населенiе густо въ губерніяхъ, откуда люди отправляются на заработки, но оно очень рѣдко тамъ, гдѣ предъявляютъ запросъ на рабочія руки. Поэтому единственно разумная и справедливая народно-хозяйственная политика состояла бы въ томъ, чтобы вся масса, которая отправляется искать заработковъ, была навсегда передвинута въ мѣстности, гдѣ она только временно прилагаетъ трудъ. Если изъ года въ годъ Екатеринославская губернія даетъ занятіе 250,000 пришлымъ рабочимъ, то желательно, чтобы эта $\frac{1}{4}$ милліона упочила въ Екатеринославской губерніи свою осѣдность. Такая цѣль не можетъ быть достигнута переселенiемъ всей этой массы на казенныя земли южныхъ губерній, имѣющихъ очень небольшія площади государственныхъ земель. Но частовладѣльческія земли даютъ для этого очень широкій просторъ.

Сельское хозяйство среднихъ и крупныхъ владѣльцевъ Южной Россiи опирается на трудъ пришлыхъ рабочихъ. За рѣдкими исключенiями всѣ хозяева жалуются на ежегодно возрастающую трудность пользоваться этими рабочими. До тѣхъ поръ, пока хозяева слышатъ, что разныя сельско-хозяйственные общества и даже правительство надѣются поставить этотъ способъ веденiя хозяйства въ нормальныя условiя, они не торопятся съ продажей своихъ земель. Они думаютъ, что явленіе, противуестественное по существу своему, можетъ быть сдѣлано нормальнымъ. Но разъ вновь учрежденная правительственная комиссiя выразитъ сомнѣніе въ возможности упорядочить веденіе сельскаго хозяйства съ пришлыми рабочими и выскажется за то, что переселеніе въ малолюдныя губерніи значительной части крестьянъ, которые идутъ на заработки, является единственно правильнымъ рѣшенiемъ вопроса, — какъ многіе крупные и средніе землевладѣльцы южныхъ губерній послѣдуютъ съ продажей своихъ земель крестьянамъ при посредствѣ крестьянскаго земельного банка. Этотъ процессъ не уничтожитъ въ южныхъ губерніяхъ крупнаго и средняго частнаго землевладѣнія, но онъ сужитъ его площадь. Чѣмъ болѣе будетъ суживаться площадь крупнаго и средняго землевладѣнія въ южныхъ губерніяхъ, тѣмъ большія будутъ достигатьсягоды, какъ для народнаго, такъ даже и для частнаго хозяйства. Владѣльцы, распродавшіе большую часть своихъ земель, получать возможны

при помощи вырученныхъ отъ продажи денегъ, вести на оставшихся за ними участкахъ улучшенное хозяйство, а потому и болѣе доходное. Крестьяне, приобретшіе землю и навсегда переселившіеся въ тѣ губерніи, куда они теперь только ходятъ для заработковъ, сдѣлаютъ свой бытъ болѣе прочнымъ, а народное хозяйство получить крупный выигрышъ потому, что будетъ уменьшаться число людей, которые вынуждены бродить по обширнымъ пространствамъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба.

Выгодность для многихъ частныхъ землевладѣльцевъ намѣченного нами исхода доказывается задолженностью русскаго землевладѣнія. Недавно въ *Вѣстникъ Финансовъ* были напечатаны свѣдѣнія о долгахъ частнаго землевладѣнія къ 1894 году. Въ 66 губерніяхъ Европейской Россіи, включая и Кавказъ, площадь частно-владѣльческихъ земель составляетъ 115 милліоновъ десятинъ; изъ нихъ въ залогъ состояло около $47\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ, т.-е. 41,3%. Всѣ заложеныя земли оцѣнены кредитными учрежденіями суммою около 2,290 милліоновъ рублей; подъ нихъ выдано ссудъ на 1,269 милліоновъ и остается непогашеннаго долга 1,174 милліона. Наибольшая площадь земли—около 16,3 милліоновъ десятинъ—заложена въ акціонерныхъ банкахъ, 10,3 милліона десятинъ заложены въ дворянскомъ банкѣ, 5,6 милліоновъ—въ особомъ его отдѣлѣ и около 15 милліоновъ—въ остальныхъ земельныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Такъ какъ долги, которые лежали въ 1859 году на помѣщичьихъ имѣніяхъ, были погашены посредствомъ выкупной операціи, то задолженность является результатомъ 35 послѣднихъ лѣтъ. Долги землевладѣнія рѣдко колеблются по отдѣльнымъ губерніямъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, промышленныхъ и на Кавказѣ земля обременена небольшими долгами; въ малороссійскихъ же губерніяхъ, среднихъ черноземныхъ, новороссійскихъ задолженность особенно велика. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ уже давно дѣйствуютъ гипотечныя учрежденія, заложено болѣе 70% всей площади земли, но на каждую десятину падаетъ только небольшая сумма долга.

Эти цифры не внушали бы серьезныхъ опасеній, если бы не было налицо другого угрожающаго факта—быстраго роста долговъ. Къ 1887 году тремя кредитными учрежденіями: дворянскимъ банкомъ, крестьянскимъ и обществомъ взаимнаго кредита было выдано ссудъ на 243 милліона, а въ 1894 году, т.-е. черезъ 8 лѣтъ, эта сумма увеличилась на 288 милліоновъ и достигла 531. Повидимому, можно было ожидать, что учрежденіе дворянскаго банка уменьшитъ задолженность землевладѣнія въ акціонерныхъ банкахъ. А дѣйствительность даетъ другую картину: къ 1887 году акціонерныя банки было выдано въ ссуду $335\frac{1}{2}$ милліоновъ, а къ текущему итогу суммъ достигъ уже 506 милліоновъ рублей. Ростъ задолженности землевладѣнія обнаруживается также и на суммѣ долга, обременяющей среднюю десятину: въ 1889 году на десятину причиталась ссуда въ 12 коп., а въ 1894 году—27 р. 97 коп.

къ извѣстно, только небольшая часть ссудъ получила производитель-

ное назначеніе и увеличила доходность помѣщичьей земли. Большая же часть ихъ затрачена такъ, что поставила владѣльца въ гораздо болѣе стѣсненное положеніе, нежели до заключенія займа. Ни пониженіе процента, ни разнообразныя льготныя условія, которыя, по примѣру дворянскаго банка, и акціонерные банки устанавливаютъ для своихъ заемщиковъ, не могутъ чувствительно облегчить тяготу, которая лежитъ на землевладѣльцахъ. Сельскіе хозяева дѣлаютъ судорожныя усилія, чтобъ устоять подъ напоромъ неблагоприятныхъ вліяній, но послѣднія оказываются слишкомъ могущественными. Напомнимъ, что пониженіе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ уменьшило за послѣднія 15 лѣтъ доходность крупныхъ и среднихъ хозяйствъ въ Англіи. Землевладѣльцы для того, чтобы поддержать сильно поколебавшуюся ренту, стали обращаться отъ крупныхъ арендаторовъ къ мелкимъ, дробить крупныя фермы на мелкія. И въ Англіи можетъ быть подмѣченъ фактъ, что мелкій поселянинъ, менѣе завися отъ всемірнаго рынка, чѣмъ крупный хозяинъ, держится, когда послѣдній уже изнемогаетъ подъ тяжестью своего положенія. А если такое явленіе наблюдается въ Англіи, гдѣ крупные хозяева обладаютъ капиталами, знаніями, дѣловитостью, то въ Россіи переходъ въ руки крестьянъ все большей и большей площади частно-владѣльческихъ земель доставитъ еще большія выгоды: русскій сельскій хозяинъ, за рѣдкими исключеніями, не отличается ни познаніями, ни дѣловитостью; они не могутъ получить надъ мелкимъ владѣльцемъ большой перевѣсъ и относительно капитала, влагаемаго въ землю, такъ какъ, имѣя слишкомъ широкія потребности, предпочитаютъ расходовать на лично-семейныя нужды то, что могло бы быть употреблено на развитіе хозяйства. Возростаніе же долговъ дѣлаетъ положеніе частнаго землевладѣнія все болѣе затруднительнымъ. Поэтому, рассматривая дѣло и съ этой стороны, мы признаемъ переходъ значительной площади земли къ крестьянамъ отпаднымъ фактомъ русской экономической жизни.

Перваго іюня утвержденъ новый уставъ сберегательныхъ кассъ, которыя получаютъ теперь названіе «государственныхъ». Принимая на себя отвѣтственность за дѣлость капиталовъ, которые ввѣряются кассамъ, правительство опредѣленно высказываетъ мысль, что суммы, внесенныя въ кассы, не могутъ быть употребляемы на общіе государственные расходы.

Новый уставъ открываетъ для учрежденія кассъ болѣе широкій просторъ, нежели то было до настоящаго времени. Сберегательныя кассы могутъ быть открываемы въ городахъ и другихъ населенныхъ пунктахъ; онѣ могутъ быть учреждаемы какъ при правительственныхъ мѣстахъ, такъ и при частныхъ заведеніяхъ; кассы могутъ имѣть постоянныя и временныя отдѣленія; во время ярмарокъ могутъ быть открываемы передвижныя отдѣленія. Новый уставъ вводитъ нѣкоторыя измѣненія и въ операціи кассъ. Вклады, кромѣ общаго назначенія, могутъ имѣть и специальное, напримѣръ, на плату за ученіе, на поминъ души. Вклады могутъ быть также учеными, причемъ право распоряженія процентами и капиталомъ наст...

только съ наступленіемъ извѣстнаго событія — совершеннолѣтія, выхода замужъ. Въ настоящее время пріемъ вкладовъ въ сберегательныя кассы ограниченъ 50 рублями за одинъ разъ. Новый уставъ отминаятъ это правило: онъ разрѣшаетъ взносъ сразу до 1,000 рублей, т.-е. предѣльной суммы на одно лицо. Для обществъ и учреждений предѣльная сумма вкладовъ повышена до 3,000 рублей. Но съ переходомъ вклада за 1,000 рублей текущій процентъ понижается. Какъ скоро вкладъ достигъ предѣльной нормы и когда должно прекратиться начисленіе процентовъ, то касса обязана извѣстить объ этомъ вкладчика, дабы онъ распорядился относительно своего вклада. Если вкладчикъ не отвѣтилъ въ теченіе мѣсяца, то касса обязана купить за его счетъ государственную процентную бумагу. Такъ какъ бумаги, купленныя для вкладчика изъ его вклада, не принимаются въ расчетъ при исчисленіи денегъ, которыя состоятъ на счету вкладчика (хотя бы сумма денегъ и цѣна вклада превышали предѣльную сумму), то теченіе процентовъ продолжается. Бумаги, купленныя для вкладчика кассою, хранятся бесплатно, причемъ касса слѣдитъ за выходомъ бумагъ въ тиражъ, за сроками купоновъ. Это правило можетъ доставить существенныя выгоды мелкимъ владельцамъ государственныхъ бумагъ, которые часто малограмотны, а потому и не умѣютъ услѣдить за выходомъ процентныхъ бумагъ въ тиражъ. По новому уставу, каждому вкладчику дано право сдѣлать относительно вклада завѣщательное распоряженіе. Тамъ, гдѣ вкладчикъ уже отдѣлился отъ своего двора и начинаетъ основывать собственное хозяйство, хотя юридически не вполне обособился отъ членовъ семьи, такое право можетъ получить существенное значеніе: оно направитъ вкладъ, въ случаѣ смерти вкладчика, не членамъ той семьи, съ которыми фактически его связь почти порвана, а тѣмъ, кого соединяютъ съ нимъ наиболѣе близкіе жизненные интересы. Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе получаютъ право не только вносить вклады, но и брать ихъ обратно. Этимъ преслѣдуется цѣль развить привычку къ сбереженіямъ въ самые юные годы. Вотъ наиболѣе существенные пункты, которые увеличиваютъ доступность кассъ. Замѣтимъ, что сберегательныя кассы могутъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, производить операціи, которыя, вообще, дозволено производить государственному банку. Мы полагаемъ, что малочисленность личнаго состава и простота администраціи сберегательныхъ кассъ можетъ затруднить кассы, если ихъ операціи станутъ слишкомъ разнообразными.

---

8 іюня въ Софіи скончался Михаилъ Петровичъ Драгомановъ, извѣстный русскій ученый и публицистъ. Онъ родился въ 1841 году въ Гадячѣ, окончилъ полтавскую гимназію, историко-филологическій факультетъ Киевскаго университета и началъ ученую дѣятельность диссертацией про *venia legendi: Императоръ Тигерій*. Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ онъ занялъ кафедру всеобщей исторіи въ Киевскомъ университетѣ, а за послѣдніе годы ту же кафедру въ высшей школѣ въ Софіи. Помимо цѣлага ряда

статей въ *Вѣстникъ Европы*, *Дѣло*, *Отечественныхъ Запискахъ* и другихъ русскихъ журналахъ, а также нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ, покойный напечаталъ изслѣдованіе *Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ*, а также издалъ вмѣстѣ съ В. В. Антоновичемъ первый томъ интереснаго собранія *Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа*, съ объясненіями. Онъ участвовалъ также въ составленіи посвященнаго Малороссіи тома географіи Реклю.

15 іюня въ Петербургѣ, въ Новой деревнѣ, похоронили извѣстнаго писателя Сергѣя Николаевича Терпигорева (Атаву). Г. Сигма сообщалъ въ *Новомъ Времени*, что русская литература обязана появленіемъ этого писателя Некрасову. Выслушавъ устные рассказы Терпигорева, Некрасовъ посоветовалъ ему написать ихъ. На возраженіе Сергѣя Николаевича, что ему перевалило за тридцать лѣтъ, знаменитый поэтъ отвѣтилъ: «А что-жь, и по атавѣ (по скошенному луку) иногда трава хорошо растетъ. Попробуйте-ка». И трава дѣйствительно пошла хорошая. Появившееся въ *Отечественныхъ Запискахъ* первое (и самое значительное) произведеніе Терпигорева возбудило общій интересъ, какъ яркая, талантливая картина дворянскаго *Оскуднѣнія*. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Атава часто возвращался къ эпохѣ печальной памяти крѣпостного права (*Потревоженные тѣни*, *Историческія повѣсти* и друг.). Въ *Новомъ Времени* покойный нѣсколько лѣтъ помѣщалъ живые и талантливые фельетоны.

Прошлый мѣсяцъ принесть еще двѣ значительныя утраты для русскаго общества: скончались извѣстный знатокъ и собиратель народныхъ картинъ и сказокъ Д. А. Ровинскій и Д. А. Наумовъ, бывшій въ теченіе болѣе четверти вѣка, съ самаго основанія земскихъ учрежденій, председателемъ московской губернской земской управы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль

1895 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія и біографіи.—Географія, этнографія и путешествія.—Политическая экономія и финансы.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Русскій Вѣстникъ», апрѣль—іюнь.—«Сѣверный Вѣстникъ», іюнь.—«Русское Богатство» май.—«Дѣтское Чтеніе», кн. I—V.—«Игрушечка», кн. I—V. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Грезы“. И. А. Салова.—„Въ семьѣ и внѣ семьѣ“. В. М. Михеева.—„Золоченая богема“. В. Сеттлова.—„Кавказскія преданія и легенды“. Ею же.—„Собраніе сочиненій“ Андерсена.

Грезы, повѣсть И. Салова. Москва, 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к. Авторъ правдиво, какъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, изображаетъ въ этой повѣсти картинки изъ житья-бытья большого провинціального города, въ которыхъ центральное мѣсто занимаетъ не крупная сама по себѣ, но очень милая фигура Шурочки Шумиловой, увлеченной „грѣзами“ о сценической карьерѣ. Дочь мелкаго чиновника, „обремененнаго“ большою семьей, она поступила въ труппу мѣстнаго театра на „выхода“ и на самыя крошечныя роли, чтобы своимъ тридцати-рублевымъ жалованьемъ помогать отцу и матери, перебивающимся грошовымъ чиновничьимъ содержаніемъ и подачками „крестнаго“ Шурочки, „генерала“ Туберкулозова, сѣмѣвшаго изъ семинарскихъ товарищей Шумилина сдѣлаться важнымъ и богатымъ бариномъ, вліятельнымъ губернскимъ тузомъ, покровителемъ искусствъ, преимущественно, сценическаго и, въ особенности, молоденькихъ актрисокъ. На свою хорошенькую крестницу бодрый жуиръ давно уже заглядывается, поощряетъ ея стремленіе къ сценѣ и, подъ благовиднымъ предлогомъ „духовнаго“ родства, балуетъ ее подарками, подкузетъ ея родителей подачками. Пріѣздъ въ губернский городъ знаменитаго провинціального трагика Печорина сразу измѣняетъ положеніе Шурочна сценѣ и въ театральномъ кружкѣ. Опытный и умный актеръ зомѣ знатока отличилъ въ ничтожной актрискѣ признаки дарованія, дающаго большія надежды, и порѣшилъ „сдѣлать“ изъ нея Офелію, гратъ съ нею свою коронную роль Гамлета. Печоринъ не ошибся: въ природы очень нервная, впечатлительная и умная Шурочка, поданная Печоринымъ, разряженная щедротами „крестнаго“, чуть не

умирая отъ страха, сыграла роль Офеліи такъ, что поразила и учителя, и покровителя, и публику необычайною задумчивостью, глубоко трогательною нѣжностью созданнаго ею образа несчастной возлюбленной „принца датскаго“. Юныя „грѣзы“ превратились въ дѣйствительность, но не надолго. Печоринъ, какъ птица перелетная, отправился дальше по Россіи собирать лавры и рубли, сердечно простился съ талантливою ученицей, предложилъ ей мѣсто въ трупѣ, которую самъ въ качествѣ антрепренера собиралъ къ осени, и взялъ съ неопытной и наивной дѣвушки слово, что она въ случаѣ нужды обратится къ нему за помощью, какъ къ самому искреннему другу. Такой случай не заставилъ себя ждать долго. Все болѣе и болѣе увлекающійся крестничею генералъ, встрѣтивши энергичный отпоръ своему ухаживанью, рѣшилъ дѣйствовать черезъ старика Шумилина, законнымъ образомъ жениться на Шурочкѣ. Шумилинъ быстро устранилъ препятствіе, уничтожилъ доказательство того, что Туберкуловъ крестить его дочь, и такъ настроилъ дѣло, что Шурочкѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ согласиться на бракъ съ старымъ развратникомъ или бѣжать изъ дому и изъ города. Она уѣхала къ Печорину. Тотъ принялъ ее съ распростертыми объятіями, зачислилъ въ свою труппу, далъ денегъ, назначилъ день представленія *Гамлета*... Образумившійся Туберкуловъ пріѣхалъ спасать крестницу отъ увлеченія сценой, но отъ Печорина она спаслась только выстрѣлами изъ револьвера. Шурочка вернулась домой совершенно отрезвленной отъ своихъ „грѣзъ“ и сдѣлалась невѣстой милаго молодого человѣка, давно любившаго ее, давно любимаго ею самою искреннею любовью, едва не принесенною въ жертву заманчивымъ „грѣзамъ“. Такова фабула повѣсти, написанной замѣчательно правдиво, просто и, — что составляетъ особенность разсказовъ И. А. Салова, — переданной съ чудесною ясностью духа, съ добродушнымъ юморомъ, покрывающимъ собою неприглядныя стороны жизни и такихъ характеровъ, какъ Туберкуловъ и старикъ Шумилинъ, — съ юморомъ, отнюдь не примиряющимъ съ ихъ дрянностью, а вызывающимъ мягкое и незлобивое чувство сожалѣнія о томъ, что такова дѣйствительность, что таковы бываютъ родители и ихъ друзья, готовые внести позоръ въ семью, сгубить молодую жизнь, ради удовольствіи дурныхъ инстинктовъ. Страницы, посвященныя описанію триумфа Шурочки въ роли Офеліи, производятъ такое впечатлѣніе, будто самъ видишь пылкую игру дебютантки и настроеніе очарованной ею публики.

Въ семьѣ и внѣ семьи. Очерки и разсказы В. М. Михеева. Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб., 1895 г. Ц. 1 руб. Читатели разныхъ сборниковъ „очерковъ и разсказовъ“, вѣроятно, замѣтили уже давно, что заглавія такихъ книжекъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ содержанію, измышляютъ авторы и даются произвольно съ расчетомъ на то, чтобы привлечь вниманіе публики. Въ этомъ отношеніи книжка г. Михеева не составляетъ исключенія, и мы находимъ, что авторъ придумалъ очень удачное заглавіе для обложки своихъ двѣнадцати разсказовъ, такъ какъ все, что случается съ людьми, происходитъ или „въ семьѣ“, или „внѣ семьи“. Про нѣкоторые разсказы, помѣщенные въ книжкѣ, можно сказать, что въ нихъ передаются приключенія, стоящія „внѣ дѣйствительной жизни“, но такихъ не много: *Письмо призрака*, *Весна* и *Грѣза Триана*. Въ первомъ излагается какой-то ни съ чѣмъ несообразный спиритическій вздоръ, оправдываемый до нѣкоторой степени подзаголовкомъ:

„святочный рассказ“, но ничуть не оправдываемый ссылкой на „святочные рассказы“ Диккенса, до которыхъ *Письму призрака* такъ же далеко, какъ *Весня* г. Михеева до отрывка повѣсти Макколея изъ римской жизни... Сравненіе само напросилось, такъ какъ событіе, рассказанное авторомъ, приурочено ко времени императора Нерона, причемъ „супруга Цезаря“, знаменитая Поппея, названа авторомъ „Помпеей“, — конечно, опечатка. Самый же рассказъ такъ же плохъ и безсодержателенъ, какъ и *Грѣза Трианона*, подзаголовкомъ къ которому можно бы поставить: „пустословіе семидесяти-лѣтняго старика съ двадцатилѣтнею барышней въ тѣни каштановъ Трианона“. Лучшій рассказъ въ книжкѣ, единственный, въ которомъ есть мысль и живыя странички, озаглавленъ *Присяжный засѣдатель*. Онъ былъ бы совсѣмъ даже хорошъ, если бы не былъ такъ растянутъ, если бы поменьше было въ немъ повтореній, да еще... если бы авторъ, прежде чѣмъ пускаться въ свѣтъ это повѣствованіе, побывалъ въ окружномъ судѣ и присмотрѣлся къ тому, что и какъ тамъ происходитъ. Тогда авторъ не написалъ бы, что „предсѣдатель и члены суда *срѣнулись на груди* сѣли за большой столъ...“ и что за ними пришелъ „прокуроръ *во фракъ* съ золотыми пуговицами, также съ *цѣпью на груди*“. Это, вѣдь, курамъ на смѣхъ!... Не написалъ бы также г. Михеевъ, что явка 20 присяжныхъ засѣдателей считается достаточною для открытія засѣданія... Ну, да Богъ ему простить за доброе намѣреніе показать благотворное вліяніе суда присяжныхъ на умственное и нравственное развитіе всего русскаго общества. Такое же доброе намѣреніе искупаетъ слабость рассказа *Далекая паннихида*, посвященная „памяти М. Е. Салтыкова“. Въ этомъ рассказѣ авторъ передаетъ о томъ, какое огромное и живительное впечатлѣніе производили писанія великаго сатирика на самыхъ далекихъ окраинахъ, въ глухихъ уголкахъ Сибири. Объ остальныхъ „очеркахъ и рассказахъ“ сказать рѣшительно нечего, — настолько они мало содержательны. Въ заключеніе можно отмѣтить лишь то, что г. Михеевъ, повидимому, большой любитель „посвященій“: вся книжка „посвящена дорогому учителю Михаилу Васильевичу Загоскину“, изъ двѣнадцати рассказовъ четыре „посвящены“ разнымъ лицамъ: В. П. Острогорскому, В. И. Островскому, Л. Б. Яворской, Н. Н. Златовратскому, затѣмъ одинъ — „памяти“ дѣдушки г. Михеева и послѣдній — „памяти М. Е. Салтыкова“. Книжка издана очень чисто и красиво.

Золоченая богема. Романъ изъ петербургской жизни. В. Свѣтлова. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 25 коп. — Кавказскія преданія и легенды. В. Свѣтлова. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 25 коп. Романъ „изъ петербургской жизни“ написанъ гладко, литературно, легко и... легко-вѣсно, по-фельетонному. Нѣтъ въ немъ ни одного новаго характера, ни одного лица или положенія, которыя не были бы знакомы русскимъ читателямъ изъ множества повѣстей и романовъ домашняго производства и переводныхъ съ иностранныхъ языковъ. Самое заглавіе звучитъ не русскимъ, да и нѣтъ у насъ, собственно говоря, настоящей богемы“, на парижскій ладъ, а есть только разнаго званія замотавшіеся люди, давно и очень характерно изображенные А. Михайловымъ Шеллеромъ) въ весьма разнообразныхъ положеніяхъ, неизмѣримо болѣе интересныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыя ставитъ своихъ героевъ и героинь г. Свѣтловъ. „Праздношатающіеся“ и „замотавшіеся“ господа и госпожи, изображенные въ романѣ *Золоченая богема*, не представляютъ собой ни одной черточки оригинальной, и во всей книжкѣ самое лучшее, это — описаніе Монте-Карло съ его игорнымъ домомъ, садами и

отелями, съ чудною природою и отвратительно-жалкими фигурами ограбленных и крѣпко организованной шайки грабителей, гнѣздящихся въ этомъ притонѣ современныхъ пиратовъ.

Неизмѣримо лучше *Кавказскія преданія и легенды* того же автора, — семь разсказовъ, сложенныхъ на основаніи мѣстныхъ повѣствованій кавказскихъ горцевъ, преимущественно осетинъ и грузинъ. При самомъ вѣздѣ въ Дарьяльское ущелье, на лѣвомъ берегу Терека, на громадной скалѣ высятся хорошо сохранившіяся башни и стѣны „зѣмка Тамары“, а затѣмъ, чѣмъ далѣе подвигаешься въ глубь Грузіи за бывшую ея столицу Мцхетъ, тѣмъ чаще попадаются то одинокія башни, то зѣмки средневѣковаго типа, то цѣлыя крѣпости, то одиноко стоящія полуразрушенные или разрушающіеся церкви и монастыри, цѣлѣдомо кѣмъ и когда выстроенные. И каждый изъ этихъ памятниковъ многовѣковой старины имѣетъ свою легенду, нерѣдко вполне пригодную для превращенія въ романъ или драму. Надо только умѣть добраться до такой легенды, что не всегда легко, такъ какъ и мѣстное населеніе начинаетъ уже забывать ихъ подъ напоромъ новой жизни, захватившей страну со времени покоренія Кавказа русскими. Многія изъ такихъ легендъ и преданій, повидимому, и теперь должны считаться навсегда потерянными. Тѣмъ желательнѣе записать и собрать тѣ изъ нихъ, которые еще сохранились въ памяти народа. Судя по образцу семи разсказовъ г. Свѣтлова, такой трудъ былъ бы для него болѣе подходящимъ, чѣмъ писанье „богемскихъ“ романовъ. Авторъ умѣетъ сохранить народный и мѣстный колоритъ въ своихъ пересказахъ, придавая имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежащую литературную форму. Начиная съ Мцхета, съ его монастырями и церквами, цѣлый рядъ зѣмковъ и иныхъ развалинъ тянется по дорогѣ къ Кутаису и въ особенности по ущельямъ, мимо Боржома къ Ахалцыху и далѣе влѣво къ Ахалкалакамъ мимо Хертвиса и Вардзін, одного изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ Закавказья. Вотъ гдѣ богатѣйшій матеріалъ для писателя, при условіи вѣрной передачи легендъ и умѣлой ихъ литературной обработки. Не бесполезно замѣтить, впрочемъ, что къ легендамъ о знаменитой Тamarѣ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, такъ какъ, кромѣ исторической Тамары, бывшей замужемъ за сыномъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, въ преданіяхъ Грузіи фигурируютъ еще двѣ царицы, носившія то же имя. И, насколько намъ извѣстно, легенда, связанная съ зѣмкомъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ, должна быть отнесена не къ исторической личности, бывшей во второмъ бракѣ за Давидомъ, подлинный портретъ которой пока еще цѣлъ въ церкви пещернаго города Вардзін.

Собраніе сочиненій Андерсена, переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Выпуски 11—16. Спб., 1895 г. Цѣна за все изданіе (4 тома) 8 руб., съ пересылкой 10 руб. Шестнадцатымъ выпускомъ закончено *Собраніе сочиненій Андерсена* въ переводѣ г-жи и г. Ганзенъ, составивши четыре большихъ тома по 32 печатныхъ листа каждый. Въ это изданіе вошли не всѣ романы славнаго датскаго писателя, не всѣ его стихотворенія и лишь немногія драматическія произведенія. Противъ исключенія изъ русскаго изданія большинства драматическихъ произведеній мы ничего не имѣемъ, такъ какъ, вообще, произведенія эти не представляютъ собою ничего особеннаго дающагося или интереснаго для русскихъ читателей, равно какъ многія стихотворенія датскаго поэта, образцы которыхъ собраны и переложены въ достаточномъ количествѣ. Собственно *сочиненія Андерсена*

т.-е. все (за вышеуказанными исключеніями), созданное творческою фантазіей знаменитаго писателя, занимають три первыхъ тома изданія гг. Ганзенъ. Четвертый томъ сполна отведенъ біографіи Андерсена, причѣмъ двѣ трети этого тома заняты автобіографіей поэта, озаглавленной *Сказка моей жизни* и *Прибавленіе къ Сказкѣ моей жизни*. Первая часть написана въ 1855 г., когда Андерсенъ достигъ уже „цѣли своей жизни — стать знаменитымъ писателемъ“, *Прибавленіе* написано въ 1867 г., когда онъ уже былъ наверху своей славы. Далѣе слѣдуютъ избранныя переводчиками письма Андерсена, затѣмъ — письма къ Андерсену, потомъ — статья Эдварда Коллина *Г. Х. Андерсенъ и семья Коллинъ*, *Замѣтки для характеристики Г. Х. Андерсена*, статья профессора Вильяма Блока, въ концѣ — *Библиографическія свѣдѣнія и къ читателямъ*, — нѣчто вродѣ „резюме“ П. Г. Ганзена, выводящаго заключеніе изъ всего предидущаго и завершающаго характеристику Андерсена критическимъ разборомъ различныхъ мнѣній о немъ, уже не какъ о писателѣ, а какъ о человѣкѣ.

Вообще, принято, давая характеристику писателя и дѣлая оцѣнку его вліянія на современниковъ и потомство, ограничиваться разсмотрѣніемъ его литературной и общественной дѣятельности и не касаться его частной, интимной жизни, его личности, его отношеній къ людямъ, — словомъ, принято разбирать и критиковать писателя, а не человѣка. Не то мы видимъ по отношенію къ Гансу Христіану Андерсену, и поводъ къ этому, вполне достаточный, подавъ имъ самимъ написаніемъ и опубликованіемъ *Скизки моей жизни* и отчасти своихъ *Путевыхъ очерковъ*. Писатель самъ раскрываетъ передъ публикой свою частную и интимную жизнь съ самаго ранняго дѣтства шагъ за шагомъ до старости (Андерсенъ родился въ 1805 г., свою автобіографію заканчиваетъ 1867 годомъ), дѣлится съ читателями всѣми своими огорченіями и радостями, печалуетъ о неудачахъ, жалуется на причиненныя кѣмъ-либо и когда-либо обиды, на людскую несправедливость къ нему не только какъ къ писателю, но и какъ къ человѣку, искавшему сочувствія и участія и встрѣчавшему нерѣдко насмѣшки и злорадство... Все это Андерсенъ дѣлаетъ въ *Сказкѣ моей жизни* необыкновенно добродушно и простосердечно, какъ-то дѣтски-наивно, постоянно говорить о томъ, какъ былъ „счастливъ“ въ жизни, всѣхъ людей считаетъ добрыми и хорошими, вѣрнѣе въ дружбу и расположеніе множества людей и обращается ко всѣмъ съ полною, довольно наивною вѣрой въ ихъ дружбу и, тѣмъ не менѣе, постоянно жалуется, огорчается, обижается, заподозриваетъ всякія злокозненности и этимъ, разумѣется, затрогиваетъ множество лицъ, — ничуть того не желая, — быть можетъ, набрасываетъ на нихъ совѣтъ неблаговидную тѣнь. Къ разъясненію вотъ этой-то стороны характера Андерсена, — его страсти къ жалобамъ, его обидчивости, подозрительности, мнительности, доходящей до трусости, нерѣдко забавной, способности быстро утѣшаться, — приходится въ чрезмѣрный восторгъ отъ выраженія сочувствія, — и посвящены статьи Эдварда Коллина, Вильяма Блока и П. Г. Ганзена. Эти статьи служатъ безусловно необходимымъ дополненіемъ къ *Сказкѣ моей жизни* и въ совокупности своей даютъ автобіографіи надлежащее значеніе, служатъ къ правильному уясненію характера поэта, къ разумнѣйшю истинныхъ причинъ его скорбей и радостей и, что не менѣе важно, причинъ огорчавшаго Андерсена отношенія къ нему современниковъ-датчанъ, особливо въ первую половину его литературной дѣятельности. Какъ справедливо замѣтилъ П. Г. Ганзенъ, Эдвардъ

Коллинъ, „другъ дѣтства“ Андерсена, оставшійся „другомъ“ его до самой смерти поэта, въ статьѣ своей Г. Х. Андерсенъ и семья Коллинъ на каждомъ шагѣ вступаетъ „въ полемику съ Андерсеномъ (уже умершимъ), направленную, главнымъ образомъ, противъ *Сказки моей жизни*“,—видимо чувствуетъ свою неправоту передъ другомъ въ дни его молодости, не безъ основанія принимаетъ отчасти на свой счетъ упрекъ Андерсена въ томъ, что „все хотѣли его, Андерсена, *воспитывать*, даже тогда, когда пора всякаго воспитанія уже миновала“, и старается значительную долю вины во всемъ свалить на самого Андерсена. Наоборотъ, П. Г. Ганзенъ въ своемъ заключеніи увлекается, по нашему мнѣнію, защитою Андерсена настолько, что не всегда остается вполнѣ безпристрастнымъ. Такъ, г. Ганзенъ горячо вступаетъ за „особенную“ манеру писать Андерсена. Дѣло въ томъ, что много огорченій причинили Андерсену нападки критики и указанія друзей, „желавшихъ его воспитывать“, на неправильность его языка, слога. „Смѣлая претензія Андерсена *писать, какъ говорятъ*, не позволяла ему писать, *какъ пишутъ*, особенно какъ пишутъ нѣкоторые друзья его,—замѣчаетъ г. Ганзенъ.—Канцелярскимъ слогомъ писать сказки нельзя, и счастье Андерсена, что у него хватило „упрямства“ продолжать писать по-своему, не поддаваясь внушеніямъ своихъ систематически-образованныхъ друзей и критиковъ“. Да, конечно, это счастье для Андерсена и для насъ, читающихъ его чудныя сказки, написанныя имъ „по-своему“, но совершенно правы были критики, разнотившіе Андерсена, и друзья, пытавшіеся его „исправлять“, когда „смѣлая претензія“ проявлялась слишкомъ рано и далеко не въ одобрительной формѣ простой безграмотности, такъ какъ Андерсенъ началъ писать и даже въ славу входить человѣкомъ весьма малограмотнымъ. Вотъ почему въ чужихъ краяхъ, въ Германіи, Швеціи, во Франціи, гдѣ произведенія его читались въ переводахъ, слѣдовательно, въ „грамотномъ“ видѣ,—его вѣрно и по достоинству оцѣнили прежде, чѣмъ въ Даніи, гдѣ Андерсенъ претерпѣвалъ одни огорченія, приписывая ихъ людской несправедливости. Сказки нельзя писать канцелярскимъ слогомъ, какъ нельзя такимъ слогомъ и ничего писать, но для того, чтобы получить право писать не такъ, „какъ пишутъ“, а по-своему, для этого надо сначала доказать критикѣ и публикѣ, что писанье „по-своему“ выходитъ хорошо, производитъ надлежащее впечатлѣніе, что это „особенность“ автора, пригодная для извѣстнаго рода произведеній, а не есть результатъ малограмотности, манерничанья, чрезмѣрныхъ претензій. Разъ писатель убѣжденно сознаетъ, что ему должно слѣдовать своему влеченію писать не такъ, какъ принято всеми въ данное время, тогда ему уже нечего обижаться на публику, на критику, на „друзей“, нечего огорчаться и плакаться на несправедливости, а надлежитъ доказывать свою правду, убѣдить въ томъ, что въ такой-то „особенности“ и заключается одно изъ достоинствъ его писанья. Такъ бывало, есть и будетъ не въ одной Даніи, а во всехъ странахъ, гдѣ литература вѣтъ и развивается. „Полемика“, — какъ ее называетъ г. Ганзенъ Эдварда Коллина съ умершимъ Андерсеномъ разъясняетъ намъ, почему Андерсенъ оказывался столь болѣзненно-впечатлительнымъ къ лѣйшему порицанію, къ молчанію объ его произведеніяхъ и даже о нем самомъ.

Въ заключительныхъ строкахъ своей статьи г. Ганзенъ высказываетъ надежду, почти обѣщаніе—продолжать знакомить своими переводами русскую публику съ выдающимися произведеніями датской л

ратуры. Мы уже говорили о высокихъ достоинствахъ переводовъ г-жи и г. Ганзенъ и отъ души приветствуемъ такое намѣреніе уважаемыхъ переводчиковъ, въ успѣхъ же ихъ изданій нисколько не сомнѣваемся.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. В. Зелинского. — „Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. П. А. Тверского. — „По тюрьмамъ и вертепамъ“. А. И. Сивирскаго.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. В. Зелинского. Выпускъ первый. Изд. 2-е. М., 1895 г. Значеніе сборниковъ г. Зелинского давно уже выяснилось: въ нихъ чувствовалась несомнѣнная потребность и этимъ объясняется ихъ большой успѣхъ. Еще недавно сочиненія Писарева и Чернышевскаго были вовсе недоступны для большинства, еще и теперь отдѣльныя критическія статьи Бѣлинскаго, Добролюбова, Ап. Григорьева, Дружинина, Анненкова могутъ только случайно залетѣть въ какой-нибудь глухой уголокъ провинціи. Мы не говоримъ уже о томъ значеніи, которое должны имѣть эти сборники для учащихся и учащихся: каковы бы ни были добрыя желанія учителя, ему невозможно было знакомить молодежь съ лучшими представителями нашей критической мысли до тѣхъ поръ, пока приходилось искать ихъ созданій въ старыхъ журналахъ. И это ненормальное положеніе несомнѣнно отразилось въ непониманіи эпохи 40-хъ и 60-хъ годовъ, которое такъ легко встрѣтитъ среди современной молодежи. Особенно важно было подвести итоги критической оцѣнки дѣятельности Тургенева, такъ близко стоявшей къ дѣйствительности и потому вызывавшей подчасъ столь разнорѣчивые отзывы. Большинство молодежи, вступающей теперь въ жизнь, выросло на Тургеневѣ и ей далеко не лишнее разобраться въ своихъ юношескихъ впечатлѣніяхъ. Первый выпускъ *Собран. критич. статей* содержитъ общія литературныя характеристики Тургенева и отзывы объ его стихотвореніяхъ, драматическихъ произведеніяхъ, *Запискахъ охотника*, повѣстяхъ и о *Рудинѣ*. Разсматриваемое второе его изданіе значительно переработано и дополнено выдержками изъ позднѣйшихъ статей о Тургеневѣ (напр., г. Ю. Николаева). Не можемъ, однако, не высказать сожалѣнія по поводу того, что значеніе этой книги сильно умалывается ея цѣною: выпуская *второе изданіе*, г. Зелинскій могъ бы брать менѣе 2 р. за небольшой томикъ собранныхъ имъ чужихъ мыслей; мы скорѣе помирились бы съ болѣе скромнымъ (по вѣщности), но и болѣе доступнымъ для публики воспроизведеніемъ его труда.

Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. П. А. Тверского. Спб., 1895 г. Эта интересная книга состоитъ изъ цѣлаго ряда работъ г. Тверского, печатавшихся ранѣе въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Хотя авторъ ея и не претендуетъ „на обстоятельное описаніе сѣверо-американскаго союза“, но *Очерки* его касаются почти всѣхъ сторонъ жизни въ великой за-атлантической республикѣ; набросаны они съ натуры, бойко, а подчасъ и талантливо. Понятно, что книга такого рода должна представлять захватывающій интересъ для русскаго читателя. Мы, по крайней мѣрѣ, пробѣгли раницу за страницей совершенно съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ дѣтство слѣдило за подвигами героевъ Купера и Майнъ-Рида. Но

когда мы закрыли книгу, явились нѣкоторыя сомнѣнія. Полно, такъ ли ужь безоблачно небо Америки? Мы читаемъ постоянно о промышленныхъ кризисахъ, о паденіи солидныхъ банковъ, съ которыми гибнутъ сбереженія націи, о грандіозныхъ стачкахъ, цѣлыхъ сраженіяхъ безработныхъ съ милиціей, продажности администраціи, политиканствѣ, могущественныхъ обществахъ (вродѣ Тамани-Голла) съ сомнительными цѣлями и сомнительнымъ поведеніемъ, ханжествѣ, угнетенномъ положеніи негровъ, индѣйцевъ и китайцевъ, спекуляціи и аферѣ, какъ альфѣ и омегѣ всего американскаго міросозерцанія... развѣ все это не бросается достаточно густой тѣни на прелести американской демократіи? Мы поступимъ несправедливо, если скажемъ, что въ книгѣ г. Тверского не встрѣчается указаній на всѣ эти язвы за-атлантической цивилизаціи; но это именно только указанія, намеки, которые тонутъ въ общемъ хвалебномъ гимнѣ. И думается намъ, что Америка г. Тверского даетъ о дѣйствительной Америкѣ такое же понятіе, какъ, наприм., оперный хоръ въ 1-мъ дѣйствіи Евгенія Онѣгина—объ истинной крестьянской толпѣ: все чистенько, съ иголочки, красиво и стройно... ни страданій, ни отчаянья, ни пьянаго разгула, ни жертвъ. Но помимо этого общаго недостатка разбираемой книги, происходящаго, очевидно, отъ чрезмѣрнаго увлеченія г. Тверского его новымъ отечествомъ, мы должны указать еще на нѣкорую тенденціозность въ освѣщеніи даже и такихъ сторонъ американской дѣйствительности, на которыхъ авторъ подолгу и помногу останавливается. Мы не имѣемъ возможности проверить цифры, которыми такъ изобилуетъ трудъ г. Тверского, а потому и не позволимъ себѣ высказывать тѣ сомнѣнія, которыя часто онѣ въ насъ вызываютъ. Но возьмемъ въ видѣ примѣра отношеніе его къ двумъ большимъ политическимъ партіямъ, издавна дѣлящимъ Америку на два враждебныхъ лагеря. Г. Тверской примкнулъ къ республиканцамъ и по его свидѣтельству выходитъ такъ, что всѣ честные, порядочные и прогрессивные элементы населенія сосредоточились именно въ рядахъ этой партіи; демократы же, за немногими исключеніями,—сбродъ не стѣсняющихся средствами ультра-консервативныхъ плантаторовъ, до сихъ поръ злобствующихъ на сѣверянъ за свои неудачи 1861—65 гг. Такъ ли это въ дѣйствительности? Брайсъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи объ Америкѣ показалъ, что объ эти политическія партіи давно потеряли свое первоначальное значеніе: либерализмъ и консерватизмъ вовсе не играютъ въ нихъ теперь никакой роли; въ вопросахъ дня каждая партія руководится не столько отвлеченными принципами, сколько весьма прозаическою потребностью завербовать какъ можно болѣе избирательныхъ голосовъ; партіи эти борются за власть, которая даетъ должности и деньги, а потому большинство выдающихся людей въ Америкѣ давно махнули рукой на политику и вовсе не принимаютъ участія въ партійной борьбѣ. И какъ ни подгонялъ г. Тверской „платформу“ республиканцевъ подъ то, что у насъ въ Европѣ считается обыкновенно либеральнымъ, онъ долженъ былъ сознаться, что его партія проповѣдуетъ покровительственную систему. Хотя мы и не думаемъ, чтобы она только этимъ отличалась, наприм., отъ англійскихъ радикаловъ, но остановимся на указанной самимъ г. Тверскимъ ея особенності. Тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ для страны преимущественно промышленной, какъ принимается, конечно, читатель долженъ быть признанъ однимъ изъ существеннѣйшихъ. Такимъ считаетъ его и нашъ авторъ. Мало того, въ передраги, переживаемая страной за послѣднее время, онъ ставитъ и счетъ демократической партіи, взявшей верхъ въ 1892 г. и яко

создавшей промышленный кризисъ своимъ тяготѣніемъ къ свободной торговлѣ. Онъ полагаетъ, что Америка находится въ этомъ отношеніи въ особыхъ условіяхъ: въ ней заработная плата такъ велика, что многіе американскіе товары не могутъ конкурировать съ европейскими. Между тѣмъ, благосостояніе рабочихъ зиждется именно на этой высокой платѣ, дающей массѣ народа не только безбѣдное существованіе, но и сравнительный комфортъ. И такъ, казалось бы, выводъ одинъ: надо всѣми силами поддерживать протекціонизмъ, что г. Тверской и дѣлаетъ по мѣрѣ возможности. Но, съ другой стороны, онъ во многихъ мѣстахъ книги указываетъ на все развивающуюся дѣятельность trust'овъ или синдикатовъ, охватывающихъ страну желѣзнымъ кольцомъ, задушающихъ частную предпримчивость, разоряющихъ жителей и успѣшно обходящихъ всѣ направленные противъ нихъ законодательныя ограниченія. Спрашивается: откуда же идутъ эти синдикаты и въ чемъ ихъ сила? Отвѣтъ, полагаемъ, ясенъ: гдѣ нѣтъ покровительственныхъ пошлинъ, тамъ цѣны регулируются мировымъ рынкомъ; протекціонизмъ же влечетъ за собой монополіи и синдикаты. И такъ, читатель видитъ, что вопросъ рѣшается далеко не такъ просто, какъ кажется г. Тверскому.

По тюрьмамъ и вертепамъ. Очерки А. И. Свирскаго. Изданіе Д. А. Александрова. М., 1895 г. Ц. 1 р. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что въ этой книгѣ имъ описаны „однѣ ростовскія трущобы, такъ какъ онѣ ничуть не уступаютъ вертепамъ болѣе густо населенныхъ городовъ Россіи. Что же касается московскихъ, харьковскихъ, одесскихъ и другихъ трущобъ, то описаніе ихъ выйдетъ въ скоромъ времени отдѣльнымъ изданіемъ“. Изъ этихъ строкъ и нѣкоторыхъ другихъ указаній автора надо заключить, что г. Свирскій задался цѣлью изучить быть „трущобъ и вертеповъ“ большихъ городовъ съ намѣреніемъ дать публикѣ ихъ вѣрное описаніе. Насколько мы можемъ судить по видѣннымъ нами московскимъ трущобамъ и нѣкоторымъ тюрьмамъ, описанія г. Свирскаго вполне вѣрны, но далеко не полны, если трущобы Ростова-на-Дону ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же, имѣющихся въ другихъ городахъ. Въ *Очеркахъ* отведено много мѣста разсказамъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, встрѣченныхъ авторомъ въ базарныхъ грязныхъ трактирахъ и ночлежныхъ домахъ, и недостаточно широко написана общая картина быта обслѣдованныхъ авторомъ притоновъ „нищеты и бездоля“. Главный же недостатокъ *Очерковъ* заключается въ томъ, что написаны они всѣ не ярко и не живо,—они производятъ впечатлѣніе сухихъ докладовъ чиновника, одержимаго литературными претензіями и покушающагося скрасить свои отчеты острословіемъ въ такомъ родѣ, напримѣръ: „тамъ засѣдаютъ босыяки, титулующіе себя дворянами, должно быть, на томъ основаніи, что очень часто они почуютъ на дворъ“. Мѣстами въ *Очеркахъ* встрѣчаются неправдоподобности, подрывающія довѣріе читателя къ тому, что передаетъ авторъ. Такъ, г. Свирскій разсказываетъ объ арестѣ жандармскіхъ офицеромъ одного начальника желѣзно-дорожнаго депо на томъ основаніи, что этого господина обвиняли въ растратѣ, причѣмъ, какъ панію, должно быть, капитанъ арестовалъ и пришедшаго въ гости кенера, начальника дистанціи, на котораго, „благодаря его знакомству съ обвиняемымъ, падало подозрѣніе“... въ чемъ подозрѣніе, не описано. И инженеръ покорно далъ себя арестовать, отправить подъ стражу, не потребовавши отъ офицера никакихъ объясненій, хотя за арестъ „разбилъ“ всю карьеру, всю будущность молодого, ни

въ чемъ неповиннаго инженера, котораго все начальство знало „лично за честнаго человѣка“. Казусъ во всѣхъ статьяхъ невѣроятный и не выясненный авторомъ, а, между тѣмъ, на немъ-то и основанъ весь „очеркъ“. Въ одномъ разсказѣ изъ тюремной жизни авторъ говоритъ, что арестантъ никогда ничего не крадетъ у своего брата заключеннаго въ острогъ, что шулера не обыгрываютъ навѣрняка товарищей по заключенію, а въ другомъ очеркѣ, черезъ нѣсколько страницъ, мы читаемъ исторію, опровергающую такое мнѣніе. Авторъ не разъ говоритъ о „трущобныхъ дѣтяхъ“, а рассказываетъ лишь о томъ, какъ такіа дѣти бьются на-кулачки, оставляя въ сторонѣ всѣ другія стороны ужаснаго положенія дѣтей, ютящихся въ грязныхъ притонахъ нищихъ и воровъ. Относительно тюремной жизни г. Свирскій совершенно правильно говоритъ, что заключеніе въ общихъ тюрьмахъ и въ пересыльных арестантовъ разныхъ категорій,—закоренѣлыхъ преступниковъ и мелкихъ воришекъ, отчаянныхъ рецидивистовъ и случайно попавшихъ въ бѣду, иногда за просрочку паспорта,—причиняетъ злѣйшій вредъ, губить на вѣкъ множество несчастныхъ и жалкихъ людей, развращаетъ бѣдняковъ и малолѣтковъ, что тюремная праздность дѣйствуетъ самымъ пагубнымъ образомъ на всѣхъ заключенныхъ, и т. п. Но все это очень и очень не ново, всѣмъ давно извѣстно и г. Свирскимъ сказано въ его *Очеркахъ* довольно-таки вяло. Да и вообще ничего сколько-нибудь новаго и любопытнаго читатель не найдетъ въ этой книжкѣ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ словъ, выхваченныхъ авторомъ изъ трущобнаго и воровскаго жаргона.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Трактатъ объ усовершенствованіи разума“. Бенедикта Спинозы. — „Les Caractères“, par Fr. Paulhan. — „Какъ надо жить“. Дж. Лаббока.

Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Бенедикта Спинозы. Переводъ съ латинскаго г. Поликовского. Съ приложеніемъ главы изъ „Исторіи новой философіи“ Куно Фишера. Одесса, 1893 г. Свѣтлый умъ и свѣтлая душа Спинозы, какъ извѣстно, съ особенною силой и яркостью выразились въ знаменитой *Этикѣ*. Съ этимъ главнымъ произведеніемъ голландскаго мыслителя имѣетъ тѣсную связь неоконченный, но богатый идеями *Трактатъ объ усовершенствованіи разума*, переводъ котораго и предлагаетъ читателямъ г. Поликовский. Развитіе интеллекта Спиноза считалъ необходимымъ средствомъ для достиженія высокихъ нравственныхъ идеаловъ, и строгая логичность его философскихъ работъ вытекала изъ неуклоннаго стремленія къ своей жизни; не для игры и забавы ума сплеталъ онъ тонкія нити своихъ теоремъ и силлогизмовъ, онъ хотѣлъ только, чтобы разумъ понялъ, гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ ему искать высшаго блага, онъ хотѣлъ, чтобы философія служила опорой этики. Вотъ почему и *Трактатъ* начинается полными глубокаго лиризма страницами, на которыхъ Спиноза повѣствуетъ о своей тоскѣ по безмятежнымъ наслажденіямъ духа, не смущаемаго корыстью и чувственными пристрастіями свѣта; вотъ почему и это небольшое и фрагментарное сочиненіе, подобно основному труду Спинозы, воскрешаетъ передъ нами духовнаго обликъ великаго еврея, и изъ-за стройныхъ рядовъ умозаключеній смотритъ на насъ человѣкъ, который въ теченіе всей своей жизни осуществлялъ свои возвышенныя теоріи.

Въ своемъ переводѣ г. Полинковскій задался цѣлью „возможно ближе передать латинскій подлинникъ“. Онъ этого достигъ, но достигъ въ ущербъ ясности и красотѣ изложенія. Лапидарная и сжатая рѣчь, которая характеризуетъ латинскій языкъ вообще и слогъ Спинозы въ частности, не можетъ быть вполне передана по-русски безъ нарушенія элементарныхъ стилистическихъ требованій, и поэтому г. Полинковскій, въ своемъ желаніи во что бы то ни стало рабски слѣдовать оригиналу, не создалъ такого перевода, который, съ одной стороны, былъ бы достаточно близокъ къ подлиннику, а съ другой—читался бы легко и непринужденно; намъ кажется, что всякій переводъ непременно долженъ удовлетворять этимъ обоимъ условіямъ, а не только первому изъ нихъ. Ни на одну линію не уклоняясь отъ структуры латинской фразы, г. Полинковскій во многихъ мѣстахъ своей работы вступаетъ въ настоящій лабиринтъ безконечныхъ „что“ и „чтобы“, сталкивающихъ другъ съ другомъ въ одномъ и томъ же предложеніи (см., напримѣръ, самое начало перевода), и нерѣдко выражается языкомъ такъ называемыхъ „подстрочниковъ“, при помощи которыхъ гимназисты коверкаютъ классическихъ авторовъ. Однако, надо замѣтить, что тотъ, кто ищетъ въ переводѣ одной лишь точности, будетъ вполне удовлетворенъ трудомъ г. Полинковского. Глава изъ Куно Фишера переведена очень хорошо, и приложеніе ея къ *Трактату* весьма умѣстно.

Les Caractères, par Fr. Paulhan. Paris, 1894. Говоря въ обыденной жизни о характерахъ нашихъ знакомыхъ, мы инстинктивно употребляемъ нѣсколько точекъ зрѣнія, которыя весьма пригодны для научной классификаціи характеровъ. Возьмемъ, наприм., тотъ случай, когда кто-нибудь говоритъ о другомъ, что это—человѣкъ *капризный*. Что хотѣтъ выразить этимъ терминомъ? Тотъ фактъ, что связь между различными стремленіями или желаніями такого человѣка весьма неустойчива. Иными словами, его „я“ настолько не организовано прочно, что трудно предсказать, какое изъ стремленій возьметъ верхъ въ его душѣ въ данный моментъ.

И такъ, этотъ первый приемъ состоитъ въ опредѣленіи *соотношенія* или *характера соотношенія* между различными психическими элементами даннаго субъекта.

Возьмемъ другую точку зрѣнія: мы говоримъ о томъ, что человѣкъ *самолюбивъ* или что онъ „гурманъ“ и т. п. Здѣсь дѣло идетъ не о характерѣ соотношенія элементовъ его души вообще, а о преобладаніи среди нихъ одного какого-либо элемента. Наприм., если человѣкъ *самолюбивъ*, въ немъ, очевидно, преобладаетъ стремленіе обращать вниманіе на мнѣніе другихъ. Если мы считаемъ его „гурманомъ“, мы, очевидно, считаемъ, что среди другихъ его стремленій выдѣляется стремленіе удовлетворять низшимъ или чувственнымъ аппетитамъ и т. п.

Въ третьемъ случаѣ мы говоримъ, наприм., о человѣкѣ, что онъ *черезчуръ мягокъ* или, наоборотъ, что онъ очень упоренъ, энергиченъ. Здѣсь идетъ дѣло уже не о первомъ, не о второмъ соотношеніи, а о самой интензивности или энергіи стремленій.

Въ четвертомъ случаѣ мы говоримъ, что человѣкъ *щекотливъ* или *обидчивъ*. Здѣсь въ одномъ терминѣ заключается соединеніе всѣхъ трехъ предъидущихъ точекъ зрѣнія, такъ какъ человѣкъ щекотливый и обидчивый долженъ быть, во-первыхъ, самолюбивъ, т.-е. мы обозначаемъ, что среди его стремленій преобладаетъ одно: стремленіе заботиться о мнѣніи другихъ. Но въ томъ же словѣ „обидчивый“ выражается и степень интензивности его стремленій: человѣкъ обидчивый,

щекотливый относится страстно, энергично къ нарушенію своего преобладающаго стремленія.

Но отсюда же слѣдуетъ и третье заключеніе, что соотношеніе разныхъ тенденцій въ душѣ этого человѣка болѣе или менѣе постоянно.

Изъ этихъ наглядныхъ примѣровъ уже не трудно вывести четыре категоріи нашихъ сужденій о характерахъ. Сообразно этимъ категоріямъ, намъ будетъ легко классифицировать всѣ характеры не въ одномъ какомъ-либо отношеніи, а въ нѣсколькихъ, наиболѣе интересующихъ людей.

И такъ, *первая* категорія будетъ опредѣлять *связь различныхъ тенденцій личности вообще*. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, наприим., о характерахъ *уравновѣшенныхъ*. Это значитъ, что различные элементы ихъ души такъ организованы между собою, что ни одинъ изъ нихъ не нарушаетъ гармоніи цѣлаго. Такіе характеры рѣдки. Чаше встрѣчаются личности, у которыхъ эта гармонія достигнута преобладаніемъ или господствомъ одного или нѣсколькихъ стремленій надъ другими. Таковы художники, слѣдующіе непреодолимо съ дѣтства своему призванію; таковы ученые, расположившіе всю свою жизнь въ зависимости отъ своей основной трудной работы, и т. д.

Еще чаще характеры, у которыхъ равновѣсіе, хотя и неустойчиво само по себѣ, наприим., если въ нихъ постоянно борются двѣ враждебныхъ тенденціи, но гдѣ устойчивость достигается ихъ постоянными усилиями подавить одно изъ стремленій, берущихъ верхъ,—такихъ людей мы называемъ *сдержанными*, взявшими себя въ руки, разсудительными и т. п. Если, наоборотъ, противоположныя тенденціи борются въ нихъ съ одинаковою силой, причемъ верхъ беретъ то одна, то другая, мы говоримъ о такихъ людяхъ, что они нервные, безпокойны, противорѣчивы. Спускаясь ниже, мы приходимъ къ характерамъ, лишеннымъ связности, у которыхъ личность, подъ вліяніемъ каждой случайности, мѣняетъ свою преобладающую тенденцію.

На самой низшей ступени, гранича съ болѣзненными, находятся такъ называемые *импульсивные* типы, дѣятельность которыхъ почти не опредѣляется разумомъ. Соотвѣтственно ихъ французскому названію, „incoherentes“, „émiettes“ и т. п., можно принять русскія названія „развинченныхъ“, „раздерганныхъ“, „разбросанныхъ“. Крайнюю ихъ степень представляютъ особи истеричныя и психопатическія, представляющія полную внутреннюю дезорганизацію.

Перейдемъ ко *второй* категоріи свойствъ, состоящей въ энергіи или интензивности самыхъ стремленій.

Здѣсь высшая степень интензивности граничитъ съ болѣзненностью; таковы, наприим., одержимые какою-нибудь непреодолимою идеей или страстью. Характеры упорные и упрямые представляютъ слѣдующую стадію. Золотую середину занимаютъ такъ называемые „постоянные“ характеры. Низшую ступень занимаютъ „слабые“, „мягкіе“ типы.

Къ той же группѣ Полянъ относить и такія разновидности, какъ характеры „страстные“, „живые“, „скорые“ и, наоборотъ, „медленные“, „вялые“, „флегматическіе“; однако, правильнѣе было бы дать о нихъ лишнюю категорію, въ которой дѣло шло бы не объ энергіи или интензивности элементовъ, а объ ихъ динамическомъ вліяніи. Можетъ быть характеръ очень упорный, но медлительный и, наоборотъ, очень страстный и энергичный на короткое время, но остывающій при продолжительномъ дѣйствіи.]

Третья категория, подмѣчающая характеръ самихъ стремлений, преобладающихъ въ человѣкѣ.

Въ этой группѣ характеры могутъ, какъ и въ предыдущихъ, классифицироваться по степени моральнаго значенія ихъ свойствъ. Такъ, на низшей ступени стоятъ, очевидно, натуры, у которыхъ преобладаютъ надъ всѣми другими стремленіями потребности животнo-физиологическія, а потому и узко-эгоистическія. Но и стремленія психическія имѣютъ свои градаціи. Такъ, наприм., художественныя потребности имѣютъ на своей низшей ступени наслажденія или шекотанія органовъ слуха и зрѣнія, а это граничитъ съ гастрономическими наслажденіями, которыя на своихъ высшихъ ступеняхъ не чужды извѣстнаго уродливаго эстетизма.

Общественныя и моральныя стремленія также имѣютъ стадіи снизу вверхъ, начинаясь любовью къ семьѣ и близкимъ друзьямъ и кончаясь настоящими общественными чувствами—любовью къ человѣчеству, справедливости, истинѣ и т. п.

Мы полагаемъ, что вышеприведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для уясненія классификаціи Полапа, а также для убѣжденія въ томъ, что эта классификація должна быть значительно развита и дополнена. Куда, наприм., отнести людей „разсѣянных“ или, наоборотъ, „сосредоточенных“? Эти свойства опредѣляютъ характеръ интеллекта отдѣльно отъ стремленій личности и могутъ играть огромную роль въ характерѣ человѣка и въ его поведеніи. Сюда, наприм., относятся личности „изобрѣтательныя“, „гениальныя“, „просто умныя“, наконецъ, дураки со всевозможными ихъ оттѣнками. Такая категория гораздо нужнѣе четвертой, представляющей смѣсь трехъ предыдущихъ категорій.

Какъ надо жить. Джона Леббока. Переводъ съ англійскаго. Изд. О. И. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 80 к. Книжка весьма извѣстнаго англійскаго ученаго есть книжка правоучительная и довольно-таки скучная, несмотря на множество изреченій великихъ людей, тщательно подобранныхъ Леббокомъ. „Счастье и успѣхъ въ жизни, — говоритъ онъ, — зависятъ не отъ обстоятельствъ, а отъ насъ самихъ“. Въ этихъ словахъ слышится самодовольство и энергія англичанина, но отъ общественной истины они далеки.

Указывая на необходимость и важность самообразованія, Леббокъ замѣчаетъ, что лучшіе и величайшіе умы не довольствовались самоусовершенствованіемъ.

„Будьте осторожны и хладнокровны, — учить насъ Леббокъ. — Имѣть холодную голову такъ же необходимо, какъ и горячее сердце“. Въ этомъ и во многихъ другихъ совѣтахъ виднѣсь практический англичанинъ. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Въ логическихъ доводахъ всегда есть нѣчто опасное, и они часто ведутъ къ охлажденію и недоразумѣніямъ. Вы можете восторжествовать въ спорѣ и потерять друга, что будетъ невыгодною сдѣлкой“.

Оптимизмъ Леббока доходитъ до того, что, по его мнѣнію, „на самомъ дѣлѣ дурной погоды не бываетъ. Все, хотя и не одинаково, преисполнено вокругъ насъ. Погода иногда можетъ быть дурной для сельскаго хозяина, но для человѣка всѣ погоды одинаковы“. Странное у череденіе!

Лучшая глава книжки посвящена народному образованію. Рядомъ и сравнимыхъ данныхъ Леббокъ доказываетъ, что распространеніе образованія, помимо другихъ благъ, ведетъ къ подъему нравственно-

сти, къ уменьшенію преступленій. Леббокъ мѣтко нападаетъ на наше классическое образованіе и приводитъ по этому поводу остроумное сравненіе: многое въ нашемъ такъ называемомъ образованіи походить на чтеніе курса ботаники передъ цвѣточною грядой, чтобы заставить растение вырости.

Естественно, что Леббокъ, съ цифрами въ рукахъ, горько осуждаетъ разореніе, вносимое въ европейскую жизнь милитаризмомъ, и прославляетъ благодѣянія англійской общественной самодѣятельности.

Нѣкоторые изъ совѣтовъ и замѣчаній Леббока отличаются наивностью. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Приобрѣтайте хорошихъ друзей. Лучше вовсе не имѣть друга, чѣмъ имѣть дурного“. Въ общемъ книжка Леббока можетъ оказаться у насъ небезполезною. Стоить она дешево и издана хорошо.

ИСТОРИЯ И БІОГРАФІИ.

„Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ“. И. В. Луичикаго. — „Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изд. Ф. Павленкова.

Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. И. В. Луичикаго. Кіевъ, 1894 г. Декретами, изданными національнымъ и послѣдующими собраніями, почти половина земель Франціи, принадлежавшая церкви, эмигрантамъ и осужденнымъ, поступила въ продажу. Кто воспользовался этими землями—буржуазія или крестьяне? Какое вліяніе на распредѣленіе поземельной собственности имѣла революція? Наконецъ, въ какомъ направленіи до переворота шло естественное развитіе этого института? Все это вопросы, и до сихъ поръ весьма мало изслѣдованные. Долгое время держалось мнѣніе, что лишь революціи Франціи обязана созданіемъ мелкой крестьянской собственности. Противъ такого взгляда выступилъ Токвиль, полагавшій, что „если собственность и перемѣнила руки, за то число собственниковъ увеличилось въ гораздо меньшей степени, чѣмъ обыкновенно воображаютъ“. Онъ думалъ, на основаніи немногихъ разсмотрѣнныхъ имъ актовъ продажи національныхъ земель, что „большая часть послѣднихъ была куплена тѣмъ, кто владѣлъ уже землею“. Послѣдователи этого ученаго пошли еще далѣе въ своихъ выводахъ. Лавернь, Авенель, проф. Карѣвъ и, наконецъ, М. М. Ковалевскій, высказываясь по данному вопросу все рѣшительнѣе, пришли къ убѣжденію, что „не повторявшаяся еще въ исторіи земельная революція... пошла на пользу почти исключительно среднему сословію“. Однако, всѣ эти изслѣдователи основывали свой взглядъ не на изученіи самихъ *procès verbaux*, т.-е. актовъ продажи, а скорѣе на довѣрці къ авторитету Токвиля; послѣдній же могъ воспользоваться очень ограниченнымъ количествомъ означенныхъ документовъ. Только одинъ М. М. Ковалевскій опирался въ своей работѣ на трудъ Минцеса, дѣйствительно разобравшаго *procès verbaux* департамента Уазы. Послѣдній, однако, находился, благодаря близости Парижа, въ условіяхъ исключительныхъ и самъ Минцесъ не дѣлаетъ въ своей работѣ обобщеній отъ него ко всей Франціи. На это обобщеніе не даютъ права и акты продажи національныхъ земель въ департаментѣ Сарты, на которые ссылается М. М. Ковалевскій. „Приведенный материалъ работами по исторіи крестьянской реформы въ Западной Европѣ“

вопросу о революціи и о вліяніи ея на положеніе крестьянскаго вопроса во Франціи,—пишетъ г. Лучицкій,—и наткнувшись на указанныя противорѣчія и мало обоснованныя мнѣнія, я счелъ необходимымъ произвести изысканія на мѣстѣ, въ департаментскихъ архивахъ, въ нѣсколькихъ изъ нихъ, съ цѣлью хоть сколько-нибудь ориентироваться въ этомъ темномъ вопросѣ, собрать точныя данныя о ходѣ продажъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вліяніе города могло быть наименьшимъ, какъ и такихъ, гдѣ оно сказывалось съ большею силой. То была главная цѣль моей работы въ архивахъ въ теченіе четырехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, которыми я былъ въ состояніи располагать“. Но попутно профессора Лучицкаго интересовалъ и другой вопросъ: каково было распредѣленіе поземельной собственности до революціи? Точныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса въ науку не существуетъ. Поэтому и здѣсь встрѣчаемся съ разногласіемъ: Токвилъ, Лавернь, Монтоже, Калоннъ, Матье и др. утверждаютъ, что мелкая крестьянская собственность была сильно развита во Франціи до революціи и что крестьяне владѣли значительнымъ количествомъ земли; наши изслѣдователи (гг. Карѣвъ и Ковалевскій) придерживаются противоположнаго взгляда. Такимъ образомъ, и въ этой области предстояло произвести архивныя изысканія. Но громадное количество относящихся сюда документовъ и беспорядокъ, въ которомъ многіе изъ нихъ находятся, заставили проф. Лучицкаго ограничиться только тремя архивами: департамента Côte d'Or, de la Haute Garenne (Тулуза), Pas de Calais (Аррасъ). Вотъ къ какимъ выводамъ приходитъ онъ на основаніи документовъ, представляемыхъ первымъ архивомъ: „Данныя по Бургундіи, не говоря о данныхъ другихъ областей (Артуа, Тулузской), показываютъ, что покупки земель крестьянами разныхъ категорій вовсе не были такъ рѣдки и незначительны, какъ это утверждаютъ, и что въ вышеназванныхъ областяхъ главнымъ (хотя и не исключительнымъ) образомъ лишь земли церковныя скупались буржуазіей и спекулянтами, земли же эмигрантовъ были распроданы по мелочамъ, скуплены большею частью крестьянами и продавались не менѣе бойко, чѣмъ земли, принадлежавшія церкви“. По второму вопросу проф. Лучицкому посчастливилось случайно открыть новый, весьма цѣнный родъ документовъ, именно *poucheaux pieds de tailles* или акты переоцѣнки недвижимаго и движимаго имущества обществъ въ видахъ болѣе правильнаго и равномернаго распредѣленія налоговъ. Описи эти касались времени съ 1768 по 1789—90 гг. Онѣ свидѣтельствуютъ, что процентъ безземельныхъ во Франціи (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея частяхъ) до революціи былъ весьма низокъ, а участки земли, которыми владѣли крестьяне, вовсе не были такъ ничтожны, какъ думаютъ наши изслѣдователи. Почти къ такимъ же выводамъ пришелъ г. Лучицкій и въ остальныхъ двухъ архивахъ. Но изысканія въ послѣднемъ изъ нихъ (департ. Pas de Calais) натолкнули его на цѣлый рядъ земельныхъ описей, относящихся частью къ XVI, частью къ концу XVIII ст. На основаніи этихъ документовъ онъ приходитъ къ заключенію, что крестьянская собственность въ теченіе двухъ столѣтій *увеличилась*, хотя и незначительныхъ размѣрахъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ онъ,—но видно, какъ, въ то же время, она все болѣе и болѣе мельчала, къросло число собственниковъ, владѣвшихъ все меньшими и меньшими участками“. Брошюра г. Лучицкаго представляетъ отчетъ о ландиловкѣ его за границу, указываетъ на поставленные имъ себѣ вопросы и только намекаетъ на отвѣты, полученные путемъ архивныхъ

изысканий. Самъ авторъ вовсе не претендуетъ на рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, приводя лишь примѣры и указывая, къ какимъ выводамъ пришелъ онъ на основаніи своей работы. Поэтому, передавая вкратцѣ содержаніе его брошюры, мы воздержимся пока отъ всякихъ къ ней комментаріевъ и для оцѣнки его взглядовъ подождемъ обѣщаннаго имъ капитальнаго труда.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библіотека Ф. Павленкова. „Сервантесъ“ г. Цомакіона. Есть нѣсколько біографій, къ которымъ всегда приступаешь съ нѣкоторымъ опасеніемъ: факты, находящіеся въ распоряженіи автора, до такой степени скудны, что недоумѣваешь, какъ онъ выберется изъ затрудненія. Употребительный въ такихъ случаяхъ литературный приемъ—рисовать больше среду, чѣмъ героя. Такимъ образомъ, на примѣръ, несмотря на множество біографій Шекспира, мы гораздо больше знаемъ о его предшественникахъ, чѣмъ о немъ самомъ. Г. Цомакіонъ довольно счастливо справляется со своею задачею, хотя жизнь Сервантеса, въ сущности, тоже очень мало извѣстна. Мы даже можемъ упрекнуть его за то, что онъ мало останавливается на изображеніи общества, въ которомъ жилъ и работалъ творецъ *Донъ-Кихота*. Не избѣгнулъ авторъ и „босвеллизма“—этого общаго недостатка всѣхъ біографовъ: не находя пятенъ на своемъ героѣ, онъ иногда незаслуженно принижаетъ его противниковъ. Такъ, на примѣръ, характеристика Лопе-де-Вега кажется намъ чересчуръ прямолинейной. Укажемъ также и на то, что авторомъ почти ничего не сообщается о предшествовавшей Сервантесу литературѣ. Наконецъ, къ недостаткамъ біографіи нужно отнести приподнятый и подчасъ нѣсколько ходульный тонъ ея. Въ общемъ же книжка написана умѣлою рукою и займетъ не послѣднее мѣсто въ *Биографической библіотекѣ* г. Павленкова.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—1893 гг.“.—„На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири“. *Дюнго*.—„Очерки далекой Сибири“. *И. Гамова*.

Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—1893 гг. Томскъ, 1894 г. Всякому извѣстно то громадное значеніе, какое имѣетъ для Россіи Сибирь, особенно въ послѣднее время, когда туда ежегодно стремятся десятки тысячъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи. Съ проложеніемъ желѣзной дороги значеніе Сибири еще болѣе возрастаетъ, а, между тѣмъ, о многихъ мѣстностяхъ Сибири у насъ имѣются довольно смутныя представленія; поэтому нельзя не привѣтствовать всякую серьезную попытку, направленную къ изученію Сибири, особенно Алтайскаго округа, слишкомъ мало изслѣдованнаго, а, между тѣмъ, полнаго высокаго интереса во многихъ отношеніяхъ.

Въ 1891 г. въ Барнаулѣ образовалось общество любителей изслѣдованія Алтая, которое задается цѣлью изученія не только природнаго края, но и экономическихъ и вообще социальныхъ условий жизни этой богатой области Сибири. Къ концу 1893 года общество состоитъ изъ 118 членовъ подъ предѣлательствомъ начальника Алтайскаго горнаго округа В. К. Болдырева, живо относящагося къ нуждѣ общества.

Изъ лежащаго передъ нами отчета ясно видно, съ какою энергіею

и любовью къ дѣлу вновь возникшее общество принялось за изученіе родного края. Первымъ дѣломъ общества была выработка программы изслѣдованія природы Алтая и условій жизни его жителей; выработанная коллективнымъ трудомъ всѣхъ членовъ совѣта общества, программа была отпечатана и разослана священникамъ, учителямъ и учительницамъ и другимъ мѣстнымъ интеллигентнымъ силамъ, отъ которыхъ можно было ожидать дѣятельнаго сочувствія цѣлямъ общества. Очень скоро стали поступать въ распоряженіе совѣта частью совершенно сырые, а частью и вполне обработанные матеріалы, такъ что уже къ осени 1894 года предполагалось издать сборникъ этихъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Совѣтъ общества входилъ въ сношенія по разнымъ вопросамъ со многими частными лицами и учеными обществами, организовавъ, совместно съ западно-сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества, цѣлую сеть метеорологическихъ наблюденій въ Алтайскомъ округѣ, задумавъ произвести санитарное изслѣдованіе и однодневную перепись городского населенія и, наконецъ, лѣтомъ 1893 года задался цѣлью произвести еще болѣе сложную работу, имѣющую особенно крупное значеніе для Алтая, этого главнаго пункта стремленій переселенцевъ изъ центральныхъ губерній Россіи. Общество рѣшило предпринять подробное изученіе переселенческихъ поселеній во всемъ районѣ ихъ водворенія. Была выработана программа такого мѣстнаго обслѣдованія, а лѣтомъ 1894 года предположено было приступить и къ самой работѣ; мало того, обществу уже былъ переданъ богатый матеріалъ, касающійся части переселенцевъ, живущихъ въ качествѣ временныхъ арендаторовъ на земляхъ Кабинета; этотъ матеріалъ предполагалось обработать къ концу 1894 года и издать въ видѣ книги въ 20 печатныхъ листовъ. Дальнѣйшіе выпуски должны уже заключать свѣдѣнія о новоселахъ, поселившихся на надѣльной землѣ.

Понятно, если обществу удастся исполнить свои намѣренія, мы будемъ имѣть чрезвычайно цѣнные труды, полученные путемъ тщательнаго мѣстнаго изученія еще слишкомъ мало обслѣдованной и весьма интересной области обширной Сибири.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Діонео. Спб., 1895 г. Авторъ книги провелъ въ Колымскомъ краѣ четыре года. Рѣдко приходится слышать что-нибудь объ этой Богомъ забытой странѣ; еще рѣже удастся знакомиться съ ней изъ первыхъ рукъ, отъ человѣка, только что оттуда вернушагося. Понятно поэтому, что разсматриваемые очерки уже по самому своему содержанію представляютъ большой интересъ. Но г. Діонео—не простой наблюдатель: онъ ознакомился съ литературой предмета и свои книжныя свѣдѣнія о странѣ и ея обитателяхъ пытается провѣрить на фактахъ дѣйствительности. Такимъ образомъ, изъ книги его мы могли бы получить полное понятіе о природѣ Колымскаго края, характерѣ и промыслахъ населенія. Можетъ быть, съ теченіемъ времени г. Діонео и дастъ намъ такую обстоятельную ногафію: матеріаловъ у него, повидимому, вполне достаточно и для кой работы онъ находится въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ разбираемая книга. Это рядъ легкихъ, полубеллетристическихъ очерковъ, пересыпанныхъ экскурсіями; область поэзіи. Г. Діонео писалъ ихъ не сразу и, притомъ, для большаго публики. Этими опредѣляются и достоинства, и недостатки книги. Она доступна для каждаго, любопытныя свѣдѣнія, въ ней сообщаемыя, ониknуть въ массу и во многихъ читателяхъ возбуждаютъ желаніе бо-

лѣе серьезно познакомиться съ жизнью нашихъ далекихъ окраинъ. Но, съ другой стороны, именно такого серьезнаго знакомства не дастъ книга г. Діонео: она слишкомъ легковѣсна, въ цѣломъ—недостаточно продумана авторомъ и скопанована имъ черезъ-чуръ поспѣшно. Поэтому очерки его, набросанные безъ системы и не согласованные другъ съ другомъ, оставляютъ гораздо меньшее впечатлѣніе и принесутъ гораздо меньше пользы, чѣмъ можно было бы ожидать отъ особенностей предмета, подготовки и талантиности автора. Передъ нами огромная, пустынная страна, заселенная здѣсь и тамъ разбросанными группами дикарей. Десять мѣсяцевъ въ году скована она холодомъ. Температура колеблется между $-62,8^{\circ}$ и $+28^{\circ}$ Ц. Земля промерзла глубже, чѣмъ на 100 саж.; лѣтомъ она оттаиваетъ всего лишь на нѣсколько вершковъ. Земледѣіе поэтому немислимо. Въ ноябрѣ уже начинается безконечная полярная ночь. „Въ концѣ XIX вѣка,—говоритъ г. Діонео,—тысячи людей ведутъ (здѣсь) жизнь троглодитовъ: не знаютъ хлѣба, вынуждены обходиться безъ соли, добываютъ огонь первобытнымъ способомъ, треніемъ, не знаютъ употребленія мыла, обходятся безъ бѣлья, надевая мѣховую одежду прямо на голое тѣло. И такъ живутъ не только дикари, но и русскіе. Всѣ живутъ въ вѣчномъ трепетѣ, что поздно вскроется рѣка или же затопитъ вода тони, и тогда наступитъ голодъ, со всѣми ужасами его, не исключая смерти“. Единственною пищею служатъ сырая, мерзлая рыба (строганина) безъ соли; вмѣсто чая, употребляются брусничные листья, а курить приходится крошеную ровдугу (замшу). Впереди дикарей ждетъ неизбежное угасаніе. Русскіе принесли сюда оспу, сифилисъ и водку, и эти три спутника цивилизаціи быстро дѣлаютъ свое дѣло. Оспа выкосила въ 1889 г. въ Колымскомъ краѣ все племя коряковъ; отъ чуманцевъ остался одинъ человѣкъ, отъ якугиръ—немногимъ болѣе. „Полное исчезновеніе людей въ округѣ лишь вопросъ времени“. Весь этотъ жалкій край отданъ во власть предприимчивымъ, но безчеловѣчнымъ купцамъ и ссыльно-поселенцамъ (хайлахамъ). Особенно ужасны послѣдніе. Въ Колымскій край, носящій официальное названіе „мѣста, для жительства неудобныя“, попадаютъ только самые ужасные, самые закоренѣлые преступники: это—послѣдняя стадія наказанія, такъ какъ дальше уже ссылатъ некуда. Содержаніе ихъ ложится на дикарей страшнымъ бременемъ. По мѣстнымъ цѣнамъ содержаніе хайлаха обходится улусу въ мѣсяцъ рублей 11—12. „И это тогда,—восклицаетъ г. Діонео,—когда сами якуты цѣлыя сутки живутъ корой, въ которую для вкуса брошена ложка кислаго молока, когда въ Верхоянскомъ округѣ, чтобы не умереть съ голоду, большинство якутовъ питается полевыми мышами!“ „Близъ Нижне-Колымска есть кланъ якутовъ, состоящій изъ 18 человѣкъ, а, между тѣмъ, кланъ этотъ кормитъ 14 поселенцевъ“. Хайлахъ дѣлается полнымъ хозяиномъ въ селеніи добродушныхъ и миролюбивыхъ дикарей. Томится онъ среди нихъ страшно и можно себя представить, что онъ продѣлываетъ отъ скуки и озлобленія съ несчастными. „Когда я былъ въ Колымскомъ краѣ,—пишетъ г. Діонео,—одинъ поселенецъ бросилъ безъ всякаго повода ребенка „княжца“ въ топящійся комелекъ и придерживалъ его тѣмъ клюкой, пока малютка не сгорѣлъ“ (?!). Центральная администрація совершенно безсильна въ этой странѣ, гдѣ почти изъ Якутска въ Средне-Колымскъ приходится разъ въ четыре мѣсяца, а въ Нижне-Колымскъ—разъ въ годъ. Вотъ обрачки воздѣйствія этой администраціи, говорящіе сами за себя: „Получилъ разъ В. (мѣстный исправникъ),—рассказываетъ нашъ авторъ,—изъ Якутска копченую рыбу и бумагу: въ

виду недостатка въ соли, не найдеть ли возможнымъ исправникъ привить копченіе рыбы? Сейчасъ же были собраны обыватели. „Эй вы!... не смѣть больше солить рыбу! Коптите ее!“ — объявилъ В. Начался промыселъ. Весь уловъ сволокли на берегъ, гдѣ были устроены коптильни. Такъ какъ никто не зналъ, какъ приняться за дѣло, то рыбу *пожгли*, но не прокоптили. Рыба испортилась; уже съ осени ѣли какую-то гниль. Весной наступилъ настоящій голодъ. Къ счастью населенія, В. былъ отозванъ; пріѣхалъ другой исправникъ. „Не успѣлъ онъ еще вылѣзть изъ нартъ, какъ къ нему явилась депутація: „Ваше высокоблагородіе, а мы рыбу коптить станемъ? — робко спросила она. — Это вамъ дѣло. — Значить, можно солить? — еще не вѣря сама отъ радости крикнула депутація. — Какъ хотите! Это дѣло не исправника. — Солите, ребята, солите, солите! — стала, какъ сумасшедшая, кричать депутація, размахивая руками. Батюшку просили отслужить благодарственный молебень. Цѣлый день звонили въ колокола и палили изъ ружей. Теперь, когда колымчанинъ желаетъ датировать какое-нибудь событіе, онъ говоритъ: „это было столько-то лѣтъ *до* или *послѣ* того, какъ мы рыбу коптили“. Въ другой разъ въ Гижигинскомъ округѣ (находящемся сравнительно въ лучшихъ условіяхъ) мѣстный исправникъ сошелъ съ ума и провозгласилъ себя главнымъ богомъ ламутскаго и якутскаго пантеона. Въ него увѣровали не только обыватели, но и діаконъ мѣстной церкви. *Три юда* прошло, пока этого новаго бога удалось увезти во Владивостокъ и посадить въ домъ сумасшедшихъ.

Грустные мысли навѣваетъ чтеніе книги г. Діонео: она способна расшевелить самаго сухого человѣка и, закрывая ее, читатель, какъ бы мало ни былъ онъ склоненъ къ сентиментальности, невольно воскликнетъ вмѣстѣ съ авторомъ: „Когда же солнце правды и любви засіяетъ надъ холоднымъ краемъ и обогрѣетъ этихъ жалкихъ дикарей? Неужели же тогда, когда весь край превратится въ могилу?“

Очерки далекой Сибири. И. Гамова. Изданіе книжнаго магазина Сыркина. 1894 г. Съ продолженіемъ сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути возросъ интересъ къ обширной части Россійской имперіи какъ въ средѣ науки, такъ и въ массѣ лицъ, стремящихся въ мало-ислѣдованную страну, какой является въ настоящую минуту далекая Сибирь. Число изслѣдованій, посвященныхъ ей, увеличивается, хотя нельзя не пожалѣть объ относительной незначительности ихъ, а зачастую и недоступности. Послѣдняго недостатка лишена небольшая книжка г. Гамова, знакомящая насъ съ Приленскимъ краемъ, совершенно необслѣдованнымъ и заброшеннымъ уголкомъ нашей родины, куда проникаютъ очень немногіе изслѣдователи. Книжка представляетъ собой собраніе статей, уже печатавшихся въ *Русской Мысли*, *Наблюдатель*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Русской Жизни* и другихъ изданійхъ. Авторъ рисуетъ картину пустынного плоскогорья съ высокими горами, дѣвственными безконечными лѣсами, широкими рѣками и неисчерпаемыми минеральными богатствами. Край этотъ, обладая громадными сокровищами ископаемаго царства, почти не эксплуатируется. Винить сибирскихъ золотопромышленниковъ и горнозаводчиковъ можно только отчасти. Недостатокъ путей сообщенія, хотя бы примитивныхъ, дороговизна рабочихъ рукъ и припасовъ, короткій трехмѣсячный срокъ промывки при суровомъ климатѣ, — все это препятствуетъ разумной разработкѣ громадныхъ залежей золота, которыя эксплуатируются въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ. Совсѣмъ не разрабатывается богатая серебряная руда, встрѣчающаяся въ большомъ количествѣ желѣзная и магнитная руды, рѣдкій по

громадному содержанію желѣза такъ называемый сферосидеритъ (углекис-
лое желѣзо), попадающійся цѣлыми горами. Такимъ образомъ, при совре-
менномъ положеніи дѣла горная промышленность Приленскаго края яв-
ляется „жалкимъ ковыряньемъ“: количество добываемыхъ минераль-
ныхъ богатствъ ничтожно въ сравненіи съ колоссальностью мѣсторож-
деній. Пока все дѣло находится въ рукахъ небольшой кучки искате-
лей легкой наживы и приключеній, нечего думать объ улучшенной по-
становкѣ этой области промышленности. Авторъ возлагаетъ большія
надежды на то, что въ скоромъ времени за это дѣло возьмутся наука,
умѣлыя руки и иностранцы. По его мнѣнію, предоставить всевозможныя
льготы въ этомъ краѣ иностранцамъ будетъ не безвыгодно и для пра-
вительства, и для русскихъ промышленниковъ. Точчасъ же прильютъ
въ нашу Калифорнію капиталы, проложатся дороги, проведены будутъ
по устьямъ Лены флотиліи пароходовъ и баржъ и сторицей увеличится
добываніе золота и другихъ богатствъ. Отъ этого выиграетъ и метал-
лическій нашъ фондъ, и промышленники, которые затрачиваютъ ка-
питалы только когда представляется возможнымъ выручить не меньше
50% чистаго дохода, а зачастую и рубль на рубль. Разумѣется, та-
кая доходность русскаго капиталиста понизится, но за то въ послѣдствіи
онъ же скажетъ спасибо иностранцу за проложеніе дорогъ, за доставку
дешевыхъ орудій производства. Улучшить положеніе этого края воз-
можно и проведеніемъ желѣзно-дорожной артеріи отъ Иркутска до
мѣстечка Качуги, первой судоходной станціи въ верховьяхъ Лены.
Помимо того, что эта вѣтвь (не проектированная еще до сихъ поръ,
но надобность которой скорѣе выяснится) увеличитъ подвозъ това-
ровъ въ Приленскій край, но въ значительной степени откроетъ де-
шевый сбытъ богатѣйшимъ въ мірѣ пушнымъ товарамъ, мамонтовой
кости и другимъ сырымъ матеріаламъ, которые по дороговизнѣ до-
ставки мало доступны для потребителей.

Кореннымъ населеніемъ этого края являются тунгусы, якуты и
мѣстные буряты. Авторъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній о
культурѣ инородцевъ, ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и объ отношеніи
туземнаго населенія къ русскому, состоящему преимущественно изъ
ссылныхъ, тяжкихъ преступниковъ, отбывшихъ срокъ каторги, а
иногда и просто сосланныхъ по приговорамъ крестьянскихъ обществъ.
Интересно, что почти всѣ русскіе обьякутились, т.-е. говорятъ и жи-
вуть какъ настоящіе якуты. Даже обычаи, обряды, примѣты и другія
бытовые черты представляютъ странную смѣсь русско-якутскаго культа.
Съ другой стороны, якуты усвоили не мало русскихъ словъ, вошедшихъ
цѣликомъ въ якутскій языкъ, множество повѣрій и примѣтъ. Во вся-
комъ случаѣ, обычное раздѣленіе націй и племенъ въ антропологиче-
скомъ отношеніи на болѣе сильныя и менѣе сильныя, неизбѣжно якобы
поглощаемыя первыми, не подтверждается данными примѣрами. Въ
процессѣ ассимиляціи, гдѣ первенство приходится на долю якутовъ,
не мало слѣдуетъ отнести на долю простой неграмотности, непрости-
щенности русскаго крестьянина, а также неприспособленности его
мѣстнымъ условіямъ края. Ибо тѣ же русскіе — козаки и сектанты —
вполнѣ сохранили родной языкъ и русскіе обычаи единственно пото-
му, что старательно поддерживали въ своей средѣ грамотность.

Козачество, нѣкогда сильное, неустрашимо колонизовавшее обшир-
ныя пространства, теперь превратилось просто во внутреннюю стра-
ноу полицейско-военнаго характера. Число козаковъ не велико, но они по-
прежнему представляютъ собой незаменимый для управленія края русскій элем-

Изъ новыхъ поселенцевъ русскими остаются скопцы, поселенія которыхъ расположены по всей Восточной Сибири и въ особенности по Якутской области. Какъ вообще всѣ сектанты, они трудолюбивы, живутъ опрятно, въ довольствѣ и являются искусными земледѣльцами, приносящими громадную пользу краю. Напримѣръ, здѣсь умудряются разводить огурцы, арбузы и дыни. Улучшенные породы скота принадлежатъ скопцамъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ФИНАНСЫ.

„Библіотека экономистовъ“. — „Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ“. Р. фонъ-Кауфмана.

Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Пер. М. Щепкина. Москва, 1895 г. Редакторы *Библиотеки экономистовъ* слѣдующимъ образомъ приступили къ выполненію своей задачи: „Въ основу русскаго перевода *англійскихъ* экономистовъ положенъ *французскій* текстъ, установленный для извѣстнаго изданія Гильомена“. „Повѣрка этого текста съ другими переводами (sic!) убѣдила насъ“, что переводъ не грѣшитъ крупными ошибками. Обратиться къ англійскому оригиналу наши толковники, очевидно, не сочли нужнымъ. На самой же первой страницѣ, въ самыхъ первыхъ строкахъ читаемъ: „Годовой трудъ народа есть первоначальный запасъ, доставляющій“ etc. Нельзя даже понять великой мысли Смита объ универсальномъ значеніи труда въ этой бессмысленной формѣ. Словомъ „запасъ“, которое обозначается у Смита обыкновенно *stock*, здѣсь передано выраженіе: *the fund which originally etc.* *). Не знаемъ, на чьей совѣсти—русскаго или французскаго переводчика—должна лежать отвѣтственность за такую передачу. На стр. 6 опять: „Свойство тѣхъ запасовъ, которые въ разныя времена и у разныхъ народовъ составляли ихъ годовое потребленіе“; у Смита: „What has been the nature of those funds, which in different ages and nations, have supplied their annual consumption“. На стр. 65: „Трудомъ измѣряется цѣнность не только той части цѣны, которая приходится на долю рабочаго, но и той, которая приходится на долю землевладѣльца, а также и той, которая приходится на долю капиталиста“. Читатель недоумѣваетъ, что значить эта бессмыслица. А вотъ что: „Labour measures the value not only of that part of price which resolves itself into labour, but of that which resolves itself into rent, and of that which resolves itself into profit“. Приведеннаго достаточно. Знаменитый трактатъ Смита переведенъ съ значительными сокращеніями.

При книжкѣ приложенъ недурно выполненный медальонный портретъ Смита. Издана она хорошо и стоитъ недорого (1 руб.). А, все-таки, пожелаемъ русской публикѣ поскорѣе dorости до *полнаго* перевода творенія Смита съ *англійскаго* языка.

Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Р. Фонъ-Кауфмана. Переводъ съ 3 нѣмецкаго изданія А. Гурьева, ученаго секретаря ученаго комитета министерства финансовъ. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. Первоначально эта книжка въ Германіи была напечатана въ видѣ съѣмъ въ 1889 г. въ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. Она быстро обратила на себя вниманіе всего образованнаго міра, и

* Сравниваемъ по 4-му изданію 1786 г.

финансисты-теоретики и практики принялись цитовать ее. Недавно она появилась третьимъ изданиемъ, значительно улучшеннымъ, гдѣ авторомъ даются новыя цифры для 1892 и 1893^а годовъ, что, конечно, теперь еще болѣе поднимаетъ ея цѣну.

Книга состоитъ почти изъ однихъ таблицъ и цифръ, снабженныхъ лишь краткими замѣчаніями, а, между тѣмъ, стоить только научиться понимать этотъ ея сухой цифровой языкъ, и она заговоритъ намъ краснорѣчивѣе цѣлыхъ десятковъ многотомныхъ книгъ: она дастъ намъ широкія обобщенія изъ области экономической и финансовой жизни страны, она поможетъ читателю разобраться въ причинахъ многихъ сложныхъ явленій общественной жизни, наконецъ, она точно, ярко и рельефно характеризуетъ намъ во многихъ отношеніяхъ внутреннюю жизнь главнѣйшихъ государствъ Европы, а именно: Пруссіи, Австріи, Италіи, Франціи, Великобританіи и Россіи.

Воспользуемся же нѣкоторыми данными этой книжки, чтобы на нѣсколькихъ примѣрахъ иллюстрировать все богатство содержанія послѣдней.

Такъ, печальная, мрачная картина возстаетъ передъ нами, если мы взглянемъ на одну табличку (стр. 148), гдѣ приведены данныя затратъ отдѣльныхъ государствъ на оборону страны и на уплату процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ. Оказывается, что изъ общей массы своихъ государственныхъ доходовъ netto, т.-е. за вычетомъ уже издержекъ взиманія на этотъ предметъ, всего болѣе издерживаетъ Великобританія—74,64%, затѣмъ Италія—73,37%, Россія—64,33%, и всего менѣе Пруссія—55,01%. И такъ, на удовлетвореніе всѣхъ культурныхъ потребностей государства у Великобританіи остается только 25,36%, у Италіи—26,63%, у насъ—35,37%, у Пруссіи—44,99%; такимъ образомъ, оборона страны и государственный долгъ, также, главнымъ образомъ, заключенный ради обороны страны, поглощаютъ изъ общей массы средствъ отъ $\frac{3}{4}$ до $\frac{11}{20}$; слѣдовательно, изъ средствъ, которыя собираются съ такимъ трудомъ съ народа, лишь незначительная доля получаетъ производительное назначеніе. Общественный организмъ питается все усиленнѣе и усиленнѣе, но эту пищу поглощаютъ два великіе паразита—государственный долгъ и оборона страны, и жизнь европейскихъ государствъ представляется чѣмъ-то вродѣ сизифовой работы.

Единственнымъ исключеніемъ изъ этой общей картины является маленькая Пруссія, гдѣ государственный долгъ былъ заключенъ для производительныхъ цѣлей, главнымъ образомъ—для выкупа желѣзныхъ дорогъ, и расходы по нему вполне покрываются доходами отъ нихъ (154 стр.).

Любопытно взглянуть, какую минимальную долю тратятъ государства на образованіе. И здѣсь опять, однако, наиболѣе выгодное положеніе занимаетъ Пруссія, которая на это дѣло употребляетъ 3,34%, всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ (авторъ вполне справедливо дѣлаетъ, если онъ принимаетъ во вниманіе и мѣстные расходы, такъ какъ въ различныхъ странахъ распределеніе задачъ между государствомъ и другими принудительными общественными хозяйствами далеко не одинаково, и другой приемъ не далъ бы вѣрной картины положенія вещей. См. стр. 11 и 139), затѣмъ Великобританія—7,62%, наша же Россія занимаетъ послѣднее мѣсто всего—3,99%. На одного жителя Пруссія тратитъ на элементарное образованіе 5,91 марки, Великобританія—5,83 м., а мы всего—0,58 м.

Весьма интересна даѣе табличка, приводимая авторомъ на стр. 60, а именно о расходахъ на общее управленіе. Оказывается, что всего дороже, относительно, общее управленіе обходится намъ: оно поглощаетъ у насъ изъ бюджета 13,36%, между тѣмъ какъ въ Великобританіи всего 3,29%, въ Пруссіи 6,90%, и самый высокій процентъ послѣ Россіи выпадаетъ на долю Австріи—9,28%:

И такъ, много поучительнаго даетъ намъ эта маленькая книжка.

Мы могли бы замѣтить, что иногда авторъ нѣсколько произвольно относится къ даннымъ относительно Россіи. Такъ, напримѣръ, расходы городовъ по образованію, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ въ его рукахъ, онъ принимаетъ въ $\frac{1}{5}$ всего бюджета всѣхъ нашихъ городовъ, что даетъ сумму въ 9,900 т. р. изъ 49,5 милл. руб.,—на нашъ взглядъ это слишкомъ преувеличено (стр. 87). Точно также расходы земствъ и городовъ на воспособленіе промысламъ имъ произвольно опредѣляются круглымъ счетомъ въ 6% общаго итога всѣхъ расходовъ городовъ и земствъ (стр. 102). Что подало поводъ автору опредѣлить расходы въ этомъ размѣрѣ, а не въ другомъ, онъ объ этомъ не говоритъ.

Точно также не совсемъ правильно игнорированіе авторомъ и расходы нашихъ деревенскихъ общинъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы, „въ виду примитивнаго состоянія русскаго сельскаго управленія, расходы эти едва ли могутъ составлять значительныя суммы“ (стр. 41); между тѣмъ, эти суммы составляютъ довольно солидную цифру, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ послѣднія изслѣдованія.

Все это на нашъ взглядъ обуславливало бы необходимость нѣкоторыхъ поправокъ въ книгѣ относительно Россіи, и только при этомъ условіи мы имѣли бы въ рукахъ точныя, а не приблизительныя данныя для сравненія статей нашихъ государственныхъ расходовъ съ западно-европейскими, а это выполнить г. Гурьеву, при занимаемомъ имъ официальномъ положеніи, думается намъ, было бы не трудно.

Переводъ, сдѣланъ хорошо, и, во всякомъ случаѣ, за изданіе этого полезнаго труда мы должны быть очень признательны переводчику г. Гурьеву.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Задача уголовной политики Франца фонъ-Листа“. Излож. Б. Гуревича.

Задачи уголовной политики Франца фонъ-Листа, въ изложеніи Бориса Гуревича. 1895 г. Имя Листа, професс. Гальскаго университета, пользуется почетною извѣстностью среди криминалистовъ не только Западной Европы, но и Россіи. Помимо оригинальнаго освѣщенія и разработки отдѣльныхъ вопросовъ уголовного права, внимательное изученіе современной литературы уголовного права, вплоть до знакомства съ лучшими работами русскихъ ученыхъ, доставляетъ ему имя добросовѣстнаго изслѣдователя. Русская наука уголовного права многимъ обязана этому профессору: обширное знакомство съ трудами его области права вызвало проводниковъ его идей и среди русскихъ слѣдователей. Если прибавить къ этому, что Листъ принималъ живое и дѣятельное участіе въ критическомъ разборѣ новаго русскаго уложенія, то окажется, что изъ современныхъ западныхъ ученыхъ болѣе близкимъ къ наукѣ нашего уголовного права стоитъ проф. сть. Несмотря на все это, работы его отсутствуютъ въ переводѣ русскій языкъ. Поэтому, естественной и небезъинтересной пред-

ставляется попытка г. Гурвича, кандидата на судебныя должности, *изложить* на русском языкѣ одну изъ работъ Листа — *Задачи уголовной политики*. Подъ такимъ общимъ заглавіемъ появился рядъ статей съ 1889 по 1894 гт. въ журналахъ *Zeitschrift für die gesamte Strafrechts wissenschaft* и въ извѣстіяхъ международного союза уголовного права *Bulletin de l'union internationale de droit pénal*. Остановимся въ общихъ чертахъ на содержаніи статей.

По мнѣнію Листа, постановка задачъ уголовного права должна быть измѣнена. Прежнее уголовное право, имѣвшее подъ собою преимущественно метафизическую почву, въ борьбѣ съ преступленіемъ не обращало вниманіе на главное: на условія, порождающія преступленіе. Устраненіе этихъ условій и должно быть цѣлью карательной системы при содѣйствіи разумной уголовной политики, т.-е. *рядъ рациональных началъ борьбы съ отдельными видами преступности*. Основанная на научныхъ изслѣдованіяхъ *всѣхъ* причинъ преступности и дѣйствій, производимыхъ наказаніями, уголовная политика рекомендуетъ извлекать наибольшую пользу изъ гибкой природы наказанія и ставить борьбу съ преступностью въ зависимость отъ каждаго отдельнаго случая. Опредѣляя различія между новою и старою теоріей уголовного права, мы видимъ, что первая считаетъ существеннымъ элементомъ преступленіе и его послѣдствія, вторая видитъ центръ тяжести во внутреннихъ особенностяхъ преступника. Несомнѣнно, даже при постепенномъ торжествѣ новѣйшаго ученія, наказаніе должно остаться попрежнему, видоизмѣнится только характеръ его. Уголовные законы будутъ существовать ненарушимо, законодатель, какъ и теперь, будетъ опредѣлять условія примѣнимости наказанія, попрежнему въ особенной части уложенія будутъ перечислены и квалифицированы различныя преступленія, а въ общей изложены будутъ правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ преступленій вообще. Но формализмъ и шаткія юридическія опредѣленія исчезнутъ. Такимъ образомъ, постановка вопроса объ уголовной политикѣ является не революціей уголовного права, а, скорѣе, реформой, стремящейся къ возможному упрощенію опредѣленій преступленія, къ устраненію большей части квалификаціи различныхъ спеціальныхъ преступленій, — словомъ, въ ограниченіи элемента чисто-логическаго и отвлеченнаго въ примѣненіи къ своеобразной сферѣ нашей жизни. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе ученія Листа. Нельзя не отмѣтить современности духа этого ученія, по которому наказаніе не считается самымъ совершеннымъ и единственнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ и многое относится на долю предупредительныхъ мѣръ. Какимъ бы парадоксальнымъ ни показалось мнѣніе автора *Задачъ уголовной политики* о томъ, что уголовное уложеніе должно быть *tabula charta* преступника, защищающая не общество, не правопорядокъ, а личность, которая возстала противъ нихъ, оно содержитъ въ себѣ много вѣрнаго. Уголовное право — это закономъ ограниченная карательная власть государства.

Несмотря на то, что мысли эти не могутъ претендовать на новизну какъ это и признано самимъ проф. Листомъ въ письмѣ, адресованномъ къ автору русской книги, тѣмъ не менѣе, заслуга дѣльнаго ратія этихъ мыслей и популяризаціи ихъ остается за Листомъ. Назыныя статьи представляютъ много интереснаго не только для занимающихся уголовнымъ правомъ, но и для неспеціалистовъ. Для послѣднихъ-то, главнымъ образомъ, и предназначено изданіе *Задачъ* на русскій языкъ. Къ сожалѣнію, работа г. Гурвича не вполне удовлетворила

намѣченнымъ имъ въ предисловіи цѣлямъ. Отрывочность и разбросанность изложения, спеціальныя частности, заставляющія читателя терять общую руководящую идею, и крайне тяжелый слогъ, часто затрудняющій возможность пониманія и связи мыслей,—все это значительно умаляетъ достоинство книги. Въ особенности непріятно дѣйствуютъ обороты рѣчи нерусскаго свойства, часто свидѣтельствующіе о томъ, что авторъ, иногда слишкомъ придерживаясь оригинала, превращалъ изложение въ плохой переводъ. Напримѣръ: „все сказанное такимъ образомъ убѣждаетъ всякаго зрящаго (?), что споръ о названіи извѣстной науки, въ виду недостатка въ одномъ общемъ подходящемъ словѣ, хотя и можетъ быть рассматриваемъ, какъ доказательство ея молодости, никогда, все-таки, не можетъ служить основаніемъ къ ея отрицанію“ (стр. 5); или: „она должна быть присуждена къ наказанію и принудительное воспитаніе (вмѣсто послѣдняго) исключается“ (стр. 114). Такихъ оборотовъ разсыпано въ книгѣ много.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные приемы химической технологіи“. Д. Коновалова.

Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные приемы химической технологіи. Д. Коновалова. Подъ этимъ широкимъ заглавіемъ скрывается довольно скромный по содержанію отчетъ профессора химіи Коновалова о поѣздѣ его, въ качествѣ эксперта, на выставку въ Чикаго, причемъ отъ министерства финансовъ ему было поручено произвести изслѣдованіе положенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ нѣкоторыхъ отраслей химической промышленности. Рассматриваемый трудъ распадается на общую и спеціальную часть. Въ первой части авторъ останавливается на нѣкоторыхъ, преимущественно отрицательныхъ, сторонахъ американской культуры и даетъ общую характеристику мѣстной промышленной жизни. Вторая часть посвящена техническому состоянію американской промышленности.

По мнѣнію автора, промышленность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ характеризуется двумя главными чертами: преимущественнымъ развитіемъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны и такимъ же вниманіемъ къ замѣнѣ ручной работы человѣка работой механизма. „Въ настоящее время страна живетъ, прежде всего, на счетъ не тронутыхъ богатствъ почвы; все въ ней приспособлено къ тому, чтобы извлекать изъ нея въ данный моментъ наибольшую выгоду. Громадные естественныя богатства Соединенныхъ Штатовъ были однимъ изъ главныхъ факторовъ, опредѣлившихъ характеръ промышленныхъ предпріятій“, ихъ быстрый ростъ и крупную организацію. Но это же условіе было причиной неэкономнаго отношенія американцевъ къ своимъ естественнымъ богатствамъ. „Если принять за мѣру высокаго уровня омышленности... бережливую эксплуатацію естественныхъ богатствъ возможно-полную утилизацію побочныхъ продуктовъ производства, этимъ условіямъ американская промышленность удовлетворяетъ далеко не всегда. Неумолимыя требованія акціонерной системы, настающей, прежде всего, на расширеніи предпріятій съ цѣлью увеличенія избылей и совершенно равнодушной къ связанному съ этимъ подчасъ зплезною тратой природныхъ матеріаловъ, даютъ часто американ-

ской изобрѣтательности весьма одностороннее направленіе. Приѣмы американской техники во многихъ случаяхъ нельзя назвать хищническими. Благодаря такому характеру промышленности, во-первыхъ, эксплуатація естественныхъ богатствъ совершается съ нарушеніемъ интересовъ будущихъ поколѣній (истребленіе лѣсовъ, наприм., даетъ себя знать уже настоящему поколѣнію янки), во-вторыхъ, чувствуется меньшая, чѣмъ въ Европѣ, зависимость промышленности отъ развитія научныхъ знаний. И дѣйствительно, въ области изобрѣтеній американскій гений выразился, наиглавнѣйшимъ образомъ, механическими открытіями; химическая же промышленность находится въ мало развитомъ состояніи. „А, между тѣмъ, химическія производства требуютъ познаній, недоступныхъ безъ предварительной научной подготовки“. Механическая же дѣятельность „часто не требуетъ вовсе высокаго общаго культурнаго уровня человѣка. Весьма часто изобрѣтателями этого рода являюся самоучки рабочіе, одаренные природными способностями и практическими свѣдѣніями специальности. Изобрѣтатель-самоучка вообще важный факторъ американской промышленности. Его значеніе опредѣляется новизной обстановки промышленной дѣятельности и обиліемъ естественныхъ источниковъ“. Такимъ образомъ, общій технологическій характеръ американской промышленности мало благоприятствуетъ тому, чтобы интеллигенція получила въ практической жизни большое значеніе. Въ томъ же направленіи вліяетъ и экономическая организація производства. „Громадная фабрика, работающая однообразными приѣмами и служащая массовому производству, выгодность котораго часто зиждется на размѣрахъ производства при возможной простотѣ техническихъ приѣмовъ, а не на совершенномъ веденіи самаго дѣла, не требуетъ большого числа интеллигентныхъ силъ“. Отсюда—„особенность американскаго промышленнаго строя—незначительная роль, принадлежащая въ немъ интеллигентнымъ силамъ“. Это отражается и на постановкѣ высшего образованія, и на культурномъ положеніи буржуазіи. „Положеніе (также и матеріальное) средняго интеллигентнаго класса незавидно, а это ослабляетъ значеніе фактора, созидающаго культурную обстановку жизни. Богатство, деньги притекаютъ (къ предпринимателямъ), а цѣны имъ мало“. Богачи не знаютъ, что дѣлать съ прибрѣтенными богатствами: скупать ли картины европейскихъ мастеровъ, строить ли небывалый телескопъ, основывать ли новый университетъ, которыхъ и безъ того очень много, или по-просту переѣхать въ Европу, чтобы тамъ жить широкими и разнообразными интересами культурной жизни“. „Я былъ пораженъ значительнымъ числомъ лицъ изъ числа моихъ коллегъ, уѣхавшихъ на каникулы въ Европу“,—добавляетъ г. Коноваловъ.

Въ специальной части своего труда авторъ останавливается на производствахъ, имѣющихъ матеріаломъ металлы, нефть, дерево, и на химической промышленности. Эта часть не представляетъ систематическаго изслѣдованія съ болѣе или менѣе точными цифровыми данными. Авторъ ограничился характеристикой технической стороны на болѣе распространенныхъ отраслей промышленности и приѣмовъ производства, введенныхъ американцами.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь“. С. М. Богданова. — „Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства“. — „Не по торному пути“. А. П. Мертваго. — „Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ“. Н. С. Нестерова. — „Оцѣнка мѣнѣй“. А. А. Колессова.

Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь. Энциклопедія сельскаго хозяйства. Составилъ С. М. Богдановъ. Кіевъ, 1891—95 гг. Цѣна 8 р. Въ свое время мы отмѣчали (въ *Русской Мысли* 1891 г.) появленіе перваго выпуска этого словаря, составленнаго кіевскимъ профессоромъ агрономіи (бывшимъ слушателемъ Петровской академіи) С. М. Богдановымъ. Въ началѣ 1895 г. появился, наконецъ, тринадцатый и послѣдній выпускъ *Словаря*. Такое продолжительное печатаніе, помимо случайныхъ помѣхъ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что *Словарь* составляетъ, главнымъ образомъ, единоличную работу проф. Богданова, который за тотъ же срокъ успѣлъ отпечатать 2 толстыхъ тома *Обзоровъ* сельско-хозяйственной литературы за два года. Главнымъ образцомъ для составителя явился нѣмецкій *Словарь* Краффта, но русское изданіе, уступающее нѣмецкому по изяществу рисунковъ, содержитъ въ текстѣ многочисленныя добавленія, касающіяся Россіи, вслѣдствіе чего *Словарь* является полезною справочною книгой и для лицъ, обладающихъ уже лексикономъ Краффта. *Словарь* представляетъ объемистую книгу въ 91 печатный листъ (въ два столбца) съ 955-ю рисунками. Все изданіе посвящено современному вожаку русскихъ агрономическихъ знаній, проф. И. А. Стебуту. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены, между прочимъ, портреты Альбрехта Тэера, И. А. Стебута, А. В. Совѣтова, А. Н. Энгельгардта, В. В. Черняева. Изъ біографическихъ пробѣловъ назовемъ непріятное отсутствіе свѣдѣній о К. А. Тимирязевѣ, педагогическая дѣятельность котораго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ успѣхами русской агрономіи. Особый алфавитный указатель (котораго, впрочемъ, нѣтъ и у Краффта) былъ бы, кажется, не лишнимъ. Еще полезнѣе оказался бы систематическій указатель съ группировкою статей по содержанію (такимъ указателемъ, между прочимъ, былъ снабженъ терминологическій сельско-хозяйственный словарь Бурнашева, изданный въ 1843—44 гг.). Привѣтствуя окончаніе сложной работы, желаемъ ей распространенія въ русской публикѣ.

Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1894 г. Можно держаться различныхъ взглядовъ на цѣлесообразность устройства научныхъ опытовъ на средства земскихъ учреждений, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать большое значеніе работъ полтавскаго опытнаго поля для русской агрономіи. Полтавской постановкѣ агрономическихъ экспериментовъ и особенно богатымъ выводами своду этихъ экспериментовъ могли бы позавидовать многія учебныя заведенія. Полтавское поле вполне исполнило право содержанія на государственный счетъ. Обстоятельность записей, ведущихся на полѣ, много обязана первоначальному подку, который былъ заведенъ первымъ директоромъ поля, Б. П. Чепухинымъ. Появившійся къ новому (1895) году семилѣтній отчетъ, составленъ, главнымъ образомъ, И. О. Широкихъ. Изъ 13 лицъ, занимавшихся опытами на полтавскомъ полѣ, десять — питомцы Петровской академіи, такъ что полтавское поле смѣло могло бы назваться черномною колоніей Петровскаго-Разумовскаго. Отдѣльныя главы отчета

посвящены описанію устройства опытовъ, вліянію видовъ пара и глубины обработки на влажность почвы и на урожай, дѣйствию удобренія, особымъ опытамъ съ кукурузою, картофелемъ и разнымъ опытамъ въ 10-ти полномъ сѣвооборотѣ. Отчетъ заслуживаетъ внимательнѣйшаго изученія со стороны южно-русскихъ образованныхъ хозяевъ и можетъ считаться полезнѣйшимъ пособіемъ для лицъ, занимающихся агрономіей. Введеніе къ отчету написано теперешнимъ директоромъ поля В. Н. Дьяковымъ.

Не по торному пути. Изъ воспоминаній (1878—1888 гг.). А. П. Мертваго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. Увлекательно написанные очерки А. П. Мертваго знакомятъ читателя, прежде всего, съ городскими мечтами автора о хозяйствѣ, затѣмъ съ ученичествомъ въ практической школѣ покойнаго А. Н. Энгельгардта, далѣе съ батрачествомъ на парижскихъ огородахъ, съ занятіями на батищевскомъ огородѣ и въ Буковскомъ пустошномъ хозяйствѣ. На всѣхъ позиціяхъ авторъ видимо сохранялъ вдумчивое отношеніе къ общимъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Имъ руководило сознание лежащей на русскомъ интеллигентѣ обязанности возвратить деревнѣ тѣ знанія, которыя были получены на счетъ деревни (стр. 64). Критическое положеніе землевладѣльческаго хозяйства въ нечерноземной Россіи мѣтко охарактеризовано въ разныхъ мѣстахъ книги, въ особенности на стр. 212—213, гдѣ сдѣланы основательныя указанія на завѣщанное крѣпостнымъ правомъ стремленіе землевладѣльцевъ жить не по средствамъ. Къ сожалѣнію, авторъ, мѣстами, высказываетъ (стр. 65) довольно безразличное отношеніе къ общественнымъ условіямъ сельско-хозяйственной работы, и это безразличіе не вяжется со многими страницами книги, изъ которыхъ ясно, что автору положеніе крестьянина-хозяина представляется болѣе нормальнымъ, чѣмъ положеніе батрака. Авторъ—сторонникъ распространенія русскаго хозяйства „въ ширь“ (стр. 215); еслибъ онъ не такъ отрицательно относился къ параллельно существующей необходимости распространять хозяйство и „въ глубь“, онъ, вѣроятно, вынесъ бы болѣе справедливый приговоръ 30-ти лѣтней дѣятельности Петровско-Разумовской фермы (стр. 225).

Во всякомъ случаѣ, книгу г. Мертваго съ большимъ интересомъ и пользою прочтутъ русскіе читатели, особенно такіе, которые вмѣстѣ съ авторомъ признаютъ, что на „торномъ пути“ находится только тотъ хозяинъ, который „заснулъ и не двигается съ мѣста“.

Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ. Н. С. Нестерова. Спб., 1895 г. Не сладко живетъ русскому человѣку въ буквальный смыслъ слова, т.-е. въ смыслъ средняго количества потребляемыхъ сахаристыхъ веществъ. Главная сладость нашей пищи—свекловичный сахаръ—несетъ на себѣ государственную повинность (1 р. на пудъ), да кромѣ того еще болѣе тяжелую обязанность—поддерживать существованіе почтенныхъ членовъ синдиката, и не удивительно поэтому слабое потребленіе сахара въ Россіи. По мнѣнію Н. С. Нестерова, ознакомившагося съ культурою сахарнаго клена въ Америкѣ, сахарный кленъ съ успѣхомъ можетъ произростать въ Россіи не только въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, но и въ средней полосѣ. Въ казенныхъ лѣсничествахъ начались уже интересные опыты воздѣлыванія этого американскаго растенія. Сахарный клен способенъ произростать въ теченіе многихъ лѣтъ подъ болѣе или менѣе густою тѣнью другихъ породъ; по живучести онъ напоминаетъ осину; стало быть, воздѣлываніе сахарнаго клена можетъ явиться все

могательнымъ дѣломъ при обычныхъ формахъ правильнаго дѣснаго хозяйства. Кленъ весьма легко разводится сѣменами и успѣшно переноситъ пересадку. Боченокъ кленоваго сока въ 32 галлона даетъ около 8 фунтовъ сахара; для получения такого количества сока достаточно двухъ деревьевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ производство кленоваго сахара является въ видѣ кустарнаго промысла, связаннаго съ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Желательно, чтобъ и у насъ въ Россіи оно возникло въ такой же формѣ. Несмотря на узкую, повидимому, специальность предмета, брошюра г. Нестерова написана очень живо и заслуживаетъ широкаго распространенія.

Оцѣнка имѣній. Краткое руководство. Изданіе второе. Составилъ А. А. Колесовъ. Харьковъ, 1895 г. Цѣна 50 коп. Сельско-хозяйственная таксація пользуется у насъ незаслуженно-слабымъ вниманіемъ общества; это отчасти объясняется тѣмъ, что къ оцѣнкѣ громаднаго большинства русскихъ хозяйствъ (хозяйствъ крестьянскихъ) не примѣнимы тѣ основы оцѣнокъ, которыя выработаны въ западно-европейской литературѣ. Но владѣльческое хозяйство ставить на каждомъ шагѣ требованіе таксаціонныхъ знаній и отъ самихъ владѣльцевъ, и отъ земельно-кредитныхъ и иныхъ учреждений. Первому ознакомленію съ правилами оцѣнокъ можетъ помочь кратко и просто написанное руководство г. Колесова. Во второмъ изданіи мы замѣтили исправленія сравнительно съ первымъ изданіемъ: такъ, несообразный примѣръ средняго размѣра налоговъ въ 1 рубль на владѣльческой десятинѣ замѣненъ гораздо болѣе соответствующимъ среднерусскому хозяйству примѣромъ 50 копѣекъ (стр. 30). На стр. 8 встрѣчается, однако, невѣрное замѣчаніе относительно „серій“. Въ одномъ изъ примѣчаній рекомендуется ежегодное отчисленіе изъ валового дохода небольшихъ суммъ на выдачу пенсій престарѣлымъ служащимъ и рабочимъ и справедливо указывается, что „такія заботы о низшей братіи не только не разорительны для нанимателей и хозяевъ, а прямо выгодны и въ матеріальномъ, и особенно въ нравственномъ отношеніи“ (стр. 16). Такіе взгляды не всегда встрѣтишь въ произведеніяхъ сторонниковъ наибольшаго чистаго дохода.

МЕДИЦИНА.

„Гигіеническія бесѣды“. Д-ра Мокіевскаго. — „Очерки русской народной медицины“. В. Ф. Демича.

Гигіеническія бесѣды. Д-ра Мокіевскаго. М., 1894 г. Ц. 30 к. Брошюра содержитъ нѣсколько очерковъ по гигиенѣ школьнаго возраста и гигиенѣ повседневной жизни. Чего-либо новаго авторъ не даетъ, но различныя свѣдѣнія по поводу одежды, обуви, приготовленія пищи, вліянія на здоровье спиртныхъ напитковъ и проч. изложены отъ и коротко, но довольно обстоятельно, а, главное, просто, понятно, безъ всякой претензіи на авторитетъ и проповѣдничество; это и лишаетъ названную брошюрку среди переводовъ различныхъ гигиенъ, даваемыхъ въ послѣднее время почему-то въ невѣроятно большомъ количествѣ.

Очерки русской народной медицины. Лихорадочныя заболѣванія и ихъ леченіе у русскаго народа. В. Ф. Демича. Спб., 1894 г. Авторъ, какъ видно изъ введенія, давно уже занятъ изслѣдованіями въ области народной медицины; ранѣе имъ были изданы из-

слѣдованія о главнѣйшихъ русскихъ народныхъ средствахъ изъ растительнаго царства, затѣмъ *Акушерство у народа, Гинекологія у русскаго народа, Педиатрія у русскаго народа*. Интереснымъ работамъ автора слѣдуетъ пожелать продолженія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не указать на нѣкоторые нежелательные недостатки настоящей брошюры. Планъ работы выдержанъ не строго: первыя главы посвящены изложенію народныхъ названій лихорадки, представленію народа о сущности, причинахъ и происхожденіи болѣзни; слѣдующія главы трактуютъ о гигиенѣ, діететикѣ и уходѣ за лихорадочными больными у народа, о суевѣрныхъ и симпатическихъ средствахъ отъ лихорадки, о механическихъ способахъ, о леченіи лихорадки страхомъ и водою и, наконецъ, объ эмпирическихъ народныхъ средствахъ отъ лихорадки. Факты, передаваемые авторомъ, находятся, однако, между собою въ случайной связи; нерѣдко при этомъ случаются повторенія: такъ, наприм., указаніе на употребленіе паутины мы находимъ на стр. 46 и 49 и на 60 и т. п., кромѣ того, безъ надлежащаго освѣщенія вся эта масса фактовъ теряетъ значеніе; выводы авторомъ не сдѣлано почти никакихъ, — не такъ, вѣдь, важно знать, что въ такой-то, положимъ, волости употребляется *adonis*, а въ такомъ-то заводѣ *lychnis*, гораздо важнѣе, почему создалось убѣжденіе въ дѣйствительности этого средства; обобщеній также нѣтъ, а, между тѣмъ, они необходимы; кое-что, однако, въ этомъ отношеніи указано и авторомъ: такъ, на стр. 45 говорится, что раскольники исключительно пользуютсѣ средствами изъ растительнаго царства, считая грѣхомъ употребленіе лѣкарствъ металлических; сознавая, очевидно, недостаточность простаго перечня, на 46 стр. авторъ говоритъ: „о легендахъ народа по поводу нѣкоторыхъ лечебныхъ травъ я думаю побесѣдовать съ читателями въ одной изъ слѣдующихъ статей, ибо легенды эти, по моему мнѣнію, не только поэтичны, но и весьма интересны во многихъ отношеніяхъ“. Но, кромѣ легендъ, объясняющихъ далеко не во всѣхъ случаяхъ употребленіе извѣстнаго средства въ данной мѣстности, могутъ имѣть вліяніе и другія условія, этнографическія, религіозныя и проч.; во всякомъ случаѣ, нельзя отказать народу и въ наблюдательности, и въ способности анализа, что можетъ быть доказано хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что въ университетскую, дипломированную, такъ сказать, медицину пробиваются въ послѣднее время особенно часто народные средства, наприм., *adonis*, брусника, пядисолнечникъ и т. п.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку“. Н. Н. Миронова. — „Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ“. Е. Воскресенскаго. — „Русско-латинскій словарь“. В. Муссе-муса. — „Трагедія“ *Еврипида*. — „Голубыя сказки“. Э. Лабуль.

Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. (Теорія, примѣры, образцы пробныхъ уроковъ). Н. Н. Миронова. Рига, 1894 г. Цѣна 75 к. Для всѣхъ, кто интересуется обученіемъ русскому языку, книжка г. Миронова *Сознательное чтеніе* можетъ явиться чрезвычайно полезной и крайне поучительной. Правда, читатель не найдетъ въ ней какихъ-либо особенно оригинальныхъ взглядовъ или особенно новыхъ пріемовъ, и она полна ссылокъ на труды авторитетныхъ педагоговъ нашихъ, но важно, что состо-

тель съумѣлъ толково воспользоваться этими трудами, съумѣлъ освѣтить свой предметъ во всю его величину, и потому книжка его не можетъ не пригодиться всякому учителю русскаго языка и словесности.

Мы не будемъ распространяться о томъ, до какой степени правленъ взглядъ г. Миронова на сознательное чтеніе, какъ на главный предметъ обученія отечественному языку: взглядъ этотъ довольно прочно устанавливается въ современной педагогикѣ, и г. Мироновъ своею точкой зрѣнія на сознательное чтеніе доказалъ вполне ясно, что онъ любитъ свое дѣло и стоитъ въ рядахъ передовыхъ людей этого дѣла. Намъ, такимъ образомъ, наиболѣе существеннымъ кажется вопросъ о томъ, съ какихъ именно сторонъ разсматривается въ разбираемой книжкѣ сознательное чтеніе. Но и въ этомъ отношеніи книжка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Мало того, что г. Мироновъ интересно толкуетъ о выборѣ матеріала для чтенія и подробно изслѣдуетъ основные приемы при веденіи сознательнаго чтенія, онъ, по его словамъ, „полагая въ основу занятій русскимъ языкомъ все то же сознательное чтеніе, выясняетъ взаимное отношеніе всѣхъ остальныхъ дисциплинъ къ этой главной дисциплинѣ преподаванія отечественнаго языка“ (стр. 57). Онъ довольно вѣрно оцѣниваетъ свойства существующихъ хрестоматій какъ для начальныхъ школъ, такъ и для средне-учебныхъ заведеній (стр. 6—15), обстоятельно выясняетъ цѣлесообразные способы веденія сознательнаго чтенія (стр. 15—41), горячо ратуетъ за правильную постановку выразительнаго чтенія въ школахъ (стр. 41—47) и настойчиво рекомендуетъ литературныя бесѣды съ самыхъ младшихъ классовъ (стр. 47—57). При этомъ не только цѣлыя разсужденія, но и отдѣльные тезисы, положенія и замѣчанія у г. Миронова постоянно опираются на примѣры и образцы, благодаря чему книжка его становится весьма убѣдительною. Наконецъ, тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ отношеніе сознательнаго чтенія къ другимъ занятіямъ въ области родного языка, онъ высказывается за такіе правила и приемы, достоинство которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Примѣромъ подобныхъ правилъ можетъ служить хотя бы слѣдующее: „чтобы развить въ дѣтяхъ навыкъ къ правильному письму, необходимо не допускать ни одной ошибки въ диктуемомъ текстѣ“ (стр. 60).

Не можемъ не пожелать книжкѣ г. Миронова самаго широкаго распространенія, а стало быть и полнаго успѣха.

Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ. Е. Воскресенскаго. Москва, 1895 г. Цѣна 30 коп. Г. Воскресенскій, который достаточно уже извѣстенъ изданіемъ такихъ полезныхъ учебныхъ пособій, каковы разборъ *Бориса Годунова* Пушкина, разборъ *Полтавы*, *Евгенія Онегина* и мног. друг., недавно издалъ новую брошюрку, гдѣ собраны темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ. Всѣхъ темъ и вопросовъ въ его сборникѣ 620. Главное мѣсто между ними занимаютъ историко-литературныя темы и темы по теоріи словесности; темы отвлеченныя встрѣчаются только изрѣдка. Русская литература выходитъ здѣсь изъ предѣловъ установленной программы средне-учебныхъ заведеній, такъ какъ г. Воскресенскій предлагаетъ темы и изъ произведеній Островскаго, Тургенева, гр. А. Толстого, гр. Л. Толстого и проч. Есть нѣсколько вопросовъ въ сборникѣ, касающихся произведеній Шекспира. Кое-гдѣ составитель дѣлаетъ указанія на тѣ или иные источники для сочиненій учащихся. Таковыми являются, напримѣръ, *Чтенія объ искусствѣ* Тэна, *Психологія* Владислав-

лева, *Самодѣтельность* Смайльса и проч. Нельзя сказать, чтобы въ сборникѣ г. Воскресенскаго была выдержана какая-либо строгая система, но, все-таки, онъ можетъ сослужить службу учителямъ русскаго языка и словесности, хотя бы по количеству заключающихся въ немъ темъ и вопросамъ.

Русско-латинскій словарь. Состав. В. Мусселиусъ. Спб. Обширный трудъ г. Мусселиуса, заключающій въ себѣ 424 стр., надъ которымъ онъ работалъ 12 лѣтъ, по заслугамъ удостоенъ большой петровской премии: это безспорно самый лучший изъ небольшого, правда, числа имѣющихся у насъ русско-латинскихъ словарей. Прежніе словари наши (наприм., Ивашковского, Бѣликова, Орлова) всѣ, за исключеніемъ развѣ недоконченнаго лексикона Ходобая и Виноградова, неудовлетворительны въ томъ отношеніи, что они бѣдны фразеологией и не дѣлаютъ различія при выборѣ словъ не только между языкомъ разныхъ періодовъ римской литературы, но даже и между языкомъ поэтическимъ и прозаическимъ. Г. Мусселиусъ обратилъ на эти стороны большое вниманіе, заимствуя приводимыя имъ латинскія слова и выраженія почти исключительно изъ языка классическаго періода и тщательно отмѣчая разными знаками слова и выраженія, которыя или принадлежатъ позднѣйшей латыни, или вовсе не встрѣчаются у древнихъ авторовъ (вродѣ, наприм., „студентъ“). Въ составъ словаря вошло около 15,000 русскихъ словъ, причемъ выпущены слова рѣдко встрѣчающіяся, большинство словъ, обозначающихъ предметы и явленія, которыя не были извѣстны древнимъ, и собственные имена. Впрочемъ, въ концѣ книги прибавленъ краткій списокъ наиболѣе употребительныхъ географическихъ именъ. Латинскій переводъ русскихъ словъ и выраженій дается вездѣ правильный и точный; мы можемъ указать лишь на нѣсколько ошибокъ, да и тѣ происходятъ по большей части отъ недостаточнаго знакомства автора съ русскимъ языкомъ. Такъ, наприм., „*lana*“ онъ переводитъ чрезъ *agnus*, что значитъ на самомъ дѣлѣ „копыто“; *ученый* (ученый въ примѣненіи къ вещи)—чрезъ *litteratus*, которое употребляется въ этомъ смыслѣ только въ выраженіи *otium litteratum*, а, наприм., „ученая книга“ чрезъ *liber litteratus* перевести никакъ нельзя; „*Кіевъ*“ онъ передаетъ чрезъ *Kiēvia*, между тѣмъ какъ, по старинной традиціи нашей, этотъ городъ по-латыни называютъ *Kiōvia* и т. д. Что касается внѣшняго вида книги, то онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: бумага отличная, печать отчетливая; каждое слово, начинающее статью, напечатано особымъ жирнымъ шрифтомъ, такъ что выдѣляется совершенно ясно.

Еврипидъ. Іонъ. Алкестиды. Вакханки. Съ греч. пер. В. Алексѣевъ. (Дешевая библ., №№ 218, 219, 220). Спб. Сцены изъ трагедій Еврипида Троянки. Перев. съ греческ. Ольги Вейсесъ. Москва, 1892 г. О трехъ переводахъ изъ Еврипида г. Алексѣева (*Гипполитъ*, *Ифигенія въ Авлидѣ*, *Ифигенія въ Тавридѣ*) мы уже имѣли случай говорить на страницахъ нашего журнала (октябрь 1890 г., стр. 477 и слѣд.). Вышедшіе съ тѣхъ поръ его переводы трехъ трагедій Еврипида по своимъ качествамъ подобны предыдущимъ. Хотя сдѣланы они прозой и не даютъ никакого представленія о изведеніяхъ великаго греческаго трагика, тѣмъ не менѣе, для ознакомленія публики съ *содержаніемъ* ихъ они являются не бесполезны. Жаль только, что переводчикъ по небрежности ли, или по другимъ причинамъ дѣлаетъ часто ошибки, иногда настолько крупныя, что бросаются въ глаза при чтеніи его перевода даже безъ сличенія

оригиналомъ. Приведемъ хоть два примѣра: Въ *Вакханнахъ* (ст. 1064) вѣстникъ рассказываетъ о томъ, какъ Діонисъ, сопровождавшій Пенеею, чтобы дать возможность ему посмотреть на вакханокъ, пригнулъ высокую ель къ землѣ и посадилъ туда Пенеею. Въ переводѣ (стр. 37) это выражено такъ: „тогда я замѣтилъ, что иностранецъ сдѣлалъ нѣчто удивительное: онъ схватилъ *верхушку* ели и пригнулъ ее къ черной землѣ“. Спрашивается: какъ могъ Діонисъ достать до верхушки дерева, когда онъ былъ въ образѣ простого человѣка? У Еврипида говорится не о вершинѣ ели, а о „краѣ вѣтви, поднимающейся къ небу“: надо полагать, что Діонисъ взялся за нижній край вѣтви и постепенно такимъ образомъ пригибалъ дерево къ землѣ. Въ *Алkestидѣ* (ст. 897) (стр. 34) Адметъ, воротившись съ похоронъ своей жены, говорить у г. Алексѣева безъ смысла: „О безконечная грусть и тоска по усопшимъ дорогимъ для насъ людямъ! Почему помѣшала ты мнѣ броситься въ глубину могилы?...“ На самомъ дѣлѣ послѣдній вопросъ обращенъ къ хору, и надо было сказать: „зачѣмъ помѣшали вы?“

Послѣ переводовъ г. Алексѣева очень пріятно прочесть переводъ *Троянокъ*, сдѣланный Ольгою Вейсъ. Переводъ этотъ стихотворный (діалогъ написанъ правильнымъ александрийскимъ стихомъ, лирическія части разными размѣрами съ римой), читается очень легко и вездѣ передаетъ вѣрно мысль подлинника.

Голубыя сказки. Эдуарда Лабулэ. Изд. Девріена. Спб., 1895 г. Отлично изданный переводъ *Голубыхъ сказокъ* знаменитаго французскаго публициста украшенъ 150-ю рисунками. Не всѣ изъ этихъ сказокъ вполне доступны дѣтямъ (старшаго возраста), но и имъ, и взрослымъ онѣ доставятъ большое удовольствіе. Переводъ хорошъ. Иногда встрѣчаются галлицизмы (напримѣръ: „Приблизившись къ этой развалинѣ, принцу представилось“ и т. д. Переводчикъ мало знакомъ съ исторіей, иначе Жижку онъ не назвалъ бы Цискою (стр. 303). Выходъ въ свѣтъ *Голубыхъ сказокъ* напоминаетъ намъ о *Парижѣ въ Америкѣ* и о *Принцѣ-собачкѣ* того же автора. Было бы полезно, намъ кажется, переиздать эти переводы.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія книжнаго склада П. К. Пряхиншикова.

П. Добротворскій. Большакъ. Его же. Простая душа. Цѣна 2¹/₂ коп. Пила и Сысойка. Ц. 5 коп. Иголка. Ц. 2 к. „Семушкинъ отецъ“ и „Веребочка“. Г. Мопассана. Ц. по 1¹/₂ коп. Некрасова М. Бѣшеный волкъ. Ц. 2¹/₂ коп. Малорусскія сказки. Ц. 2¹/₂ коп. Митя. Ц. 2¹/₂ коп. Е. Некрасова. Больше, чѣмъ родная. Ц. 2¹/₂ к. Денщикъ Канъ. С. Грэндъ. Ц. 2¹/₂ коп. Ея же. Дженни всему дому голова. Ц. 2¹/₂ коп. Андерсенъ. Она никуда не годилась. Ц. 2 коп. Его же. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Ц. 2 коп. Сенкевичъ. Мальчикъ-геркулесъ. Ц. 2¹/₂ коп. Рескинъ. Царь лотой рѣки. Ц. 2¹/₂ коп. Л. Серебряковъ. Кометы и падающія ѣзды. Ц. 8 коп. Янишевскій. О воздухѣ. Ц. 5 к. М. Я. Обезьяна Старога и Новаго Свѣта. Ц. 10 коп. В. Самойлова. Спартакъ. Ц. 7 к. Е. Некрасова. Актеръ Яковлевъ. Ц. 2¹/₂ коп. Простое ово о мудреной наукѣ. Я. Пасынкова. Ц. 24 к. Сперанскій. О рной болѣзни. Ц. 2¹/₂ коп. Золотаревъ. О яблочномъ червѣ. Ц. 2¹/₂ коп. Дмитриевъ. Новое удобреніе. Ц. 2¹/₂ коп. Его же. По-

косы и пастбища. Ц. 2½ коп. На судъ присяжныхъ. Ц. 2½ коп. Народный календарь. Ц. 8 коп. Избр. произведенія русск. поэзіи. Ц. 1 р. 50 коп. О фирмѣ П. К. Прянишникова мы уже имѣли случай говорить, когда давали отчетъ о *Народной библиотекѣ* В. Н. Маракуева. За послѣднее время въ издательской дѣятельности г. Прянишникова произошли большія перемѣны, — надо сказать при этомъ, перемѣны къ лучшему. Прежде эта фирма издавала народные книжки лишь случайно; теперь она принялась за изданіе ихъ весьма серьезно и въ короткое время поставила это дѣло довольно широко: менѣе чѣмъ въ годъ ею издано около 30 книжекъ самаго разнообразнаго содержанія. Въ настоящее время издательство г. Прянишникова нельзя уже смѣшивать съ издательствомъ В. Маракуева: у перваго и особая постановка дѣла, особый взглядъ на него, и особый редакторъ, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, человѣкъ, повидимому, преданный дѣлу и энергичный. Вообще говоря, объ изданіяхъ книжнаго склада г. Прянишникова слѣдуетъ сказать, что они представляютъ собою крупное и пріятное явленіе на рынкѣ народныхъ изданій и заслуживаютъ полнаго вниманія и сочувствія со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы и кого радуютъ успѣхи народной литературы. Народная литература несомнѣнно оживляется, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Читатели *Русской Мысли* знаютъ изъ другихъ отдѣловъ журнала о явленіяхъ, характеризующихъ въ переживаемый нами моментъ жизнь народа. Здѣсь же мы хотимъ лишь обратить вниманіе читателя на то, что задачи и успѣхи народной литературы находятъ свое объясненіе и свой смыслъ именно въ состояніи души и жизни народной, въ экономическихъ, политическихъ и всякихъ иныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена эта послѣдняя. Встрѣчая на рынкѣ народныхъ изданій какого-либо новаго дѣятеля, составителя, издателя или распространителя народныхъ книгъ, прежде всего, необходимо предъявить къ нему запросъ, что именно желаетъ въ данномъ случаѣ въ эту жизнь внести? Не нужно доказывать, что по мѣрѣ того, какъ народная литература дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи, становится все необходимѣе предъявлять къ ней болѣе и болѣе строгія требованія. Въ области народной литературы идетъ, а, быть можетъ, и хорошо, что идетъ, борьба друзей Ормузда съ Ариманомъ. Чтобы принимать въ этой борьбѣ сознательное и плодотворное участіе, нужно имѣть возможно-опредѣленный идеаль. Сплось и рядомъ приходится слышать, что народная литература должна проводить въ жизнь идеалы общечеловѣческіе. Это — очень хорошее слово, но не мѣшаетъ немного вдуматься въ его смыслъ. Этимъ словомъ „общечеловѣческихъ“ обыкновенно называютъ идеалы такіе общіе, отвлеченные, такіе туманные и неопредѣленные, что, право, и не разберешь, что собственно они собою прикрываютъ, такую ли мерзость, которая боится появиться передъ людьми въ своей гадкой наготѣ, или дѣйствительно нѣчто хорошее, „разумное, доброе, вѣчное“; не разберешь, что они принесутъ человѣчеству, — добро или зло. Вѣдь, князь Мещерскій издавалъ *Добро*, и г. Комаровъ распространяетъ *Святъ*, и г. Добродѣе *Сынъ Отечества*. Другіе же, какъ мы видѣли, наивно рекомендуютъ, какую-то панацею, всѣмъ хорошимъ людямъ подставлять лбы всѣмъ худымъ, въ надеждѣ, что отъ такой разумной политики всякое зло приложится само собою. Если и безразличныи человѣкъ будетъ знаменитымъ свойствомъ подставлять лобъ, то 8 шансовъ изъ 10, что онъ не сжжетъ и не захочетъ воздержаться отъ щелчка и меня стукнетъ. Зачѣмъ же ужъ вводить людей въ соблазнъ? При такихъ этическихъ взглядахъ

пожалуй, и волки будутъ нравственнѣе, въ томъ смыслѣ, что надѣлаютъ меньше зла, меньше грѣховъ. Если волки берутъ на себя заботу о чужой душѣ, отчего же и другимъ не позаботиться объ ихъ душахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ—отвѣтъ довольно-таки коренной и въ области народной литературы, и насколько можно судить по вышедшимъ книжкамъ, вопросъ этотъ рѣшается новою фирмой вполне правильно. Ею издано нѣсколько хорошихъ книжекъ, дающихъ и уму читателя кое-какой матеріалъ для разрѣшенія этого вопроса. Въ другихъ книжкахъ мы встрѣчаемъ странички, проникнутыя такою душевною теплотой, любовью къ народу и вѣрой въ него, которыя должны быть занесены въ активъ фирмы. Очень характеренъ для новой фирмы слѣдующій отрывокъ, который мы заимствуемъ изъ ея научно-популярнаго изданія: „Особенно дорога наука тѣмъ, что учитъ человѣка *думать* и *понимать* не только то, что творится кругомъ него въ природѣ, но и то, что дѣлается въ *повседневной* жизни. А понимать это людямъ едва ли не важнѣе и полезнѣе, чѣмъ быть знакомымъ съ главными явленіями природы. Вѣдь, когда люди научатся понимать, какъ слѣдуетъ, свои интересы и будутъ жить въ мирѣ, любви и согласіи другъ съ другомъ, тогда и сама наука будетъ приносить имъ въ тысячу разъ больше пользы, чѣмъ она приноситъ теперь. И я вѣрю, что такое время наступитъ, когда наука широко разовьется въ народѣ и внесетъ съ собою свѣтъ и правду туда, гдѣ царятъ теперь мракъ, произволъ и невѣжество“. Вышедшія книжки даютъ достаточно матеріала, чтобы отнестись къ этимъ довольно общимъ мѣстамъ съ полною симпатіей. Задача народной литературы заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы, облегчая доступъ знанію, наукъ въ самые широкіе круги читающей публики, способствовать развитію *мысли* народной, доводить до ея свѣдѣнія тотъ матеріалъ, котораго ей, въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, недостаетъ. Чтобы эта работа была плодотворна, она должна быть сознательна. Необходимо поэтому намѣтить тѣ *коренныя* заблужденія, на которыя опирается непониманіе окружающей дѣятельности. Намѣтить ихъ помогаетъ *исторія* развитія мысли человѣчества. Эта мысль, въ теченіе исторической жизни, прошла извѣстные этапы. Исторія показываетъ, какіе именно шаги были особенно тяжелы и мучительны. Выборъ матеріала для народныхъ книжекъ долженъ обуславливаться именно изученіемъ этого хода развитія. Составитель народныхъ книжекъ не долженъ забывать основной задачи народной литературы—содѣйствовать міропониманію. Онъ не долженъ увлекаться стремленіемъ сообщить возможно больше знаній,—центр тяжести въ данномъ случаѣ лежитъ именно въ *пониманіи* основныхъ факторовъ всего окружающаго, а не въ количествѣ знаній о немъ. Положеніе земли въ пространствѣ, закономерность въ мірѣ физическихъ явленій, положеніе организмовъ на землѣ, положеніе человѣка среди другихъ организмовъ, вопросъ о критеріумѣ истины, механизмъ психической дѣятельности, вообще отношеніе человѣка къ природѣ и природы къ человѣку, отношеніе индивидуума къ обществу и общества къ индивидууму, основныя потребности человѣка и ихъ способы удовлетворенія, въ обществѣ и *представомъ* общества, что оно даетъ и что можетъ дать,—вотъ *нужныя* изъ основныхъ вопросовъ, на которые и народная литература должна дать своему читателю отвѣтъ. Въ народной литературѣ полезно для успѣха дѣла комбинировать матеріалъ по *вопросамъ*, а не по *тематикѣ*, разсматривать одинъ какой-либо вопросъ съ точки зрѣнія наукъ одновременно, а не какую-либо одну сторону даннаго

цикла явлений, изучаемую такую-то наукой. Такой способ изложения лучше поможет читателю понять жизнь въ ея цѣломъ. Впрочемъ, созданіе такой серіи книжекъ—дѣло будущаго (насколько намъ извѣстно, впрочемъ, самаго близкаго). Возвращаясь теперь къ книгоиздательству г. Прянишникова, отмѣтимъ еще слѣдующія двѣ особенности его: во-первыхъ, оно сумѣло привлечь къ своему дѣлу новыя силы, — силы свѣжія, живыя и подающія надежды на будущее (Янишевскій, Серебряковъ, В. Самойлова, Як. Пасынковъ). Во-вторыхъ, фирма обратила серьезное вниманіе на созданіе литературы научно-популярной. Таковы общія, основныя черты, какія опредѣляютъ въ настоящее время физономію новой фирмы, насколько ихъ можно замѣтить въ 30 вышедшихъ книжкахъ. Теперь дадимъ краткіе отчеты о каждой книжкѣ отдѣльно, указывая при этомъ и промахи издателя, которые, повидимому, объясняются его неопытностью и его горячностью. Наиболѣе богатъ отдѣлъ беллетристики (15 книжекъ). *Большакъ*, рассказъ П. Добровторскаго, очень недурная картинка изъ жизни крестьянской семьи, въ которой роль большака со славой справляетъ 12-ти лѣтній Петруха. *Простая душа* — рассказъ его же. Героиня рассказа — простая, добрая дѣвушка, которая, въ силу стеченія нѣкоторыхъ несчастныхъ обстоятельствъ, дошла до положенія проститутки, но затѣмъ сумѣла выйти изъ него. Рассказъ проникнутъ теплымъ чувствомъ состраданія къ падшимъ и показываетъ, какъ поднимаетъ и падшаго человѣка *человѣчное* отношеніе къ нему. Книжка хорошая и хорошо написанная. *Пила и Сысойка* — сокращенные и отчасти передѣланные извѣстные очерки Ѳ. Рѣшетникова (*Подминовцы*). Какъ всякая передѣлка, оставляетъ желать многого, но, какъ первое произведеніе Ѳ. Рѣшетникова, изданное для народа, заслуживаетъ вниманія. *Июлка* (разск. изъ малорусской жизни) — очень поучительный и остроумный рассказъ изъ польской старины. Дѣйствующія лица — самодуръ, деспотъ и грабитель гетманъ Потоцкій и бѣдный шляхтичъ Кондратовичъ. Этого послѣдняго ограбилъ нѣкій панъ Тредульскій. Кондратовичъ пошелъ жаловаться Потоцкому. Встрѣчаетъ его на дорогѣ. „Кто ты?“ — спрашиваетъ Потоцкій. — „Шляхтичъ, ясновельможный панъ“, — отвѣчаетъ Кондратовичъ. — „А имѣешь иголку?“ — спрашиваетъ вдругъ Потоцкій. — „Нѣтъ? Не имѣешь? Ахъ, негодяй, шалопай! Смотри, — я, графъ Потоцкій, имѣю сто городоръ, а у меня есть иголка, чтобы было чѣмъ зашить, если что разорвется, а ты, лѣнтяй, — у тебя ея нѣтъ. А ну-те, хлопцы, дайте ему взлупку!“ Дали Кондратовичу взлупку. Черезъ нѣсколько времени этотъ послѣдній встрѣтилъ Потоцкаго въ какой-то часовнѣ, куда тотъ приходилъ въ нищенскомъ одѣяніи каяться въ своихъ грѣхахъ, и, сдѣлавъ видъ, что принимаетъ гетмана за нищаго, тоже спросилъ у него, есть ли у него иголка. Когда иголки не оказалось, Кондратовичъ въ свою очередь вздулъ какъ слѣдуетъ и Потоцкаго. „Вотъ батька нашъ гетманъ такъ велѣлъ дураковъ учить!“ Такимъ же способомъ поучилъ, съ помощью иголки, Кондратовичъ и пана Тредульскаго, и у того, и у другого такъ добился правды. И въ примѣру Кондратовича, когда нужно, слѣдовали... Рассказъ написанъ съ юморомъ и не грѣшитъ національнымъ челоѣконенавистничествомъ, которое въ народной книжкѣ не должно быть терпимо. *Мачиха-теркулецъ*, извѣстный рассказъ г. Сенкевича, въ этомъ изданіи нѣсколько сокращенъ. *Семужкинъ отецъ* Г. Мопассана — прекрасный рассказъ, рисующій положеніе незаконнаго ребенка, который знаетъ, кто его отецъ. *Береаочка* — рассказъ того же автора

несправедливыхъ подозрѣній, способныхъ вогнать человѣка въ гробъ). Оба разсказа прелестны и по мысли, и по выполнению. Но переводъ ихъ, сдѣланный Павломъ Ленинымъ, плоховатъ, а шрифтъ и того хуже. *Бѣшеный волкъ*, былъ М. Некрасовой (впервые былъ напечатанъ въ *Чит. Нар. Школы*),—описание въ беллетристической формѣ того вреда, который надѣлалъ людямъ и животнымъ бѣшеный волкъ. Къ книжкѣ приложено описание примѣтъ бѣшеной собаки и исторія пастѣровскаго леченія гидрофобіи. Книжка не безполезна. *Малорусскія сказки*—недурной сборникъ малорусскихъ народныхъ бытовыхъ сказокъ; рисующихъ, главнымъ образомъ, превосходство малорусской женщины сравнительно съ мужчиной. *Митя*, разск. Ч—го (по Диккенсу),—исторія одного добраго и честнаго 9-ти лѣтняго мальчика, который, будучи выброшенъ на улицу изъ воспитательнаго дома, попалъ въ притонъ уличныхъ воровъ и едва выжилъ изъ ихъ компаніи. Разсказъ былъ бы недуренъ, если бы г. Ч—ый не вздумалъ передѣлывать его на русскіе нравы, коснувшись при этомъ, главнымъ образомъ, однѣхъ фамилій. Получилась нѣкоторая нелѣпица (наприм., по русскимъ законамъ, воровъ не вѣшаютъ, а одно изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа приговаривается къ висѣлицѣ). Она нигде не юдилась—сказка Андерсена. Этими словами молва говоритъ объ одной бѣдной, но честной женщинѣ, по профессіи прачкѣ, которая много страдала въ своей жизни, но все же осталась лучше тѣхъ богатыхъ и недоброжелательныхъ людей, которые признавали ее ни къ чему негодной. Сказка выбрана для изданія удачно. Былъ Е. Некрасовой *Больше, чѣмъ родная* и разск. С. Грандъ *Денщикъ Канъ* рисуютъ передъ читателемъ неприглядное положеніе прислуги и проповѣдуютъ человѣчное отношеніе къ ней. Такіе разсказы полезны не столько для народа, сколько для самой „чистой“ публики, которая, какъ извѣстно, до сего времени сохраняетъ крѣпостническія отношенія къ своей прислугѣ. *Дженни всему дѣлу голова*—разск. Грандъ изъ жизни англійскаго рабочаго люда. Молодая дѣвушка Дженни, несмотря на то, что разбита параличомъ, представляетъ изъ себя опору всей семьи и помогаетъ ей больше, чѣмъ благотворительницы-барыни, посѣщающія бѣдняковъ *rouge passer le temps*. *Царь золотой рыбки* Рескина—позтичная легенда, въ основѣ которой лежитъ та мысль, что „вода, въ которой мы отказываемъ страждущему, не можетъ быть чиста, хотя бы ее далъ благочестивый старецъ; всегда свѣтла только вода изъ источника милосердія“. Легенда эта—первое произведеніе знаменитаго англійскаго автора, издаваемое у насъ для народа. Переводъ Л. П. Никифорова весьма хорошъ. *Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ*, сказка Андерсена,—одно изъ слабѣйшихъ произведеній датскаго писателя, малопоэтичное, но полное всевозможной чертовщины, которая въ русской народной книжкѣ должна вызывать лишь отрицательное отношеніе къ себѣ. Напрасно эта сказка введена въ серію изданій почтенной фирмы. Таковъ отдѣлъ беллетристики. Изъ предъидущаго видно, что въ него вошло не мало книжекъ порядочныхъ, но очень мало выдающихся. Это ошибка со стороны издателя. Вѣсто того, чтобъ издавать малозначащія книжки, лучше бы издатель сохранилъ силы и средства на пополненіе другихъ отраслей нашей литературы. Въ настоящее время отдѣлъ беллетристики въ дѣлахъ изданій не такъ ужъ бѣденъ, чтобы предъавлять снисходительныя требованія къ качеству выбираемаго матеріала. Отдѣлъ книжекъ научно-популярныхъ представляетъ собою лучшій отдѣлъ изданій г. Прянишникова. На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь изданія по

естествознанію. Таковы: 1) очень хорошія книжки М. Янишевскаго *О воздухе* (о его химическихъ и физическихъ свойствахъ, о значеніи его въ гигиеническомъ отношеніи, о свѣтовыхъ, звуковыхъ и другихъ явленіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ). Авторъ умѣетъ писать просто и интересно, а мѣстами даже увлекательно. 2) *Кометы и падающія звезды*. Л. Серебрякова—тоже очень хорошая книжка. Авторъ даетъ въ своей книжкѣ не только много интереснаго и, въ области народной литературы, новаго матеріала, но и разъясняетъ основные принципы небесной механики. Изложеніе довольно просто, хотя мѣстами, къ сожалѣнію, и смахиваетъ на учебникъ. 3) *Обезьяны Старая Сетта* и 4) *Обезьяны Новая Сетта* А. Брэма, перекл. М. Н. Я.,—двѣ недурныхъ книжки, трактующія о жизни и нравахъ разныхъ видовъ обезьянъ. Книжки были бы еще лучше, если бы г. М. Я. не такъ вдавался въ описаніе внѣшнихъ признаковъ той или другой породы, предоставивъ эту сторону дѣла рисункамъ, а сообщилъ бы побольше свѣдѣній о жизни обезьянъ и о географіи тѣхъ мѣстностей, гдѣ обезьяны эти живутъ. 5) *Простое слово о мудреной наукѣ*, Я. Пасынкова. Авторъ даетъ въ этой книжкѣ объясненіе основныхъ понятій химіи въ связи съ основными понятіями физики (атомъ, частица, физическія и химическія явленія, вѣчность силы и вещества, горѣніе, свѣтовые и тепловые явленія, соли, кислоты, щелочи, круговоротъ вещества и пр.). Насколько намъ извѣстно, книга г. Пасынкова — на русскомъ языкѣ наиболѣе популярная книга, въ которой разъясняются эти понятія, правда, не всегда съ научною строгостію, которая по возможности желательна и въ народной книжкѣ. Къ сожалѣнію, авторъ избралъ самый архаическій способъ изложенія—разговорный и вмѣстѣ съ химіей ввелъ въ свою книжку цѣлую фабулу: студентъ-медикъ 3-го курса, сынъ крестьянина, пріѣзжаетъ въ деревню послѣ смерти своихъ родителей, чтобы распорядиться своимъ достояніемъ, а также чтобъ устроить столовую. Сами крестьяне просятъ его рассказать о химіи, что тотъ и дѣлаетъ. Все это изложено очень мило, интересно, занимательно; образъ молодого человѣка, желающаго послужить деревнѣ, разумѣется, очень желателенъ и въ народной книжкѣ. Но, соединивъ двѣ несоединимыя вещи, авторъ только испортилъ дѣло. Изъ отдѣла исторіи и біографіи издано пока двѣ книжки, во-первыхъ, очень хорошая историческая повѣсть, изложенная г-жею Самойловой, *Спартакъ* (по роману Джіованіолли). Составительница прекрасно воспользовалась историческимъ матеріаломъ и съумѣла сдѣлать книжку интересною, увлекательною и чуждою отступленій отъ исторической правды ради беллетристическихъ эффектовъ. Образъ Спартака настолько рельефенъ, что книжкой удовлетворится не только тотъ, кто не читалъ романа Джіованіолли (изъ котораго всѣ романтическіе вымыслы выброшены). Желательно, чтобы г-жа В. Самойлова обратила свое вниманіе и на другіе историческіе романы, находящіе не мало читателей въ народной средѣ*). Біографія актера-самоучки А. С. Яковлева, составленная г-жею Некрасовой, въ народной литературѣ не новинка. Г-жа Некрасова составляетъ народныя книжки не дурно, но темы для нихъ беретъ малоинтересныя. Желательно, чтобъ она дала намъ рядъ біографій лучшихъ людей челоѣвѣческихъ борцовъ за свободу мысли, совѣсти и личности,—борцовъ, о которъ

*) Списокъ этихъ романовъ былъ помѣщенъ нами въ одной изъ книжекъ ную *Вѣстника*;

нашъ народъ знаетъ столько же, сколько о разныхъ дѣвицахъ Дуровыхъ, Яковлевыхъ и т. п., но о которыхъ ему надлежитъ знать. Отдѣлъ прикладныхъ знаній содержитъ, во-первыхъ, очень недурныя книжки Н. С. Сперанскаго (ординатора Мясницкой городской больницы) *О дурной болѣзни* и А. Золотарева *Что нужно дѣлать въ садахъ, чтобы не было червивыхъ яблокъ*. Обѣ книжки составлены съ полнымъ знаніемъ дѣла и написаны хорошимъ языкомъ. Что касается книжекъ „агронома-арендатора“ г. Дмитріева (*Покосы, пастбища и квашенные корма для скота* и *Новое удобрѣніе для неурожайныхъ земель*), то онѣ возбуждаютъ сомнѣніе, какъ и другія произведенія этого агронома. Дѣло въ томъ, что г. Дмитріевъ такъ доволенъ своимъ арендаторскимъ положеніемъ, что постоянно проповѣдуетъ объ обращеніи въ таковое же положеніе всѣхъ русскіихъ крестьянъ. Ему кажется недостаточнымъ, что въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи крестьяне арендуютъ болѣе 11 милліоновъ десятинъ, что платятъ за это землевладѣльцамъ болѣе 70 милліоновъ рублей въ годъ, г. Дмитріевъ желаетъ, чтобы русскіе помѣщики, всему свѣту извѣстные высокимъ уровнемъ своихъ агрономическихъ знаній, отдавали крестьянамъ въ аренду свою землю подъ условіемъ „хорошей обработки земли, достаточнаго ей удобренія, своевременнаго посѣва“ и проч. (стр. 46). „Кромѣ того, помѣщикъ долженъ выговорить себѣ право *присмотра за точнымъ выполненіемъ условій*, поставленныхъ въ его договорѣ съ арендаторами“ (стр. 76). И тутъ же г. Дмитріевъ ссылается, что вотъ г. Стебутъ такъ дѣлаетъ. Ахъ, г. Дмитріевъ, г. Дмитріевъ! Много ли у насъ Стебутовъ, и мало ли у насъ земскихъ начальниковъ, чающихъ движенія дореформенной воды? Появленіе такихъ книжекъ въ серіи изданій г. Прянишникова можно объяснить только неопытностью редактора. Отдѣлъ справочныхъ и юридическихъ знаній состоитъ пока изъ двухъ книжекъ. Книжка г. Хавскаго *На судѣ присяжныхъ* представляетъ собою популярное изложеніе законовъ объ уголовномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ виду скудости нашей популярной юридической литературы, книжечка эта не бесполезна. Жаль только, что о сущности и значеніи суда присяжныхъ, о томъ, насколько эти послѣдніе, по современному русскому законодательству, представляютъ собою дѣйствительно голосъ общественной совѣсти,—обо всемъ этомъ г. Хавскій не сказалъ ни слова. Составитель народныхъ книжекъ долженъ пользоваться всякимъ случаемъ для проведенія здравыхъ юридическихъ понятій въ жизнь. Что касается *Народнаго календаря* на 1895 годъ, то опредѣленной фizioноміи онъ не представляетъ. Большая часть его занята статейками по сельскому хозяйству. Но въ этотъ календарь вошелъ очень полезный списокъ лучшихъ изданій для народа, съ указаніемъ ихъ цѣнъ (къ сожалѣнію, въ списокъ приведены не полныя заглавія книгъ, а издатели ихъ совсѣмъ не указаны).

Изъ предъидущаго видно, что новая издательская фирма дебютировала довольно удачно. Пожелаемъ ей успѣха и на будущее время, чтобы она и впредъ привлекала къ народной литературѣ живыя, свѣтлыя силы, не боящіяся не только работы, но и борьбы.

Въ заключеніе обратимъ еще вниманіе читателей на сборникъ *Избранныхъ произведеній русской поэзіи*, изящно изданный тою же фирмой (большой томъ, 472 стр., ц. 1 р. 50 к.) и составленный г. Бонч-бруевичемъ. Достоинство этого сборника заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что составитель сумѣлъ подобрать въ немъ цѣлый

рядъ душевныхъ, а, главное, бодрящихъ стихотвореній, которыя въ наше время декадентства и нытья, быть можетъ, особенно полезны.

Вѣщность изданій г. Прянишникова, за нѣкоторыми исключеніями, вполне удовлетворительна, если не считать плохой корректуры. Цѣна весьма невысокая (2½ коп. за печатный листъ).

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русскій Вѣстникъ“, апрѣль—іюнь.—„Сѣверный Вѣстникъ“, іюнь.—„Русское Богатство“, май.—„Дѣтское Чтеніе“, кн. I—V.—„Игрушечка“, кн. I—V.

Въ одномъ изъ нашихъ обзорѣй, на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній или, вѣрнѣе сказать, на основаніи нѣкоторыхъ намековъ, мы говорили о появленіи въ нашей жизни „новыхъ“ практическихъ консерваторовъ и пытались опредѣлить характерныя черты этого типа своего рода „новыхъ людей“. Къ сожалѣнію, тѣ признаки, на основаніи которыхъ намъ приходилось дѣлать такое опредѣленіе, были настолько случайны и отрывочны, что наша характеристика типа „новаго консерватора“ вышла по необходимости блѣдной и, можетъ быть, не вполне ясною. Изображеніе новыхъ типовъ, появившихся въ обществѣ, обыкновенно выпадаетъ на долю беллетристики, и критику-публицисту предоставляется только развитіе характерныхъ чертъ типа и указаніе того значенія, которое самъ типъ имѣетъ въ общественномъ движеніи. Но не всегда такъ бываетъ. Очень часто беллетристика проглядываетъ появленіе новыхъ типовъ и возсоздаетъ ихъ только тогда, когда они уже достигли въ обществѣ своего полного развитія и сыграли въ жизни опредѣленную роль. Въ этомъ случаѣ публицисту, какъ отмѣтчику происходящихъ въ жизни явленій, приходится ограничиться указаніемъ на тѣ или другія отрывочныя черты появившагося типа и попытаться установить между нимъ и другими жизненными явленіями ту или иную причинную связь. Это мы и пытались сдѣлать, говоря о „новыхъ“ консерваторахъ. Мы указывали, что этотъ типъ выросъ на почвѣ общественной безпринципности, шатанія мысли и полной и искренней разочарованности въ принципахъ и теоріяхъ вообще. Люди этого типа, обыкновенно по недоразумѣнію, декламируютъ противъ принциповъ извѣстнаго рода, въ данномъ случаѣ—либеральныхъ, признаваемыхъ ими „шаблонными“ и „деспотическими“. Но дѣло-то въ томъ, что они боятся принципа вообще, и всякую теорію, всякій принципъ признаютъ если не утопій, то шаблономъ. Принципы консервативные для нихъ столь же непріятны, какъ и принципы либеральные. Они—практики и оппортунисты *par excellence*. Къ нимъ можно примѣнить извѣстное изреченіе Гамбетты, нѣсколько перифразируя его: не существуетъ никакого единого, кардинальнаго общественнаго вопроса, обуславливающего собой всѣ другіе, и существуетъ множество общественныхъ вопросовъ, каждый изъ которыхъ долженъ рѣшаться сообразно здравому смыслу и въ направленіи общаго блага. Мы намѣренно указываемъ ихъ желаніе рѣшать вопросы въ направленіи общаго блага: дѣлаемъ, что они, несомнѣнно, искренни, несомнѣнно, благонамѣренны, способны учиться у жизни; ихъ мысль работаетъ тяжело, неуклюже, нелогично, но, тѣмъ не менѣе, работаетъ. Всѣ эти качества кладутъ непроходимую пропасть между такими „новыми“ консерваторами и старымъ консерватизмомъ, насквозь переполненнымъ чловѣкоугодіемъ, чловѣконенавистничествомъ и фальшью. Съ другой стороны, эт-

качества въ нѣкоторой степени сближаютъ нашихъ новыхъ консерваторовъ (въ смыслѣ психологическомъ) съ европейскими. Во всякомъ случаѣ, появленіе такого направленія въ жизни и въ печати слѣдуетъ признать явленіемъ прогрессивнымъ. Правда, эти „люди здраваго смысла“ отнюдь не обладаютъ какими-либо творческими силами, но за то они не являются разрушителями всего созданнаго и пріобрѣтеннаго обществомъ, какими были всегда наши консерваторы. Въ самомъ дѣлѣ, что такое европейскій консерваторъ, какъ не охранитель остатковъ далекаго прошлаго, и діаметрально-противуположныхъ этому прошлому пріобрѣтений новаго времени? Напримѣръ, теперешній премьеръ Англіи, Салисбюри, съ отчаяніемъ въ душѣ и съ искреннимъ порывомъ, умолялъ палату „не дѣлать скачка въ неизвѣстное“, т.-е. не производить избирательной реформы, и даже разошелся съ своимъ шефомъ, Дизраэли, а когда эта реформа была принята и никакихъ особенныхъ бѣдствій отъ сего не произошло, онъ столь же искренне охраняетъ принятый палатами законъ, какъ и средневѣковыя учрежденія Англіи. Ему рѣшительно нѣтъ дѣла до того, что принципы этой реформы, доведенные до своего логическаго конца, являются разрушительными для всѣхъ остатковъ средневѣковья: для него важны не принципы, а практика жизни. Нѣчто подобное совершается теперь и въ рядахъ нашихъ консерваторовъ какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, и эта эволюція доказываетъ, что общественное сознание усвоило себѣ, и усвоило прочно и неотъемлемо, многое изъ того, что было сдѣлано въ эпоху реформъ. Въ самомъ дѣлѣ, челоуѣконенавистничество и челоуѣкояденіе, пригодныя для разрушенія, не составляютъ, однако, столь прочной основы, чтобы они могли долго владѣть даже среди небольшой группы людей. Въ силу условій нашего быта, борьба, веденная консерваторами, не могла быть борьбою общественной въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Она была только закулисной и, въ лучшемъ случаѣ, чисто-литературной. Трудно представить себѣ, чтобы люди, чувствующие какую-либо отвѣтственность, могли желать, напримѣръ, безграмотности населенія; трудно потому, что эта безграмотность сказывается тысячами явленій, до крайности невыгодныхъ, прежде всего, для самихъ отвѣтственныхъ людей. Выходъ изъ такого положенія былъ неизбеженъ, и новые консерваторы попытались найти этотъ принципъ, отринувъ всяческіе принципы, или, какъ они выражаются, всяческіе „шаблоны“.

Приведемъ нѣкоторые примѣры, предупреждая, однако, читателя, что эти примѣры не охватываютъ явленія во всей его полнотѣ и являются только отрывочными чертами довольно сильнаго, но не опредѣлившагося еще теченія. Въ томъ нашемъ обзорѣ, на которое мы теперь ссылаемся, мы говорили, что представителемъ этого теченія въ нашей журналистикѣ можетъ служить *Русскій Вѣстникъ*. Уже и раньше въ немъ замѣчалось стремленіе выразить это новое жизненное направленіе, а съ переходомъ журнала къ товариществу „Общественная Польза“ это стремленіе сдѣлалось совершенно яснымъ. Несомнѣнно, что тутъ важную роль сыграли и традиции товарищества-издателя, на что довольно недвусмысленно указывается и въ самомъ журналѣ. „Дѣятельность товарищества „Общественная Польза“ была вызвана тѣмъ *подъ дугой* всей грамотной Россіи въ началѣ царствованія Александра II, который выразился призывомъ народа къ просвѣщенію... Въ эту памятную эпоху не однихъ только государственныхъ преобразований нововведеній всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы вывести

Россію изъ „застоя“... Явилась настоящая потребность въ изученіи общественныхъ наукъ... и быстро возникъ спросъ на переводы популярныхъ сочиненій... Для удовлетворенія спроса на такія изданія и образовалось... товарищество „Общественная Польза“. Но... широко развившаяся было въ этомъ направленіи дѣятельность товарищества внезапно оборвалась. Главною причиною остановки роста и благосостоянія предпріятія явился крутой, неожиданный поворотъ въ общей системѣ образованія въ Россіи. Книжная торговля товарищества упала, а вмѣстѣ съ нею должна была сократиться и его издательская дѣятельность“. Какъ видите, традиции у товарищества „Общественная Польза“ достаточно внушительны, и онѣ до извѣстной степени обязываютъ. Но, конечно, дѣло не столько въ традиціяхъ, сколько въ наярѣвшейся потребности довольно значительной группы людей найти отраженіе для своего настроенія въ какомъ-нибудь органѣ печати. Понятно, что *Русскій Вѣстникъ* получаетъ теперь въ нашей журналистикѣ нѣкоторое значеніе, и читатель не постѣуетъ на насъ, если мы будемъ отмѣчать нѣкоторыя черты этого, совершенно новаго въ нашемъ консерватизмѣ, настроенія.

Остановимся, наприм., на статьѣ редакціи журнала по поводу книги Л. Тихомирова *Конституціоналисты въ эпоху 1881 года*. Рецензія безспорно ядовитая: „Свои обличенія сокровенныхъ для русской публики сторонъ конституціоннаго движенія,— замѣчаетъ рецензентъ,— авторъ черпаетъ изъ литературныхъ источниковъ заграничнаго изданія и придаетъ вѣру даже женевскому *Общему Дѣлу*. Поэтому многое остается ему совершенно неизвѣстнымъ, какъ, наприм., все дѣло о двухъ конституціонныхъ проектахъ, обсуждавшихся зимой 1879—80 гг., и многое представляется въ ложномъ свѣтѣ, какъ либеральная лига и „земскій союзъ“. Къ словамъ Л. Тихомирова: „то, что конституціонизмъ называетъ непосредственнымъ общеніемъ царя съ народомъ, есть именно замѣна непосредственнаго общенія посредственнымъ“,— рецензентъ прибавляетъ маленький вопросъ: „Онъ ли?“ (т.-е. конституціонализмъ). На утвержденіе Л. Тихомирова, что „если бы интеллигенція стала играть роль представительства якобы народной воли, то дѣло монархіи и народа было бы кончено“,— рецензентъ замѣчаетъ: „почему же воли, а не мысли и желанія?“ Все это, можетъ быть, и не весьма вразумительно, но, тѣмъ не менѣе, за такія замѣчанія консерваторы стараго типа имѣютъ полное основаніе предать почтенный журналъ анафемѣ.

Гораздо важнѣе и любопытнѣе отношеніе журнала къ текущимъ общественнымъ вопросамъ, напримѣръ, къ вопросу о грамотности народа. Къ чести *Русскаго Вѣстника* слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не являлся проповѣдникомъ безграмотности; но, тѣмъ не менѣе, читатель не забылъ, конечно, какъ та группа людей, представителей которой былъ когда-то и этотъ журналъ, пыталась раздуть противорѣчіе, якобы существующее между земскими и церковно-приходскими школами, и какимъ нападкампъ подвергались первыя изъ нихъ. Прочтите же теперь разсужденія журнала по этому вопросу:

„Странно слушать толки и споры праздныхъ людей о пользѣ чуждаго обученія и возбуждаемая ими въ печати сомнѣнія на эѣ счетъ, изъ приверженности, будто бы, къ воспитанію народа въ христіанской нравственности. Поистинѣ не вѣдаютъ, что творять и предлагающіе затруднить доступъ къ книгѣ православному русскому ловѣку, когда и кочевой инородецъ стремится къ обученію грамотѣ. Минувало, и безвозвратно, то время, когда надо было прохочина“

наукѣ разными соблазнами. Мы живемъ въ эпоху, когда юноша, не прошедшій школы, слыветъ въ обществѣ такимъ же неудачникомъ, изгоемъ, какимъ былъ встарину „поповъ сынъ, аще грамотѣ не умѣетъ“. Теперь никакіе соблазны и льготы не нужны, ихъ никто не требуетъ, просятъ только училищъ. Въ нихъ идутъ сами, устремляются толпами, и дѣти ждутъ не дождутся, пока откроется гдѣ-нибудь мѣсто на школьной скамьѣ. При такихъ условіяхъ правительство становится совсѣмъ въ иныя, противъ прежняго, отношенія къ дѣлу народнаго образованія. Въмѣсто всякихъ поощреній, его заботы сводятся къ разнуженію и дѣлсообразному устройству школъ. Его задачею, прямою обязанностью, является удовлетвореніе насущной народной потребности, уже готовому спросу на начальное образованіе. Остается, слѣдовательно, примѣниться къ этому спросу. На первый планъ выступаютъ не системы, которыми такъ любятъ заниматься въ нашихъ канцеляріяхъ, и не программы, кажется, уже достаточно разработанныя, а средства, и, главнымъ образомъ, средства матеріальныя. Давайте деньги, а все остальное приложится. Только надо рѣшить разъ навсегда, что грамотность не есть дѣло мѣстное; грамотность—дѣло всенародное, а потому и государственное. Заинтересованнымъ въ грамотности является все населеніе поголовно и все правительство въ полномъ составѣ. Коль скоро же грамотность признается дѣломъ государственнымъ, то и вопросъ о средствахъ разрѣшается довольно просто. Средства не ставятся болѣе въ зависимость отъ мѣстныхъ условій, а опредѣляются степенью состоятельности всего государства, его казны, и было бы удивительно, еслибъ оказалось невозможнымъ изъ государственнаго бюджета свыше 1,200 милл. удѣлять необходимыя средства на обученіе грамотѣ дѣтей плательщиковъ налоговъ,—другими словами, на отправленіе такой государственной функціи, безъ которой непонятнымъ становится въ концѣ XIX вѣка самый смыслъ существованія государственнаго общегитія“.

Въ этомъ разсужденіи почтеннаго журнала для насъ въ особенности интересенъ самый методъ его. Авторъ исходитъ изъ соображеній чисто-практическаго свойства, — изъ соображеній о потребности, спросѣ, о государственной выгодѣ, объ общественной пользѣ, а отнюдь не изъ абстрактнаго принципа о правѣ личности на возможно широкое развитіе ея умственныхъ способностей.

Съ той же чисто-практической точки зрѣнія журналъ смотритъ и на вопросъ о свободѣ печати и о цензурѣ, и въ этомъ отношеніи его разсужденія отличаются значительною оригинальностью. Въ дѣлѣ печати,—говоритъ онъ,—„матеріальныя издательскіе интересы близко соприкасаются съ духовными интересами общества, съ его политическою жизнью и значеніемъ въ ходѣ государственной машины. Независимость печати тѣсно обусловлена соотвѣтственною промысловую свободой; но промышленность и торговля сторонятся отъ дѣлъ съ крайне неопредѣленнымъ будущимъ, не обезпечивающихъ даже увѣренности въ завтрашнѣе днѣ. Коль скоро печать развивается на почвѣ частной предпріимости и становится промышленнымъ предпріятіемъ, она требуетъ та же охраны закономъ капитала и труда, какъ и всякое другое мышленное предпріятіе. Иначе всякое періодическое изданіе, даже ие печатное сочиненіе будутъ явленіями болѣе или менѣе случайными, а такое положеніе вещей угнетаетъ не только типографскій пролетъ, но и авторское творчество. Очевидно, что цензурныя стѣсны, еще болѣе, запрещенія помимо цензуры, неизбежно порождаютъ

казенныя субсидіи печати въ томъ или другомъ видѣ, дѣлають ихъ до нѣкоторой степени даже обязательными. Устанавливается „покровительственная система“ въ области творчества духа, т.-е. тамъ, гдѣ требуется наибольшій просторъ, полная независимость или свобода отъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей. Трудно подыскать большее противорѣчіе, нежели то, которое существуетъ между предоставленіемъ печати частной предпримчивости и ея цензурными и вѣдцензурными ограниченіями. Этого можно не признавать открыто, но нельзя не сознавать, особенно въ наше время, когда явно замѣчается упадокъ литературнаго творчества“.

Довольно любопытны и характерны для описываемаго нами настроенія разсужденія *Русскаго Вѣстника* по поводу такъ называемаго „государственнаго социализма“. Въ качествѣ представителя „здраваго смысла“, отвергающаго всякіе „шаблоны“, онъ начинаетъ съ того, съ чего когда-то начала школа либеральныхъ экономистовъ, т.-е. съ полного и откровеннаго фронтредерства и, опять-таки, на основаніи чисто-практическихъ соображеній. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что когда въ Европѣ зашла рѣчь о государственныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, то среди многихъ группъ социалистической партіи было возбуждено сомнѣніе, не увеличитъ ли значительно силы буржуазнаго государства переходъ въ его руки крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Въ данную минуту насъ совершенно не интересуетъ вопросъ, какъ было разрѣшено теоретически это сомнѣніе; но любопытно то обстоятельство, что наши новые консерваторы стали въ этомъ вопросѣ на совершенно ту же точку зрѣнія, само собою разумѣется, съ соотвѣстственными обстоятельствамъ измѣненіями. Понятно, что они не могутъ говорить объ усиленіи власти буржуазнаго государства; понятно также, что они, въ качествѣ консерваторовъ, не могутъ бояться усиленія власти государства вообще; но за то они боятся усиленія и упроченія бюрократическаго канцелярскаго режима. „Весьма вѣроятно,—разсуждаютъ они,—что городское управленіе обставитъ и поведетъ нѣкоторые изъ доходныхъ предпріятій не хуже разныхъ товариществъ на паяхъ. Но, извлекая даже милліоны изъ такихъ предпріятій, оно никакой пользы населенію не принесетъ. Повторится только исторія перехода желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе казны: не уменьшатся ни налоги, ни дороговизна жизни, являющаяся всегдашнимъ спутникомъ всякихъ монополій... Иное дѣло, когда государство, земство или городъ берутся за какое-нибудь предпріятіе не ради извлеченія изъ него выгодъ, но съ единственною цѣлью доставить населенію большія удобства при наименьшихъ съ его стороны затратахъ... Но тогда и рѣчи не будетъ объ увеличеніи самостоятельности *доходовъ* государства, земства или города... Гдѣ только исчезаетъ свобода промысла и водворяется монополія, хотя бы и казенная, потребителю приходится чесать себѣ затылокъ... Если же къ казенному хозяйству присоединяется еще бюрократическій порядокъ счетоводства и отчетности... то рациональное веденіе дѣла становится совершенно невозможнымъ. Мы полагаемъ поэтому, что всякое разсужденіе программы государственнаго социализма было бы для нашего чества величайшимъ бѣдствіемъ. Слишкомъ довольно уже и того сдѣлано“.

Довольно, однако, выписокъ. Мы полагаемъ, что и сдѣланныхъ совершенно достаточно для убѣжденія читателя въ томъ, что въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ представляемой имъ, довольно многочисленной, группѣ консерваторовъ происходитъ очень любопытная эволюція, которую

не можемъ не приветствовать, какъ признакъ пробудившагося сознания въ довольно широкихъ общественныхъ слояхъ. Правда, что „здравый смыслъ“, не сопровождаемый и не руководимый какими-либо основными принципами, не всегда является надежнымъ руководителемъ чловѣческихъ дѣйствій, и, тѣмъ не менѣе, при несомнѣнномъ присутствіи искренности и желанія думать, онъ открываетъ путь если не къ соглашенію, то къ безпристрастному обсужденію вопроса и ко взаимному уваженію, т.-е. къ такимъ явленіямъ, безъ которыхъ немыслимо правильное развитіе печати, какъ общественной силы.

О беллетристикѣ *Русскаго Вѣстника* сказать совершенно нечего. Она скучна, длинна, чинна, хотя и не правоучительна. Можно отмѣтить развѣ то обстоятельство, что въ ней совершенно отсутствуетъ,—и, будемъ надѣяться, навсегда,—та погоня за такъ называемою „красою“ и обличеніе ея, которыми такъ преизобиловала беллетристика прежняго *Русскаго Вѣстника*. Во всякомъ случаѣ, и это—признакъ, имѣющій нѣкоторое практическое значеніе. Впрочемъ, изъ всѣхъ водянистыхъ беллетристическихъ произведеній *Русскаго Вѣстника* мы можемъ, до нѣкоторой степени, выдѣлить повѣсть г-жи Качуриной *Увлеченіе*. Авторъ, вѣроятно, начинающій беллетристъ, и его произведеніе переполнено всякими неуклюжестями. Но сюжетъ повѣсти,—запоздалая любовь женщины, пожертвовавшей всею своею жизнью долгу и любви къ дѣтямъ, вышедшей замужъ за чловѣка пошлаго и низменнаго не изъ любви къ нему, а изъ сожалѣнія къ его осиротѣвшей дочкѣ,—достаточно трогателенъ. Есть нѣкоторыя недурныя сцены. Сцена отреченія героини отъ своего запоздалаго чувства,—не въ силу какихъ-либо предразсудковъ и боязни общественнаго мнѣнія и, тѣмъ менѣе, въ силу какихъ-нибудь матеріальныхъ соображеній, а въ силу долга къ тѣмъ же дѣтямъ и къ самому любимому чловѣку, который моложе ея чуть не вдвое,—написана съ значительнымъ пафосомъ. Фигура этой женщины является передъ читателемъ совершенно живою, а не дѣланною, какъ это обыкновенно бываетъ въ правоучительныхъ романахъ. Съ горькимъ и чисто-чловѣческимъ стономъ: „Господи! Помню, что блаженство уготовано для претерпѣвшихъ; но я никогда не знала сладости объятій любимаго“,—прощается бѣдная женщина съ единственнымъ лучомъ, блеснувшимъ въ ея безотраднѣйшей жизни. То обстоятельство, что г-жа Качурина сѣмѣла очень немногими штрихами обрисовать жизненно нѣкоторыя второстепенныя лица, вроде Схоластыки и эконома, шляхтича Шуки,—доказываетъ, что у автора есть нѣкоторые признаки беллетристическаго таланта; только автору слѣдовало бы поработать надъ своимъ языкомъ, черезъ-чуръ шероховатымъ и неуклюжимъ.

Изъ статей разбираемыхъ книгъ *Русскаго Вѣстника* укажемъ на очень серьезное изслѣдованіе г. Дубровина *Наполеонъ I въ современномъ ему русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ*. Намъ кажется только, что почтенный академикъ совершенно напрасно приписываетъ интригамъ Бонапарта существовавшее тогда въ народныхъ массахъ „мутное и темное непатріотическое теченіе“. Для объясненія того теченія совершенно достаточно тѣхъ внутреннихъ порядковъ, горько съ такою яркостью изображаетъ г. Дубровинъ, а порядки были, вѣстительно, ужасные: по свидѣтельству Карамзина, большая часть іернаторовъ были люди безъ способностей или грабители. „Губернаторы,—писалъ сенаторъ Ключаревъ,—съ намѣреніемъ возбуждаютъ домы, сами дѣлаются доносителями для пристрастныхъ пользъ и хладно-

кровно тѣснить несчастныхъ“. Если уголовная палата рѣшала дѣло не по желанію губернатора, то онъ, не стѣняясь, приказывалъ перерѣшить его. Честные дворяне уклонялись отъ выбора въ судьи и исправники, зная, что они должны платить подати губернаторамъ и другимъ, а для этого—обирать народъ. Помѣщики Рязанской и Тамбовской губерній, „забывъ священный долгъ свой и правила чести“, отправляли на Урюпинскую ярмарку крестьянъ и крестьянокъ и продавали ихъ поодиночкѣ „подобно беззловеснымъ скотамъ“. Самоволіе губернаторовъ было страшное. Напримѣръ, кіевскій губернаторъ Фенъшъ, не докладывая вышему правительству, поставилъ и открылъ памятникъ св. Владиміру. Калужскій губернаторъ Лопухинъ ѣздилъ въ губернскомъ правленіи верхомъ на раздьяконѣ, присланномъ къ нему архіереємъ, и при этомъ приговаривалъ разныя прибаутки и неприличныя слова. Не лучше были и „царскія очи“, прокуроры. Курскій прокуроръ изнурялъ колодниковъ, заставляя строить домъ, и не платилъ имъ денегъ; никогда не платилъ прогоновъ; по неудовольствію на дворянъ заключалъ ихъ въ тюрьму и, наконецъ, произвелъ своего выѣзднаго лакея въ чиновники. Для характеристики господствовавшего тогда фаворитизма очень интересно рекомендательное письмо Архарова къ одному своему пріятелю объ одномъ недорослѣ: „Онъ (рекомендуемый недоросль) большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою на моемъ дуракѣ, запиши его въ канцелярію и при случаѣ не оставь наградить чиномъ или двумя, если захочешь,—мы на это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стѣитъ, да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей“. Понятно, что при подобныхъ порядкахъ люди томились въ тюрьмахъ по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ. Понятно также, что, несмотря на строгое запрещеніе пытокъ, онѣ примѣнялись повсемѣстно. Одному мѣщанину, Яковлеву, подозрѣвавшемуся въ поджогѣ, „переодѣтые люди въ неосвѣщенномъ мѣстѣ стянули руки за спину, связали ноги, трясали и давили его и такимъ терзаніемъ вынудили признаніе“. Потомъ Яковлевъ отрекся отъ этого признанія, какъ вынужденнаго, и, тѣмъ не менѣе, былъ преданъ суду городского магистрата, гдѣ его опять пытали, и приговоренъ къ наказанію кнутомъ. Во время казни несчастный, при каждомъ ударѣ, повторялъ, что онъ невиненъ, и съ этими словами испустилъ духъ. Не удивительно, что Витовтовъ писалъ государю, что *подъ игомъ полиціи стонетъ все въ юсударствѣ*; не удивительно, что въ одномъ уличномъ листкѣ того времени попадаетъ такая страшная фраза: *терпѣніе скоро лопнетъ*; не удивительно, что кто-то, подъ псевдонимомъ Чистоправдина, писалъ Ростопчину: „Кабы я, батюшка, Сила Андреевичъ, былъ на твоёмъ мѣстѣ, я бы передъ надежей-государемъ все вывелъ на свѣжую воду. Написалъ бы ему такую грамотку, чтобъ онъ погодилъ управляться съ некрещеными басурманами, а поуправился бы съ крещеными. Вѣдь, и мы люди: терпи, терпи, и камень треснетъ. Мы больше всѣхъ трудимся, всѣхъ поимъ и кормимъ, насъ же считаютъ хуже собакъ. Умилосердись, кормилецъ! Вступись за насъ, грѣшныя. Доложи о насъ государю, что, коли мы будемъ разорены въ концы то и матушкѣ-Руси не видать добра“. Не удивительно, что и въ всякихъ интригахъ Наполеона въ народной массѣ распространялись патріотическія теченія. Въ 1806 г. крѣпостной человекъ Спировъ салъ отцу: „Честъ имѣю увѣдомить, что я въ скоромъ времени рѣдаю видѣться съ вами черезъ посредство войны. Кажется, что ч

въ Россіи будетъ вся несправедливость опровергнута". На допросѣ Спировъ показалъ, что писалъ подъ вліяніемъ слуховъ, что французы покорятъ Россію, и тогда всѣ будутъ вольными. Крестьянинъ Лифляндской губерніи Янгъ на допросѣ показывалъ слѣдующее: „Какъ скоро французы прайдутъ къ намъ, то мы, крестьяне, будемъ люди вольные и для своего спокойствія должны бить до-смерти всѣхъ нѣмцевъ, большихъ и малыхъ. Избѣненіе нѣмцевъ удобно произведено быть можетъ, ибо пришло настоящее для того время. Мы, крестьяне, должны спокойно подвергнуться набору въ земскую милицію. Теперь сами нѣмцы соберутъ насъ и дадутъ намъ все, что нужно для ихъ истребленія. Кто тогда возстанетъ противъ крестьянъ, когда столько тысячъ чело-вѣкъ соберется ихъ вмѣстѣ?“

Когда читаешь такія документальныя данныя о дореформенной Россіи, съ невольною отрадой мысль обращается къ воспоминаніямъ о великой эпохѣ реформъ, и какъ отвратительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, комично звучить призывъ нашихъ консерваторовъ: „домой“!

Въ разбираемой книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника* очень любопытны нѣкоторыя признанія г. Прозорова по поводу людей 80-хъ годовъ. Еще такъ недавно на страницахъ почтеннаго журнала раздавались яростные вопли по адресу писателей предшествующаго періода: „прочъ съ дороги, очистите мѣсто, мы несемъ новое слово!“ Еще такъ недавно „восьмидесятники“ *Сѣвернаго Вѣстника* провозглашали всенародно о присутствіи у нихъ какихъ-то „новыхъ мозговыхъ линій“, — и вдругъ такой оборотъ! Ближайшій сотрудникъ журнала и членъ редакціи произноситъ слѣдующія, роковыя для восьмидесятниковъ, слова: „Мы говоримъ о людяхъ двадцатыхъ, сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и связываемъ съ этими поколѣніями опредѣленные, характерные и, притомъ, симпатичные типы. Будетъ ли то же съ людьми восьмидесятыхъ годовъ? Возможно ли будетъ указать у нихъ ту живую ответственность съ людьми шестидесятыхъ годовъ, какую послѣдніе имѣли или имѣютъ съ людьми сороковыхъ годовъ? Это была идея движенія, которая до нѣкоторой степени и собирала, соединяла людей. *Поколѣніе же 80-хъ годовъ воспиталось среди разброда мысли въ разныя стороны*“. Какъ хотите, такое признаніе весьма неожиданно со стороны сотрудника *Сѣвернаго Вѣстника*, и несомнѣнно, что оно представляетъ большой афронтъ для г. Волинскаго и его присныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія ужъ тутъ „новыя мозговыя линіи“, какія ужъ тутъ „новыя слова“, когда „поколѣніе воспиталось среди разброда мысли“? Правда, г. Прозоровъ, въ дальнѣйшемъ разсужденіи, пытается ослабить значеніе своего признанія: новые люди, изволите ли видѣть, — люди молодые, еще не исполнившіе отвѣтственной задачи каждаго поколѣнія; потому-то они такъ ясно и видятъ слабости и ошибки отцовъ, и иногда впадаютъ въ ошибку, относя къ ущербу самой идеи отцовъ ихъ неуспѣхъ; но отживающее поколѣніе впадетъ въ еще худшую ошибку: у молодыхъ своихъ замѣстителей оно видитъ только отрицаніе идей людей, сходящихся съ сцены, покушеніе на какой-то переворотъ во имя идей, еще не достаточно опредѣлившихся“. Трудно понять, что именно хочетъ сказать Прозоровъ этими послѣдними словами; да и самъ-то онъ, полно, что ли понимаетъ, что онъ хочетъ сказать? Въ самомъ дѣлѣ, по-смотрите только, въ чемъ же тутъ ошибка отживающаго поколѣнія, да оно у людей молодыхъ, воспитавшихся, какъ сказано, „среди разброда мысли“, видитъ только то, что въ нихъ есть, т.-е. „отрицаніе идей, сходящихся со сцены“? Не принимать же ему, въ самомъ

дѣлѣ, во вниманіе идей, „недостаточно опредѣлившихся“, или, вѣрнѣе сказать, просто отсутствіе всякихъ идей. Вотъ, когда эти отсутствующія идеи появятся и опредѣлятся, тогда и разговаривать будемъ; а пока... какая ужъ тутъ ошибка? Это—горе, г. Прозоровъ, а не ошибка! Да и что за нелѣпость такая толковать о борьбѣ поколѣній, какъ о чемъ-то стихійномъ, будто бы заставляющемъ „новое“, каково бы оно ни было, расчищать себѣ мѣсто и критиковать „старое“? Отнимать у „новаго“ мѣсто—никакое старое не можетъ, въ силу чисто-естественныхъ причинъ; отъ самого новаго зависитъ, счумѣетъ оно или не счумѣетъ занять мѣсто стараго. Что касается „критики“, т.-е. отрицанія, то самъ же г. Прозоровъ говоритъ, наприм., о Кавелинѣ, что онъ всегда былъ другомъ молодежи; и несомнѣнно, что и молодежь, смѣнявшаяся при немъ въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія, была тоже его другомъ. Мы знаемъ, что и къ Кавелину извѣстная часть молодежи относилась критически; но это была именно критика, а не отрицаніе во имя какихъ-то неопредѣлившихся идей; наоборотъ, идеи-то были весьма опредѣленными; дѣло тутъ шло о борьбѣ убѣжденных—общественныхъ, экономическихъ и другихъ, причемъ преемственная связь идей никогда не забывалась и критикующею стороною. Ясное дѣло, что тутъ ни типъ, ни поколѣніе не имѣли никакого значенія. Да и, наконецъ, можно назвать другія имена, — людей, бывшихъ почти сверстниками Кавелина по возрасту, хотя бы, наприм., Елисеева, по отношенію къ которымъ даже у вышеупомянутой группы молодежи никогда не появлялось и тѣни отрицанія. Вообще, г. Прозоровъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибъ остановился на первой части своего признанія: воспиталось, молъ, поколѣніе среди разброда мыслей, и потому всякую старую чепуху гордиться, именую эту чепуху новымъ словомъ; и тогда, конечно, кромѣ жалости, такое поколѣніе ничего и возбудить не можетъ.

Г. Прозоровъ дѣлаетъ и другое весьма любопытное признаніе: онъ говоритъ, что въ провинціальныхъ газетахъ „скука стоитъ столбомъ, гуще, чѣмъ лондонскіе туманы, и потому несправедливо винить обозрѣніе провинціальной печати, если оно не паритъ надъ уровнемъ доступной ему дѣйствительности“, т.-е. если оно, попросту говоря, тоже наводитъ скуку на читателя. Ну, это—какъ сказать... Провинціальное культурное общество, дѣйствительно, заражено скукой настолько, что и теперь еще, какъ въ одномъ рассказѣ Глѣба Успенскаго, „ѣздитъ попова кобеля топить“. Но провинція и провинціальная печать постоянно предъявляли вниманію наблюдателей такіе, говоря словами Помяловскаго, „веселенькіе пейзажики“, вродѣ, наприм., той волости Вятской губерніи, въ которой на каждую деревню существуетъ по одной лошади и обыватели которой низведены почти до уровня крѣпостныхъ, что всякая скука пропадетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, не одинъ же г. Прозоровъ пишетъ обозрѣнія провинціальной печати и жизни, и ни читатели, ни сами авторы на скуку что-то не жалуются. Г. Прозоровъ, напримѣръ, очень усердно занимается чистой русской речью, искажаемаго провинціальными газетами: занятіе очень почетное, но у конечно, не веселое. Читатель зѣваетъ во весь ротъ, да и самъ г. Прозоровъ, вѣроятно, позѣвываетъ. Недаромъ въ русской поговоркѣ говорится: „вольному—воля“.

Въ разбираемой книжкѣ закончены романъ г. Мережковскаго: *верженный* и очеркъ г-жи Шапиръ: *Законныя жены, записки мн.* Мы уже указывали неоднократно на романъ г. Мережковскаго, какъ на произведеніе, на которое авторъ потратилъ много труда, въ

ромъ онъ проявилъ очень большую эрудицію и въ которомъ очень много превосходныхъ, даже блестящихъ сценъ и картинъ, и, тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, мы не можемъ признать это произведеніе настоящимъ художественнымъ произведеніемъ: ужъ слишкомъ большою совершенностью отдаетъ отъ его главнаго героя, Юліана: это—совсѣмъ не послѣдній язычникъ-императоръ, ученикъ неоплатниковъ, совершенно искренно вѣрящій въ ихъ воплощенные метафизическія абстракціи, а скорѣе современный декадентъ, или, еще вѣрнѣе, сверхчеловѣкъ Ницше. Многія изъ рѣчей Юліана въ романѣ г. Мережковского представляютъ чуть ли не простую перифразировку афоризмовъ этого философа. Именно такая предвзятая идея испортила отличный въ другихъ отношеніяхъ романъ г. Мережковского. Намъ думается также, что наврядъ ли идеи и настроенія, господствовавшія въ эпоху послѣдней борьбы христіанства съ язычествомъ, могли дать поводъ изучившему эту эпоху написать слѣдующія заключительныя слова: „въ сердцѣ Анатолія, Амміанна и Арсинны, какъ незаходящее солнце, уже было великое веселіе Возрожденія“.

О произведеніи г-жи Шапиръ мы не говорили до сихъ поръ ни одного слова, и, можетъ быть, было бы благоразумнѣе сохранять молчаніе и тогда, когда это произведеніе окончено. Но званіе рецензента всегда обязываетъ не только читать плохія произведенія, но и сказать послѣ прочтенія, что эти произведенія читать не стоитъ. Кому, въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло до жалкихъ страданій и самоанализа барчука, съ дѣтства избалованнаго, неспособнаго ни къ дѣятельности, ни къ мысли, бездушнаго эгоиста, совершенно спокойно оставившаго свою дѣвочку-жену и даже неспособнаго замѣтить ея страданій, такъ какъ на него, видите ли, налетѣлъ ураганъ страсти, почти сознательно покупающаго все время ласки своей второй жены, еще болѣе бездушной, чѣмъ онъ, куклы, въ награду за всѣ эти подвиги разореннаго этою куклой и ея семьей и, въ концѣ-концовъ, рѣшающагося, въ виду ея несомнѣнной измѣны, разстаться со своимъ кумиромъ, съ которымъ его связывало, очевидно, только низменное животное чувство? Изъ всѣхъ продуктовъ дворянскаго и, вообще, культурнаго разложенія этотъ продуктъ—наименѣе интересный, и отягощать имъ вниманіе читателя рѣшительно не стоитъ, да еще столь продолжительное время, въ нѣсколькихъ книгахъ журнала.

Въ предшествующемъ нашемъ обзорѣнн мы указывали на помѣщенную въ *Русскомъ Бюлетенѣ* статью г. М. Н.: *Почему уменьшается народонаселеніе Франціи* и замѣтили, что, во-первыхъ, наврядъ ли авторъ статьи даетъ какіе-либо оригинальные выводы по этому вопросу, и что, во-вторыхъ, онъ, очевидно, принадлежитъ къ числу „русскихъ учениковъ“ (хотя самъ онъ, кажется, не русскій). Окончаніе статьи г. М. Н. не обмануло нашихъ ожиданій. На такъ называемое „малтузіанство“ (практическое) онъ смотритъ, какъ на результатъ существующаго экономическаго порядка, пагубно вліяющаго на личность. Этотъ экономическій порядокъ ведетъ къ искаженію человѣческой природы, большому или меньшему атрофированію его духовной стороны (любопытно бы, однако, узнать, какое отношеніе существуетъ между духовною стороною человѣческой природы и болѣшими или меньшими процентомъ рождаемости) и къ развитію тѣхъ низшихъ свойствъ, которыя, при данномъ экономическомъ строѣ, необходимы для лучшаго матеріальнаго обезпеченія. Для автора трагизмъ положенія Франціи заключается въ томъ, что въ ней слишкомъ большое число мелкихъ соб-

ственниковъ и „слишкомъ большое число людей, не лишенныхъ всякихъ надеждъ на будущее... Приходится желать уменьшенія численности той части населенія, которую Франція до сихъ поръ такъ гордилась; приходится *сокрушаться* о медленномъ ростѣ концентраціи капитала и недостаточно быстромъ ходѣ общаго обѣднѣнія населенія“... (Странно читать это въ *Русскомъ Богатствѣ*). Какъ видите, все та же старая и изрядно уже надоевшая пѣсня о необходимости переварить мужика въ фабричномъ котлѣ. И хоть бы припомнили эти господа „ученики“ тѣ факты, которые приводятъ они же сами. Дюмонъ приводитъ, какъ примѣръ вліянія обществляющей дѣятельности капитализма, кантонъ Мильбошъ, департамента нижней Сены: еще въ 20-хъ годахъ тамъ ткачи работали на дому, и какъ они, такъ и все земледѣльческое населеніе жили безбѣдно. Рождаемость была низкая, хотя уменьшенія народонаселенія не происходило. Появился капиталъ, обобщилъ немногихъ и разорилъ всѣхъ; но за то населеніе кантона стало плодовитымъ. Необыкновенно благотворное вліяніе обобществленія посредствомъ капитализма! И оно, очевидно, вездѣ одинаково. Чтобы недалеко ходить, мы бы посоветовали гг. „русскимъ ученикамъ“ проѣхаться по деревнямъ московскаго фабричнаго района. Г. М. Н., при изученіи такого сложнаго вопроса, какъ вопросъ объ уменьшеніи процента рождаемости, рѣшительно не принимаетъ во вниманіе какихъ-либо иныхъ факторовъ, кромѣ экономическихъ. При устраненіи фактора біологическаго (вырожденія) и фізіологическаго (антагонизмъ между функціями половыми и интеллектуальными), ему и въ голову не приходитъ подумать о существованіи факторовъ интеллектуальнаго и волевого. Онъ, правда, дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя могли бы привести его къ совершенно инымъ выводамъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что, въ противоположность экономическому режиму, развивающему у человѣка неуверенность, боязнь, демократическія учрежденія могутъ внушить ему вѣру въ свои силы, что, несмотря на весь консерватизмъ французскаго крестьянина, политическія формы начинаютъ оказывать на него свое дѣйствіе, особенно со времени введенія дарового и обязательнаго обученія, что на мелкой и средней буржуазіи политическій режимъ отражается несравненно больше и что на той же, приблизительно, степени развитія стоятъ и болѣе обезпеченные рабочіе. „Вообще говоря, политическій режимъ способствуетъ развитію стремленій, прямо противоположныхъ мѣщанскимъ. Распиряя умственный горизонтъ личности, расширяя сферу ея интересовъ, онъ этимъ самымъ служить и къ искорененію въ человѣкѣ тѣхъ низкихъ инстинктовъ и тенденцій, которыя дѣлаютъ его способнымъ заглушать въ себѣ самые естественные порывы“. Далѣе онъ говоритъ, что пролетаріатъ, въ противоположность болѣе обезпеченнымъ рабочимъ, отличается большимъ стремленіемъ къ коллективности, т.-е. большимъ развитіемъ альтруистическихъ чувствъ. Всѣ эти замѣчанія автора могли бы привести его къ совершенно инымъ выводамъ, могли бы заставить его подумать о томъ, что въ занимающемъ его вопросѣ играютъ роль не однѣ только экономическія причины, но причины интеллектуальныя и волевыя. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ индивидуализмъ и эгоизмъ связываются съ воздержаніемъ до пользы если не общества, то семьи и рода, а стремленіе къ коллективности связывается съ чрезмѣрною плодовитостью? Во-вторыхъ намъ думается, что положеніе германскихъ крестьянъ-собственниковъ приблизительно таково же, какъ положеніе наиболѣе обезпеченныхъ

бочихъ Франціи; и, однако, въ Германіи среди этого класса не замѣчается паденія процента рождаемости или это паденіе ничтожно, но за то тамъ есть эмиграція, и эмиграція, сопряженная съ громадными потерями для страны. Вообще, не рѣшаясь сказать что-либо положительное по этому вопросу, мы, все-таки, полагаемъ, что гипотеза Уорда о стационарномъ состояніи общества (въ смыслѣ численности населенія), какъ о состояніи не регрессивномъ, а прогрессивномъ, имѣетъ за себя достаточное количество теоретическихъ соображеній.

Весьма интересна въ разбираемой книгѣ статья г. Лесевича: *Эволюція философіи и философскія переживанія*. Для тѣхъ, кто знакомъ съ его работой: *Что такое научная философія*, печатавшейся сначала въ нашемъ журналѣ и изданномъ потомъ отдѣльной книгой, статья наврядъ ли представить что-либо новое и оригинальное. Но, тѣмъ не менѣе, повтореніе сказаннаго г. Лесевичемъ раньше въ болѣе краткой и простой формѣ является далеко не лишнимъ. Основная мысль, развитію и уясненію которой посвящена его статья, состоитъ въ томъ, что исправленіе преданія заключалось въ процессѣ его постепеннаго упраздненія. По отношенію къ философіи исправленіе преданія сказалось весьма выразительно въ принципиальномъ упраздненіи метафизики, какъ хранительницы преданій трансцендентности, абсолютности, апіорности и другихъ тщетныхъ усугубленій мысли человѣческой, а въ новѣйшее время и въ упраздненіи блѣдной тѣни метафизики—„философіи, какъ отдѣльной науки“,—тѣни, существованіе которой вызвано чисто-внѣшними и, опять-таки, вытекающими изъ преданія условіями“.

Вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть впредь подъ философіей, переставшей быть метафизической, но еще не ставшей научной, былъ поставленъ въ 1844 г. нѣкимъ Іорданомъ, причѣмъ Герценъ въ свое время замѣтилъ статью Іордана и резюмировалъ ее въ своемъ дневникѣ слѣдующимъ образомъ: „Философія—не отдѣльная наука; на мѣсто ея должны быть поставлены разрозненные нынѣ науки“. Вопросъ былъ поставленъ правильно, но до разрѣшенія его было еще далеко. Оставалось совершенно неизвѣстнымъ, какимъ образомъ произойдетъ замѣщеніе философіи разрозненными нынѣ науками и что произойдетъ съ этими науками, когда разрозненность эта исчезнетъ. Около этого же времени, въ промежутокъ между 1841 и 1845 гг., Фейербахъ выдвинулъ и разрѣшилъ этотъ вопросъ съ такою ясностью и опредѣленностью, которая всегда отличала этого гениальнаго мыслителя. Мысли Фейербаха, изложенныя въ отрывочныхъ положеніяхъ, являлись поразительнымъ по проникаемости предвосхищеніемъ того взгляда на философію, который получилъ свое полное обоснованіе только въ современной школѣ научной философіи. Приведемъ нѣкоторые изъ тезисовъ Фейербаха: „Истинная философія есть истинная и всеобщая эмпірія“. „Философія есть познаніе того, что есть. Мыслить вещи и существа, познавать ихъ такими, какими они суть,—вотъ высшій законъ, высшая задача философіи“. „То, что есть, какъ оно есть, т.-е. истинное высказывать истинно—кажется поверхностнымъ; то, что есть, какъ оно не есть, т.-е. истинное высказывать не истинно, извращать его, представляется глубокомысленнымъ“. „Правдивость, простота, опредѣленность—это формальные признаки дѣйствительной философіи“. „Философіи вновь предстоитъ вступить въ союзъ съ естествознаніемъ, естествознанію—съ философіей. Этотъ союзъ, основанный на взаимной потребности, на внутренней необходимости, будетъ прочнѣе, счастли-

вѣе и плодотворнѣе, нежели существовавшая до сихъ поръ *mesalliance* между философiей и традиционными доктринами". Эти тезисы уясняютъ вопросъ, о какой философiи говорилъ Фейербахъ, когда онъ рѣзко заявлялъ: „Никакой философiи—вотъ моя философiя“. Для того, чтобы союзъ, о которомъ говорилъ гениальный философъ, осуществился, необходимо было, прежде всего, окончательное распаденiе философiи на отдѣльныя науки. И вотъ, когда одна за другой обособились: социологiя, психологiя, этика и, наконецъ, гносеологiя, все содержанiе старой философiи оказалось разобраннѣмъ, и пришлось дѣлать очень ужъ наивныя натяжки, чтобы повторенiе распредѣленныхъ по отдѣльнымъ наукамъ тезисовъ выдать за особую науку о мiрѣ, какъ цѣломъ. Вообще, по мнѣнiю нѣмецкихъ представителей школы научной философiи (Петпольдъ, Эрнстъ Махъ и Авенариусъ), философiя не принадлежитъ къ числу отдѣльныхъ наукъ. Она заключается исключительно въ томъ всеохватывающемъ, непредубѣжденномъ мышленiи, которое всѣ части цѣлаго связываетъ живыми отношенiями. Между истинною наукой и истинною философiей противорѣчiя не существуетъ. Выработка общаго понятiя не есть дѣло специфически-философской умственной дѣятельности, это — дѣло общей, совокушной работы специальныхъ наукъ. Отдѣльной науки философiи, обладающей особенными средствами для выработки законченнаго мировоззрѣнiя безъ помощи наукъ о природѣ и посредствомъ предвосхищенiя ихъ результатовъ, не существуетъ; мышленiе же будетъ философскимъ только тогда, когда единичное будетъ охватываться взглядомъ, устремленнымъ на цѣлое, и когда представленiе цѣлаго, въ свою очередь, будетъ привлечено для изслѣдованiя единичнаго. Тѣ же, которые желаютъ удержать старыя преданiя, блѣдную тѣнь метафизики, обрекаютъ сами себя на слова, слова и слова...

Чрезвычайно тяжелое впечатлѣнiе произвела на насъ статья г. Южкова: *Просвѣтительная утопiя*. Прочитавъ ее, мы очень долго недоумѣвали, не шутитъ ли надъ читателями почтенный публицистъ. Но серьезность тона, солидная и детальная разработка вопроса, громадное количество цифирнаго матеріала, украшающаго его статью, и патетическія заключительныя слова: „проблема во всякомъ случаѣ стоитъ нѣкотораго вниманiя!... неужели не стоитъ?“—все это заставило насъ отказаться отъ своего предположенiя и серьезно отвѣтить на серьезно же поставленный авторомъ вопросъ. И мы серьезно рѣшаемся отвѣчать на него: да, не стоитъ. Мало этого: мы рѣшаемся утверждать, что въ настоящее время, при существующихъ условiяхъ, при томъ положенiи, въ которомъ находится громадное большинство населенiя нашей родины, серьезному публицисту заниматься подобными „просвѣтительными утопiями“ даже какъ-то... неловко. Можно, конечно, сидя въ какой-нибудь Заманиловкѣ, въ прекрасный майскій вечеръ, за стаканомъ чаю и съ сигарой въ зубахъ, забыть объ условiяхъ дѣйствительности, забыть о томъ, что почти 30% нашего крестьянскаго населенiя безземельныхъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе 60% бездомовыхъ, безлошадныхъ, безхозяйныхъ и т. д., и мечтать о просвѣтительныхъ утопiяхъ. Можно даже издать цѣлую основательную работу, заключающую въ себѣ изложенiе этой утопiи, для изученiя будущимъ поколѣнiямъ. Но журнальный дѣятель, публицистъ, существенная и главная обязанность котораго состоитъ въ привлеченiи вниманiя общества къ существеннымъ и кардинальнымъ вопросамъ общественной жизни,—если онъ отвлекаетъ это вниманiе къ утопiямъ, хотя бы и

„просвѣтительнымъ“,—поступаетъ по меньшей мѣрѣ безтактно. Тутъ дѣло, конечно, не въ принципѣ, а именно въ условіяхъ и обстоятельствахъ. Принципъ обязательнаго и дароваго для всѣхъ средняго образованія, разумѣется, такой принципъ, подѣ которымъ мы подписываемся обѣими руками; но мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ связывать этотъ принципъ съ созданіемъ якобы ничего не стоящихъ населенію сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ гимназій. Въ просвѣтительной утопіи г. Южакова высчитано все, до послѣдней мелочи; высчитано и то, что для 8,000 такихъ гимназій, заводимыхъ только въ земскихъ губерніяхъ, нужно ни много, ни мало—40 милліоновъ десятинъ земли, и это, по мнѣнію г. Южакова, означаетъ, что такіа гимназіи ничего не будутъ стоить населенію, что онѣ будутъ содержать себя и весь, какъ учительскій, такъ и служебный, персоналъ физическимъ трудомъ старшихъ учениковъ и ученицъ, а также и *обязательнымъ* трехлѣтнимъ трудомъ всѣхъ бывшихъ учениковъ, не призванныхъ къ отправленію воинской повинности. Уже мы и не говоримъ о деталяхъ, какъ, напримѣръ, о томъ, что г. Южаковъ довольно скромно называетъ „обѣиномъ земель“, т.-е., по-просту говоря, объ отобраніи у цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ ихъ земель въ пользу „просвѣтительной утопіи“ г. Южакова и о переселеніи крестьянъ на казенныя земли сѣверо-восточныхъ окраинъ. Да и куда дѣнутся эти просвѣщенные земледѣльцы и ремесленники по окончаніи гимназій и трехлѣтняго срока обязательной службы при гимназій? Вѣдь, имъ придется идти въ ту самую деревню, въ которой „всею одна лошадь, да и та худая“, въ которой ихъ отцы и матери умираютъ съ голоду, и идти въ возрастѣ 20—24 лѣтъ. Нѣтъ, проблема г. Южакова не стоитъ никакого вниманія, и говорить о ней мы бы не стали, если бы намъ не было извѣстно, какою репутаціей серьезности и солидности пользуется его имя. Вѣдь, пожалуй, иной неопытный юнецъ, прочитавъ просвѣтительную утопію г. Южакова, только облизнется отъ удовольствія и возмнитъ, что это самое настоящее и есть, и ни о чемъ другомъ думать не стоитъ; а, вѣдь, такихъ юнцовъ у насъ очень много, и всякому серьезному писателю приходится думать о надлежащемъ на нихъ воздѣйствіи.

Да и вообще, что за ликованіе такое? Откуда оно снизошло на почтенный журналъ и главныхъ его столбовъ, г. Южакова и г. Михайловскаго? Этотъ послѣдній тоже увѣряетъ насъ, будто „о съѣдающемъ Россію невѣжествѣ, о необходимости облегчить доступъ знанія и, слѣд., книги въ народную школу и т. п. можно говорить не стѣняясь тѣмъ, что какой-нибудь кн. Мещерскій или другой сынъ отечества начнетъ обличать тебя въ злонамѣренности“.

„Дѣтское Чтеніе“, кн. I—V. Главное вниманіе читателей сосредоточивается на двухъ большихъ вещахъ, принадлежащихъ талантливому авторамъ: на повѣсти Вас. Ив. Немировича-Данченка и историческомъ разсказѣ Д. Л. Мордовцева. Первая еще не кончена. Со свойственнымъ г. Немировичу-Данченку умѣньемъ въ изящномъ разсказѣ знакомить читателей, какъ бы мимоходомъ, съ интересными этнографическими и бытовыми явленіями, здѣсь дается не мало свѣдѣній о лѣтѣ [и его обитателяхъ]. Авторъ невольно возбуждаетъ въ васъ чувство къ этимъ дикимъ горцамъ, строго исполняющимъ законы юей вѣры и всякія нравственныя и житейскія правила, завѣщанныя дою стариной. Вы знакомитесь тутъ съ основными чертами этихъ родовъ,—ихъ неустрашимостью и гордымъ правомъ,—узнаете ихъ

вѣрованія, молитвы и пѣсни, переведенныя на русскій языкъ. Авторъ даетъ живое представленіе о томъ, какъ живутъ эти племена въ суровую зиму и въ знойное лѣто, чѣмъ питаются, во что одѣваются и т. п. И на ряду съ этимъ вы съ замираніемъ сердца слѣдите за участіемъ героя повѣсти, русскаго солдата Сергія Лопова, бѣжавшаго изъ плѣна и тщательно старавшагося скрыться отъ преслѣдованій врага: острый камень горныхъ тропинокъ рѣжетъ ему ноги, нокоть колъни у несчастнаго бѣглеца, грудь устала, плечи жалуются... Но отдыхать нельзя. Только счастливою судьбой ему удалась страшная ночь бѣгства съ полнымъ благополучіемъ и онъ избѣжалъ мученической, варварской смерти. Описаніе его приключеній написано мастерски.

Г. Мордовцевъ беретъ сюжетъ для своего обширнаго разсказа изъ эпохи паденія Іерусалима. Нравственные доблести, мужество и стойкость первыхъ христіанъ противопоставляются жестокости и правамъ римлянъ. Съ живымъ интересомъ читается описаніе гладиаторскаго боя и разсказъ о томъ, какъ одна христіанка съ ребенкомъ, обреченные на растерзаніе львомъ и уже стоящіе на одной аренѣ глазъ на глазъ противъ дикаго звѣря, неожиданно для всѣхъ и для себя остаются невредимыми: оказывается, что надсмотрщикомъ, приставленнымъ ко льву, былъ тайный христіанинъ. Желая спасти своихъ единовѣрцевъ отъ мучительнаго вѣнца, онъ къ этому дню въ теченіе нѣкотораго времени успѣлъ закормить льва до отвалу. Тотъ, сытый по горло, ласково встрѣтилъ ребенка и не тронулъ его матери. „Увести ихъ!—вдругъ раздался повелительный голосъ императора.—Боги пощадили ребенка, а мы для него оставляемъ его мать... съ насъ довольно разрушеннаго Іерусалима“. Этими словами заканчивается повѣсть г. Мордовцева, которая съ пользою будетъ прочтена дѣтьми.

Талантливый педагогъ и извѣстный въ Москвѣ публичный лекторъ по географіи, С. П. Мечъ, помѣстилъ статью *Великій океанъ*, снабженную большимъ количествомъ поясняющихъ рисунковъ. Статья еще не окончена. Любовь къ наукѣ, сознаніе ея великой силы и представленія о ея новыхъ важныхъ задачахъ, еще не разрѣшенныхъ нашимъ вѣкомъ, но подлежащихъ разрѣшенію въ будущемъ,—вотъ что возбуждается чтеніемъ этой статьи.

Намъ кажется, что г. Ладыженскій для своихъ очерковъ *О книгахъ и сочинителяхъ* выбираетъ не совсѣмъ подходящій матеріалъ. Разсказывать вкратцѣ содержаніе произведеній древне-русской словесности, съ которыми, почти въ такой же краткой формѣ, читающіе познакомятся и безъ того на урокахъ литературы,—дѣло излишнее.

Сказка въ стихахъ г. Ѳедорова-Давыдова *Жолудь* можетъ, вслѣдствіе неясности своей основной мысли, привести юныхъ читателей къ нѣкоторымъ нежелательнымъ заключеніямъ. Жолудь сорвался съ дуба и задумалъ путешествовать по свѣту, чтобы, подобно Колумбу, дѣлать открытія и прославить себя подвигами. Но ручей посовѣтовалъ ему „жить на свѣтѣ тихо, крикунамъ не подражая“, и не увлекаться „бреднями“:

Вотъ здѣсь ямка небольшая,
Лечь съ спокойною душою,
И лежи ты подъ землею,
Честно долгъ тѣмъ выполняй!

Жолудь отвѣчаетъ, что ему очень обидно отказаться отъ своихъ мечтаній и съ облаковъ опуститься на землю. Однако, онъ согласенъ

со своимъ совѣтчикомъ, что надо жить тихо, не увлекаясь мечтами и не бороться противъ положеннаго ему предѣла. И вотъ онъ „честно“ выполняетъ свой долгъ: спокойно укладывается въ своей ямочкѣ

И отъ влаги разбухаетъ
И рооточекъ изъ-подъ шкурки
Осторожно выпускаетъ...

Какая же выходитъ отсюда мораль? Что, если дѣти объяснять ее себѣ такъ: надо жить тихо, спокойно, изо дня въ день, не увлекаясь никакими мечтами, не предпринимая никакихъ рискованныхъ, смѣлыхъ и отважныхъ замысловъ? Ну, словомъ, умѣренность, аккуратность и осторожность — вотъ добродѣтели, рекомендуемыя авторомъ. Если же онъ этого не хотѣлъ сказать, то онъ неясностью изложенія далъ широкій просторъ ложнымъ толкованіямъ.

Дѣто въ бельгийской деревнѣ К. Барсова, по своему матеріалу, очень интересно для тѣхъ, кто желаетъ знать объ образѣ жизни крестьянъ въ Бельгіи, о степени ихъ умственного развитія и образованія, объ экономическомъ бытѣ населенія и т. п. Изложеніе надо было сдѣлать болѣе живымъ, болѣе образнымъ, снабдивъ его, въ достаточномъ количествѣ, картинами жизни: сценами, разговорами и т. п.

Вообще говоря, стремленіе новой редакціи — дать своимъ читателямъ побольше серьезнаго воспитывающаго, образовательнаго чтенія — заслуживаетъ глубокой симпатіи. Журналъ можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ изданій.

„Игрушечка“, кн. I—V. Предназначенный для дѣтей младшаго возраста, журналъ этотъ успѣлъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ составить себѣ почетную репутацію и приобрести опредѣленную фizioномію. Къ числу сотрудниковъ его принадлежатъ почти всѣ тѣ писатели, которые приобрѣли имя въ современной литературѣ для взрослыхъ читателей. Въ послѣднее время каждый выпускъ *Игрушечки* открывался портретомъ кого-нибудь изъ этихъ сотрудниковъ, со снимкомъ съ его автографа. Всѣ эти „друзья дѣтей“ приписали подъ своими портретами свое задушевное *profession de foi*. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены портретъ и факсимиле И. И. Горбунова-Посадова. Вотъ его девизъ: „Я хотѣлъ бы только одного: написать такую книгу, прочтя которую каждый ребенокъ ясно понялъ бы, что самое величайшее счастье на свѣтѣ это — любить всѣхъ, а, главное, всѣхъ несчастныхъ, униженныхъ и обиженныхъ, и не только любить, но служить имъ всю жизнью своею“.

Совершенно въ соотвѣтствіи съ этимъ гуманнымъ принципомъ написанъ его рассказъ *Левъ и невольникъ* въ той же книжкѣ журнала. Авторъ передаетъ извѣстную исторію про Андрокла и его льва. Въ Колизеѣ было назначено кровавое зрѣлище: въ присутствіи императора совершится травля дикихъ звѣрей, которыхъ выпустятъ для растерзанія преступниковъ. Вотъ выступили на арену три африканскихъ льва. Одинъ изъ нихъ опередилъ другихъ и устремился по направлению къ тремъ преступникамъ. Двое изъ нихъ подняли копыя для защиты, но третій не поднялъ копыя и стоялъ, не двигаясь на мѣстѣ. Увидя его, левъ пошелъ прямо къ нему и радостно замахалъ хвостомъ, сталъ жаться къ нему и лизать его руки и лицо. Оказалось, что звѣрь и человѣкъ были когда-то хорошо знакомы другъ съ другомъ. Когда Андрокла, — такъ звали этого человѣка, — бѣжалъ изъ тюрьмы, куда онъ былъ посаженъ несправедливо, — онъ скрылся въ пещерѣ. Туда вошелъ этотъ левъ, изнеможенный отъ раны въ ногу.

Левъ уже умиралъ, но Андроклъ спасъ его отъ смерти, омывъ и перевязавъ его рану.

Съ тѣхъ поръ между ними возникла дружба: левъ приносилъ свою добычу въ видѣ убитыхъ имъ звѣрей, а нашъ бѣглецъ жарилъ ихъ на пескѣ подъ жгучими лучами солнца. Благородный звѣрь узналъ въ Колизеѣ своего товарища и нѣжною лаской показалъ ему, что помнить старую дружбу. Пораженная трогательнымъ зрѣлищемъ неслыханной дотошъ дружбы между человѣкомъ и львомъ, публика громко взывала: „Пощады Андроклу!“ Императоръ подозвалъ его къ себѣ и осыпалъ вопросами о причинахъ изумительнаго явленія. Андроклъ сообщилъ ему всю печальную исторію своей жизни, рассказалъ о тѣхъ страданіяхъ, что выпали на долю такихъ, какъ онъ, злополучныхъ римскихъ рабовъ, о жестокостяхъ, которымъ они подвергаются со стороны своихъ повелителей, о томъ, какъ мучилась его душа, оплакивая горькую участь товарищей, и какъ онъ однажды, испивъ чашу терпѣнія всю до дна, смѣло выступилъ на защиту одного обиженного раба, укоряя его угнетателя, за что и попалъ въ тюрьму. Тамъ его подвергли звѣрскимъ истязаніямъ. И онъ не разъ убѣгалъ изъ темницы и вновь излавливался и подвергался все болѣе мученіямъ,—вплоть до сего дня. Императоръ выпустилъ Андрокла на свободу. Рассказъ производитъ на юныхъ читателей доброе впечатлѣніе, вызывая въ нихъ сочувствіе къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ и попутно знакомя ихъ съ картиною нравовъ древняго Рима.

То же счастливое сочетаніе двухъ достоинствъ,—умѣнье интересно рассказать, способность попутно сообщить полезныя свѣдѣнія,—обнаруживается и у автора статейка *Скворушка*, г-жи Ходаковской. Это простой и симпатичный рассказъ, дающій читателямъ поучительныя свѣдѣнія объ образѣ жизни скворцовъ.

Письма изъ Америки Анны Мотлей вызываютъ удивленіе. Тутъ кратко и сухо, въ формѣ, напоминающей официальную реляцію или репортерскій отчетъ, сообщено о двухъ хорошихъ поступкахъ нѣкихъ Андрея Мура и Волнея. Прочитавъ эту статейку, занимающую строкъ сто съ чѣмъ-нибудь, невольно спрашиваешь себя: причемъ тутъ Америка? Авторъ не далъ здѣсь ничего, что могло бы характеризовать именно страну, ея природу, бытъ и нравы, и такъ и хочется замѣтить: для того, чтобы добывать такіе сюжеты, какъ газетныя сообщенія о томъ, какъ такой-то или иной мальчикъ проявилъ отвагу, зачѣмъ же ѣздить такъ далеко?

Въ заключеніе, не можемъ не пожелать дальнѣйшихъ успѣховъ почтенному журналу, такъ долго и упорному ведущему свою воспитательную миссію и окружившему себя дароватыми работниками слова, умѣющими любить дѣтей и согрѣвать ихъ души задушевною и серьезною бесѣдой.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журна- ла „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1895 г.

Аксаковъ, Н. П. Душа не угай-
те. Петроградъ, 1895 г.

Тішаух, Р. Руководство къ топогра-
фической анатоміи въ примѣненіи къ
хирургіи. Изд. Риккера, второе. В. IV.
Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Денъ, Владиміръ. Къ ученію о
цѣнности. Трѣ очерка. Слб., 1895 г.
Ц. 1 р. 25 к.

Кронидовъ, М. Монгольская стари-
на. Кишиневъ, 1895 г. Ц. 1 р.

**Статистика долгосрочнаго кредита въ
Россіи 1894 г.** Вып. III. Слб., 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.

Межеричеръ, П. И. Геометриче-
ское черченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

**Отчетъ правленія павловской кустарной
артели о ея дѣятельности въ 1894 г.**

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ
матеріаловъ для изученія произведеній
И. С. Тургенева. Изд. II. М., 1895 г.
Вып. II. Ц. 2 р.

Емельяновъ-Коханскій, А. Н. Обнаженные нервы. Сборникъ стихо-
твореній. Изд. А. С. Чернова. Москва,
1895 г. Ц. 1 р.

Летопис матице српске. Книга 182.

**О борьбѣ съ пожарными бѣдствіями въ
селевіяхъ.**

Маркъ, С. А. О народныхъ санато-
ріяхъ для слабогрудыхъ. Изданіе Импе-
раторскаго кавказскаго медицинскаго
общества. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к.

ренблитъ, А. И. Нѣмецко-рус-
скій техническій словарь. Вып. XXV.
зд. К. К. Банза. М., 1895 г.

бо, Т. Изслѣдованіе аффективной
мѣты. Пер. съ франц. Е. Максимовой.
Слб., 1895 г. Ц. 25 к.

**Браніе стихотвореній Виктора Гюго въ
ерев. русскихъ писателей.** Вып. III.
Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к.

Догель, И. М., проф. Значеніе ве-
лосипеда съ точки зрѣнія врача-невро-
патолога. Изд. А. А. Дубровина. Ка-
зань, 1895 г. Ц. 30 к.

Павловъ, Н. Отчетъ систематическа-
го сборника задачъ. Ч. II. Казань,
1895 г. Ц. 25 к.

Дело. Листъ за науку, книжность и друшт-
венн живот. Апрель, годіне друга.
Београд, 1895 г.

Фаминцынъ, Ал. С. Начатки те-
оріи музыки. Слб., 1895 г. Ц. 85 к.

Гертвигъ, Рихардъ. Учебникъ зо-
ологіи. Переводъ проф. Заленскаго.
Изд. Тлейхера. Одесса, 1895 г. Ц. 5 р.
40 к.

**Постановленія херсонскаго уѣзднаго зем-
скаго собранія очередной сессіи 1894 г.**
Херсонъ, 1895 г.

**Отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ хер-
сонской уѣзднои земской управы за
1893 г.** Херсонъ, 1894 г.

Кальнинъ, И. Комментарій къ че-
твертому изданію російской фармако-
пее. Т. II. Вып. IX. М., 1895 г.

Покотиловъ, Д. Д. Китайскіе порты
имѣющие значеніе для русской торговли
на дальнемъ Востоцѣ. Части I и II.
Слб., 1895 г.

Шелгуновъ, Н. В., сочиненія.
Изданіе О. Н. Поповой; съ портретомъ
автора и вступительной статьей Н. Ми-
хайловскаго. Слб., 1895 г. Ц. 3 р.

Энциклопедическій словарь. Т. XV. Изд.
Брокгауза и Ефрона. Слб., 1895 г.

Гольденбергъ, А. И. Собраніе
арифметическихъ упражненій для гимна-
зий и реальныхъ училищъ. Курсъ при-
готовительный. 1895 г. Ц. 25 к.

Дмитріевъ, В. Н. Леченіе морскими
купаньями въ Ялтѣ и вообще на южномъ
берегу Крыма. Изд. Москвитин. Одесса,
1895 г. Ц. 1 р.

Волгинъ, Ф. Въ странѣ черныхъ христіанъ (очерки Абиссиніи). Изданіе П. П. Сойкина. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Scheff, J., и Грубе, В. О. Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Т. II, ч. II, вып. XV. Изд. д-ра Л. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1896 г.

Журналы уржумскаго уѣзднаго земскаго собранія XXVIII очеред. сессіи 1894 г. Казань, 1895 г.

Результати отъ преброяванне на вградиѣ, които служатъ за живѣніе въ княжество България. София, 1894 г.

Результати отъ преброяваніе на добитъка, домашніѣ птици и колатъ въ княжество България. София, 1894 г.

Медицинскій отчетъ по Александровской больницѣ въ Москвѣ за 1894 г. Москва, 1895 г.

Отчетъ о дѣятельности станціи Пастѣра при Александровской больницѣ въ Москвѣ за 1884 г. Москва, 1895 г.

Ясинскій, А. Н. Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.). Киевъ, 1895 г. Ц. 2 р.

Петровъ, А. Н. Кирилъ и Меводій. Изд. ред. журн. „Библиографъ“. Спб., 1895 г.

Леббокъ, Джонъ. Какъ надо жить. Изд. О. Поповой. Спб. Ц. 80 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Два разсказа. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 10 к.

Лоскутовъ, П. Духовный прогрессъ и счастье. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Красновъ, П. Сенека. (Биографическій очеркъ). Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Москвичъ, Г. Путеводитель по Черному морю. 2-е изд. Одесса, 1895 г. Ц. 40 к.

Селивановскій, И. Деревенскія невзгоды. Изд. К. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 10 к.

Сборникъ свѣдѣній по плоховодству въ Закавказскомъ краѣ. Вып. I. Тифлисъ, 1895 г.

Черновъ, А. М. Изъ волостной юстиціи. Гжатскъ, 1895 г.

Литвинова, Е. Ѳ. Н. И. Лобачевскій, его жизнь и ученая дѣятельность. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

Келльнеръ, Л. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вуинта Мих., д-ръ. Крижанитева политика. Београд, 1895 г. Ц. 1. 50 дин.

Nazarbek, Avetis. The voice of the Armenian Revolutionists. London, 1895.

Нетыкса, М. Руководство столярнаго ремесла. Москва, 1895 г. Ц. 75 к.

Чебышева-Дмитріева, Е. А. Одины въ дѣсу. Война мышей и лагушекъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Рагозинъ, Е. И. Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Rollin. Biographie de Curus le Jeune. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 15 к.

Семеновъ, Н. Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Джабадари, И. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб., 1895 г.

Ломброзо, Ц. Геніальность и помѣшательство. Изд. Ф. Павленкова. Спб., Ц. 1 р.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Дрәперъ, Дж. Исторія умственного развитія Европы. Перев. подъ ред. проф. И. Лучицкаго. Изд. Югансона. Ц. 1 р. 50 к.

Мункъ, У., и Уффельманъ, У., д-ра мед. Руководство къ кормленію больныхъ. Пер. съ нѣмц. Изданіе Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Гаринъ, Н. Очерки и разсказы. Томъ 2-й. Изд. журн. „Русское Богатство“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Besthorn, R. O. Alexandre III, Nicolas II. Copenhagen, 1895.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Грезы“. <i>И. А. Салова</i> .—„Въ семьѣ и внѣ семьѣ“. <i>В. М. Митеева</i> .—„Золоченая богема“. <i>В. Септлова</i> .—„Кавказскія преданія и легенды“. <i>Ело же</i> .—„Собраніе сочиненій“ <i>Андерсена</i>	315
Критика и публицистика: „Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній <i>И. С. Тургенева</i> “. <i>В. Зелинскаго</i> .—„Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. <i>П. А. Тверского</i> .—„По тюрьмамъ и вертепамъ“. <i>А. Н. Свирскаго</i>	321
Философія и психологія: „Трактатъ объ усовершенствованіи разума“. <i>Бенедикта Спинозы</i> .—„ <i>Les Caractères</i> “, <i>par Fr. Paulhan</i> .—„Какъ надо жить“. <i>Дж. Леббока</i>	324
Исторія и біографія: „Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ“. <i>И. В. Луцкиаго</i> .—„Жизнь замѣчательныхъ людей“. <i>Изд. Ф. Павленкова</i>	328
Географія, этнографія и путешествія: „Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—1898 гг.“. — „На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири“. <i>Діонео</i> .—„Очерки далекой Сибири“. <i>И. Гамова</i>	330
Политическая экономія и финансы: „Библіотека экономистовъ“.—„Годарственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ значеніямъ“. <i>Р. фонъ-Гауфмана</i>	335
Юридическія книги: „Задачи уголовной политики Франца фонъ-Листа“. <i>мож. Б. Гуревича</i>	337
Техническія книги: „Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные приемы химической технологій“. <i>Д. Комовалова</i>	339

Сельское хозяйство: „Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь“. *М. С. Боданова*. — „Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства“. — „Не по торному пути“. *А. П. Мертваго*. — „Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ“. *Н. С. Нестерова*. — „Оцѣнка имѣній“. *А. А. Колосова*. 341

Медицина: „Гигиеническія бесѣды“. *Д-ра Мокіевскаго*. — „Очерки русской народной медицины“. *В. Ф. Демича*. 343

Учебники и дѣтскія книги: „Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку“. *Н. Н. Миронова*. — „Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ“. *Е. Роскренсенскаго*. — „Русско-латинскій словарь“. *В. Мусселиуса*. — „Трагедія“ *Еврипида*. — „Голубня сказки“. *Э. Лабула*. 344

Изданія для народа: Изданія книжнаго склада *П. К. Прянишникова*. . . 347

II. Периодическія изданія.

„Русскій Вѣстникъ“, *апрѣль—іюнь*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *іюнь*. — „Русское Богатство“, *май*. — „Дѣтское Чтеніе“, *кн. I—V*. — „Игрушечка“, *кн. I—V*. 354

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжного магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммисіонера общества любителей российской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммисію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала
„Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

— **Безъ догматъ. Романъ.** Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

— **Путевые очерки.** Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

— **Потопъ.** Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб. съ пересыл.

— **Семья Полапецкихъ.** Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мицкевичъ, Адамъ. Кримскіе сонеты. Переводъ съ польскаго Л. Медвѣдова. М. 1895 г. Ц. 80 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

— **Маленькій приходъ.** Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юноша, Клеменсъ. Снявъ. Картины деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Гртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р. 3ъ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 1 р.

Косиъ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкою 10%.

Михайловскій, Н. К. Щехринъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и рассказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— **Очерки и рассказы.** Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— **Слѣпой музыкантъ.** Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ людей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученимъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библиотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна I-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.

Мачтетъ, Григорій. Сладуны. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— **Объ искусствѣ.** Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

— **Литературные очерки.** Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Захаръ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое похоти и для чего их соби-
рают? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрихъ. Янко му-
зыкантъ. Цѣна 1 коп.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лав-
рова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси.
Цѣна 1 1/2 коп.
Немировичъ-Данченко, Вас. И.
Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.
Короленко, В. Г. Убийца. Цѣна
1 1/2 коп.

Абламскій, Д. Всемоощное бѣніе,
вечеря и утренняя, и Вожеватенная ли-
тургія св. Іоанна Злотоустаго, св. Ва-
силія Великаго и Пржедсвѣщенныхъ
Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый
выпускъ круга обычнаго православнаго
церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты
на 8 голоса партитурой для хора, фи-
гармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц.
1 руб. 75 коп.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія.
Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе ти-
пическихъ задачъ по арифметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія урав-
неній второй степени со многими не-
известными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ
задачъ помощію теоремы Агапова. Ц.
35 к.

Аданъ, Юлія. Дурушка. Романъ.
Слб., 1894 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія
актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь
и сочиненія. Читаніе для юношества. М.,
1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе тѣни, М. ф. ц. 50 к.;
сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ тек-
стомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ
художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.

Альгрентъ. Деньги. Романъ. Пер. со
шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Слб., 1885
г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель подѣлокъ пи-
тательныхъ и др. веществъ. Слб., 1891
г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные
советы. 2 ч. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери-
Гигіена беременности. Уходъ за маленъ-
кимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Пе-
реводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Слб.,
1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и
за честь женщины. Противъ Крейдеро-
вой сонаты Л. Н. Толстого. Слб., 1893 г.
Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда
и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р.
50 коп.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ триго-
нометріи. Сборникъ задачъ съ подроб-
ными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказ-
ки. Новый полный пер. съ датскаго по-
длинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя
сказки въ 6 томахъ. Слб., 1894 г. Ц.
60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руковод-
ство въ устройству электрич. освѣще-
нія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-само-
учка, опытъ, наставленія грамотныхъ
соселѣвъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлають простую мебель. Цѣна
45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— вспомогаельная книга при возведеніи
каменныхъ и деревянныхъ зданій. Во-
логда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г.
Ц. 1 р.

Арендтъ и Врандтъ. Атласъ
естественной исторіи. Слб., 1894 г.
Ц. 1 р. 50 к.

Арггеймъ. Математическая геогра-
фія. Изд. 5-е. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи.
Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Слб.,
1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сбор-
никъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 кар-
тинками. Слб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родина кар-
тинки. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Картины жизни. 39 разсказовъ Сар-
мата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр.
соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портре-
томъ автора, біографіей и его письма-
ми. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтгарова, А. По роднымъ краямъ.
Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными
рисунками. Слб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историчес-
скія (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80

— Женныя двухъ невѣстъ. Историчес-
кій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. 1
50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ
положеніи женщины (3-е изд.). М. 18
г. Ц. 20 к.

- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
- Сборникъ государственныхъ знаний, 8 томовъ. Слб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Безъ, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Бенцшудъ, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффик. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Веръ, Альфредъ.** Гигіена сифилиса. Общедоступное изложене, какъ предохранять и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1898 г. Ц. 50 к.
- Вергергофъ, Г.** Руководство для граверовъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Вернетъ, Френсисъ.** Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Слб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
- Вергеръ, Поль.** Слутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Вериксенъ, А.** Краткій учебникъ химіи (органической). Слб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Вессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Слб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей.** Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебрѣніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиотека экономистовъ.** Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Библиотека-кромка.** Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и ии. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Иогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- Бичеръ-Стоу.** Жизнь дяди Тома. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Благовѣщенскій.** Вивекльманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Слб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Влекслей, Т. Т.** Переменныя электрическія токи (Руководство для студентовъ и техникумовъ). Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Влекки.** Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Слб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Влекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Локъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Локъ, Ю.** Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
- Оборыкинъ, П. Д.** Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

- Богдановъ, профессоръ.** Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
- Богдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Бокль.** Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Вородинъ, И.** Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воровичъ, Л. А.** Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постоянными токами (Изд. 2-е). Слб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричныя паровыя котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 политипажными въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Воттонъ.** Электрическія звонки. Практическое руководство для любителей. Слб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложеній. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Брайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Браунъ, М. проф.** Какъ заражаются человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Брикнеръ.** Потемкинъ. Слб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бриксъ.** Гидравлика. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Брусиловскій, Е.** Одесскіе дѣланы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на вѣленовой бум. 60 к.
- Брюкке, Эрнестъ.** Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Врѣмъ, А.** Жизнь животныхъ. 180 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.
- Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.“). Слб., 1891 года. Ц. 2 р.
- Врѣмъ.** Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
- Буанъ, Эмиль.** Гальваноопластика, никелированіе, золоченіе, серебрѣніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Слб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Буасье, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антонинова. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Циперонъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

- Бугаевъ, Н. Задачникъ къ арифметикѣ цѣлыхъ чиселъ.** М., 1876 г. Ц. 25 коп.
- **Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ.** М., 1877 г. Ц. 30 к.
- **Руководство къ арифметикѣ. Цѣлыя числа.** М., 1896 г. Ц. 40 к.
- **Арифметика дробныхъ чиселъ.** Ц. 50 к.
- Бузольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Виле-де-Дюка и Ф. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутсъ, Вильямъ.** Въ трущобахъ Англіи. Слб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Вьернстьерне-Вьерисонъ.** 'Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- **Леонарда (драма). Новая система (драма).** Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- **Новобрачные (комедія).** 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- **Повѣсти и рассказы.** Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- **По Божьему пути.** Романъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Вилецкій, И.** Почвовѣдніе. Образование почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Бэръ, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 8 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
- Бэръ, Поль.** Первые понятія о зоологіи. (8-е изданіе). Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Бюрстенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артель въ кустарномъ производствѣ.** Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- **Очерки теоретической экономіи.** Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- **Наши направленія.** Слб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
- **Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ.** Слб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
- **Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община.** М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Вагнеръ.** Химическая технологія. Слб., 1892 г. Ц. 8 р.
- **Какъ приобретаются болѣзни желудка.** Слб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романъ: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикваріи; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певерьи Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Ливное Сердце; 19) Вудстокъ. Слб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
- **Квентинъ Дорвардъ.** Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
- Банковъ.** Полный карманный техникъ. Слб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- **Турбины.** Практическое руководство для техникумовъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфологія, анатомія и физиологія растений). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 полит. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Ванклинъ, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газового производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ.** Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Вахтеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переложъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Слб., 1893 г. Ц. 5 р.
- **Двигатели и приводы. Практическое руководство къ постройкѣ вѣтренихъ и водяныхъ двигателей съ атласомъ.** Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
- **Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ).** Слб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Вегеле, Францъ.** Дантъ Алигъеро жизнь и сочиненія. Пер. А. В. Ловскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
- Вегетаріанская кухня.** Насленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ хлѣбовъ и напитков для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей значенія вегетаріанства. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые

- сказы и сцены. Второе издание. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Вейс, Германъ.** Вѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.
- Верецагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театр въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Виноградовъ.** Extemporalla съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Н. Федовъ.** Діалогъ объ идеѣ „бессмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 85 к.
- Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Владимірова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I. Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскіе сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальными стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европѣ. Спб.
- На отдыхъ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработанное). Спб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Спб., Ц. 40 к.
- Войнаровский, П.** Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другихъ примѣненій электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построение частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Ухожъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Ворисгоферъ, С.** Славянская страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Скитанія молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р. Гердъ,** его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гамбургцевъ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

- Гано, А.** Полный курс физики (въ 2 ч.). Сб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество. Сб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондовскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсцова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Гаринъ, Н.** Дѣтство Тѣмъ. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Гартвигъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Гаспарі, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература средних вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Гегаръ-Альфредъ.** Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гейнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Сб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Сб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Сб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гервинусъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А.** Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.
- Гердеръ.** Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Сб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ лечились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- Гертвигъ, Оскаръ.** Клетка и ткани. Основы общей анатоміи и физиологіи (168 рис. въ текстѣ). Сб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Гейдингъ, Г.** Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р.; М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франкіи. Т. III и IV. Пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, X.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Сб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Сб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Глинскій, Б.** Біографическій очеркъ о Николай Мих. Ядринцевъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гнейтъ, Рудольфъ.** Исторія государства. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Говсѣева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Сб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Сб., 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Сб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вопросы государственнаго хозяйства. Сб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Головачева-Панаева.** Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Сб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гольцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Сб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Головъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Сб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Гоніондскій, З. А.** Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Машины и станки для обработки картона. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Гораций Сатиры.** Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Одн. Переводъ I-й и II-й книгъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ и назій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1891 г. Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. И 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныя училищъ. И 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, Л.** Руководство къ веденію съ русскаго языка на латинскіе

Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглебскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Балмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

— Главнѣйшія приложения электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К^о. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ издѣ. колен. пер., п. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета п. 5 р. 60 к., въ издѣ. колен. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новейшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книга I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.

— Книга II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжки III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О. Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-о. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

Грэхемъ, Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб., Гулишамбаровъ. Нефтяное отопле-

ніе пароводовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославъ, 1894 г.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльской академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпелмайеръ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жарга. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вѣщество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Азъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣсто-происхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Дерюжинскій, В. Ф. Naveas Corpus. Актъ и его приостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Демосеенъ. Олинескія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.

— Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефог. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джабадаръ, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

- Джеромъ, К.** Праздники мысли глѣтая. Киевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Добкевичъ, В.** Конспектъ по уголовному процессу. Составить примѣнительно къ программѣ юридической комиссіи по судебнымъ уставамъ императора Александра II. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Доброе дѣло.** Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Бариковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стеръ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
- Доброворскій, П.** Рассказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Додоновъ, А. М.** Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.
- Дройзенъ, И. Г.** История эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ч. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ч. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Дрѣперъ, Дж. В.** История умственного развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣтское Чтеніе.** XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноимскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Меоодій, первоучитель славянской. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія для кончин бж. Меоодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 8 р.
- Дюмуленъ.** Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Евневичъ.** Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская бібліотека.** Генрихъ Ибсенъ. Стасилиецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафара. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тѣтъ, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матерн“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Елпатьяевскій, С. Я.** Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ечинацъ, А.** Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
- Жакъ, Э.** Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Желанскій, А.** Скамья и кассера. Рассказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Женъ, Рудольфъ.** Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жоржъ-Зандъ.** Замокъ Вильпра. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жуковъ, Николай.** Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Жюль Вернъ.** Гекторъ Сервалакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Жа.** Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Забѣлинъ, И.** Кунцево и древній Ступинскій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Замысловатый квадратъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Полова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Записки желудка.** Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Засодимскій, П. В.** Задушевныя рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-с). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
- Затруднительное путешествіе.** (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Полова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 коп.
- Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства.** (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Грамматическій задачникъ для немыхъ и устныхъ упражненій. II. 3-е. М., Ц. 25 к.

- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквъ Ъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію О. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Золя, Эмиль.** Серия романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишечъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Свадьба Юланты и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Берта.** Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Привѣтствія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философій XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 8 р.
- Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Изъ дневника Аміеля.** Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека.** 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 года.
- Иллюстрированная пушкинская бібліотека** (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
- Иллюстрированная Лермонтовская бібліотека** (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
- Ингрэмъ, Джонъ.** Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
- Капіа.** Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канонииковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануиль.** Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандезъ, Э.** Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскоши. переплетъ 2 р. 50 к.
- Карасевъ, А.** Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
- Каронинъ** (Петропавловскій). Рассказы. 8 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Каро, Э.** Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

- Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
- Карышевъ, Ив. А.** Православно-христианскій взглядъ на основанія, принятія гр. Л. Н. Толстымъ для своего джученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Духовно-правственнй міръ въ чело-вѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Каррьеръ, Морицъ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ чело-вѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
- Карѣевъ, Н., проф.** Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Каццолино, Пр.** Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Квикъ, Реформаторы** воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основьяненко.** Панъ Халевскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. I-я и 2-я. Ц. 50 к.
- Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
- Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненко. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Кенигсбергъ, М. М.,** д-ръ мед. Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кесслеръ.** Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Киландъ, Александръ.** Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кингсфордъ, Анна, докт. мед.** Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
- Кистяковский, А. Ѳ.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
- Кнейппъ, Севастьянъ.** Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобелль.** Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А.** Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Ковалевскаго, М.** Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.
- Кольбе.** Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Колѣ, Л.** Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. I и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Корочевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначальныя уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнигъ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, Н. А.** Нашъ другъ, книга для чтенія въ школахъ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Костычевъ, П.** Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочная книжка по винокурению для лицъ земледѣльческаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ.** Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Бѣсны по земледѣлію. Вып. I. О пшеницѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи вы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1894 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколистн. мучнистыя стѣнія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣлываніи картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Цѣна каждаго вып. 30 к.
- Коченовскій.** Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-

- зайствованных материалов и продуктов. Киевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болезней.** Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской комиссіи. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Краффтъ-Эбингъ.** О адорныхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
- Судебная психопатология (Перевязь Ал. Черемшанскій). Слб., 1895 г. Ц. 5 руб.
- Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кривенко, Н.** Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
- Криста, М.** Конецъ крейперовой сонамы Льва Толстого. Слб., Ц. 30 к.
- Криницкій, Маркъ.** Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Крихлеръ, Францъ.** Породы собакъ. Описание всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебники собакъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Киевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Похъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Киевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Слб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскош. перепл.—2 р.
- Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. рассказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Добрыя дѣла и иллюстрированные рассказы въ прозѣ и стихахъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Крыловъ, И. А.** Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книги V-я, VI и VII. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Куглеръ, Францъ.** Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любе. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
- Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
- Кузьминскій, К. Н.** Устройство сценъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Кулагинъ Н.** Наѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Кулешовъ, П.** Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
- Куно - Фишеръ.** Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
- Артуръ Шопенгауеръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Курбскій, А. С.** Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Слб., 1875 г. Ц. 2 р.
- Курціусъ, Эрнстъ.** Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1888 г. Т. III, пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1880 г.
- Лабрюйеръ, Жанъ.** Характеристики или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прено-Парадоля и Сентъ-Бѣна). Слб., 1890 г. Ц. 2 р.
- Лабула, Эдуардъ.** Голубия сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Слб., 1894 г. Ц. 8 р.
- Лавелъ, Эмиль.** Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
- Лависъ, Е.** Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Ландцвертъ, В. П.** Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Леббокъ, Дж.** Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
- Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Слб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лёбе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслосѣдѣ и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Слб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лёвенфельдъ, Л.** Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Левицкій, В. Н.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Левитовъ.** Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
- Ладвезъ.** Фото-сенія и фото-сангвинія. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Лейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Леонтьевъ, Н. И.** Указатель мѣстъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Слб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Лессингъ, Г.** Мина фонъ-Баргельмъ.

- Перев. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилия Галлотти. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсидина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Дрататич. соч.: Минна фонъ Барнгеймъ, Эмилия Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
- Лесгафтъ, Ф.** Хлѣбопекварное производство (по Бирибауму) и описание производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Ливій, Титъ.** Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Исторія Рима отъ основанія города. Книжки I и II. Киевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
- Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Киевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Липпертъ, Ю.** Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ли, Ионасъ.** Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Лихіе наѣздки.** (Шутка-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.
- Лодыгинъ, П.** Дѣдушкины рассказы о лошади—кормилцѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Лотце, Германъ.** Микрокосмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А.** Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Лункевичъ, В.** Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф.** Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Киевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волосѣхъ. Ром. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Киевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Бѣшеная лошадь. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Киевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Любке, Вильгельмъ.** Исторія пластики съ древѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Часова, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
- Магаффи, Дж.** Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Влаубергъ.** Русское виноградноое вино и хересь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправленное и дополненное.
- Майеръ, Викторъ.** Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Мазуринъ, К., и Высоцкій, В.** Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по частой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С.** Отголоски старины. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Македонскій.** Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
- Маклеодъ, Д. Г.** Основанія политической экономіи. Спб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимъ Ковалевскій.** Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В.** Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Куль хлѣба и его происхожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Мальтустъ, Т. Р.** Опытъ закона о народонаселеніи. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
- Акъ-Бозатъ. Рассказъ. М., 1895 Ц. 30 к.
- Мантегасса, П.** Физиологія люб Второе исправленное изд. Спб., 1895 Ц. 1 р.
- Физиологія женщины. Спб., 1894 г. I 1 р. 50 к.
- Мартыновъ.** Anciens monuments d'environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10
- Мартъ, Констанъ.** Философіи и

- ти-моралисты во времена Римской империи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Материалы для биографіи Добролюбова**, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
- Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Массе.** Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловичъ, Н.** Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Мaudсли, Генри.** Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Мачтегъ, Григорій.** Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I.). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Международная бібліотека.** № 1. Ферх. Брюнеттеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣдніе 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнеттеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шелл. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. Й. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луио Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существованіе. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Рингъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчинъ и женщинъ и ея фзіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шоненгауэръ о возрастахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинъ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рименинъ. Что такое социальный законъ? № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность богазвеннаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Мяттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Моркаля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону.
- Мебусъ, д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллестъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ біологіи и близкіе къ ней науки. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Металлодавленное дѣло** (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Микуличъ, В.** Зарницы. М., 1995 г. Ц. 65 к.
- Миллеръ, В. П.** Аквариумъ. Краткое руководство къ уходу за аквариумомъ и его населеніемъ. Описаніе водныхъ растений и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Мильтонъ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Милуковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ-Викторовъ.** Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мольеръ,** Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Момсенъ, Э.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, II, III. М., 1887 г. Т. I, II и III, п. 7 р. М., 1887 г. Т. V к. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

- Мопассантъ, Гюи.** Монтъ - Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.
- Мортъ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Москвичъ.** Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.
- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мусселлюсъ В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мудреный кругъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по расстоянію.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Мясницкій, Ив.** Замоскворѣцкія свавѣ. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьернсона - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппе, Пьера Лоти, Жана Рашпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собранныя сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ паукъ 1 р.
- Неверъ, Эмилія.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко В. И.** Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Одька-рудоконъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетъ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Ив.** Старый домъ (Мертвая тѣнь). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство къ изученію дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстъ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздухонасыщенія комматныхъ акваріумовъ. Съ 37 политипаж. въ текстъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивелирный планъ города Москвы,** съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Нордау, Максъ.** Врожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ поискахъ за истинной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Ньюкомбъ и Энгельманъ.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894 г. Ц. 1-му выпуску 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 г. 5 р. 60 к.
- Нюренбергъ, А. М.** Городовое и земское управленіе (изд. 2-е). М., 1893 г. Ц. 8^л
- Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напѣтками (изд. 2). М., 18^л
- Ц. 1 р.
- Общедоступный лечебникъ домашнихъ вѣтскихъ при участіи Э. К. Брандта** составленъ Я. Н. Шмуденичемъ (2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

- Объ устройствѣ водныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газетъ“. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метаморфозъ“.
- Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографія автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Огородниковъ, П.** Въ странѣ свободн. Библиотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Оже, Люсьенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ольденбергъ, Германъ.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Оржешко, Элиза.** Дикярка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Орловъ, К. В., д-ръ мед.** Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болязней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Оровичъ, Я.** Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- О свободѣ воли.** Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Освальдъ, Фридрихъ.** Лагавая собака. Руководство къ уходу за лагавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской піеся А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р. въ роскош. перепл.—1 р. 60 к.
- П., Г.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Павленковъ, Ф.** „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Биографическая бібліотека). Аввакумъ, Авдерецъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккариа, Берне, Бэконъ, Бѣляевскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмельницкій, Боккаччо, Бомар-

- ше, Боткинъ, Джордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовъ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гарриксъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Грахки, Грибодовъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніапсъ, Даламбергъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовъ, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковский, Ивановъ (худож.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Караянъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсе, Контъ, Конерникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессенсъ, Лессингъ, Линингтонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляйбелль, Маколей, Мейербергъ, Микель-Анджело, Милль, Миллтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольтеръ, Монтескье, Томасъ Моръ, Моцартъ, Пингитинъ, Пиконъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Риншель, Ротшильдъ, Руссо, Сакія-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Севковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фултонъ, Струве, Стэнли, Стрѣвъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Элиотъ, Юмъ, Эдоттовъ
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
- Парксъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Паульсонъ.** Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификація и міры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Культура лѣкарствен. растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Пекаторосъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серия II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развития ученія объ электричествѣ. Киевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологій. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петуниниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Слб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- **Критонъ.** Изд. 2-е. Киевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- **Юлій Цезарь.** М., 1890 г. Ц. 25 к.
- **Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности.** Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- Покровский, К.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
- **Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій.** М., 1894 г. Ц. 20 к.
- **Русскія дѣтскія подвижныя игры.** М. 1892 г. Ц. 75 к.
- **Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей).** М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
- Покорни, д-ръ.** Общее земледѣліе. Ч. 3-я (последняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.
- Политикость.** Европейскіе монархи. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Поповъ.** Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Разсказы. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Слб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
- Починъ.** Сборникъ общества любителей російской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 60 коп.
- Прессъ.** Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- **Защита жизни и здоровья рабочихъ.** Вып. I и II. Слб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Прѣльсъ, Р.** Эстетика. Похъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовленіе протравъ для дерева и подѣлка простыхъ пороховъ дерева.** Изд. „Ремеслен. Газеты“, 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Программы домашнего чтенія на 1894—1895 г.** Комиссія по организаціи домашнего чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Слб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Древніе адвокаты и наши присяжные цидероны. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- **Адвокатъ за адвокатуру.** Слб., 1895 г. Ц. 30 коп.
- **Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ.** Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ.** Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Слб., 1893 г. 3. р. 50 к.
- Пушкинъ, А. С.** Пол. собр. сочиненій. Слб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Радда-Бай (Е. П. Блаватская).** Изъ пещеръ и дѣбрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Раевскій, М. Н.** Плодовая школа и плодовой садъ. (Изд. 4-е). Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Райтъ, Л.** Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- **Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты.** М., 1888 г. Ц. 15 к.
- Регель.** Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Слб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
- **Однодѣтныя и двухдѣтныя цвѣтущія растенія.** Изд. 3-е. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейхъ.** Оптическая гигиена глазъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Рекламъ, Карлъ.** Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Киевъ, 189 Ц. 60 к.
- Реклю, Э.** Современные политическіе дѣятели. Слб., 1876 г. Ц. 2 р.
- Рембольдтъ, д-ръ.** Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Раманнинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ренанъ, Эрнестъ.** Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
- **Историческіе и религіозные этюды.** Изд. 3. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

- Рецептура.** Составлена для студентовъ медиковъ. Киевъ. Ц. 50 к.
- Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- **Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ.** Спб., 1894 г. Ц. 80 коп.
- **Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ.** Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рикардо, Давидъ.** Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.
- Ричардсонъ, Чарльзъ.** О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- Рише, Шарль.** Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Розенбахъ.** Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Розенбергъ-Липинскій.** Практическое земледѣіе (Изд. 5). Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Романовъ, С. И.** Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ромашкевичъ, П. А.** Полный русскій ореографическій словарь. Настольная книга для всякаго, пишущаго по-русски. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., дополн. и вновь обработанное. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рони, Ж.** До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Ѳ.** Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- **Жучка.** Рассказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- **Четыре времени года.** Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- **Сельцо Лебяжье.** Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисунка. Изд. третье, исправлен. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- **Пони.** Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рожау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рудзкій, Ал.** Лѣсная таксація. Посobie для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
- **Уководство для метеорологическихъ наблюдений.** Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
- уссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Русскій сельскій календарь.** Годъ II. М. 1895 г. Ц. 20 к.
- Ручныя тѣни.** (Любимая дѣтская забава) Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.
- Рѣшетниковъ, Ѳ. М.** Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ.** Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази.** Гулистанъ, „Цвѣтныя розы“. Пер. съ персидск. подлин. И. Хомигорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье, П.** Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ (Щедринъ).** Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Спб., 1894 г.
- Саловъ, И.** Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- **Суета мірская.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- **Съ натурн.** Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстій Криспъ.** Посobie къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Состав. Логвиновъ. Киевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.
- Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій.** М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій.** М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г.** М., 1891 г. Ц. 4 руб.
- Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествіа Лемъюла Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Святловскій, В. В.** Фабричная гігіена (153 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
- Севедъ, Риббингъ.** Половая гігіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
- **Бракъ.** Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Селли, Джемсъ.** Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, С. Т.** Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серао, Матильда.** Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ.** Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лманчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сигеле.** Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.
- Сикорскій.** Занканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Ѳ.** О невѣдѣчъ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Д.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Скабичевскій, А. М.** Исторія новѣй-

- шей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки истории русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочинения: критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Издание 2-ое.
- Скворцовъ, Гигіена.** Спб., 1881 г.
- Сковронская, Марія.** Изъ жизни и фантазій. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А.** Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 руб.
- Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Скоровъ.** Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Скоровъ, А., и Богдановъ.** Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.
- Скоровъ и Полянский.** Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.
- Сказки русскихъ писателей для дѣтей.** Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Сказки русского народа.** 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
- Сказка про лису да про волка.** М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и самихъ произведеній:** 1) „Цыгане“ Пушкина; 2) „Мамай и зайцы“ Некрасова; 3) „Дѣдушка“ Никитина. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ изящную коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Слезкинский, А.** Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права.** Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Смайльсъ, Самуэль.** Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
- Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственные обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Смирновъ, А.** Живыя картинки сборныхъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
- Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Соболевскій, А. И.** Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекція по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Соважко, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Совѣтовъ.** Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Сонинъ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Софокль.** Эдипъ въ Коловѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филоклетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сперанскій, Сергій.** Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ставровскій, Л.** Жизнь и созиданіе. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (современныхъ правовъ). Разсказы. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 75 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Исторія географическое и этнографическое и арміи левантскаго міра. Спб., 1890

- Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
- Станли, Г.** Какъ я отыскалъ Инвингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернь, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
- Стокэмъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токология или наука о дѣторожденіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Столповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Стороженко, Н. И., проф.** Познѣ мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Θ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Судебныя драмы.** Жанъ Деладолажъ. Ц. 30 к.
- Грекъ Кетоло. Поэтическое сумасшествіе. Ц. 30 к.
- Убіиство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
- Убіиство Бефани. Ц. 40 к.
- Шайка Лембра. Ц. 30 к.
- Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
- Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 8 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, цинкованіе и оцинкованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайный порокъ.** Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М.** Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарьныхъ работъ, составленному примитивно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г.** Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Терешкевичъ, Дядя Чернышъ.** М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Тикноръ.** Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 8 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К.** Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Земледѣіе и физиологія растений. Ч. I. Борьба растений съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растений. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплота, рассматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И.** Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
- Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаменъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и изреченій, одержавшихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народнои школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для го-

- родскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенбушъ, И.** Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е.** Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Тодгентеръ, И.** Алгебра (съ обширными собраніемъ примѣровъ). Сиб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Токвилъ, Алексисъ.** Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
- Толстой, Л. Н.** Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
- „Ходите въ свѣтъ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
- Торминъ.** Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различные способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Траутшольдъ, Г.** Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1876 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.
- Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Трачевскій.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Новая исторія. Сиб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 руб. М., 1868 г.
- Трефолевъ, Л. Н.** Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Трояновскій.** Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Трубецкой, Евгеній.** Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-хъ вѣкѣхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тумскій, К. И.** Аллюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Противузаразные средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тургеневъ.** Стихотворенія. Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Турскій, М., и Яшновъ, П.** Одрѣдленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тягловые портреты русскихъ писателей. (Для впрѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Гоголь.—Грибоевъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.
- Тѣнь, Г.** Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Тѣнь, И.** Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Сиб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Тѣнь.** Критическіе опыты. Сиб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Уерингъ, Рудольфъ.** Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Уильямсъ, Ж.** Этика пиши или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійска. Со статей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.
- Урусовъ.** Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Успѣнскій, П. П.** содержаніе растений въ комнатахъ. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 8-е).
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Файнштейнъ, С.** Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 2 р.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матѣе. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Федоровъ, П. А.,** техн. иллюстр.

- ровапный, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Корвинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Шеточныхъ. Гипсовыхъ и пальеаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунокъ въ текстъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ, Зубы и ихъ сохраненіе.** Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельско-хозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосеевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фельдбергъ, Матильда.** Химическая чистка платя и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2 е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Филипповъ, Сергѣй.** Подъ глѣнымъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскими владѣтельствомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филипповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Съ 44 рисунокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
- Рассказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
- Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Грамматика древняго церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Флейшнеръ, Л.** Исторія народнаго образованія въ Англіи. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Фойтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадына. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ дневника. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортуновъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Француз и русскіе въ Крыму.** Письмо франа. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикентъ.** Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикентъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Луцискаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
- Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фуллеръ, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ.** Декартъ. Пер. подъ редакціи профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Фурнье, Альфредъ.** Леченіе сифилиса. Переводъ Говсѣва. (изд. 2-е). Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Фэйе.** Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 85 к.
- Хвольсонъ, О.** Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хиггинсонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Христіановичъ, П.** Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Художественная Россія.** Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.
- Цвѣтковъ, А. А.** Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

- Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Цвѣтковъ, Н.** Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Цицеронъ.** Рѣчь за царя Деiotара. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поета 1891 г. Ц. 80 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 80 к.
- Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчь противъ Калпурнія. Ц. 50 к.
- Рѣчь за Луція Муруна. Ц. 40 к.
- Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 80 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Киевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
- Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ант. П.** Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
- Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Кастанья. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Чешихинъ, Евграфъ Вас.** Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
- Чиколевъ, Д.** Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чичеринъ, В. Н.** Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 8 р.
- Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чмыревъ, Н.** Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

- Чудиновъ, А. Н.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чукмасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шамуринъ-Макаръевскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
- Шелли.** Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
- Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П.** „Звѣздочка“. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шенланкъ, Бруно.** Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И.** Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
- Шербюлье, Викторъ.** Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Іоганнъ.** Шиллеръ и его время. М., 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.
- Шервинскій, М.** Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль.** Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіеко въ Генуѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевск. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Коварство и любовь. Пер. Гомбергъ. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Разбойники. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Пиеминикъ-ляда. Пер. Гомберга. Киевъ, 1898 г. Ц. 15 к.

- Шилтовъ, А.** проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильбахъ, Д.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шимко.** Патриаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шишкинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ.** Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Свенсевича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, Р. И.** Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграничій (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Штаркенбургъ.** Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ.** Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштеттомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Э.** Система Спинозы. Спб., 1893 г.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огорождъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
- Штоллъ, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Мнемъ классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.
- Шутце, Фр.** Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ш., Л.** Незабѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.

- Эдвинсонъ, Г.** Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Эдвинсонъ, Ц.** Какъ дѣлается маленький электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
- Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
- Эйдамъ,** Сохраненіе здоровья. (Общая гігіена въ примѣненіи къ обшденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
- Экштейнъ, І., проф.** № 1. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Элерсъ, Отто.** Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидералія. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
- Энцилеръ, К.** Ухождъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Эртель, А. И.** Дѣѣ парм. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
- Эсмархъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Южаковъ, С. Н.** Афганстанъ и сопредѣльные страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юровъ, А.** Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Юрьевъ, Мих.** Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юлій Цезарь.** Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Якимовъ, Н. М.** Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
- Яковлевъ, Е.** Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Янжулъ, И. И., проф.** Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
- Янъ.** Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Федоровъ.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Bow, R. H.** Графическія данныя рациональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Corneli Nepotis.** Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
- C. Julii.** Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

- Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я
Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство трав-
ленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ
и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Häusser. Исторія реформации. М.,
1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая
Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Heitzmann, C., D-r. Анатомическій
атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ ри-
сунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго
изданія. Вып. I. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
Jordan, Dr. W. Руководство высшей
геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры
для очищенія воды, ихъ приготовленіе
и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними.
Популярная гігіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г.
Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue
française. Parties I, II. М., 1890 г. Ц.
1 р. 25 к. Шя IV parties. М. 1892 г.
Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г.
Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz, H., проф. Микроскопиче-
скія и химическія изслѣдованія у по-
стели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
25 к.
Marissiaux, L., et. Nomdrah, C.

- R.** Простое устройство электрическихъ
часовъ и будильниковъ. Руководство
для электротехниковъ любителей. Съ 15
рисунками на отдѣльной таблицѣ. М.,
1895 г. Ц. 35 к.
**Moscou et ses environs, rues et monu-
ments.** Nouveau guide du voyageur. М.,
1891 г. Ц. 40 к.
Mörus, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ
людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Moscius. Общая діа-
гностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ
нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г.
Ц. 2 р. 50 к.
Roux, D-r и его сотрудниковъ. Мате-
ріалы для изученія дифтеріи. Бактеріо-
логическія и клиническія изслѣдованія.
М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
Sell, d-ръ. Спиртъ и его добываніе,
свойства и примѣны. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Schamaus, Hans. Основы патологиче-
ской анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р.
(199 рис. въ текстѣ).
Tedeschl, V. Пыша маленькихъ дѣтей.
Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
Unwin. Основы построенія частей ма-
шинъ или изложене законовъ и усло-
вій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и
форма частей машинъ. Руководство для
инженеровъ, механиковъ, строителей,
фабрикантовъ для техническихъ и реаль-
ныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
Weil-Mantou, d-r. Руководство для
врачей по страхованію жизни. М.,
1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

- L'Abedes tout petits.** Couverture en cou-
leurs. Av. 6 grav. col. Цѣна 8 коп.
L'Abc du premier âge. Couvert. en
coul. Av. 24 grav. col. Цѣна 30 коп.
L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Ad-
rien-Marie. Цѣна 65 коп.
L'Album Alphabet. Av. 27 illust. eu
coul. et de nombreuses grav. en noir.
Цѣна 1 р. 25 к.

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серія.

Цѣна по 5-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de tex-
te. Couverture en couleurs.
La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.

- Le Bain de Minet,** ill. par Godefray.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère ill. par Bouisset.

Вторая серія.

Цѣна по 8-ми коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de tex-
te. Couverture en couleurs.
Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill.
par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Mal'raugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
Abe des tous petits, ill. par Bouisse.
Le Renard et le Corbeau, ill. p
Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouis

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Cendrillon, ill. par Grivaz.
 Tome Pouce, ill. par Vogel.
 Folle journée, ill. par Steinlen.
 Barbe bleue, ill. par Vogel.
 Pierrot, ill. par Jozet.
 L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
 Le Chat botté, ill. par Myrbach.
 Le prince Saphir, ill. par Gumery.
 Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Jean le Chanteux, ill. par Chovin.
 La Semaine de Julie, ill. par Martin.
 Guignol, ill. par Job.
 Jean L'ours, ill. par Massé.
 Paul dans la lune, ill. par Job.
 L'oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy, L'ill. par Clérico.
 Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poisson.
 Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Frère et sœur, ill. par Vogel.
 Gargantua, ill. par Myrbach.
 Petite Poucette, ill. par Job.
 Don Quichotte, ill. par Myrbach.
 Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
 Les animaux domestiques, ill. par Gambard.
 Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
 Au Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

- Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.
 Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
 Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

- Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.

- La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
 Album des enfants sages. Illust. par Harding.
 Heureux âge, ill. par Harding.

Книжки для чтения для детей от 5—8 лет. Напечатанным крупным шрифтом с многочисленными иллюстрациями в текст. Цена каждого тома без перепл. 40 коп. с перепл. 65 коп.

- Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
 Mémoires de Cigarette, par Théo-Srutt.
 Contes aux tout petits, par. P. Andrievau.
 Bébés en vacances, par M-me Gameau.
 La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
 Petits amis, par M-me de Bosguérard.
 Les Bons points de Bébé, par M-me de de Sobol.
 Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyguier.
 Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
 Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
 Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
 L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
 Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
 Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
 Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

Книжки для детей от 9—12 лет.

Библиотека белая иллюстрированная.

Каждый том с перепл. 1 руб.

- Bertin, M. Les deux côtés du mur.
 Bignon. Un singulier petit homme.
 Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
 Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
 Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
 Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
 Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
 Lackroy, S. Les Fées de la famille.
 Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
 Muller, Eugène. Récits enfantins.
 Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
 Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
 Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
 Sand, George. Gribouille.
 Stahl, P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
 Contes de la tante Judith.
 Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

Книжки для детей от 10—13 лет.

Библиотека для образования материальной иллюстрированной.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ

перепл. 1 р. 75 к.

Anfostl. Le secret de sir William.

Jacques l'abandonné.

Balleygrier. Aux garennes.

Les Rogimbot.

M-lle Trimbalmouche.

Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.

Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.

Boret. Histoire d'un gargon.

Carnoy. La nuit de Noël.

Hans Mertens.

Dumont. Fables pour les petits.

Le Conte. Ce bon Loff.

Jane. Le 28 jours de Suzanne.

Le Roy. Le fils de l'amiral.

Mesureur. Voyage à la mer.

Histoire d'un enfant de Paris.

Mirzel. Notre ami Polly.

Monceau. Mon petit frère.

L'enfant des Vosges.

Paloff. Echos des vacances.

Quantin. Histoire de Germaine.

Sobol. Bouton d'or.

Verne. Aventures d'enfants.

Witt. L'hiver à la campagne.

Les héros modestes.

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.

Каждый томъ съ переплетомъ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.

Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.

Rochemont. Au pays des fées, ill. par. Mès Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу.

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck — Mein Miezi. — Nach Helgoland. — Mutter Glaus und ihre Lieb-linge — Frau Mieze — Eichhörnchen. — Müller Klaus — Fürs Herzblättchen — Das Haus das Haus, baute — Der Kinderomni-bus — Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperlthea-ter. — Kätzchen zu Hause — Die En ten fa-milie. — Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande — Noahs Arche — Durch Flur und Hain — Ringel, Ringel, Rosenkranz — Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde — Allerlei Ge-sellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte — Laterna Magica — Lustiger Reigen — Lieblings Kurzweil — Comitätshe clowns — Unsere Liebblingthiere.

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer car-tonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern ge-zeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusam-men statt 8 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.

Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt, Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Biller, Im Reich der Heineleinmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswal, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 8 R. 50 K., nur 2 R.

Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfnl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Vol-bidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegan-tem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 8 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hän-schens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Klein-michel. 4 kurze Geschichten in einem Ban-de gebunden, statt 2 R., nur 85 K.

Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzchnit-ten nach Original-zeichnungen deutscher Künstler, cartonirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.

Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.

Krüger, Märchen aus Heimat und Frem-de. Mit 50 Original-Illustrationen, 4 Buntdruckbilder, 246 Sei-ten in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K. nur 85 K.

Bern, M., Anthologie für die Kinderstul. Eine Auswahl der besten Ammenscherz Spielverse, Puppengedichte, Räthse Fabeln, Neckmärchen Kindergebete a' berkömmlichen Reime, sowie fier neu sten Kinderlieder. Mit zahlreichen Il-lustrationen von Flinzer. Platsch, Rl

ter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.
Strässle, Franz, Kleine Illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen bunten Bildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartoniert. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartoniert. 30 K.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 85 K.

Gurcke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartoniert. 45 K.

Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungsunterricht verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartoniert. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ достав. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическій съ карикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынъ. Газета; 8 разъ въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обозрѣніе. Интернационально-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники“ Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Всемирная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. 1.—н. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исто-

ріи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 р.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣс. лнтер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., 1/2 года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.

Зодчій. Художественно-техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣс. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Кавказъ. Газета политич. и лнтерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.

- Книговѣдѣніе.** Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
- Край („Крај“).** Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Кронштадтскій Вѣстникъ.** Морская газета. Ц. съ доставки. и перес. 8 руб.
- Лучъ.** Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.
- Московскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
- Moscauer deutsche Zeitung.** 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
- Московский Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Наблюдатель.** Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
- Недѣля.** Ежедневная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.
- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 № въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- Новое Время.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и эконо. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.—II-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
- НОВЪ.** Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
- Нувеллистъ.** Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
- Осколки.** Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Природа и люди.** Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.
- Правительственн. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 № въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
- Развлечение.** Журналъ литературы и юмористич., съ политическими. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Родина.** Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
- Русское Богатство.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ“ 13 р.
- Русское Обозрѣніе.** Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
- Русскія Вѣдомости.** Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Русь.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; л. 8 р.
- С.-Петербургскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
- St.-Petersb. Herald.** Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
- St.-Petersburg-Zeitung.** Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
- СВѢТЪ.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
- Сельскій Вѣстникъ.** Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
- Сенатскія Вѣдомости** съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 55 к.
- Стрекоза.** Художественно-юморист. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Судебная Газета.** Еженедѣльная г. та. Ц. въ годъ 7 р.
- Сѣверный Вѣстникъ.** Литературно-научный и политическій журналъ. № въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к. съ пер. 13 р. 50 к.

Съверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе издание безъ приложен. 4 р.

Тифлискій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.

Школьное Образование съ приложениемъ „Сборника“. Ежедневная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.

Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ карикатуръ. Ежедневно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р. 65 к.

П о л ь с к і я .

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.

Biblioteka najcenniejszych utworów literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6. — romansów i powieści. 52 numera, rs. 6 kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.

Biesiada literaska. Pismo literackie ilustrowane. 52 num., rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.

Bluszez. Pismo tygodniowe ilustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.

Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.

Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literacko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.

Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.

Gazeta Lekarska. 52 numera, rs. 6.

Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.

Gazeta przemysłowo - rzemieślnicza, pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.

Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.

Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Świąteczna. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.

Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.

Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.

Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika“. Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.

Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.

Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.

Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.

Kurjer Poranny. Wychodzi codziennie, rs. 8.

Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Świąteczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.

Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.

Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.

Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcją d-ra Benni, rs. 6.

Mucha. Tygodnik humorystyczny ilustrowany, rs. 5.

Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.

Ogrodnik Polski. Dwutygodnik ilustrowany, rs. 8.

Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcją Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.

Przegląd tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.

Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.

Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.

Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.

Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs. 6.

Romans i Powieść. 52 numera, rs. 4.

Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.

Sylvan pismo poświęcone leśnictwu, rs. 5.

Tygodnik ilustrowany, poświęcony literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.

Tygodnik mód i powieści. Z dodatkiem ilustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.

Tygodnik powieści. Poznań, rs. 4.

Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.

Wędrowiec. Pismo ilustr., obejmujące podróże, rs. 8.

Wiadomości farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.

Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe ilustrowane dla dzieci, rs. 5.

Wiek, dziennik polityczny i społeczny, rs. 12.

Wszechświat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcją B. Znatowicza, rs. 10.

Zdrowie, miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.

Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

Открыта подписка на второе полугодіе 1895 г.
НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЛИТЕРАТУРНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВРЕМЕННОЕ
ИЗДАНИЕ:

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

(на годъ 6 руб., на полгода 3 руб.).

Въ вышедшихъ въ первомъ полугодіи шести книгахъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. К. Одарченка.— Свобода, любовь и вѣра. Н. Аксагова.— О значеніи характера въ жизни народовъ. К. Толстого.— Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Проф. Г. Дрюмонда.— Евгений Овѣгинъ въ историческ. значеніи типа. Арс. Веденскаго.— Замѣтки изъ тюремнаго быта. И. Плетенева.— Памяти П. І. Шафарика. Проф. П. Кулаковскаго.— Къ столѣтію рожденія Грибоѣдова. А. Веденскаго.— Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи. Рцы.— По садамъ и огородамъ. С. Ѳ. Шаранова.— Топелиусъ, какъ поэтъ и публицистъ. Г. Абова.— Зачатки расколотиченія западнаго славянства. А. Волинца.— Панфа. Разсказъ К. Баранцевича.— Милордъ. Повѣсть Элизы Ожешковой (перев. съ польскаго В. Лаврова).— Золотая нитка. Э. Ожешковой.— Черные дни. Разсказъ фельдшеримъ.— Страшная казнь. Герцеговинская быль.— Забайкальскіе волки. В. Вельскаго.— Сельные женихи монаховъ. Разсказъ В. Врчевича.— Личное счастье. Разсказъ Н. Панова.— Невольница Злата. Повѣсть изъ сербской народной жизни.— Георгій Конисскій, архіеп. бѣлорусскій. Ѳ. Четыркіна.— И. Д. Вѣдмевъ. С. Гадзизаго.— Объ измѣненіи дух.-академич. устава. Проф. А. Гусева.— Объ отношеніяхъ политики къ стратегіи. П. А. Гейсмана.— Московское городское кредитное общество въ настоящемъ, будущемъ и прошломъ. Б. И. Семеновича.— Культъ великаго въ исторіи. Рцы.— Вселенскій патріархъ Ананій VII.— Абхазія.— Воцленица Ирина Ѳедосова (съ портретомъ и нотами).— Зарубежное славянство: Прикарпатская Русь въ политико-національномъ и культурномъ отношеніяхъ. *.— Праздникъ „славъ“ у черногорцевъ. П. Ровинскаго.— Боснія и Герцеговина. А. П. Липранди.— Положеніе дѣлъ въ Болгаріи. Герце-ова.— Сербія. *.— Борьба съ мадьярами угнетенныхъ народностей Венгріи. Давидовича.— Русско-буковинскія дѣла. *.— Политическое обозрѣніе: Объ армянскомъ вопросѣ. Лео.— Къ вопросу о китайско-японскомъ столкновеніи. Д. Иловайскаго.— Россія, Китай и Японія. Черноморца.— Читраъ и первые плоды англо-русской дружбы. Лео.— Вопросы внутренней жизни: Ближайшія задачи нашего покровительства. Д. Иловайскаго.— Орошеніе полей. Г. И. Аристова.— О нѣмецкомъ земледѣльчѣ въ Россіи.— Наша учащаяся молодежь. М. Т.— О рабочемъ дѣлѣ. Гофштетера.— О желѣзно-дорожныхъ тарифахъ.— Стихотворенія.— Библиографія и критика и т. д., и т. д.

Въ бесплатномъ приложеніи къ „Русской Бесѣдѣ“

„БЛАГОВѢСТЬ“

напечатаны статьи: 1) Взглядъ отцовъ Церкви на изученіе греческихъ классиковъ, Е. Апостолиди, и 2) Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Д. Тихомірова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб.

Цѣна одной книги 1 руб. Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежомъ. Новымъ годовымъ подписчикамъ высылается журналъ съ первой (январской) книги.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Русской Бесѣды“, С.-Петербургъ, Троицкая ул. д. 18,—въ Спб. Славянскомъ Обществѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, Карбасникова, Попова и другихъ.

Адресъ редакціи „Русской Бесѣды“: С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 15.

Издателя: А. В. Васильевъ, Е. А. Евдокимовъ и В. С. Драгомѣрскій.
Редакторъ В. Драгомѣрскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ“

Йоганна Шерра

въ двухъ объемистыхъ томахъ, со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложений. Всѣ клише для этого прекраснаго изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Вейнберга.

Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе будетъ выходить выпусками съ 15 іюля 1895 г. и закончится весною 1896 г. Всѣхъ выпусковъ будетъ 20, что составитъ два большихъ тома, около 1,000 страницъ.

Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ:

Съ доставкою и пересылкою . . . . . 8 руб.
Безъ доставки . . . . . 6 »

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается расрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ до 1 августа два рубля, а затѣмъ ежемѣсячно по **ОДНОМУ** рублю до уплаты полной стоимости.

Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ конторахъ объявленій Н. М. Печковской.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно къ издателью, книгопродавцу Д. В. Байкову, Москва, Никольская.

Издатели Д. В. Байковъ и К^о.

Въ книжномъ магазинѣ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Тригорій Москвитъ.

„ПРАКТИЧЕСКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ“.

4-е изданіе.

1895 годъ.

Цѣна въ коленчоровомъ переплетѣ 1 руб.

МОСКОВСКІЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Съ января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныхъ распоряженій по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотечовѣдніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26°), для членовъ кружка, уплатившихъ сполна годовую взносъ, бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на вѣленовой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ кружка.	4 р.
„ „ „ „ подписчиковъ на журналъ.	6 „
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ.	10 „
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ.	35 „
„ „ „ всѣхъ остальныхъ.	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго кружка (Тверская, уголъ Козницкаго пер., д. Ланиной), въ магазинѣхъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный редакторъ **А. Д. Горюновъ.**

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ О. Н. ПОПОВОЙ:

Станюковичъ, К. М. «Откровенные». Романъ въ 2 ч. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. (Читатель изъ «командующихъ классовъ». Читатель и писатель изъ народа. Книжное оскудѣніе). Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Леббокъ, Д. «Какъ надо жить» («The use of life»). Перев. съ англійск. Д. Коробчевскаго. Спб., 1895 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Спб., 1895 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 70 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Перев. съ англійскаго А. В. Баменскаго. Спб., 1895 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

ЖЕЛАЮЩЕ ПОДПИСАТЬСЯ ВЪ РАЗСРОЧКУ

(отъ 3-хъ руб. въ мѣсяцъ)

НА

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“

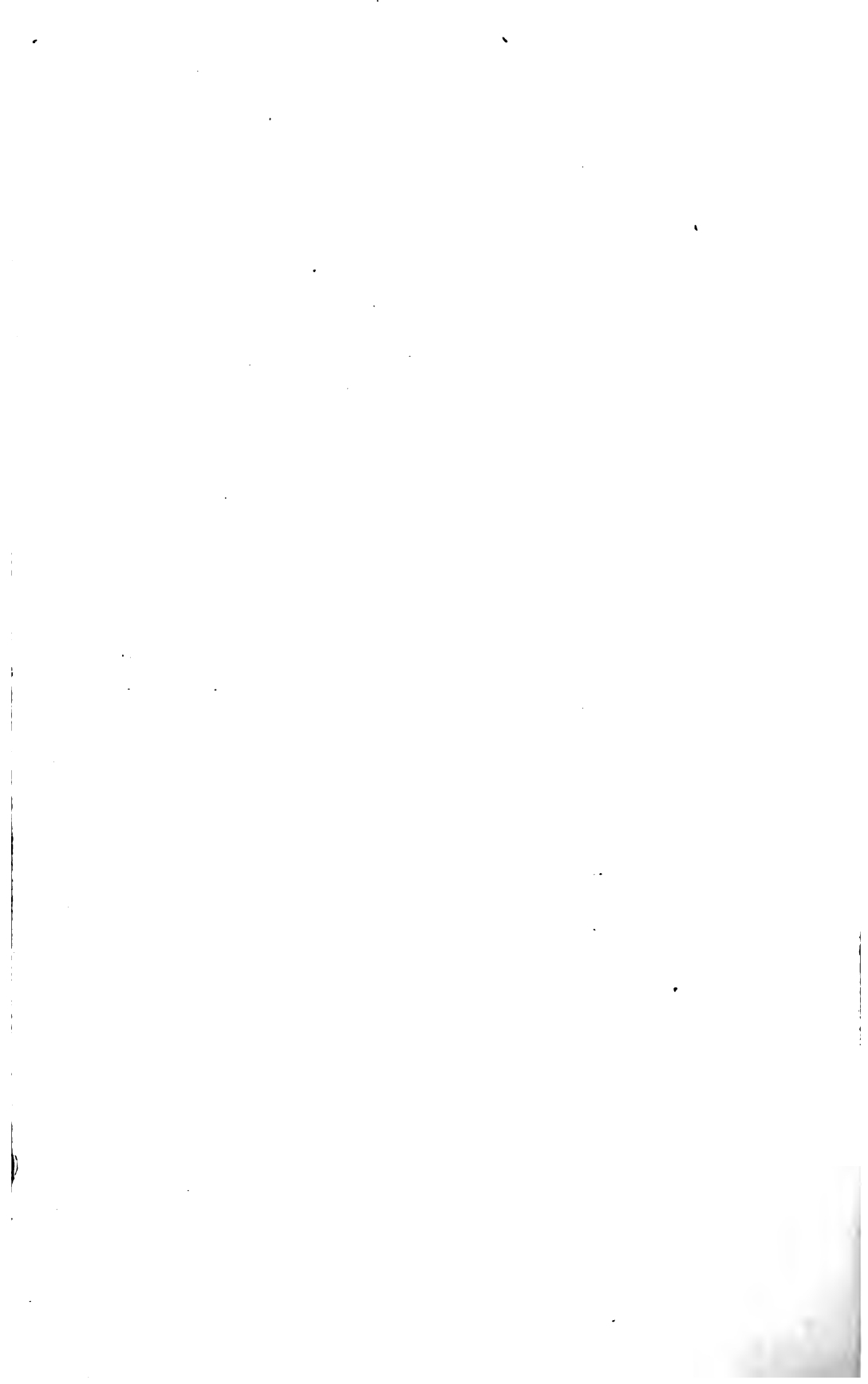
БРОКГАУЗА и ЕФРОНА,

подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Э. О. Петрушевскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, пр. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Э. Соловьева, благоволять сдѣлать заявленіе съ указаніемъ подробнаго адреса въ редакцію или въ книжный магазинъ „РУССКОЙ МЫСЛИ“, Москва, уголъ Леонтьевскаго и Б. Никитской, № 2—24.

Одновременно выдаются всѣ вышедшіе полутомы.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 30 62H